

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

FRANCISCI
PETRARCHAE

ΦΡΑΝΤΕΣΚΟ
ΠΕΤΡΑΡΚΑ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ «ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»

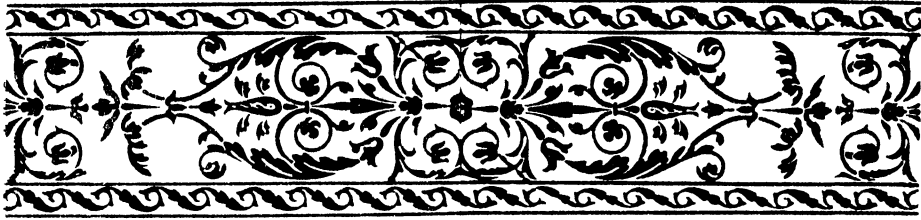
Д. С. Лизачев (почетный председатель),
В. Е. Багно, Н. И. Балашов (заместитель председателя),
В. Э. Вацуро, М. Л. Гаспаров,
А. Л. Гришунин, Л. А. Дмитриев, Н. Я. Дьяконова,
Б. Ф. Егоров (председатель), *Н. А. Жирмунская,*
А. В. Лавров, А. Д. Михайлов,
И. Г. Птушкина (ученый секретарь),
А. М. Самсонов (заместитель председателя),
И. М. Стеблин-Каменский, С. О. Шмидт

Ответственный редактор
М. Л. ГАСПАРОВ

Ц $\frac{4700000000-078}{042(02)-91}$ 734-91, I полугодие

ISBN 5-02-012766-3

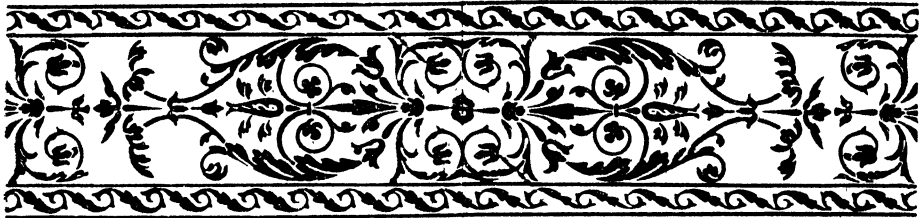
© Издательство «Наука», 1992
Перевод, составление, статья, примечания

Предуведомление к поэме «Африка»,
Петром Павлом Вергерием изложенное

*Первая песнь введет в небеса, в приюты блаженных;
песнь вторая гласит о судьбе и Рима и римлян;
третья глаголет, отколе пошло Ромулидово племя,
Лелий в четвертой гласит о вождя молодого геройствах;
в пятой — плачевный рассказ о браке царицы нумидян;
в песни шестой Ганнибал отплывает из Лация в море;
далее — бой: Сципион победил, финикиец повержен;
песнь восьмая дарит побежденным условия мира;
в песни девятой грядет Сципион в небывалом триумфе.*

Предуведомление к песни первой

*В чем причина бед, какой роковою ошибкой
римский меч филикийским мечам подъялся навстречу,
чтобы решить борьбу по воле неверного Марса,—
это — первой песни предмет. Объятый глубоким
сном Сципион, увидя себя на своде небесном,
здесь узнает про жестокую смерть отца и отцова
брата, здесь узнает, какая посмертная участь
лучшим дана из мужей, и видит души блаженных,
коим не скоро еще суждено сойти к человекам.*

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Тоже и мне честного в трудах и грозного в бранях,
муза! мужа воспой, которому Африка званье
в вечную славу дала, сокрушась клинком Италийским!
Власть уста утолить Геликонской влагой святою,
⁵ милые девять сестер! дозвольте, если забавны
вам стихотворства мои: я вновь в пристанище сельском,
луг со мной и ручей и полей безмолвие праздных,
реки со мной и холмы, со мною сени лесные —
все воротила мне Фортуна, а вы воротите
¹⁰ песни певцу, вы пыл воротите!

Ты же, надежды
горний Оплот, Упованье людей, присночтимый Попратель
прежних богов и Эреба цепей, Ты, Коего тело
беспорочное зрим в нагоде и в стигматных ранах,—
иже если в небесах, помоги! С Парнасских отрогов
¹⁵ благочестивую песнь принесу к Тебе, ежели будут
любвы песни Тебе, а если придутся нелюбы,
слезы примешь мои. Безумный, капля по капле
долгий коплю я плач, пока изольюсь пред Тобою!

Ты, из героев герой, властитель земли Тринакрийской,
20 стран закатных краса, поколенья нашего слава,
ты, чьим судом на престоле певцов воссесть я достигнул,
лаур долгожданный стяжал и Поэта знатное званье,
ныне тебя молю! Прими приветно и кротко
сей подносимый дар: пусть в скуке виршей неспешных
25 мнится, будто бы слух я тешу порожним брицаньем,
так уж зато я в конце читателю меньше досады.
Ты сквозь годов череду навек и паверно к потомкам
дальний мостишь себе путь -- кому же дерзости станет
хвать то, что по праву тебе? Такого оспорит
30 всякий сведущий муж, которого сведущим мужем
сам ты -- лишь мигни! -- назначишь. Гляди, как во храмах
робкой толпе на позор висят трофеи, а выкинь
вон их -- им зрителей нет. Толико с честью твоею
соприжена удача моя: в сети милосердной
35 славного имени я не страшусь извисящей отравы
зависти -- так захоти сокрыть и от злого забвенья,
дабы в снедь червям обо мне не сгнула память.
Лучшим из королей, молю, приди мне на помощь,
ласковым взором приветь, защити благочестною дланью,
40 я же до звезд досягну твоих деяний хвалою
достоюлжной и песнь сложу, коль случай дозволит --
скоро сложу, ибо близкая смерть не терпит отсрочек! --
песнь о честном короле и дивных твоих королевских
подвигах, коим мы все самовидцы, хоть раньше о равном
45 слуху никто не слышал! В заботах сходных нередко
вспять обращались певцы: иные стремились не ближе
тысячелетней меты, а иным и такая зорна.
Собственный век не уважил никто, дозволяя привольно
музе лукавой бродить по торным трошам ничейных
50 дел и времен: один вспоминал троянцев погибель,
Фивы пел другой и Ахилла юного прятки,
третий гласил о римских костях в Эмафийских долинах --
так не пристало и мне деянья недавние славить,
но преисполню дух Авсонийским Марсом, исторгшим
55 Афрскую печаль с земли вперскор всеильной гордыне!
Сердцем влекомый всегда к тебе, король, воротиться,
ныне тропу проложу в обход твоих подвигов громких,
робость смутивших мою: величию подстать величавость,
я же помыслить страшусь соседствовать в чести с тобою.
60 Лучше дар испытать, где проще, и ежели в деле
не подведет простом, тогда с окрепшею силой
к высям твоим воспарю! Преславная Парфеноя
снова откроет мне широкие стогны и снова
в римском меня венке узрит и в званье Поэта.
65 Ныне я первый росток щиплю с нерасцветшего древа,

ради почина в предмет молодца избрав Сципиона,
 после придет черед плодоносным ветвям — героем
 станешь сказанию ты, сиятельный! мой укрепляя
 шаткий калам, певцу твоему твоею же славой
 70 лучший прежнего лавр добудешь от нашего века.

Где причина зол? Откуда бедствий начало
 произошло? И кто виноват, что лютой враждою
 влажной меже вопреки взъярилось племя на племя?
 Ливию кто воздвиг на Европу? Кто двинул Европу
 75 в Ливию, обе страны очередным губя истребленьем?
 Что до меня, то без долгих трудов таковую причину
 уразуметь могу: всех зол отравленный корень —
 зависть, коей побег при самом восходе смертелен.
 Грустно в слезах лицезреть любую чужую удачу,
 80 а на процветший Рим глядеть наипаче несносно.
 Так ревновал Карфаген от начала, а после со злобой
 равным совместника зрит, а вскорости силой возросший
 видит град — и пора учиться покорству пред новым
 мощным владыкой и даки нести, и чуждых законов
 85 слушаться, и глотать обиды, пенями полнясь,
 полнясь угрозами, ибо левмочь злосчастной гордыне,
 не закусить удила, свои же беды удвоив.
 Сушат тоска и стыд мужей, надолго познавших
 рабского бремени груз, да притом в жестокие души
 90 подлая вкралась корысть, ненасытная в алчных желаньях
 Оба города ждут одного: надеются оба
 править своим и чужим, и оба мнят, что достойны
 оба народа держать, над целым начальствуя светом.

Да и урон велик: уже насильем неправым
 95 остров Сардинский отъят, взята в полон Трипакрия,
 тоже Испания, общий сосед враждебных народов.
 Эта страна, желанная всем, завидной добычей
 всем на терзанье дана и в долгие ввергнута муки —
 точно как стаей волков настигнута, мечется в страхе
 100 тучная жиром овца: сюда ли от пасти зубастой
 или туда? — но нет! мокра от собственной крови
 падает, чтобы ее размыкали хищники тело.
 Самая местность стране во вред: положила Природа
 быть ей меж двух племен, у коих враждою воздвиглись
 105 брег на брег, на душу душа, на державу держава,
 бог на бога, закон на закон и злоба на злобу;
 даже стихии — в войне: друг другу ветры навстречу
 рвутся, и в пепном бою морские дыбятся волны.
 Трижды в схватках лихих изливалась ненависть кровью:
 110 первая — битвам почин, во второй почти до победы

Ab ardore ga. Te claudu q'isti orum uimoribus omnia m'fere
fama procul nostro ueniens exspectat ab orbe
Debitis instantem ausonijz aeternae sub aruis
Hannibalemq; patrisq; sicco sub menia filii

дело дошло, как ведаешь сам, а в третьей навек
 бранный решился спор, непомерных трудов не доставив.
 Повести нашей предмет — великой распри средина,
 подвиги славных вождей и второй войны завершенье.

¹¹⁵ Звездного юношу зрит, изнурясь мятежною смутой,
 жестоковыйный край Гесперийский -- время изведать
 Римского бремя ярма и ратей мощь Авсонийских:
 время пришло стремглав бежать морскою дорогой
 фиикиянам — все для них в страх: полководца младого
¹²⁰ громоразящая длань и нрав, и самое имя,
 и новизна страстей боевых, и бедствий военных
 знатный кровью почин — итак, Гасдрубал вероломный
 еле до маврских берегов достигнул, от скорого прячась
 натиска, --

так олень затравленный мчится в испуге,
¹²⁵ чуя псов за спиной, по крутым отрогам: смиренный
 перевести бы дух в укрытье дальних утесов.

Вот до края земли шагнул укротитель иберов,
 до рубежа, где челны и волны трудом переменным
 камень крушат Столпов -- сюда колесницу с зенита
¹³⁰ гонит вечерний Фсб омыться от пота и праха.
 Сей рубеж для силы людской заповедан Природой
 властной: никто преступить да не смеет! -- и тут полководец
 стал, не насытив пыл воинственный и сокрушаясь
 о недобитых врагов спасенье. Нежнее Фортуна
¹³⁵ не приласкала дух любочестный, ибо пятнала
 подвигов славных блеск Карфагена прежняя целость.
 Въяве отселе видать, как упрямец издали метит
 дротом дрожащим, вцепясь в древко полумертвую длань.
 да и худая молва, докатившись от дальней отчизны,
¹⁴⁰ войску гласит и вождю о новом великом позоре:
 как одну за другой Авсонийские крепости боем
 взял Ганнибал и до Римских врат достигнул пожаром,
 как изничтожил вельмож, дотла закатные земли
 выжег и пашни всхолмил телами мертвыми павших.
¹⁴⁵ Мести сыновий долг велиг благочестью немедля
 начатый труд завершить: да уныются мучителей кровью
 лютой родимых святынь пепелица и отчие маны,
 да истребится стыд с чела страны Италийской!
 Страсть сия трепещет в груди пресветлого сына
¹⁵⁶ Сципионова — лик озаряет, огнем полыхает
 в юных очах, пожар распалает в пламениом сердце:
 ночь в тревогах, в заботах день, полководцу покоя
 нет ни на час, ибо нет узды ретивому духу.

Средь таковых трудов, когда, укутаны мраком
ласковой ночи, луга росистые дремлют и греет
¹⁵⁵ нежных объятий теплом Гифония хладного старца —
греет, пока не зовут госпожу рабыни, на прялках
века прядущие нить, отворить розоцветные двери
настежь и распахнуть окошек сверкающих ставни —
¹⁶⁰ как-то пришлось и ему забыться. Усталые вежды
сладким смежились сном — и тут с безмолвного свода
сквозь пелену облаков исполинскою тенью родитель
милому чаду предстал, являя отверзтые раны
на животе, на груди и на всем изрубленном теле.
¹⁶⁵ Юноша, сколь ни смел, цепенеет в ужасе: члены
хладны, дыбом власы, по приходе отеческой лаской
страх унимает и к сыну гласит приветное слово:

«Нашего рода краса бессмертная и во вселенной
слава! единый оплот качаемой смутой отчизне!
¹⁷⁰ ты не пугайся, но все, что скажу, прилежно запомни.
Сей короткий час -- из коего, если захочешь
многое выйдег тебе на радость -- Олимпа владыки
редкостный дар: мольбами склопец, соизволил оп неба
звездный отверзнуть рубеж, допустив до полюсов горних
¹⁷⁵ вживе тебя, а меня тебе назначив вожатым,
дабы ты светила прозрел на петлистых дорогах
и отечества труд, и твой, и судьбы какие
туго-натуго странам земли прядут втихомолку
сестры — зорко гляди! Видны ль в обители Австра
¹⁸⁰ грузные степи и гнусный чертог, на холме проклятом
строенный хитрой женой? Видны ли лютых смутьянов
сходки и жаркий ток толною пролитой крови?
Горе! на нашу беду сия твердыня воздвиглась!
Горе! край к италняпкам злой! иль вповь воздымаешь
¹⁸⁵ сломанный меч и гонишь полки в кладбищенский пепел?
Баграда топкая! ты ль над Тибром победным взгордилась?
Дикая Бирса! ты ль взпеслась Капитолия выше?
Что ж, попробуй опять -- по плетке признаешь хозяйку!
Этот подвиг тебе, дитя! и этою славой
¹⁹⁰ Марс по праву тебя с богами сравниет -- поруккой
раны святые мои, которыми щедрой отчизне
долг я отдал сполна и которые доблести браниной
путь открыли горе, и когда терзами мне члены
вражьи клипки и скорбела душа, отрываясь от плоти,
¹⁹⁵ боль утишалась -- клянусь! -- лишь сознаньем великой отрады,
ибо я зрел, как по смерти моей отважный отмститель
в нашем восстанет роду, и сия благая надежда,
прежде изгнав боязнь, легчила горькую муку».

- Так он изрек, а сын к нему приникает, взирая
²⁰⁰ в скорбной тоске на злодейство ран, кровавящих тело
 от головы до пят, — душа томится кручиной,
 слезы рекою текут, из груди без удержу рвется
 стон, и, прервав отца, возглашает юноша с плачем:
²⁰⁵ «Горе и ужас очам! Кто смел жестоким железом
 милое сердце пронзить? И чья десница дерзнула
 достопочтенный лик оскорбить преступным ударом?
 Отче, ответь! никакую речь невозможно мне слышать
 прежде ответа!» — и слезой мольбы возвышенный отзвук,
 поля небес немому, обители звездной достигнул.
- ²¹⁰ Если прилично сравнить высокое с низким, то рыба,
 из пресноводной реки нырнувши в море и горечь
 чуждой соли хлебнув взамен знакомой и сладкой
 влаги, — даже она навряд ли так изумится,
 как изумился сонм святой. Обида и злоба.
²¹⁵ гнев, печаль, пред будущим страх, пред смертью трепет,
 тысячи прочих забот горемычного нашего мира,
 ради которых мы счастья часы упускаем и скукой
 лучшие годы мрачим, — вот зрелище брэнной юдоли;
 а в небесах, осиян присносущим светом, не меркнет
²²⁰ ясный день — не грызет его грусть, тоска не тревожит,
 ненависть не пламенит; но впервые звук непривычный
 слуха коснулся богов: занеслось благочестное слово
 в недостижимый свет, безмолвие вечное поля.
- Сына крепко обняв и нежною лаской смиривши
²²⁵ слезные всхлипы, отец его наставляет сурово:
 «Не расточай печаль, сие отнюдь неуместно
 здесь и сейчас, а ежели ты столь сильно растроган
 зрелищем ран, то пора отечества беды проведать.
 Слушай же — много сказать в словах я должен немногих!
- ²³⁰ Среди Гесперийских полей победоносные стяги
 наши и дружные нам шестое видело лето,
 но заскучал я в трудах войны неспешной — тогда-то
 ты мне, Фортуна, совет ниспослала со знаменьем. Знатный
 и несчастливый совет: тайком несносное бремя
²³⁵ с братом родным поделить и войну тихходную разом
 с двух прищпорить боков. Вот так, неправой вещуньей
 разлучены, мы полки с половиной у каждого силой
 гоним вдогонку врагу, в походе все далее рознясь.
 Тут отрясли с веретен усталые пряжи до срока
²⁴⁰ нашу пряжу, и Марс свои знамена покинул,
 ибо, честного боя страшась с превосходной судьбою,
 мавры в трудный свой час прибегают к уловке коварной —

нам на погибель они сию изощрили науку!
Так растлены врагом кельтиберы: подсобною ратью
245 с братниным войском шли они в бой, но в постыдное бегство
подлою мздой увлеклись, на вечные веки наглядный
нашим вождям урок преподав — да не будут надежны
мощью чужой, а лучше своим воителям верят.
Брат грозит беглецам богами, долгом и честью —
250 тщетно! бегут наутек — толико золото всевластно!
Святость, верность, стыд — вы пред золотом прах и бесценок!
Строй без подмоги гол, и вот напролом без дороги
брат отступает, полки торопя в знакомые горы:
нет им иного пути, напирает недруг свирепый,
255 скорый догнать и добить отходящих последним ударом.

Тоже и я в походе моем в отдаленье от брата
ратью настигнут врагов, которых помощью тайной
злобный предатель крепит. Пора трубить отступенье,
но и того нельзя! От милого брата отрезан,
260 войском скуден и с трех сторон безвыходно заперт
вражьими станами, был я в плену у гиблого края.
С нами мечи, бежать не дано, единое можем
в свой последний час — и колем, и рубим, и режем
мавров проклятых, да канут в Эреб лукавые тени!
265 Только гнев и боль нас бодрят, отнюдь не рассудок
и не наука войны!

Вот так же пасечник хитрый
в ладном доспехе на сладостный рой выходит походом:
пчелы трепещут во тьме, а после в тоске покидают
гнезда сытных сот, что постным устлапы воском, —
270 рвутся наружу, жужжат наугад, отовсюду вслепую
жалят обидчика лик, но настойчив и неотступен
сметливый вор и, стерпев безвредные раны, победно
рушит и грабит медовый дом благочестного рода.

Равно и нам средь беды последняя лучшая радость —
275 месть враждебной орде, которую в ярости скорой
бьем копьем и мечом, мешая ненависть с кровью,
но недвижим их строй, как незыблемы натиском Австра
Эрикс в венце облаков и звездодержательный Атлас.
Длить ли рассказ? Вот так, беспечные, гибнем под тьмами
280 воинов и клинков — привычно зависть Фортуны
правым противится! Тут в груди у меня цепенеет
сердце: уловку врага постигаю и смерти соседство.
В страхе — не за себя, за отечества честь! — поспешаю
речью уместной взбодрить смятенных соратников души:

285 «Воин! открылась тебе тропа крутая к кончине

славной — иди же за мной, как часто хаживал прежде
 с большей удачею, но никогда не с большею честью!
 Да не страшит тебя острый булат и лик предстоящей
 смерти: за краткую боль великий Маворс заплатит
²⁹⁰ щедро, и кровью твоей воссияют милые внуки.
 Помни свой род и с охотой прими отеческий жребий!
 Робкий умрет и храбрый умрет — обоим Природы
 непререкаем закон и недолог век у обоих,
 пусть же после трудов опасных на суше и море
²⁹⁵ будет нам смертный час угоден: только для храбрых
 радостной смерти удел, а жалкой толпе достается
 с жизнью прощаться в слезах, причитая в ужасе тщетном.
 Долгую славу сулит быстротечность мгновений последних —
 ринься же смело вперед, латинского племени отпрыск,
³⁰⁰ в поле открытом умри! Пока позволяла Фортуна,
 мы побеждали и сеяли смерть меченосною дланью;
 ныне вспять катит колесо, а нам предовольно,
 если телами путь врагу заградим — и по грудям,
 по плечам, по очам свирепым, по яростным лицам
³⁰⁵ пусть осмеет пройти! Замкнем их мертвой горою,
 валом осадным запрем — да узнает лютая дикость
 истинных доблесть мужей, да протопчет дорогу по трупам
 римским, кои врагу и в бледности смертной ужасны.
 В бой, благородный полк! Впереди завидная смелым
³¹⁰ гибель, которой в хвалу вовеки в капищах римских
 будут ладан курить и лить благочестные слезы».

Речью моей зажжены, они, как град из отверстой
 тучи, рушатся в бой: я первый под копыта и стрелы
 в гущу кидаюсь врагов безвозвратно кануть средь брани,
³¹⁵ следом на верную смерть молодцы отважные рвутся —
 рубим и гибнем. Что же еще, коль малой дружине
 противустали тьмы? Но ты об участи брата
 ждешь услышать. Увы! ему в краях Гесперийских
 счастья не больше: вотще из гибельной бездны стараясь
³²⁰ вынырнуть — точно как я — задавлен бедою великой
 был наконец и он. Не бывало смерти прекрасней
 братниной смерти! Сколь дивно для всех согласие жизней,
 ненарушимое ни на миг ни малою распрей:
 дом один и хлеб один, и дума едина,
³²⁵ после едина смерть, и сокрыт в единой могиле
 прах обоих тел, и почти в единое время
 мы вознеслись сюда, где нет нам дела до прежней
 брэнной темницы, — глядим с высоты на презренные извы
 плоти постылой и вида оков страшимся знакомых,
³³⁰ кои свободе тесны. Что мы ныне, то нам и любо».

- Сын ему в слезах: «Братолюбием, милый родитель,
сердце мое ты до дна проникаешь, однако же мщенью
мало бездейственных слов, но потребно сущее дело.
Только ты прежде ответь, предивный, чтить ли живыми
335 брата, тебя и других, кого именует привычно
мертвыми Рим?» — На это отец с улыбкою тихой
рек: «Горемычный люд! в сколь темном влачишься ты мраке!
Сколь непроглядна мгла, в которой без правды коснеет
род человеческий! ведь суцая жизнь — единственно эта,
340 ваша же мнимая жизнь есть смерть. Ты пристальным оком
глянь на брата: ужели не зришь, как твердая поступь
смерть попирает? как грудь необорною силою дышит?
как пламенеет взор и краса чарует живая?
Даже в затылках видна собранья славного знатность —
343 кто же при мне дерзнет сих мужей ругать мертвецами?
А между тем и они, людской причастные доле,
дух испустили честной и в срок земле воротили
плоть. Но заметил ли ты приближение нового сонма,
коего радостный блеск лучезарного полдня светлее?»
350 «Вижу, сиятельный! право, вовек очам не бывало
зрелища слаще — и ныне душой пытливого взыску
ведать их имена. Не отвергни просьбы, родитель,
ради Юпитера, ради богов, ради Солнца всезряща,
ради Фригийских святынь, коль пращуров помнишь пенаты.
355 ради родных очагов, коль и тут они милы — исполни!
Истинно, если глаза не лгут, немало знакомцев
зрю среди сих пришлецов: мне памятны стать и повадка,
тоже и лица, хоть в чуждых лучах, — знакомые лица,
видел я их, я жил среди них в отеческом граде!»
- 360 «Память твоя верна! Вот этого маврская хитрость
только недавно с землей разлучила: в битве неравной
сгинул, увы! Марцелл, в таких-то годах легковерен;
ныне, еще не забыв о погибельной брани, он с нами
радостный делит полет в пространности высей небесных.
365 Следом поодаль Криспин, которого враг вероломный
за день единый хотел погубить, однако же смерти
был он с отсрочкой вручен мытарством медленной раны.
Ну а этот на месте пал, в засаду попавши,
и без препоны сюда вспарил его дух невесомый,
370 хладные члены внизу палачам оставив кровавить.
Вот и Фабий: величие дел и великая знатность
имени стали ему вожатыми к горнему свету —
сущего зри вождя! Хотя прозвание Медлитель
было ему от людей, но мудростью неторопливой
375 слава честная цветет. Не меч и не огонь у латинян
мужа отъяли сего, по покуда пунийская сила

нашу теснила, он старостью лет восхитился к небу.
 Вот и другой — глядит! Духом жарче, ретивее к брани,
 вот он, Гракх, себе на беду оплошавший в засаде,
³⁸⁰ дабы прочь воспарить от мощи оружия и тела.
 Зависть судьбы чрезмерна была и к Эмилию Павлу —
 только глянь, сколько ран отважную грудь прободают!
 В битве при Каннах ему плачевной отечества участь
 мнилась, итак, не желав пережить разгром, он отринул
³⁸⁵ взять у трибуна коня, а на многие просьбы ответил
 с твердостью: «Я изжил мой век! Окрепни же духом,
 мальчик, и торопись отсюда выбраться целым —
 жизнь у тебя впереди, сохрани себя для удачи!
 Вот мой Сенату наказ: городите башни и стены,
³⁹⁰ к худшей готовьтесь беде, ибо лютой напастью Фортуна
 подлая нам грозит и победно недруг свирепый
 близится! Вот мой привет последний Фабию: верен
 был я приказам его всю жизнь и, верный приказу,
 пал у тебя на глазах — будь свидетель! Судьба и злонравный
³⁹⁵ мой сотоварищ смешали ряды всеобщим смятеньем,
 доблести нагую явить не достало в давке простору.
 Смерти моей не жди, но беги — иначе речами
 долгими я и тебя погублю». Все ближе к обоим
 вражья клинки; наконец улетает юноша — ужас
⁴⁰⁰ тело легчит и шпоры вострит и коня окрыляет.

Словно в гнезде, осажденном змеей, всполошенная птица
 мечется: то бежать от зримой смерти скорее
 жаждет, а то птенцов покинуть медлит любимых —
 все же в последний миг поддается победному страху
⁴⁰⁵ матери бедной любовь, вверяется птаха разлету
 крыльев и с ближних ветвей взирает с дрожью на муки
 чад и на лютость врага, задыхаясь в горестных пениях,
 плачем полня лес и страдая в стренете скорбном —
 так же бежал и трибун достопамятный, часто бросая
⁴¹⁰ вспять опечаленный взор. Видны юноше всюду на поле
 римлян крушенье и гибель полков, а после удары,
 коими злобный мавр вождя священное сердце
 люто пронзает, — и тщетный плач возносится к небу.
 Длится ли рассказ? Ты сам признаешь несчетные сонмы
⁴¹⁵ юных бойцов, что пали тогда во спасенье отчизны!
 Да, воистину, сил не жалев на пагубу нашу,
 сирый лишивши наш град защиты отважнейших граждан.
 злой Ганнибал небеса наполнил толпами теней».

Слушая повесть сию, со вздохом юноша тяжким
⁴²⁰ молвит: «Верно ты рек — я патешил жадные взоры
 видом желанным и глянуть успел на милые лики.

Ныне дозволю вкусить долгожданной отрады — услышать
голос второго отца». — «Не колеблись! тотчас и прямо
с ним говори, как и сам он ждет с приветным вниманьем».

- ⁴²⁵ Сын послушно вперед шагнул, смиренно склонивши
голову, и — очей не сводя с родного — промолвил:
«О досточтимый, о ты, неизменно мною любимый
равно с отцом! Если Бог дозволил зреть ваши лики
смертным моим очам, если горний предел мирозданья
⁴³⁰ пред недостойным отверз и явил сиянье Олимпа,
то удели, молю, для беседы малое время:
истинно краткий час, ибо скоро пора мне вернуться
в стан на морском берегу, туда, где великая Кальпа
давит пятой Океан и небо вершиной пронзает, —
⁴³⁵ там взнесены и ждут своего полководца знамена
римские, там порог, на коем войне промедленья».
Юного родича крепко обняв, в ответ изрекает
кроткий герой: «Коль волею сил всевышних ты в небо
смертную плотью вспарил — а иною волей такое
⁴⁴⁰ сделать нельзя, и тебе одному дарован в награду
сей небывалый почет! — коли так, то вымолвить трудно,
сколь я надежен тобой, которому вживе открыли
боги свою тропу. Воистину, если не божий
дух в человеке, Фортуна ему в подобном откажет,
⁴⁴⁵ ибо сыплет дары попроще. Таинства видеть
горние, зреть наперед дела грядущих столетий,
собственный ведать рок, созерцать блаженные души
изблизи, чтобы внизу под ногами сияло лучами
солнце и чтобы вверху небесные поприща длились, —
⁴⁵⁰ нет, сего не дарит Фортуна, ибо владеет
сим лишь всеильный Бог. Но ежели божьим сияньем
ты осиян, то нам какую почтить тебя честью?
Стало быть, мы не зря провидели напрочь разбитых
недругов, что полегли повсюду в полях Гесперийских, —
⁴⁵⁵ мечь за смерть свою мы видели! Ты же, отмститель,
славу стяжаешь в веках величьем любви сыновней;
а потому со мной не стыдись — и слухом, и духом
я для тебя открыт. Ответствуй, к какому предмету
нам сперва приступить в беседы недолгое время!»
- ⁴⁶⁰ Юноша молвит: «Скажи, коль жизнь за костром погребальным
есть — а свидетель отец! — и коль жизнь эта вправду навеки,
наша же словно смерть, то зачем я в брэнной юдоли
медлю? Неужто душе не лучше, если возможно,
вспрянуть на крыльях сюда, покинув равнины земные?»
⁴⁶⁵ «Худо ты рассудил! От Бога и от природы
непререкаем закон для людей — стоять на постое

в теле, покуда в путь не позвали гласным приказом.
 Нет, нельзя спешить, но надобно в кратком смиренье
 краткой жизни невзгоды нести до крайнего срока,
⁴⁷⁰ дабы себя не явить попутелем Промысла Божья.
 Промысел людям велит хранить, блюсти и лелеять
 низшие царства, ибо земля им дана в попеченье
 вместе со всем, что на лике земном и в море бездонном.
 Вот почему тебе и всякому доброму мужу
⁴⁷⁵ в плоти удерживать дух пристало, где быть ему должно,
 дабы в честных трудах отличиться и в ревностной страсти
 к знанью — и так до поры, покуда нежданно от тела
 не отлетит душа и в звездные дали не внидет.
 Здесь достойный приют, обретенный святыми мужами,
⁴⁸⁰ кои, взыскуя добра, к блаженству путь проложили,
 но пока телом силен — ненадолго! — ты внемли советам
 нашим о воле богов. Справедливость и святость и верность
 чти! Пусть в сердце твоём обитает и с правами дружит
 дивная доблесть — любовь благочестная, коей послужишь
⁴⁸⁵ много отцу, отечеству наче, а наипаче
 Господу на небесах! Таковыми благими делами
 красная жизнь есть путь прямой, которым взойдете
 в горнюю высь, когда день предельный бременно
 с вас отряхнет и душу вернет в прозрачность эфира.
⁴⁹⁰ Помни, прошу, еще и о том, что Отцу и Владыке,
 неба Царю и земли ничего угодней из ваших
 подвигов нет, чем согласие людей, повязанных правдой,
 и в городах людских законов честных устроенье:
 если отечество кто умом вознесет иль возвысит
⁴⁹⁵ силою, иль из беды оружно вызволит мощью,
 тот наверное жди приюта вечного в чистой
 нашей обители, правым делам взыскуя награды,
 ибо таков закон у Бога — всякому делу
⁵⁰⁰ должная мзда и должная месть». В ободрительной речи
 так изъяснил он любовь к племяннику, ждавшему жадно.

А между тем является сонм другой, но знакомых
 ликов не видно: все пришлецы повадкою сходны,
 все, как в звездный свет, в блестящие ризы одеты.
 Шли впереди остальных немногие мужи — в сединах
⁵⁰⁵ важных и вскинув чело державное в гордом величье.
 «Се чередая царей», — он рек, — «что городом нашим
 правили древле — в обличье самом их царственность зрима!
 Первый Ромул идет: от него преславное имя,
 ибо и Рим от него, — примечаешь ли, милый, сколь ярко
⁵¹⁰ огонь полыхает в душе? Такого мужа искали
 царства грядущие! Следом другой явился — смиреннее,
 дабы жестокий люд обуздать благочинием новым:

прежде доблесть его в отеческих Квирах Сабинских
 чтили, а после за то он на нашем посажен престоле.
⁵¹⁵ Зорко гляди! Это он жены наущением дивной
 граду дает закон и года движение делит,
 это его Природа на свет стариком породила,
 ибо измлада был он бел бородой и висками.
 Следом третий — как ныне ты, изощрял он науку
⁵²⁰ бранную, всех царей превзойдя отвагой и силой,
 мощью перун, и победа над ним далась лишь перуну.
 Вот и четвертый: зиждитель стен, прозорливый строитель
 гавани Тибрской, куда притекут богатства вселенной;
 он же впервые мостом съединил раздвоенный город.
⁵²⁵ Пятого лик мне едва знаком, но мню, не его ли
 древле нам в цари Коринф даровал горделивый?
 Да, воистину он! я зрю багряницу и тогу,
 кресла престольные, в розгах топор, наряд величавый,
 бранных паренье наград, четверню с колесницею, роскошь
⁵³⁰ шествий победных и все красоты державного Рима.
 Ну а того, которого зришь по счету шестого,
 рабская кровь вознесла государить на царском престоле —
 звуком прозвания раб, но сущий царь разумьем,
 подлость рождения он искупил честными трудами;
⁵³⁵ он же перепись нам впервые устроил — да знает
 Рим о силе своей, дабы силы ничьей не страшиться».

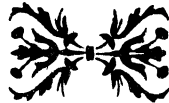
Старший смолк, а младший спросил: «Коль верно я помню
 книги, о семерых венценосцах с Ромулом вкупе
 я слышал и все имена прилежно запомнил —
⁵⁴⁰ где же еще один?» «Дитя», — отвечает старший, —
 «ввек не внидут сюда ни томная лень, ни гордыня
 дерзкая: злые дела, дух лютый, наглое имя
 общим грузом его увлекли в Авернские бездны.
 Ты вопрошаешь о том, кто скиптром владел напоследок:
⁵⁴⁵ царь жестокий, но тем и хорош, ибо скорбь об отъятой
 воле впервые внушив, научил вольнолюбию римлян.
 Лучше на радостный рой, что с доблестью сущю дружен
 ныне гляди, да узришь государей праведных тени».
 Тут рука в руке приблизились поступью бодрой
⁵⁵⁰ трое, и всех троих приветным плеском почтили
 сонмища душ, и всяк из троих приязненно встречен.
 Младший в восторге спросил: «За что подобная милость
 этим троиц? И что за любовь пришлецов съединяет?»
 «В свет они рождены единым отцом и единым
⁵⁵⁵ чревом — с того и любовь, а после им вверили Рима
 волю — за то и почет. Увы! взгляни, сколь жестоко
 двое уязвлены в грудь насмерть и сколь благороден
 свежих ран багрец! Народов битву могучих

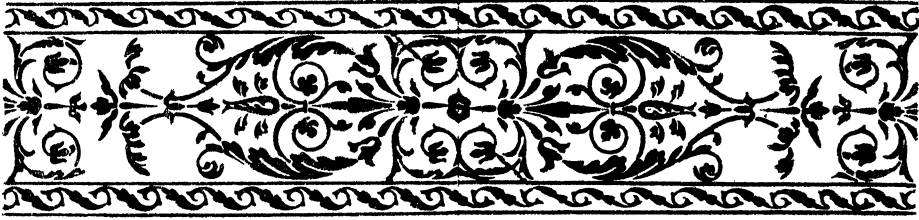
было дано разрешить поединку братьев тройному,
³⁸⁰ дабы малая кровь прекратила всеобщую гибель —
 так под встречными взорами войск противных схватились
 в этом последнем бою трое наших с троицей вражьей.
 Наша свобода в тот час, неверным колеблема Марсом,
 еле не пала — судьба одного ей стала оплотом,
³⁸⁵ длань ей в поруку одна. Из наших воителей двое
 пали, и чересчур начинала альбанцам Фортуна
 благоволить, однако вот он, хотя и последний,
 был невредим и отмстил за братьев, нашу удачу
 нам воротив: врагов победных он вынуждает
³⁹⁰ по полю гнаться, рознит их строй и, обильною кровью
 дав истечь, наконец истомленных боем и бегом
 поодиночке всех трех крушит проворною сталью.
 Ныне счастлив он, помня подвиг, а вместе ликуют
 братья, ибо к богам внеслись без кровавого долга,
³⁹⁵ а рукоплещут кругом те мужи, коим держава —
 дар от сего храбреца.

Но зачем твержу о едином?

Разве не видишь тысячи душ в небесном просторе
 и впереди других Публиколу, славным прозваньем
 знатного, ибо слывет отчизне отцом благочестным?»

³⁸⁰ Юноша жадно глядит и видит несчетную стаю
 рядом с собою — там, где к недвижному тянется Аркту
 млечной дороги изгиб, осиянный звездной каймою.
 Он изумлен, он повести ждет о мужах и деяхнях,
 но отвечает тот: «Дитя, захоти я поведать
³⁸⁵ все, что достойно слов, не хватит ночи. Заходят
 звезды и небосвод запрокинулся. Глянь: на востоке
 светлый мерцает лик готовый заняться Авроры,
 и в океанских волнах Денница сонная млеет.
 Вот уж и сам отец торопит, на бегство созвездий
³⁹⁰ нам указуя — медлить нельзя! Тебе же довольно
 знать, что ныне зришь сограждан, коим заботой
 главной было спасти отечество: эти престолы
 собственной кровью они стяжали и, в тяготах лютых
 горечь кончины прияв, присносущую жизнь заслужили».

Предуведомление к песни второй

*Это отец рассказав, велит ему: «В путь!» — но отважный
юноша алчет познать, какие ждут его судьбы.
Просьбе — достойный ответ: за кем останется слава
этой войны, какая грозит финикийскому участию
городу и вождю, чтобы после падения Бирсы
не устыдился уже никто покорствоваться Риму.
Далее зрится великих вождей и дальних потомков
кесарский род; и внимательный слух старательно ловит
все, что претерпит Рим и отчие в Риме гробницы.*

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Ласково кличет отец изумленного зрелищем сына:
«Время спускаться с небес! Небывалой милостью было
здесь побывать, а послушно уйти есть вежества признак».
Тот в ответ: «Погоди, отец-благодетель! Поведай
⁵ самую малость, наставь смятенного в правде грядущей!»
Молвит родитель: «Дитя! от краткого часа сверх меры
просишь: скоро тебе виденья двусмысленной ночи
станут без пользы и образы сна рассеются втуне,
если же вдруг и останется след, то будет пустою
¹⁰ память сия для тебя и ложным почтется мечтаньем.
Но не хочу мольбой пренебречь: скажи о тревоге
главной и Фебов бег обгони непространною речью».

«Отче, если тебе открыта Промысла воля,
если въяве зришь времен наступающих виды,
¹⁵ мне удостой изъяснить начертанья рока. Пред нами
ныне лютость войны сотрясает ужасом Лаций,
злой Ганнибал у ворот, все рушится, все предпринять
нам же во вред, и пашни влажны от нашей же крови,

все полководцы мертвы. Вы оба, светлые очи
 20 славной державы, оба вы смерть об эту же пору
 приняли — и тогда лишилась Италия солнца,
 сам великий Рим двойным всколыхнулся разгромом.
 Что впереди? что ждет от судьбы владетельный Город?
 Рухнет иль выстоит? Если вотще мы машем мечами,
 25 душу мою от забот избавь и от тяжелой работы,
 сон вороти очам и покой усталому телу!
 Коль суждена отчизне и мне от Бога погибель,
 много ли толку ломить супротив и силой людскою
 рока осиливать груз? Тогда умрем безоружны —
 30 пусть Ганнибал жестокий живет и вселепною правит!»

Гневную речь оборвав, «Нет», — родитель речет благородный, —
 «нет! суждено мечу одноглазого гнать негодяя
 из Авсонийской страны! Отступать он станет в тревоге
 и без охоты — страшась покинуть чуждую землю,
 35 в коей желанны ему добыча и кровь; но из дому
 собственной скорбью и близкой войной народ уstraшенный
 спешно его назад потребует. Он же, достигнув
 Афрского берега и боя боясь на погибельном поле,
 прежде захочет с тобой говорить. Уловок и козней
 40 остерегайся его! Тебе да будет в науку
 родичей лютая смерть от лукавства варвара злого.
 Все же пойдя, погляди на свирепость вражьего лика,
 вражью послушай речь и — бдительной верней оглядке! —
 в хитрые вникни слова, что скажет старик вероломный,
 45 да от беседы отнюдь не беги, иначе по свету
 станут одни тебя звать гордецом и трусом другие.
 Будет речистый лжец твой разум хитростью новой
 снова и снова пытаться, твердя о сладостном мире,
 только о мире — коварство скрывать под именем мира
 50 ловок мира первейший враг! Упорно и твердо
 стой на своем и никак не позволяй умалить величья
 Римского и твоего. Возроится противник, постигнув
 изблизи горестный рок, притворные примется пени
 голосом жалким стенать: привычного к вечной удаче
 55 юношу увещавать начнет, что нужно Фортуны
 уравновесить, начнет пугать пророчеством темным
 будущих бед для вождей, но едва увидит, что речью
 не достигнуть души высокой, он с яростью скорбной
 пылко войну возгласит и немедля в свой стан воротится.
 60 Будет бой, и судьба на него воззрит с переменной
 милостью, а исход содрогнет вселенную страхом.
 Войска вождь одного божествен, другого — бесчестен;
 тут добродетель, противная злу, надежная верность,
 скромность, стыдливость, честная любовь, а с ней справедливость.

⁶⁵ вкупе с сонмом сестер благородных мечи воздымают;
 там воздымают мечи гнев, злоба, коварство, презренье
 к правде, похоти пыл, забвение Бога, слепая
 лютость, что силой выросла, а вкупе с ними иные
 подлых пороков полки, которым имен не исчислить.
⁷⁰ Ты наконец победишь, но от бранной этой победы
 не запесешься, а он Фортуной враждебною сразу
 будет повергнут: едва побежден. бежит и пристанет
 к чуждым брегам — туда, где страны Азийские греков
 бурный разъял Геллеспонт, — а там он все испытает,
⁷⁵ там припадет к стопам царей недостойных, мольбами
 их донимая и слезно прося о войске заемном,
 если Фортуна подаст. Но Фортуна к нам благосклонней,
 долгою нашей бедой насытись, — и гнусные козни
⁸⁰ вспять она обратит. Что далее? Станет бродяжить
 жалкий изгнанник и в каждой земле рассеет заразу,
 лишь бы римлян сгубить.

Как змея, которой нежданно
 на перекрестке обвалом камней хребет перебило,
 яд и ярость в предсмертный миг изрыгает, свивает
⁸⁵ тысячью гнусных узлов чешую покрытое тело,
 самым видом своим грозит, шипит напоследок,
 взором тускнеющим ищет врага и тщетною злобой
 пышет к нему, —

вот так и этот в лютости буйной
 нам не устанет грозить и при смерти! Ты же в ту пору
⁹⁰ будешь по должности послан в путь — и вдруг безоружным,
 сам безопасен, узришь насильника злого вселенной.
 Благоприятен день для дружеской вашей беседы,
 счастлив Ефес впимать великих мужей разговору,
 но па обманных весах молва бесчестно неправых
⁹⁵ с правыми вровень взнесет: едва о грозном и дивном
 вызнает деле, повсюду о нем зазвонит bestолково,
 не различая причин. Тот отечество спас от крушенья?
 Вечная слава ему! А этот свирепым разбоем
 много стяжал и державство свое упрочивал златом?
¹⁰⁰ Будет славен и он! Ганнибалу и Сципиону
 славу одну на двоих возгласят в восторге потомки —
 так, увь! сравнил несходное и от различных
 звезд низошедшее в мир. Воистину, чернь не умеет
 видеть, сколь далеко стоит от злодейства героизм.

¹⁰⁵ Примется сразу хитрец тебя обольщать и морочить
 множеством лстивых слов — потому ли, что искони склопцы
 мавры к лести, иль потому, что изредка доблесть
 и от врага хвалу стяжает. Тебе же в забаву
 будут речи его — благосклонной ответишь улыбкой,

¹¹⁰ да и конец. Тогда, удручен погибелью близкой,
неукротенный дух безумством прежних мечтаний
яростный вождь распалит, но скоро в чертогах Вифинских
примет смерть и страх упокоит Рима и мира.

Вот судьба врага, который Авсонии землю
¹¹⁵ долгие годы казнит, а если об участи Рима
хочешь еще услышать, то постигни готовую пряжу
парок. Победа твоя откроет новым победам
легкий и торный путь: изведав моцъ Карфагена,
с игом державным смиришь и свыкнешь с бременем даней,
¹²⁰ римскую власть без стыда повсюду примут народы.
Вспрянет в Этолии бунт, оружным восстанет походом
суетный Антиох, но с подмогою младшего брата
ты победишь — и узнает тебя восточная Эос,
как узнали Зефир и Австр, изобильный дождями.
¹²⁵ Войны рождаются от войн, но всех врагов побеждает
дланью могучею Рим и мир попирает столою!
Царства плененные взденут ярмо, храбрецов македонских
римский закон укротит и галлов — не будет им проку
в званьях царских и в славных трудах воинственных дедов.
¹³⁰ Хоть бы сам Александр приспомятный вдруг из могилы
вспрянул, даже и с ним — в слова мои пристально вникни! —
вскорости даже и с ним простерлась бы Греция в прахе
злое отмщенье приять за раны пращуров наших.
Там стяжают почет Глабрион и Муммий стыдливый,
¹³⁵ тоже Фламиний лихой, который удалю бранной
всех превзойдет и тебе совместником будет во славе.

Ратным обильный трудом воинственный век подступает,
в блеске оружных побед поколения всходят герои:
Скавров зрю череду и Друзов, и взысканных честью
¹⁴⁰ многих Метеллов, и как процветет Неронова дома
слава, хоть древо сие родит в грядущем дурную
ветвь, от которой тень смертопосна будет народам.
Вот Катоны встают, все в доблести стойкой упорны —
лишь бы умерить им к семейству нашему зависть!
¹⁴⁵ Вот Эмилиев род: из него приемного внука
ты избери — он имени честь отслужит делам,
он твой труд завершит огнем и железом, расправясь
круче, чем некогда ты, с ненавистным логовом вражьем.

Дале взор устремив, наблюдаю жестокого Суллу,
¹⁵⁰ важных Помпеев красу и рядом честного Брута
с духом упрямым, но в ужасе зрю, куда он дерзает
метить мечом. А вот наивысшей славы вершина,
ибо провижу, как Цезарев род над всею вселенной

станет владыкою. Длится ли рассказ? Не будет богаче
 Рим никогда ни силой вождей, ни отвагою граждан!
 155 Можно ли верить сему? Землепашец, отъятый от плуга,
 в бой поведет полки, донесет до обители Австра
 наши стяги, вновь покорит ливиян и гордых
 вын соignet царей, влекомых в победном триумфе.
 160 Дважды он Лаций спасет, в осаде страждущий, дважды
 вражий набег отразит: а после, от жаркого берега
 призванный в новый поход и в снежные посланный Альпы,
 он у Секстийских Ключей — таково прозвание долины —
 буйных тевтопов орду укротит преславною сечей.
 165 в сходном затем бою повергнув кимвров мятежных.
 К тайному краю земли, где ныне стаи свой раскинул
 ты, знаменитый вовек красой небывалых деяний,
 вновь молодой удалец придет — и званье Великий
 он заслужит сполна: он Таг, и Ибер, и Бетис
 170 игом смирит и заставит их Тибр признать господином,
 после, суровость явив сверх меры, уймет он гражданский
 бунт.

Подальше гони от души твоей благородной
 зависть и кротко стерли, что другие горе воспаряют!
 Нет и не будет таких, кому бы всецело досталась
 175 слава — всегда у нее пришлецу отыщется место.
 Жизнь коротка, а дел череда долготой превосходна —
 как же новым векам не родить себе новых героев,
 дабы с грядущей судьбой охотники храбрые бились?
 Если бы всем временам достало единого мужа,
 180 был бы навечно Рим твоим водительством счастлив,
 ты же к той бранной поре со мною разделишь блаженство
 здесь — и с наших высот молодца похвалишь отвагу.
 Дел песчаных его помпнаю лишь малость: достанет
 лучшей лире бряцать о множестве подвигов громких,
 185 ибо на быстрых крылах — иначе не скажешь! — победно
 прилетит от Запада он и к Востоку победным полетом
 рипнется, выше звезд вознесся Италии славу.
 Все склонится пред ним, и чредою триумфов Фортуна
 щедро вождя наградить восхочет, но скромному праву
 190 хватит немногих даров: довольный, что трижды увенчан
 лавром честным и что трижды Рим его колеснице
 благоговейно зрел, он уйдет из отчего града.
 После с пространства морских он бродяг прогонит разбойных,
 он победит иудеев упрямых, армян двуплеменных,
 195 каппадокиян, арабов орду и Ганг многоводный,
 персов и конных парфян — вот так от берегов Ерифрейских
 властью победною мы достигнем морозного Аркта
 вплоть до ледовых полей Танаиса и Меотиды,
 вплоть до Рифейских вершин, подпирающих дальнее небо!

²⁰⁵ Долгой измучась войной, цари враждебные в бегство
 пустятся -- прочь от царств, от битв, от жизни постылой.
 Вступит победная рать во врата Каспийские, увидет
 в благоуханный край сабеев, взойдет в заповедный
 храм и святыню святышь в сокровенном увидит приделе,
²⁰⁷ но не прельстят бойцов ни камешья, ни пурпур, ни золото,
 ибо с мечом наголо попирает римская бедность
 груды богатств, оставаясь чужда корыстным соблазнам.
 Так ни единой из стран -- кружатся ли звезды над ними
 или недвижим небосвод -- не спасти своевольной свободы:
²¹⁰ Кипрских роскошь дворцов державой обнимется нашей,
 нам достанется Крит, суеверий приют и кормилец,
 нам Евбейский брег, нам Родос с морем и Фебом,
 нам Эгейская хлябь, средь коей звездами в небе
 сонм блистает Киклад, нам щит Тринакрии могучий,
²¹³ нам изобильный тук небес Сардинии влажной,
 нам Корсикийских скал жарой опасенная скудость --
 нам достанется все, что омыто Тусской, Иберской
 или Гадрийской волной!

Но дерзнет ли кто в Океане
 путь проложить судам? Да! отвагою всех превзошедший
²²⁰ в племени нашем найдется герой, приспославный повсюду,
 тот, кто галлов поля сотрясет неизвестным страхом,
 галльских стремнины рек окрасив черною кровью,
 тот, кто в заморском краю укрытых под небом далеким
 золотокосых сразит бриташков натиском скорым,
²²⁵ тот, кто уздою мостов укротит свирепые воды
 вольного Рейна и станом став на вражьей границе,
 будет лихою войной германцев крушить синеекихи.
 Сколь бы он счастлив был, мощь меча умерив законом,
 но не хотел и не мог, увы! злосчастный, в безумье
²³⁰ он дерзнет посягнуть всепобедною силой на Рима
 отчую плоть, осквернив сограждан кровью былые
 подвиги и замарав свои же триумфы нечестьем.
 Стыдно сказать о позорной резне, в которой погрязнет
 знатных деяний краса! Сколь гнусно тщеславная гордость
²³⁵ все попирает! Себе одному домогаясь державства,
 первый -- другим в пример! -- он казну гражданскую нагло
 опустошит и Сенат оскорбит своевольным уставом.
 Нет, о Фарсальских смертях, о Тапсе, о Мунде, о брани
 злой Ефирейской, о том, как кровь Капитолий влажила,
²⁴⁰ я говорить не хочу!

Сему наследует мужу
 родич великий -- пресветлой сестры сиятельный отпрыск.
 Зрю, как римский закон он к индусам прострет отдаленным,
 дерзкий Египет смирит и в дикарские быющую сестры
 пленом осилит жепу вождя латинского, -- всюду

²⁴⁵ заблещут перуны его, низвергая царей горделивых!
Он принудит терпеть державство властное Рима
буйный Истр и страну под светом обеих Медведиц,
он справедливый триумф отпразднует в Городе трижды,
он законы внушит племенам, не знавшим законов,
²⁵⁰ он на высокий престол взойдет и простертых увидит
перед собою царей и вождей и простолюдинов —
все ему дани несут и все усердствуют в лести.
К склопу годов он войной укротит упрямых иберов,
это — последний труд; а после в чреде безмятежных
²⁵⁵ лет надолго в дому двувидного Януса скорбном
накрепко медная дверь замкнется тяжким засовом.
Так до старости он дожив почтенной, кончину
примет, и спидет во гроб из объятий любезной супруги.

Вижу, как после него отступает счастье от Рима
²⁶⁰ вспять и как портит порок благолепие прежнее правов.
Горе, что смертен ты! С тобою нашего рода
славная отрасль умрет! Но ты по праву под крышей
горней стяжаешь приют, а что ожидает злодеев
буйных? Станут они предкам в стыд, в посмешище миру
²⁶⁵ и по заслугам кажут во мрак Стигийской юдоли.

Нет, я поспешен в словах! Вот зрю равно благородных
сына с отцом, что триумфом двойным веселят Капитолий:
лавра зеленых два, две алые ризы, но где же
две колесницы? Я вижу одну! единой достало
²⁷⁰ двум благочестным вождям — пример прекрасный и новый
Ерусалим от них падет, расточится железом
вера великая, правым клинком сокрушится святыня
храма и должную казнь претерпит народ многогрешный.

Горько мне длить рассказ, ибо всею красую и силой
²⁷⁵ этой державы, что в стольких трудах основана нами,
станут владеть чужаки, испанцев и афров отродье.
Как перенести, что отребье племен, недобитая нечисть,
наших избегнув мечей, на хребет взберется вселенной?»
Сердце теснящую скорбь осилить сын не умеет
²⁸⁰ и восклицает в гонимом, возвысив рыданием голос:
«Отче, зачем беду пророчишь? Ужели Фортуна
так повернет? О пет! В Стигийские прежде болота
звезды падут, а угрюмый царь преисподнего Орка
горний захватит престол и взгремит перунами с неба
²⁸⁵ прежде, чем Африка Рим победит, отхитив разбойно
наши законы и честь!»

В утешенье сыновней печали
молвит отец: «Молю, оставь стенанья и страхи!

Чести латинской жить и вечно державе единым
именем зваться — Рим, но порой бразды управлелья
²⁹⁰ будут не в римских руках: во власть сириянин томный
вцепится, после галл свирепый, а после болтливый
грек, а после далмат, а после Бореево племя
в силу войдет — таково грядет возвращение судеб.
Лишь через множество лет во вселенской погибели пору
²⁹⁵ в свой старопржехний приют воротится снова Фортуна.
Глубже и зорче гляди, да постигнешь отчего Града
дальние судьбы! особо одну, которую мраком
вышний скрывает Бог, но которая вещему духу
не заповедна, познай: отнюдь не воинством вражьем
³⁰⁰ Рим сокрушится — подобная честь никакому народу
в славу не будет дана! — нет, годы его одолеют,
мало-помалу он станет стареть и от немощи дряхлой
сам рассылется в прах: ему ни единого века
не отдохнуть ни от лютых войн, ни от распрей гражданских.
³⁰⁵ Время такое придет, что сыщешь пасилу среди Рима
сущих римлян, зато толпой отовсюду сберется
разноплеменный сброд, но и тут в усобице лютой
вздымет чернь клинки, и когда бы знатный отвагой
доблестный муж, достойный жить и в лучшие лета,
³¹⁰ меж сторонами не стал и манием грозной десницы
буит не смирил, то сии смутьяны в кощупственной распре
римской крови могли бы пролить последние капли.
Вот утешенье тебе: под могучими звездами древле
благоустроенный Рим разорение словом и делом
³¹⁵ выдержит и среди бед помянутых долго пребудет
мира владыкою — пусть от всего лишь имя святое
он сбережет, но званье сие не утратит вовеки!

Словно дряхлающий лев, у коего силы и пыла
самая малость, но грозный рык и царственный облик
³²⁰ прежний внушают страх: хоть он с собственной сходствует тенью,
шагом неверным бредя, однако беззубому старцу
весь покорствует лес.

Кому достанет отваги
правду наверное знать и предел величью отмерить?
Хочешь, скажу? Твой Рим доживет, хотя и во прахе,
³²⁵ до окончанья дней и вкупе со всею вселенной
сгинет в исходе времен».

Так молвив, со вздохом глубоким
он замолчал и в обратный путь по блистающим тропам
за руку сына повел. Вот так по отлогому своду
легким шагом они под уклон поспешно нисходят
³³⁰ прочь от горних светил; их в спину лучистым стрекалом
Люцифер гонит, но тень от двоих единая зрима.

С высей Атласских катясь, отраженным братниным блеском
круглый Кинфия лик привечает близкое утро,
и напоследок опять родитель уста отверзает
³³⁵ словом святым — покуда мир в истоме рассветной
тих и покуда путем неизменным движутся звезды.

«Сын, ты в жизни былой мне лучшим был утешеньем,
ныне же здесь ты радость небес для меня умножаешь!
Чаял ли я в блаженстве моем, что тебя лицезрея —
³⁴⁰ смертного! — счастье вкушу моего же счастливей счастья?
Так напряги благочестный слух — и с познанной правдой
вниз воротишься. Наш короток час, завистливой ночи
тает тень и в пучинах морских созвездия тонут.
Все, что взросло, умрет, и всякая младость увянет,
³⁴⁵ бревна бревная тварь — так можно ли тешить надеждой
мужа иль целый народ, что будто вовек не иссякнет
римская сила? Чреда поколений сменяется скорых,
годы уносятся прочь, а вы поспешаете к смерти,
вы — словно тень, словно прах, словно дым среди неба пустого
³⁵⁰ ветра порывом в ничто развеянный! Стоит ли криви
слава? и стоит ли мир преходящий толиких стараний?
Как ни цепляйтесь за жизнь, а скорого неба круженье
ваш торопит конец: взгляни отсюда, как мало
держит земли в рубежах держава жалкая паша,
³⁵⁵ да и сия теснота, увы! нам мукой досталась —
ныне хранить вам ее суждено в опасностях многих!
Вникни, что может быть и будет, если в почине
благоприятно судьба не раскается: целоמו свету
станет главою Рим и владыкой земель подначальных.
³⁶⁰ Много ль величия в сем? и много ль ты славой твоею
приобретешь? Ваш мир, границами тесными сжатый, —
лишь островок, круг которого ток извилистый плещет
вод Океанских: столь мал, хоть вселенной именем знатен!
Да и такой-то не всюду обжит, ибо инде болота,
³⁶⁵ инде дремучесть лесов или скал застылая дикость,
или студеные льды, или в пыль спаленные степи,
где под горячим песком холодные змеи ютятся, —
все и вдруг разгляди, очи долу зорко устави!
Зришь ли оси кощы недвижной, которая держит
³⁷⁰ свода небесного твердь? Полюсов обоих округу
вечный сковал мороз и никак польза человекам
жить близ сих рубежей, ибо там бесплодная почва
в корм ничего не родит. А вот там, где солнца дорога
шире и звезд хоровод окольным движется ходом, —
³⁷⁵ там пылают поля от жара, срединное море
паром стоит и небесный огонь умерить бессильна
дольняя влага.

Сюда, как гласили ахейне древле,
 боги спускались на пир разделить с царем эфиопским
 хлеб и вино, а потом под Атласа тяжкою сенью
 380 мирную ночь скоротать и попежиться в сладкой прохладе.
 Так сочиняли певцы, ибо чтили светила богами
 сильноподержавными, кои сперва в обители влажной
 у Эфиопских берегов трапезуют, а притомившись
 к Западу правят путь, где вздымается Атлас великий,
 385 крайний предел земли блюдущий и гостеприимно
 в недрах прострапных пещер пришельцев приемлющий звездных,

Но продолжаю: итак, средиземье для жизни негодно,
 ибо недобрый эфир человеков оттуда далеко
 гонит. Только в краях умеренных уравновешен
 390 жаром хлад — обитать в двух странах подобных возможно.
 Впрочем, одна для вас заповедна, огнем и водою
 отделена — и в пристанище вам единый и малый
 дан клочок земли, да и тот степным запустеньем
 располосав, разъят разнозвучием многих языков
 395 и несогласным житьем, которые славе мешают
 вширь разойтись. Не даю никому по целому свету
 слыть, и ежели кто под Арктом дальним в почете,
 имя его не взгремит у неведомых Нила истоков,
 тот же, кто славой своей Тапробану полнит, безвестен
 400 на Гибернийских берегах. И впрямь, куда любочестье
 смертных влечет? Им слава мила чем шире — тем лучше,
 но загражден простор, и так в узилище тесном
 тешатся снами они, а когда заря папоследок
 дрему рассеет и мрак, то сии злосчастные правду
 405 слишком поздно, увы! постигают — на годы взирают
 тщетных трудов и мир покидают в скорби о прошлом.

Оным безумьем, хотя и смешным, упования смертных
 полны: жаждете вы нескончаемой славиться славой,
 сладостный счет векам ведете, поздних потомков
 410 зрите в мечтах и ученых мужей, что твердят и склоняют
 преодолевшие смерть прозвания ваши, — из гроба
 тесного, дескать, вольней вам славиться будет по свету.
 После кончины жить, одолев насилие судьбы, —
 истинно сладкий удел, по славою он не стяжаем:
 415 надобно жить честней и верней — грядите по круче
 к счастью горнему ввысь и беды покиньте земные!
 Здесь вам назначена жизнь, не движимая бегом столетий,
 здесь вам ни летний зной, ни зимняя грусть не в досаду,
 здесь вам нет забот о докучливых ваших имениях —
 420 чахлой печалью нищеты и смерти педужная бледность

здесь не страшны, ибо плоть и дух от скорби блюдутся
 благостью добрых светил. Живите без времени злого,
 коего бег сокрушит и вас и преславное ваше
 имя — скоро пройдет все, что вы приснопамятным мнили,
⁶²⁵ только доблесть пребудет вовек незабвенной и сущей,
 путь пролагая к богам. Спешите же храбро в дорогу,
 да устоят пред тяжким трудом усталые ноги!

Если же шаткий ум еще тешится лживою славой,
 вникли в мечтанья твои. Протекут года, одряхлеет
⁶³⁰ тело и канут во тлен могильный бранные члены,
 только и жалкий сей склеп не навек: осыплется имя
 с камня и новую смерть ты, дитя, претерпишь по смерти.
 Как бы ни долго жила в искуснописанных книгах
 имени знатного честь, но и книгам мрак уготован:
⁶³⁵ пусть и взгремит молва о тебе в поколении ближнем,
 вскорости гром отзвучит — от времени портится память
 и на столетья ты будешь забыт у беспамятных внуков.

Больше свершенного ты совершишь и в бранях великих
 будешь победен, стяжая мечом достодолжную славу, —
⁶⁴⁰ много хвалят тебя, а восхвалят больше, чем ныне!
 Зрю сквозь веков череду, как родится в пределах Этрусских
 юноша, коему труд — о твоих восповедать деяньях,
 коему будет судьба явиться нам Эцием новым.
 Оба мне милы певцы и оба рвением отменны!
⁶⁴⁵ Этот в Лаций привел еще без ладу и складу
 и пенаряженных муз, а тот бегущих удержит;
 оба — по-своему всяк — о подвигах наших сказанья
 сложат и так продлить возусердствуют нашего века
 краткость. Воистину, мне стихотворец поздний милее —
⁶⁵⁰ тот, который на нас воззрит из времен отдаленных,
 ибо его вдохновит не корысть, не страх и не злоба,
 и не всесильный наш род, ему сулящий награду,
 но лишь восторг души пред величием дел непомерных,
 лишь к правдивости страсть.

Но много ли толку в стараньях?

⁶⁵⁵ Скорая смерть суждена и книгам, ибо по праву
 смертно все, что в смертных трудах содеяно тщетным
 разумом. Пусть сохранить иные писастья потомки
 и пожелали бы, силой восстав на извисящую тлепом
 ветхость и быстрым векам противясь бдением бодрым, —
⁶⁶⁰ не преуспеют: им вопрекор всегда и повсюду
 рек разливы и жар народам губительных засух
 и моровая болезнь — та от неба, эта от моря —
 и наипаче ярость войны, что целому свету

мига покоя не даст, — а со смертью смертных сказаний
⁴⁶⁵ канешь и ты в ничто и третьею кончишься смертью.
 Мало ли было преславных мужей на Востоке далеко
 или на Юге? Однако до вас они не сумели
 славой своей достичь! А мало ли в древности было
 знатных мужей, притязавших вовек героями зваться?
⁴⁷⁰ Ныне безвестны они! Дитя, теснят человека
 мест и годов рубежи — постигнув сие, подобает
 духом сюда воспарить и отсюда узреть прозорливо
 суетность праздной толпы, что тебя на земле превозносит.
⁴⁷⁵ Не снисходи же к молве и, если моим наставленьям
 внемлешь, велю: презирай хвалу и славу земную,
 не уповай на людей, коль великое дело замыслил,
 пусть лишь доблесть тебя красой несказанною мапит.
 Если ты славу стараньям твоим метою поставишь,
⁴⁸⁰ сколько к ней не спеши — непременно прокатишься мимо,
 если же будешь, дитя, небесной чаять награды,
 то навсегда себе обрешь без срока и меры
 счастье.

Но ежели ты покуда к сладости славы
 равнодушен и колет тебя любочестья стрекало,
 верь! деяньям твоим назначен почет небывалый:
⁴⁸⁵ всю, мой сын, стяжаешь хвалу, которой желаешь, —
 хоть и беги от молвы, она побежит за тобою.
 Словно в солнечный день неотступная тень за идущим
 следует, так и она за тобою: если шагнешь ты —
 вместе шагнет, а стасть — вместе станет. Невольно иль вольно
⁴⁹⁰ всяк молву за собой влачит! Но неужто не скажешь,
 что лишь глупец бредет по пескам зыбучим, глаза,
 верно ли тень у него за спиной? Да и тот не умнее,
 кто понапрасну тратит года в изнурении тела
 и в беспокойстве души, себе добывая в награду
⁴⁹⁵ только честей тщету и толки несмысленной черни!
 Хочешь сужденье мое об этом ведать? Отвечу.
 Тот стремится к мете, хотя бы бежала по следу
 тень, — а этот ретив единой доблести ради
 и небеса метою ему, но презренная слава
⁵⁰⁰ все же спешит вослед деяньям его достойным.
 Так по тропе крутой, дитя, указанной мною,
 ныне гряди — а верней, держись обретенной дороги!
 Рим под началом твоим процветет и взпесется победно
 вверх по дуге колеса Фортуны, а с высей надзвездных
⁵⁰⁵ подвиг твой призовет вседержащий Олимпа Владыка,
 славой твоей веселясь, наипаче же тем услаждаясь,
 сколь надежно тобою подперт колеблемый Город,
 сколь подобает тебе Сципиона имя, прозваньем

новым украшено в память и честь свершенного дела.
510 Дам и другой совет, который крепко запомни:
рвение к правде, к отечеству долг, к родителю верность
в сердце твоём с любовью к друзьям да будут совместны —
узы, что доблесть скрепит, приемли и дружбу такую
ты от начала лелей — не отвергни просьбы отцовою!
515 Слаще нет ничего, чем с товарищем искренним обок
жизнь и думу делить, съединяя согласием души!
Ныне из многих, что рядом с тобой вернейший и лучший
Лелий: в тайных делах он добрым советчиком будет,
страсти поможет тебе усмирить, тебя распознает
520 до глубины, незримой другим. Чрез многие годы
явится Лелий второй для нашего рода — любезный
славному внуку и связанный с ним не меньшею дружбой.
Тут ошибется молва грядущая, ибо единый
станет чтить образец — Сципиона и Лелия дружбу,
525 словно такое лишь раз от начала мира случилось,
словно не тезки друзья и не в разных веках обитают.
Первого ты приветь и, хоть знатен, друга-плебея
не презирай: порой возвышались из подлого званья
мужи достойные, коих внесли с вельможами вровень
530 доблесть деяний и дух, честнее отчего чина».

Так он сказал, а сын в ответ: «Вослед за тобою
высь восходя, ни на миг я об отчей чести и славе
не забывал, но теперь, вразумленный, с усердием пушчим
535 всюду, куда повелишь, пойду! Однако же дивно,
что о судьбе моей ты не молвил, отче, ни слова».

Грустно родитель рек: «Пусть твоя же доблесть, мой милый,
горькое горе терпеть тебя научит! Напрасно
хочешь ты знать о конце, что твоим деяньям назначен.
540 Стыдно сказать, но увь! к тебе отечество будет
неблагодарно: уйдешь в изгнанье, столь легкой расплате
рад и навек отлучен от войн и от воинств, хоть силы
бранной еще не избыл. Покорствовать воле Фортуны
должно: отнюдь не желай вредить спасенной державе,
подвигам собственным враг не будь! Она изгоняет?
545 Ты удались! Не зовет назад? Будь стоек! В опале
славной умри, а позор, что снес при жизни, накажешь
словом: твой прах погребать воспрети неправой отчизне
и об обиде твоей поведай на камне могильном —
вот отмщенью предел, а более мстить не пристало.

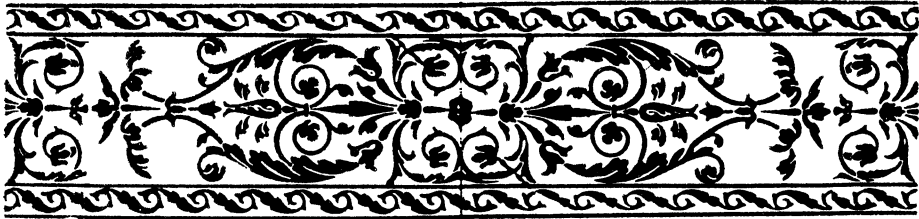
550 Дольше мне медлить нельзя! Прощай, возлюбленный отпрыск,
не забывай отца и пейись о возрастающем брате,

что по твоим стопам пойдет, быть может, с годами!»
Молвил и вспять поспешил с бегущими звездами вместе.

⁵⁵⁵ А между тем рассвет, воссияв над наметом, блистаньем
алых лучей озарил полководца жесткое ложе,
зорию пропела труба, и, ревом встревожены гулким,
от потрясенного сына отец и сон ускользают.

Предуведомление к песни третьей

*Солнце в положенный срок на свод взошло звездоносный
и озарило весь мир. Сципион, восстав от дремоты,
перебирает в уме видения вещие ночи,
в гордом сердце своем лелеет большие надежды
и, пожелав, чтобы стал ему и друг и союзник
царь Сифак, из ливийских царей превосходнейший силой,
вот к Сифаку он идет с дарами и устным посланьем
мудрого Лелия; тот во дворце за богатым застольем
повесть ведет о начале, делах и трудах Ромулидов.*

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

Лишь звездоносный свод сотрясло неустанное солнце
топотом резвых коней, как пустились в поспешное бегство
трепетных сонмы светил и герой пробудился могучий.

Снова и снова одно за другим он душой испытует
5 все, что привиделось в сне: «Зачем я отца дорогого
поцеловать не успел? Зачем я в миг расставанья
не удержал его — хоть и силком? Зачем пробежала
краткая ночь и нельзя продлить утешные речи?
Сколько спросить я хотел! Где назначено битве последней
10 быть — на каких полях или где над бездной морскою?
Можно ли верить друзьям, коль себя именуют друзьями
варварских стран цари? В каком краю упокоюсь?
Смертью какую велит умереть властительный жребий
брату и мне? Какую судьбу и какую кончину
15 примет доблестью нас упредивший двоюродный милый?
Я ли единый вступлюсь за все обиды и беды
милрой отчизны, что ныне в нужде? Нет, лучше не ведать
слишком много теперь — не то при исходе известном

вдруг свернет паруса пред противными ветрами доблесть!
 20 Начатым следуй путем и прости отчизне злодейство,
 что по незнанию творит».

Рассудивши так, призывает
 Лелия спешно к себе, и друг, повинувшись приказу,
 мигом является — молча стал и взором учтивым
 встретил взор вождя. Тот молвил:

«Возлюбленный Лелий,
 25 дума мне душу теснит! Что с тобою вдвоем мы свершили,
 вдосталь, быть может, другим — но нам неужто не малость
 в пору, когда средь стыда и муки Италия гибнет,
 рати испанские бить? Сей враг нам силою бранной
 вовсе не грозен, а нашим мечам не минут позора,
 30 ежели труд довершить не сумеем, будто страшимся
 извергу глянуть в лицо и вот взыскуем сражений
 дальних, робей на отчей земле ратоборство затеять
 и осажденные стены спасти любезного Рима, —
 как бы не зваться нам у своих и чужих беглецами!
 35 Что у тебя на уме иль на сердце, того я не знаю,
 но невеликого ждать не хочу: пусть могут иные,
 взявшись за дело, уж это одно вменить себе в подвиг,
 мне же покоя нет до конца! Пока не увижу,
 как изрыгнет Ганнибал коварную душу в уплату
 40 сгинувшим нашим вождям, Карфаген нечестивый куда
 павшим во прах не узрю, дотоле праведным гневом
 буду кипеть и рад умереть, если скорбною смертью
 недругов муку могу сравнять со страданьем сограждан!
 Разве Бог ради нас клинок правосудный не вздымет
 45 столько злодейств покарать? Ужель не грянут перуны
 с неба? Ужель в ответ громадиокаменный Атлас,
 щит пространной земли, сокровенной юдоли блюститель,
 не содрогнется всей высотой от тверди до бездны,
 в бой не двинет полки преисподних гадов и горы
 50 жгучих песков, не дыхнет на преступников смерчами Австра?
 Баграды топкой ужель не взбурлят струи над берегами
 гнусные стены ломать свирепей студеного Истра
 и негодяев крыть с головой отмстительной влагой?
 Мы победим: пусть стиснут меч усталые руки —
 55 с нами Бог, ненавидящий зло, войну довоюет!
 Знаю заранее, бремя сие на наши с тобою
 ляжет плечи. Мешкать нельзя, но многое прежде
 надобно нам рассчитать и все наперед порасчислить.
 Африка гневом на нас пылает: ни судну причала
 60 нечего ждать, ни приюта гостям, ни крова, ни корма —
 всюду, куда ни глянь, одно увидишь, прямую
 ненависть. К чьим берегам мореходному воинству править?
 Где дружина привал? Где вождям наметы раскинуть?»

Кто нам покажет путь? Кто расскажет о градах и селѣх
 65 и о повадках людей? Кто брод безопасный укажет,
 если глубокость реки полки устрашит на походе?
 Стало быть, надобно впредь любую разведывать мелочь!

Первое знать хочу, возможно ли — если возможно —
 варварским верить сердцам. Тебе доводилось ли слышать
 70 имя Сифака? Молва гласит, что он меж царями
 всех богаче казной и над всеми возносится родом,
 исстари знатным, а царство его велико и обильно.
 Нужно его испытать и, ежели славы латинской
 отзыв мог донестись до глухих ливийских окраин,
 75 вдруг да прельстится учтивостью просьб и щедрой хвалою —
 даже дикарской души огрубелой не раз досягала
 сладкою ласкою честь. Тогда для прибытия войска,
 как я замыслил, мы гавань найдем у этого берега
 вражьей страны и выйдем в поход из этого стана.
 80 Вот забота тебе, ибо ты честнейший и лучший,
 вежествен словом, умом изощрен, понятлив душою —
 будь же речист с дикарем, смягчи учтивостью грубость!»

Так он сказал, и тот, немедля снявшись с причала,
 пересекает узкий пролив, что Иберские скалы
 85 теплою рознит волной с песками Ливии ближней.
 Тем же днем успел он пристать к Африканскому берегу
 и поспешил к царю.

Подпорой столбов белоснежных
 ввысь вознесен дворец и повсюду желтым металлом
 царский чертог осиян,
 90 блеском наряжен лучей, от узорочья пестрого бьющих.
 Этот камень шафраном горит, тот зеленью светит —
 глянь в потолок и словно бы свод узришь многозвездный.
 Там золотой Зодиак под изгибом кровли высокой
 замер в самом верху, на круге венца отчеканив
 95 бег уклончивый. Там подобно подвижным светилам,
 коих на небе семь, семь камней искусногранных
 Атлас, когда еще не был горой, исхитрился приладить.

Тускло светит один на радость хладному старцу,
 грозно рдеет другой, а вот этот словно ласкает
 100 блеском лучистым взор и красит кротким мерцаньем
 весь рукотворный свод. Посредине солнечным жаром
 алый пылает лал, горением граней несчетных
 сумерки гонит прочь, и мнится, что дивною мощью
 ясный день творит и тьму побеждает ночную,
 105 Феба пример переняв. По соседству заходят и всходят
 в очередь две звезды, и та, чей блеск золотистой,

зрящего душу вмиг зажигает любовною страстью.
 Круто выгнув рога, адамантовой острые гранью,
 неутомимо Луна поспешает дорогой отлогой —
 110 цветом темна, но горних лучей украшена светом.

Выше видна череда многообразных тварей, для глаза
 страшных и дивным литьем в различных представленных статях.
 Первым стоит Овен — рога закручены в кольца,
 морда к спине склонена, как будто в ужасе скорбном
 115 все еще зрит он средь волн царевны бесценное тело.
 Рядом свирепый Бык — такой Агенора чадо
 по морю вплавь уносил, а подле пресветлые лики
 юных двух Близицеов — благородных отпрысков Леды.
 Следом представлен Рак водяной в ужасном обличье,
 120 с ним кровожадный Лев устрашает лютым оскалом,
 а по соседству в румяной красе миловидная Дева.
 Далее плечи Весов, в качании грузном колеблясь,
 быстрых часов череду отмеряют равною мерой.
 Тут Скорпион грозит клешнями громадными, к бою
 125 злой изготовив хвост; а там Фессалийское диво
 в образе полулюдском: лицо и руки и плечи,
 как человецьи, хоть стар, но яр, препоясан колчаном
 кости слоновой и с силою лук напряг смертоносный,
 вниз же от пояса скот; а вот внесенное к тверди
 130 легкое тело Козы — рога червоным блистают
 золотом, а ноги ее двойными копытами крепки.
 Рядом наг и могуч, с головою в облаке черном
 изображен богатырь, который небесную влагу
 льет из ковша, и в его струе многозвездной режутся
 135 Рыбы — хвостами бьют и влагу секут плавниками.
 Светлый вода хоровод, вся дюжина знаков небесных
 взор совершенством дивит и по своду лепится стройно
 близ пестроцветных картин, где в золотой представлены славе
 лики богов и героев краса и деяния предков.
 140 Первый Юпитер: воссел на престоле царственном гордо,
 скиптр держа и перун, а рядом молниеносец
 в лапах когтистых влечет Идейского отрока к звездам.
 Обок, старостью скорбной согбен и осанкою грузен,
 от головы до пят укутан сизым покровом,
 145 серп и мотыгу вздымает Сатурн — простоватым обличьем
 с пахарем схож и чад родных пожирает свирепо.
 Тут же дракон изрыгает огонь, вцепившись зубами
 в загнутый хвост и вия огромными кольцами тело.
 Неподалеку виден Нептун: разливисто трубит
 150 в гнутый рог, препону волны расторопным трезубцем
 режет и так плывет в глубинах пространного моря.
 Круг него тритонов стада и нимф хороводы

свитою вьются, почет воздавая царю водяному;
тут же и конь — из разлома скалы послушно на сушу
¹⁵⁵вынырнул и песок прибрежный копытами топчет.

Вот вблизи Аполлон — безбородый и долговолосый
отроком, юношей нежным глядит, однако висками
сед добела. Священный скакун, охочий до бега,
льнет к хозяйским ногам, удила грызя в нетерпенье.
¹⁶⁰Рядом невиданный зверь — исполинский, трехглавый, трехзевый —
взором умильным глядит, господской радуясь ласке:
правой главою он пес, а левою волк кровожадный,
посередине лев; змеинный хребет воедино
тело тройное крепит, чешуею покрытое скользкой.
¹⁶⁵Тут же кифары святой столь правдиво выведен облик,
будто бы звонких струн достигают звуки до слуха;
тут же лук и колчан, летучими стрелами полный;
тут же громадный Пифон, в Киррейской простертый пещере.
Рядом желанный певцам италийским и греческим стройно
¹⁷⁰лавр возрастает золотой, под сладкой и благоуханной
сенью дающий приют девяти голосистым камням —
тем, чьих песен трель способна, мнится, светила
на неперменных путях задержать чарующим звуком.

Обок со старшим — младший брат: лицо не скрывает
¹⁷⁵хитрости, посох в руках оплетают лютые змеи,
издали на голове приметна нарядная шапка,
в блеске крылатых подошв обуты перьями ноги.
Бодрствует рядом петух, простерт зарубленный Аргус,
слева в гордой красе восседает жена молодая
¹⁸⁰с ликом веселым — мил ей вид благородных художеств.

Неподалеку видны пресловутые сестры Горгоны,
тут же Персей: в зеркало глядит, от главы змеекудрой
взор отратив и братнии клинок ей в горло вонзая.
Каменный рядом старик и кровью рожденное диво —
¹⁸⁵конь крылатый, и муз преблагих источник священный.

Дальше глянь — и узришь кровавого Маворса облик:
на колеснице злой он пугает патиском ярим;
обок с ним волк и сирых сестер проклятая стая,
кнут в руках, покрыта глава сверкающим шлемом.
¹⁹⁰Вот, прознав обо всех грехах и проделках супруги
прелюбодейной, собрался Вулкан кособокий в погоню,
да оступился хромою ногой, а боги толпою
смотрят — и звездный рой смеется над мужем ревнивым.

Рядом, с румяным лицом, с взнесенными к тверди рогами
¹⁹⁵Пана великого зришь: убор звездами наряжен,

поги косматые бьют копытами козьими в скалы,
гнутый посох при нем пастуший — и гулким напевом
в семь тростников гудит свирель исполинская бога.

А по соседству царица богов, Юпитером чтима
²⁰⁰ сразу сестрой и женой, на державном воссела престоле:
гордо глава взнесена в венце облаков достославном,
кои красою своей Ирида пестрая красит;
тут же кротко к стопам госпожи прильнули павлины.

Рядом внушает страх в боевом доспехе Минерва,
²⁰⁵ именем девы знатна: копье вздымает десницей,
гребнем шелома трясет и грозит оскалом Горгоны,
что на блестящем щите прилажен; за нею ночная
птица простерла крыла, покорствуя зоркой хозяйке,
и зеленеет Кекропов сад младою оливой.
²¹⁰ Отчей главой рождена, она презирает Венеры
отпрыска наглого мощь и сестры гнушается родом.

Вот нагая встает Венера из моря — неславно
это рождение ей! — увлекая резво с собою
в алых розах жемчужный дом, а с нею голубки
²¹⁵ свитой летучей и три нагие прекрасные девы:
девы, из коих одна отвернулась, а обе другие
прямо к нам обращают лик и приветные взоры
и в хороводе тройном сплетают белые руки.
Здесь и крылатый сын: колчан у него за спиною
²²⁰ полон острых стрел, а лук пощады не знает,
коим прицелился он в Аполлона и выстрелом метким
ранил — звезды с небес от вопля посыпались бога,
злой же шалун спешит в материнских укрыться объятых.

Вот Диана с сонмом дриад под сенью лесною:
²²⁵ быстрые фавны кругом, ореады, гурьбою сатиры
ей рукоплещут; и тут же пастух, приятнью богини
взысканный, сладко храпит, примостясь на травке зеленой.
Древле узрел Актеон горемычный в брызжущей влаге
дивного тела красу и был в наказанье немедля
²³⁰ сворой растерзан псов — тебе же, Дева, за это
с тщетным усердьем дарят оленей жертвенных скифы.

Вот наконец Кибела-мать, которой милее
Ида иных краев, восседает: плотью огромна,
видом стара, с ключом и жезлом, в почете державном,
²³⁵ пестрым нарядом горда. Башненосной стеною фрагийской
ей, многодетной, высокий венец главу украшает,
ибо всем богам и с ними Владыке перуна

мать у древних она, хотя уместно напомнить,
что плодовитое чрево ее и гигантов свирепых
240 произвело, на века породивших пагубы миру;
львы ручные влекут колесницу великой богини.
Следом поодаль, воссев на престоле серном, владыка
лютый подземной страны бесплотным державствует людом
Тартара; рядом с ним немилая ликом супруга,
245 якобы древле с Геннейских лугов уведенная силой.
Здесь за земные грехи слезами платят и скорбью,
здесь на девять кругов разделяется стенами зримо
бледное царство, здесь черный Стикс с водою стоячей —
в омут его Ахеронт устремляется мрачным потоком
250 и заставляет вскипать болото вязкое тиной.
Здесь рыдальца-Коцита исток, что слезной струею
обнял Авернский дол, в преисподних пещерах стена
с сонмами теней в лад; здесь в дымных водоворотах
волны стремит Флегетон; здесь льются забывчивой Леты
255 тихие воды — и, черный челн направляя кормилом,
лодочник старый везет через реку грустную души.
Зорко глядя сквозь мрак, с суровой супругою вместе
все наблюдает Стигийский царь и грозные очи
видом множества мук услаждает, свирепую властью
260 верных бодря палачей — Смерть и Скорбь у него под началом,
Фурии служат ему и кривопрядущие Парки,
льнет трехглавый к стопам его Страж ужасного царства.

Всю многовидность картин и в каком порядке предивном
изображают они все уделы сверху до низу
265 Лелий успел разглядеть, отнюдь не прельщаяся золотом:
мило оно другим, а ему — что пыль под ногами.
Вот, пространный чертог пройдя от края до края,
он предстал пред царем: с высокого трона поспешно
тот поднялся поскорее обнять желанного гостя.
270 После уселись — и тут начинает Лелий утчиво:

«Царь наилучший! судьба тебя удостоила другом,
столь великим, каких от брега Индского Солнце
в долгом своем пути к Гесперийскому сонному ложу
больше не зрит, не узрит и — коль сам я зряч — не узрело.
275 Слушай же, дабы слова не метал я праздно на ветер:
сам Сципион — на великой земле величайший из смертных —
шлет тебе привет! Коль святость и благочестность
живы, коль верность чиста и о славе прекрасной забота
не позабыта людьми, то знай: в народе едином
280 все сие процвело и вождь един у народа —
Рим всему головой, а ему Сципион головою!
Речь нелжива моя, ибо ныне сей муж превосходный

нищет дружбы твоей, государь. Сердца финикийян
ты испытал — неверны, но внемли мне: если Фортуна
285 счастьем их одарит военным — о пусть не дозволит
этого Бог богов! — то множество бед испытает
царство твое и для жизни твоей настанет угроза.
Их до поры лишь страх, а отнюдь не приязненность дружбы
держит, у римлян же нет знатней и надежней науки,
290 нежели верность беречь драгоценную — наше богатство
мерить привычно нам друзей любезных обильем.
Слов свидетель моих недалече — Испания рядом,
тоже Авсония. Ныне и ты, о Африка, верность
наших обетов узнай — испытай народ тогносный!
295 Сам рассуди, насколько тебе полеансе дружба
с нами: мы далеко, а издали частой докукой
вряд ли дойдем, но чуть нужда — корабли наготове
наши в морской поход при малейшем отпавиться ветре.
Так в надлежащий час для врагов изумленных нежданно
300 римские вблещут мечи твоим воителям в помощь.
Больше скажу: коль путь, пролагаемый нами, Фортуна
злая не загородит заставою неодолимою,
то непрременная наша цель — державцев ораву
поразогнуть и лишить нечестивых тиранов престола,
305 дабы немногим все досталось. С единым владыкой
царства во благе стоят, но когда не знают законов
пастыри, паства у них горемычная. Африка так же
вся отойдет к царю одному единым уделом.
Длитель ли слова? Достойней тебя ужели другого
310 можно сыскать меж Атласских скал и волн Ерифрейских?
Так не презри дары, подносимые другом могучим!
Вот он шлет тебе скакуна Апулийской породы —
вскормлен для браней конь, а резвостью быстрому Австру
равен и, словно перун Юпитеров, рвется в сраженье.
315 Вот и сбруя коню, и златые на белую шею
гривны — этот убор у Самнитского отнят тирана.
Вот и доспех для бойца из руд изготовленный твердых,
кои открыты для нас изобильной металлами Ильвой:
глянь, как черен шелом, как светел меч заостренный,
320 глянь, как надежна броня, что для целой кована груди,
глянь, как поножи легки, как плащ багряный сверкает,
пестрым узором прикрыв железа темного хладность;
глянь, как стрекало блестит — железное в золоте желтом,
как дальнобойно копье, как щита изгиб ограждает
325 от остроты клинков. Итак, отныне для брани
римский вздешь доспех — молю! на доброе счастье
эти прими дары, о великого друг Сципиона!
Вот желанье его и Рима согласного просьба:
клятвою с нами союз скрепи, да будет счастливым

³³⁰ нынешний день и вовек Европа с Ливией вместе
праздником общим да чтят его память». Так возгласивши,
Лелий окончил речь и взор в молчанье потупил.

Ласково царь отвечал: «С охотою, римский посланец,
все принимаю от вас — ни даров столь знатного друга,
³³⁵ ни обещаний твоих не отрину, однако же в спешке
клятвой крепить договор опасаясь и с новым союзом
несколько пообожду, покуда вождь благородный
не посетит меня сам, — я пожать самолично желаю
победоносную длань, которая лучшей порукой
³⁴⁰ станет союзу навек и миру надежным залогом.
Ведомо нам, сколь доблестен он и сколь во вселенной
славен — доселе никто в державе Римской знатнее
не был, никто не умел с такой необорною силой
речью умы увлечь и восхитить обликом души.
³⁴⁵ Нам и заслуги его и самое имя любезны,
ныне же свидеться с ним хотим: десницу десницей
тронуть, глазами глянуть в глаза и слову услышать
слово в ответ — да придет поручителем собственной славы!
Право, наши сердца не настолько грубы и свирепы
³⁵⁰ и не настолько в груди одичали варварством души,
чтобы не тронула взор красота, а явная доблесть
не обаяла бы ум! Меня на месте о царстве
бедственном держит печаль: нельзя из отчих пределов
выйти, покинув удел изобильный окрестным тиранам, —
³⁵⁵ иначе я бы и сам отправился, ибо немало
чести тому, кто спешит по морям к столь славному другу.
Он же, напротив, отнюдь не сдержан обидной уздою
страхов и годы его младые, а юноше легче
тяготы снести пути. Коль ко мне он вправду приязнен,
³⁶⁰ коль доверяет мне, то для дружеской дельной беседы
пусть навестит меня здесь — дорога в морях безопасна!
Ну а пока пора нам за стол: уже протянулись
в сумерках тени и гаснущий день торопит к обеду».

Молвив, с престола восстал, радушно Лелию руку
³⁶⁵ подал и выше всех его устроил на ложе,
крытым багряным ковром. Разнесся в пространных чертогах
трубный зов — и толпой расторопной забегали слуги
взад и вперед: не обычный обед и не будничным ужином
был им в заботу вменен, но иные с чашей златою
³⁷⁰ бережно шли, у иных кристалльнограненые блюда
или же кубки из цельных камней самоцветных, резные,
полные пенным вином, которое мать Мероэ
произвела в старину, пламенея от ближнего Феба, —
весь сверкает дворец и звонкой гудит суетою.

³⁷⁵ Так же устраивал пир, если верить Гомерову слову,
некогда царь Алкиной: там Улисс восседал сладкогласный,
здесь достопамятный гость — с устами медовыми Лелий.
Только откушали, как предстает пирующих взору
отрок в алом плаще с певучею лирой и струны
³⁸⁰ строит на отческий лад: предивной сладости звуки
слух ласкают — а вот и песня вослед за игрою:

«Присномогучий Алкид, когда во вселенной чудовищ
всех истребил, во плоти к звездам обрести удостоясь
путь, то покинул Лернейскую топь и Немейскую пуцу,
³⁸⁵ и навевавшие страх Эриманфа лесистого сени,
и Гемонийских ущелья гор, и двух достославных
прах городов, и груду тел гордецов двуприродных,
и Герiona тройного труп, а после отважно
к этой стране снизошел и разом с нашей бедою
³⁹⁰ кончил, из отчей земли жестокого вырвав Антея.
Воля настала для нас! гнуснейшая пагуба наша
дланью искоренена Геркулесовой! Освобожденный
край процвел, и вновь из изгнания пахари к пашням
полузабытый путь нашли. Вселенную кроткой
³⁹⁵ неустрашимый зрит и вот уже к Орка порогу
рвется, дерзая взглянуть Мегере в лютые очи.
Неподалеку от наших границ — о диво! — среди моря
бурного два Столпа герой воздвигнул высоко,
дабы предел указать человекам, до коего можно
⁴⁰⁰ плыть. Миновали века, покуда недавно с Востока
юный к нам сумасброд не явился, дерзко взыскуя
древнюю свергнуть мету, — но и он не успел от утесов
честь Геркулеса отъять, которому ветхий владыка
здешних полей, Атлант, изнурен непомерною ношей,
⁴⁰⁵ звездный доверил свод и отдых обрел долгожданный,
но ненадолго, увы! ибо, сладким развежась покоем,
глянуть решился бедняк в проклятые очи Медузы
и обратился в скалу. Великого Атласа ныне
видим, которого тень осеняет громадою землю,
⁴¹⁰ коего вширь и вдаль простерся хребет, а макушка
горних касается звезд — седины его снеговые
треплют ветер и дождь, и гроза, и град леденистый.
Только недолго была его неотмщенной обида,
ибо Горгоны главу, хитроумной научен Палладой,
⁴¹⁵ мститель Аркадский срубил, и зараза мерзостной крови,
гнусным гноем сочась, отравила Ливийские степи —
так, хоть жива хоть мертва, вредила миру Медуза!
После царица, из Тира сюда бежавши, стенами
огородила простор, Карфаген воздвигнув могучий,
⁴²⁰ прозванный хитрости в честь. Бладыку ближнего царства

взять не желая в мужья и тем своего же народа
 воле перечая, она покойному верность супругу
 смертью своей соблюла — столь отважная древле царица
 сей заложила град! Ей великою будет обидой,
⁴²⁵ ежели вдруг — но нет! возможно ль такое помыслить? —
 явится дерзкий пиит и в песне игривой святое
 имя ее сопряжет с позором преступной любви.
 Так был выстроен град и так в недолгое время
 силою взрос, но увя! неизменная спутница счастья
⁴³⁰ зависть взъярила на брань великие мощью народы.
 Жили в ту пору бойцы лихие, из коих доньне
 чтит Карфаген за любовь небывалую к милой отчизне
 братьев Филенов: они причислены издавна оба
 к сонму богов и общий алтарь водружен для обоих —
⁴³⁵ если бы братья тогда не расстались радостно с жизнью,
 тысячи их земляков легли бы на поле Киренском.
 Ныне последний век полыхает битвенным пылом,
 и ни кипучий моря простор, ни алчная Сцилла
 вкупе с Харибдой сдержат финикиян натиск не могут,
⁴⁴⁰ ибо сам Ганнибал приснославный Лация холмы
 тяжелой поправ стопой: одолел неприступные горы,
 укусом камни трава, и провел он войско по кручам,
 в коих и диким козлам опереться негде копытом.
 Всюду битва и брань, сочатся пажити кровью,
⁴⁴⁵ кровью алеют ручьи, и сорною всходит травою
 тук Итальянских лугов — но тут по воле небесной
 вдруг молодой герой отечества скорбного беды
 принял на плечи: подвиг его Испания видит,
 Африка слышит о нем. Меж двумя вождями Фортуна
⁴⁵⁰ ныне в сомненье стоит, колеблема бременем тяжким, —
 дело решит судьба, но свершиться великому должно!»

Так он играл и пел, а на этом слове поспешно
 песнь оборвал, и прощальный звон исторгнула лира.
 Рукоплесканьем певца наградили вельможи и слуги,
⁴⁵⁵ царь же промолвил: «Гость, ты слышал преданья ливиян
 все по порядку и наш народ узнал от начала —
 ежели стоит сие ответного дара, поведай
 также о ваших вождях и началах».

С улыбкой учтивой
 Лелий отвечивал: «Долгих речей, о царь наилучший,
⁴⁶⁰ ты ожидаешь! Ужель о наших повесть победах
 краткою будет? Поверь, продлилось бы более года
 то, что желаешь вместить в остаток часов предрассветных,
 кои почти истекли, а если бы даже к рассказу
 я приступил, то усталый язык лопотал бы дремотно
⁴⁶⁵ попусту — нет! речам пространным ночи не хватит.

Разве легко изъяснить, как веками Италия бьется
 в бранях лихих? обо всех поведать с тусками распрях
 и обо всех боях с самнитами и о набегах
 галльских орд? и в том, что свершили мы в землях Ливийских
⁴⁷⁰ и среди хляби морской, когда нежданно столкнулись
 наши и вражьи суда, круша уключины весел?
 Разве легко изъяснить Испании бедственной горе,
 где изобильная смерть запрудила трупам реки
 и повсеместно поля дымятся свежеею кровью,
⁴⁷⁵ пролитой нашим мечом? В старинных хранится сказаньях
 перечень этих побед — лишь малая часть от свершенных,
 перечень, коего список тебе из Тарпейского храма,
 если угодно, пришлет Сципион: в сем капище держат
 летопись всех трудов, ради общей содеянных пользы.
⁴⁸⁰ Многое вычитать там возможно, однако же полной
 правды и здесь не найдешь — не в словах свидетельства верность.
 но в очевидности дел! Никогда не водилось у римлян
 неисчислимых писаек, которыми греки с избытком
 полнят вселенную: нам куда как приятнее делать,
⁴⁸⁵ чем сочинять, — чем хвалить других, мы лучше заслужим
 сами от них похвалу, потому-то о подвигах наших
 скудные книги, коль видеть тебе таковые случалось,
 писаны чуждой рукой, но даже и грекам речистым
 трудно в должных словах изъяснить величье свершений
⁴⁹⁰ римских — сие надлежит вам к случаю крепко запомнить.

Ныне, сколько часы ночные дозволят поведать,
 я о началах скажу. От крови Тевкровой древле
 наш изошел народ, чей град, по преданию, греки
 приступом взяли, держав в осаде два пятилетия, —
⁴⁹⁵ тот, кто злодейство сие отмстит, в земле Италийской
 верно уже рожден! Ворочусь, однако, к зачину.
 От таковой беды из тысячи граждан едва ли
 мог и единый спастись. Когда на бреге Фригийском
 дымным тлело костром пожарище матери Трои
⁵⁰⁰ и оседала черной золой раскаленная сажа,
 знатный вождь и во бранях лихих преславный воитель —
 отпрыск Анхизов — узрел, что нельзя ни в собственных землях,
 ни у союзных друзей приют обрести безопасный,
 и удалился в слезах от отечества и от супруги
⁵⁰⁵ нежнолюбимой: итак, испытав превратности странствий,
 посуху долно блуждав и по хляби бедственной плавав,
 неутомимый беглец Авсонийского брега достигнул.
 Ратную Трои мощь узнали тогда старожилы
 Лация, и наконец Лавиния пришлому мужу
⁵¹⁰ мир принесла и любовь. Благочестного тело героя
 дивный отхитил поток, и его наследовал царство

юный Юл, а за ним другие. Сначала державой
те володели цари, у которых градом престольным
долгая Альба была, покуда близ Тибрского тока
515 новой столицы себе пастух не воздвигнул отважный.
Мститель за деда, каратель злодейств, он потомками чтится
пращуром, кончившим жизнь в эфире горнем, — усердно
ладан потомки курят отъятому небом Квирину.

Вот тебе повесть о том, откуда вырос наш город.
320 Что же сказать о вождах? имена какие успею
ныне назвать? Предо мной несчетные множатся сонмы,
а особливо с поры, когда сеяла щедро свобода
знатных мужей и созреть помогала в тиши безопасной
душам великим. Поверь, многозвездной ночи светила
325 или же волны в морях и песок по песчинке прибрежный
легче мне перечесть, чем вождей имена достославных,
коими Город горд: отважных Камиллов, бесстрашных
Куриев, Павлов честных, три сотни Фабиев смелых,
разом в единый день за отечество жизнь положивших,
330 грозных Торкватов, Лепидов семью, суровых Катонов,
скромных Фабрициев дом и тех кому имя стяжала
резвость, и род другой, небесною прозванный птицей,
храбрых Марцеллов чреду горделивую, дерзостных Гракхов.
Регулов верных — молва военная, сколько я знаю,
335 имя сие уже донесла до вашего слуха! —
и наконец помяну надо всеми знатнейших и лучших
Сципионов, чей род священным Корнелиев домом
был от небес обретен и сравнял человек с богами, —
наш над вождами вождь от них. Мне труд непомерный
340 всех досточтимых семейств исчислить хотя бы прозванья --
как же поведать теперь о делах достопамятных? Силы
нет мне такой! Язык у меня отнюдь не железный,
тоже и уши твои! Но чтобы никто не помыслил,
будто мы скудней той верностью, коей Филены
345 ваши повсюду слывут и всеми воспеты ладами,
самую малость и я передам из многих преданий.

Древле разверзлась земля — то ли ветра неявным порывом,
то ли еще почему — и вот зияющей бездной
сделалось Городу в страх вечевое римское место.
350 Всею гурьбою кругом Сенат стоял изумленный,
тут же толпа горожан: поспешали иные в смятенье
к яме тащить валуны, иные носили мешками
землю иль волокли потолще бревна, но тщетны
все труды и въяве видать, что от божьего гнева
355 эта струсилась беда и лишь у богов избавленье.
Робко гадания ждет народ — и глаголет кудесник:

«Племя пресветлое, днесь уstraшенное ужасом дивным!
 надобно пропасть сию не так, как мните, заполнить,
 ибо не в радость богам ни булыжные груды, ни кучи
 560 пустопорожней земли! Хоть скалу Тарпейскую бросьте
 в сей провал, да со всеми шестью иными холмами,
 хоть Апеннинский хребет взгромоздите сверху и Этну —
 втуне! Отверзтая пасть пожрать все лучшее ваше
 жаждет и малою мздой ее невозможно насытить!»
 565 От таких слов сердца цепенеют, бледнеют
 лица, но люди несут — кто золото, кто самоцветы,
 кто серебро, ибо это и мнят сокровищем лучшим
 все, у которых душа коснеет в неведение блага
 сущего, ослеплена к богатству брэнному страстью,
 570 замкнута в черной тьме узилища тесного плоти.
 Тут-то единый храбрец молодой толпе в укоризну
 громко гласит: «Что толку от вас, незрячие души?
 Надобен дар дорогой, а вы несете дешевый!
 Много ли в злате цены? Его земля изблевала
 575 из потрохов, а копит его в бесплодных каменьях!
 Верно вам говорю: нет богам ничего драгоценней
 доблести нашей и наших мечей — сокровище Рима
 истинно лучшее в них, и коль боги лучшего просят,
 вот им меч и боец!» Так молвив, оп ясные очи
 580 ввысь устремил — к небесам и на храм Юпитера, город
 с холма блюдущий — взмахнул горе и долу руками,
 вышним взмолясь богам и манов призвав преисподних,
 к коим спешил, а затем скакуна пришпорил лихого
 и самовольно ринулся в пасть отверзнутой бездны —
 585 только блеснула броня удальца с затихающим звоном.
 Грянул гром, и провала края сошлись воедино
 сразу, едва острие копья из виду пропало —
 так небеса порой зиянием огненным блещут,
 словно бы щель разомкнув в глубины надзвездного мира,
 590 но налетает вихрь, полыхавшее заревом пламя
 гаснет, и горний свод обретает прежнюю кротость.
 Вот тебе славный муж, который отечества ради
 канул в землю трупом живым, — иначе не скажешь! —
 во всеоружье путь проложив среди куцей Стигийских:
 595 памятен Курций честной в преданиях наших вовеки!

Хочешь о Дециях знать? Из этого рода старейший,
 видя, как римскую рать обрацают в бегство латины,
 гневный исторгнул стои, добровольно богам всемогущим
 жертвой себя обрек и в гуцу врагов устремился,
 600 кудри повязкой обвив, на габийский лад препоясан.
 Так он пал, прияв клинков несчетных удары
 и до скончания дня для нас добывши победу

смертью своей: он умы помрачил враждебным латинам,
он им души потряс внезапного ужаса дрожью,
⁶⁰⁵ ибо воистину был обличем страшен — и мнилось,
будто не смертный муж, но сущий бог вороного
гонит вскачь скакуна! Сию наследовал вскоре
сын по праву честь, изгнавши вторгшихся галлов
орды и подвиг отца повторив благочестным деяньем,
⁶¹⁰ ибо средь брани призвал родителя и с громогласным
кличем вперед — сквозь мечи, сквозь копыя, сквозь ропот
смятенных
галлов — на верную смерть устремился к вражьему стану,
бегство, погибель и страх перевлекши недругам сильным!
Третий в семействе — внук, что отцово и дедово имя
⁶¹⁵ не уронил, хоть молва ему уделила почета
меньше: луканов мощь он повергнул столь же святою
жертвой и так низошел тропою сходною к теням.
Трижды за разом раз в трех битвах жизнь положили
трое, победу стяжав добровольной смерти ценою,—
⁶²⁰ род достославный! Ему по праву и по уставу
вечно гремят хвалы, которых вовеки забвенье
злое не сильно стереть из памяти поздних потомков.

Я не хочу повторять известное всем и повсюду,
ибо ты ведаешь сам — не настолько давнее дело,
⁶²⁵ чтобы тебе не знать! — как преданно Регул отважный
верность клятве хранил и, врагам отдавшийся, принял
лютую казнь, взбодрен к отечеству пылкой любовью.
О благочестный старик! твоя не умалится слава
временем: ты опочил, но она неизменно пребудет
⁶³⁰ ныне и присно живой!
Стоит ли длить рассказ о родах и мужах благородных,
если столь часто зрим, как спешат на верную гибель
строем полки за вождем по примеру его и приказу?
Лишь возгласит он: «Вперед, бойцы, отступать не пристало!» —
⁶³⁵ вспять никто устремить не мыслит ни шага, ни взгляда,
по не колеблясь стремглав бросается в смертную сечу.
Так повелось, поверь, у римлян, чтобы случайность
счастья презреть и весело смерть грядущую встретить —
все презреть, что народам иным желанно и мило,
⁶⁴⁰ радостно все принять, что другим ужасно и страшно:
горькую боль победить, попать телесные муки
и предпочесть своевольную смерть прозябанью в презреньи!»

Молвил и смолк, а царь возразил; «Ты прервал в середине
повесть! Зачем о последних царях не сказал ты ни слова?»
⁶⁴⁵ Гость в ответ: «Ты прав, царю об участии царской
любо поболее знать. Я только краткости ради

их обошел, а тебе подозрительным мнится молчанье.
Дабы не понял ты так, что если мы древле дерзнули
наших изгнать царей, то поять их богатства желали
650 алчно, а после злодейству нашли красивое имя,
выслушай честный рассказ, почему сменилось правленье.
Вольность желанна была давно и души манила
светом, но груз престола давил таковые исканья,
и утесняла царской лозы самовластная лютость
655 люд подневольный — объял столбняк бездейственных граждан,
право забывших свое. От этого гнусного дома
столько снесли мы, что стыдно сказать, а стыднее припомнить,
столько раз, негодным царем ведомые в битву,
были мы биты на чуждых полях с превеликим позором
660 это за рабскую лень! Безделицей было владыке,
что заслужил он чредою злодейств прозвание Гордый,
лишь бы имя сие преступленьями новыми слыло
дома и в чуждых краях. Сколь дико и мерзостно видеть
тысячи мужей — народ, которому доблесть дорогу
665 всюду могла проторить и который судьба наделила
всем и который вздевал ярмо на царства, — в испуге
перед единым подлым вождем, чья кривда всевластна,
словно священный закон! Вот так медоносные пчелы
истово служат царице своей, от трутней зловредных
670 и от лихой мошкары охраняя улей ретиво:
даже хозяина сот они зачастую пугают,
чтобы не смел подойти, а тем паче жалят и гонят
псов и овец — и притом сокровенна, мала и бессильна
их страшит госпожа, которую войско и челядь
675 самозабвенно чтят, толкутся круг царской палаты
и на своем же горбу носилки царицы тащат.
Так же точь в точь и мы царя страшились и чтили
благоговейно, пока не взросло с гордынею вкупе
чванство его и дерзкий порок не умножился спесью.
680 Въяве видать, что медлить нельзя, что время железом
вскрыть нарыв и что ждет десницы целительной язва:
даже у тех, кто смиренно сносил державную наглость,
край терпенью настал от нового гнусного дела.

Царский сын молодой, преступною похотью сердце
685 воспламенив и в безумстве своем затеяв злодейство,
к наичистойшей из жен явился под тайным покровом
ночи: принят как гость, у хозяйки, не чаявшей злого,
он отымает стыд, а после, достигнувши подлой
цели, над женщиной горд победой, в скрывающем мраке
690 весело прочь идет и молчит о гнусном обмане.

А между тем она, равно плоть и жизнь ненавидя,
в гневе на тело свое, вопиет: «Презренным сосудом

- похоти подлой, жена! тебе жить — ужель не навечно
прелюбодейного срама грязь тебя замарала?
- ⁸⁹⁵ Смеешь ли ложе зреть, на коем все, что любила,
отнято — муж и стыд, добродетель и добрая слава?
Нет, злосчастливая, лучше беги от скорбного утра,
лучше спеша сокрушить враждебной узилище плоти!»
Так отплакав в тиши, она отца и супруга
- ⁷⁰⁰ спешно зовет — ей только таких свидетелей нужно,
чтобы скорее бремя стяхнуть ненавистного тела.
В Риме отец, а супруг в отдаленном стане, но случай
был вернуться — итак, отца известивший посланец
встретил в дороге его и сказал, как велено было,
- ⁷⁰⁵ что приключилась большая беда — но незнамо какая —
в доме и, дескать, теперь поскорее родителю с мужем
нужно спешить к госпоже. Таковым жены порученьем
муж изумлен и понять в раздумье старается смутном,
что рассудила судьба и куда своротила Фортуна.
- ⁷¹⁰ Так размышляет и сяк, наконец с испуганным тестем
возле ворот сойдясь, с ним вместе торопится видеть
завашую и по пути об общей толкует забате.
Только явились, жена, приходом тронута ближних,
волю дает слезам и в ответ на расспросы супруга
- ⁷¹⁵ «Ты невреждена ли?» молвит: «О нет, мы разом лишились
всех сокровищ и радости нам не осталось на свете!
Если похищена честь, то увя! и мне, горемычной,
должно сгинуть! Ложе твое, супруг наилучший,
скверной чужак запятнал: осилено силою тело,
- ⁷²⁰ но не осилен дух — смерть порукой! Прострите десницы
и присягните, что к теням тать с неотмыщенной виною
не низойдет и срамить мой гроб не примется блудом!»
Далее в гневе она повествует, какое злодейство
ночью свершилось: рассказ мольбами и пенями полон.
- ⁷²⁵ Ей в утешенье твердит супруг, что нет преступления,
коль без порока душа, но слышит в ответ: «Коль сама я
и оправдаю себя, не желаю казни избегнуть,
дабы примером не быть блудодейным в Городе женам!»
Молвив, она клинком, что прятала в складках одежды,
- ⁷³⁰ в белую метит грудь и себя смертельным ударом
бьет наповал, разя глубоко, как будто на волю
хлынет из раны стыд поруганный. Так, по преданью,
птица родных птенцов, порожденье собственной крови,
злым зубом змеи загубленных, возносит к небесным
- ⁷³⁵ высям и гибнет сама, погребая останки их в небе.

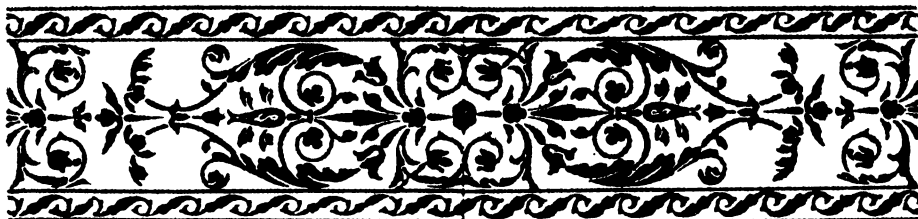
Все от зрелища ран в испуге и горе рыдают,
все вопиют и дом причитаньями полон и плачем.
Только Брут среди всех слова пустые и слезы

не расточает — храбрец, великую доблесть до срока
 740 в сердце таящий честном! Клинок, обогранный кровавой
 пеною, он берет из раны и ввысь воздымает,
 пылко глася: «Клянусь Громовержцем и всеми богами,
 этой вот кровью клянусь, непорочно прежде и чистой,
 745 гнать огнем и мечом род царев, отродье царево
 и самого царя и царский сан горделивый:
 ныне, завтра, всегда — покуда живу я на свете,
 вечный я царству враг! Коль держать взаправду умеет
 эта десница клинок, державствовать царь не посмеет».
 Так присягнув, он других к таковой же подводит присяге:
 750 дивно всем, откуда взялось нежданно у Брута
 столько отваги лихой и откуда в сердце решимость.
 Он же сограждан зовет, обозрению являет народа
 мертвое тело, которого вид плачевен и жалок,
 и указывает иным на дымящийся теплою кровью
 755 меч, а иным на грудь с глубокою свежее раной;
 этому вспомнить велит о сестре, о супруге другому
 или о дочери — кто у кого в домашнем уюте
 узы крепит любви — и учит, что всякой опасна
 царская наглость и царская спесь и жестокая похоть.
 760 Так подстрекает он гнев, и вторит зрелище речи,
 ибо багровая кровь, остылость бледная смерти,
 скорбные муж и отец — все жалостью трогает сердце,
 и не дерзает никто отважному Бруту перечить.
 Вот потому-то, едва он двинулся с места, толпою
 765 люди стремятся за ним: препоясаны мужи мечами,
 жены гурьбою вослед, причитая об участи горькой
 славной Лукреции, честь и хвалу стяжавшей навеки.
 Длится ли рассказ? О множестве дел повествует преданье:
 770 вождь ниспровергнул царей, в изгнании умер неславном
 старый Тарквиний, сыны же его и злая супруга
 много прияли смертей за свои злодеяния в уплату —
 сгинул во прахе царя горделивого род самовластный!

Так пришел конец царям, а после настало
 лучшее время — на свет народилась наша свобода.
 775 Пала бессменная власть тиранов пред властью годичной,
 и самовластный скиптр разрублен секирой закона:
 вместо единого два державствуют консула скромных,
 коих донныне ты зришь в их равном и кратком почете.
 Первый розги для нас учредил первейший зиждитель
 780 нашей свободы: храня с великим рвением волю,
 в муках добытую, собственных чад, пособников власти
 царской, велел он питать лозою, а после секирой
 головы им отсечь — да будет бескорбна свобода.
 Столь же честной гражданин, сколь — увы! отец несчастливый,

⁷⁸⁵ в консулах столь же суров, сколь пылко свободе привержен!
После он же, когда войну царевич затеял,
чтобы себе оттягать в законную вотчину царство,
противустал наглецу и его смертельным ударом
вкуче с гордыней молодой повергнул в Оркову бездну;
⁷⁹⁰ в бранном, однако, пылу, тесня поединщика яро,
сам углядеть не успел размаха враждебного дрота:
оба пали бойцы свирепые, но напоследок
Брут осилил врага, на простертого рухнувши трупом
сверху, — и в смерти ему победа! Отнюдь не заботясь
⁷⁹⁵ сам уцелеть, он убитому рек: «Тебя, нечестивец,
в Тартаре я догоню и отмщу за злодейство железом!»
Мужи и жены, стар и млад, весь город оплакал
гибель героя, скорбь небывалым изливши стенаньем,
а особливо о нем причитали в слезах благодарных
⁸⁰⁰ домовладычицы: им воссиял он мстителем чести,
им он отец — и год беспросветно они горевали;
тоже и ныне для жен приснопамятно Брутово имя».

Предуведомление к песни четвертой

*Кончил повесть свою о начале римского рода
и о победах его, и о дивах великой столицы
Лелий, и начал рассказ о могучем своем полководце:
вид описал и нрав, а потом сказал о геройских
подвигах: как он отца в бою отгнал от смерти,
как оробелого он Метелла сдержал при победе,
как он Испанский удел себе потребовал смело
и, получив, отгнал за кровь и стыд поражений.
Черная ночь, наконец, велит рассказчику смолкнуть.*

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Он замолчал, а царь отвечал учтиво и кротко:
«Повесть бесценна твоя! Сколь высокое низкое выше
вижу и сколь далеко превосходят римляне прочих!
Знаю: затем жена стыдливая ваша искала
⁵ смерти, чтоб наша себе не могла присвоить Дидона
всей чистоты, и в недрах земных ваш молодец сгинул,
лишь бы слава не вся погребенным нашим досталась
братьям, — да в помощь ему родитель с сыном и внуком!
Но из премногих чудес наипаче дивно, что может
¹⁰ столь благородный дух обуять несметные толпы:
нет ничего для людей страшнее смертного часа,
когого ужас умалить сильна лишь стойкая доблесть —
изредка стойкость сия одному иль немногим присуща,
только у вас она всенародна, единым порывом
¹⁵ полнит полки и в бой во спасение гонит свободы
голою грудью на меч! Но того, что больше и дольше
жду услышать — каков ваш нынешний вождь несравненный,
ты не сказал: молю, хоть теперь об этом поведай!
Нрав у него каков и облик, и что он на сердце

²⁰ держит, и как сумел в столь юные лета достигнуть сана высокого? К нам донеслось молвой неустанной только имя. Сперва расскажи о недавнем походе в землю иберов — коль можно просить о слишком знакомом, ибо всему ты был самовидец и скрытые думы
²⁵ друга ведал один, потому что искренней дружбе всякая тайна претит. Молю, ненадолго помедли, быстробегущая ночь! и покуда Лелия летится красная речь, не гони коней белоснежных, Аврора, ввысь и дрему продли в объятиях дряхлого мужа,
³⁰ время рассказу дай! пусть жену румяную старый с пылом забытым сожмет и жаркою лаской удержит!»

Видит Лелий, как все, и дух и слух напрягая, ждут, и вот в тишине, немой и недвижной, к рассказу так приступает: «Увы! моему ли витийству под силу
³⁵ важный исполнить наказ? Не учен я складноплетеной речи, в которой цветет кекропского говора прелесть! Древле великий Гомер о юноше спел безрассудном, грубый Энный поет о лучшем из юношей ныне: тот от греков певца заслужил, а сей наипаче
⁴⁰ ждет от латинян певца, но Ахиллу для славы глашатай нужен, а этот сам без помощи хитрой искусства славен стал и день ото дня славнее. Приязнью я не обманут, хоть зрю, как со временем вольной хвалою будет он к небу взнесен, а если помехою ныне
⁴⁵ зависть — но нет! ворочусь к благодарному лучше зачину.

Ни у кого никогда природного столько величья не было в облике — мнится, что свет исходит он горний! Властная строгость чела являет к начальству призыванье, молнии мечет взор, и снести никому не под силу
⁵⁰ огненных взгляда очей; до плеч избыльные кудри вьются, в солнца лучах золотясь, хотя непогодой слутаны, ибо тяжелый шелом, испарины влага, труд неустанный и к жизни простой привычная склонность не позволяют мужскую красу по-бабьи лелеять;
⁵⁵ ростом он выше всех и часто бодрит среди брани издали войско свое высоко взнесенной главою, страх наводя на врагов,— так сразу надежду и ужас облик внушает его!
Грудь у него — дворец исполинскому духу простором,
⁶⁰ тоже и члены: плечами мсгуч и мышцами крепок, словно бывалый боец,— такого из тысяч и тысяч ты отличишь и наверно сейчас за царя его примешь. Столь несказанной красой повергает он встречных во трепет и, обо всем позабыв, они в молчании долгом

- ⁶⁵ дивным зрелищем взор услаждают, с готовою речью медлят, а то по тропе иной уводят беседу, ибо воистину он далеко превосходит обличьем смертных людей и насилу с ним Юпитер сравнится молниевержный иль Феб, пречистого лучник эфира.
- ⁷⁰ Вот и довольно: мужам в описаниях внешности долгих толку немного — смолчу. Ты сам, быть может, увидишь лик его ясный и скажешь, что я неполную правду выразил, — верно! ему одному вся слава пристала, ибо соседство с величьем чужим, что другому в убыток,
- ⁷⁵ лучшая прибыль ему. Коль года его знать пожелаешь, не утаю, что еще не изжил и третий десяток и что с течением лет его доблесть все на восходе. Даже и ныне он старцам пример суровостью строгой, но и веселость его для юности нежной завидна —
- ⁸⁰ горек сверх меры врагам, зато и сладок безмерно милым товарищам: глянь, каков он яростен в схватке иль после боя каков дружелюбен и кроток, — не скажешь, что ему больше к лицу! Никогда он от доброй удачи не заносился и злой не бывал повержен бедою:
- ⁸⁵ худо дело идет иль ладится, он неизменно тот же — покоен умом и ясным челом бестревожен. Злато презренно ему и почет от суетной черни, сущая слава одна желанна; ищет сокровищ искренней дружбы — друзей наживая верностью милых,
- ⁹⁰ верностью держит их. По всей стране Гесперийской о пришлеце молодом молва гласит, что с богами сходствует, неодолим никакою силой людскою, и, победивши мечом, полоняет вновь полоненных ласковой дружбой своей.
- ⁹⁵ Словно как дольний мрак уступает горнему свету, так вселенной края Италийским цветеньем теснимы; словно как ясность небес единым светилом яснеет, так в Италии Рим державным блеском отличен; словно как солнца лучи сияние звездное гасят,
- ¹⁰⁰ так затмевает всех Сципион! Правдивому слову верь — не скажи, что и этот герой по нашей привычке вымышлен и потому выше звезд его превозносит лживым глаголом молва. Воистину, впрямь почитают многие мужа сего ниспешшим с горнего неба.
- ¹⁰⁵ Да повторять ли сказки все? Докучные басни, но наизусть их твердит толпа! Итак, примечали перед рождением его, что якобы к матери в спальню дивный являлся дракон, для взора людского ужасный, — тут-то и слухи пошли по городу, будто зачато
- ¹¹⁰ семенем божьим дитя. Подтвердил таковое поверье

мальчик, едва на свет родившись, а после могучий муж, ни с кем из родных не сходный, но телом и духом богоподобный, которого жизнь величием нрава освящена и дел благочестных являет примеры.

¹¹⁵ Часто, от всех удалясь, поспешает он на рассвете в храм Юпитеров — тот, который на холме Тарпейском наисвятейший стоит и в котором жрецы боязливо чин наблюдают святой, — без страха в чертог заповедный входит один и, дверь заперев за собою, проводит

¹²⁰ близ алтаря часы, как будто в долгой беседе; но погляди на него, уходящего: одушевляет сила небесная лик и очи пламенем полнит! С твердой надеждой, едва нужда приспеет, за дело он берется, успех всегда суля непременный

¹²⁵ в бранях великих, словно ему обещано счастье богом, — воистину, он своим вдохновеньем среди брани войско не раз вдохновлял, сердца распаяя отвагой, так что свершали бойцы невозможное. Разумом крепки мышцы — бессильна плоть, коль дух не дарует ей силы!

¹³⁰ Часто я видывал сам, как к врагу уязвимые спины поворотили полки и едва знаменосец дрожащий держит прапор, — по тут, копьё из руки оробелой выхватив, первым вождь кидается в самую сечу с кличем: «Бог нас ведет! Его последуем зову

¹³⁵ иль побежим? Я следовать рад: с победою верной пусть ворочусь один, а если судьба восперечит, пусть в одиночку умру! Вольно вам бежать — доживайте трусами после меня иль идите на смерть молодцами!» Строй по слову его равняется, грудью встречают

¹⁴⁰ воины смерть и так добывают послушно победу — вот их любовь к вождю! вот стыд, погоняющий в битву! С точностью знают они, сколь стоек он разуменьем, сколь прилежит богам, сколь Юпитер ему добродеет, так что приказам его, словно божьим, всецело покорны,

¹⁴⁵ а потому никогда побежден он не был, хоть много знал препятствий в делах и в несчетных начальствовал бранях, — всех вождей превзошел и славен пребудет вовеки!

Ждешь ты еще услышать, какие ныне затеял новые он дела и какие внушает надежды

¹⁵⁰ на предстоящее. Знай: уже Карфагена твердыню помыслом он крушит, уповает приступом крепость взять и в хляби морской потопить задрожавшую Бирсу! Словно лев, на лугу заблудшую тучную телку взвидев, с голоду быстр и яр, к добыче дразнящей

¹⁵⁵ рвется и, в хищный прыжок изготовась, злобу под спудом копит, лютости ныл до скорой схватки смиривши,

но в нетерпении свирепо когтит непойманной жертвы
плоть, глазами кости грызет, потроха пожирает
мыслью и тешит гнев мечтой о растерзанном трупe —
160 так же, поверь! наш лев ярится ныне: ничьими
силами не уstraшен, упустить врага и добычу
он боится и зорко следит за отступом всяким.
Мыслит возможным он все, чего хочет, а все, что возможным
мыслит, может свершить и во всех успешен исканьях,
165 ищет же лишь доброты с лепотой да подвигов честных.

Мне ли хвалить благочестье его, которым измлада
знатен, во многих скорбях отцу послужив и отчизне?
Ныне довольно двух примеров. Вражье свирепство
в плач поселянам поля Цизальпинские лютой войною
170 опустошало: пожар, спаливший галльские пашни,
с Пада пеплом дохнул на твердыни священные Рима.
Послан на помощь вождя достославный родитель, но плохи
знаменья — длить ли рассказ? Мы с врагами сходимся в брани,
и финикияне верх берут! Наверно бы сгинул
175 наш полководец, когда бы не сын, которому минул
только осьмнадцатый год: отца, последнею кровью
чуть не истекшего, поднял с земли и дерзко у смерти
отнял, дорогу себе пролагая — отрока подвиг! —
в гуще врагов мечом. А после судьба до предела
180 нас утеснила: злой Ганнибал огнем и железом
римскую мощь истребил, и нашею пролитой кровью
славные Канны черным впились язвющим потоком
в Лация недра, боль бередя. Остатки надежды
вытеснил страх. Коль челн внезапно под натиском бури
185 рушится, более сил не имея ветрам и волнам
противустать, то дрожит дружина в ужасе, бледны
лица и всяк мореход одною томится заботой —
лишь бы спастись самому: то ли вплавь добраться до суши,
то ли править к гряде каменистой ближних утесов,
190 то ли размыканный бурей челн покинув, на бревнах
выгresti крепостью рук, наугад доверясь пучине, —
точно таков тогда был Рим и такие же мысли
мы питали. Увы! сколь великие беды державе
Город в шатанье сулил — вдруг рухнет! Правдивую повесть
195 стоит ли длить? Сойдясь под началом Метелла, решили
юноши так, что одно им осталось — бежать из отчизны
скорбной, да будет вручен победителю край Гесперийский.
Слух о совете вмиг разнесся: духом упали
граждане, страх сердца леденит, средь всех безбоязнен
200 только некий трибун войсковой, которого щеки
нежные первым пушком едва покрылись, — а имя
было ему Сципион. Покуда другие с испугу

дело никак порешить не могли и тратили время
в пустопорожних словах и в сомненьях, голос возвысил
205 юный храбрец и речет: «Что медлим? Сроки советов
вышли, к делу пора! Ужель не взблещем мечами?
Вас я зову — вперед, благородные! Рим и держава
нам в попеченье даны, поспешайте же смело за мною,
ибо еще жива республика!» Пылкою речью
210 наш угнетенный дух он взбодрил и, вместе поднявшись,
двинулись мы за вождем. Он высился выше, чем древле
Амфитрионов сын, когда в сраженье жестоком
авероподобный народ побивал дальнобойною мощью!
Так мы идем и пришли к Метелла трусливого дому —
215 первым вбежал Сципион. Постыдное сборище длилось,
страхом питая страх: еле-еле шепот унылый
слышался, словно у всех языки свело с перепугу;
лиц выраженье точь-в-точь как у жалких узников скорбно,
кои в муках смерть суждена приговором жестоким;
220 но хоть дрожат горемыки в тоске, погибелью близкой
ошеломленные, все же всяк и судит и рядит,
как бы сбежать и где бы найти к спасению выход.
Тут-то наш вождь с клинком наголо совет прерывает
грозною речью: «Клянусь Громовержца святостью горней,
225 что никогда, покуда я жив и членами крепок,
Рим не брошу в беде, не уйду из Италии скорбной
и никого не пущу! Квинт Метелл, тебя обяую
клясться со мною, а ежели вдруг откажешься клясться,
примешь смерть вот от этой руки! И прочие знайте —
230 час ваш последний грядет!» — и меч он занес для удара.
Трепет трусов объял: сам Метелл, умысливший сговор,
оцепенел — сокрушила вмиг внезапная дерзость
робкие души, точно как свод у хижины шаткой
гневный Юпитер дотла трехзубым рушит перуном.
235 Страшен согражданам лик взъяренный и не страшнее
изблизи было бы зреть в Ганнибаловых стягах победных
лютой погибели боль иль горького рабства оковы,
а потому присягают все, как велено: первый
сам Метелл, за ним остальные. Так доблестью дивной
240 бегство постыдное вождь укротил — по году шестому
после того, как отца он от верной вызволил смерти.

Сгнули вскоре, увы! великие светочи Рима
оба разом: почти в одночасье честь Сципионов
злую погребена Фортуной, к измене и к смуте
245 исстари дружную нам склосившей Испанскую землю.
Ни одного не нашлось из тысяч вельможного мужа,
кто бы дерзнул своеручно лечить открытую рану
неисчислимых бед. Тогда за родителя с братом

мстителем сделался сын: он преграду гор Пиренейских
250 преодолел и — духом сильней, чем войском! — повергнул
вновь Гесперийский край под ярмо квиритских уставов.
Вширь и вдаль покорил он страну: от моря до моря
весь необъятный простор и от крайнего края, где узкий
твой разделяет пролив Столпов Геркулесовых скалы,
255 вплоть до гряды хребта, что зовется по присноживому
пламени, — с оных высот долины галльские зримы.
Ныне все, что ни есть в сей земле — люд, скот, — из полона
вырвано вражьего, все Фортуны промыслом наше!

Малый пример изберу из деяний красы многославной.
260 Город есть — Гасдрубал его заложил на Испанском
береге и нарек Карфагена знатным прозваньем:
крепость сия с одной стороны неприступной стеною
защищена, а с другой — Океана пучиной бурливой.
Вся финикийская спесь сюда собиралась: знамена,
265 войско, оружие, вожди — все тут, потому что коль с моря
или же с ближних полей открытых недруг нагрянет,
то не сыскать для войны удобней и выгодней места,
где и в столицу бежать всегда наготове дорога.
Весь окрестный народ успел от опасностей бранных
270 в стенах укрыться — вот так, когда полыханье пожара
дымом дохнет смоляным и взовьется пламенем жгучим,
люди прочь бегут от соседства с грозной напастью,
дома бросают, добро нажитое тащат с собою
и под надежную сень отовсюду стремятся в испуге.
275 К этой-то крепости, путь по указке молвы пролагая,
двинулся наш Сципион: презревши прочее, с войском
он поспешает сюда, городит осадные станы,
роет с насыпью ров — ров мелкий и вал невысокий.
Слово предивно мое, но правдиво! Ни прочные стены
280 в башенной силе своей и во всем оборонном устройстве,
ни в отчаянный час защитников рьяная удаля,
ни укреплений мощь, ни полки несчетные стражей,
ни дальнобойных машин по нашему войску удары
не удержали вождя, который средь жалящих копий
285 смело на стены взошел. Короче сей краткой осады
свет не видывал — все началось и все завершилось
бранью единого дня. Не скорее гнезда бросают
мирные горлицы, если с небес Юпитеров хищник
прянет, и не скорей от льва пугливые зайцы
290 прыскают в норы, чем стража тогда крепостная бежала
с башен своих наутек: в кремле надежном иные
прячутся, прочие тут и там в городских закоулках
гибель находят, и звон клинков со стоном предсмертным
вместе слышны, и битвенный клич мешается с плачем.

²⁹⁵ С ревом и воем таким порою на нас непогода
от Эфиопских берегов налетает сонмищем Австров,
издали жути нагнав, а после ближнею тучей
грянув: камни вода во взбухших уносит потоках,
влаге русла ручьев тесны, и сонные прежде
³⁰⁰ струи ярой волной разлитым подобятся рекам;
пахари в страхе бегут — небесной ужас напасти
гонит злосчастных прочь, в бушующих водоворотах
гибнут стада, и, куда ни глянь, в испуге увидишь
всюду одно: впереди огнем слепящим отверзто
³⁰⁵ небо, плещется смерть у ног — никуда невозможно
кинуться и невозможно стоять; рыданья и пени
и голосов стенающих вопль раздаются в тумане.

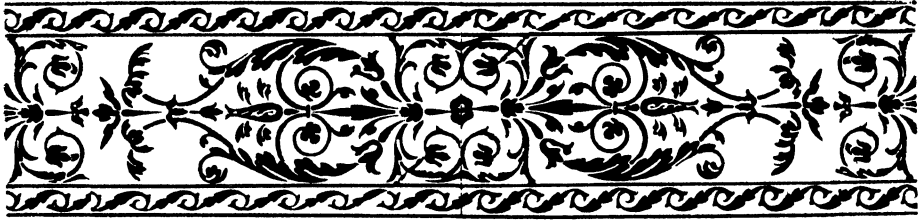
Ясным блеском в тот час просияла вождя молодого
свойств природных краса — сколь велик он в битвенном деле,
³¹⁰ сколь после брани велик. Воистину, силой оружной
недруга так теснить и Марс не умеет, сминая
злой колесницею строй фракийский и взмысленных коней
с яростью меньшей стремя через Гебр! Но едва сокрушилась
крепость, и, бросив меч, взмолился враг о пощаде,
³¹⁵ сразу ратный пыл угас в полководце, покинул
душу гнев и десницу клинок — миротворный Юпитер
черную так проясняет грозу улыбкой сквозь тучи:
ветров стихает порыв, ураган бежит стороною,
солнце светит, в ночи мерцают звезды, и снова
³²⁰ мир во вселенной царит. Спокойною поступью в крепость
путь победитель держал: он сперва приметой победы
римские стяги велел водрузить на башнях высоких,
после назначил богам благосклонным воздать благодарность
жертвой пристойной — итак, облекшись жреческим чином,
³²⁵ бычью широкую грудь он ножом пронзил своеручно
и к всесоюзенью призвал Громовержца, пенатов Фригийских,
Ромула душу и всех по порядку святых и предивных
Лация стражей, которым Рим навек в попеченье
вверен, за то заслужив столицею сделаться мира.

³³⁰ Эти исполнив дела, он должной хвалой и наградой
всех достойных бойцов отличает, зная наверно,
сколь отваге почет питателен. Старозаветный
строго у римских вождей от веку блюдетсся обычай:
чтобы всегда, когда осажден высокоукрепленный
³³⁵ город, того бойца, которому первым на стену
доблесть иль счастье помогут ступить, венчать за заслугу
славным венцом, что стенным именуется подвигу в память, —
лучше награды нет, ибо жаждою полнятся славы

- души и всякий рад опасность презреть ради чести.
³⁴⁰ Вот потому-то вождь и старался стрекалом почета
 ратную страсть распалить, однако же в мненье народном
 единогласья нет: на высшую честь притязают
 двое, и войско шумит великим волненьем и спором —
 этим милее один, а те соперника хвалят.
- ³⁴⁵ Так, когда кабана подняв из логова, в дебрях
 скрытого колких, псы на земле лежащую злобно
 рвут добычу, и всяк от размыканной туши побеле
 хочет кусок ухватить, наверху меж зрителей юных
 шумная распря идет: кто из своры первым вцепился
³⁵⁰ в ляжку мохнатую, кто в загривок щетинистый первым
 вгрызся и крови свиной кто первым из первых отведал,
 псы за охотничью часть грызутся, а с дракою рядом
 всяк пустобрех своего победителя славит до неба.
- Слыша, как войско шумит и готово в гнев мечами
³⁵⁵ распрю решить, Сципион к побоищу новому повод
 чует со страхом — и вот созывает на спешную сходку
 спорщиков, дабы смирить убежденьем вовремя смуту.
 «Ежели сразу двоих мужей», — он речет, — «отличила
 столь далеко обогнавшая всех столь славная доблесть,
³⁶⁰ то лишь она одна с собою и спорит: награда
 принадлежит никому иль обоим — второе честнее,
 ибо первого нет перед первым». Кроткое слово
 высказав, он наравне обоим главы венчает
 зеленью знатных венцов — иссякнул в совместниках мигом
³⁶⁵ гневный задор, и настал конец прискорбной обиде.
 Так же порой быков подстрекает ярящихся злая
 ревность в бой за красу желанную милой подруги:
 целят рога во врага, мычанием полнятся грозным
 воздух, в стаде раздор, ибо оба соперника любви
³⁷⁰ множеству прочих тельцов, — но если заботливый пастырь
 предугадает спор и страсти приметит свирепство,
 мигом он к пастве спешит, умирят ласково злобу
 шепотом нежным, дарит забиякам венки травяные
 и на далекий луг победителей гонит довольных.
- ³⁷⁵ А между тем толпой несчетной, несчастной и жалкой
 жены рыдают, и плач многослезный несется по стогнам.
 Вопли расслышав, стыду защитником стал благочестный
 юноша и повелел в надежной укрываться твердыне
 всем, чей возраст и пол насилия страхом опасны,
³⁸⁰ всем, кто без помощи слаб: назначено быть под охраной
 достопочтенным жрецам, а всходить к воротам иль к стенам

женщинам воспрещено, дабы взор похотливый стыдливость
не осквернял и чистой красы не порочил очами —
этого ради вождь полонянок сонмы подальше
³⁸⁵ прячет. Дивитесь с небес, о боги, сколько величья
в сердце у смертного — мудростью стар, хоть летами молод!
Да, он юности пыл укротил, он стойко отринул
плоти цветущей соблазн!»

Предуведомление к песни пятой

Царь Массинисса вступил в плененного город Сифака, вышла навстречу ему супруга царя, Софонисба: все лицо в слезах и мукою горькою скорбно, но и сквозь слезы сияла красой несомненная прелесть; юноша взводит ее на законное брачное ложе, нетерпеливый в любви; Сципион сурово и мягко римскую пленницу требует в Рим; сквозь слезы подносит муж жене, как верности знак, смертоносный подарок — выпив отраву, любя, она гневно прощается с миром.

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

Се величавый грядет победитель в дрожачие стены Цирты, радостен зреть пенатов отчих, палаты дедов и всю колыбель приютную древнего рода. Спешно оружный отряд назначив привратною стражей,
⁵ сам к твердыне кремля в нетерпенье торопится страстным — так голодный волк, в изобильную вторгшись овчарню и устремляясь вовнутрь, себе подмогой у входа ставит трудов и добыч соучастника, дабы надежней отступ жертвам закрыть и во тьме насытить утробу.

¹⁰ Вот перед ним тирана злосчастливого замок блаженный, в коем, супруга предав, вероломная скрылась царица; вот и она — внезапною бед смущена, на пороге ждет победителя, чая душой, что жребий жестокий может Фортуна смягчить и дать облегчение горю.

¹⁵ Златом повсюду чертог снял и гранями камней звездоподобных — царя не бывало богаче, чем этот при благосклонной судьбе, но, едва изменила удача, нет беднее царя; однако же меркнет блистанье

царских палат пред светлой красой ясноликой царицы.
²⁰ Прелести светоч ее затмевает лучистые в небе
 звезды — честный судья красоту такую без страха
 с Солнцем слепящим сравнит: дивиться достоин Юпитер
 сим белоснежным челом, что сестре опасно ревнивой
 пуще любой лепоты, столь милой блудливому мужу
²⁵ в прелюбодейных его подругах; червоного Феба
 эти власы устыдят златоцветные, всякого злата
 ярче: нежный вьет ветерок волнистые пряди
 около шеи, которая ввысь возносится гордо
³⁰ млечным столпом, а затем ниспадают на стройные плечи
 кудри, что прежде косою сплетались и гребнем держались
 златограненым, — так с шафраншою желтью нарядной
 вместе блестит чистоты белизна, смешением красок
 словно парного струя молока из кубка златого
 или же солнца ласковый луч на снеге вершинном.
³⁵ Как низойду от красы чела к очей описанью,
 коих сиянье завидно богам? Чародейною силой
 светят зеницы ее, над душою всякою властные
 править по прихоти, властны отгять у зрящего разум,
 властны Медузе вослед соделать плоть его камнем,
⁴⁰ дабы ливийским степям не пустеть без новых диковин.
 Блеск недавних слез иную и нищую прелесть
 взору прелестному дал, как будто звезды-близницы
 искрят росистый огонь в напоенном влагою небе
 после ночного дождя. Над очами двойною дугою
⁴⁵ легкие луки бровей изгибаются в плавном разлете,
 нежность округлых ланит в белизне расцветает лилейной
 розой румянью, алы уста, а ровные зубы —
 кости слоновой белей. Колышутся тихим дыханьем
 пышные перси, и вздох печали кроткой исполнен,
⁵⁰ будто опять провожает она беспечного мужа
 в край, откуда его не позвать. Желал бы Юпитер
 этих объятию рук навеки шею подставить! —
 узко запястье, ладонь легка и красой драгоценной
 гладколоженных ногтей персты ее стройные блещут.
⁵⁵ Сколь благолепен чресл изгиб; сколь строен и степен
 стан с головы до ног, которых походка несходна
 с шагом людским; сколь нежным легко касаньем ласкают
 землю подошвы — ни малых следов от поступи плавной,
 словно по воздуху путь пролагает. Радужной тучей
⁶⁰ облечена, вот так Громовержца молила Венера
 сыну в крушенье помочь и о жизни милого впука
 так же взывала к Отцу, когда по волнам посило
 Трою и дрожью земной качало Рим благочестный.
 Так, никакой из богинь небесных не меньше красую,
⁶⁵ к юноше вышла жена, убрана роскошно и пышно

- статьи природной подстать: самоцветных узорочьем камней
 часто усыпан наряд пестротканый царицы печальной,
 коей и самая скорбь личит: в счастливое время
 меньше умела прельстить, чем в горе. Чует воитель
 70 жгучую рану, что сердце язвит и болью по жилам
 льется: как хладный лед, растопленный летней жарою,
 или как воск, что вблизи очага расплавлен и жидок,
 так и он смягчен и пленен полонянки обличьем,
 так побежденной жене победитель покорствует гордый.
 75 Что не подвластно Любви? Что перуну разящему Страсти
 противустанет? Меж тем, боязливо приблизясь, царица
 падает в ноги вождю, которого вмиг отличили
 лик и доспех и присных леств и плеск провожатых.
 Робко к руке его прильнув, смиренная плачет:
- 40 «Если к деснице твоей победной припасть не преступно
 пленнице вдовой, то просьбу мою милосердно исполни,
 всеми богами молю: снизойди — прошу не о многом.
 Право твое — закон: хоть к лютой пленницу казни
 приговори, хоть веди в темнице сгинуть закладной, —
 85 всяко мне жизнь, что смерть, и в свете не вижу отрады
 после того, как зависть судьбы надо мной надругалась.
 Что пожелаешь, веди и смерть мне, какую захочешь,
 выбери, лишь одного не дозволяй — в постылое рабство
 не отдавай живьем! Вдруг где-то родимые сестры
 90 есть у тебя, государь, которых вспомнишь при виде
 бедствий моих: поверь, их участь могла бы моею,
 непобедимый, быть — за радостью гонится горесть!
 Да не изыдет из этих уст для тебя прорицанье
 злое! — молю, володей вовеки царством счастливым,
 35 чадам его завещай и пусть не взъярится завистник
 против потомков твоих! пусть мое сгубившая царство
 минет смута! крутой поворот свершившая в злобе
 пусть, бедою моей до отвала насытятся, Фортуна
 ласковой будет к другим! Сколь римлянам я ненавистна,
 100 ведаешь: только меня они почитают повинной
 нервою в этой войне — и винят отнюдь не облыжно.
 Вызовь от сих гордецов, от позора мести постыдной
 вызволь бедную, царь честной! и смертью моею
 ты, любимец судьбы, несравненной взыскующий славы,
 105 будешь славен!» — и слезной рекой она орошает
 землю, лобзая вождя обутое в золото ноги.

Царь молодой позабыл о войне: покинута пылом
 бранным, чревата душа упованьем новым и сладким,
 пышет плоть огнем незнакомым — и он отвечает,
 110 вздохами поляя речь: «Царица, молю! не печалься

скорбной кручиною — душу замкни от горестных страхов!
Мало просишь, но много возьмешь, коль восхочешь и применишь,
ибо твоя красота и род и души величаность
правом тебя облекли, — итак, да пребудешь царицей,
¹¹⁵ да не откажешь моей достославной вовеки супругой
зваться, коль старая страсть для нашей любви не помеха!»

Обнял он госпожу, что лобзала спасителя стопы
в благоговейных слезах благодарно, — скорбную поднял
силой с колен и сам заплакал. Толикая сила
¹²⁰ богу слепому отколе дана? Стрелкою ли легкой
непобедимый царь, в свирепых испытанный бранях,
ныне навывлет пронзен, простерт наповал и покорно
женщине дался во власть? А она с потупленным ликом
молвит: «Афрских царей краса! по чести оплотом
¹²⁵ быв для отчины моей, ты грозою ей сделался ныне.
О когда бы судьба мне дозволила после паденья
вспрянуть, когда бы в беде хоть одна осталась надежда,
разве от жизни ждать я хоть миг посмела бы дара
слаще, чем этот — достаться женой такому супругу
¹³⁰ и среди праха тотчас взрастить нежданную радость?
Но утесняет рок, и мой конец неизбежный
близится, а потому, любимый! разбитую душу
не ободрай — не выплыть челну из гиблой пучины!
Знаю наверное путь Фортуны и даром щедрейшим
¹³⁵ будет мне смерть, о которой молю и которая к теням
душу скорой тропой, избавив от рабства, направит,
лишь бы римлян ярма убежать — вот предел упований,
больше не смею просить! Да воздаст за доброе дело
Царь Всевышний тебе от Своей благодати сторицей,
¹⁴⁰ коль по молитве моей ты в милости этой великой
мне не откажешь». Сказав, отвернулась царица — и снова
в слезы повергла царя. Он молвит: «Не сетуй же боле,
ради очей моих не сетуй, ибо до срока
скорбь твоя выплачет их! Чуждается чаяний славных
¹⁴⁵ разум измученный; ввысь не взглянуть, ничком распростершись, —
так устремись же душой к упованиям лучшим! Фортуна
злая может свернуть, смириться, благою тропкою
в гору тебя возвести, но ежели — страшно помыслить! —
жребий сие воспретит, тогда последним подарком
¹⁵⁰ смерть обещаю тебе — клянусь звездами на небе
горнем, честью царя, богами и тенями предков!»
Так он в смятении рек, слова лепеча через силу,
и с беспокойной душой поспешил в опустелую крепость.

Кто возьмется понять качание буйное духа,
¹⁵⁵ ежели лютость любви его зыблет? С ним не сравнится

пенный Еврип иль Сциллы рев иль ярость Харибды,
 ибо нигде никогда больному влюбленного сердцу
 не отдохнуть от бурь: ни мирные утра восходят
 не для него, ни светила небес, ни кротость ночная —
 160 нет кормила челну, нет в гавани тихой спасенья,
 но отовсюду стеной подступает смятенная влага,
 всюду кипят буруны, грозя крушением судну,
 и нечестивая дыбится хлябь под битвами вихрей,
 кои кидают, увы! туда и сюда без дороги
 165 в море неверном пловца горемычного.

Спешно в укромный
 спальный покой восходит царь и долго в молчанье
 уединенном сидит, единую думая думу —
 как бы слово сдержать пред возлюбленной. Зрит он, сколь трудный
 путь назначил себе: его страшит, что подруга
 170 ныне в плену, что ждет жену злосчастливая доля,
 римский же вождь величав душой, повсюду прославлен
 скромностью чистой и тем опасен, что этой любви
 противустать силен. Но уже неборною властью
 в ковы крепкие царь закован и к издали зримой
 175 скорбной своей судьбе влечется.

Так плаватель в море
 бедственный острые зрит утесы и гиблые мели
 прямо пред взором своим, однако же, челн не умея
 отворотить от беды, вверяет ветрам и волнам
 все упованья, судьбе лукавой вручает кормило,
 180 весла и холст парусов, грозовую намоченных бурей,
 сам же в слезах сидит на корме.

Похожим крушеньем
 ум утесненный царя удручался, сил не имея
 так порешить или сяк. Часы текут в колебанье
 между тоской и тоской: то милого лика сиянье
 185 видится вживе очам, то сладостный голос царицы
 слышится, то на стопах ее осязает лобзанья,
 нежные руки жмет и слез осушает потоки,
 что из лучистых очей блестящими каплями льются;
 то среди мыслей таких является достолюбезный
 190 строгого взор вождя, мечты преступные разом
 гонит прочь — и гаснет пыл, сжигающий сердце.
 Словно как если в котел кипящий плеснуть ледяную
 воду, бурлить кипяток перестанет и вскорости будет
 чуть тепловат, но жаром огня возросшего снова
 195 все горячей, горячей разогреется —

так же на время
 буйный дух царя укрощался, но прежним стрекалом
 вновь уязвлялся, вновь разуменья сбрасывал повод,
 и наконец любовь дружелюбие осилила пылом.

Близость желанной красы и страсть нечестивая взяли
200 верх над далеким вождем: он рещенье, любовью педужный,
принял и, сам же себя за пустое коря промедленье,
мысленно рек: «Зачем не спешишь? Завидной жепю
дарит тебя Гименей, сулит милосердный Юпитер
радостных лет череду — забудь же труды и заботы!
205 Нищий, бродяга, беглец, из наследного изгнанный царства,
ты по земле и морям средь опасностей многие годы
странствовал, ты у царей и народов просил благостыни,
возвеселись же: вдруг срок настал покою и миру!
Право, коль все перечеть короткой жизни печали.
210 старше трудами, чем ты, никого не отыщется в свете.
Днесь тебе царство судьба для того, чтобы долгие и слаще
царствовал, дарит назад после долгих твоих ожиданий,
после несчетных мытарств: твой враг — бывает ли радость
больше? — тобой полонен, ты ныне всецелый хозяин
215 в жизни и смерти того, кто все твое счастье отхитил.
Все воротилось к тебе. Вот, павши, тирая вероломный
разом утратил престол и жену, что нимфы пресветлой
краше, — а ныне она, лишившись первого мужа
вольным законом войны, тебе предаться готова,
220 если дозволит судьба, ей внушившая страх непомерный.
Видно, как хочет она того, что в испуге стыдливом
вслух отрицает. Ах! сколь она прелестна в печали,
сколь ей слезы к лицу, сколь стать у нее величава —
что ж, коль в радости будет она? Какою царицей
225 сядет она на престол, коль даже у пленницы кроткой
слава и честь таковы? О, сладостно любящим вместе
жить, согласье у них никакою не рушится ссорой,
вид их всегда един и единая душа у обоих,
труд у обоих един и покой! Воистину, в мире
230 краше нет четы, а если мало вспомнить
наших лиц лепоту, мы также рожденьем и долей
равны, мы сходны мечтой от бед упокоиться тяжких.
тоже и разница лет у нас подходящая — в браке
это супругам сулит приятность, и сам я приметил
235 сходство также и в том одном, что может из бездны
высы вознести — в любви. Спеши! не стоит страшиться,
как бы тебя Сципион молодецким блюдом сурово
не укорил, — всегда над младостью сжалится младость!
Да, он любовь простит, едва твои слезы завидит,
240 не молодецкий блуд, но супружества узы святыя
провозгласит и чтить твою подругу царицей
ласковый стапет вождь». Так молвив, сзывает немедля
ближних друзей и велит, им сердце открывши, готовить
без отлагательств свадебный пир лоскромней и потише.

245 Гула не слышно в снях, тусский звук не взойдет к небу,
 свита смолкла, толпой не полнятся шумной чертоги.
 факелов рой не блестит, лишь факел единый обоих
 любящих жжет, по его их слезы скоро погасят.
 Геспер прекрасный, нырнуть поспешая в Атлантову влагу,
 250 почь наконец возвестил долгожданную, хоть нежеланный
 скоро день возвестит и любовникам недругом станет,
 Люцифера восприяв поутру ненавистное имя.
 Как надсмеется, увы! над мечтами сокрытый во мраке
 день грядущий! Быть может, блажеп новобрачною негой,
 255 воображал себе царь потомство несчетное, внуков
 сошмы, в утешной любви и в радости с милой супругой
 ночь проводя, — по жена в тревоге: все поцелун
 нового мужа и тысячи ласк и клятв, что царицей —
 боги порукой! — ей быть, как прежде, ничто не изгнало
 260 в сердце вросший страх, и по-прежнему смерть и могила
 только и виделись ей. Ее дремотой отрадной
 даже и сон не дарит: то ей чудится, будто лишилась
 нового мужа, а прежний грозит и злобится, — дрожью
 265 пропял ее испуг, хоть и спящую; то ей помстилось.
 265 будто, высоко носев на горе, народов движенье
 в царстве зрит своем, но тут, о диво! внезапно
 гору другая гора громадой грузнейшей толкнула
 с силой такою, что дрогнул престол вершинный и разом
 270 два новозданных ключа ледяных устремились по круче
 вниз с вершины, затем под натиском вспять отступила
 та, что поменьше, гора — и вот без опоры царица
 к топям Стигийским скользит и в Тартара рушится бездну.

А между тем молва расторопная в грады и веси
 275 весть несет, что вручил победитель жене побежденной
 в брачный себя полоц, что в рабах у любовницы воин.
 Прелюбодейством чернь честит святыми огнями
 не освященную страсть, что пылает ныне преступно
 прежде скончанья войны, — посреди оружного звона,
 да при супруге живом: вот, дескать, красой поломянки,
 280 милой и прежде, вмиг побужден победитель к союзу
 спешному — наперекор обычаям, отчих пенатов
 без рассужденья презрев, оц, дескать, только и рвется
 похоть свою утолить поскорее. Все обернула
 чернь дурной стороной, и уже ушей полководца
 285 толков несчетных трезвон достигнул кипящею пеной.
 Был опечален вождь, о грехе любезного друга
 тайно скорбя в душе милосердной, однако о деле
 долго размыслив в душе, любовь неуместную проклял
 290 и про себя разбранил союзника дальнего строго —
 словно как гневный отец в разлуке с сыном укоря

сыплет и в каждом письме сердитые мечет перуны,
чтобы при встрече все простить за кроткие речи.

Первой молве вослед бежит другая: толкует
люди любопытный, что ныне Сифак полоненный в оковах
295 к римлянам в стан привезен. До зрелищ жадное войско
валом валит, мечи побросав, спеша надивиться
виду его, поглазеть во все глаза на владыку.
Вот он, царь, могучий в войне, надменный на троне,
зревший под кровлей своей вождей финикиян и римлян,
300 вместе и разом просивших его о дружбе и мире,
будто о милости, — оба они, государи вселенной,
льстили ему без стыда и ему, как богу, обеты
наперебой несли; от него Массинисса великий
некогда в страхе бежал и без царства бродяжил по свету;
305 ныне же вот он — простерт и повергнут крутым поворотом
новой Фортуны во прах! Едва подобному верить
могут паденью сердца, изумляясь крушенью громады.

Если бы кто узрел, как Афон или Олимп в мелководье
канули вдруг с головой Эгейское, как погрузился
310 Эрикс — темя твое, Апеннин! — в Тирренские волны,
тот бы глазам своим не поверил, по мороком чудным
зрелище чтил бы сие.

Таковым же мороком мнился
царь, к намету вождя многолюдной влекомый толпою.
Сколь вероломно, увы! ты, Фортуна, в пагубной бездне
315 топишь смертных! сколь зла ты к высоковазнесенным престолом!
Се успеху предел, се величью сужденная язва —
валет недолгий и прах! Се царь, над царями славнейший,
словно на рынке рабском раб презренный — цепями
скован, влеком и кольцом окружен враждебного люда.
320 Воспоминает вождь Гесперийский о пыне забвенной
гостеприимства приятни былой, о ласковых взорах,
что дружелюбный сей лик излучал, о том, как сомкнулись
в рукопожатье две десницы, о пире совместном —
павшую честь сравнил с бедою сущие и молвит:

325 «Чем ты прельстился, Сифак беспечный? Откуда безумье.
ум совратившее твой в измену? Затем ли ты предал
наи о подмоге союз, чтобы брань затеять со мною?»
Так он рек, а тот, надолго духом и ликом
оцепенев, не вдруг и с запинкою скорбно ответил:
330 «Нет мне, могучий вождь и славнейший средь нашего века.
нет мне горше беды от судьбы, чем эта — не сгинуть
трупом остывшим в бою, не пасть на битвенном поле
в сече кровавых мечей и в схватке яростных ратей!

Злейшая казнь для меня — остаться живу и целу
 335 по завершении войны, и невмочь мне ныне попреки
 слышать из уст твоих справедливые мне за измену.
 Все же скажу — коль верить словам злосчастливого можно,
 коль не помеха для честных речей тяжелые цепи,
 правду скажу и с того пачку, что казни любые
 340 мне по заслугам! Мне, который попрах произвольно
 право, верность, закон, присяги честь и святыню
 гостеприимственных уз, который для похоти гнусной
 мог пренебречь богов злопамятных твердой порукой!
 Но почему и как в таковое я впал преступленье,
 345 вряд ли известно тебе, а теперь я честно и кратко
 все изъясню — не затем, чтобы легче вина моя мпилась,
 а к панпущему мне стыду и суду в поощренье.
 Сразу, едва в мой дом при знаменьях грозных, полетом
 птицы ведомая злой, взоншла иноземка жепою,
 350 в тот же час я погиб и верность погибла, и вместе
 славный пал венец с головы и скиптр из десницы —
 тайно под кровом моим затеплила факел измена.
 Гибельный факел сей жепа припесла — изощрилась
 лаской мой разум смутить, вероломно отхитить слезами
 355 гостеприимства долг святой, лукаво заставить
 честь забыть и богов и себя. Что ж медлю я? Ею.
 ею меч своеручно вручен злосчастному мужу —
 ею вздет доспех, глава покрыта шеломом,
 дан деснице клинок и щит нагружен на шуйцу;
 360 к бою трубою она повзвала и, как ни страшился
 брани супруг, его к ненадежному Марсу толкнула
 мериться силой с тобой безбожно. Коль друг против друга
 пани бились полки, то верь! это было исходом
 тех заблуждений моих, которым причиною стали
 365 эти зловещие мне объятья, — в супружестве скотском
 я помрачился умом. Увы! царицею сущей
 стала царица — за всех царей без разбору готова
 замуж идти! Пенаты врага таким же пожаром
 ныне, злодейка, сожги — коль с моим уповащем согласно
 370 это свершишь, то и мне утешенье будет по смерти!»

Молвил и смолк, содрагаем тоской несносной и долу
 скорбный уставив взор, но уже не менее гневен
 сам Сципион, ибо явственно зрит в лице и во взоре
 и в разговоре царя уязвленной знаки любви,
 375 так что страшней и страшней ему грех любезного друга:
 царь законно любил — и пусть даже в жалобах правым
 был, Массинисса, ты, по твой грабеж незаконен
 в яром безумье, которым тебя обуяла внезапно
 гнусная похоть!

Меж тем заключают Сифака в темницу,
380 а среди стала слух разносится повый: толкуют
всюду, что Лелий и царь к вождю возвращаются с войском
победоносным. Равно Сципион приветливо встретил
двух полководцев, почтил принародно обоих хвалою
щедрой. а после вдвоем с царем подале от взоров
385 прочь отошел, его усадил, с ним рядом бок о бок
сел и речет:

«Коль твой, Массиписса, великая доблесть
чаяний лучших моих еще обмануть не успела,
важное дело есть у тебя ко мне — Сципиону
верному участь твою доверить отнюдь не колеблись,
390 если не хочешь вовсе презреть старинную дружбу.

Африку с Лацием рознит простор бескрайнего моря,
розны и нравы у нас не меньше, а стало быть, дело
важное в путь тебя погнало по хляби пространной
среди треволненья войны, кипящей вселенскою смутой.
395 Право же я — коль не стыдно устам себя же хвалою
славить! — признаться хочу, что из всех умений единым
горд наипаче: умею в узде держать сластолюбье,
похоть умею смирять. Ни близкого недруга грозный
меч, ни огненный ток стремящая с грохотом Этна,
400 ни у Евбейских берегов из бездны вскипевшие волны
вздыбленной влаги — ничто не страшней, чем похотей страстных
стаи, которые нас уловляют путами яро!
А особливо сия напасть опасна цветущей
младости: нашим годам готовы всюду тенета,
405 ибо порой стихает шквал, унимается Этна,
можно дорогу врагу заградить стеной крепостною
или же валом и рвом, а проклятая похоть ярится
ночью и днем — от нее никак никакими стенами
не сбережешься: всех сторожей, всех псов приснобдящих
410 минет и прямо к тебе заявится, всякий взломает
кованный крепко замок! Я знаю: лишь этою силой
мог ты быть побужден столь властно, чтобы с охотой
царство и ларов святых покинуть, чтобы поспешно,
царский умаливши сан, сюда по суше в море
415 ринуться, чтобы меня догонять в краях отдаленных.
Будешь ты мне прямым примером, коль приукрасишь
подвигов многих красы еще одною красою.
Честь велика победить Сифака великого в битве,
больше чести, поверь! одолеть и смирить вождельенье
420 плоти, уздой укротить смятенье буйное духа!
Я же всегда при тебе добровольный глашатай, гласящий
славу делам твоим и словам на долгую память.
Прочее сам про себя рассуди, поразмысли в молчанье,

не торопись отвечать, покуда румянцем стыдливым
 42,5 дух, познавший себя не вспыхнет. В войне ты победен,
 но — извини! — под моим верховным печальством сражалось
 войско, и римский народ добытую ныне победу
 тоже зовет моей, Сципионовой: ты понимаешь
 сам, что царство и царь и все царя достоянье —
 43,0 наше по праву. В Рим пусть он с вероломной супругой
 явится: ею война затеяна, главный наш недруг
 ей отец — и триумф без такой добычи ущербен.
 Сердце смири, себя одолей, да подвигов многих
 не занятнаешь красу единым преступным деяньем!
 43,5 Помни, что кара не меньше греха, что скорби безмерной
 должно страшиться тебе от этой постыдной любви, —
 не подобает царю и для черни зазорная похоть.»

Только сказал, и тотчас из очей Массиниссы исторгся
 слез избыльный ток — вот так же кутает кровли
 44,0 белый снег, по едва согрет дуновеньями Австра
 тает, роняя одну за другой неожиданной капли
 капли. Краток ответ царя: «Наипаче забочусь
 волю исполнить твою! Мое спасенье и счастье
 ныне ты держишь в руках, побеждаешь смятенного сердца
 44,5 пыл и смиряешь сам любовника бедного муку.
 Твой справедлив приказ, но сделай мненью уступку
 и об одном молю: дозволи пред любимой супругой
 честное слово сдержать!» Рыданий неукротимых
 всхлипы речь глушат, до шепота падает голос
 45,0 и поспешает царь удалиться, ликом и взором
 скорбен, горестно грудь до боли ногтями терзая.

Словно виновный, коль слышит, что смерть ему приговором
 присуждена — сей трубный глас, которым нещадный
 рок взоркотал! — дрожит от ужаса, изжелта бледен
 45,5 ликом: позорная казнь его мерещится взгляду
 и вознесенный топор палача над выей склоненной;
 все предстоящее въяве он зрит: простерт, обессилен
 до полусмерти тоской, уже грядущую муку
 воображает и труп обезглавленный свой созерцает —
 46,0 так лишь помыслил юный супруг лишиться подруги
 милой, уже и впрямь ее лишается!

Большю

ум возбужден, и вот немота раздражается плачем:

«О до какой же беды доплели жестокие Парки
 жизни моей печальную нить! Пусть честно кончину,
 46,5 как полководец велит, приму, коль не мнит, что с отъятой
 жить я могу душой! Коль бульжника грубого тверже

мрачное сердце твое и в груди булатной застыло,
то почему, Сципион, со свирепою строгостью римской
ты не поймешь, что губишь сам любезного друга?
470 Стала докукой тебе моя жизнь! Ужель не однажды
грудью встречал я мечи, чтобы смерть принять от любви,
чтоб исстрадавшийся дух слезами и вздохами ныне
весь изошел? Не такой конец мужам подобает,
но выбирать не дано мне другого!» Достигнул созвездий
475 скрежет зубовный царя, далеко по станам окружным
слышный, — трепет объял полки от звука рыданий.
Гнал в ту пору коней запаленных к закатному берегу
Феб торопливый, а тут припомнил, как жарко пылало
сердце его от красы гемонийской сладостной девы:
480 снова пред ним она, святыня его, несказанным
чудом отъятая — Лавр — цепенеет в твердости стройной.
снова разлука тяжка, печаль горька, и целует
снова и снова он ствол, отходящей теплеющий жизнью.
Тут пожалел он царя, с ним любовной сходного мукой.
485 сам заплакал и слезы омыл не прежде, чем в бездну
вод Океанских нырнул, поводья вверивши Ночи.

А между тем Сципион — воистину лишь посредине
дарит Фортуна покой, по сколько в бедствиях скорби,
столько и в счастье забот! — всю ночь размышляет усердно,
490 как ему далее быть: ударить ли лучше по стенам
дрогнувших недругов — в прах сокрушить Карфагена твердыню,
или ливиян поля истребить от край до края,
или на краткий срок передышку дать изнуренной
коннице, мирный привал усталой дозволить заботе.
495 Тоже не меньше тревог доставляет другая работа
бдительной мысли вождя: каким путем через море
в радостный Лаций везти фицикиян толпы плененных
а особливо царя с супругою, — как бы охрану
им поадежнее дать и кому бы вернее в дороге
500 препоручить драгоценный груз. Тревогою сходной
мается часто купец, который в благоприятном
плаванье прибыль стяжал великую: так же решает,
чей корабль довезет верней самоцветы и золото
и под охраною чьей. Сципиону Лелий опорой
505 главною в деле любом — никакому товарищу вверить
с лучшею верой нельзя ума утомленного думу,
а потому его зовет он средь ночи: торопит
вооружать суда, из отборных стборной дружине
весла вручить и спешить добраться до отчего берега.
510 Вовсе не так провел эту ночь злосчастный влюбленный,
слезной томимый тоской. Какую хитрость измыслить?

- к богу какому воззвать? какими мольбами распутать
 пряжу лютой судьбы для спасенья милой подруги?
 То на уме у него, что можно с женою любимой
⁵¹⁵ тайно уплыть за Столпы Геркулесовы — в дальние дали
 к присноблаженным краям, о коих сказано в сказке;
 то вознамерится путь держать напрямком к Карфагену
 гордому — старых друзей просить о прощенье смиренно.
 лишь бы над ним и женой возлюбленной сжалились в горе;
⁵²⁰ то тянулась рука к клинку, то к веревке — смертельным
 шее сдавить узлом и с жизнью разом расстаться,
 самоубийством копец положив безмерным страданиям.
 Часто он брался за меч, лишь стыда удержан препеной.
 ибо ни гибель ему не страшна, ни жизнь не прельщает
⁵²⁵ вдовая, но запятнать свою преступлением славу
 он боится навек — и сжать рукоятки не смеет.
 Так он на ложе всю ночь беспокоен: душа истомилась
 лютой любовью, грызут тревоги жестокие сердце,
 весь он в жару — не спят скорбь, страх, обида и ярость.
⁵³⁰ То ласкает в слезах отдаленной призрак подруги,
 то расточает слова и лобзанья ложу пустому
 и наконец, печаль превозмочь не в силах, утишить
 хочет страданья, изливши скорбь в многогорестном плаче:
- «Ты, что без меры мне дорога и жизни милее,
⁵³⁵ о Софонисба, прощай! Никогда не увижу, родная.
 дивный твой лик поутру, когда соплетаешь неспешно
 в косу золотые власы, что вольною вьются волною;
 сладких не слышать мне слов, что богам небесным утешны,
 благоуханных уст не ловить затихающий шепот —
⁵⁴⁰ буду один, в ледяной застыну безбрачной постели.
 Ах, когда бы со мной разделила подруга могилу,
 чтобы хоть там, коль тут нельзя, в согласии годы
 вместе мы провели: сколько счастлив будет наш жребий.
 ежели пепел наших сердец воедино смешает
⁵⁴⁵ смерть, — никакой Сципион не расторгнет нашей любви!
 Ах, когда бы слились воедино в убежище дольнем
 наши тени: вволю бродить под миртовой сенью
 вместе — там Сципион не разымет нашей любви!
 Вместе будем бродить и вместе плакать, навечно
⁵⁵⁰ вместе — такую чету никогда разлучить не сумеет
 сам стальной Сципион и не сломит нашей любви!
 Стану на зависть богам преисподним, на зависть Цереры
 зятю, на зависть солмам немым блаженной в Эребе
 тенью — мне Сципион не отравит сладость любви!
⁵⁵⁵ В звездную высь влеком, устремится к горнему небу
 сей полководец святой, людскому обычаю чуждый,
 и не восхочет гнаться за мной в подземного Дита

бледное царство — влюбленных чету не будет тревожить.
Хоть бы ему никогда не бывать в пределах Ливийских!
580 Хоть бы ему всегда на берегах оставаться Латинских!
Горе! чего я прошу, безумец? Останься он дома,
был бы безвестен и мне моей драгоценной подруги
солнцеподобный лик, без нее была бы не в радость
жизнь! — каков же разлад, коль сразу дарит и отъемлет
585 жизнь по прихоти вождь? Сципион, товарищ любезный,
пусть бы ты в Рим поспешил, едва стяжавши победу,
пленником взявши с собою царя и царицы не видел,
чтобы осталась, тобой позабыта! Но втуне молитвы
к небу глухому: воинства князь, победитель всесильный
590 пленницу́ хочет себе, а не дам, так сумеет заставить
и неуместность просьб просителю будет не в пользу.
Требует ласково он, по немая угроза во взоре,
требует он, и мольбы — я знаю! — от власти державной
нас не избавят. Ужель покорюсь? Нет, прежде перуном
595 пусть разразит мне главу Юпитера гневного ярость,
пусть меня прежде земля сожрет, пусть хляби морские
в лживую глотку царя, обет преступившего, хлынут!
Мне ли в угоду римским вождям нарушить святыню
брачных уз? Коль захочет царь, то жить без супруги
600 волен — оно и верней, потому что был целомудрен
отроду наш Сципион! — но ныне союз заключенный
нерасторжим, хоть гнетет державной власти громада
неумолимая. Как же мне быть? Умрешь, Софонисба,
жертвою мужа умрешь любимого — злобный Юпитер
605 жертвы желает такой! Не бывать тебе бранной добычей
на Итальянских берегах, не бывать у латинянок в рабстве,
не укоришь ты меня в вероломном обмане, в забвенье
клятвы честной — умрешь! Ужель умрешь? Невозможно!
Смерть ли жестокая плод любви? Смилосердствуйте, сонмы
610 горние, — верность попрасть пора: к окраине мира
мы убежим, в глубину пустынь удалимся Ливийских,
в царстве схоронимся змей, где нам схорониться надежней
будет, чем дома, — туда Сципион наверно за нами
не доберется. Язвить не дерзнуть ядовитые жала
615 нежных твоих подошв и меня свирепые твари
тоже не тронут ради тебя. Жена предрага,
быть по сему — бежим и тебя от смерти избавим!
Весело вместе с тобой я бедность, изгнанье и бегство,
беды любые снесу. Но нет: коль женскую душу
620 знаю, за мной не пойдешь — царице слишком привычен
гордый престол, да хоть и пойдешь, я сам для побега
не снаряжен, и пути для нас могуществом римским
заперты, а Сципион знаменит до края вселенной.
Припоминаю сон, который видением жутким

⁶⁰⁵ среди тишины ночной меня встревожил когда-то,
 но не понятен был: не ты ли белою ланью
 мне явилась, силком от супруга, простертого в прахе
 отнятой, дабы потом враждебного пастыря властью
 нового опекуна лишиться? Хоть и такая,
⁶¹⁰ ты мне была мила! Но зачем завершилось виденье
 смертью? Боги, молю, отведите знаменье злое!
 Сколь мне страшно! досель, как снилось, так же и въяве
 все сбывалось точь в точь и сном я не был обманут —
 что же мне делать? Умрешь, умрешь, потому что другого
⁶¹⁵ выхода нет, о жена злосчастливая! — я же виновник
 стану смерти твоей! Так что ж мне останется в жизни?
 Ведомы вам, Венера и ты, Юпитер небесный,
 смертные наши дела и здешнего мира печали:
⁶²⁰ кто же мне скажет слова утешные тихою ночью,
 чтоб отлегло от души забот непомерное бремя?
 кто же обнимет меня, кто сладким коснется лобзаньем?
 сладости нет без тебя! что толку в чертогах просторных,
 в толпах слуг? к чему тирийским пурпуром ложе
 стлать и дворец наряжать узорочья пестрого блеском?
⁶²⁵ что мне царский венец, на что мне просторное царство?
 втуне! терзает душу мою негасимое пламя —
 горе мне! милый досель и милый за гробом исчезнет
 сладостный облик куда? Отныне живущего радость
 лучшая — плач о тебе, любимая! Ах Софонисба,
⁶³⁰ ты людей и богов краса, ты нашему веку
 прелести вечной пример и горнего проблеск сиянья,
 ибо, взглянув на тебя, поверишь в поприщ надзвездных
 неиссякаемый свет, который добрым богиням
 дивную дарит красу, — ах, услышь мой плач, преблагая!
⁶³⁵ Память какая мне, горемычному, станет отрадой?
 Очи, пред коими блеск сверкающих в небе созвездий
 меркнет, ужель, увы! в могильном сокроются прахе —
 очи, кои богов высоких волю смягчают,
 очи, кои бойцов жестоких гнев умирят,
⁶⁴⁰ очи, которые мне покой и забвенья дарили?
 Белого слава чела, человеческой божественной славы,
 кудрей златою красой венчанная, — ей ли во склепе
 тесном глеть суждено? А смех, который стальную
 тронет грудь, укротит грозу и тучи развеет
⁶⁴⁵ на небе, — он ли навек затихнет в Тартара бездне?
 Горе мне! счастливы души в аду, пред коими скоро
 светоч пежданный взойдет и мрак вековечный разгонит!
 Горе! в добрый рожденные час, узреть они вольны
 ту, кого смерть от очей моих отхитила: дивной
⁶⁵⁰ поступью белых ног она взойдет на сужденный
 черный чели и скользнет чрез пучину бурливую Леты.

Сколь ты удачлив, Харон! когда бы ворочать кормилом
мне довелось, то долго бы я не причаливал к берегу,
ты же мог бы меж тем в моем державствовать царстве!
⁶⁵⁵ О несправедливый старик, когда ты столь чудное чудо
видывал? иль на веку ты такое вповь повидаешь?
Зрел ты некогда здесь невесту, от Этны скалистой
к ложу хозяина тьмы влекомую, облик Элиссы
нашей тебе знаком, ты грозную знаешь Горгону
⁶⁶⁰ и Лаодамию — ту, что вослед супругу прияла
в петле погибельной смерть, ты милую видел Прокриду,
Тевкрову пагубу зрел и единую Миноса дочь,
ибо другая к небу взнеслась в венце многозвездном,
но у кого такая краса и такое величье?
⁶⁶⁵ Грубый старик, поверь! огненные никто во вселенной
равной не встретит — не сотворил подобного дива
век первобытный! Тронет тебя миловидность младая,
влюбисься, старче, поверь! и наверно сам возмечтаешь,
чтобы замешкался я по стопам злосчастной супруги
⁶⁷⁰ в лодку твою низойти. Приду! ненадолго темницей
этот пребудет мне свет, а ежели станет препоной
сила телесная — что ж? тогда своевольною смертью
кончу жизнь, а ты, старик, судом милосердным
юности пыл суди, коль жжет тебя сходное пламя.
⁶⁷⁵ Цербер злобный! тебя сумел песнопевец Родопский
звуками лиры смирить, насколько же больше смиришься
ты при виде супруги моей? Царя преисподней
разве не тропет она? Боюсь, он тебя, Прозерпина,
матери ветхой вернет, моею прельщенный подругой.
⁶⁸⁰ Нет, несбыточен сон — сам себя, Массинисса, морочить
ты в безумстве любви: не будь подарки Фортуны
тщетны, длилось бы счастье твое, а ныне довольно
плакать, довольно царю горемычному длить причитанья.
Сладкая мне красота, души моей лучшая доля,
⁶⁸⁵ краткая радость, долгая скорбь, жена предрагая,
ты к Елисейским полям прямой удалишься тропюю,
мне же по смерти твоей оставишь лишь слезы да стоны,
но за тобою уйду и так излечу мою муку!»

⁶⁹⁰ Тут он смолк и в дремоту впал, на краткое время
членам усталым обманной покоей даровавшую разом,
но и во сне все сетовал он, проклиная Фортуны
злую, Небо и Ад, и богов с человеками вкупе.

Вот, возвещая близкий конец несчастливой любви,
Феб пробудился и ввысь из вод устремился Восточных,
⁶⁹⁵ зорю пропела труба — востепенулся царь и во гневе
преждем с ложа восстал, по-прежнему пенями полон.

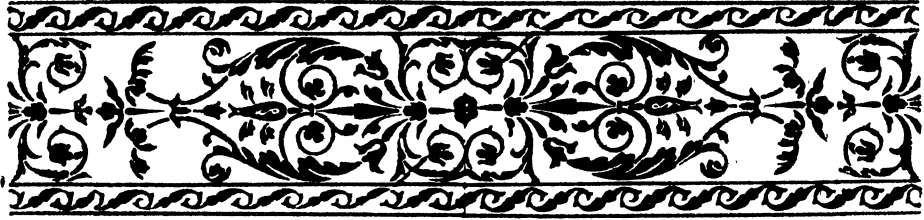
- Смотрит на стан, внимаает полков пробудившихся гулу,
воли страшится вождя, уверен, что если откажет,
будет силком принужден и — молвить ужасно! — решенье
700 он по подсказке скорбной любви приемлет: золотую
чашу вручает слуге, который хранителем ядов
верным при нем состоял. Взвизывая на доверху полный
ценною смертью сосуд, царь гонца отправил в дорогу,
рекши: «Иди и снеси царице бедной подарок
705 горький — тебе блюсти присяги назначено святошь!
Пусть узнает она, что сдержал я слово, что выбрал
лучшее. Боги порукою мне, что к исходу другому
сердце мое влеклось, однако же тщетны старанья,
способа нет, чтобы ей царицей остаться и в браке
710 честном со мной пребывать, — сие воспретил всемогущий
римский вождь, а ему по воле богов и Фортуны
властвовать мною дано. Так пусть же царица рассудит,
сколь глубоко суждено ей пасть и участь какая
ждет ее, лишь моей перестанет зваться супругой.
715 Пусть вспомнит честь и знатность первого мужа,
доблесть вспомнит отца — и в согласии с родом и саном
пусть порешит сама, как быть! Единая помощь
ей от меня — что могу дорогу вымостить к воле».
Так он рек и взор отвел, увлажненный слезами.
- 720 Вот торопливый гонец стучится в царицыны двери
страшный доставить дар; ему отпирает старуха
ветхая и к госпоже идет с рассказом о госте.
Та цепенеет на миг, точно ужасом стылым объята,
но, не замешкавшись, сразу велит, с невольным испугом
725 справясь: «Зови сюда». Гонец, потупивши очи,
сам дрожа, начинает доклад, но она прерывает:
«Ношу твою охотно беру и царский подарок
не отвергаю, коль подарить не может иного
милый возлюбленный: смерть мне лучше бы, верно, досталась,
730 если бы в гибельный день не пошла я, безумная, замуж!
Всеми богами клянусь, что был мне в радость и в сладость
достолюбезный супруг, однако же к горным высотам
я домогалась вспарить, презревши узы земные, —
слово сие возвести и будь моей смерти свидетель!
735 Вы, небожители! вы, морских насельники хлябей!
вы, владыки земли! вы, Стигийских пастыри теней,
к коим до срока грядут! коль вас молить о подобном
не святотатственно, слух к благочестной склоните молитве —
слышите меня, небеса и моря и недра земные!
- 740 Пусть умираю, но мне причина прискорбнее смерти,
нежели самая смерть. Зачем полководцам латинским

в наши мешаться дела? Сколь безмерна римлян гордыня!
Мало им, если врага наследной лишают державы,
даже и душу лишить желают свободы: законный
745 брак расторгают, святость любви нарушить дерзают,
ложе супругов разбойно сквернят. Победою полной
римский доволен вождь, но никто не своротит предвечный
рок Юпитеров вспять! Пусть жизнь Сципион доживает
в горестях, в Риме родном не стяжавши за подвиг почета,
750 пусть изгнанником в дальней глуши уныло стареет,
пусть, одинок и забвен и в разлуке с былыми друзьями,
он не узрит никакой отрады, коль нашу отраду
ныне жестоко отъял! Обидами милого брата
пусть удручается, пусть скорбит о бедствиях рода,
755 пусть кончину его омрачит бесславие сына!
Пусть останки твои, Сципион, в убогой могиле
скроются: гневен умри, с собою не сладив и с Римом,
камень надгробный украсть постыдным перечнем жалоб!

Ну а тебе, любезный супруг, соседские распри
760 вечные станут в ущерб, коль вздумаешь этот и дале
прочить союз! Да узришь почивших безвременной смертью
чад, да узришь, как внуки твои взаимной резнею
осквернены, — а потом пришлец из Лация грубый
да изничтожит жестоко ваш род кровавой расправой,
765 вас да погонит в цепях по столице вперед колесницы —
и да украсит твой Рим твоим же именем триумфы!»

Так изрекла. Кругом домочадцев плачущих виден
скорбный сонм — всех страх сковал пред странной кончиной,
кроме царицы. Чашу берет, устремляет зеницы
770 к небу и молвит: «Солнца свет и боги! прощайте!
помни меня и прощай Массинисса!» А после, не дрогнув,
словно бы жажду спеша утолить, выпивает отраву —
и несмиренный дух к преисподним уносится теням.

Предуведомление к песни шестой

*На ахеронтских берегах смущены преисподние души,
видя, какая краса к ним нисходит с царицыной тенью,—
там ей достойный приют; Сципион, желая утешить
скорбного друга, ему объясняет свой умысел дальний
и одаряет друзей дарами; отправился в Лаций
Лелий; два финикийских вождя, Магон с Ганнибалом,
два из всех величайших врага могущества римлян,
вызваны в Афрский край: Ганнибал, как всегда, вероломен,
всех изводя за собой; а Магон погиб среди моря.*

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

Столь величавая тень, кольцом любопытных теснима,
не нисходила к Стигийским прудам с поры, как неравно
натрое деленный мир исполинской воздвига машиной!
В страхе столпились кругом карфагенянки, ошеломленно
⁵ глядя на гостью, и вся Евменид нечесанных стая
жестоколиких разинула рты в немом изумленье.
Царствен царицы взор, ланит ужасающа бледность,
и не умалилась в ней былого величья гордыня —
так, негодуя на вышних богов и смертью гневна,
¹⁰ шествует, лишь слегка поступивши долу зеницы,
дабы предстать наконец пред адских судей престолом.

Молвит Минос, тряхнув седой головою: «Злодейка
за произвольную смерть во второй да замкнется темнице
вместе с грешными душами тех, кто кощунственно жизни
¹⁵ краем смел пренебречь!» Подтвержден Радаманфовым словом
тяжкий сей приговор, уже шагнул к горемычной
лютый ликтор, но тут Эак, главнейший среди судей,
возопиял — и вот необъятный Тартар смятенно
смолокнул, а зычный глас по болотам несется Стигийским:

²⁰ «Смерти причина — любовь, и отнят свет поневоле!
В третье узилище пусть идет, где ей по закону
нашему место: незачем ей безвинно обиды
претерпевать еще и от вас — довольно при жизни
ей от богов и судьбы досталось на горькую гибель!»

²⁵ Радостным кликом речь сию встречают согласно
тень народ и призраков сонм, что черной державой
правит.

Как если кого, кто честен, к казни присудят
гнусной и подлой — распять, на огне изжарить, повесить —
то устращается он до дрожи не самую мукой,
³⁰ но униженьем, и ежели вдруг ему благородней
казнь пожалуют, сразу лицом меняется: очи
светятся, ясно чело, и льются счастливые слезы,
ибо нежданная радость пришла, легчащая сердце, —
так и еще веселей и, безгневна, еще благолепней
³⁵ поступью скромной грядет царица, зреть вождедея
обетованный приют, провожаема роем несметным
юных душ, словно сон былой повторяющих жизни.

Невдалеке от пристани той на бреге Летейском,
с коей в пещер тесноту немилую грешников гонят
⁴⁰ мрачный простерся дол, опоясан холмистой грядою
темною: вечный здесь покой на широких полянах
в сени ветхой кругом разросшихся миртов тенистых.
Здесь не бряцают мечи, здесь копыт не слышится топот
гулкий, не лают псы, тельцы не пасутся и агнцы:
⁴⁵ здесь лишь плач и печаль, и о долгих стенанья мытарствах,
страха тоска и стыда, и к своей же ненависти доле,
здесь преступная страсть, гнев, злодейство, с верностью — хитрость,
с ласкою вместе обман и вместе с забавою мука,
краткий смех и лукавый взгляд попутеля клятвы —
⁵⁰ ложь здесь теснится ко лжи под нечастой правды покровом.

Вот царица, сквозь узкую щель в пределы юдоли
оной видя, Ифия зрит, что петлею давит
горло себе, близ него — изошедшую плачем Библиду,
Мирру поодаль — эта листвою в стыде непомерном
⁵⁵ кутаает лик, а тут же Орфей, грабитель Аверна,
тщетно кличет вернуться назад свою Евридику.
Сильномогучий бродит Ахилл по чаще лесистой,
тяжким шагом след по блеклой траве пролагая,
а в стороне Парис, словно все еще силы трепещет
⁶⁰ недруга славной, тишком поспешно крадется — и слезно
скорбные зовы ему вослед воссылает Энона,
он же торопится прочь. Тут блуждает царская дочь —

пагуба мира, жена, что в горестях стольких повинна! --
 тут и Турн, грустя об отъятой невесте, блуждает
 85 по полю. Только двоих узрела средь луга царица
 вместе идущих, руки сомкнув и сплетенных в объятье
 тесном, — и вдоха сдержать не могла, промолвив печально:
 «Фисба, счастливица ты!» Сбереженная в бездне Авернской
 ей любезна любовь — не завидовав прочим доселе,
 90 вспомнила тут она, одинокая, милого мужа!
 Втуне: лишь стариком, умереть готовый, пресытись
 долгими летами, должный век избывши до края,
 он к приютам иным воспарит и к сонмам героев.

Весть о кончине злой едва летучей молвою
 95 распространилась, всяк и повсюду жалостью равной
 был преисполнен, и всюду бойцы восплакали слезно.
 Кто царицы судьбой уязвлен, кто царскою кривдой,
 ибо злодейство тот приумножил, грехом наихудшим
 меньший исправив, кого дивит пред гибелью лютой
 80 женская стойкость, — подвиг такой не под силу и мужам!

А Сципион, страшась, как бы ныне юноша пылкий
 вдруг не замыслил в тоске о двойном своей преступленьи
 худший вред себе сотворить, утешительной речью
 увещевает его, кручину лаской смиряет
 85 и от недобрых дум облегчить старается душу —
 так врачеватель подчас, опасного знаки недуга
 видя, больного спешит веселым словом позабавить,
 чтобы, рассеявшись, тот позабыл о собственных бедах.
 Ночь вторая без сна прошла, изнуренье заботы
 90 препоручив заре: потесняет Люцифер звезды,
 ясный является день из Индийского вод океана,
 сладостный щебет птиц бесконечной жалобной трелью
 слышится, и немоту почную нарушила Прокна.
 Вспрянувши, вождь отовсюду полки глашатаая кличем
 95 к сбору зовет и так с высоты своей воинству молвит:

«Рима цвет и краса! вы, стяжатели бранного счастья,
 вы, победители, чье ярмо Гесперийские страны
 вздели навеки и от коих днесь несчетные беды
 Африка терпит, свое сокрушенье близкое чуя! —
 100 ныне прилежно слух напрягите и души склоните
 к слову вождя. Сказать я сущую правду намерен,
 и поручителем мне всезрящий да будет Юпитер.
 Долгим моим трудам отнюдь не тщеславье пустое
 первопричиной, отнюдь не ко власти проклятая похоть,
 105 но лишь к отчизне любовь непомерная — переправляет
 нас она чрез бурную хлябь в песчаные Сирты.

Ею путеводем, я нагим перешел бы без страха
гор Рифейских льды, хоть даже и лютой зимою;
с нею, хоть знойной порою Льва и в латы закован,
¹¹⁰ я бы пробился сквозь сушь бескрайних пустынь Эфиопских!
Верная мне суждена победа Марсом коварным
или веселая смерть — пусть! не мне моя жизнь и удача.
но лишь отечеству долг благочестный: не буду в убытке,
коль заплачу! Пора изъяснить в словах непространных
¹¹⁵ оных намеренный смысл. Вы, чрез все испытанья за мною
шедши, ныне умы изготовьте к труднейшему делу:
подвигов близок конец и венец — я взять в обложенье
постановил самого Карфагена злого твердыню.
Тут, коль вернется тот, кому всецело вверяет
¹²⁰ рап излечение своих нам враждебное лживое племя,
снова в Лации мир настанет, а нам за упорство
будет хвала, что великой войны судьбу порешили;
ну, а коль не придет, побежден прослывет промедленьем —
ты беззащитною мне, о земля, достойная казни,
¹²⁵ дашься и кровью отмоешь смерть убиенных латинян!
Если уж было дано пограть Италийские шивы
варварам, смеет ли кто стремление к праведной мести
нам воспретить? Притом, хоть такое тяжко припомнить,
но на столичный наш град, на высь Капитолия гневно
¹³⁰ изблизн оком единым своим взирал он с угрозой —
что ж не позволить и нам на город его наглядеться?
Хоть бы сей новый Марс карфагенский на бранное поле
во всеоружье пришел от самой Стигийской стремнины,
хоть бы его вчетвером с обеих сторон подпирали
¹³⁵ лютые львы, которых он взлелеял для боя,
не убоюсь, не сбегу — мне ваша же доблесть, квириты,
сей подает пример! Давно нам враждебный родитель
с телями делит юдоль, и ему единый остался
сын из толпы сынов, что клинков латинских перуном
¹⁴⁰ истреблены. Так зачем вот этот до старости дожил,
ежели мне не на позднюю честь и на славу деснице?
Долгие лета живи, прослыви благородной кончиной,
только сразит тебя эта рука! Бахвалься же вволю
страхом своих побед и копьем, что римляи пронзало,
¹⁴⁵ всяко смерти твоей почтут Сципиона причиною
первою — имя его на твоём начертится надгробье!

Ныне вперед! взыскайте душой несказанных триумфов,
мстители родины! Ты, среди царей знатнейший и лучший
ты, Массинисса честной, который ни хлябью бурливой
¹⁵⁰ не утращаешься, ни огнем Юпитера горним,
ни ратоборством с врагом, будь сей враг хоть Маворс свирелый,
ближе ко мне подойди, мне с открытою внемли дуною!

Знаю, что в сей войне ты доблестью был превосходен
 и божествами любим, — по твоим ничтожны заслугам
 155 эти сограждан моих дары, но верь: лишь задаток
 больших и лучших ты зришь наград. Гляди! пред тобою
 бьет копытом конь, раззолоченной радуясь сбруе. —
 ждет себе седока! Гляди! колесница сверкает
 вместе с убором — точно таким, в котором триумфы
 160 римские правят вожди! как блестит узорочьем частым
 дивносплетенный венец, как тяжел червошного злата
 кубок, державную длань бременящий грузом Вселенной!
 Вот и наряд — не найти в священном Граде другого
 краше! Ты скажешь, что сам успел предовольно изведать
 165 римскую доблесть и сколь она средь смертных отменна, —
 так, но сего ты изведать не мог, не в обычае нашем
 честь чужеземцам являть, и только тебе добровольно
 наш доспех и наряд, и красу, и званья, и славу
 мы даруем: отныне тебе положена доля
 170 и соучастье во всех триумфах, кои Фортуна
 нам приготовит, навек тебе назначено место
 в нашем Сенате, будешь теперь с квиритами вровень
 всякую почесть стяжать — царем союзным и другом
 чтим неизменным тебя! А ты, превосходнейший Лелий,
 175 сей венец, что златом тяжел и камнями блещет,
 ныне по праву прими! Ты пленных — и первым Сифака
 в путь уводи скорей: дожидается в море открытом
 флот, и спокоен пролив, обласканный вздохами Австра.
 Вы же, товарищи бранных трудов и превратных походов,
 180 все обретете хвалы и по вашим заслугам награды
 в день, когда Капитолий нас счастливый увидит
 лавровенчаных, в день, когда кличем нас встретят приветным
 тысячи, в день, когда средь радости, плеска и шуток
 нас, победивших, узрит державный Рим седмглавый
 185 близость этого дня никогда не лгущие судьбы
 мне обещали!»

Сказал, и, разом взыгравши повсюду,
 радостный гул до звезд восшумел великим весельем.
 Прежде прочих спешат вождю принести благодарность
 Лелий и царь. От царя несказанные чаянья ныне
 190 гонят бывшее прочь, и другую всецело заботой
 он озабочен: отнять у врагов приграничные земли
 хочет и так рубежи расширить тесного царства —
 сан же его, да и то, что ему Сципиад многомогущий
 пообещал, подают сию надежду.

Так, видя

195 малую птаху, что вдруг из сетей ускользнула на волю,
 плачет порой птицелов, но надеждою лучшей утешен.
 вдруг приметив вблизи парящую в небе высокою

на благородных крылах другую и большую птицу —
сразу бодрится душой, и чайные знатной удачи
210 вспоминающую претит о прежнем. В переменчивом сердце
так же подчас приязнь уступает новой приязни,
одолевая любовью любовь и желаньем желанье.

Ночь наступившая новые сны царю навевала:
больше не мнил ни стаи, ни лик, ни поступь подруги
215 взору, а слуху его не мерещился шепот печальный —
ныне престол, города, крепостные грузные стены,
реки ему и холмы пространной снились державы.

Вот заалел Восток, за поводья резвой упряжки
взялся грядущий день, и ясной теснима Зарю
210 тьма ночная с небес; рев трубы зовет мореходов
к делу, и ждут паруса, напрягшись, попутного ветра.
Воинство римское брег толпой обступило: желает
всяк проводить земляков, да к тому же молвить словечко
этот просит отцу, этот брату, этот сестрице,
215 этот товарищам — просьб не счесть, грохочет повсюду
разноголосый шум, и криками полнится воздух.

Лелей, в средние став, дружелюбное море приветом
чит, а после суда вручает водительство ветров —
и раздается в ответ мореходов радостный гомон.

220 Скорбный меж тем Сифак, с кормы устремивши зеницы
к берегу в последний раз узреть отчизну и земли,
где государем был, исходит плачем безмолвным,
но наконец потаенная боль немотства затворы
рушит, и так небесам изливает он горькие слезы:

225 «Край, от богов — увы! отлученный! печальной звездой
долго теснимый край! Что за пагубу злую на нивы
наши жена навлекла, бежав Сидонского берега?
Что за страсть нам в грудь изгнаница эта влияла,
нищенка эта, сама перецугана муки недавней
230 болью? Да! к войне и ко крови недобрую жажду!
Сколь безопасней было держать неконное царство
и нерушимый мир хранить: разъяла Природа
оба народа ширью морской, особо и розно
жить назначив, — а мы средь волн гонялись за смертью!
235 Морок какой нас объял, злополучных, чтобы стихию
переломить, чтобы буйную хлябь и ветер неволить?
Чем, например, повредить мне могли Испанни скалы
иль Тринакрия, жаром жил дымящая пылких,
иль Сардинии гиблый утес, откуда заразой

²⁴⁰ вее? На что мне они? Не лучше ли было подальше
 ввек от соленых держаться вод? Куда я, безумец,
 стяги понес? иль жить устыдился просторно и мирно?
 Горе мне! боле твоей не порадую очи красую,
 Африка, и не взгляну на милые отчие холмы,
²⁴⁵ к чуждому берегу влеком, который мне станет могилой!
 Можно ли верить? того, кто рожден у окраины света,
 скоро схоронит земля Италийская, дабы не длилась
 смутномятежная жизнь — такую печальные пряхи
 свили нить для меня, так вышние боги судили.
²⁵⁰ Пусть же они, горделивый дух тебе дав и всесилность
 всюду сеять раздор, ныне кару дадут по заслугам,
 о Ганнибал, тебе за мое разоренное царство
 и за погибель и скорбь, которым первопричиной
 ты для родившей тебя земли! О когда бы перуном
²⁵⁵ пред алтарем ты был поражен за преступную клятву!
 Целься, Юпитер, в того, кто тебе и себе и отчизне
 столь вредоносен, — его круши! Зачем для потехи
 мстительным пламенем бить дубы и безвинные скалы?
 Ты же, богам ненавистный отец, посеявший злое
²⁶⁰ семя войны, — уж лучше бы ты сынов распроклятых
 повсе на свет не родил! по, к теням унылым ушедши,
 пыне бессилен ты зреть толнкой лютости всходы.
 Хоть не досталось тебе вселенскою кровью насытить
 похоть очей и мечей, зато на свирепстве возросший
²⁶⁵ отпрыск спешит накормить родителя злобного призрак.
 Всех ты достоин язв, однако сколько же казней
 мне ты сулишь, непотребный сын, скверня мертвечиной
 реки, озера, ручьи, заливы, проливы и земли?
 Пусть я первым умру и въяве узреть не сумею
²⁷⁰ Смертных мук твоих, но увижу, как нежитью снидешь
 ты средь изрубленных толп к хороводу яростных Фурий!

Ну а ты, жена неверная, ты, что супруга
 бросив, бедою моей натешиться жаждала втуне,
 ты поневоле обгонишь меня — с одинокою тенью
²⁷⁵ встречусь опять и стыд на челе твоем должный увижу,
 ибо, коль очи не лгут, от отчего берега воротит
 гнусный сей блудодей, о тебе нимало не помня».

Рек и скорбно поник на грудь заплаканным ликом:
 больше ему не страшны ни скалы, ни грозного Евра
²⁸⁰ вихрь из Эоловых недр, ни в пучине бродящие дива —
 только смерти он жадно ждет и молится молча
 о непогоде; пусть бы хоть труп его хладный прибила
 вспять к Ливийским берегам долгожданная встречающая буря.

Так же хозяин злой и завистливый тощего поля.
285 если пожать урожаем надежда пропала, желает
прочим ненастной весны, перемешанных с градом жестоким
ливней и в гибель плодам крушащих сады ураганов.

А между тем Сципион, облегчив себя долей заботы,
в путь пустился и холм узрел, к укреплению пригодный,
290 имя посящий Тунет, окружил его деревянным
тыном и баиен кольцом и оправил обрывистым валом.

Вот уже в самом виду Карфагена раскинув пространный
стап, палит он поля. Земледельцы в разбеге и страхе,
самый город объят внезапным ужасом — каждый
295 мнит: единственный путь спасти остаток свободы —
в том, чтобы дальний вождь был призван в подмогу отчизне.
Криком совет порешен: гонцы назначены снешно
молвить о крайней беде, вождя для последнего боя
ради отчизны вернуть, над коей нависла погибель!
300 Шлют корабли и к иным берегам — к Лигурийским долинам,
дабы оттоле Магон повернул ладьи боевые;
если же нет, Карфагену придет конец неминуемый.
Оный вождь, хоть весть и в него заронила терзанья
тяжкие, ибо не раз он уже претерпел во кровавых
305 Марсовых бранях урон, — убоился насущной угрозы
родине и поспешил ответить приказу покорством.

Той же порой, продлить желая льстивою речью
предбоевые дни, посылает сенат финикийский
тридцать речистых мужей, отборных в плетенье неправды.
310 к римскому в стап вождю. Из них изощреннейший начал
слезно такую речь, печально и тяжело вздыхая:

«Вождь, превосходнейший всех вождей, порожденных от веку
в этом круге земном с незапамятных пор мирозданья,
брось милосердный взгляд, каков наш растерзанный город
315 в рапах от злобы и сил пемногих жестоких злодеев, —
и, умоляем тебя, возымей сожаленье к страдальцам!
Если дана надежда спастись — сограждане наши
нас же лишают ее! — в одной твоей она длани.
Если прощение — лучшая месть, и если полезней
320 римскую власть принять, чем отвергнуть и сгинуть навеки,
если в победе о дружбе былой пристойней вспомнить,
нежели видеть лишь злое вокруг да злое в грядущем, —
милость явите нам, побежденным, к мольбам снизойдите,
просьбам отверзните слух. окажите поверженным помощь!
325 Пали мы в прах: прострите же длань, да воздвигнете к жизни
тех, чью держите жизнь, — и да будет наказанным стыдно!

Высшая всех побед — победа, которая в друга
 преображает врага по заслугам его. О заслугах
 речи нет: о дружбе молчать велит нам Фортуна.
 350 Но не довольно ль того, чтобы дать обреченным спасенье,
 чтобы простить виновным вину? Во имя Владыки
 грома, во имя богов, тобою, римлянин, чтимых,
 дай прощенье тем, кто готов к заслуженной каре!
 Не отрицаем: грешны. Но дозвожь, о вождь досточтимый,
 355 правду сказать. Всех наших грехов единый зачинщик
 был Ганнибал, в сердцах разъяривший преступную жажду
 высшей власти: повсюду желать того, что отныне
 поздня боль велит не желать. Посему да погибнет
 он, виновник всех бед, раздавленный бременем оных. —
 360 так указывает его судьба. Благосклонно помысли:
 если согражданин для нас — опаснейший недруг, —
 ты, слыvuщий врагом, благороднейшим будешь из граждан!»

Молвив так, припал ко стопам победителя. Тот же
 встал и с суровым лицом недолгим ответил ответом:
 365 «Я не о мире пришел говорить — о победе и мести:
 здесь между нами счет за все преступленья ливиян.
 Как Фортуна меня ведет, как клонит победа
 чашу мою, небезведомо вам — и все-таки сердце
 тронута вашей судьбой: не озлобится дух благосклонный.
 370 Как благочестно мы войны ведем — будь ведомо свету! —
 ибо у нас всегда за душой желание мира.
 Вам, недостойным, наш дар — прощенье. Наши условия
 запечатлейте в умах: — да будет вам, битым, наука
 375 Двудцать да будет у вас кораблей — ни больше, ни меньше —
 для огражденья берегов, отнюдь не к бранным затеям.
 Чем кому владеть, о том давно рассудили
 наши победы. Конец настал в Испании власти
 вашей — более там не бывать финикийским оружьям!
 380 В море, которое здесь пролегло между вами и нами,
 ни на одном островке не вольничать афрскому Марсу!
 С римлян, что в вашем плену, позорные свергните цепи
 и победителям бросьте к ногам. Ни один перебегчик
 да не укроется здесь. Ни единый в Италии воин
 385 и ни единый вождь да не медлит: всех отзовите!
 Если за три дня обсудить и принять мое слово
 вы захотите — послов за миром в Рим посылайте,
 дабы Сенат указал и народ освятил соглашение.
 Если же нет — все равно приспела пора перетишья.
 390 и объявляю: три дня и три ночи да будут спокойны!»
 Так сказал и данью берет для своих легионов
 хлеб. Церерин дар, и должное множество денег.

Те, как будто и впрямь условия мира не в тягость
и не осталось надежд на мечи, что сломаны в битвах,
с радостным видом лица несут эту весть горожанам,
кои, согласно шумя, притворно усердствуют миру.

Так, случившись в беде от всегда неверного моря,
хитрый лукавец моряк, грозою лишенный надежды,
в трепете шлет за обетом обет владыкам пучины:
трижды к Нептуну зовет, вскипевшему валом, и трижды
к силам Фетиды морской, и к гневному трижды Нерее —
жертвы суля и дары, ничего не жалея для храмов;
а как увидит, что небо ясней, что видится пристань
и до земли уж рукой подать, — тотчас понемногу
все обеты его застилаются лживым забвеньем.
Именно так изворотливый страх подстрекал карфагенян
время посулами длить, пока Ганнибал не вернется.

Оный меж тем Ганнибал, крушимый безмерной заботой,
в крайнем углу италийской земли, в бруттийских пагорьях
будучи, мыслил о том, сколь злобно игрива Фортуна.
Здесь-то посланцы подходят к нему, и тот, кто речистей,
так начинает: «О ты, краса отчизны, надежда
крайняя мира всего, спасенье последнее наше,
сжался! взгляни, как сограждан твоих терзает Фортуна,
как пременялась судьба, какой грозящей руиной
рок навис.
Если еще не пылают твои подоженные стены,
то потому, что защитою их далекая слава
здешних дел твоих; но боюсь я, покуда мы плыли,
уж подступился, увы! пожар к отеческим кровлям —
ибо в мгновенной грозе и в сугубой беде покидали
мы свой берег родной. Помогли дрожащей державе,
глас которой к тебе долетает сквозь дальнее море
и к благочестью зовет: иль к нам возвращайся зовущим,
иль почитай себя единой погибелью нашей!
Знай, что уже к берегам ливийским — не лжет мое сердце! —
держат возвратный путь корабли, которыми правит
брат твой. Но если бы все, все братья и обций родитель,
в небо взошедший, не звав поражений под Марсовой сенью,
здесь предстали помочь — вотще! Не стал легковесней
гнев богов, и перст не стал ненадежней, которым
Царки нам участь прядут. В тебе сегодня едином
жизнь, свобода, краса и честь несчастной державы!»
Молвил и слезно устами припал к всепобедной деснице.

Слыша, как речь подходила к концу, все суровее ропот
рвался из уст вождя: сжат кулак, напряжены мышцы.

Точно так змея, заговорные песни услышав
 и роковые рокоты слов, претящих рвануться
 к жертве, с силою хрип и свист выпускает из глотки,
^{42⁰} кольчатым телом своим в узлы сплетаясь и в петли.
 То Ганнибал ударял себя в лоб рукою, то к небу
 взор возводил из-под влажных ресниц, то на рать финикийян.
 столько с ним перенесшую битв, посматривал хмуро,
^{42⁵} и наконец произнес: «Карфагена и нашего рода
 издавна мне судьба небезведома! Голову брата
 видя, познал я то, что и мне готовит Фортуна.
 Ныне пред оком моим последняя нашего града
 участь, и словно у ног позорные груды развалин.
^{43⁰} О Карфаген, дорогой Карфаген, увы мне! Но кто же
 предал тебя и меня и наши над родом латинским
 все победы? Враги — кругом, и много их, тайных.
 Сколько раз налагался запрет на то, чтобы слали
 деньги для войск, и сколько раз поределым дружинам
 был запрет на новых бойцов! Что ж, ненависть въяве
^{43⁵} верх взяла: приказан возврат, и я повинуюсь.
 Против воли иду: не вздумай гордиться, заморский
 враг! не ты победил меня в стольких сшибках и схватках.
 Рим, ни всей Авсонийской земли соборная сила —
 я побежден от своих, из дальнего Лация изгнан
^{44⁰} завистью, хитростью злой, отнюдь же не Марсовой силой.
 Меньше сил приложил для позорного этого бегства
 оный герой Сципион, чем наш Ганнон вероломный
 и ослепленный народ, послушный суждению сената.
 Он ненавидел меня, мой род, богатство и славу,
^{44⁵} но, не умея сгубить одного, он общую гибель
 рушит на наш народ — всей тяжестью нашего града
 он задавит меня, а на эти развалины встанет
 мститель за римскую кровь и злейший враг финикийя».

Так скрежетал, разъярен, Ганнибал, обезумленный лютой
^{45⁰} болью; подобен ему израненный, с пеной из пасти,
 вепрь, стоящий в упор, поставив дыбом щетину.

Есть на дальнем краю Италии город, когда-то
 славный: потом, оскудев, сохранил он отменную пристань:
 имя ему Кротон, а лицом он к всходящему Фебу.
^{45⁵} Храмы блистали здесь, посвященные вышней Юноне,
 полные знатных картин: искусством греческой кисти
 так расписал их Зевксид, что по целому кругу земному
 благоговейно твердили о них. Суровой богини
 образ рисован здесь, с пяти обнаженных красавиц
^{46⁰} списанный так, что краса от красоты обобрана с каждой:
 что найти творец в едином отчаялся теле,
 то он от многих собрал в единый прекраснейший образ.

Здесь-то флот, снаряженный давно, стоял финикийский
 втайне и к бегству готов — потому что такой полководец,
 165 зная изменчивый путь войны и превратности рока,
 заблаговременно здесь поместил свой строй корабельный,
 всякий имея в виду исход. Сюда-то собраться,
 в гневе на мир, богов и себя, он велит подначальным.
 Мало того: не сытый еще италийскою кровью,
 170 теньям усопших здесь он приносит последнюю жертву.
 Горе! жалостный полк мужей, обреченных несчастью,
 что готовит тебе судьба? Напрасно пытавшись
 страхом понудить бойцов покинуть кровавые станы,
 дабы вослед вождю в морское направиться бегство,
 175 вмиг бледнеет злодей от ярости нечеловечей:
 он, Ганнибал, седых стариков и юнцов безбородых
 кон, отбросив испуг и доспех, с надеждой и верой
 у алтарей святых искали защиты — напрасно! —
 всех велит перебить. Жаркой кровью полнятся храмы,
 180 стенами кровли звучат. Таким-то пятнает кощунством
 святопреступник дверные столбы, которые клятве
 у финикиян залог, и образ Юноны, и прочих
 страшных богов: весь храм гудит от смертных стенаний.

Оную жертву морским богам почитая довольной,
 185 вождь и свирепый попутель святынь на высокую всходит
 кормчую часть корабля, окровавленный чал отрешает
 и, победитель, в слезах покидает поля италийцев.
 Долго молча смотрел он назад, на тучные пашни
 из отдалявшейся зыби пучин, в суровые складки
 190 хмуря чело и зраком грозя желанному краю,
 но наконец пророптал с угрозою шепотом пылким:

«О Италия, о глава ее, Рим непреклонный!
 Что за Фортуна исторгнула вас, играя, из нашей
 глотки, добычи лишив? О ты, из богов высочайший,
 195 ты, столь много раз препятственный нашим усердствам
 и отымавший за малый миг плод долгих усилий,
 ты, Юпитер, ты, вероломный заступник авсонов,
 как же в единый день ты столькие наши успехи
 преобразил в ничто? Если страстью губить ты пылаешь,
 200 то почему не нишел ты ко мне на Каннское поле?
 О, когда бы возник ты, зримый, меж спорящих строев,
 вооружив десницу твою гремящим перуном!
 Мультибер, ты в Этнейском котле халибову плавку
 в три острия закалил бы, тройной разящие раной;
 205 щит отцовской руке вручила бы верная дочь
 Дева Паллада, прикрыв твою грудь Горгониным ликом;
 обок тебя, и справа и слева, явились бы взорам

боги; взмела бы песок колесница гонителя Марса;
 многою смертью Феб истощил бы колчан за плечами;
 510 и обратил бы на строй полков сразившую стольких
 чудищ силу свою Алкид, родителю в помощь, —
 но и тебя и богов сокрушила бы наша Фортуна!
 О Бомилькар, мой лучший друг и вернейший советник,
 горе! — зачем в тот день твоим пренебрег я наказом?
 515 Я, испытан в годах и боях, почему не решился
 столько отваги явить, сколько днесь в свои юные годы
 неукротимый явил Сципион, под нависшею смертью
 от италийских брегов представ пред твердынями Бирсы?
 Я — победитель, и я — убоялся войти в побежденный
 520 город? Кто помешал ворваться кровавой дружиной
 в Рим? и возлечь на пиру, о коем реклось в уговоре?
 Он, Юпитер, увлек коварством в грядущие леты
 наши слепые сердца!

О! когда бы дальнейе время
 взору могло моему предстать хотя бы в тумане,
 525 то ни единый бог на земле, на море и в небе
 и ни единый народ моего не мог бы преторгнуть
 натиска. Вера моя и надежда моя на победу —
 вот что спасло тебя, Рим. В роковые такие мгновенья
 были спасеньем тебе не мечи, не мужи, не стрелы,
 530 а промедленье мое. Увы! сколь многою кровью
 вмиг бы вскипели моря и покрылись тирренские бреги!
 Сколькими трупами Тибр взгромоздился бы, красной волною
 выйдя за край! А сколько квадриг и сенатских оружий
 в блеске златом, сколько гордых домов во мстящем пожаре
 535 гибель явили бы нам, и сколько бы тысяч и тысяч
 пало в резне — все то, чего ныне страшусь для отчизны.
 О, какой бы крик, какой бы вопль и стенанье
 слух ласкали бы мой нежнее, чем мирные песни!
 Стыдно, что я не поднял меча, не начал сраженья:
 540 город был предо мной, и столько в нем полководцев
 прятались в темных углах. И все же, ежели здраво
 мыслю, когда-то и я вызывал над собою попутный
 гнев твой, Юпитер, когда гремели перунами тучи.
 Помнят о том, окрасившись в кровь, река за рекою:
 545 Тициз, струей потеплев, и Требия, ставшая красной,
 с противоставших стекавшие гор и единой дорогой
 пересеченные, — помнят о том, что было над ними
 и что унес приявший их Пад в Адрийское море.
 Помнят о том — и как позабыть? — тразименские рыбы,
 550 кровью авсонской жирны досель, — по надобно ль долгие
 перечислять? вовек в италийских столбцах летописных
 имени быть моему, Ганнибалово имя в латинской
 памяти будет стоять. Немного уже оставалось

до торжества: но зависть встает в могучем Ганноне,
555 зависть встает в богах.»

С таковой печальною речью
плыл Ганнибал, пребыв в Италии три пятилетия
и на четвертом горя о том. К родным побережьям
он направлялся с такою тоской, с какой покидают
560 милую родину или друзей, как будто горя,
что из враждебной земли приказом в отечество изгна.

Мрачный от сих забот и от пней сих запоздалых,
дальше помалу ведет он суда: уже утомленный
Феб свою четверню вверяя волне иберийской —
здесь наступившая ночь и путь, промеренный в море,
565 скрыли берег из глаз. Тогда-то усталое тело
предал вождь беспокойному спу. От севера к югу
путь держали суда, и начальник, блюдущий светила,
всем объяснял морякам, приставленным к кормчему делу,
свойства железной стрелы, единому верной магниту, —
570 в этих заботах они всю ночь пребывали бессонны.
Утром отходят ладьи от опасного бурями брега,
путь по открытому морю держа, а северный ветер,
шире вздув паруса, ведет их попутным движеньем.
Только что ясный день вставал из пучины, и звезды
575 меркли со всех сторон, убегая встающего Феба,
как одесную себя, на пяте италийской подошвы
слышат они охрипый пролив, прегиящий сомкнуться
двум разъятым горам — ужасающей издали Сцилле,
жадной хватать моряков, и всегда беспокойной Харибде, —
580 страх от которых двойной. Но гребцы многоопытны были,
путь держали левой и Фебу в лицо заглянули.
Видят они вдалеке вершину дымную Этны,
серных потоков исток; когда-то пашни циклопов
здесь простирались, а после дворцы воздвиглись тиранов.
585 Вот явилась вдали Сиракузская славная пристань,
и корабли бороздят залив, в котором когда-то
край покинув родной, под бичами неистовых фурий
гибли аргивян суда боевые. А вождь, дозируя
стены, являвшие вид еще недавних крушений,
590 вспомнил, каков был Марцелл, которому славу триумфа
граждане, сдавшись, несли открыто, покуда коварный
некто измену плел. Вот выгнулся берег Пахина,
и, покамест разят его ветер и волны флота,
солнце зашло, и кончился день по велению рока.
595 Ночью плывут они вдаль, в открытое пенное море,
от Тринакрийской земли кратчайшей дорогою к югу.

Медленно шла в небесах, отражаясь светом в бессветном
море, Кинфия. Вождь на корме двусветною ночью

бдительно бодрствует, строя в уме прозорливом расчеты
 600 будущих битв, ненадежных трудов и тайных исходов.
 В мыслях таких угадавши его, единый из ближних
 начал такие слова: «О вождь, нам трижды желанный,
 ежели просьба достойна моя, — поведай, какая
 дума сейчас у тебя на душе? Не презри просящих:
 605 я — посланец к тебе, из столичного присланный града
 теми, кто, как и я, изнемогли, свои упования
 на возвращенье твое возложил. Когда к финикийским
 ты подойдешь берегам, — раскинешь ли стан прибрежный,
 чтобы сраженье принять? или в стены войдешь городские,
 610 чтобы явленьем твоим вдохнуть в защитников сил?
 или иным, быть может, путем, к наилучшей из целей
 мыслью придешь? Какую ты мнишь страданиям меру,
 участь какую для нас и исход трудов предстоящих?»

Вождь отвечал: «В таком небывалом сплетенье событий
 615 может ли даже бог изыскать надежнейший выход?
 Мы плывем в Карфаген — таково повеленье Ганнона!
 Может быть, я и войду в любезные отчие стены,
 ибо я сам желал бы того: желал бы увидеть
 силу, облик, дух и стать и чаянья граждан.
 620 Если же мне на пути объявится юноша римский
 с войском оружным, — тогда решено, что будет сраженье,
 и добровольно готов я принять все то, что на долю
 бог велит и Фортуна пошлет». Сказал и умолкнул,
 сумрачным сердцем смущен. Тут из кормщиков старший, искусный
 625 кормчим ворочать веслом, обратился морщинистым ликом
 к звездам, к морю и рек: «Молю тебя, вышний Юпитер,
 и прародитель Нептун, и все небесные силы:
 нам простите грехи, отведите от Ливии гибель
 лютую, злой восперечьте судьбе! Мне многое видеть
 630 в жизни пришлось, чередую годов растянувшейся длинной:
 спутник старости — страх, и страх вошел в мою душу.
 О, как бились когда-то и мы, выходя на дружины
 вражьи, когда латиняне строй за строем ступали,
 страх наводя, по ливийским степям, и уже к Карфагену
 635 близили тяжкий таран! Их вождь, из вождей наилучший,
 Регул был в те дни, ласкаемый доброй Фортуной
 словно затем, чтобы больше у нас не осталось надежды
 в душах. Как поздно, увы! доселе Баграда помнит
 оные дни! — как тщетно, увы! предстал нам в подмогу
 640 некий предивный змий! Не скоро, пронзенный стрелами
 римских луков, не скоро упал под градом тяжелых
 копий чудовищный гад: четыре югера поля
 заняло тело его, распростершись бездушной громадой!
 Только потом над нашей судьбой несчастной Фортуна

⁶⁴⁵ сжалившись к нам привела, недостойным, из стран отдаленных
помощь: прислал вождя из Греции верностью славный
Лакедемон. Доселе в глазах Ксантипп-победитель:
взор его и суровый нрав и веское слово,
⁶⁵⁰ лишь посмотрю на тебя и услышу тебя, Ганнибала,
хоть и младенцем ты был в те дни еще бессловесным.
Но для чего продолжать? Победившие, мы победили
только искусством вождя. Опрокинуты римские станы,
римский рассеян строй, знамена римские в нашей
власти, и сам их вождь закован в наши железы.
⁶⁵⁵ Горе! куда завел мой рассказ! Не это ли море —
напоминание мне? Ибо здесь, если только ночные
сумраки мне не в обман, на возвратной дороге в отчизну
был он брошен в волну и обманут и предан коварством
спутников. Видел его я тело на зыбкости моря,
⁶⁶⁰ столь большого, едва шевелящего дланями в путях.
Боги, какая беда! какая неблагодарность!
Сами ль себе мы старались во вред? Единый спаситель
был у нас — и его бессердечно вы предали смерти!
Я гребцом на том корабле трудился и видел,
⁶⁶⁵ как он упал, и душою болел, и недоброе чуял.

Страшно мне теперь самому вспоминать об ужасной
каре — но поделом нам боги назначили кару.
Несколько лет спустя, вот здесь проплывая походом,
наш нечестьем запятанный флот неподалеку отсюда
⁶⁷⁰ встретил строй латинских судов. Какая вскипела
сеча на наших бойцов! как пламя простерлось над морем!
Бревна взлетали и падали в хлябь, с мертвецами живые
плыли в волнах, морская вода почернела от крови,
кормы разметаны в щепь, переломаны весла, ветрила
⁶⁷⁵ тонут в морской глубине, крушение — всюду, канаты
порваны, раны за ранами вслед, все гибнут, над морем
смертный стон стоит, мешаясь с тресками досок, —
истинно, видел я бой, как в тартарских недрах Эреба!
Если я сам пощажен богами, — причину было
⁶⁸⁰ то, что во всю резню я видел: всплывали из моря
чудища и воздымали на свет — я видел! — Ксантиппа,
он же метал огонь в корабли, разливал над пучиной
пламя и с высей, как дождь, осыпал и стрелы и копыя.
Он не прежде сокрылся из глаз, чем весь поглотило
⁶⁸⁵ море погубленный флот в том месте, где волны морские
меж сицилийских текут берегов и сардинского края.
В этот день Ксантипп погубил, за себя отомщая,
нашу свободу; но пусть уймется гнев, умоляю, —
есть и смягченье душе: за единую злую обиду
⁶⁹⁰ мести единой быть. Старину я такую припомнил

лишь потому, что в этих местах и то и другое
совершено: и грех и кара».

За скорбным рассказом
поворотили суда налево и минули Мальту,
но перед этим взглянули пловцы направо, где жаркий
695 брег Лилибея в тени надгробье прячет фригийца.

Так коротали они большую ночь разговором,
и вспоминая прошедшие дни, страшились грядущих.
Но наконец от легчащего сна приутихла тревога,
и возродившийся день, повеяв Евром с рассвета,
700 вдул паруса корабля, натянувшие с треском холстину.

Лелий тою порой, проводивши царя, возвращался
спешным, сколь можно, путем: его побуждало веленье
друга-вождя, и бегство врага — со страхом он думал,
что без него наступит тот день, столь долго им жданный.
705 день конечный войны — потому что молва разбежалась,
будто уже враги попросили прощенья и мира,
будто прислали послов. Обрато призван Сенатом,
все же вернулся он в Рим —

так к милому рвется порогу
страстно влюбленный юнец, от любви теряющий разум;
710 если ж отец позовет или мать, — еле-еле плетется
в страхе, что вдруг упустить придется условную ночьку.

Фульвий, которого сам Сципион приставил к посланцам,
высадил на берег их при Байях, и к самому Риму
вывел; однако ступить за старые римские стены
715 права им не дано — таков обычай. У входа
в город высился храм Беллоны, в котором собрался
весь многочисленный Сенат. Впускают вражье посольство,
по поелику гласят послы, божася богами,
правдою сущую ложь, вскипели в сенаторах души
720 гневом, и все их слова про мир и союз, как при предках,
вызвали злобный отпор. Послы твердят: договоры
соблюдены, причина войны — в одном Ганнибале,
а остальной народ да будет изъят из-под кары.
Слышится ропот в ответ; а потом один из сенатских
725 молвит отцов: «Вы просите мир такой, как при дедах, —
так расскажите, над чем приносились союзные клятвы?»
Возраст послам щитом: мир давний, послы молодые
и о такой старине старопрежней помнить не могут —
так уловка врага раскрылась. Сенаторы видят,
730 что для того лишь пришли гонцы, чтоб оттягивать время,
и прогоняют их вон. Те ушли. А сенатское мнение
делится натрое, всяк за свое. Один предлагает

консула вызвать в Сенат из похода — лишь консулы вправе
брать такой ответ на себя, и это достойно
735 римской державной красоты. Того сенатора звали
Ливий, который желал помедлить. Метелл, возражая,
молвил, что мир и союз, о котором взывают посланцы,
нужно доверить вождю: он — самый сведущий в деле.
740 Возобладало из всех суждение Марка Лёвина,
самое строгое: гнать соглядатаев вражьих из Рима,
ибо совсем они не послы.

Так они и ушли второпях без союза и мира,
даже ответного свитка не взяв. До самого моря
стража шла вокруг, молодцы сенатского звания,
745 чтобы никто не свернул с дороги; никто финикийской
хитростью здесь бы не мог никакого затеять обмана.
Фульвий и Лелий меж тем возвращаются в ратные станы
и получают приказ отвезти эту весть Сципиону:
пусть продолжают, начав, свое высокое дело,
750 веря Фортуне и веря богам; под защитою мира
в Африке нет ничего — не быть в войне промедленью!

Той порой в надежде на мир, который наступит,
чтобы спокойно пошел по суше путник и в море
плаватель путь держал, никаким не смущаемый страхом,—
755 в этой надежде от римских берегов отчалили флоты,
везшие новых бойцов, корчаги зерна и оружие, —
разным был их путь, взбродивший лазурные волны.
Первый шел и дошел из Калариса с северным ветром;
от Дилибея отчалил второй, но в худшую пору:
760 бурная хлябь и встречный ветер, захватив злополучных,
врозь разбросали, дробя, по волнам и острым камням.
Часть пошла на дно, а часть доплывает до вражьей
суши, меньше боясь людей, чем бушующей бури.
Все, что случилось, — случилось в виду возвышенной Бирсы.
765 и вероломный народ любовался морскому крушенью.
Шум встает, бегут по широким стенам торопливо,
площадь чернью полна. Немногие, коим дороже
верность и честь, чем любым грабежом нажитое богатство.
напоминают, что есть уговор, что уже не впервые
770 послано в Рим просить и молить о мире и дружбе, —
тщетно! Ненависть жжет и слепая жажда добычи!
Разом все хватают мечи, и в общем смятенье
заглушены, как бывает всегда, разумные речи.
Алчные мчатся к судам. Гасдрубала, Гисгонова сына.
775 вмиг выбирают вождем преступного дела. Причалы
подняты — вышли суда пошарить по римским обломкам.
Плавают кормы в волнах, пловцы плывут, кто как может:

тех захлестнула вода, другие, на вражеский берег
выйдя, сдаются в плен; немногие пожраны морем,
780 больше таких, которые стали добычей разбоя
на берегу. И только сам начальник, Октавий,
тридцать сберег кораблей: рассекши бурные волны,
тридцать дружин он привел, изнуренных с морем и с ветром
битвой, в залив под горой. Аполлоновым именем званой.

785 Этот гнусный уведав обман. Сципион содрогнулся,
хоть и Фортуна бодрила его, и доблесть учила
к подлым презренью делам. Посылает он в город зловредный
трех послов принести законные жалобы римлян.
Их встречает толпа разъяренная, небо темнеет
790 градом летящих камней; к рукопашной готовое схватке,
подлое племя шумит, и если бы здесь не вмешались
власть и важность чинов городских, то, может быть, в этот
день, поправший честь, вопреки вселюдскому закону,
вспыхнула злая резня. Встревожены этою распрей
795 и не защищены убогою стражей, посланцы
еле пробилась на берег морской и требуют лодку —
только здесь, на корме, они, наконец, безопасны.
Вот уж и римский стан в виду, — как вдруг из засады
вынеслись три корабля — неравная сила для битвы.
800 Бросив римский стан, бойцы сбегаются к морю,
строятся в ряд у самой воды, кричат и мечами
рвутся на помощь прийти, — но что они могут мечами!
Хлябь не дает им пути — и только видом и кликом
могут они ободрять. Наконец опустели колчаны
805 воинов в римской ладье; и вот, ускользя от подлой
битвы, гребцы налегли на весла и к суше скорее.
В землю врезался киль, промялась земля от удара,
треснул челн, но сделал свое: победителей вынес,
хоть и дорога была и надежда была их напрасна.

810 Так завидевши волк, что баран отбил от стада,
вмиг вцепляется, с голоду яр, в добычу зубами,
но коль нагонят и вырвут живьем добычу из глотки,
он за врагом по пятам, и щелкает пастью, и воздуч
ловит, пока не завидит чужих дворов и овчарен.

815 Тут ему поворот: от стен, от собачьего лая,
от пастуха, который сидит на зеленом пригорке.

Между таких фикийских коварств с невеселою вестью
Лелий привозит послов, которые были в Сенате,
им повелев о страхе забыть и следовать к стану
820 римскому. Слышит их сказ Сципион, но ни три оскорбленья
разом, одно в одно, ни тройная обида не может

ожесточить его дух. Приняв благосклонно посланцев,
он говорит:

«Хоть вы и попрали бывшие присяги,
божьи уставы и всех времен людские уставы.
825 но не от нас суждена вероломству вашему кара —
будет день, и отомстятся обиды единою мезтью.
Все неподобные ваши дела ни во мне не коснулись
духа, ни в стане моем не коснулись величия Рима.
Верность моя — не вашей чета: ступайте и знайте,
830 что во время войны оружный римлянин кротче,
нежели в мирные дни под покровом притворственной дружбы
были вы».

Силой и духом велик, ожидая конца перемирья,
пламенный вождь. А меж тем трепетала ливиян держава,
835 хоть и уведали все: повинуясь приказу старейшин,
тот и этот уже полководцы покинули землю
вражью, и оба ведут суда по единому морю
братья, слеша объединить два воинства в должное время.

Впрямь уже и Магон корабли отчалил от берега
840 Генуи, вверивши раны свои открытому морю,—
хоть и недобрые птицы вились,— положась на Фортуна,
прямо от пристани правит на юг. Уже завиднелись
пышные кедром холмы, поросшие рощами доли,
зазеленели в нечастом строю прибрежные пальмы;
845 вот появился Дельфин, осененный солнечной рощей.
горную спину свою подставив упорному Австру
и от него в тишине сберегая недвижную заводь.
Вот с другой стороны изгибается бухта Сиестра,
вся в налитом винограде под взорами светлого солнца,
850 и свысока глядит на Вакхову Красную Гору
и на Корнельев храм, в знаменитые лозы одетый,
сладкий точащие мед; им отнюдь не стыдно равняться
ни с фалернских высот вертоградом, ни с славной Мероэ.
Здешние то ли места неведомы были поэтам,
855 то ли дар в поэтах ленив — но досель не воспета
эта земля: мне первому петь. Итак, продолжая
путь, проплывают они Веперину милую пристань,
против которой стоит вдалеке утесистый Эрикс,
имя свое авсонское дав сицилийскому берегу.
860 Видно, что в этих местах сама обитает Минерва,
ежели ей надоест афинского сладость елея.
Далее встала Воронья Глава, у подножья которой
надвое бьются валы и кипят в прибое каменья;
знают все моряки на спине ее каменной черной
865 круто восставший утес и к нему прильнувшие скалы,

ярче всех отразившие свет лучистого Феба.
 Далее быстро гребут и в вогнутом видят заливе
 устье Макры, над ним — непреклонной теремы Луны;
 далее Ари струит свои преснообильные волны
 870 в море, на чьих берегах раскинулась пышная Пиза,—
 все на нее глядят с кораблей и кажут перстами.
 Дальше, тусского берега вдоль, Горгон невеликий
 видят и знатную Ильву, за ней — Капрарийские скалы.
 Вот по левой руке они оставляют Игиллий,
 875 дивным мрамором бел, а по правой руке примечают
 горы, имя которым дают два добрых металла:
 тут на вершине свинец, а там серебро под подошвой.
 Дальше от берега вглубь отступила гора Геркулеса
 и Теламонов утес, непамятные мимо плывущим
 880 так же, как малый Умброн, крутящий водовороты.
 Справа, уже за спиной, осталась волнистая зелень
 Корсики. Следом за ней потянулся несущий заразу
 Брег Сардинии, холм за холмом, а слева открылся
 Рим золотой, где Тибр вырывается в бурное море.

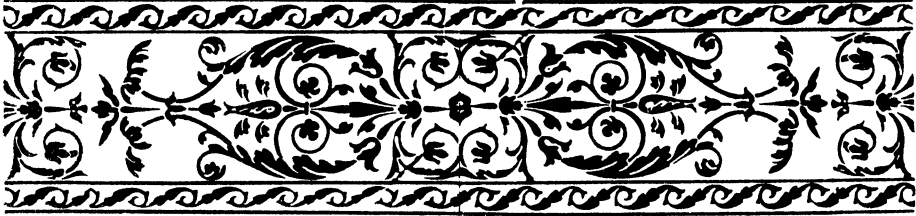
885 Здесь, в половине пути своего, финикиянин чувствует
 в ране растущую боль, и уже приближение тяжкой
 смерти жжет огнем его грудь и спирает дыханье.
 Видя, что близок последний час отмеренной жизни,
 так восстал он:

«Увы! как быстро кончается счастье,
 890 как слепа людская мечта! Безумен властитель,
 радуясь власти на круче судьбы: не в эту ли кручу
 грома и молнии бьют, и не всех ли удел вознесенных —
 пасть во прах? О, зыбкая честь неверной вершины,
 о, тщета упований людский, о праздная слава —
 895 горечь, одетая в сласть! О жизнь, неверная в вечном
 круге людских трудов! О смерть, достовернейший жребий
 в непредсказуемый день! О злая участь, которой
 всяк обречен человек! Скоты живут без заботы —
 лишь человек, томим суетливой тревогой, к смерти
 900 год за годом спешит. О смерть, о лучшее в мире!
 Ты одна — блужданьям конец, ты одна пробуждаешь
 нас от сна, ибо жизнь есть сон. Увы! изготавил
 сколько я битвенных сил — вотще! — и сколько я вынес
 сам добровольных мук — все втуне! Смертный взыскует
 905 к звездам взойти — но смерть для каждого место покажет,
 где ему быть. Зачем собирать было войско на Лаций,
 к кровлям огонь возносить? Зачем договоры о мире
 рушить и столько смущать городов великою смутой?
 910 Мраморных стены дворцов, золочеными крышами крытых
 ради чего возводить, когда умереть под открытым

небом велела мне злая звезда? О брат мой любимый,
сколько задумал ты дум, бестревожно не зная о горькой
смерти моей!»

Так молвил Магон — и дух отлетевший
Вольно в воздух взвился, и оттуда, с превышних просторов,
⁹¹⁵ на Карфаген и на Рим с одинаковой жалостью смотрит.
Счастлив он тем, что до срока погиб, что уже не увидит
гибельных браней конец, разбитое войско в позоре
и несказанные муки друзей, отчизны и брата.

Предуведомление к песни седьмой

*Сам не зная, что брат погиб, Ганнибал достигает
Лептиса; здесь до него доходит о гибели брата
страшная весть; Ганнибал посылает лазутчиков к стану
римлян; их захватив, Спицион велит показать им
все, что хотели они увидеть, а затем восвояси
их отправляет; вожди встречаются в тщетной беседе
и, разойдясь, готовят войска к последнему бою;
внемлет Юпитер речам двух столиц, разгорается битва
в поле, ратью на рать; финикийское рушится царство.*

ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ

Злой не знал Ганнибал, что юноша пал, и упрямо
жаждая брани, то так то сяк мечты свои тешил:
помощи братниной ждал и уже суда его въяве
видел, на милый лик уже взирал ненасытно,
⁵ воображал разговор и уже о походе на Лаций
слушал, уже о своих рассказывал подвигах брату;
чаял и часа, когда отмстит землякам ненавистным,
а уж Ганнону прежде всех, и снова и снова
строил войско в уме, вокруг крыльев конницу ставил
¹⁰ и непременно отряд головной готовил для брата;
даже к надеждам былым на державство порой невоздержный
дух возвращался — тогда наверно достанется брату
щедрый удел, Италии часть и царское званье.
¹⁵ Тщетных забот суетой душа в неведение правды
полнится — точно так суматошная птица собирает
корм для гнезда, о милых птенцах вспоминает заботно,
трудолюбиво шумит и ретиво крыльями машет,
а между тем уж успел овчар вероломный отхитить
все упования ее и детей унес с колыбелью.

²⁰ Вот Ганнибал, в пути своем к Африканскому близясь
берегу, велит моряку скорей повыше на мачту
влезть и глянуть, куда судам причаливать можно.
Тот на самый верх бревна забрался и молвит:
«Вижу повсюду камней надгробных несчетную россыпь,
²⁵ и напрямик туда попутный нас ветр погоняет».
Вестью вождь омрачен и речет: «Налегай на кормило,
прочь ворота ладью и меня другою дорогой
к знаменьям лучшим вези!» Мореходы покорствуют слову
властному, правят вспять по волнам — и к Лептийскому берегу
³⁰ ближнему флот, наконец, пристаёт усердием весел.

А каково меж тем напрягались души у римлян
и у ливийц, — страх какой и какая надежда
попеременно ум будоражили этим и оным, —
трудно сие описать! Едва на память являлось,
³⁵ сколько войн воевал Ганнибал свирепый, сколь много
дел исполинских свершил, как разом латинян надежда
рушилась прахом. Зато едва Сципиада пресветлый
вспоминался лик и цветущая подвигом юность,
и непреклонная доблесть в беде, как надежда благая
⁴⁰ к ним возвращалась, а страх к неприятелям пятился снова.

Сколько счастлив был Рим узреть уход Ганнибала
лютого с братом, когда от границ повернули латинских
битыми, столько врагов другая томила забота:
подозревали вождей, не ленивы ли — ведь особенно
⁴⁵ им наказал сенат радеть, чтобы в Ливию хода
вражьей силе не дать нипочем, да пути не обрящет
посуху или же вплавь, а нынче без важной причины
оба разом в отлучке вожди, оттого и опасность
прежняя и простор для новых лихих испытаний;
⁵⁰ впрямь, коль сошлись домой карфагенян силы для дела
пеймоверного, грозный час подступает — сразиться,
сгинуть иль римлян власть сокрушить навеки.

Как тело,

ежели долго зуд его злобил, а после внезапно
кожу покинул, следов на зримых частях не оставив,
⁵⁵ радостью муку души расслабляет, — но если болящий
вдруг почует в груди стеснение одышливой жабы,
худшей пугается вмиг беды и мечтает о прежних
язвах, горько скорбя об осаде сердечного царства, —
так же, хоть враг отступил, не умалился в римлянах ужас,
⁶⁰ но лишь сменил предмет и внушает, что злее опасность
самой их жизни грозит. Таковому страху стрекалом
главным память была о Фабии присноживая —
он-то глядел далеко, он умел в грядущее мудро
вникнуть и, словно сущий волхв, он сущее ведал! —

⁶⁵ а ведь всегда и при всех он часто и громко пророчил
 о Ганнибале злом, что копь доберется до дома,
 тут-то настанет для Рима гроза и плачевное время:
 дескать, не беглые там цари, не вельможные туссы
 выйдут навстречу полкам и не толпы поверстанных наспех
⁷⁰ в сельской глуши пастухов, нет! там Ганнибал за оружие
 сам возьмется — тот, которого числить победы
 не успевают писцы и который больше низвергнул
 Ромула внуков в Орк, чем сирому Граду оставил;
 там-де со всех сторон закаленные голодом и хладом
⁷⁵ и долголетней войной степною защитники встанут;
 вдосталь там и вождей, давно и весьма искушенных
 глотки нам резать, — под их водительство на Сципиада
 рать мечи наострит несчетная, и полководцу
 знатное имя и род и краса отнюдь не помогут,
⁸⁰ равно и дружба богов и о чудном рождении сказка.

Фабий сие сказал, он сие изрек прорицанье
 в смертный свой час — посему оно вспоминалось в столице.
 словно последний и грозный завет отца, умножая
 граждан общий испуг, хоть уже по селам и весям
⁸⁵ в стольких мольбах вожде ленный покой и Авсопии мирной
 лик просветлевший велят счастливому волею люду
 благодарить богов: пяти алтарей полыханьем
 воспламеняются дни, и у всех богов на порогах
 тоже по пять венков кудрявятся зеленью лавра.

⁹⁰ А между тем Ганнибал, гоним тревожной молвою,
 Лептис покинул и к Заме спешит. Повсюду округу
 опустошал Сципион, и уже огнем и железом
 тук изнурялся нив. Итак, последнюю битву
 сам обсуждая с собой, опасается стычек нежданных
⁹⁵ вождь карфагенский и шлет вперед соглядатаев верных,
 чтобы ему донесли, где враг обретается ныне,
 что творит и с подмогой какой и как укрепляет
 стены. Однако влекла злополучной стезею Фортуна
 посланных; стража их, беспечных, берет на заставе
¹⁰⁰ и повергает к стопам полководца — он же трибунам
 пленных велит провести по станам и все без изъятья
 им показать: оружную снасть, укрепления, обличье
 воинов, пеших число и конных, наряд и порядок.
 Сказано — сделано! вот гонцы меж паметов повсюду
¹⁰⁵ ходят смело — вождь самолично их страх успокоил.
 В диво им все: и яростный нрав, и строгость законов
 воинских, и загрубелость рук, и во всякой напасти
 стойкость телесная — ей нипочем зной, хлад или рана! —
 и от ударов тяжких рубцы, которыми груди

- ¹¹⁰ испещрены, и очей суровость, и величавость
лиц, и громкость речей, диковиных полная звуков.
Все, как есть, показали гостям, и едва воротились
те к Сципиону, он им с кроткою молвит улыбкой,
ласковым словом бодря: «Ну как, довольно по стану
¹¹⁵ вы побродили, друзья? снаряженье видели наше?
Если успели не все, то спокойно дальше глядите
и доложите вождю своему!» Таково благосклонно
их поощрив, отпустил — нетвердым умом одурелых,
ибо в толк не возьмут, человеку внимали иль богу.
- ¹²⁰ Пышный назначен отъезд соглядатаям: тут им и кони
и провожатые в путь, которые место укажут
побезопасней иль знак подадут, коль вдруг среди поля
римский дозор возомнит, что законную встретил добычу.
- В тот же по случаю день, когда полководец латинский
¹²⁵ этим был занят, привел Массинисса пеших и конных
рати несметные в стан с победным и радостным шумом.
Но из всего, что зрели гонцы, ничто Ганпибала
так не кручинит, как храбрость врага, наилучшим надеждам
ясный вручившего дух и бестрепетно ждущего брани.
- ¹³⁰ А поелику судьба уже торопила крушение,
и надвигался день, готовый рока развезть
облак двусмысленный, то порешил он прежде речами
разум вождя испытать враждебного: вдруг да сумеет
уговорить и снова внушить к примиренью охоту —
- ¹³⁵ то ли тронут он был Сципионовым вежеством кротким,
то ли будущих битв опасался, то ли трудами
долгими был изнурен, то ли ложь вероломную кутать
был словами готов, воротясь к уловкам привычным.
Вот уже послан гонец и является к недругу спешно
- ¹⁴⁰ переговоров просить, тот согласен — и разом в дорогу
двинулись оба вождя, желая ставки поближе
расположить и для встречи найти удобное место.
Неподалеку стоит на холме городок неприметный
Наргара — вот на сей высоте Сципион безотерочно
- ¹⁴⁵ и укрепляется: там безопасно будет и сытно
войску стоять, ибо пресный родник там бьет и довольно
людям и коням в прокорм припасов. Другой полководец
противустал в четырех верстах и тоже на круче
огородился стеной, но там благодатною влагой
- ¹⁵⁰ ключ ни единый не бьет, и поля бесплодные сухи —
самая жажда не даст тянуть в безопасности время!
Выбран для встречи курган среди степи; его отовсюду
явственно можно зреть: никаких там нет перелесков
или урочищ лесных, где укрыться могло бы коварство, —
- ¹⁵⁵ память страшна о том, как Марцелл с сотоварищем сгинул.

Вот сюда-то с обеих сторон равносторонне шагают
строим квадратным полки несметные и в отдаленье
равном стоят от холма с оружием, вожжи же, согласно
бросив мечи, на гордых конях вперед выезжают —
¹⁶⁰ следом за каждым только один свидетель и спутник,
только толмач. Итак, лицом к лицу на кургане
двое сошлись, что всех царей и вождей превосходят,
конь на свет возносил хоть где-либо век первобытный
или грядущий взнесет.

Воистину, если гигантов
¹⁶⁵ мерзостный сонм на богов войною воздвигнется снова
и без перуна вперед могучий выйдет Юпитер
вместе с Меркурием, вражья же рать навстречу Тифею
вышлет и в спутники даст ему погнуснее уroda,
а земнородные, в бой готовые, став в отдаленье,
¹⁷⁰ будут за сделкой следить, то в стане противном примолкнет
ярость богов: лишь потянет стрелу из колчана неспешно
Феб, да поодаль тряхнет ужасной эгидой Паллада —
дрогнет земля, и взблещет огонь, и твердь запылает.
Так же и тут среди сходных чувств и сходного страха
¹⁷⁵ встретились равные. Все имена, что прежде я славил,
смолкните! Больше нигде никогда не дозволит Фортуна
разом двоих узреть величайших, чем эти, героев!

Вот недвижны стоят, и каждый в упор на другого
смотрит: на миг столбняк обоим сковал немощью
¹⁸⁰ ошеломленных, но дум движеньем полнятся души.
Глядя на грозный лик и на жуткий зрак полководца
Перуновержного, мнит Сципион: «Предо мною Юпитер!
се предо мною тот, чьи воинства землю колеблют,
се — Италии страх, се — стена и оплот Карфагена,
¹⁸⁵ се — Гесперийской страны покоритель, который, по галльским
нивам пройдя, взломал твердыню Альп, и природе
наперекор тропу протоптал в снегах — и несчетных
наших бойцов и вождей сгубил и пашею кровью
реки без счета сквернил! да, он мог среди чистого поля
¹⁹⁰ в честном бою превзойти моего родителя силой,
а задно и меня — юнца! он ушел от дрожащих
римских степ не затем, что меча страшился, но верно
Городу в милость бог грозовой снизошел к нему тучей
и отогнал — сколь жжет меня стыд, что наше спасенье
¹⁹⁵ не от отваги бранной пришло, не от мощи оружной,
а от союзных дождей явившейся вовремя бури!»

Мыслит так Сципион, Ганнибал же свое: «Предо мною
тот, кто уже теперь, в столь нежных летах, достигнул
славой своею небес! кому в родители бога

200 люд легковерный дает, ибо доблесть сие доказует!
Тот, кто биться в полях, орошенных отчею кровью
не убоился, родичей смерть отмстивши отважно;
тот, кто гонит нас, побежденных в стольких сраженьях,
даже из самой страны Испанской и наши старанья
205 сводит на нет! Это он в одиночку решенье о бегстве
общее поворотил, он один среди дрожащих сограждан
неколебим устоял! У него никто и на нивы
глянуть не смел, а у нас он уже твердыни ломает!
Он исхитрился царя, который для чаяний наших
210 главный был оплот, улестить речами, а после
в поле открытом разбить и пленником ввергнуть в оковы;
он и меня самого победил, не выдавши, а ныне
уж из Италии вон прогнал! Что дальше? Опасен
он один для меня иль вовсе никто во вселенной!»
215 Все это в недрах души не дольше ресничного взмаха
мыслили оба, но вот, прервавши первым молчанье,
рек Ганнибал:

«Коль меня моя судьба наказала
столь распроклятой звездой, чтобы после стольких походов,
стольких в полях polegших полков и разметанных ратей
220 я — беззащитен, один! — от вас домогался бы мира,
коль уж к вам на поклон привела меня прихоть Фортуны,
радуюсь я и тому, что из всех, сей чести достойных,
жребием ты для меня предпочтен и мне в утешенье
знатность и сила твоя, победитель — стыд невеликий
225 будет пасть пред тобой. Да и ты не последнюю славу
приобретешь, коль разум меня пока не подводит,
ежели сам Ганнибал, — тот, кому над вами победы
щедро дарила судьба и столько полей уступали
битые ваши вожди, — тебе одному лишь уступит,
230 именем только твоим побежден, а не мощью оружною.
Так позабавилась мной Фортуна: оставила сыну
брань, что твой же отец со мною затеял, покончить.
Ныне гневаться мне иль дивиться? Воистину, в сечах
сей необорный и в цвете лет искушенный воитель
235 мне уступил — юнцу! и мною на землях Латинских
был побежден, а теперь, напротив, юный годами,
ты у меня же в дому бескровно меня побиваешь
временем и войной — вождя, у которого стяги
победоносны и дух закален не менее плоти.
240 Верно скажу: прекраснее нет заботы о мире
для равносильных племен! Никакая нас Тринакрия
или Сардинии дикий утес иль Иберские степи
вознаградить не сильны за столько сгинувших воинств,
столько пропавших судов и столько пролитой крови.
245 Впрочем, свершенное можно казнить одними словами,

а поменять нельзя! Увлекла по неверной дорожке
 злая безумцев корысть, и, покуда я чуждого ждал,
 дома меня теснят — обманула безмерность надежды
 и нетерпимой гордость души. Так часто Фортуны
 250 краткая ласка вмиг обращается злостью на сильных,
 и уж не раз — коль себе не льщу приятно ложью! —
 не доверять научен я был безопасности мнимой.
 Вот потому-то, предел положив надежный исканьям,
 ныне мира хочу! Но тебя задорный твой возраст
 255 и череда удач будоражат, а то и другое
 миру стоит вперекор и мешает пестовать кротость.
 Право, я помню себя, каков я в юности пылкой
 был при Требии, помню — прости, что выскажу слово! —
 был при Каннах каков — таков же и ты, полагаю.
 260 Возраст незрелый твой, за родителя знатного гибель
 всюду преславная месть, череда счастливых походов
 здесь и в Испанской земле и то, что ни разу Фортуна
 не подвела — все вносит твой дух, как верно я знаю.
 Ведомо мне и то из опыта, сколько в победах
 265 есть вожделенной красоты, а ежели точно уверен,
 что победишь, так и впрямь нет сладости слаще. Но ныне
 бог какой обещал вам радость сию, чтоб обмана
 не опасаться? Поверь! если гнева мы не умерим,
 явятся в мощи мечи, души ярые, лики и руки
 270 ратей враждебных сюда, а тот, кого зришь беззащитным,
 мигом станет иной: иной обличьем и сердцем.
 голоса звуком иной — и слов примиренья не скажет.
 Переменись же душой, дабы мира самое имя
 не уничтожилось! Ты возразишь, что прекрасна победа,
 275 так! но чаять ее опасно, мир же прекрасней —
 коль не закроешь глаза, сам увидишь! Гляди на изнанку,
 дабы, покуда душа не взнеслась от удачи чрезмерной,
 взглянуть зорко кругом и назад успеть оглянуться —
 и не на то, что тебе дарит и дарила Фортуна,
 280 но на иной поворот направь расчетливо думу.
 Верных дел тебе не свершить, коль с надеждою обок
 не зародится страх: пусть победа снова твоею
 будет — а много ли тем ты к добытой славе добавишь?
 Ты — бедитель, тебе побеждать, ты к сотне триумфов
 285 разве еще один добавишь, но если нежданно
 долгое счастье тебя покинет, то сгинешь и сгинут
 все твои труды и надежды. Враг и советчик
 разом здесь пред тобой — пусть ненависть смолкнет, пусть делом
 дельный крепится совет! А коль страху ты чужд и опаске,
 290 пусть тебя укротит хоть об имени славном забота —
 выше ему не вспарить, трудись же сберечь его ныне,
 ибо великий труд сохранить великую славу.

Разве угодно тебе все подвиги, всю постепенно
приобретенную честь вручить одного произволу
случая? за день один изничтожить многие годы?
295 Счастье уздой укротить и предел поставить удаче —
вот мой совет, и поверь: немалою будет заслугой
счастью великому меру познать. Коль узду не натянешь,
свалишься в бездну — о сем я мог бы тебе многократно
300 напоминать, ибо много тому я знаю примеров.
Сколь был доблестен Кир! но и он, забывши о мере,
вслед Фортуне доверчиво шел и постыдно с престола
был низвергнут, а главный стыд, что с толикой вершины
скинут женской рукой. Сколько бранной было удачи
305 Пирру! со славой какой он в царство свое воротиться
мог бы, он даже вам сумел остаться бы другом,
ибо, как мыслю, вполне был толикой дружбы достоин
вежеством честной души, но нет! и ему не под силу
бег соразмерить уздой — он тоже споткнулся и тоже
310 пал во прах, а когда бы стал до скончанья дороги,
всем передал бы векам Эпира всесветную славу.
Ах! зачем сей царь, стране Италийской ужасный,
вздеть восхотел венец Тринакрийский? зачем ему было,
знатному бранями, скиптр хватать Македонский? бессилен
315 остановиться, пал исполин, необорный мужами,
бабьей во славу толпе, Аргосской сражен черепицей!
Если, однако, тебя убедят поближе примеры,
вот тебе Регул: его в отечестве вашем Фортуна
к лучшим равняла вождям, но едва до звезд дотянуться
320 он дерзнул, как навзничь упал, кончиною мрачной
чести своей восход затмив. Повествую о чуждом,
а о себе нарочно молчу. Качаем судьбою,
что я ныне и чем я был, ты видишь — наглядней
вряд ли отыщешь пример, и никем вертлявое Счастье
325 не наигралось, как мной! Одно безопасно — потише
с обода слезть и отнюдь чрезмерным не верить прельщеньям.
Хочешь ли ввериться ты Фортуне, которая вечно
не устает вращать своим колесом ненадежным?
ей, что сама слепа, да вдобавок тех ослепляет,
330 кто к колесу ее прильнул? не она ли возносит
и одаряет обманно лишь тех, кого ниспровергнуть
с вышних высот во прах замышляет крутым поворотом?
Впрочем, возможно, тебе карфагенян сомнительна честность
после нарушенных клятв — но все отбрось опасенья.
335 миру настала пора! Вы сами, коль я не неправду
слышал, попрасть договор, который деды скрепили,
древле решились за то, что его поручителей мнили
неполноправными. Иль потому, что злонравно Фортуна
нас опрокинула, думаешь ты, будто рвение к чести

340 то же пропало у нас? Не столь недоброй звездой
 Промысел нас наградил! Да, не всем одинаково верить
 я бы желал отчизны дела и судьбы народа,
 но разговор-то теперь о мире, о коем толкуют
 те, кому первейший почет от мира, война же
 345 муку сулит или смерть. Как прежде войны продолженья
 я добивался, пока судьба дозволяла, и мненья
 не изменял, покуда везло, — вот так непреклонно
 стану блюсти я мир и твердую помыслом клятву!
 Нам в обиду сие, но пора пожелать униженья,
 350 вам же к пущей красе. Хотя победитель обычно
 мирный устав и повинную мзду назначает, но все же
 тут ты сие предоставь ответчику — я самолично
 нам наказание хочу с преступленьем вровень назначить.
 Пусть Гесперийский край и земля до предела вселенной,
 355 и трехголовый удел Эолийский, и все средь Тирренской
 и средь Ливийской пучин острова с Сардинией вкупе
 будут ваши! Отсель стяжайте за царствами царства,
 в дальние дали правьте путь, прорубайтесь перуном
 сквозь бездорожье стальным и царей попирайте гордыню;
 360 пусть на Закатных берегах победные прапоры ваши
 реют и там, где Солнце встает, и в Бореевых землях —
 мы же отсюда, навек замкнувшись в Ливийских пределах,
 станем на вас, господ, на вас, простерших державу
 вдаль и вширь, на вас, устрашающих сушу и море,
 365 только глядеть, ибо так богам и судьбе своевластной
 ныне угодно». Сказав таковое суровое слово,
 он замолчал,

а ему вперекор Сципион отвечает:
 «Знал я, что если сюда ты явишься, все обещаешь
 ваши же путать хитро начнешь! Никаких договоров,
 370 прав людских и божьих святынь вы блюсти не способны,
 если не нудит страх, — скорее на небо вспрыгнет
 грузный сей конь, скорее сей холм каменный взнесется
 в воздух, скорее звезда в Авернской бездне застрянет,
 нежели дружбе верны вы станете! Но правосудно
 375 Божья месть гнетет преступных, кощунственных гонит
 отпрысков и, хоть сама хромает, однако быстрейших
 опережает подчас. Наблюдает с высей злодейства
 и вероломства Бог — пусть тебе, Ганнибал, Он лишь басней
 праздною мнится, Бог есть! Сколько раз берега обагрлись
 380 плеском кровавых волн, пожравших несчетные челны,
 сколько качала зыбь размыканных бранями трупов,
 сколько в щепки судов разметала разбитых пучина,
 сколько мачт и кормил гниют у кромки прилива,
 сколько щитов и мостов сукровицею черной сочатся, —
 385 так возомнишь ли, что Бога нет? ужель без остатка

в сердце стерлась твоим об Эгатах недолгая память?
Дважды доселе на нас вы войною греховной вставали,
мы же — всегда в ответ обиде и ради защиты
должной друзей! — поневоле вам противились силой:
390 прежде сикулам помочь повелела нам благочестность,
ныне к иберам звала, на коих свирепая лютость
так распалилась твоя, что вспомнить горько и стыдно,
как на выручку к ним, несчастным, пришли с опоздавшим
римские рати, и нам Сагунт — позор превеликий!
395 Бог же, однако — Тот, Кого вы презрели, — назначил
кару вровень с виной для вас, так что вам и доныне
памятен первой войны исход, — не иначе и эта
кончится, ежели Бог не устал от праведной мести.
Если же мы приять успели премногие раны —
400 да, премногие! — верь, попустил это праведный Мститель
для упражненья сил благочестных. Но полно о давнем.
Если в заботу тебе не обидеть миром сограждан,
то размышляю и я, как бы им коварство излишне
не повредило. Что ж? Вы прилюдно над договором
405 и над надеждой на мир надругались, ныне же снова
мирный устав вам дай, и полегче, хоть прежняя подлость
даже при равенстве сил вас права лишила на клятвы, —
иль не стыдитесь? Меня ли учит о крутых поворотах
Счастья, о скользком пути, по коему катит Фортуна
410 властная? мне ли ты про царей и вождей поминаешь,
коих она низвергала с высот оборотом внезапным?
Уж не меня ль наставлять примерами? Знаю, что смертна
наша плоть, что вечна душа, что много за гробом
казней и долгих мук суждено изведать злодеям,
415 добрых же здесь ожидает хвала и на небе награда
вечная — хочешь внушить иное школьпику, мудрый?
Знаю, что Случай и мне хозяин, тебя же отменным
и бранимоощным вождем почитаю — брось же грозиться:
знаем! и только знатней стяжать мечом уповаем
420 славу! Ведомо мне, что Фортуна державная лихо
шутит делами людей, но ничье невозможно державство
с Божьею силой равнять, а Он бойцов благочестных
часто подмогой Своей крепит. Но тратить не стоит
попусту целый день на слова: коль условия мира
425 прежние примете вы, возместить согласившись обиды
новые нашим послам и нашим судам, — получайте
то, чего просите! Не возомни, что сулю по незнанию:
мир — превеликий дар теперь, когда зримо Фортуна
отворотилась от вас. Вот если, пока твоя слава
430 в Лации смерчем войны грохотала, ты вдруг бы смягчился
и возжелал бы того же просить, навряд ли гордыня
нам бы внушила отказ; а когда, почти побежденный,

- изгнанный с нашей земли, ты в страхе молишь о мире недобровольном,— теперь отказать мы можем по праву!
- ⁴³⁵ Но дабы свету зреть, что нам ни жестокие войны не угнетают дух, ни успешные не превозносят и одинаковы мы при всех поворотах Фортуны, дабы потомкам знать, что не похоть к добыче, не злоба, но миролюбье одно подвигало нас к стольким сражениям,
- ⁴⁴⁰ будет вам мир, коль будут чисты намеренья ваши. Только зачем твердишь о пустом? Вот Испания справа— вспомни! — мною уже отбитая мною кровью; прочее тоже у нас, как видишь. Тщеславно и глупо то дарить, что не мог удержать,— из нашего даришь!
- ⁴⁴⁵ Ты от себя добавь к договорам прежним и к миру, если хоть что-нибудь есть у тебя, а если такое вовсе несосно для вас, мечи вострите для брани, тогу вздеть не сумею, ненавистники лютые мира!» Так он рек и копьё вонзил угрозное в землю.
- ⁴⁵⁰ С этим оба назад воротились. Вот так же рогами целив долго в темя врага, тяжелою злобой дух распаяя, скрестив упрямо ярые взоры, молча за шагом шаг быки расходятся, пятясь, дабы с разбегу вновь грознейшим спрянуться грузом:
- ⁴⁵⁵ трепетом лютый их рев содрогает окружную рошу, телки толпою к бою бодрят расступившихся — всякий стадом поддержан своим.
- Ничуть не иначе глядели и помышляли вожди, воротившись в пылком задоре. Только к ближним полкам успели оба явиться,
- ⁴⁶⁰ сразу велят мечи вострить и храбриться для брани всесокрушающей. Гнев достигает рокотом неба, ибо явилось все, что храбрость и доблесть торопит: факелов ярости огонь и словес свирепая пылкость, и польханье очей, и ликов жар распаленных.
- ⁴⁶⁵ Точно так же порой, чтобы выжечь на пашне солому, прежде договорясь, по жнивью земледельцы-соседи, оба расходятся, и среди полей мелькают просторных космы, вот тут одного, а вон там, далёко, другого: миг — и трещит с обоих краев внезапное пламя.
- ⁴⁷⁰ Лишь воротились в станы вожди под приветные клики, словно как мать пчел новосельная, роя жужжаньем окружена, был встречен всяк: взглянуть вождедея, люд любопытный валом валит и толпою теснится и по обоим станам бегут похожие толки —
- ⁴⁷⁵ дескать, настал последний срок и битве успешной будет награда не та, какая издревле привычна,

и неудаче иная мзда, ибо всею вселенной
будут вовеки владеть победители властью державной,
а побежденным в ничто суждено умалиться разом.
460 Духом павши, дрожит в ожиданье близком крушенья
не побежденный еще Карфаген и под натиском рока
сил не имеет отсрочить свою последнюю гибель,
но и для римлян отступа нет и удобной дороги
нет к укрытию — преградой кругом морская пучина,
465 только и можно бежать, что на крыльях в открытое небо.
Все это ужас родит, однако бодрит упованья
сила обоих вождей, и станы в сумятице шумной
громко на все лады галдят: кто копье укрепляет,
кто наостряет меч, кто правит летучие стрелы,
490 кто на главу вздевает шелом, понаряднее перья
располагая, кто сбрую коню золоченую ладит
и умиленно шепчется с ним, кто копыта железом
хочет обусть скакуну и, склонившись, бьет по подкове
молотом, так что сажа летит и разносится скорый
495 звонкий стук; а кто разукрашенный щит поднимает
и облекает кольчугую грудь, в булатные латы
от подбородка до чресл заключает крепкое тело,
или же поножи гнет круг бедра и голени, сталью
стопы одев, — и блестит лодыжка узорным чеканом.
500 Тут, Пиериды, пришла мне пора с неважною силой
наиважнейшее цеть — и коль вас неизменно измлада
я почитал и любил и молился вам благочинно,
пылу добавьте мне в дар от всей доброты Геликонской:
505 жаждаю ныне бродить по крутым бездорожьям Кастанльским,
ибо торопит любовь и влечет вожделение к славе.

Гаснет день, что повсюду был ужасными занят
приготовленьями; звезды зажглись в запрокинутом небе,
и по эфирной стезе взошла, убором богата,
видом знатна и в цветущих годах госножа пречестная:
510 на досточтимом челе царицы венец башненосный,
скиптр в руке, но власы растрепаны и торопливый
робок шаг — а навстречу ей по горней дороге
грозно грядет другая жена: с препоясанным станом,
гневная, ликом смуглей и чуть постарше годами,
515 тоже со скиптром и тоже в наряд державный одета,
глядя надменно на всех богов и на всех человек
и на Владыку небес. Так в эфире движутся обе
ввысь, и там, где звезду свирепого Маворса красным
телом обвил Скорпион, челюстями вцепившийся в жало,
520 обе вместе в единый миг вступают в чертоги

горние. Дивно глядеть небожителям на появление гостей — и резвый бег светил любопытством замедлен.

Молвит поспешно жена вторая, пред горним престолом ставши: «Она — обидчица мне, издревле Юноной
 525 благотворимой и коей вовек суждено предпочтенье!
 Мне от Италии вред! мне не в пользу ни все ее раны,
 ни достопамятный день при Каннах, который смертельным —
 если уж верить мечам! — я мнила. Сколь Промысел Божий
 зlobен! Но можно добрым взносить справедливые пени
 530 и небесам напрямик возражать! Являла природа
 щедрю милость ко мне, но завистью боги взъярились!
 Ласковой дланью она круг меня бескрайнего моря
 наипрекраснейший брег уложила и к дару вдобавок
 пристань в награду дала, да еще и ясного неба
 535 кротость, еще ввечеру Фавония нежные вздохи,
 кои милей и теплей дуновений сладких Зефира.
 Зрела я хладные льды напротив лежащего берега,
 чуяла я за спиной жары сожигающей пламя,
 но между этим и тем в довольстве благой середины
 540 счастье вкушала, и образ земли подобием неба
 истинным — да не солгу! — мог мниться свидетеля взору.
 Да не забудь достохвальных чад и всех, кто от Марса
 честь стяжал, и деянья вождей, и громкую славу
 мужа, коего, Марс! не стыдно назвать тебе братом, —
 545 ведомо всем, когда и как завистливым роком
 был он украден, сколь много дел несказанных в ту пору
 он затевал и куда уповал взнести мое имя,
 сколько в нем было, увы! сыновней пылкой любви!
 Числить не стану других — сей сонм несметно несчетен,
 550 но несравненный на свет у меня пародился недавно
 отпрыск. Вам говорю, всевышние, да не дерзает
 зависть правду язвить: превосходней не видел питомца
 даже Юпитеров царственный дом! Ужели досталось
 столько же пыла кому от жара, который похитил
 555 древле у звезд Прометей, дабы душ незрячим пещерам
 каждой дать уголек в просвещение? А сколь непреклонен
 он разуменьем! сколь скор опасность всякую встретить!
 Верьте: не будь его дух в телесном узилище тесном
 заперт, быть бы ему с богами прочими вровень
 560 богом, сидеть бы ему на лучистом горнем престоле!
 Имя не нужно, коль все, что речешь, по правде подходит
 лишь одному, — довольно прослыл деяньями в свете
 мой Ганнибал. Скорее с тропы своротят небесной
 звезды, скорее зной погребет эфиопов под снегом
 565 или Рифейские зимние льды растопит дыханьем
 жарким Борей, чем земля плодоносная равного мужа

произведет! Не лжет любовь, но сущую правду
 не обессудьте! — скажу: я боюсь, что горькая зависть
 с милостью вкупе слепой ему повредит. Ты, Юпитер,
 570 глянь на Италию! глянь, как устлали пахарей трупы
 их же пашни, как цвет от туземной крови сменили
 реки, как там и сям вождей рассеяны гробы
 в даях неведомых, — так обойтись со всею вселенной
 мог бы мой сын Ганнибал: да! он властен разламывать горы
 575 и воедино снова сжимать! Но врагом ему ныне
 некий явился бог, ибо может ли смертный войною
 встать на него? а тут на нас юнец ополчился —
 это вам, боги, в стыд! Ни мальчишка нам этот не страшен
 ни Авсонийская сила вся, ни с ликом надменным
 580 зримая мною здесь вот она, что молчит, замышляя,
 как бы судьбе моей восперечить успешней. Успели
 мы и ее самое, и юнца с родителем грозных
 некогда в сече одной одолеть содвинутым строем,
 585 столькой Фортуна, — но днесь, во всех укрепившись триумфач,
 разве чего убоюсь помимо богов? Помогите
 славе, нечестью предел положите! Умру, коль не скрыто
 нечто такое в юнце, что даже меня ужасает».

Смолкла; тогда вторая жена, смиренным обличем
 590 знатная, чуть вперед шагнула, венец своеручно
 вместе со скиптром к стопам Громовержца сложила — и молвит

«О наивысшая Власть, что целым миром владычит!
 если дозволишь столице Твоей, омывши слезами
 595 ноги святые Твои, преклонить Тебя правой молитвой, —
 о Создатель богов и людей! о Творец наилучший
 сущего! сжался, Своим помоги, избавь от мучений!
 Что за пожар по стране Гесперийской под скорым напором
 Австров бушует, клубясь губительной тучей и ширясь
 бурею, ведает мир, а пуще ведают звезды.
 600 Не опровергну того, чем меня, горемычную, пыне
 эта мужичка язвит: да, белы в полях Италийских
 кости, а гробы вождей во многих рассеяны землях
 и от военной страды все беды, какие бывают,
 и претерпела — Твоим попусщеньем, Отец-Вседержитель!
 605 Мзду за грехи мои приемлю, но будь милосердней
 к сломленным; если же я еще не довольно омыта
 от прегрешений моих, то главу, что Тебе ненавистна,
 скорым перуном рази заодно с твердыней Тарпейской,
 610 только прочь прогони Ганнибала! Уже прогоняешь,
 вижу — и ныне спешу Тебя за великую милость
 благодарить. Не скрою, страшны мне хитрость и лютость

и нечестивые козни его и лукавые войны,
ибо сей вождь, хоть мать его до небес превозносит
и, обезумев, хвалой равняет питомца с богами,
615 сам-то в битвах привык полагаться отнюдь не на доблесть,
но на коварство и ложь. Тебе я могла бы о чадах
сгинувших многих моих... скорбь помехой! Но, право же, злобы
край и кощунства предел ей спесь свою тешить убийством
подлым стольких вождей! Однако же ныне приспела
620 доблести зримой пора — лишь бы не был роком жестоко
этот, бранимый юнцом, возмужалый юноша сломлен.
Не дозволяй сего, Родитель Всевышний! смятенной
матери даждь одно: да отступит обман, да сойдутся
в честной сече полки, да бьются на поле ровном.
625 Ежели к сыну любовь меня не морочит, увидишь
дивную битву — разор, позору Каннскому вровень!
Души я знаю божеств, что на все дела человечьи
с выси глядят, — посему я мирским не верю преданьям,
будто родился бог, хотя нечестивые басни
630 зависть внушают. Она пусть тужится божеской честью
всех душегубцев своих наградить и к горнему сонму
их сопричислить! мне хватит того, кто славен средь мужей, —
великодушный мне мил Сципион, с которым от веку
не было сходных и ввек не будет. Перечить не стану
635 истине: верю, что он вдохновен разумением Божьим,
ибо без горней Его благодати великому мужу
быть никакому нельзя. Но не стану на небе медлить
долее: иль порадей о сыне иль между войсками
равными праведно стань и ложь воспрети! — без 'обмана
640 верно мы победим! А если с Юноною дружбой
чванится здесь вот она, тем богов надеясь растрогать, —
значит, сама же себя морочит, но пусть в помраченье
вечно пребудет! Строен навек у меня Громовержцу
дом на Тарпейском холме красивый: кадить и молиться
645 ходим к Тебе туда — о когда бы по должному чину!
Нас благочестью учить Ты можешь и будешь, коль судеб
явственный голос мне не лгал на небесном пороге.
Так сотвори! мольбам отверзни отчее сердце,
Отче! лишь на Тебе надежда зиждется добрых!
650 Слышала я, что державная власть над сушей и морем
и надо всем, что под сводом небес Океан замыкает
всеобтекающий, — все Латинского отпрыскам рода
было завещано: кто, как не Ты таковое величье
обетовал? Но сейчас взыскую не царств: по заслугам
655 мирной свободы хочу — пусть же недруг, алчущий крови,
горло отпустит мое, коль об этом просить я достойна.
Если же Ты ко мне беспощаден, помилуй потомков,
коих подружит с Тобой благочиние новое, чаю».

- Смолкла и, к Божьим стопам приникнув, снова и снова
множит лобзанья — вся в слезах и с заплаканным ликом.
Тут усмехнулся без слов Правитель звездных Олимпа
поприщ, коснувшись умом предвестий иного столетья,
но наготове ответ у Него — и вот уstraшенный
дрогнул эфир и немотствуют твердь и земля с преисподней.
- Рек Он: «Никак никогда никаким прозрениям смертным
не открывалось, что день грядущий готовит! Пребудут
умыслы скрыты Мои — молчанье назначено цебу.
Так и тебя, коль речешь, что слыхала грядущего отзыв,
мог сей отзыв достичь лишь здесь, в ясновзвездных чертогах
а за порогом звучать не может, хоть изредка пылкий
и очищенье водой и огнем приявший вспаряет
дух горе, — и сквозь узкую щель проникает отсюда
что-нибудь к вам, а Я попускаю, отчей любовью
движим, натиск такой. Верь, чем дольше Я мир наблюдаю,
меньше и меньше Мне то, что у вас творится под солнцем,
по сердцу, ибо, нигде на земле не постигнута, Доблесть
здесь укрылась, на вас пеняя часто, что втуне
ей привелось искать хотя бы единого друга
среди многотысячных толп. Ужель Меня золото ваше
тронет, ужель багрец прельстит? Сияние неба
сами зрите — ужель узорочьем тронусь восточным?
Здесь Я востоком иным и лучами ясных созвездий
увеселяюсь, а пуще Собой и хорами присных —
будет ли в радость смертная тварь для Нашего взора
или же брeнная плоть иль красоты морок летучий?
Вечно все у Меня: красы и славы сиянье
и постоянство богатств и царской устойчивости чести —
чтобы не числить всего, знай, что только знатная доблесть
Мне мила и дух такой, который престолом
именовать не стыжусь Моим, но редко на свете
сей обретаю приют. Так познайте судьбу свою ныне!
Труд и оным и сим уготован на многис веки,
оба народа будут редеть истребленьем взаимным,
будут в черед и Фортуны гнет и доля в победе.
Знанье не главное в сем, хоть тому, кто душой справедливость
уразумест, ждать от Меня награды возможно,
но и не меньше тут страх, потому что с начала творенья
Я благочестным почет, а злонравным многие казни
определил во мзду. Вам же первая ныне забота —
внуки: настанет пора полководцам обоим в изгнанье
горьком печальную старость встречать вдали от отчизны,
так что ни пышность гробов, ни толика слава, ни знатность,
ни благочестье, ни дел краса великих обоим
душу не тронут. В смертных сердцах чрезмерна тщеславья

- ⁷⁰⁵ суетность: любите вы не потомков, но чаянье славы.
Слово пространней Мое обычного, ибо вершится
наиважнейшее, — надобна речь не краткая в помощь.
Пуще возвысится глас для иного: сказать о державстве,
мира владыку воспеть — итак, внимлите послушно.
- ⁷¹⁰ Умысел есть у Меня, поелику светочи мира
меркнут, сойти Самому поближе к вашей юдоли
и, добровольно прияв людского тесного тела
бренное бремя, вас разрешить от мук многоскорбных:
се — любовь! для нее претерпеть готов Я безвинно
- ⁷¹⁵ стыдную лютую смерть! Хотя дары таковые
общие будут вам, однако счастливее станет
та из вас, что завтра в бою стяжает победу:
дастся державство ей и навек у нее водрузится
Мой преблагой престол — таков приговор непреложный!
- ⁷²⁰ Да не помыслит никто упование сие отдаленным,
ибо все, что реку, пред взорами явится смертных
раньше, чем десять раз Сатурн круг широкого мира
путь извечный свершит, — толико уже вожделею
милой Девы. Млеко сосцы набухли священным!»
- ⁷²⁵ Радостным плеском крыл небожители Божьему слову
дружно в лад шелестят с благочестными сонмами вкупе.
Слышанным изумлены, поврозь и розного чая,
в недоуменье с высот нисходят матери. Вспыхнул
кровоточащей зарею Восток — последнюю битву
- ⁷³⁰ дню грядущему зреть. Повсюду трубы запели,
и прокатился говор и гул по проснувшимся станам,
тут и там воздвиглись вожди. Подобный для римлян
день никогда не вставал в небесах: вовек не бывало
ни на каких полях, чтобы были равны полководцы,
чтобы равны были гнев и сила и выучка воинств!
- ⁷³⁵ Страха не чует никто, зато являются взору
многие тысячи лет, в чреде которых Фортуна
этим и тем воздаст за битву, а вместе отчизне,
дому, роду, сынам и надеждам о поздних потомках.
- ⁷⁴⁰ Вот выводит полки Сципион в открытое поле,
рать на порядки разбив умело. Начальствует правым
царь Массинисса крылом во главе нумидян — возносит
конь испанский его, а издали видной приметой
шлем долгогривый и алый плащ, что полощется ветром.
- ⁷⁴⁵ Лелий на левом крыле воеводой, вослед выступает
конница, что с берегов латинских доставлена морем,
и апулийский скакун скорым смерчем его круг отрядов
носит, а грудь вождя сверкает суровою сталью.
Посередине шумит отборная римлян дружина —

⁷⁵⁰ здесь исполнил Сципион с высоты своей властно полками повелевает: золатым и стальным и пурпурным сияньем, паче сияньем души, наипаче сияньем надежды он затмевает всех.

Так блистающа всходящего Феба светлым его не снести сотоварищам: Люцифер блекнет
⁷⁵⁵ в блеске благих лучей, поодаль Киллений бледнеет ликом лукавым, а прочие все созвездья подавно поразбежались с небес при скором явлении Солнца.

Сам подстрекает он удаль бойцов и строй укрепляет, между рядами вскачь поспешая, и молнии мечут
⁷⁶⁰ ясные очи его, повергая взирающих в трепет. Он знаменосцам отводит места, ободряет отряды всадников, робость и страх и сомненья твердою речью гонит прочь из сердец порою божбой, а порою просьбой: каждому он твердит о его иль семейных
⁷⁶⁵ подвигах, каждому он поминает о дедовской славе; этих он хвалит, тех укоряет ласковым словом, этих за леность бранит, тех шлепком дружелюбно торопит, чтобы не мешкали, всем говорит о честях и наградах, кои сулит окончанье войны, от стыда и прорухи
⁷⁷⁰ остерегая, — вот так храбрит он души для боя. Всюду спешит он быть и в пылком задоре стремится не упустить в последний час ни краткого мира, но увидав наконец, что все приказы, как должно, отданы и укреплен порядок, сей вождь несравненный,
⁷⁷⁵ высясь на белом коне, речет:

«Коль верно Юпитер всем вам явить порыв, в моем закипающий сердце, днесь изволил, тогда сомневаться стыдно в исходе битвы грядущей и в том, какой изготовила жребий нам Фортуна. Никто никогда яснее не видел
⁷⁸⁰ солнца, чем ныне зрю великую нашу победу! Мы победили! я слышу: враги уstraшенной толпою ропщут и мечутся взад и вперед, забывши о строе! Мы победили! зрю ваш задор и явственно вижу ужас сечи, трупов холмы, кровавые реки —
⁷⁸⁵ гибель и тлен и повальную смерть для вражьей отчизны! Въяве видится мне, как, позорно бросив оружие, ищет спасенья самый их вождь в укрomных потемках! Если бы изблизи нам подслушать, о чем толковали между собою вчера враги, — наглядно постигнуть
⁷⁹⁰ падший и сломленный дух! Поверьте, пред нами не прежний нынче стоит Ганнибал — лишь именем он уstraшает. Сам-то и есть он сам, да только сей вождь вероломный звона знакомых мечей уже трепещет: иные

воины заново с новым идут на него полководцем.

⁷⁹⁵ Не как при Каннах навстречу ему опрометчивый консул
в поле выходит! не тот, кто был отвращаем от битвы
знаменем явным богов и грядущего голосом внятным,
коему внять не сумел! не Семпроний сегодня со мною
делит начальство в бою! Нам в очи бьющее солнце
⁸⁰⁰ или же пыльный смерч слепящий врагу не помогут,
и не укроет засаду его среди осоки болотной
новый туман! И не рать, уже побежденную хладом,
снова он станет крушить, сам согревшись в банных еляях, --
битесь ему со мной! Целить в грудь клинком заостренным,
⁸⁰⁵ ребра рубить мечом, копьё стремить для удара —
вот его страх! Сколько раз в испуге мира просили
и нарушали мир лукавые! Прежде презредем
мы отвечали, но гнев приспел. Для этой-то брани
ныне, счастливыцы, булат воздымите окрепшей дщицей!

⁸¹⁰ Первым ринусь я сам на врагов ненавистных сегодня,
в ужасе пусть бегут — так вы все обещаете, боги,
так благосведущий ум предсказует и жадно железо
сжавшая длань и жар честной непреклонного сердца!
Пусть же Испания, наших копей истоптана скоком,
⁸¹⁵ пусть же юности нашей краса — ратоборства с царями,
пусть сполохи огней, сожигающих афрские панши,
явятся вашим очам! Созревшее мужество ныне
от возмужавших нас триумфа сущего хочет,
мне же корень зол и вечный вражды подстрекатель,
⁸²⁰ мне Ганнибал сужден и толикого слава почина!
Добрые знаменья — все, что отцам пред отплывьем к Эгатам
были, да к ним еще премногие — ныне даруют
боги нам. Никогда не любил я время напрасно
тратить, а паче теперь при свершенье великого дела:
⁸²⁵ страха нет, победа при нас и вернемся счастливы —
дольше не медлю, вперед! за мною! Кто видеть желает
родицу и сыновей и лик любимой супруги, —
вот тебе к Риму путь!» Словно вправду стяжавши победу,
а не готовясь в бой, таковое молвил он слово
⁸³⁰ и замолчал. Ободренная рать приветственным гулом
радости несущую речь в согласном встречает веселье,
точно как если бы вслед четверне его белой и вправду
на Капитолий высокий шла с подобающим кликом.
А между тем Ганнибал, рокового последнего часа
⁸³⁵ близкий провидя срок, со слона спустился поспешно
и на лихого коня воссел, свирепым обличем
грозен, словно пастух Полифем из провала пещеры
прянувший буйно иль словно с высот эфирных комета
быстролетящая вестницей бед для царств человеческих.
⁸⁴⁰ Строит он рати свои несметные. Стадо слоновье,

дабы врагов ужаснуть и смутить страховидностью чудищ,
ставит вперед полков, и колеблются зримо на спинах
башни: мнится, что горный хребет каменистой громадой
дрогнул и крепости все на всех зашатались утесах,—
845 этим отбиться щитом он от вражьего натиска чает.
После полком головным он велит лигурам и галлам
строиться, их отряд пополнив от мавров подмогой
и балеаров, а только затем карфагенян и афров
ставит. Лишь в третьем ряду бруттийским воинам место
850 отведено, с тоской и с великою нудой из стана
вышедшим. Далее вширь по равнине он простирает
крылья и латников строй в круговую берет оборону:
справа приказом его сдержат италийцев готовы
карфагеняне, левый край у нумидян мятежных,
855 жаждущих противустать царю ненавистному в сече.

Рать расставивши, он поелику сгонял к себе в войско
множество разных племен со множеством разных наречий,
то иногда с толмачом, иногда самоустною речью
пыл он бодрит бойцов — и ничуть не ленивей, чем недруг.
860 Все, что должно вождю и средь воинов первое должно
он исполняет: отряд головной наставляет, равняет
прапоров строй, объезжает вскачь и пеших и конных,
всюду поспев и всюду сластя ласкательством строгость.

Молвит: «Коль счастье мое мне ведомо, мы победили!
865 мало того — во прах мы повергли римское племя,
вражью сломили спесь! Пребудьте же прежними ныне —
пусть не иссякнет в сердцах о Каннах и Требии память!
Были ли средь недругов, кто в многобранную оную пору
вами не бит? Кого, италийскою кровью насытятся,
870 вы не лишили отца иль сынов иль братьев? Степенней
летами был их вождь, но и сей отец достославный,
коего чтили тогда красой Авсонийского края,
сих устрасался мечей и знамена хваленыя кровью
выпачкал, в бегстве своем на ваши клинки напоровшись.
875 Разве сегодня наш враг вдали от отечества бьется
здесь под лучшей звездой? иль наши знаменья хуже
здесь — у отческих врат? Нет, не верю, что столь презирают
боги благой Карфаген, чтобы крепкие римские стены
оборонить не дерзнув железом, ныне посмели
880 нашим стенам грозить! Завлекло сюда римлян безумство,
нам же Фортуна сама на позорище их даровала
властная. Как тогда мы с перстов кровавых срывали
столько перстней, что мерами мерами гнущее золото,
радуясь родине громкую весть донести о толикой
885 славе, — так и теперь Карфаген-победитель увидит

статную римского выю вождя в железных оковах,
 так и теперь, подобно скоту, гонимые толпы
 римлян по городу будут брести, и с ними речистый
 Лелий и тот переметчивый царь без царства, который
⁴⁹⁰ наши покинул ряды. Заклинаю силой всевышних
 вас, нумидянин и мавр, страшитесь надменного гнета —
 разве не вас под бичи желает пригнуть Массинисса?
 Вы, о галлы, в бой на старых врагов устремите
 прежнюю страсть и свежую сталь: вот — стан, где добыча
⁴⁹⁵ будет наградою вам и долго копившейся злобе.
 Вы, лигурийский народ, за мной и моею судьбою
 шедший вслед во всех трудах на суше и в море,
 радуя взоры мои, — за дело! и если награда
 ждет победивших, то вас, по заслугам вашим, не доли
⁴⁹⁶ в чащах лесных, не горы, в крутых бездорожных утесах,
 а италийских земель ожидают обильные села
 в тучных полях — ибо смолкнет навек ваш страх и казнитель
 лютый Рим. А вы, чьи полки мне любезнее прочих,
 вы, сограждане, вы, кому ни призывы, ни просьбы
⁴⁹⁵ со стороны не пужны, взгляните на вашу отчизну
 в страхе огня и в страхе меча нечестивых пришельцев,
 на городские валы, за которыми нежное детство
 прожито, где за почетом почет воздавался возросшим,
 где ликовали вы столько торжеств, где почуют останки
⁴⁹⁰ предков, и слово хвалы в могильный врезано мрамор!
 Ныне верность отчей земле — в оружной деснице
 вашей и в доблестной вашей душе. Усталой отчизне
 встаньте подмогой за жен, за чад, для сердца любезных,
 за матерей, дрожащих о вас, за святые седины
⁴⁹⁵ ваших отцов, за вечный почет старинным гробницам!»

Вождь еще не смолк, побуждаемый жарким порывом
 к новым речам, как вдруг из римского грянули строя
 трубы, дружно взгудев, и восстал повергающий в ужас
 шум от вражьих рядов, полонив и воздух и небо, —
⁴⁹⁶ так что в полете своем крылатые замерли птицы.
 Грохотом уstraшены, всколебались полки — и слоновий
 в трепете строй обращается в бег на свои же дружины,
 всех сбивая с мест; пред ними отпрянуло войско
 правым и левым крылом. О, сколь незряч и несведущ
⁴⁹⁵ ум людской! Посмеялась судьба: полководцем искусным
 в первый поставлены ряд щитом и охраной отрядам
 первый раззор слоны принесли и первую гибель.
 Этот шум удержал Ганнибала на самой середине
 речи.
 Таков певец, когда среди песни внезапно
⁴⁹⁶ он оглушен громовым ударом с разверстого неба:

он молчит, и дрожащий звук меняется в горле,
он возводит взор и черные сумраки видит.

Но не впервые вождь, в переменностях бранной Фортуны
пытанный, много крат под неравным сражавшийся Марсом,
⁹³⁵ выстоял: смотрит вокруг, смятен, на сонмища вражды,
и поборает страх, кипучие силы и чувства
вновь съединяет и сам своему же смятенью препона.

Так свирепый вепрь, травимый лающей стаей,
противустать грызущим псам и оружию ловчих
⁹⁴⁰ вдруг повернет — и уши накрепк, и дыбом щетина,
и стремглав на копыта летит —

        таков разъяренный
шел Ганнибал, взывая к отцу великого духу.

Бывший против него неленивый душою воитель,
царь Массинисса, едва заметив дрогнувший выгиб
⁹⁴⁵ меж финикийских рядов, ударяет, врывается в войско;
где ни проложат слоны ему путь, он за дикими следом
мчится. По тем же путям и Лелий ломится прямо
в гущу оружных врагов, улучает и время и место,
рубит представших лицом и гонит пустившихся в бегство.
⁹⁵⁰ А Сципион, могучий душой, — как лев необорный,
в помощь льятам спеша, крушит и зверье и деревья, —
так он с мечом наголо во вражды вознается строи.
Все на него полки взирают, взирает Юпитер
с вышнего неба, и солнце стоит, не ведая, есть ли
⁹⁵⁵ в мире иной, подобный ему, — так блещет он златом,
так порфирным плащом сияет, красой полководца,
так молодой его лик хорош под крепким шоломом.

Тут, наконец, вступают враги в рукопашную схватку,
римский боец с финикийским бойцом кровавые руки
⁹⁶⁰ круто сплетя. Неистовый гнев повелительно движет
два народа и двух вождей. Не бывало напора
Марсова в битве сильней, не бывало сраженья жесточе
в круге земном: не ради добыч, не ради награды
вышли дружины в бой — здесь те, кто собственной кровью
⁹⁶⁵ рвутся залить взаимной вражды зажженное пламя.
Дух во всех полках един и едино желанье
боль понесенных ран отмстить хоть доблестной смертью.
И вероломство пунийское здесь и римская гордость
кликом клику в ответ звучат над каждым ударом —
⁹⁷⁰ брань слышна и мольба о постыдной пощаде, и с ними
вместе смертный хрип из взрезанных горл, и молчанье.
Этим приходит на ум жестокая дань побежденных,

тем — обман и резня в недостойно взятом Сагунте —
 все, чем оружных мужей ввергает в свирепую ярость
 975 давняя злобная страсть, все сходится в душах в единый
 узел тяжких обид и в долгих неправедность браней.
 Грудь гремит о грудь, мечи мечам отвечают,
 раны родятся от ран, и смерть мешается с черной
 смертью — любо врагам, пронзая друг друга, свергаться
 980 к теням, неслыханной смутой мутя обитателей бездны,
 и в бессловесный Эреб низводить враждебные души.
 О безумцы! Сколь спокойнее мог и достойней
 тот и другой народ пребывать в отеческих землях,
 а не пускают к тому тщеславье, слепая гордыня
 985 сердца и злая алчба, которая вечной надеждой
 смертным льстит, и души жжет, и бросает на копыя.

Строй наступает на строй, и не только общая гонит
 ненависть в бой: о своих воюющих думает ранах,
 и о погибшем отце, и о брате, к врагу обращая
 990 мстящий удар, — таково жесточит былая обида
 души, и к новой борьбе воздвигает новая злоба.
 В бой зовут вожди, возжигают их звучные клики
 души бойцов, и влекут на подвиги, подвигов оных
 сами являя пример. Прекрасна видится гибель —
 995 душу отдать за землю отцов. Несметная сила
 буйств и оружий встает, как гром, со стопами павших
 в общий ужас слита. Уже глубокою кровью
 льется река, орошая поля дымящейся зыбью,
 ярый ток захлестнул и катит мертвые трупы,
 1000 горами высь громоздятся тела человечьи и туши
 конские, словно бы горной грядой врагов разделяя.
 Мнится, менее были пловцы у Эгейского берега
 поражены, когда из воды возник новородный
 остров близ Ферасии, — знак, по мнению мудрых,
 1005 Риму суливший власть, македонянам — сущую гибель,
 но непонятный невежде-пловцу, застывшему в страхе.

Между тем, почуяв испуг неравного боя,
 с поля дрогнули прочь финикиянам дружные силы,
 римляне — вслед по пятам; и уже, рассыпаясь в погоне,
 1010 каждый сам для себя пролагал из римского строя
 путь меж груд мертвецов: одни — шагая по трупам
 высь неверной стопой, другие, скользя по кровавым
 травам, ищут вокруг обхода отдельным отрядам;
 сбиты с пути и те, кто ведут, и их знаменосцы.
 1015 Так, заблудившись в победе своей, счастливую воин
 мог обратить войну в несчастную, мог пораженьем
 славный день запятнать, когда бы, зоркий начальник,

не повелел Сципион протрубить увещанье к отходу.
Грянул приказанный звук, разнеслись знакомые зовы
¹⁰²⁰ по полю; сдержан разбег, и воин, следуя знаку,
вновь возвращается в строй, и вновь сшибаются рати
и продолжается брань с новой смутой и с прежнею силой.

Так порой в небесах порывы южного ветра
сгрудят тучи, на миг — тишина, потом загрохочет
¹⁰²⁵ гром, а затем прольется с небес и градом и ливнем
злая гроза. Сципион, пылая душою, отводит
войско прочь от поверженных тел, громоздящихся в грудах.
дабы опять, устремив знамена, всей силой на силу
ринулись рати на брань, наступая по ровному полю.
¹⁰³⁰ Верится: Бог с небеси в тревоге взирал на такую
гибель мощных племен, на тяготы лютого Марса,
располагая исход оружного грозного боя.
В этот день Фортуна сама, склонясь над кровавым
миром, в этих полях судила, кому из враждебных
¹⁰³⁵ сил достанется высшая власть, и скиптр, и держава.
Если бы жребий пал на добрый исход Ганнибалу,
кто усомнится, что круг земной от края до края
взял бы в тугие бразды, воцарясь, Карфаген нечестивый,
и до скончанья веков иссякло бы римское имя?
¹⁰⁴⁰ Отдал бы сильный народ италийскую землю в добычу
варварских пришельцов, и превыше всех вознеслась бы
Африка. Если могла безоружная Греция имя
столько прославить свое, то победная Африка ныне
кольми паче могла! Но явило могущество Божье
¹⁰⁴⁵ жалость к молящимся нам, и вручила в страдные годы
мужа такого земле Италийской, которой на силу
силой ответил двойной, который не только насущных,
но и грядущих бед отвратителем вышел единый,
ибо не им ли его времена избегли урона,
¹⁰⁵⁰ ибо не им ли свобода блюлась в наступившие веки?

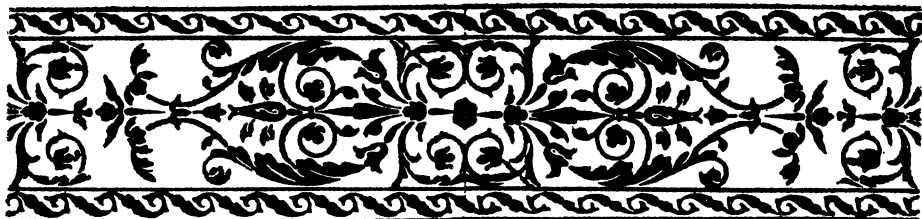
Вот уже в срединную высь благодатное Солнце
въезхав на ярость земной войны взирало со страхом.
Полон сил, не давая трудам сломить свое тело,
ни ударам мечей, ни зною, ни клубам горячей
¹⁰⁵⁵ пыли, там Сципион своеручно в бурю из бури
рвался — туда, где вражеский клин, сплоченно грозивший,
звал его быть, иль завиденный лик врага-полководца;
и как срываясь с Этнейских вершин, жестокое пламя
опустошает трясущийся бок пещеристой кручи,
¹⁰⁶⁰ противуоставшие глыбы крушит, ломает деревья
встречные, эхом гремит в кипящих серой долинах —
так Сципион, валя наповал такую же бурей

всех и все, гласит мольбы: «Заклинаю, о римский
 воин: победа иль смерть! за мной в последнюю схватку!
 1085 Это — единственный путь: не в Рим, так прямо к небесным
 кущам!» Крича такие слова, врубился отважный
 в полк Ганнибала. Напор, великой исполненный мощи,
 встретил, не дрогнув лицом, Ганнибал. Сразились перуны
 Марса: здесь Сципион, а там Ганнибал, и с эфирных
 1090 высей дивится Марс, что еще не исчезли такие
 слуги бранных служб и вожди воительных ратей.

Здесь взмолюсь и я: да не смеют лживые греки
 с ними двоими равнять себя; да будет им стыдно
 1075 праздною Азии петь и Гангских племен покоренье —
 пусть парфянские смолкнут цари и в персидских равнинах
 строй мелькнувших фаланг; пусть руки опустит былая
 Троя. Приамов дом, воспетый в греческих песнях,
 да и в латинских; и те владыки, чьи кудри душистым
 маслом текут, а одежда струит ассирийские складки.
 1080 В этих полях — не индус, не всадник, окутанный в пурпур
 вместо брони, не стрелец с нетяжкими стрелами вышел
 в робкий строй — о нет! рожденная в брачном уборе
 римская юность здесь италийскую свежую силу
 движет в бой, а против нее закаленные в сечах
 1085 афрские встали полки, чьей доблести лучший свидетель —
 страны испанской земли, а пуще того — и латинской,
 где на все привыкших дерзать победителей-римлян
 в прах повергли они булатом крепких оружий.
 Вот меж кем и кем давно уже долгая длилась
 1090 брань на разных полях и с разным духом: у этих
 больше сил, у тех быстроты, но одна у обоих
 ненависть полнит сердца. И вот, устав, понемпогу
 стал подаваться противник назад. Вскипая жестоким
 гневом, кричит Ганнибал: «Не затем тебе эти знамена
 1095 были даны, негодяй, чтобы с ними ты шел в отступление,—
 или ты бросить готов их врагам на захват и терзанье?
 Горе! куда вам бежать? Не здесь дорога — вернитесь:
 враг с другой стороны. Таковы-то сыны Карфагена,
 так-то чае вы вернуться в желанные дома?»
 1100 Жалкие твари, вы сбились с пути: отсюда единый
 путь — в тюрьму и в изгнанье». С такими словами навстречу
 шел он врагам, бесстрашный, один. Стыдом и укором
 и убежденьем вождя сплотил он разбитые рати:
 вновь сраженье кипит, и вновь начинается сеча.
 110 А Сципион теснит, Сципион напирает на первый
 вражеский клин и вокруг рассеивает загробные севы.
 «Что я вижу? Обман вековой, пренебившись, бросает
 доблести вызов прямой? Не так коротка у бессмертных

- память о вашем былом родовом вероломстве. Мужайтесь,
"¹¹⁰ мужи, духом и дланью: пора! пред нами победа!»
Так он гремел, потрясая мечом, и враги трепетали.
Вот уж на первый шаг назад отступил неприятель,
вот еще и еще, и уже никакая присяга
и никакому вождю не могла удержать задрожавших.
- "¹¹⁵ Тут-то ударить спешат, воротясь из конной погони,
Лелий справа и слева царь
в тыл усталым врагам негладным страхом. И тотчас
бегство, досель упиравшее шаг, отпускает поводья —
ни к отчизне любовь, ни стыд за доброе имя,
"¹²⁰ ни Ганнибалова честь и мольбы не удержат испуга.
Вождь, узрев свой сломленный строй и бегущие спины
в страхе перед врагом, обращает коня боевого,
тоже дрожащего, прочь, и в слезах удаляется с поля,
всех, и людей, и богов, вина в пораженье. Ближайший
"¹²⁵ вот перед ним Адрумет; здесь, в дружеском городе, стены
стали постоем ему; отсюда, столичным сенатом
призванный, следует прочь. И уже подойдя к карфагенским
отчим стенам, с испугом в груди, идет не на площадь
он и не в храмы богов, но тайком пробирается к дому
"¹³⁰ и укрывается в нижнем жилье, скорбя среди мрака.

Предуведомление к песни восьмой

Быстрое солнце сошло в океан; тем временем вражий стан захвачен, и в стане взята такая добыча, кою много лет и война и мир богатели вражеский град; засыпают бойцы; на дерновом настиле долго еще ведут полководцы ночную беседу и с похвалой говорят о вожде, уже побежденном; хочет Вермина отомстить за отца — но тщетно; о мире просят вражьи послы; сожигается флот карфагенский, и, удрученных оставив врагов, Сципион отплывает.

ПЕСНЬ ВОСЬМАЯ

Быстрое за Океан, спеша рассказать антиподам, той племенам стороны, о том, что было на этой, .
Солнце своих погоняло коней — а еще не свободный от боевых забот Сципион, замышляя ударить
⁵ на нечестивый народ последней погибельной казнью, время, место, подход и удар, расчет и опасность молча и тайно в уме прозорливом загода мерил. Но как закатный уклон светила указывал время
¹⁰ дать желанный покой бойцам, усталым от боя, он порешил отозвать войска и заслуженный отдых каждому воину дать в ночное сонное время, но не прежде, чем вал боевого враждебного стана будет взят. Устремляется сам, предводя быстроногих, и проникает во вход, не хранимый враждебною стражей,—
¹⁵ множество в стане добыч... в быстрый бросаюсь побег, о спасении думали жизни, а не богатств — посему везде драгоценная утварь здесь обреталась. Алчбой карфагенскою хищено золото многих земель и морей и многой оплачено кровью:

- ²⁰ все, что жадности в дань Испанья, ратью ливийской покорена, отдала; все, что в Сардских душных пещерах, что в Сицилийской земле из святых исторгнуто храмов, что в далеком краю, где отвесно разящее солнце жжет темнокожий народ эфиопов в их огненном царстве.
- ²⁵ все, что мавров цари и нумидян во многие веки слали в покорную дань, и все, что в земле италийской долгий похитил грабеж, — все, все изрыгнула с кровавой рвотою Африка прочь. Что значит столько добычи? Хищник хищнику вор: плывите по дальнему морю,
- ³⁰ рушьте крепости в прах, подступая турусами к стенам, пусть угрожает сошник перепахивать древние грады — все добро — лишь в поживу врагу, который кичится столькой добычей, чужой и твоей.

Усталому войску

- великодушный велит Сципион на привал воротиться в собственный стан, в предвечерний час, под победные стяги.
- ⁴⁵ Взятых в плен велит сторожить — а было их много, и хороши, и сильны — остальную же вражью добычу сами хватают бойцы, веселя закаленные души.

Поздний свет засветил над Атлантовым гребнем прекрасный

⁶⁰ Геспер, и в ясной выси проступили редкие звезды. Выстелив землю травой, отдыхало римское войско; выше прочих возлег Сципион и с ним Массинисса, выложив ложе из той же травы. Подкрепляется тело, тяжким дневным трудом и долгим усталое боем.

- ⁴⁵ После, как первый голодный порыв насытился пищей, Лелий, в утешных словах искусный, к сладостной речи так приступает: «Теперь, когда мне судьба благосклонно этот день дала пережить, отойду я спокойно, как бы и где бы ни выпала смерть: не стыдно скончаться,
- ⁵⁰ если скажет молва, что с тобой делил я победу, о Гесперийский вождь, единое наше спасенье. Только в одном, признаюсь, надежда меня обманула: в час, когда уже бой кончался, и я возвращался, видя, как Массинисса рубил убегающих в спину,
- ⁵⁵ слыша, как ты на последних врагов гремишь во всю доблесть, — я заворчал про себя, подумав: а что с Ганнибалом? Он ускользнул, но каким путем, какую уловкой? — я изумлен и не в силах сказать. Что делать! Округа лучше знакома не нам, а врагу, и это, быть может,
- ⁶⁰ многих сегодня спасло».

Прервав течение речи, царь сказал: «Воистину день сегодняшней славы будет в памяти жить потомственной веки и веки,

сколько цвести суждено авсопийскому имени в мире!
 Тем не менее, верь, — ибо здесь мне и люди и нравы
 05 ведомы, — силою взять или хитростью взять Ганнибала —
 этого сделать никто не силен. Одно его око
 стоит сотни очей: на войне он — истинный Аргус,
 как говорил я не раз, потому что ничто не обманет
 этот ум и этот дух. Все замыслы жизни,
 70 все коварства, таимые им на случай несчастья,
 рухнули в нынешний день, и уже я мнил его пленным
 и отсылаемым в Рим с ненавистным вкупе Сифаком, —
 но оглянувшись вокруг, я вижу: он был прозорливей
 и, уцелев, ускользает от нас по знакомым тропинам.
 75 Истинно вам говорю: и горы трупов, и море
 крови, которую грех проливать, и выше и глубже
 были бы, если бы он потаенной некой дорогой
 путь не сыскал к недалеким стенам, где готово укрыть».

Молвил в ответ Сципион: «Клянусь: во всей моей жизни
 80 что я ни видел и что ни читал, мне кажется вздором,
 ежели вспомнить, каков Ганнибал. Вы видели, други,
 как он строил войска, с каким укреплял их искусством!
 Сам он стал супротив меня, финикия поставил
 против моих италийских бойцов, а мятежных нумидян
 85 против тебя, Массинисса, чтоб страх и долгая злоба
 их увлекли на царя своего. Когорту латинян
 вот где выстроил он, ибо знал, какую сплоченной
 вышла она на бой. Перед строем он ставит индийских
 90 чудищ своих боевых с гетулийскими рядом, в надежде
 ими смешать италийскую рать, потому что во многих
 войнах победен был этот напор. Но блага Фортуна
 этот ужас от нас отвела. Я сам озабочен
 был, какую уловку найти, чтобы этих чудовищ
 прочь отвлечь, где силу сыскать, чтоб выдержать натиск;
 95 с этим умыслом я в начальных рядах легионов
 редким строем поставил бойцов, чтобы сделать проходы
 шире, и дикая тварь, промчавшись по ним, разбежалась
 не нанеся вреда. Но когда карфагенские крылья
 дрогнули сами, тогда Ганнибал — свидетель Юпитер! —
 100 сколь был тверд, сколь бестрепетен был, как снова и снова
 дрогнувший строй отвагой своей укреплял, и порою
 даже я надежду терял! Случалось мне слышать,
 как, толкуя о том, кто выше из всех знаменитых,
 он с похвалой говорил, что в искусстве строя и боя
 105 третий — он, уступая лишь двум: царя Александра
 первым он называл, вторым — эфирского Пирра,
 третьим же ставил себя. Но мне ни зависть, ни злоба
 не помешают сказать: для меня из любых полководцев

выше всех — Ганнибал. Ни Дарий, ни Пор Александру
110 столько не были в честь, сколь этому — римские рати,
много разбитые раз. Не великая слава — бессильных
варваров голой рукой, но великая — римское войско
вновь и вновь в кровавых боях повергнуть. Деянья
этих вождей я сравнил; сравнить ли с нравами нравы?
115 Здесь царя я не смею хулить: пусть славным из славных
он слывет меж людьми — но это никак не помеха
нашего злого врага прославить достойной хвалою.
Кто отважней в начале войны, осторожней в середине?
Кто и ест и пьет и спит скромней и воздержней?
120 Я изумлен и тем, что, ежели верить рассказам,
он в ту пору, когда война смертельная эта
в самом начале была, обдумывал дерзостный натиск
так усердно и так глубоко, что за стол не садился.
Что говорить об оружной борьбе, о бранном искусстве,
125 как ему ложем была земля или щит полководца,
как он небрежен в убранстве одежд и как он заботлив
сытно кормить боевых коней? Насколько вынослив,
голод и жажду, холод и зной терпя в переходах?
Как боец вождю, так вождь бойцу подражает
130 битвенным духом: он первым идет на бранное поле,
чтобы последним его покинуть. По опыту зная
все, что сказал я, теперь повторю: когда бы природа
в это вложила любовь к святому и правому делу,
я пожалел бы, что он не в нашем родился народе!
135 А похвалить ли вождя, которым властвует пьянство,
мерзкое даже в простом мужике, а в большом полководце
сущая гибель? вождя, который в дружном застолье
кровь проливает и трупы кладет на столы среди брашен?
кто среди зноя в холодной реке резвится и скачет?
140 кто ублажает себя роскошеством варварской неги,
мягкой порфирой и всем, что ныне придумали персы?
Больше ни слова о том: не такими нравами славясь,
недруг наш Ганнибал Италию три пятилетия
в страхе держал.

Так рек Сципион; по скромное слово
145 молвил на это ему Массинисса: «Великий хвалитель
дел чужих и хулитель своих, позволь мне ответить:
ибо прилежная мысль сумеет найти возраженье.
Если веруешь ты в преданья дедовской славы,
то Александр Великий, пред кем пикто не победен,
150 целый мир обошел до предельных граней Востока,
и до последнего дня его не покинуло счастье.
А Ганнибал сколь меньше прошел и сколь безнадежно
ныне разбит! Меж тем Александр над Азией целой,
стал царем, покорив князей, города и народы».

- ¹⁵⁵ «Волк лихой готов залезть без опаски в овчарню,
 но уstraшен и бежит, завидя львиную гриву.
 Да, Александр побеждал народы (знай, Массинисса!)
 те, на какие ходил. Он греков оставил под той же
 властью, что и отец. А в Азии скольких усилий
¹⁶⁰ стоил ему и мирный араб и ленивый бактриец!
 Но, ни на Север пойти, куда лежали открыты
 все пути, ни в здешний край, грозя Карфагену,
 ни к италийцам, где мира чело, ни к иберам и галлам
 он не посмел; а без них уместны ли эти хваленья,
¹⁶⁵ эти званья и этот крик, повсюду шумящий?
 Всем покоренным восточным царям, всем индийским победам —
 будем победой считать, если враг разбежался, и только! —
 меньше цены, чем у нас четырем латинским сраженьям, —
 хочешь, я их перечту, в урок грядущим столетьям?
¹⁷⁰ Был и другой Александр, эпирский царь, боевою
 столь же могучий душой, как его племянник, с которым
 мир поделили они пополам. К италийскому берегу
 выплыв, погиб он в бою, пронзен авсонийскою пикой,
 и, умирая, сказал: «Увы! неравные доли
¹⁷⁵ мне и племяннику рок уделил! Ему на потеху
 женственный люд покорять, ни в ком не встречая отпора,
 мне же судьба: на мою же беду подставила сильных
 ратных мужей, одетых в доспех». С такими мужами
 сколько лет Ганнибал сражался в отчаянных бранях
¹⁸⁰ всею силой своей, ты знаешь. Бессмертная слава,
 великолепье царя и вся благосклонность Фортуны,
 не покидавшей его до самого смертного часа,
 слишком внешний блеск придают его делу, и это
 у проницательных трезвых умов отнимает возможность
¹⁸⁵ здраво и верно судить, потому что скрыто от взоров
 все, с чем Фортуна ему, играя, давала бороться.
 Кроме того, привлекательно в нем, что жил он недолго
 и подсекла его ранняя смерть, — а это ведь счастье;
 выше которого нет, если жизнь и удача людская
¹⁹⁰ вместе общий находят конец. Если время, обоим
 данное, взять в расчет, ты сам согласишься без спору:
 больше лет Ганнибал воевал, всегда побеждая,
 нежели жил Александр на земле. Когда бы Фортуна
 жизнь у него отняла в Александровы годы, — ужели
¹⁹⁵ не всепобеден бы он сошел в подземные сени,
 не на почетной бы въехал в Эреб своей колеснице,
 правя триумф, да какой: не персидским чета, не арабским?
 Если ж, напротив, сплела бы судьба многолетнюю нитью
 жизнь Александра-царя, то какой пророк поручится,
²⁰⁰ что и в седилах его не оставит Фортуна, что будет
 так ему в поздние годы верна, как редко бывает?

А особливо — когда бы свою он исполнил угрозу
и на Италию вдруг и на Африку грянул войною?

Нет: коль в корень смотреть, хоть ночь глубокая клонит
нас ко сну, Ганнибал достойнее зваться великим
²⁰⁵ воином, чем Александр, и сегодня хвала ему больше —
так как Фортуна сама не вольна над истинной славой! —
чем за победы — царю. И пусть хотя бы все греки
с этим спорят и пусть на любые ссылаются книжки!»

²¹⁰ Так сказал Сципион, и внимали сидевшие рядом.

Некий воин меж них, важнее и старше годами,
молвил: «Правда твоя: кого назвал ты великим,
тот — величайший для нас. Великое видишь ты верно,
и за тобою мы вслед не того, кого прочие, хвалим.

²¹⁵ Лишь об одном вопрошу. Если сам Ганнибал — это третий,
то какое же он ответит достойное место
для Сципиона во славе его? и куда бы поставил
он самого себя, когда бы сегодня победа —
наша, волей богов! — на его бы сторону встала?»

²²⁰ Мудрый Лелий в ответ: «Скажи: а если бы звезды
должен ты был перечесть, то первым бы, верно, был назван
Люцифер, после — Арктур, а после — Боот ледянистый,
и уж потом остальные огни. Но самое Солнце
ты б и не стал называть: оно на других не похоже,

²²⁵ а оттого и зовется вот так. И что бы ответил
этот хитрец на лукавый вопрос, я знаю: „Когда бы
нынче я победил, тогда Александра и Пирра
счел бы ниже себя, а подавно — воителей прочих,
коих славит молва. Но взять четвертое место

²³⁰ я не хочу и стыжусь унижить звездную славу
Солнцем последнего дня“». Так сказал он, и все остальные
с ним согласились душой, кивками и радостным шумом.

В этих и схожих речах проходит бессонное время
долгой ночи. Уже нырнул в глубокое море

²³⁵ Геспер, уже вышишу небесного круглого свода
пересекала под говор Луна; тогда наконец-то
все на зеленой траве раскинулись телом усталым.

Так, когда пчелы, летя, встречают в небе преграду
и из эфира дождем насекомые сыплются трупы,

²⁴⁰ победоносная часть, прогнав врага, оседает
невдалеке и тесно шумит вокруг новой царицы,
после чего освежающий сон приходит к усталым:
все, как одна, молчат, и все, как одна, отдыхают.

²⁴⁵ Только забрезжил день, опять на корабль снаряженный
всходит Лелий, отправленный в Рим, — отрадную вестью

дабы избавить Сенат от тревог. В открытое море
вестник счастья плывет, паруса наполнивши Австром.

Это — римский стан. Но зато какой в Карфагене
ужас, какая скорбь, какое смятение в сенате!

250 Горем внезапным сражен, народ бросается в дома
знати, велит ей помочь Карфагену в его злополучной
доле, велит отворотить погибель от бедной отчизны.
Те, сомнений полны, совещаются.

Так на подводном
камне засевавший корабль, застигнут колючим крушением,
255 полон стона и дрожи ночной, и с кормщиком кормщик
вместе в испуге сойдясь, о последних спорят решеньях.

Мыслят все об одном: спасенье — в том, чтоб уведать
мысль Гапшибала: испытанный вождь, чья славится доблесть,
он ли готов отступить пред бедой и признать поражение.

260 или же против невзгод в нем есть надежда и сила
духа? каков его приговор войне нерешенной?

Долго он не хочет идти, но, приказам сената
и народа покорен, идет. Исполненный скорби,
с болью в душе и тяжким стыдом, покинув потемки,
265 он выходит на свет.

Так жена, коль стыд преступила
не по своей вине, к своему, однако, позору,
слова не может сказать и бежит человеческого взглядом—
боязно ей взглянуть в лицо домашних и мужа.

Как он на площади встал, смутились вельможи сената.
270 видя рядом того, который столько время

в дальней дали от отеческих стен вел войны, о коих
только вестники вести несли. Сбегаются толпы
люда, палата полна, народ на всех перекрестках.

Оп, взглянув на сограждан своих, окреп благородным
275 духом и, крут, как всегда, прервал молчание, с мрачным
видом сказав: «На единый день мы прожили дольше,
чем бы хотелось и чем подобало бы; сам я виною
этой беде. Я в сердце своем заранее ведал:

битве быть не по воле богов. Но страсть к вожделепной
280 славе в людской молве ослепила меня и толкнула
в бездну. Свидетели вам да будут враждебные ныне
боги: сделано все, что могла рука человека,
честный меч или хитрый обман: ничто не забыто
ради такой войны. Но божье могущество выше

285 сил людских — и вот я пал, и во мне не осталось
больше надежд. Ступайте с мольбой и просите у римлян
мира. Таков мой последний совет». Сказал и обратно
скрылся в глубокую тьму, чтоб не видеть белого света.

- После этого стыд и боль и гнев и тревога,
290 злоба к врагам и голос молвы, что медлить опасно,
так ему в душу вошли, что он изготовился тайно
скрыться. Отъезд затаен; весь день он по площади ходит,
многих встречая людей; а только забрезжился Геспер,
он свое добро к ближайшему берегу сносит
295 и как бродяга какой, из града спешит за ворота.
В час, как быстрая ночь взошла до вышнего свода,
он тишком вступил на корабль: паруса расправляет
ветру и правит прочь от песков злополучного берега.
Вот уж Италию видно ему из открытого моря —
300 он вздохнул, полагая, что в ней — всех бедствий начало.
Хочет он еще попытать царей и железо,
лютую возобновить войну и новою бурей
мир потрясти. А уже готовый к битвам великий
царь стоял Антиох, уже кипели тревогой
305 весь сирийский путь и все города Геллеспонта,
царь уже занял Ефес — оплот грядущим походам,
флот покрывал моря, покрывала конница поле —
не было только вождя. Туда прямою дорогой
и повелел Ганнибал повернуть кормило и парус.
310 Вот миновали Дрепан, вот знакомый берег Панорма
вьется вдоль корабля; с попутным дыханьем Зефира
пересекают они Вулканову россыпь — Липары,
черный дым и грозный пепл и горящее пламя
видят обоих жерл — и прочь по спасительным волнам.
315 Есть пролив меж Бруттийской землей и недалеюю нивой
на Тринакрийской уже стороне. Иному примнится
издали, будто пролива здесь нет, и срастается суша;
и убедил моряков, что это не так, только долгий
опыт; а если взглянуть, то впрямь непрерывистым зрится
320 берег, и склоном за склон заходят соседние горы,
слившись, как прежде, по сказкам, в одну. Сюда-то направил
судно кормчий Пелор, случайно или нарочно,
но не поверил ему полководец, обман заподозрив,
будто в засаду его завели, и несчастного казнью
325 быстрой казнит. А как в скорый срок раскрылась неправость,
стыдно стало вождю, слагает он мертвое тело
под сицилийской горой, и там, где костер сожигался,
жертвенник ставит ему и кумир. Пелорово имя
носит и будет носить с тех пор гора вековечно.
- 330 Трудный покинув пролив, печестивый корабль послешает
через простор морской. Встает перед ним Кефалена,
а в стороне от нее — Закинф, не меньше обширный.
Слева от них короче был путь, когда бы дорогу
дали Истм и Коринф, рубежом рассекши два моря.

³³⁵ Кормчий, однако, об этом не знал, и педавнюю помня
 злую Пелорову казнь, убоился новой ошибки,
 и повернул кормовое весло. Из дальнего моря
 видят Мефону они — Мефону, в которой, быть может,
 был македонский замечен Филипп Ганнибаловым оком,
³⁴⁰ и помрачнел Ганнибал, одиночеством глаза обижен,
 и на Мефону взглянув, италийские тоны припомнил.
 Дальше вьется их путь меж скал ахейского моря
 там, где лежит уголок, обильный отменною пальмой,
 и на гносийские смотрит поля, обращенные к Евру.
³⁴⁵ Мимо всех островов, в священном рассеянных море,
 он, наконец, приспевает в Ефес и новое пламя
 сеет в горящую радостью грудь царя Антиоха.

Как иногда в небесах гонимая ветрами туча,
 целый край обняв и градом осыпавши нивы,
³⁵⁰ из опустелых мест торопится в новые страны,
 новые бури неся и громкие громы, — к Востоку
 так разоритель Италии плыл. Какое смятенье
 там занялось, какие он нес побоища в мыслях,
 думая лишь об одном: чтоб не ложной была его клятва
³⁵⁵ отчим ливийским богам, — об этом если начну я
 повесть, то, верно, забуду свою; так пусть же другие
 песнь поэты споют, каковы были судьбы Востока
 и как ливийский брат был в помощь азийскому брату.

Чувствуя щедрую милость богов, Сципион, не помедлив,
³⁶⁰ весь устремляет пыл к тому, чтобы пал ненавистный
 днесь и навек Карфаген; вослед призыву Фортуны
 он спешит, уверен во всем, не тратя ни мига,
 что подарила судьба. Знамена победные вверил
 он Октавию, другу-вождю, и сухою дорогой
³⁶⁵ повелевает вести полки под самые стены
 хищного града, а сам направляется в Утику спешно,
 ибо в эти же дни из Италии присланный Лентул
 с новым флотом явился туда; слив старый и новый,
 по морю вождь корабли к финикийской пристани двинул,
³⁷⁰ чтоб испытать, не дерзнут ли опять побежденные к бою,
 если Фортуна оставила им последние силы
 и не иссякла в душе надежда на бранное дело.
 Длинных вдоль берегов он плывет, утрашая заране
 ждущую пристань, трубя в громогласные трубы, которым
³⁷⁵ море шумит в ответ, и скалы, и полые гроты,
 а потрясенный эфир грохочущей схваткою звуков
 в ветре грозный их рев доносит до степ Карфагена.
 Вот наконец, окутана вся в масличную зелень,
 к ним выплывает навстречу ладья, молящим народом

³⁸⁰ полная; просят они о прощенье и мире. Ни слова
им не дано в ответ, а приказано к берегу Тинета
плыть и там ожидать вождя и римского войска.

Сам меж тем Сципион плывет к ненавистой столице,
обозревая ее к небесам взнесенные стены.
³⁸⁵ Видит: круто стоят из крепкого мрамора башни,
видит: каждый порог вратами железными заперт,
а перед каждой стеной, упряждая, стоят укрепления,
и размышляет, дивясь: «Не второй ли Рим предо мною?»
Город огромен и весь окружен морской пучиной
³⁹⁰ и укрепленной стеной, и тем безопасен. Когда бы
узкой соленой земли полоса не тянулась бы к суше,
был бы островом он. Под стеной широкою гладью
лег корабельный залив, и вход в который и выход
цепью железной закрыт, а над берегом частые башни.
³⁹⁵ Зорко глядит Сципион и взорами мерит опасность,
смотрит, как лучше войти в залив, взойти к перешейку,
как подобраться к стене и как прорваться к воротам.

Так землепашец, желая убрать с надела постылый
камень-валун или вывернуть дуб, вредящий посевам,
⁴⁰⁰ ходит вокруг, примеряясь в уме, как проще и легче
цели добиться своей без вреда для себя и для поля.
А между тем неслыханный страх наполнил столицу:
в гавани весла скрипят, над кровами трубные звуки
в небо летят, и гулу в ответ откликается ветер,
⁴⁰⁵ вдаль разнося угрожающий рев. На плывущего мимо
смотрит, дивясь, Меркурий с холма и Феб от нагорья,
смотрит весь народ, с высокой стены ужасаясь,
слышен плач матерей и мольбы, возносимые к небу.

Так над своим гнездом пичуга, испуганно видя,
⁴¹⁰ как подбирается жадный пастух, трепещет и бьется
с верхней ветки своей и полнит криками воздух.

Вот Сципион бросает причал на Утический берег,
где ожидают его войска, которые точно
к сроку Октавий привел; и тогда в Тинетские стены
⁴¹⁵ держит он путь, укрыв до поры свой флот под горою.

Но не успел он дойти, как нечаянный вестник доносит,
что приближается враг — Вермина, отпрыск Сифака,
сам приспел сюда, за отцовскую скорбную участь
несвоевременно мстя; при нем союзное войско,
⁴²⁰ скликнуто в самый последний час — явись оно раньше,
тут-то была бы беда! Он вел, свирепствуя духом,
много пеших бойцов и конных бойцов на сраженье,

ибо не знал, что разбит Ганнибал. Сципиону не нужно было приказывать строиться в строй, бросаться к оружию.
⁴²⁵ вал насыпать иль стан укреплять иль бежать под знамена — все бойцы уж были в строю, готовые к бою.
 Он приказал: быстрее шагать, упредить подоспевших и отвести удар. Бойцы повинуются; вскоре в узкой долине встречают они отряды Вермины.
⁴³⁰ Тот в тесноте кое-как расставляет своих новобранцев, те хватают мечи, сошлись, и кровавая сеча вспыхнула вновь, и резня, и стоны, и ужас, и муки.
 Некуда было бежать из теснин: до единого мужа все полегли у Вермины полки; а сам он, спасаясь
⁴³⁵ на быстроногом коне, проскользнул меж вражью силой и одиноко бежал в бездорожные горные кряжи.
 О несчастный! не лучше ль стократ погибнуть в сраженьи или, если позволит судьба, с отцом злополучным вместе делить и в Альбе тюрьму и в Тибуре гробы?
⁴⁴⁰ А Сципион сзывает свое победное войско с многой добычей: копи и брони, мечи, колесницы, платья златого шитья, блестящие гребнями шлемы — и продолжает неконченный путь. Так точно бывает, если поток у случайной преграды взбурлит, разольется,
⁴⁴⁵ все, кипя, сокрушит и умчит, и по прежнему руслу вновь течет, как тек, пегодуя о краткой заминке.

А как дошла в Карфаген молва о новом сраженьи и что Фортуна опять была против юного князя, —
⁴⁵⁰ новый ужас объял горожан, от малой им скорби вспомнилась худшая скорбь, болящие ожили раны.

Так в крушенье морском моряк, ухватясь за обломок, мечется с вала на вал: до берега путь бесконечен, вся надежда его — в древесном обломке, а если выбьет его волна из рук, злополучный рыдает,
⁴⁵⁵ словно снова погиб с кораблем. Так в тяжкое время малость ведет к концу. Молить о прощеньи и мире выбрали тридцать мужей, которых и лица и годы, знатный род и доблестный нрав возвышали над всеми.

Это — в Ливийской земле. Но еще до города Рима
⁴⁶⁰ не докатилась молва, что война завершилась со славой. Был озабочен Сенат молвой о мятежниках афрах, а уstraшенный народ ужасался знаменьям божьим многим и злым. В полуденный час увиделось Солнце малым на вид и тусклым на взгляд; земля содрогнулась,
⁴⁶⁵ дрожью великой, расселась, как щель, поглотила немало плодоносящих дерев и грозную пасть не сомкнула;

Тибр в разливе своем нарушил свирепым потоком
грань берегов, и раскатом воды, дотоль не бывалым,
перепугал народ. На самом холме Палатинском
470 выпал каменный дождь. Тогда в Сивиллиных книгах
ищут ответа жрецы, по приказу и воле Сената
священнодействия верша. Верховный первосвященник,
перепоясан по чину, воззав к Юпитеру, к вышним,
к помощи грозной Царицы небес, к Латониным звездам,
475 тучного в жертву быка приносит Марсу, который
римской державе отец, а с ним — сестре его злобной,
Лединым чадам почет воздает и Фуриям лютым,
Хаосу и Земле, что всех породила бессмертных,
к нимфам, владычицам рек, к большому отцу их — Нереею;
480 так на всех алтарях вперебор, не давая остынуть,
богопочтительный люд громоздил избыльные жертвы.

После того, как обряд смягчил угрозы всевышних,
новый консул спешит, по имени Клавдий, из Рима
на африканский брег. Несчастливого тщетная мучит
485 жажда славы: хвалу стяжать он хочет навеки,
путь же к тому один: с изволения сенатского сонма
равную должность и честь с великим делить Сципионом
и одинаково с ним нести военное бремя.
Был недоволен народ, однако волю Сената
490 Клавдий сумел склонить неустанными просьбами. Часто
случай тщеславы бывал отказ сменить на удачу!
Сколько трудов за постыдную честь! Но Сенату с народом
наперекор природа сама пустить не желает
в долю его к вождю. Заградились дороги: стихия
495 в негодованьи взмутила моря жестокою бурей!
От лоретанского берега пловцы отошли без опаски,
с песней в веселых устах: попутные веяли ветры,
волны плескали о борт, напористым веслам и носу,
резавшему волну, отвечало приветливо море.
500 Вдруг внезапная буря взмела и поставила дыбом
воды; из темных пещер Эоловых вырвались братья,
неукротенно сотрясши и твердь, и землю, и море;
Тотчас корабль раскрыл паруса, подставил их ветрам —
тщетно! С разных сторон кипит волнением море —
505 носит флот туда и сюда, кружит бушеваньем
вихря, и нет снастей удержать направление хода.
То Аквилон, нанеся удар, ломает кормило,
то с другой стороны паруса измокли от Австра,
и, подхватив разбухший корабль, прибой его мечет
510 вновь в авсонийский брег. Вершина вознесшейся мачты,
как ни уйди в облака, а все орошается морем:
ходит тирренская зыбь буграми и плещется солью.

А как откатится яростный вал из моря на сушу —
 тотчас растет на глазах тосканский берег, сухие
 515 доли открыты волне, на песке трепещут дельфины,
 и на прибрежных камнях трещит разбитое днище.

Ночь окутала небо во мрак, но молнии блещут
 по окоему небес, и разят отовсюду перуны.
 Море горами встает, и черны кипящие воды.
 520 Клавдий двоится душой, рисуя грядущую участь,
 стынет, дрожит; объял его страх; уже проклинает
 он решение свое, уже ему стыдно желанья
 подвигов, он готов отказаться от ратных смятений,
 великодушному в должную дань уступить Сципиону
 525 вечную честь и славу войны, и награды, и званье,
 а самому — в родовом на земле упокоиться склепе.
 Так помышлял он — но Евр рванулся с высот калабрийских
 и оттолкнул корабли. Популония первая видит
 флот изможденный; за ней — окаймленная пеною Ильва;
 530 дальше — скалистая Корсика флот приняла на утесы;
 дальше — Сардинии северный брег; оттуда обратно
 гонит несчастных бушующий вал и смеляющий вихорь;
 большая часть кораблей поддалась морскому напору
 и погрузилась на дно; другие о черные скалы
 535 раздроблены, и тела моряков на жестких камнях
 трупами стыннут; иные суда отброшены морем
 вспять к этрусской земле, и люди только мечтают
 на итальяйском сгореть костре погребальном. А Клавдий,
 полубезумный, едва с кораблями от гибели спасшись,
 540 еле приплыл в сардинский Карал. И здесь, обновляя
 флот, среди постоянных забот и памяти бедствий,
 был застигнут зимой. Не пришлось финикийского берега
 видеть ему, не пришлось услышать испуганным слухом
 шума войны; весь консульский год потратив без славы,
 545 перетомив корабли и пливших бойцов с кораблями,
 он, сложив свой консульский сан, возвращается в Город.

Между тем и до Рима дошли счастливые вести
 о торжестве на войне. Растворяются в городе храмы,
 правится божеский чин. Спешат к алтарям горожане,
 550 благодарить богов за общей мольбы утоление.
 Изгнан враг из страны, снялось грозившее выям
 иго жестоких владык; и битвы и страхи о битвах
 ныне на той стороне, у злого стен Карфагена;
 сам источник войны, сам вождь — всех бедствий причина —
 555 и укрощен, и пал, и нечего больше бояться.

Здесь, однако, другое встает, как пожар, суеславье,

и зачинатель его увлекает мужей и в народе
и в Сенате. Другой Корнелий, прозванием Лентул,
избранный консул, хотел свою власть и душу и имя
580 выше всех отличить в решительный час африканской
брани, так рассудив: наступит ли мир — он предстанет
славного мира творцом; продлятся ли прежние битвы —
будет ему легко над измученным вражеским войском
верх одержать и награду стяжать. Вот так-то пылал он
585 после чужих трудов возыметь недостойную почесть
и, не посеявши сев, собрать обильную жатву.

О жестокая пагуба душ, о страстная похоть
к славе, сколько раз вредила ты власти латинской!
Я вопрошаю — и пусть это будет сейчас отступленьем,
570 но удержаться не в силах рука: вы, римскою речью
мнящие быть превыше других, скажите: такая
где и когда пылала вражда меж равными духом?
Вы назовете мне мощных вождей, и царей, и народы.
Так; но — пусть молчит пристрастье и черная зависть! —
575 кто из вождей вершил столь великое дело? и разве
был соперник у них на пути, вторгалась ли в дело
зависть, как пагубный яд? Когда уже на исходе
был победительный год — запрещал ли враждебный товарищ
им продлить свою власть? Когда выступали на битву —
580 «нет!» — говорил им народ? А те, кто к войне опоздали, —
разве смели они отзывать воевавших до срока,
разве смели мешать пополнять им пешее войско,
конное войско и флот и платить достодолжную плату?
Царь своим умом управляет и властвует в царстве —
585 нет над царями чужих советов, чужих повелений:
каждой их войны в их власти конец и начало —
по усмотренью они и берут и слагают оружие,
сами они выбирают пути, чтобы двигать знамена;
им не опасен предшественный вождь, которого леность
590 нужно загладить мечом, не дав отдохнуть легионам;
им не опасен товарищ-гордец, который бросает
их полки на верную смерть в опасную битву;
им не мешает в их замыслах страх, что достигнет преемник,
и оттого второпях не приходится гнаться за славой!
585 Что уж тут говорить о тяжбах, какие бывают
в спорах о доблести, чья она истинна, чья она мнима,
чтобы себе присудить иль отнять у другого награду!
Верьте моим словам: всех благ любезнее слава,
но не от легких ее стрекал возбуждаются души
600 сильных и знатных мужей и стучит благородное сердце!
Если бы не было этих забот, то кто усомнится,
что Сципион бы принес Карфагену последнюю гибель

и под пятою судьбы поделом бы дробились руины!
 Сам, вернувшись с войны, не раз, говорят, сожалел он,
 405 что сокрушилась бы в прах твердыня высокая Бирсы
 и ненавистный род финикиян, и племя, и дома,
 и божества, и название само, — когда бы тщеславный
 Клавдий в своей слепоте, а после Клавдия — Лентул
 не поддержали плечом задрожавшую вражью твердыню!
 410 Впрочем, я полагаю так, что оставили боги
 внуку его в удел повторно их имя прославить.

Вижу, однако же, сам, куда я зашел и откуда,
 и возвращаюсь. Когда Сципион-победитель к Тинетской
 крепости подступил, из ворот ему вышли навстречу
 415 скорбные видом послы, на нетвердых колеблясь коленях,
 и с униженьем в лице, и с унынием в жалостной речи
 слезные молвят слова о судьбе, о своих заблуждениях,
 о Ганнибаловом злом свирепстве, о бедствах безвинных,
 павших на город родной, и прощенья просят. Но к просьбам
 420 глух Сципион: финикийский обман, попирающий верность,
 и беззаконно нарушенный мир — помехи для слуха.
 Собран военный совет, но и здесь все души пылают
 лишь об одном: огнем и мечом казнить вероломство,
 и ни один не подан за мир в собрании голос.
 425 Многое с этим не в лад: и тяжесть долгой осады,
 и появленье другого вождя, о котором толкуют,
 будто придется ему уступить столь громкую почесть, —
 но ни великий дух, ни твердый ум Сципиона
 поколебаться не мог соблазнами ветреной славы:
 430 выше взирал его взор, туда, где в небе и в звездах
 доблести чистой краса. Однако советников верных
 тронуты были сердца, и суровый суд Сципионов
 им удалось умягчить, склонить на слезные просьбы
 и умолить снизойти до желанного плачущим мира,
 435 тем положив конец войне.

Так сторож в деревне .

в страхе ночных покраж собирать начинает до срока
 сбор, который еще не дозрел; так пастырь при стаде
 ищет гнезда в ветвях и бесперых птенцов вынимает,
 чтоб унести, пока не сползлись ядовитые змеи.

440 Вновь завиделся свет послам после стольких покорных
 просьб; такие слова Сципион им с горечью молвил:
 «Род нечестивый, побитый в войне, еще ли не веришь,
 что в небесах есть Бог, блюдущий деяния смертных,
 верный судья всех дел, ненавистник всех преступлений?
 445 Род свирепый, враждебный добру, очнись же хоть ныне,
 в стольких бедах научась, свою зловредную ярость

свергни с души! Навек ли тебе одно наслажденье —
ложь и обман? когда ты отринешь их, род вероломный?
Мы же, напротив того, заслужившим жестокою кару,
вам пощаду дарим, смирив справедливые гневь!
850 Будет ваш город стоять, как стоял, останутся целы
стены, ничто не возьмет победитель из ваших пределов;
рабский удел заслужив, от нас вы получите вольность!
Требуем лишь одного: зачинщика войн, Ганнибала —
855 в нем — источник всех зверств: не нам, а себе же на благо
вы исторгнете прочь того, при котором не может
быть и надежды на мир. В груди его — бранные севы,
всходы которых самим вам столькою стоили крови.
Это — месть за столько смертей в италийских сраженьях
860 и на своей же земле, за богов, которых без счета
он оскорблял; отдайте его — и от вечного страха
освободите весь мир, оба города, оба народа.
Далее: пусть в Ливийском краю ни единый не будет
слон приучен к войне; а приученных выдайте сами
865 всех до единого. Все обиды, которые были
нанесены послам под сенью притворного мира,
будут отплачены. Все корабли возвратятся из плена.
Все остальное решится легко по старым уставам,
кои назначил я вам, когда вы меня обманули
870 именем мира. Судьба не прельстит нас случайной удачей
и не надломит случайной бедой. Пусть знает об этом
ваш сенат и народ, — а если охота к обману
в вас не прошла — попробуйте вновь!» Исполненным страха
так сказал Сципион.

875 Город злочастный весь трепетал, в народе вставала
смута, был долог раздор о решенье; однако настало
время скорбно принять приговор. О жизни и смерти
речь.

Когда висит над кустами терновыми ястреб,
птаха, завидев его над собой, от страха не смеет
880 пошевелиться и в сеть и в руки идет птицелову —
столь дорога душе отсрочка беды неминучей!

Вот отправлено в Рим Карфагеном другое посольство;
первый в нем человек — Гасдрубал, прозванием Гедус,
вечный враг войны и вечный лелеятель мира,
885 муж, почтенный маститым лицом, годами и нравом,
но не имевший сил к борьбе с Ганнибаловой славой.
Трое было при нем италийцев, послушных приказу
из Сципионовых уст. Но консул Лентул, упорный
в жадном тщеславье своем, не хочет впустить их в столицу,
890 ибо желал он войны и гнушался честно и мирно

переговоры вести. С трудом его одолели,
и собралась Сенат и пришельцы во храме Беллоны.
После того, как вошли посланцы в собрание Сената,
долго они, старики, величаво хранили молчанье;
их седины, суровость лиц, склоненные выи,
сбитые в космы власы — все влекло удивленные взоры
и волновало сердца. Тогда-то они объявляют:
мир привел их сюда, их речь от чистого сердца
молит о мире, и чужд им обман. Такими словами
начал речь Гасдрубал:

«Неправы, кто полагает,
будто противно богам прощение. Жив я надеждой;
так говорю вам, отцы сенаторы, коих равняют
мощью и честью богам. Моя усталая старость
долгие годы учила меня отвращению к жизни —
пуще же после того, как юноша некий замыслил
новые войны, объял меня страх: грядущие беды
издавна я распознал. И разве молчал я на это?
Нет, язык мой страха не знал: мой опытный возраст
духу мне придавал. Тому свидетель Юпитер
с сонмом небесных богов, тому свидетель — великий
некогда Карфаген, ибо слава его переходит,
вижу я, к Риму! Не раз перечил я слову и делу
юноши; часто, своей седой головы не жалея,
смерти глядел я в глаза — товарищ тому и свидетель —
друг мой, чистейший Ганнон, а подобных Ганнону вовеки
не было в нашей земле, не в обиду сказать Гамилькару!
В те еще дни, как мальчишкой злодей лукавою речью
льстил, убеждая отца, на Испанию ведшего войско,
взять его с собой, и принес священную клятву
над алтарем — чудовищней нет! — немалая распря
вышла меж ним и мной, и стал мне страшен горячий
пепел; но я не пенял, простив ему детскую пылкость.
Лишь по кончине отца — случиться бы этой кончине
раньше, когда бременил Ганнибал материнское чрево,
а не просторный мир! — не забывший урока мальчишка
вздумал идти в Гесперийский поход, надменный и страшный.
Все безумцы его поощряли, а толпы народа
в нем прославляли отцовский дух и облик и речи.
Вышел я против него, но тщетно: он выступил в битвы,
свычный держать неправую власть и оружие смерти.
Как из горячего пепла возшло горячее пламя,
и разгорелось в великий пожар Авсонийскому миру,
видели вы вчера, а мы его видим сегодня:
где начался, туда и вернулся огонь беспощадный.
Веры мне не дадут, но силы небесные знают
и подтвердят: не меньше страдал я сердцем о ваших

бедствах, чем ныне скорблю о судьбе моего Карфагена, —
ибо порядок вещей справедлив и всегда неизменен,
и вереницею бед ведет из Лация к нашим
740 землям: покинувши вас, снedaет свирепое пламя
нас и наши дома. Простите, отцы, поминанье
кровопролитного дня, за который равною кровью
мы расплатились теперь: когда о битве при Каннах
весть пришла и заполнила весь наш алчущий город, —
745 только мы вдвоем ликованью народному были
чужды мрачным челом и вредны перекорною речью.
В эти самые дни веледушный Ганнон воспророчил
все, что не минуло нас; но тогда враждебные судьбы
наш злополучный народ влекли в дальнейшие беды,
750 и не дала благотворным речам Фортуна проникнуть
в слух, а на очи людей обманчивый вскинула полог.

Будьте же, римляне, к нам снисходительны! Бог и Фортуна
души людей увлекли, людской неподвластные силе.
Впрочем, не стыдно ль винить богов? Мы все виноваты,
755 все мы сбиты с пути. И больше того: утверждаю —
что невиновен народ: одно безумное сердце
пыл и буйство взнесло по воле судьбы непреложной.
Я повторяю — и пусть прослыву глупцом говорливым!
нет на народе вины — вина лежит на немногих,
760 тех, кого опутал обман — таково мое слово! —
тех, кто велеречив, спесив, деяньями предков
перед народом кичлив, забытые их истуканы
ставит всем напоказ, а все чужое поносит,
в жажде вождем вести толпу, кипящую злобой.

765 Впрочем, дозвольтe и мне пошутить. Откуда вы сами?
Горцы — ваши отцы, пастушьим слывете вы людом,
и неспроста глаголет молва: по Марсовой воле
неукротимых дотолe царей, искушенных во бранях,
вы усмиряли, как робких овец: под вашею властью
770 все народы — послушней ягнят. Всеведомо миру,
что изошли вы от многих племен и от Марсова корня:
Марс ваш отец — о том говорят все подвиги ваши.

Где же теперь вредоносная чернь? в какие потемки
скрыл ее низменный страх? Почему не видеть краснобаев,
775 чтобы вводить в обман бедняков и бездельников праздных,
разную разность суля? Воротиться бы им, показаться
чтобы иных, кто впрямь виноват, заковать бы в оковы,
да поручить юнцов старикам! Поверьте, не больше
радости ваш Сципион в триумфе своем испытает
780 на Капитолии, нежели я, когда бы в колодках

нашего злого вождя сюда приволок своеручно:
лучший трофей для отчизны моей — сей худший ей недруг!
Он, вероломный, и сам, поверьте, меня, Гасдрубала,
злей ненавидит, чем тех, кого величает врагами:
785 так же страшно ему тащиться в вашем триумфе,
как и предстать мне на суд. Оттого-то проклятый и скрылся
в полночь, в глухой темноте, не в силах вынести взгляда
наших глаз, пред которыми он — всех бедствий причина:
страшно ему посмотреть на отчизну, готовую рухнуть!
790 Город сей погубив, уходит он тихо и тайно,
выбрав изгнание уделом себе, потому что сограждан
страшен ему и глас, и вид, и гнев, и расправа.
И поделом: висеть бы ему на кресте смертоносном
жалким кормом для птиц, потерявшим обличье трупом!
795 Быть бы ему в морскую волну низвергнутому пищей
хищным рыбам, чтоб псы морские его растерзали!
Хоть бы какое нашлось чудовище нашей пустыни
новое изобрести терзанье ему по заслугам!
Да, не напрасно его хотите призвать вы к ответу:
800 он — в ответе пред всею землей, и вами, и нами!
Я бы доставил его, не живым, так растерзанным в клочья,
с черепом, голым на страх. Удовольствуйтесь этим желаньем!
римляне, молим о том! А все, что угодно иного
вашему было вождю, охотно и с полным согласьем
805 наш приемлет народ. Вот грамоты наши, взгляните:
все в них одно к одному. Возмездие краше возмездий —
молвить простертому «встань!» Нет выше победы на свете,
чем над своею душой, потому что самый счастливый —
тот, кто меру свою блюдет и счастье находит
810 в скромном нраве и скромном лице. Иным с непривычки
это не так легко, если радость им ведома редко,
если внезапна она и если душа не умеет
брать себя под уздцы. Но вам, привыкшим к триумфам,
вам пощада должна великим быть наслажденьем.
815 Рим возвеличил себя не только могучим оружием,
но и умением прощать. Полагаясь на вас, благочестных,
мы, оружие сложив, прощения вашего просим.
Будьте к просящим добры! вам довольно сознания силы:
многая слава для вас — победить, но большая слава —
820 не уничтожить. А те, кому по заслугам довлеет
кара и правая месть, — о них положили уставы
боги, чья память тверда, а где не довольно, — добавил
сам Сципион. В остальном — победитель, прости побежденных!
И да явится вам немалою частью возмездья
825 то, что пред вами стоит, моля о прощенье и жизни,
сам старик Гасдрубал». Закончив такими словами
речь, он главу седую склонил в молчании скорбном.

Вслед иные послы, простершись во прахе, взмолились
слезно к сенатским отцам, наполняя громким рыданьем
830 храм.

Вот так же порой, у костра погребального стоя,
старец о сыне своем проливает горькие слезы,
между тем, как в доме вопит безутешная мать,
космами спутав власы, царапая щеки, от крика
вся в поту и пустой эфир стенанием полна.

835 Стало от слышимых слов смягчаться в сенаторах сердце
гневное, стали они склонять снисходительней к правым
просьбам суровый дух. Тогда из оных единый,
на вероломство обиду держа финикийское, молвил:
«Прежде скажите, каких богов в свидетели мира
840 будете звать, чтобы новый мир не попраля, как прежний?»
Вскинув безгневно чело, Гасдрубал отвечает: «Все тех же,
коим попрание клятв ненавистно: мы ими кляпемся
новый мир по-иному блюсти». Такое реченье,
спорам конец положив, просветляет лица и души,
845 и подтверждают отец за отцом заключение мира.

Вновь на то Гасдрубал: «Да будут вышние боги
к вам благосклонны за то, что достойную нашего буйства
вы отменили казнь и гнев сменили на милость!
Ныне же вас прошу об одном, не к врагам обращаясь,
850 а к господам и друзьям: исполните наше желанье
и допустите войти в священные римские степы,
дайте граждан узреть и глянуть на пленников наших.
В долгом моем пути достойная будет награда
и утешенье за старческий труд, и венец предпринятья -
855 дальней море проплыв доброхотно, воочию видеть
Рим, вселенной главу». На просьбу дано дозволенье,
И преступают послы порог великого града.

Верно, так цепенел, коль сказка не лжет, вознесенный
вдруг в высоту небес с зеленых пажитей Иды
860 Лаомедонтов сын, повиснув в кружащихся звездах
и из эфира внизу илионские видя дубравы.

Апшневые врата приемлют и мрамор порога
стопы вступивших мужей. Пред ними Паллантеевы стены
встали вокруг холма, на котором дворец возвышался
865 древле Евандра-царя, начало славного града.
Здесь начертанья резных письмен и аркадянки вещей
дивные чудеса и божественный дар благодатный
им изъясняет ведущий их в путь, и книги Карменты --
как они найдены здесь и какая латинскому роду

¹
⁸⁷⁰ польза была от премудрой жены, почитаемой вечно.
 Справа Целийский холм, а слева встает Авентинский,
 и на утесах его крепостные виднеются стены
 и примечательный грот. Любопытные путники медлят,
 слушая плавный рассказ о трудах Геркулеса и Кака.
⁸⁷⁵ Здесь и Свайный мост и пестрый столб, сохранивший
 память о Коклесе, яром бойце, и конная дева,
 чей истукан приковал их взоры суровостью лика.
 Капище Солнца дивит и храмов золотые чертоги,
 тоже и храм Земли;
⁸⁸⁰ а вот на святой Капитолий
 всходят послы, как будто их путь под самое небо.
 Слышат о том, как здесь, копая, нашли человеческую
 голову, и вспоминают с тоской карфагенское диво —
 чудо-быка, который им стал предвестием многих
⁸⁸⁵ тяжких трудов и склоненной главы под позорное иго.
 Здесь — Юпитеров храм, которого в мире богаче
 нет, и сокровищный дом под самой высокой скалою,
 здесь — порог, к которому шли триумф за триумфом,
 и четверни, что снега белей, и вражьи доспехи,
⁸⁹⁰ и золотые с чела великих царей диадемы,
 скиптры владык, запястья с десниц, ожерелия с гордых
 шей, и седла в слоновой кости, и жемчужная сбруя;
 здесь они обломки судов, финикийские стяги
 и украшения свои узнают, и в каждом безмолвный
⁸⁹⁵ всходит стон при виде следов былых поражений.
 Дальше идут и смотрят на птиц в серебряной клетке —
 память, как громкий их клик отразил наступавшего галла.
 Видят вокруг могучих мужей и почтенно одетых
 жен, и большие дома, и высоко вставшие своды,
⁹⁰⁰ все — в добычах, снятых с врагов, и повсюду заметны
 знаки триумфов былых, где в мраморах резапы битвы,
 и вереницы почетных гробниц. Глядят, как втекает
 в город сверху и снизу вода. В Субурской долине
 видят Цезарей дом, которому многая сила
⁹⁰⁵ предсуждена и верховная власть. Из этого дола
 всходят они, приустав, к Эсквину, потом к Виминалу,
 после, перевалив Квиринал, высоко вознесенный,
 дальше идет и двух нагих исполинов могучих
 видят перед собой — творения, равные славой,
⁹¹⁰ чьими творцами слывут Пракситель и возвышенный Фидий
 Здесь содрогнулись они, увидав за широкой стеною
 вставший дворец Сципиадов и слишком знакомые знаки
 им по ливийской войне горделивого званием рода.
 Путь отсюда налево пролег, к Фламинийским воротам —
⁹¹⁵ тем, за которыми даль открывается Тускского края.
 Вышедших их из ворот приемлет обширное поле

Марсово возле реки, хранящее долгую память
 дел, свершенных в былом. Повелось откуда почтенье
 к розгам, связанным в пук, как сердце смертельно пронзила
⁹²⁰ чистая духом жена, кому доверено вольность
 в Риме блюсти, как отец сыновей суровой секирой
 сам казнил, как город изгнал гнетущих тиранов,—
 все они узнают и всюду смотрят. Налево —
⁹²⁵ храм Минервы, за ним — других небожителей храмы,
 краше один другого. Поток глубокого Тибра
 все переходят и вот на правом возвышенном берегу
 в Тускском стоят краю. Показал им дорожный вожатый
 оный великий валун, носящий Ромула имя,
⁹³⁰ и рассказал о том, в каковой невиданной буре
 к звездам вознесся Квирич,— тою бурей, которая ввергла
 в ужас Сенат, пугая его затемнением Солнца,—
 так он о Прокуле сказ ведет близ Козьей трясины,
 но об отцах преступных молчит. Вдоль берега Тибра
 следуя вниз, они видят и холм, где древнего Яна
⁹³⁵ был дворец, а вблизи — Сатурна старинные кровы.
 Здесь они узнают о началах латинского рода
 и авсонийских царей, имена знаменитые слышат:
 здесь-де царь Итал, чье имя на вечные веки
 живо в названье страпы, здесь — Пик, от которого деды
⁹⁴⁰ происхождение чтут, а нынче — убежище беглым.
 Дальше преданья память хранят о войне многолетней
 и о царях, наступавших на Рим с клузийскою силой,
 и о Порсенне, пред кем казнил незаслуженной казнью
 Муций неверную руку свою, возложив ее в пламя.
⁹⁴⁵ Ликаонийский мост перевел их опять через реку
 там, где остров лежит на пути; но вряд ли поверить
 можно было рассказу о том, как чудесная насыпь
 образовалась в реке от сброшенной царской добычи.
 Дальше они идут по левобережному лугу
⁹⁵⁰ и узнают про Фабиев дом, про горькую участь
 рода, которому столько смертей судила Кремера.

На Капитолий они воротясь, присели, усталым
 отдых давая стопам, и долго сидели в молчанье,
 перебирая умом все то, что видели очи,
⁹⁵⁵ все, пред чем поражалась душа. Но тут предстает им
 толпище тех, что томились в плену. Стояли уныло
 длинной они чередой; опухли бледные лица,
 падали космы волос, не стриженных и колтунами
 сбитых, на плеч наготу, желтела нечистая кожа
⁹⁶⁰ и он немых тел разносился нерадостный запах.
 Груз железных оков заставлял их медленным шагом
 переступать; рукам тяжелые цепи мешали

милых в объятья принять; слова из уст излетали
 нежные, но заглушал их оков содрогавшихся грохот,
 965 медный стук и скрип; и только слезы по лицам
 от умиленья текли. Что с родиной, что с Карфагеном,—
 спрашивают они,— и какие хранят побежденных
 боги?

Когда в преисподнюю сень, где мертвые души,
 сходит новая тень, нисторгнувшись из нашего света,
 970 казнь принять, сужденную ей, тогда набегают
 сонмы тревожные душ, теснятся, слушают гостью;
 эта о сыне своем, а та о вдове вопрошает,
 что с кем сталось, а та — об отце и матери дряхлых,
 эта о брате родном, а та тоскует о друге;
 975 но одина у всех забота о родине общей:
 кто на виду? кто на троне сидит? кто движет браздами
 власти? какая идет война, и хватает ли мира?
 Все желают узнать, зияя бескровными ртами,
 души, полные прежних забот.

Вот так, из темницы
 980 выйдя, теснятся рабы к гостям, и не молкнут вопросы.
 После того, как плач приутих, Гасдрубал мягкосердый
 речь обращает к своим и просит собрать хоть немногим
 выкуп: уж верно, ему победитель ни в чем не откажет.
 Кто кому знаком, имена составляются в списки
 985 с просьбой взятых вернуть. Таких отобрано двести;
 коих от грязи отмыв, Сенат благочестно и кротко
 повелевает вернуть во имя крепкого мира
 в Африку, платы не взяв никакой, как дар от народа.

После того, как все свершено по должному чину,
 990 к Риму, прежде врагу, а ныне лучшему другу,
 стоя у стен, Гасдрубал обратился с прощальным приветом:
 «Град, любезный богам, средоточие круга земного,
 слава мира, земля, мужей родящая славных,
 995 мощный оружием край, обитель богов, самолучший
 Рим, прощай! Теперь отойду в мою смертную участь
 с легкой душой: на земле что хотел я увидеть — увидел!»
 Так сказал Гасдрубал; и, покинув Тибрское устье,
 он, преуспев, плывет в отчизну, а пленные толпы
 следом плывут за ним.

Если можно земное с небесным
 1000 сравнивать, вечное — с тем, что смертно, великое — с малым,
 то воистину так, разрешив Свои узы, спустился
 с неба в мощи Своей, сломив довременный Гартар
 гласом Своим Господь, уводя в родные пределы
 скорбные сонмы душ, истомленных долгою мукой.

¹⁰⁰⁵ По возвращенье приемлет его Сципион-миротворец.
Мир угоден вождям и угоден обоим народам.
У алтарей заключен договор; свидетели — боги;
доброю жертвой простерта свинья; безоружные длани
соединяют вожди. В Италии воля Сената
¹⁰¹⁶ дело скрепит вождя, запишет в старинные книги
мир по уставам отцов, подтвердит устав и присягу.
А Сципион, столь долгим трудам завершение видя
и собираясь в счастливый отъезд, награждением занят
и похвалою бойцов, одаря щедрой рукою
¹⁰¹⁵ каждого. Цирту и все бывшее царство Сифака
он Массиниссе дает, ему на каждой границе
смежных прирезав земель по заслугам. Кто сдался на милость,
тем он велит царю — царю и римское — Риму
по уговору воздать. За наградами он наказанья
¹⁰²⁰ по справедливости всем, кто в чем виноват, назначает.
Он не суров к рабам, полагая, что рабской природе
бегство сродни, а верность чужда. Но если свободный
воин покинул строй, то он заведомо должен
высшую казнь понести. Кто забыл присягу и верность
¹⁰²⁵ и в ненадежный миг присяжное бросил оружие:
римских граждан шлет он на крест, а граждан латинских
шлет под топор — снести с трепещущей голову шею.
Распорядившись так, велит он отчаливать флоту;
сопровождая сенатом и всем дивящимся людом,
¹⁰³⁰ он к африканскому берегу идет и своим провожатым
пред отправлением в путь гласит любезное слово:

«Так! живите, довольны своим! живите, о вышних
помня богах! не дайте слепой завистливой страсти
вновь обуять вас войной! пространны ваши границы,
¹⁰³⁵ писан ваш закон по старинной вольности отчей.
Слава гремит о тех, кто широким властвует миром, —
но безопасней покорствовать тем, кто добр. На покое
жить — ваш долгий удел; а наш удел — бесконечно
и неотступно нести трудов суровое бремя.
¹⁰⁴⁰ Если где-нибудь враг воздымет меч обнаженный,
если к новой войне взбунтует словом и делом,
наша забота и труд — преступных карать повсеместно.
Вам же — мирная жизнь, свободным от всяческих распрей,
ваша защита — в нас, и она всегда наготове;
¹⁰⁴⁵ вам не в обиду она — меж вами и римским Сенатом
я — посредник. Учитесь теперь спокойствию в жизни,
мир возлюбите, забудьте навек мечи и сраженья,
если только вас не напрасно дважды учила
миру Фортуна войной. А прежде всего позабудьте
¹⁰⁵⁰ море судами пытаться. От скольких опаснейших бедствий

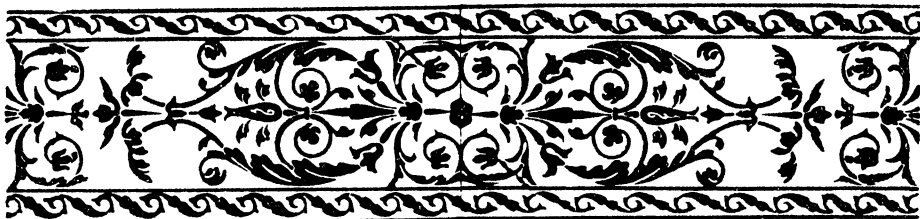
вас я освобожу, от каких трудов и несчастий!
 Флот ваш будет сожжен — тот флот, что по целому морю
 грабил все берега, тот флот, что первой причиной
 был для вашей беды, когда к Авсонийским пределам
¹⁰⁵⁵ вас побудил переплыть полноводную эту пучину.
 Если вашим очам не любы зрелища злые,
 душу свою сумеете сдержать: представьте, что это
 вам отсекли зараженную плоть. Ужель не довольно
 вам просторов земных по эту сторону моря?
¹⁰⁶⁰ Вдосталь вам и земли для блужданий — погибельно море,
 хоть и влечет человека оно. Блюдите же вашу
 долю, с нами держите совет, заботы и страхи
 о Ганнибале оставьте навек, лишь храбрость храните.
 Если о чем начнутся у вас в делах разногласья, —
¹⁰⁶⁵ слушайтесь старцев своих». Сказал и десницей десницы
 их пожимает, а старцы к стопам вождя припадают,
 и на коленях пред ним Ганнон достойнейший — справа,
 слева — Гед Гасдрубал.

Когда весь римский отчалил
 флот, велел Сципион задержаться и дал приказанье
¹⁰⁷⁰ все предать огню корабли врагов побежденных.
 Так ни один над морем пожар не взбрасывал искры,
 так никогда за судьбу своих вод не боялась Тефия
 с самой той поры, когда колесницы отцовской
 Солнцев сын пожелал, и зажгло бегучее пламя
¹⁰⁷⁵ небо и целый мир. В какие века ни заглянешь —
 только этот пожар и мог казаться опасен
 богу Нептуну в морях, а не тот, в котором сторели
 в прежней войне от римских огней финикийские струги,
 и не тот, где афинский флот, спартанцами схвачен,
¹⁰⁸⁰ на сиракузских горел берегах огнем над водою.

Оцепенелой толпой финикияне скорбно стояли,
 словно лишались они всего, любезного в жизни,
 словно их жен и детей и твердыни и капища божьи,
 словно весь Карфаген пожирало пылавшее пламя.

Предуведомление к песни девятой

*От Тинетийских плывет берегов Сципион-победитель,
легкие ветры несут победный флот, парусами
свежий воздух шумит; в ответ Сципионову слову
Энний ведет рассказ о том, что значит лавровый
дар, и в чем состоит священная цель стихотворцев,
и каковой пророческий сон пришлось ему видеть;
после сего достигают они Италийского берега,
и Сципион, владыка и царя и вождей побежденных,
к Капитолийской грядет высоте в золотой колеснице.*

ПЕСНЬ ДЕВЯТАЯ

Бегом быстрых челнов бороздит Сципионово войско
мирного моря гладь — не вскипает бурей пучина
гулкою, ветры молчат и мнится: чуткая влага
путь победителя чтит. Таких не бывало доселе
5 кротких вод, не бывало небес веселей и яснее —
глянь, как мятежная хлябь, как стихий совокупность природных
ныне послушно вождя ублажают! Оставив далеко
берег Африканский, бодрятся пловцы удалые напевом
ратным и режут волну ударами тяжкими весел.

¹⁰ В тихом раздумье сидел на корме корабля головного
Энний, подвигам всем соучастник и верный свидетель, —
тут-то к нему Сципион, наконец, приступает и словом
ласковым будит от дум: «Ужель не нарушишь молчанья
ты, среди стольких трудов любезный мой утешитель?»

¹⁵ Молви, молю! ты зришь, как мое истаяло сердце
в вечных заботах, всегда ты умеешь сладостной речью
мне помочь — помоги же теперь! Так вымолви слово,
если всевышний тебе Аполлон даровал при рожденье

чудного дара мощь, если сонмом святые камни
 20 в быстрых Кастальских струях тебя младенцем купали,
 если открыли тропу по отрогам крутым Геликона,
 если вручили калам и голос и разум Поэта!»

Выслушал Энний и так отвечал, тряхнув головою:
 «О молодой первоцвет Италийский, о божьего рода
 25 верный оплот! тебя ублажу какими речами?
 что повелишь? Хоть я и молчал, но единую думу
 думал: не дастся зреть вовек никаким поколениям
 дела знатнее, чем то, которым любитесь наше
 время, и будет нельзя никому, кто решится затеять
 30 нечто великое, не помянуть средь чайний гордых
 имя честное твое хвалою — всяк Сципиада
 вспомнит, за дело берясь, и почтет наилучшей наградой
 счастье взглянуть на лицо твое. Однако по смерти
 слава твоя наипаче возрастет, ибо злобная зависть
 35 гложет живых, а смерть ее укрощает, смиряет
 и от могилы гонит прочь. Давно твоя слава
 язву сию одолеть успела — и так, безущербна,
 пыне вспарила от пагуб людских и от подлых пороков,
 вровень с богами взнеслась; но верь знатоку, что посеет
 40 жизни твоей предел семена плодovitые славы
 наигромчайшей: чем далее сам от смертного часа
 канешь в былое, тем пуще тебя удостоят хвалою, —
 временем кормится честь, и будешь ты именем знатен
 вплоть до скончания дней, ибо доблесть не явится краше,
 45 но вернее, боюсь, истощится. Наша словесность
 ныне еще не сильна достигнуть меты достодождной,
 ибо от скудных корней недавно явилась, а прежде
 Лаций песен не знал, пробавляясь сказаньями греков.
 Вот потому-то снедаем я был досадой и гневом,
 50 что не обрящет себе по заслугам глашатаев добрых
 знатная доблесть твоя. Великий царь Македонский,
 камень могильный узрев Эакида-пращура, молвил:
 «Юноша, сколь ты счастлив, что такой достался глашатай
 чести и славе твоей!» Да и впрямь, немалое счастье
 55 знатым делами мужам обрести стихотворца по чину,
 дабы деяний красу приумножил он звонкою песнью,
 увековечив хвалою нетленную доблестей память,
 А для тебя, о вождь из вождей, которому годен
 разве Гомер, — для тебя вопрекор ласкательствам прочим
 60 только меня и нашла судьба! Быть может, с годами
 тот народится на свет, кто должною песнью до неба
 превознесет и почтит достославных подвигов славу, —
 тот, кому подарит Каллиопа голос погромче,
 лиру позвонче и плектр поискусней в сладостных трелях».

⁶⁵ «Слов не трать, молю! Я, право, отнюдь песнопевца
не предпочту тебе Меонийского, ни Еврипида
высокословного и никого, чьим хвалятся греки
именем, — я не хочу быть чуждою песнью воспетым,
ежели будут воспет!» — Сципион ответствует. — «Сделай,
⁷⁰ как попросил я тебя: почему возможно поэтам
верно ведать дел достославных концы и начала,
мне изволь изъяснить и что знаменует собою
лавр — награда храбрым вождям и святым песнопевцам.
Пусть не кажусь я тебе недостойн такие рассказы
⁷⁵ слушать: душу мою красота тревожит волнением
сладостным — сердце сие от утешных речей обретает
после тягот труда оружного отдых желанный».

Тот в ответ: «Поверь, умов столь диких и грубых
нет, милосердный вождь, которым прекрасная жажда
⁸⁰ вовсе была бы чужда среди забот и тягот житейских
сладкому ладу внимать Пиерийскому, дивный подслушать
хор камен. О твоей душе тем паче не мыслю,
будто отвращена от муз, — под такими звездами
не породит никогда великого мужа Природа,
⁸⁵ ибо в оплошность зачтется ей, коль страстию к славе
сердце наполнив, ему не внушит любви к искусству.
Истинно, всяк, кто зрит, что содеял великое дело,
чтит прилежно присных певцов и песни святые!
Ныне же все, чему от меня ты ждешь научиться,
⁹⁰ в кратких узнай словах. Песнопевцев удел своевольный
мнится толпе не таков, как есть.
Кто соберется писать, тот прежде писаньям в основу
прочную правду бери, обопришь, а уж после попробуй
скрыться, окутавшись пестрых прикрас приятным туманом,
⁹⁵ дабы читателя труд соделать слаще и долше.

Мысль острей витийств, а истина истинно слаще
выдумки сладкой любой! Вникать в летописные книги,
подвигов повести знать, жития преславные помнить,
тайны пытаться естества — поверь, и такое поэтам
¹⁰⁰ можно, но должно прикрыть науку покровом незнания,
голую правду тонким плащом обманчиво кутать,
чтобы она то являлась на свет, то скрывалась от взора.
А измышляющий все подряд отнюдь не достоин
званья поэта и чести певца, такому пристало
¹⁰⁵ имя единое — лжец. Теперь исчислить ты можешь
то, что искал узнать: какова трудов наших мера,
где нам поставлен предел и сколько дадено воли.
Ныне осталось сказать о лавре, коим порою
вровень с тобою нас чтят. Поелику бранная слава

¹¹⁰ славы не ниже певцов, то равно вождям и поэтам
ветвью зеленой чело святое по праву венчают —
так знаменует бессмертную честь бессмертная зелень
тем и другим и жизнь сулит на долгие годы.
Любит за это лавр Аполлон, преблагой в песнопеньях,
¹¹⁵ коему часто водить Пиерид доводится хоры
властью лирных струн в родимых пещерах Киррейских,
да и Юпитер разить не желает скорым перуном
древо сие — изо всех деревьев лишь лавру досталась
честь такая, что ласков к нему небесный владыка.
¹²⁰ Грозен ли славе перун? Ей одна опасна погибель —
ветхость забвенья! Итак, наша слава, всецело бесстрашна,
носит в примету себе из листвы, не боящейся молний,
знатный венок, соплетя священного дерева ветви».

Смолк, а ему Сципион с улыбкою молвит: «Отменный
¹²⁵ портишь рассказ, скупясь на слова: едва зазвенела
слаще речь, ты мой алчущий слух в пути покидаешь!
Дальше веди: берегов не видать и минуло солнце
неба срединную высь — удели же мне толику сладких
слов, твой разум благой переполнивших, милою речью
¹³⁰ радуй подольше меня, любопытного, день коротая
краткий и по морю бег веселя». Послушно заводит
Энний повесть — и вмиг утих корабельщиков гомон,
свита смолкла вождя. Речет: «Пытливо по следу
полузабытых я шел преданий, елико возможно
¹³⁵ к далям давних времен в ретивой стремился погоне
и наконец проник взыскующим духом до мрака
крайнего и до мужей первобытных, от коих навеки
отворотилась долгим путем изнуренная слава.
Всякого, кто воссиял предо мною подвигом знатным,
¹⁴⁰ благоговею в душе сберечь и с предками вровень
милыми преданно чтить мне лучшею стало заслугой,
а особливо певцов, цветистым отличных каламом,
я восприял и впустил в глубину сокровенную сердца.
Многих же тысяч певцов мне Гомер единый превыше:
¹⁴⁵ тем он владеет один, что чту, люблю и лелею,
а потому порой пришлецом мне видится с неба,
ибо дивлюсь, как мог человек сих высей достигнуть,
быть столь всеседущ в порядках земных и в поприщах звездных!
Пусть он задолго процвел до нынешних царств и до века
¹⁵⁰ Римского, все же его всегда в настоящее время
я помещаю — таким его видя, как в сердце измыслил.
Дня я не жил без него, без него я ночи не прожил:
он мне краткость пиров продлевал, а ныне дорогу
долгую он коротит, он учит прямою тропую
¹⁵⁵ перевалить через стылых гор крутые отроги, —

что бы ни делал я, всегда я с ним неразлучен,
хоть наяву, хоть во сне, хоть днем, хоть ночью мы вместе!
Даже теперь, тревожной порой переменчивых браней,
он мне явился во сне. Но сном назову ли виденье?
160 Бдительно бодрствовал я: мир нарушен, рвутся к оружию
воинства, в стане нет и тебя, своим опозданием
мой напрягшего дух. Коль прямую сказывать правду,
я не боялся, но был в ожиданья томительной смуте
вплоть до вечерней зари, когда же полночь сгустилась,
165 душу кручина взяла: что нам день грядущий готовит
после таких перемен? Вдруг во тьме примечаю глубокой:
близится старец ко мне, укутан лохмотьями ризы
ветхой, нечесан, сед, с косматой седой бороδοю,
с ямами праздных глазниц — непомерный ужас внушало
170 это слепое лицо с небрежным величием вкупе.
Хладен стою, а он, словно зрячий, манием длани
мой унимает страх и так по-гречески молвит:

«Здравствуй, единственный мой и милый в землях латинских
друг! Чего ты просил душою и долгой молитвой,
175 ныне сбылось — узри Гомера облик живого,
ибо сумел я к тебе взойти, отомкнувши темницу
Дитову и немоту земной взломавши утробы».

Пал я ниц, лобзанья к стопам его устремляя,
но предо мною тень — лобзаю голую землю.

180 «Встань», — он глаголет, — «ко мне приблизясь как равный, —
ты чести
верно сподобился сей! и нежданной насытись беседой,
время покуда тебе дозволяет». Разом воспрянув,
пылко реку: «О ты, Аргосского племени слава
наикраснейшая! ты, великий! Кто поруганью
185 смел подвергнуть тебя жестокому? Очи святые
кто отхитил, красу Природы разграбив и миру
столький доставив ущерб? Не таков ты мнился мне прежде:
право, влюбленной душе ты Линкея виделся зорче
ясных зениц остротой! Ужель в изобильной найдется
190 Греции, морем с обеих сторон омытой, хоть пристань,
хоть городок, хоть гора, хоть луг, хоть пещера в замшелых
скалах, хоть холм крутой, укутанный чащей лесною,
есть ли на дне морском хоть камень, что мне не являешь
явственно? Как же другим даровал ты дальнейшее зренье,
195 сам и вблизи ничего не выдав? Подобного дива
не разумею! Могу в Эгейских водах исчислить
россыпь Киклад и всякий изгиб Геллеспонтского берега
вижу — а ты и меня вот здесь, пред собою, не видишь,
столькое въяве мне показав!»

Ответствует старец:

- ²⁰⁰ «Верно ты говоришь, да только какое тут диво?
Плотские очи отъяв, ужель Господь не всемогущ
очи мне дать взамен, которыми тайное вижу?
Не привыкай бременить причитаньями Промысла волю,
смертный! роптанье сие — наипущая глупость людская!
²⁰⁵ Что ни творит Он — по правде творит, а немощность ваша
ведать не может всего в утесненье узилица темном.
О сколь многим во вред зеницы стали, к блужданьям
зрячих увлекшие прочь от честных, быть может, починов!
Вот посему с охотою я лишился обузы,
²¹⁰ стольких гнутой ко злу. Но трогаться в путь не пора ли?
Поводыря не презри слепого — вдруг да увидишь
нечто, уму твоему любезное. А о грядущем
брось кручиниться: завтрашний день финикийскою кровью
бранное поле заблагрит, и Лаций стяжает победу».
²¹⁵ В радости я поспешил за провидцем...

- Тут я заметил вдали, что сидит на укропной поляне
юноша, и спросил: «О вожатый достолюбезный!
кто он? кого я зрю под лавров нежною сенью,
ветвью зеленой власы увенчать возмечтавшего в мыслях?»
²²⁰ Ежели очи не лгут, задумал он много, и мнится
гордой и смелой дума его». «Глаза не солгали,
юношу я признал: он из отрасли поздних потомков,
он в Италийской стране в отдаленном родится столетье.
Тускская произведет его Флоренция, город
²²⁵ широкостенный, от римских корней возросший, преславный
после, а ныне — ничто, но можешь узнать поточнее,
где процветет избыточной красой: близ знатного тока
Арна, воды свои к Авсонийской стремящего Пизе.
Юноша сей у края времен призовет из изгнанья
²³⁰ долгого муз и песнью своей приют Геликонский
сестрам древним вернет средь смуты тысячелетней.
Будет он зваться Франциск и всех величье свершений,
коим свидетель ты был, как будто в единое тело
он соединит: Испанский поход и Ливийские брани
²³⁵ и Сципиада труды твоего, а имя поэме
«Африка». Сколь же в нем к своему доверия дару!
Сколь любочестья стрекалом гоним! А после в триумфе,
пусть запоздалом, взойдет на ваш Капитолий: ни леность
косного века, ни буйной толпы иномысленный натиск
²⁴⁰ не устрашат его на пути возвратном — с Сенатом
вместе идущего, лавром чело венчавшего славным.
Столь велика в нем к лавру любовь и толико почтенье,
что изо всех лесов ему Дельфийские кущи
даже и ныне милей, — и уже молодые побеги

- ²⁴⁵ учится он соплетать и грядущую тешитя честью.
 В оное время он будет любим дряхлеющим Римом
 так, как бывает любим престарелою матерью вдовой
 тот из сынов, кто рожден последышем праздно утробы
 после кончины прочих чад как нежданый подарок.
- ²⁵⁰ Равно и Рим, в чреде двухсот пятилетий не видел
 сходного, будет глядеть умиленным и ласковым взором,
 как принимает лавры певец, как венком украшает
 кудри, как на алтарь возлагает священную зелень.
 Пусть за него одного, о Рим, Флорентийское племя
- ²⁵⁵ все тебе станет милей! не жалея, что будущий город
 некогда ты заложил на бреге Тускской стремнины!
 Працуров подвиги сей певец ретивой хвалою
 превознесет, познав от начала крайнего судьбы
 Ромула внуков и Рима сынов: в беспристрастной и складной
- ²⁶⁰ повести он воротит всем героям знатные званья;
 главным же и среди всех исполином высясь великим
 будет сиять у него Сципион, пред коим особо
 он себя почитает в долгу. А если достанет
 жизни, если ничто препоной не будет почину
- ²⁶⁵ новых его трудов, то узришь пестроцветные свитки
 долгих сказаний иных — о многих геройских деяньях,
 что совершатся до века его. Да разве расскажешь
 про закрома чужого ума?» С дыханьем стесненным
 так я желал разглядеть и так желал я услышать
- ²⁷⁰ юпошу, что восхотел — возможно ли верить? — Гомера
 славного сладким словам мету поскорее воздвигнуть,
 ибо уже возлюбил певца твоих и грядущих
 подвигов. Тихо вперед шагнув, его наблюдаю
 изблизи: летами юн, зато заботой степенен,
- ²⁷⁵ пишет усердно — приютом ему зеленые травы
 в сенях древесных, а рядом родник быстроплещущий блестяет.
 бьют ледяные ключи кругом и высятся скалы.
 Молвит вожатый: «Вот таково ему будет обличье,
 в этой тиши ему будет жильё и тут он впервые
- ²⁸⁰ замысел знатный возрастит, а после всюду по свету
 станет годами бродить, в путях сухопутных и водных
 втуне лелея почин, но лишь от суетной службы
 освободится, за труд писательский примется спору».
 Был я восторгом объят, но едва, привет мой слышав,
- ²⁸⁵ строгие очи поднял певец и собрался ответить,
 вдруг голосистый рожок возвестил гудением утро:
 и втрепенулся — и прочь дремотное скрылось виденье.
 Вижу тебя, а ты уж полки выводнишь из стана
 в поле, бодрить воевод и вздымаешь прапоры гордо».
- ²⁹⁰ Так услаждал мореходный путь цветистым рассказом

Энний речистый, пока отдохнуть в Атлантовой хляби
взысленным коням Феб, пресыщен ездой, не позволил. —
так же и путник порой, по поприщу вдаль четвернею
резвой влекомый, проводит часы в размывчивой дреме
295 и не почает, как день миновал, покуда нежданно
не пробудится, веря с трудом, что не длится дорога.

Нежный веет Зефир от окраины западной мира
и на судах паруса напрягает; воротят направо
кормцики, а в небесах на братнином месте ночная
300 Кинфия бдит и дарует покой морякам притомленным.
Только лишь смолкнул канатов скрип и скрежет уключин.
ласково рек Сципион: «Хоть правду сказал ты, хоть сказку.
всяко мне мил твой рассказ, для слуха и сердца утешный!
Сам я ныне прижал бы к груди поэта младого.
305 коего ты в грядущем прозрел и прежде родитель, —
так он порукой двойной мне обещан! Каков он ни будет.
всяко его люблю, а коль никаков — никакого».
Молвил, и чуткий сон на них снизошел тишиною.

Солнце, Деннице вослед из бездонной выпырнув влаги,
310 взорам явило вдали очертанья тенистой громады:
се Лилибейский утес моряки взбодренные видят
и Тринакрии брега согласным приветствуют кличем.
Вот миновали они Дрепан, вот всю обогнули
грань Сицилийскую, вот наконец на матерую землю
315 сходят поспешно — и вот грядут сухопутной дорогой
среди благолепных долин. Воспеть не достанет мне силы
радость Италии, толпы людей веселых повсюду,
что победителя славят возврат, опустелые села,
жители коих бегут своей спасителя воли
320 благодарить! Вот так к столице приблизилось войско,
день долгожданный настал, и пора приспела триумфа.

Тут, Каллиопа, молю! хоть к скончанью близишь сказанье.
благоволи помочь и труд завершить поскладнее!

Краше сего никогда и нигде над страной Авсонийской
325 не было утра: румянцем ланит разноцветных зардевшись,
рано Аврора взнуздать скакунов соизволила Феба,
он же — куда веселей и ясней обычного! — властно
коней погнал горе, сияние светлого взора
к Риму спеша устремить с лесистых высот Апеннинских.
330 Валом к воротам валит народ: вельможи гурьбою,
мужи и жены, стар и млад, чернь, знать — без различья
званий навстречу бегут толпой. Златою парчою
выслан въезд, блестит земля узорчьем пестрым.

улицы красит наряд багряный и тень багряницы
335 тугонатянутой ждет победного шествия мужей.
Кроткие старцы грядут величаво сонмом приветным,
здесь же и полк молодцов почетный — им у заставы
первым встречать вождя. Вот он близится, светел обличьем,
к отчей твердыне влеком четверней белоснежною: стройно
340 на колеснице червленой стоит и челом доказует
божье свое естество. Пред ним несметной толпою
пленники скорбно бредут, чьи за спинами скованы руки:
всех впереди князья Македонские, коих в подмогу
слал Карфагену Филипп, и первым Сонатр-полководец,
345 недружелюбного родич царя, плетется уныло,
а остальные за ним — и весь в тяжелых железах
полк отборный; а вот и новое диво для взора —
жалостный видом Сифак пресловутый, в уничиженье
уз, увлажняет потоками слез ланиты и землю
350 и затуманенный плачем взгляд к победителя лику
часто вздымает, скорбя бессловесно, что столь несравненным
другом не дорожил, и вдобавок к жестоким лицепьям
душит великий стыд горемыку, а царская свита
шатким шагом вослед дрожащей влачится гурьбою.
355 Вот и вельможи в цепях: се, сущепреступны коварством,
ныне глядят на прекрасный Рим финикийского рода
чада лукавые — первым идет их вождь вероломный,
что Ганнибалу брат. Мавров толпы бредут напоследок
с галльской вкупе ордой. Ни единого нет италийца
360 в сей череде: Сципион правосудный виновных немедля
смертью казнил и прах изменников Африке предал,
да не сквернят они отчей земли ни видом, ни гробом.

Злато лучистое, кость слоновья, бесценная утварь,
груды порфирных одежд и царей сокровища властных —
365 вся добыча празднику в честь триумф предваряет.
Тяжкие здесь щиты и отъятые с бою доспехи,
здесь знамена и здесь с долгогривыми гребнями шлемы;
следом печальных ведут скакунов и с согбенною выей
грузных слонов, у врага отбитых — толпою шумливой
370 глянуть мальчишки бегут на невидаль: не надвигается
чернь, насколько чудны в дикарских чудища странах.
Вот и граждан строй двойной: избавясь от рабства
гнусного, славят они триумф по отчему чину
радостной песнью, а сами никак не спасителя Рима
375 не наглядятся. Идет Теренций Куллеон первым —
знатный средь Лация муж, державного Града сенатор! —
словно отпущенник: книги твердят, что благоговейно
он до скончания дней заступником чтит Сципиона.
И наконец грядет победное войско: пехота

³⁸¹ коннице вслед, клинки наголо — латинскою силою
словно готовы опять от ворот отбить Ганнибала.

Трубы взгремели, рожков боевых победный далеко
гулкий разнесся рев: задрожали Тибрские волны,
рощи окружные ужас объял, трепещут в испуге
³⁸⁵ Альба и снежный Соракт и греками строенный Тибур,
и в Пренестинских холмах башненою тяжесть твердыни.

Так в небывалом триумфе Герой к вершине восходит
Капитолийской: богам благодарность шлет благосклонным,
на алтари кладет Юпитера золота груди
³⁹⁰ и самоцветы горой, на вечные веки отчизну
обогадив, а себе, довольствуясь только прозваньем
славным, отнюдь ничего в именье взять не желает.

Да, без сомненья, он сквозь брани к дальнейшим триумфам
путь прорубил мечом и державство Града над миром
³⁹⁵ обосновал: коль пал Карфаген, никому не зазорно
выю под иго склонить и признать господами вселенной
римлян — Квирина народ, никаким не сломимый оружием.

После сего, воротясь со скалы Тарпейской, увенчан
лавром зеленым, весел идет Сципион по столице,
⁴⁰⁰ Энный же справа — чело его увито такой же
зеленью, ибо и он за помощь наукой и песнью
благоутешной триумфа честь с победителем делит.

Многие, многие Эннию вслед того же искали,
также и я: хоть чредой протекли пятнадцать столетий,
⁴⁰⁵ путь я тернистый избрал и, неверным доверившись силам,
двинулся, как умел, по едва приметному следу,
лишь бы сравняться венком и честью и славным прозваньем
с мужами древности, — пусть во всем уподоблюсь великим,
пусть пророка ахейского речь не останется втуне!

⁴¹⁰ Ныне никак не дерзну вас, чудные сестры, печальной
повести в помощь звать после радостных стольких сказаний,
а посему отвратите лик и подальше бегите, —
верьте, я сам за вами бегу! О горьких обидах
зависти, о преступленье вельмож, об ошибке Сената
⁴¹⁵ и о народа грехе и о том, как сгинуть в изгнанье
вождь предпочел, и о том, как во гневе на камне могильном
скорбную брань начертал, — нет! об этом петь не желаю,
пусть другие споют, а я рассудил непременно
здесь предел труду положить и отнюдь не дозволить,
⁴²⁰ чтобы сквернилась святость камен столь грустным напевом.

Agnima sollicito p[ro]p[ter]o longu[m] passu[m]
Vix procul extremo saluata a limbo lignis
Hic paucas habitura domos / & rari p[ro]cibe
Hospitia. At si que uere uirtutis alicui
Obulcrinet tua futu[m] et sc[ilicet] repostu[m]
Antustu[m] p[ro]cure locus sub paup[er]e recto.

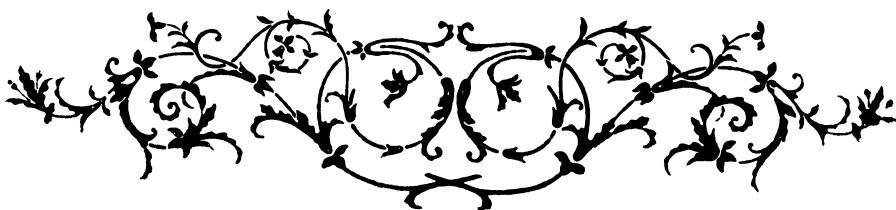
О моя, с немалою днесь завершенная мукой,
 «Африка»! Ты росла, я тебя прилежно и нежно
 холил, а добрый Роберт между тем нещадною смертью
 у обездоленной был до срока отхищен вселенной,
⁴²⁵ всякой радости жизнь мою лишивши, замкнувши
 путь уповательный твой. Пойдешь какою дорогой,
 бедная? Но укажу тропу: чуждайся чертогов
 Парфенопеи, где ныне сменил веселия клики
 плач похоронный, — ступай к еще не остылой могиле
⁴³⁰ слезы скорбные лить! Когда, пришедши, увидишь
 малый клочок земли, короля вместивший величье,
 коему я тебя обещал живому, — предайся
 мертвому! праху долг заплати святому! Душою
 к звездам вернувшись, он взор от земной отвращает юдолю,
⁴³⁵ от преходящих державств и от бранных дел человеческих.
 Все же, хоть ныне лишь в смех ему былие заботы,
 хоть и в забаву отринутый скиптр, хоть и жалки людские
 тяготы или грехи глядящему с горнего трона,
 все же любит меня — уповаю! — отвеку кротчайший
⁴⁴⁰ песен моих судия! Но как отнят светоч у мира,
 сколь я, увы! страшусь, что тебя громыханьем жестоким
 век заглушит и, слепой, над твоей надругается славой!
 Гостеприимец муз, который — единый на свете —
 мне по заслугам мог воздать за старание честью,
⁴⁴⁵ ныне почил, а с ним и моя почила надежда.
 Счастливы те, кто жил в стародавние лучшие годы!
 Хоть бы и мне — по нет! молить о напрасном не стану.
 путь заповеден вспять и на наше позднее время
 злобно Юпитер глядит с высот надменного неба.
⁴⁵⁰ Нужно мне жребий мой приять и следовать звездам
 путеводящим, не то силком потащат, — тревожной
 жизнью мне жить суждено средь разброда, смут и раздоров.

Вдруг, однако, тебе, о ты, который родишься
 после меня! — тебе, как я желаю и чаю,
⁴⁵⁵ лучший достанется век! Сей сон Летейский не может
 длиться без срока: мрак расточится, поздним потомкам
 вновь отворится тропа к пречистому древнему свету —
 тут ты узришь Геликон во цвете юных побегов,
 лавра зеленя узришь святую, узришь возрождение
⁴⁶⁰ пылких душ и ретивых умов, у коих удвоит
 труд благородных искусств любовь исконную к музам.
 Имя мое воскресить тогда, прилежный, вспомни —
 славу его заставь воротиться хотя бы к могиле,
 дабы хоть праху воздать почет. Средь племени внуков
⁴⁶⁵ слаще будет мне жизнь — надсмеется над смертью слава!

Ну а пока, велю, средь сонмищ ленивого люда
поступью, книга, ступай боязливой — в безвестности прячься,
еле приметною будь и за дальним кройся порогом.
Горе! мало на свете домов, в которых обрящешь
470 великодушный приют, но коль истиннодоброго друга
случай тебе подарит, к нему входит без опаски
и уголка проси поскромней под скудную кровлей:
там-то — все лучше, чем вечно блуждать, ежечасно встречая
беды повсюду! — там старей, ветшая годами,
475 вплоть до начала иных времен. Но вновь молодую
будь, молю! взмолодей, едва милосердный к поэтам,
к добрым приветливый век рассветом первым забрезжит!

.....
Как молодцу молодца доводилось из пепла пожара
вырвать, из буйных волн пучины вызволить целым,
так ты сама, молю! о своей стариковской заботься
участи после меня: сумей превозмочь всепобедность
480 хищного времени, дней быстротечность, жрущий столетья
Солнца бег и зависти злой язвящие зубы.

ДОПОЛНЕНИЯ

АФРИКА

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

В стены дрожащие Цирты ее победитель отважный
Входит, на отчие кровли, на город глядит умиленно,
Пращуров древних гнездо, на свою колыбель родовую.
Воина он у ворот оставляет на страже и сразу,
Весь нетерпенье, бегом к крепостному бросается холму.
Так, на овчарню набредши, волк, беспощадно гонимый
Голодом, волка другого, с которым труды и добычу
Делит, всегда норовит у входа оставить, чтоб жертвам
К бегству путь преградить и вернее управиться с ними.

¹⁰ Вот он, роскошный чертог несчастного ныне владыки:
Мужа нет, и царица одна, вероломная, в доме.
Словно Фортуной самой победителю послана, вышла
Женщина эта навстречу ему, на порог, растерявшись
В час неожиданных бед и спасенье найти упоая.
Сени дворца — в самоцветах и золоте, все ослепляло
Блеском: богаче царя, чем этот, покуда с удачей
Дружен был, не было в мире, а нынче — вот вам богатство! —
Не было в мире бедней. Но все жемчуга и алмазы
Царских палат затмевала слепящим сияньем царица.

²⁰ Звезды небесные меркли пред ликом ее: красотой
Мог бы он с солнцем самим по праву поспорить без страха
Быть побежденным. Челу, белизною сиявшему снежной.
Даже Юпитер, и тот подивился б Юноне ревнивой.
Всех страшнее наложниц ее беспутного мужа
Эта была б красота. Не то что золота ярче —
Фебовых ярче лучей, распушенные ветром, на шею.
Белую, как молоко, и стройную, падали кудри.
Вольно по легким плечам рассыпаясь теперь, а когда-то
В ровную косу сплетались, и пражка ее подбирала,

³⁰ Блеском своим золотым тихонько и ласково споря
С блеском этих волос: в таком сочетании прелестном

- Белое здесь с золотым представало, какого не явят
Ни драгоценный кувшин, молоком наполненный свежим,
Ни снега на вершине горы, озаренные солнцем.
Нужно ли мне говорить об очах под челом несравненным,
Зависть внушая богам? Такая лучистая прелесть
В этих пылала глазах, такая была в них сокрыта
Сила, что взглядом одним и душу чужую, и разум
Взяли бы в плен без труда, сердца превратили бы в мрамор.
- 40 Африку всю населили б неведомых чудищ отродьем.
Только пленительней был, когда пробивался сквозь слезы.
Блеск пленительный глаз. Так два светила согласно
В небе влажно сверкают, струящем сплошные потоки
Ливня ночного на землю. А выше светил искрометных
Словно бы две воздушных дуги сгибаются плавно.
Белы, как лилии цвет, румяны, как алые маки,
Были щеки ее. Как розы — губы. За ними —
В стройном ряду жемчуга. Вздыхалась от вздохов глубоких
Грудь, открытая сверху, и вновь опускалась. Они-то,
- 50 Прелести эти, сумели толкнуть нестойкого мужа
Так далеко, что мольбами его уж не вызвать. Юпитер
Сам пожелал бы объятий, такие увидевши руки:
Длинные, легкие кисти, точеные, гибкие пальцы,
Ногти выпуклой лепки — как будто из кости слоновой.
Так же и бедра крутые, и все остальное прекрасно
Вплоть до кончиков ног, а поступь их вовсе несходна
С поступью смертных: земли касается так осторожно
Нежная эта стопа, что следов никаких не оставит,
Словно по воздуху путь держа. Бывало, Венера
- 60 Так к Громовержцу неслась, одетая в облак блестящий.
Чтобы на помощь призвать родителя милого, если
Сын ее в море тонул или смерть наступала потомка
В дни, когда Троя плыла и под Римом земля колебалась.
Вот какой красоты богоравной женщина вышла
К юноше. Прелестям этим убранство ее дорогое
Тоже было подстать: игрой самоцветных камешков
Так и светилась порфира убитой скорбью царицы.
Даже горе само страдальцу красит. Желанней
Быть не могла бы она и в счастливое время. И вот уж
- 70 Ранено сердце его, горячая боль охватила
Душу. И вот уж как лед тугоплавкий от летнего зноя
Или как мягкий воск вблизи пылающей печи,
Тает он, видя ее, и к пленнице в плен попадает
Гордый ее победитель, прекрасным врагом побежденный.
Что устоит пред любовью? Какая сила поспорит
С нею? Но шагом дрожащим приблизившись, женщина эта
Робко припала к коленям вождя, — осанка, доспехи,
Свиты почтительный вид его выделяли среди прочих, —

- Руку простерла к нему и молвила голосом тихим:
- 60 «Если дозволено мне, полоненной вдове, прикоснуться
 К славной деснице твоей, победитель, то всеми богами
 Я молю тебя — сжался, и просьба моя не чрезмерна.
 Это право твое — жестокой казни подвергнуть
 Пленницу или сгубить, в суровую бросив темницу.
 Знай же, что смерть — это жизнь для меня: надоел, опостылел
 Белый мне свет от злосчастий, на нашу выпавших долю.
 Воле твоей покоряюсь, молю мне достойную выбрать
 Смерть. Одного не хочу — влачить в унижительном рабстве
 Жизнь свою. Может быть, есть у тебя, о царь-победитель.
- 70 Сестры, которых ты вспомнишь сегодня, несчастную види
 Нашу судьбу, ибо в ней твоему открывается взору
 Их возможная участь: за радостью следует горе.
 Впрочем, я никаких тебе не желаю пророчить
 Бедствий: царствуй спокойно всю жизнь и счастливое царство
 Детям своим передай, и чужды да будут потомкам
 Умыслы злые и козни. Да будут последними эти
 Смуты в державе, меня погубившие. Прежнее счастье
 Пусть она обретет, и мое поражение ко благу
 Пусть ей будет отныне. Но ты-то ведь давною знаешь
- 80 Ненависть Рима ко мне. Меня называют повсюду
 Главной причиной войны, и жалобы эти неложны.
 Вырви меня из позора, рукою своей беспощадной
 Вырви! Придумай мне смерть, о царь достославный, с которым
 Ныне удача дружна, которому я добровольно
 В жертву себя отдаю». И к стопам золоченым пришельца,
 Землю потоками слез орошая, губами приникла.
- Юноша мыслью ушел от подвигов ратных. Угас в нем
 Начисто воинский пыл. Красота ее сладостно сжала
 Грудь ему, душу огнем обожгла, и со вздохом тяжелым
- 90 Он отвечал: «Успокойся, царица, прошу тебя, полно
 В горестном страхе дрожать, печалью жестокой томиться
 Просишь малого ты, а владеешь немалым: достойно
 Все в тебе — красота, благородство, величие духа —
 Большого дара, чем тот, которого просишь. Царицей
 Ты останься вольна и супругой моею назваться,
 Если старая страсть для нашей любви не помеха».
 Обнял он, весь в слезах, и поднял ее, хоть упорно
 Снова и снова припасть к ногам избавителя в скорби
 Тщилась его госпожа. Откуда у бога слепого
- 100 Сила такая? Неужто такое могущество скрыто
 В легком колчане его, что даже боец-победитель,
 Раценный им едва, но в самое сердце, сдается
 Женщине в плен? И с лицом, наконец просветлевшим, такую
 Речь она повела:
- «Государь несравненный, союзник

Родины прежде моей, гроза ее нынче по праву!
Если б теперь, после стольких несчастий, надеждой на счастье
Тешить я стала себя, от ударов оправившись рока,
Разве могла бы я в жизни, продлись она долго-предолго,
Радости большей желать, чем стать женою такого
150 Мужа и вдруг расцвести по воле судьбы благосклонной?
Жребий, однако, иной назначен мне. Срок истекает
Жизни моей, ободрять сокрушенное сердце не надо,
Милый мой. Тонет корабль, такую захваченный бурей.
Нет, в удачу не верю, и даром достаточно щедрым
Будет мне быстрая смерть, которая сразу отправит
К теням душу мою, но свободы моей не отнимет.
Я прошу об одном — избавь от рабства у Рима.
Большого я не решаюсь просить. Владыка небесный
Пусть воздаст тебе благом за эту великую милость,
140 Если ты мне окажешь ее, моим заклинаньям
Вняв». И глаза отвела, и новые слезы исторгла
Речью своей у царя, и молвил он: «Полно казнить
Горем. Очи мои пощади: ведь погаснут до срока,
Глядя на муки такие. Не дружит с надеждою смелой
Дух утомленный. Не видит вершин, кто в землю уткнулся.
Сердцем ты устремись к благоденствию: может быть, новый
Путь судьба изберет и, смирившись, к высокому счастью
Доступ откроет. Но если — подумать об этом исходе
Страшно — не сжалится рок, тогда, обещаю, получишь
150 Смерть возделенную в дар — клянусь тебе звездами неба
Горними, словом царя, обителью теней, богами».
Вымолвив это смущенно и с дрожью в голосе, тотчас
В крепость безлюдную царь беспокойным отправился шагом.
Кто способен познать мученья души в океане
Грозном любви? Ни бурный Еврип, ни громкая Скилла
С ним не может сравниться, ни страшная видом Харибда.
Нет ничего, что надежду сулило б на отдых от бури
Сердцу, больному любовью: ни мирного света дневного
Нет для него, ни кротких светил небосвода, ни ночи
160 Ясной, нет ни кормила, ни берега с пристанью тихой.
Только ужас кругом стихии, бушующей вечно,
Только утесы вокруг, сокрушить грозящие судно.
Только встречные ветры, валы за валами вздымая,
Бедного носят пловца по простору морскому, то в эту
Сторону бросят его, то в ту. Преступив одиноко
Спальни порог сокровенный, сидел в молчаливом раздумье
Царь. Он думал о том, как слово сдержать, что любимой
Дал он, и видел, раскинув умом, какой многотрудный
Путь себе выбрал. Страшило его положение супруги,
170 Пленницы жалкой теперь, своим целомудрием гордым
Римский страшил его полководец: боялся влюбленный

- Помыслов друга высоких, которые, знал он, восстанут
 Против этой любви. Но крепкой цепью сковала
 Властная сила царя и гибели страшной навстречу,
 Видной уже вдалеке, влекла. Так в море открытом
 Острые скалы порой или Сиртов опасные мели
 Видит моряк впереди, но, в другую не в силах направить
 Сторону судно свое, отчаявшись, волнам и ветру
 Сдавшись, и весла, и руль, и парус, наполненный вихрем.
- ¹⁸⁰ Страшной доверив судьбе, сидит на корме и смиренно
 Слезы горькие льет. Вот так же и царь в колебание
 Горестном долгий час провел. Сокрушенно метались
 Мысли его от одной печали к другой. Но к решению
 Так и не мог он прийти: то лик прекрасной царицы
 Вдруг представит себе, то внутренним слухом услышит
 Сладостный голос ее, то вдруг увидит, как слезы
 В милых сверкают очах и льются на грудь ей, как ноги
 Та целует ему и руки ласково гладит.
 Но как только лицо любимое строгого друга
- ¹⁹⁰ Грозно вставало пред ним, обращались в бегство надежды
 Смелые сразу, и пламя в душе испуганной гасло.
 Если холодной воды в котел раскаленный добавить,
 Стихлет кипение в нем, клокотать перестанет и вскоре
 Вовсе остынет вода, но сила огня постепенно
 Снова даст себя знать. Вот так же, притихнув на время,
 Буря в сердце его поднималась и с новым упорством
 Разума сбросить поводья опять и опять норовила.
 Но почтительный страх любви уступил болетворной,
 Римлянин был далеко, а красавица близко. С желаньем
- ²⁰⁰ Пагубным больше бороться несчастный не смог и решение
 Принял, себя упрекнув за пустую свою проволочку.
 «Что же ты медлишь? — сказал он. — Тебе Гименей наконец-то
 Славную дарит жену, и Юпитер тебе открывает
 Годы веселья и счастья. Пора забыть о страдающих.
 Ниций, изгнанник, бедняк, отцовского царства лишенный.
 Много лет по морям и землям скитавшийся страпник,
 Тысячи бед испытавший проситель царей и народов,
 Радуйся: может быть, вдруг покой долгожданый настанет.
 Беды все перечти своего короткого века —
- ²¹⁰ Выйдет, что старше тебя никого не пайдется на свете.
 Вот оно, царство твое. Чтоб тверже владел им и с большей
 Радостью, в руки твои судьба отдает его после
 Долгих отсрочек. Врага — нет высшей отрады, чем эта, —
 Ты победил, и того, кто некогда отнял жестоко
 Счастье твое, ты волеи убить и помиловать волеи.
 Все вернулось к тебе. Со стоном владелец недобрый
 Выпустил царство из рук, и женщина, светлой красотою
 Нимфам подобная дивным, лишившись первого мужа, —

- Так пожелала война, — выходит к тебе и готова
- 220 Странно тебя полюбить, но спорить с судьбою боится.
Ибо как раз того, что вслух от смущенья отвергла,
Просит стыдливо сама же. Но как хороша она в скорби!
Как прекрасна в слезах! Каким поражает величием!
Что же было бы в счастье? Какая царица собою
Гордый престол украшала, когда и в пленнице столько
Блеска, достоинства, силы? О сладкая доля влюбленных.
Если в согласье живут, не знают ни ссор, ни раздоров.
Общее дело всегда у обоих и общие думы,
Общий покой и общая боль! Ведь не было б в мире
- 230 Пары прекраснее нас. Мы оба красивы и знатны,
Оба сходной судьбой сведены и стараемся оба
Тяжкие беды смягчить. И разница в возрасте тоже
Есть между нами такая, которая даже приятна
В браке бывает, и есть, наконец, как сам я заметил,
Та любовь у обоих, что низшее сделать способна
Высшему равным. Итак, поспеши, не бойся, что строго
Взыщет с тебя Сципион, что с презреньем осудит и гневом
Шашни твои. Не робей, над юношей юноша сразу
Сжалится, слезы увидев, и с пылкой смиришься любовью,
- 240 Браком священным ее назовет, а не шашнями вовсе
Римлянин добрый, и чтить как царицу будет отныне
Ту, что в жены возьмешь». И тотчас друзей созывает
Царь, чтобы душу свою открыть им, и ужин скорее
Он приготовить велит, и скромное правит застолье.
Гулом не полнится дом, ни этрусского гама, ни шума
Свиты в дворцовых стенах, ни толпы громогласной не слышно.
Факелов частых огни погасли. Один лишь влюбленных
Факел разжег, да и тот они погасили слезами.
Ночь наконец-то принес, в Атлантической скрывшись пучине,
- 250 Геспер прекрасный — звезда, которая день нежеланный
Тоже приносит с собой и любовникам страстным враждебна,
Если зовется она не вечерней звездой, а Денницей.
- Как, увы, посмеется над нами, каким обернется
Мраком крошечным тот день, что придет! Наверно, счастливый
Брачным союзом своим, о потомстве бесчисленном думал,
Впуюков толпу представлял себе царь, в утехх любовных
Ночь коротая. Но с сердца подруги ни щедрые ласки
Нового мужа, ни клятвы его, что по-прежнему будет
Царством она управлять, хоть клялся он всеми богами,
- 260 Страху снять не могли: у нее пред глазами стояли
Только могила и смерть. И самых недобрых предвестий
Слы ее были полны. То виделось ей, что второго
Отняли мужа ее, а первый бранится, и била
Спящую дрожь. То во сне примерещилось ей, что на гребне
Сидя высокой горы, она озирает оттуда

Доли владений своих; и вдруг налетает на эту
 Гору другая гора, своей подавляя громадой
 Первую. Дрогнул хребет, на котором сидела царица,
 Два холодных ключа от удара забили, с вершины
 270 Вниз устремились, гора, что меньше была, отступила,
 Двинулась вспять, а царица, лишившись опоры, упала
 В Тартар, и скрыли ее стигийские черные воды.
 Слух по соседним пошел городам, что посмел самовольно
 В связь победитель вступить с побежденной, что женщине в рабство
 Доблестный воин себя, поражений не ведавший, отдал.
 Блудом толпа называла союз их, найдя непристойной
 Эту любовь, что зажглась, когда еще слышался всюду
 Звон оружейный и жив оставался вдобавок законный
 Царь и супруг. Красотой, мол, ему и дотоле приятной,
 280 Вдруг сведенный с ума, победитель не в собственном доме.
 Как обычай велит. не по здравом раздумье, враждебном
 Воле страсти слепой, а сразу, едва лишь увидел
 Пленницу, взял ее в жены. Так в самом невыгодном свете
 Все представляет молва. И вот до ушей полководца
 Толки дошли, наконец, которые чернь волновали.
 Был опечален, узнав о поступке любезного друга,
 Вождь добродетельный и, все обстоятельства взвесив сурово,
 Эту любовь осудил, нашел неуместной и молча
 Друга бранил вдалеке за его безрассудную дерзость.
 290 Так возмущенный отец, за глаза негодуя на сына,
 Злость копит на него и шлет ему гневные письма,
 Чтобы смягчиться потом при виде его послушанья.
 Вслед за первым второй разносится слух, занимая
 Мысли толпы любопытной: Сифак в оковах доставлен
 В лагерь. Оружье забыв, до зрелищ охочее войско
 Все выбегает навстречу. Толпой собираются люди,
 Чтоб на того поглядеть, как на диво, кто некогда гордо
 Царствами правил и в войпах не знал пораженья, кто видел
 В доме своем, как вожди пунийцев и римлян смиренно
 300 Просят о мире, кто помнит, как эти властители оба
 Лстыть не стыдились ему и, в усердьи друг с другом тягаясь.
 Оба, как богу, ему обеты давали; кто прежде
 Страх самому Массинисе внушал и его, хоть царем тот
 Слыл величайшим, прогнал и заставил скитаться по свету.
 Вот кто сегодня, судьбой переменчивой наземь повергнут,
 В прах обратился. Не мог поверить в паденье Сифака
 Разум, втупик становясь при виде такого события.
 Если увидишь ты вдруг, что в Эгейские мелкие воды
 Рухнул вершиною вниз Афон иль Олимп, а макушка
 310 Гор Апеннинских, Эрик, под Тирренскими скрылась волнами.
 Собственным ты глазам не поверишь и зрелище это
 Страшным виденьем сочтешь. Таким же виденьем казался

Царь, приведенный к палатке вождя, сбежавшимся толпам.

О коварство судьбы, что делам человеческим втайне
 Жалкий готовит конец и царей не жалеет могучих!
 Вот он, великих удел, итог благоденствия вот он —
 Гибель, ничтожество, тлен. И вот высочайший владыка
 Брошен, глядите, на землю, как раб для продажи, цепями
 Связан и плотной толпой врагов окружен безнадежно.

¹²⁰ Вспомнил тут вождь италийский, как попрано было доверье

Дружбы старинной, каким приветливым светом сияло
 Это лицо, как руки пожали друг другу, как брачный
 Прекрасные эти картины
 С пынешним бедственным днем, такие слова произнес он:
 «Что ты, лживый Сифак, задумал? Какое безумье
 Вдруг поразило тебя? Ведь мало того, что на помощь
 Мне отказался прийти, так еще и воюешь со мною?»

Царь не дрогнул в лице и долго стоял неподвижно
 Прежде чем голос его через силу нарушил молчанье:

¹³⁰ «Нет ничего тяжелей для меня, о вождь благородный.

Самый великий из всех полководцев нашего века,
 Худшего нет для меня ничего, чем то, что не смог я
 Голову в поле сложить, погибнуть в гуще сраженья.
 Нет, я остался в живых, а война завершилась. Ужасней
 Кары не знаю, чем видеть своими глазами, как слова
 Эти уста обвиняют меня — увы, по заслугам.

Если верить, однако, несчастному пленнику можно,
 Если тяжесть цепей — не помеха правдивому слову,
 Правду скажу и признаю сперва, что любые мученья

¹⁴⁰ Мне поделом, ибо я по собственной воле нарушил
 Высший на свете закон и, страсти подавливши позорной.

Дружбу такую попрам, над таким изругался доверьем,
 Так безобразно богов, свидетелей грозных, обидел.

Но причины беды, источника этих несчастий
 Ты, наверно, не знаешь. Так вот, я сейчас покороче
 Всю тебе правду скажу — о нет, не в свое оправданье,
 Только к стыду своему и к большему только позору.

Знай же, что в день тот злосчастный, что в пагубный тот и про-
 клятый

¹⁵⁰ Час, когда женщину в дом мой ввела недобрая сила,
 Кончилось все, я погиб и верность погибла. Бесславно

Скипетр выпал из рук, с головы диадема слетела,
 Тихим огнем загорелся дворец мой от факела злого
 Женщины. Это она слезами, ласками, лестью

Душу смутила мою, коварно заставила клятвы
 Дружбы священной забыть, и доброе имя, которым
 Славен я был, и богов. Да что рассказывать долго?

Это она, она вручила мужу оружие,
 Латы надела на грудь, покрыла голову шлемом,

- В правую руку дала ему меч, а в левую руку
³⁶⁰ Щит, затрубила в трубу и послала его, хоть боялся
 Муж богомерзкой войны, с тобою померяться силой
 В битвах. И если войска мы вывели друг против друга
 В поле, то в этом, поверь мне, сказалось мое ослепление.
 Только оно. Виною всему нечестивые ласки,
 Мне помутившие разум вконец, и яростный, дикий
 Нрав супруги моей. Царица! И правда, царица,
 Ибо за скольких еще царей она без разбора
 Выйдет замуж! О если б таким же огнем погубила
 Дом врага моего! Но так оно и случится,
³⁷⁰ Смею думать, и с этим готов умереть утешеньем.»
 Так он сказал и умолк, волнуясь, и в землю печально
 Взгляд устремил. Сципион почувствовал гнев, ибо сразу
 Явные знаки любви оскорбленной в глазах и повадке
 Этого мужа увидел, словам его скорбным внимая.
 То, что друг учинил, ужасало все больше и больше:
 Царь воистину любит, и если роптать, Массинисса,
 Вправе ты был, то грабеж не может найти оправданья
 В похоти низкой, в безумном порыве, в постыдной и гнусной
 Прихоти. Между тем царя уводят в темницу.
³⁸⁰ Новый разносится слух и мало-помалу обходит
 Римский лагерь: вернулись вожди-победители с войском
 Лелий и царь. Сципион прибывших радушно встречает.
 Хвалит у всех на виду, дороге обоим подарки
 Дарит. Затем он царя тихонько отводит в сторонку.
 Рядом сажает с собой и с глазу на глаз такие
 Молвит слова: «Если я, Массинисса, не вовсе обманут
 В долгих надеждах свои на твое благородство, причина
 Важная есть у тебя Сципиона увидеть, чтоб смело
 Вверить свою мне судьбу и во всем положиться на друга.
³⁹⁰ После того как ты сам пренебрег старинною дружбой.
 Лоно бескрайнее волн отделяет от Африки Лаций,
 Нравы несходные нас разделяют не меньше, и значит.
 Веской должна быть причина, тебя побудившая в дальний
 Путь пуститься морской, невзирая на войны и смуты.
 Если хвалить себя не зазорно, признаюсь, что больше
 Всех добродетелей прочих одной горжусь я — умением
 Сдерживать крепкой уздой желанья свои, не стремиться
 К чувственным радостям. Враг, на тебя идущий с оружием.
 Этна, из недр которой, гремя, извергается пламя,
⁴⁰⁰ Столп водяной близ Евбеи, который вздымается грозно
 К небу от самого дна, — ничто так не страшно, как эта
 Буря жарких желаний в своем победном разгуле.
 Бедствие это, однако, опасней всего для цветущей
 Юности; нам, молодым, повсюду расставлены сети.
 Море стихает порой, унимается злобная Этна,

Если враг наступает, защитою крепкие стены
Служат нам, вал или ров; а желанья, несущие гибель,
Ночью бушуют и днем. Никакие не могут им стены
Путь преградить, все равно в покои твои проберутся,
410 Стражу минуют и псов, сквозь железом обитые двери
В царский проникнут дворец. И покинуть, я думаю, только
Ради этой ты мог добродетели храмы родные,
Дом свой и царство свое, чтоб, сняв с себя званье владыки,
Наше главенство над миром признав добровольно, помчаться
Через моря и земли ко мне в погоне за нею.
Ты, я считаю, достоин служить примером любому,
Если ко многим твоим заслугам прибавится эта!
Слава большая и честь — одержать над Сифаком победу:
Большая честь, однако, поверь мне, справиться с бурей
420 Собственных чувств, обуздать свою мятежную душу.
Я — неустанный глашатай твоих высочайших достоинств.
Память храню и твержу о делах и словах твоих вечно.
Молча теперь пораскинь умом. Ответа не жду я,
Прежде чем некая мысль лицо твое красной окрасит
Краской стыда. Мы знаем, ты в этой войне отличился,
Но под нашим, прости, водительством войско на битву
Вышло, и с именем нашим связал неразрывно победу
Римский народ. И тебе прекрасно известно, что ныне
В наших должны быть руках и царь и все достоянье
430 Царства его. Так пусть супруга царя и большого
Недруга нашего дочь, вражду разжигавшая злобно,
Явится в Рим; без нее триумф мой был бы неполным.
Сердце свое умири: ведь может один лишь проступок
Много заслуг замарать, смешать с позором и грязью.
Этим проступком своим ты столько же гнева и горя
Вызовешь, сколько способна любовь непристойная вызвать.
Вспомни о долге царя, о том, как похоть постыдна».

Тотчас при этих словах полились из глаз Массиниссы
Слезы ручьями. Так снег, что белеет на крышах, едва лишь
440 С юга повеет теплом, начинает таять, и капли
Крупные падают вдруг, одна за другой, разрезая
Воздух. Ответил он кратко: «Важнее всего мне исполнить
Волю твою: в твоих ведь руках и благо и счастье
Наше. Ты побеждаешь огонь, который бушует
В сердце моем, и муки злосчастной любви умеряешь.
Воля священна твоя. Но, славы дурной опасаясь,
Я прошу об одном: позволь мне, уж если супругу
Должен я потерять, сдержать свое слово». Рыданья
Голос его приглушили до шепота. С видом убитым
450 Он в шатер побежал, колотя себя в грудь кулаками.
Смерти такой приговор обрекал виноватую. Грозно
Трубный глас прогремел беспощадной судьбы. Массинисса

Весь от страха дрожит, услышав его. Нет ни кровинки
 В изжелта-бледном лице несчастного. Зрелище смерти
 Все встает и встает у него пред глазами упорно.
 Вот уже ликтор велит опустить на затылок секиру —
 Видит он, как наяву, и себе представляет, мертвея,
 Все другие подряд подробности страшные казни,
 Вплоть до безглавого трупа жены с обрубленной шеей.
⁴⁶⁰ Он, еще не лишившись подруги своей драгоценной, —
 В мыслях уже лишился ее. Безмолвные муки
 В речь облеклись, наконец. «О, жизни моей, — простонал он, —
 Скорбная нить, о, жестокие Парки, по воле которых
 Мне столь горький назначен удел! Умрем же достойно,
 Этого требует вождь. Едва ли он искренне верит,
 Будто жить я смогу, потеряв свою душу. Ведь если
 Сердце твое, Сципион, железу подобно и камню,
 Если суровости римской ты полон, то, значит, и друга
 Верного ты обрекаешь на смерть. Но зачем на такую?
⁴⁷⁰ Жизнь моя в тягость себе. Для того ли, однако, я столько
 Выдержал ран, чтоб теперь в любви найти свою гибель,
 Чтобы теперь в слезах изощел и во вздохах печальный
 Дух мой? Такая ли смерть подобает мужчине? Но нет здесь
 Выбора». Это сказав, со злостью, издал он до самых
 Звезд вознесшийся стон, при звуке которого сразу
 Замерло войско кругом и ужас прошел по когортам.
 К западным гнал берегам коней, запыхавшихся в беге.
 Феб. Он помнил, наверно, каким пылала когда-то
 Пламенем пышная грудь фессалийской красавицы-девы.
⁴⁸⁰ Лавром священным она у него пред глазами стояла.
 В нежное деревце вдруг превращенная чудом, и снова
 Видел он гот холодеющий ствол, который, рыдая,
 Долго тогда целовал, не в силах смириться с потерей.
 Он, царя пожалев, такой же казнимого мукой,
 Лик в океан погрузил, чтоб смыть набежавшие слезы
 В темной пучине его, и Ночи доверил поведья.
 Только ничтожным судьба покой дарует. Ведь если
 Сложится скверно, то горе она принесет, а с удачей,
 Глядь, и заботы придут. Сципион обдумывал ночью
⁴⁹⁰ Каждый свой шаг наперед: на стены ль ему Карфагена
 Страшный обрушить удар и на башни пунийские, либо
 Ливию всю захватить набегом стремительным, или
 Может быть, передышку на несколько дней утомленной
 Коннице дать и отдых усталым отрядам пехоты.
 Но и с другою заботой, не менее тяжелой, расстаться
 Вождь осторожный не мог: как пленное войско пунийцев
 Морем в ликующий Рим из Африки дальней доставить.
 Больше всего беспокойства ему внушали при этом
 Царь и супруга царя: под какую послать их охраной,

- ⁵⁰⁰ Кто для этой задачи подходит. В точности так же
Полон тревоги купец, хоть путь он проделал счастливо
Долгий и прибыль добыл. Теперь он гадает, какое
Судно товар повезет драгоценный, кого бы поставить
Стражем сокровищ своих. Сципиону любезней, чем Лелий,
Не был никто из друзей; никому другому на свете
Так спокойно не мог он труднейшее дело доверить.
Вот он и вызвал его среди ночи, оружия побольше
Взять велел на суда, наказал отборной прислуге
Весла вручить кораблей, к родным берегам уходящих.
- ⁵¹⁰ Но совсем по-иному, в слезах, несчастный любовник
Эту ночь коротал: на какие пуститься уловки,
К богу какому воззвать, какими молитвами участь
Милой подруги смягчить, судьбу облегчить обреченной?
То приходило ему на ум от столпов Геркулеса
Вместе с женой дорогой и судами направиться тайно
К землям неведомым тем, где будто бы счастье царило;
То дорогой прямым к стенам Карфагена высоким
Вместе с милой супругой решал он податься, чтоб в скорби
К старым явиться друзьям и смиренно просить снисхожденья:
- ⁵²⁰ То прибегнуть решал к орудиям смерти мгновенной,
К вервию или клинку. Сплести поскорее хотелось
Петлю, чтоб разом и с жизнью и с тяжким покончить страданьем.
Так и тянулась рука к мечу. Не страх, не соблазны
Жизнь овдовевшую длить, а стыд лишь мешал ему эту
Волю исполнить: боялся, что вечным пятном преступленья
Ляжет на славу его, и рука рукоять отпускала.
Он свалился на ложе. Всю ночь ему душу терзали,
Сердце сжигали огнем любовь и тревога. Бессонно
Страх бушевал в нем и гнев, печаль закипала и ярость.
- ⁵³⁰ Словно подругу свою, безмолвное ложе несчастный
В крепких объятьях сжимал, со слезами сливая потоки
Ласковых слов. Наконец, превозмочь не сумевши страданья
Долгую речь он повел, чтоб жалобой боль успокоить:
«Жизни отрада моей, ни с чем не сравнимая радость,
Софонисба, прощай: никогда не увижу я больше,
Как небесный свой лик украшаешь, в пучок собирая
Пряди волос золотых, по плечам разметавшихся за ночь.
Больше я не услышу ни ласковых слов, что и богу
Слух бы могли усладить, ни шопота уст благовонных.
- ⁵⁴⁰ Буду один, и в холодной лежать суждено мне постели.
Ах, если б вместе с тобой меня погребли бы, подруга.
Если б в гробнице одной вдвоем проводили мы годы
Те, что отняты здесь! Прекрасная доля — могила,
Если, смешаны смертью, с тобою мы станем единым
Прахом. Тогда Сципион любви не разрушит веки,
Ах, если б тенью одной сегодня во тьме преисподней

- Стать мы могли и бродить по миртовым рощам подземным
 Вместе! Тогда б Сципион влюбленных не тронул вовеки.
 Вместе шагали бы мы и вместе рыдали в союзе
- 35⁰⁰ Вечном обоих сердец, и тогда Сципион непреклонный
 Нас разлучить бы не мог и любви не мешал бы вовеки.
 Тенью блаженной хочу, богам Эребова царства,
 Зятю Цереры и всем, кто безмолвием скован, на зависть
 К теням уйти, чтоб любви Сципион не разрушил вовеки.
 Он ведь, вождь непорочный, ни в чем не похожий на смертных.
 В звездную высь, в небеса устремился душой и не станет
 В долнее царство спускаться, в пределы печальные Дята
 Следовать: он помешать уже не сумеет влюбленным.
 Лучше б ему никогда не являться в ливийскую землю!
- 36⁰⁰ Лучше б ему всегда в латинском краю оставаться!
 Ах, о чем я молю, безумец? Ведь если б и вправду
 Он не пришел, то твоей красоты солнцеликой, подруга,
 Я б не увидел, и жизнь все равно была бы не в радость
 Мне без тебя, дорогая. Не странно ли это, что отнял
 Жизнь он и дал? Сципион, как был бы я счастлив, когда бы
 Сразу ты выступил в Рим с войсками, как только победу
 Здесь одержал, и царя с собою повел, а царицу
 Грозный твой взор миновал! Зачем я богов призываю?
 Глухи к призывам они. Победитель велит всемогущий
- 37⁰⁰ Пленницу выдать ему. Отдам ли? Приказ непреложен.
 стыдно молить мне о том, что воле священной враждебно
 Требует. Весь его лик молчаливой исполнен угрозы.
 Требует. Эти мольбы меня не укроют от строгой
 Власти вожды. Покориться? Пусть молнией прежде Юпитер
 Голову мне поразит в своем сокрушительном гневе,
 Пусть подо мною земля разверзнется прежде и волны
 Бренные члены лжеца разнесут по простору морскому.
 Брака священные узы отринуть решусь ли в угоду
 Римлянам? Волеп был царь вообще не жениться, и это
- 38⁰⁰ Было бы лучшим решением, поскольку себя на безбрачье
 Гордый обрек Сципион, а союз предавать обручальный
 Воля царю не дана. Но не терпит, о нет, послушанья
 Власти высокой приказ. Как быть мне? Умрешь. Софолисба,
 С помощью мужа умрешь. Юпитеру злomu такая
 Жертва нужна. К берегам италийским тебя не заставят
 Пленницей плыть, чтобы стать рабыней у римлянок юных.
 В хитрости гнусной меня обвинить и в бесчестном обмане
 Ты, дорогая, не сможешь. Умрешь. Но чем завершится,
 Стало быть, наша любовь? Насильственной смертью. О боги,
- 39⁰⁰ Смидитесь: верность долой! Убежим на неведомый людям
 Край вселенной, в пески заберемся Ливийской пустыни,
 В царстве гадов ползучих найдем себе родину лучше,
 Много надежней, чем эта: туда Сципион не проникнет

- Грозный, и зубом тлетворным змея не посмеет коснуться
Ног прекрасных твоих. И дикие звери, быть может,
Ради тебя и меня пощадят. Дорогая супруга,
Все решено: мы бежим, и ты спасешься от смерти.
Бегство, изгнание, бедность и прочие беды с тобою
Вместе вытерплю я. Но ты не пойдешь за зовущим,
600 Знаю женскую душу, — царица, привыкшая высшей
Властью престольной владеть. А хоть и пойдешь — наготове
Нет у меня ничего, и пути мне отрезаны силой
Римлян, и миру всему известны дела Сципиона.
Сон вспоминаю теперь ужасный, который когда-то
Ночью безмолвной меня встревожил. Тогда не сумел я
Смысл его разгадать. Не ты ль белоснежную ланью
Этой была? Не тебя ль от оленя простертого силой
Прочь увели, а потом у нового сторожа отнял
Некий недобрый пастух? И в облике странном ты все же
610 Нравилась мне. Но зачем предстала в моем сновиденье
Гибель твоя под конец? О боги, беду отведите!
Страхом томится душа. Ведь в строгом порядке сбывалось
Все, что я видел тогда, и сон был поистине вещим.
Что же мне делать? Умрешь, умрешь ты. Другого, и правда,
Выхода, бедная, нет, и я, дорогая, виновник
Смерти твоей. Но во что же мое бытие превратится?
Вот они, о Венера и в небе высоком Юпитер,
Смертные наши дела и горести наши земные!
Кто мне скажет слова, от которых ночами ложится
620 На душу мир и покой на смену приходит заботам?
Кто в объятьях сожмет, устами к устам приникая?
Радости нет без тебя. На что мне дворец многопыльный
С толпами слуг, для чего тирийским покрыто ложе
Пурпуром, что мне сиянье камней самоцветных в хоромах?
Что мне державный венец и царства великого слава?
Жжет мою душу огонь, охвачено пламенем сердце.
Вечно ты будешь мила мне. Куда безвозвратно уходит
Прежнее счастье мое? Теперь до скончания века
Смертным рыдать о тебе придется. Ведь ты, Софонисба,
630 Гордостью высшей была богов и людей, воплощенным
Дивным нам образцом и примером чистейшей, небесной
Прелести. Видя тебя, поверишь, какая таятся
В мире пада звездном краса. Обрати же свой слух благосклонно
К этому плачу, молю, богине подобная ликом.
Горе, светочи глаз — несчастному вспомнить отрадно —
Светочи глаз, что и небо смягчали сияньем лучистым,
Холм ничтожный покроет, навеки сокровит могила;
Светочи глаз, чьи лучи до высоких богов достигают,
Светочи глаз, чьи лучи жестоких бойцов укрощают,
640 Глаз, для которых себя и заботы свои забывал я!

Лоб ее белоснежный, в кудрях золотых, несравненной
 Прелести полный, навеки под сумрачным каменным сводом
 Скроется. Сладостный смех, от которого дрогнуть способен
 Самое черствое сердце, который способен рассеять
 Даже тучи на небе, затихнет навек в преисподней.
 Горе мне! Счастливы те, кто в Тартаре дальнем увидит
 Этот сподобятся свет, разгоняющий тьму вековую!
 Вовремя те родились, перед взором которых предстанет
 То, что для взоров моих умрет. Естественным шагом
⁶⁵⁰ Белые ноги на челн поднимутся черный, пучину
 Вод непроглядных летейских легко перепрыгнув и быстро.
 О счастливый Харон! Доведись мне править кормилом,
 К берегу я приставать ни к тому, ни к другому не стал бы
 Долго, а ты бы моей тем временем правил державой!
 О старик ненавистный, когда тебе чудо такое
 Видеть случилось, когда увидеть случится вторично?
 Видел ты, как жену похитил себе под вершиной
 Этны высокой Плутон, и глаза твои старые помнят
 Облик Элиссы, лицо внушающей ужас Горгоны,
⁶⁶⁰ Лик Лаодамии той, что в петле вослед за супругом
 Смерть пожелала принять, прекрасную помнят Прокриду.
 Помнят Елену и дочь Миноса одну — ведь другая
 Дочь его звездным венцом в небеса устремилась, — но разве
 Женщины эти такой красотой совершенной сияли?
 О жестокий старик, поверь мне, подоблой вовеки
 Прелести мир не увидит, и даже во дни золотого
 Века не видел. Тебя покорит ее молодость сразу.
 Ты загорисься, поверь мне, старик, и сам же, пожалуй,
 Скажешь, что медленно я чересчур за супругой несчастной
⁶⁷⁰ Следую. Нет, я приду. В земном заточенье томиться
 Мне осталось недолго. А если, увы, не дарует
 Смерти судьба и в телесной удержит меня оболочке,
 Я покончу с собой и юношу страстного строго
 Ты не суди, о старик, такой же охваченный страстью.
 Если фракийский певец сумел сладкогласною лирой
 Гнев твой, Цербер, унять, то какие же чувства пробудит
 Вид супруги моей в тебе и в угрюмом владыке
 Тартара? Право, боюсь, что любимой мою пленившись,
 Матери старой тебя поспешит он вернуть, Прозерпина.
⁶⁸⁰ Вздорны мечтанья любви, несбыточен бред ее сладкий!
 Долго бы счастлив ты был, Массинисса, когда б равномерно
 Счастье дарила судьба! Довольно же, царь несчастливый.
 Слезы горькие лить и печальные жалобы множить.
 Милая радость моя, души моей часть, утешенье
 Краткое, долгая боль, супруга преславная, ныне
 Ты к Елисейским полям прямой удалишься дорогой,
 Смертью своею меня в отчаянье слезное ввергнув.

- Следом пойду за тобой и от злого избавлюсь недуга».
- Он умолк и уснул. Дремота, подкравшись тихонько,
- ⁶⁹⁰ Члены усталые вдруг недолгим сковала покоем.
Но и во сне продолжал он и небо, и мрак преисподней
Клясть, и судьбу продолжал, и смертных винить, и бессмертных.
Вот, предвестьем конца несчастной любви, лучезарный
Феб на востоке встает, из вод выходя Океана.
Пенье послышалось труб. Встрепенувшись, вскочил Массинисса
На поги. Гневом кипит и судьбу прокликает, как прежде.
Видя, что лагерь пришел в движенье, наказ полководца
Он отвергает всердцах и силу находит ответить
Смелым отказом. Внимая совету любви злополучной,
- ⁷⁰⁰ Царь принимает решение ужасное: он золотую
Чашу вручает рабу, который печальную службу
Нес хранителя ядов. И доверху пенистой смертью
Налитый видя сосуд, слуге отдает приказанье:
«С этим ступай и доставь несчастной царице прискорбный
Дар мой. Выполни то, что свято обещано было.
Пусть узнает она, что слову я верен, и выбрал
Лучшее. Много милее мне был бы, свидетели боги,
Выход иной, но напрасно искал я решенья такого,
Чтобы царицей она оставалась и жить продолжала
- ⁷¹⁰ В браке со мной. Величавый противится этому грозно
Римлянин. Волей судьбы и волей богов Сципиону
Власть надо мною дана. Так пусть же царица рассудит
Здраво, какое паденье грозит ей, какой она может
Участи ждать без моей защиты, какого величья
Полон был муж ее первый, какая отца украшала
Доблесть, и примет сама решенье, которое будет
Званья и крови ее достойно. Лишь средство могу я
Дать ей, чтоб бегством спаслась и путь отыскала к свободе».
- Так он сказал и глаза отвел, заливаясь слезами.
- ⁷²⁰ Вот у порога царицы стучится гонец торопливый
С даром зловещим. Навстречу седая выходит старуха
В рубище, видит пришельца, спешит с докладом к хозяйке.
Та замешкалась было в каком-то внезапном испуге,
Но не надолго и вскоре без всякого страха сказала:
«Пусть он войдет». Порученье царя излагает, уставясь
В землю, дрожащий гонец. Она говорит, не дослушав:
«Что принес ты, приму с готовностью, царского дара
Я не отвергну, коль скоро прислать мне любимый и милый
Больше не мог ничего. Я лучшей погибла бы смертью,
- ⁷³⁰ Если бы в день роковой, безумная, замуж не вышла,
Ибо — свидетели боги — одни лишь радости прежний
Муж мне дарил дорогой; но я вознестись пожелала
К звездам, как будто с меня земные сорвали оковы.
Эти слова передай, кончины моей очевидец.

- Вы же, владыки небес, и широких морей, и средины
 Мира, и тьмы преисподней, в которую, хоть и до срока,
 Я сегодня уйду, внимлите сочувственно плачу
 Этому, если с подобной взывать к вам дозволено просьбой.
 В слух обратитесь, и небо, и море, и недра земные!
⁷⁴⁰ Я умираю. Не смерть мучительна мне, а причина
 Смерти. Какое дело до наших сношений и связей
 Римским вождам? Велика, непомерна их чванная гордость!
 Мало того, что врага наследственной власти лишили,—
 Душу свободы лишают, расторгнуть дерзают законный
 Брак, любовь растоптать, священное ложе супругов
 Смеют предать поруганью, когда полководец латинский
 Полной победы достиг и никто не решится перечить
 Воле Юпитера вечной. Пусть римлянин этот печально
 Жизнь свою копчит, пусть Рим не будет ему благодарен,
⁷⁵⁰ Пусть от отчизны вдали, друзьями покинутый всеми,
 Он в деревне глухой, в одиноком стареет изгнанье,
 Радостей пусть никаких не увидит вовек похититель
 Радости нашей, пускай обидами он дорогого
 Брата казнится, скорбя о горестном жребии ближних.
 Пусть еще сын ему скверный последние годы отравит.
 И наконец, Сципион, желаю тебе, чтоб в могилу
 Бедную лег ты, собой и отчизной своей недоволен,
 Жалобы злые велев на каменном высечь надгробье.
 Что ж до тебя, мой супруг дорогой, то смуты соседей
⁷⁶⁰ Пусть досаждают тебе беспрестанно, коль скоро ты будешь
 С ним после этого в дружбе: безвременной смертью, увидишь.
 Дети родные твои погибнут, и ляжет на внуков
 Скверна взаимных убийств. Над племенем вашим побитым
 Римский кровавый мужлан пускай надругается злобно,
 Пусть побежденных погонит пред гнусной своей колесницей.
 Вами Рим пускай свои украшает триумфы!»
 Так она изрекла. Вокруг, пораженные страшным
 Зрелищем этой кончины, стояли в слезах домочадцы.
 Чашу в руку взяла и светочи глаз устремляя
⁷⁷⁰ К педу, сказала она: «Прощайте, о солнце и боги,
 Помни меня и прощай, Массинясса». И сразу, не дрогнув,
 Словно сгорая от жажды, недоброе выпила зелье
 Залпом, и к теням душа унеслась, митежная, в Тартар.

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

- . . . . .
 Так, хоть и ранен он был и добра не сулила примета,
⁸⁴⁰ С якоря снялся Магон и, Генуи берег покинув,
 Морю вверил себя, чтоб домой напрямик воротиться,
 Если то суждено. Постепенно становится выше

Гор кедроносных гряда, — нет лучше лесов, чем на этом
 Взморье, где редкие пальмы вдали зеленеют по склонам.
 Дальше — гавань Дельфин, защищенная солнечной рощей
 Мыса, что гребнем своим отметаает разгульную силу
 Австров и вечно хранит спокойствие вод неподвижных.
 Там же, с другой стороны, залив изливается Сестри.
 Дальше, на Красную гору и кряжи Корнелии глядя,
 85⁰ Тянутся дружно холмы виноградников, Бахусу милых,
 Щедро залиты солнцем — сладчайшим славятся соком
 Здешние лозы везде — отступить перед ними не стыдно
 Ни фалернским винам, ни даже хваленым меройским.
 То ли бесплодны тогда, то ли просто неведомы были
 Эти земли поэтам, но песен о них не слагали, —
 Я их сегодня обязан воспеть. Вот, на берег глядя,
 Видят остров пловцы и Венерой любимую гавань,
 Прямо напротив которой гора возвышается Эрикс,
 Что в италийском краю сицилийское носит название.
 86⁰ Эти холмы, я слышал, Минерва сама возлюбила,
 Ради местных олив родные покинув Афины.
 Вот и Ворона выступ врезается в воду, и волны
 С гулом и плеском кругом о камни на мелях дробятся.
 Знают о том моряки, что здесь, среди отмели черной,
 Вздрыблен отвесный утес, а рядом с этим утесом
 Ярko белеет скала под ударами жгучими Феба.
 Вот уже различимы в укромной извилине бухты
 Устье стремительной Макры и Лúны высокой чертоги.
 Вот и медлennyй Арн, уcмиряющий волны морские:
 87⁰ Город стоит на его берегах, прекрасная Пиза.
 Взоры пловцов и персты ее отмечают. А дальше
 Берег Этрурии виден и крошечный остров Горгона,
 Славная Эльба видна и Капрея, где только крутые
 Скалы повсюду. И вот позади остается и слева
 Джильо, что мрамором белым богат, — напротив и рядом
 Две горы, чьи названия от двух происходят металлов,
 Ибо их нарекли Серебряный холм и Свинцовый.
 Здесь Геркулесов залив у горки отлогой и гавань.
 Что Теламон основал, и хоть бедный водою, но бурным
 88⁰ Омутom страшный поток, жестокий с пловцами Омбронем.
 Справа подветренный берег остался Корсики, густо
 Лесом поросшей. И вот Сардиния взгорий тлетворных
 Цепь открывает вдали с одной стороны, а напротив
 Рим златоглавый и Тибра на взморье клокочущем устье.
 Этix достигнув краев, среди моря, юный пуниец
 Близость смерти суровой почувал: все жарче и жарче
 Страшная рана горит, и боль спирает дыханье.
 Глядя последнему часу в лицо, карфагенянин начал
 Речь свою: «Вот он каков, конец удачи высокой!»

- ⁸⁹⁰ Как мы в радостях слепы! Безумцы те, что ликуют,
Гордые, стоя над бездной! Несметным подвержена смутам
Их судьба, и любой, кто к высотам возносится, кончит
Тем, что рухнет. Вершина великих почестей зыбка,
Лживы надежды людей, обманчивым блеском покрыта
Слава пустая, и жизнь, что в труде непрестанном проходит,
Ненадежна, увы! надежен лишь вечно неожиданный
День, в который умрем! Увы, с нелегкой судьбою
Люди родятся на свет! Все твари живые спокойны;
Нет лишь людям покоя. Весь век пребывая в тревоге,
- ⁹⁰⁰ К смерти спешит человек. О смерть, величайшее благо,
Только ты и способна ошибки открыть и развеять
Жизни вздорные сны. Несчастный, вижу теперь я,
Сколько сил положил впустую, как много ненужных
Взял трудов на себя, Человек, умереть обреченный,
К звездам стремится взлететь, но дел человеческих цену
Смерть заставляет познать. Зачем на Лаций могучий
Шел я с огнем и мечом? Зачем посягал на порядок,
В мире царивший, зачем города повергал я в смятенье?
Что мне в блестящих дворцах, в их мраморных стенах высоких,
- ⁹¹⁰ Мною воздвигнутых, если злосчастный мне жребий достался
Смерть принять под открытым небом? О брат дорогой мой.
Что ты задумал свершить, не зная жестокости рока,
Доли не зная моей?» Умолк он. И с ветром унесся
Дух отлетевший его в такие высоты, откуда
Рим и родной Карфаген одинаково взору открыты.
Счастье его, что до срока ушел: ни разгрома не видел
Полного в самом конце, ни позора, что славному войску
Выпал, ни общего с братом и родиной попоранной горя.
- . . . . .

ПЕСНЬ ДЕВЯТАЯ

- По морю плыл Сципион. Бороздя спокойную воду,
Римские шли корабли. Не шумела, валов не вздымала
Буря, ветер утих, улеглись, победителя чуя,
Волны. Спокойнее волн и ясного неба яснее
Лик его был безмятежный, дышавший довольством и миром.
Все стихии, казалось, не только враждебные воды,
Были сегодня вождю послушны. Вдали оставалась
Африка. Весело шли, под песню военную дружно
Водную гладь рассекая ударами мощными весел.
- ¹⁰ Молча сидел на корме, размышленьям своим предаваясь.
Эний, всегдашний свидетель деяний вождя и участник.
С ласковым словом к нему подошел наконец и такую
Речь повел Сципион: «Не пора ли нарушить молчанье.
Друг мой, отрада моя, утешитель в трудах и тревогах?»

Слово скажи, умоляю. Ведь знаешь, что вечно заботы
Гложут мне душу, что тяжесть снимаешь с нее неизменно
Мирной беседой. Стихи из уст твоих хлынут потоком,
Если тебя при рожденье божественным певческим даром
Сам наделил Аполлон и кастальской водой родниковой
30 Девы омыли тебя, что на склонах живут Геликона,
Если младенца они на высокие вывели холмы,
Если помыслы, голос, перо ему дали поэта».

Энний голову поднял и так Сципиону ответил:
«Что бы, Италии цвет, богов упование и радость,
Юноша, ты пожелал из уст моих нынче услышать,
Что прикажешь поведать? Я, право же, только что молча
Думал о том, что таких ни одно не увидит столетье
Подвигов славных, какими богато прекрасное наше
Время, что всякий теперь твоё добродетельное имя

40 Будет твердить, кто затеет великое дело, высокой
Сердце мечтой окрылив; что к своим приступая деяньям
Вспомнит он Сципиада и счастьем почел бы воочью
Лик твой увидеть. За гробом тебя ожидает, поверь мне,
Большая слава. Ведь смертных томит и терзает обычно
Зависть к живущим. А смерть на нет её сводит, отводит,
Гонит прочь от могил. И прежде-то с этой бедою
Слава справлялась твоя. Ни тлен, ни болезни, ни злоба
Ей уже не страшны, вознесшейся к небу и равной
Славе богов. Обещать, однако, что день твой последний

40 Будет только началом твоей возрастающей славы,
Опыт велит мне. Чем дальше ты сам уходишь от смерти,
Тем пышнее цветет тобою добытая слава.
Время ей прибыль сулит, и славен ты будешь, покуда
Держится мир. Совершенней не станет он. Только упадок
Ждать его может, боюсь. А словесное наше искусство
Должных достигнуть высот покамест еще не сумело.
Вышло недавно оно из корней неказистых, и прежде
В Риме не знали о нем. довольствуясь песнями греков.
Вот об этом-то я и думал с печалью и болью:

50 Мысль возмущала меня, что певцов не найдется, достойных
Доблести славить твои. Великий царь македонян
Надпись на камне могильном Ахилла прочел и воскликнул.
«Юноша, счастье твое, что такого глашатая древле
Имя твое обрело!» Немалое это и вправду
Благо для славных мужей — найти поэта, который
Звонким способен стихом деянья великих украсить,
Памятник вечный воздвигнуть достоинствам их и заслугам.
Ну, а тебе, полководец, которого только Гомеру
Славить пристало, судьба, во всем благосклонная прочем.

40 Лишь меня даровала. Родится, быть может, позднее
Тот, кто в достойных стихах восславит тебя и сумеет

Весть донести до небес о делах, сотворенных тобою,
Тот, кому Каллиопа и струны, звенящие громче,
Даст, и лиру получше, и голос мощнее, чем этот».

«Полно, пустые слова: по-моему, ты не уступишь
Впрямь ни Гомеру-певцу, ни певцу Еврипиду, что высшей
Славы достиг, ни прочим поэтам, которых по праву
Эллины чтут. Не хочу, чтоб другие меня воспевали.
Если уж петь обо мне», — отвечал Сципион, — «то тебе лишь».

⁷⁰ Выполни просьбу мою, поведай, чтоб знал я отныне,
Что дозволено вам, песнопевцам, и давний обычай
Этот мне объясни: почему и вождей достославных
Принято лавром венчать, и самых великих поэтов.
Ты не думай, что я плохой для такого рассказа
Слушатель. Нет, красота волнует и радует сладко
Сердце мое, и душа, затвердевшая в битвах и войнах,
Мирным внимая речам, отдыхает всегда и отходит».

Эний ему отвечал: «Таких не бывает на свете
Диких и черствых людей, полководец добрейший, чтоб счастьем
⁸⁰ Не было высшим для них среди треволнений житейских
Сладкий послушать напев Пиэрид и прекрасные пляски
Дивных богинь подглядеть. А сердце твое, полагаю,
Музам открыто всегда. Такого великого мужа
Чуждым искусству родить Природа не может. Ошибкой
Было бы, если б она, наделив человека желаньем
Славы, любовью к Музам ему не наполнила сердце.
Кто большие дела содеял, тот непременно
Чтит бессмертных певцов и песни священные любит.
Ну, а теперь на вопросы, которые ты задаешь мне,
⁹⁰ Кратко отвечу. Не в том состоит нестесненность поэта,
В чем ее видит обычно толпа.

Пишущий должен сперва за прочное взять основанье
Правду, и только затем, на нее опираясь, укрыться
Может он в облаке пышном, в приятном словесном тумане,
Долгое публике чтение готовя и легкое вместе,
Помня, что главное — мысль, а совсем не изыск, и что правда
Выдумок лучше любых. Корпеть над преданьями предков,
Помнить о славных делах, вникать в поучительный опыт
Жизни, в уроки природы — на это, поверь мне, поэты
¹⁰⁰ Право имеют. Но пусть под покровом такие таятся
Знанья, на свет выступая лишь изредка. Тонкой завесой
Нужно скрывать их от глаз и показывать как бы случайно.
Кто сочиненья свои на вымысле строит, не смеет
Званье поэта носить и певца вдохновенного, только
Званье лжеца заслужив. Теперь ты знаешь, пожалуй,
То, что узнать пожелал: какие пределы и свойства
Труд наш имеет, и что дозволено в нашей работе.
Лавр остается еще, которым венчают порою

- Нас наравне с тобой. Поскольку и доблесть и гений
110 Славы достойны равно, то эти зеленые листья
Вождь на священном челе и певец одинаково посят.
Знаком бессмертных заслуг надежнейшим служит обоим
Лавра бессмертная зелень и долгую жизнь обещает.
Вот почему возлюбил это дерево бог вдохновенья,
Спутник Муз Аполлон, который под пенье кифары
Столько раз хороводы водил в Киррейской пещере.
Кроме того, лишь в лавры одни не мечет Юпитер
Молний разящих своих. Такой уж сподобилось чести
120 Дерево это: его и царь не обидит небесный.
Молний молва не боится. От старости только всеильной
Может она умереть, и слава поэтому наша
Знаком своим избрала вепок, из священных сплетенный
Листьев, которые тоже не знают пред молнией страха.
Энний умолк. Сципион улыбнулся. «Рассказ твой прекрасен.
Только краток досадно. На самом пленительном месте
Бросил ты нас посреди дороги, чтоб жаждой томилась.
Нет, продолжай! Берегов не видно покамест, и солнце
Неба вершину прошло. От слов, которые сладким
130 Долгой нас услади. Скоротаем приятное время,
Путь скоротаем быстрее морской!» Повинуясь приказу,
Энний начал, и тут корабельщики сразу притихли,
Свита умолкла вокруг. «Следы обнаружить стараясь
Редкие славы былой, искал я в прошлом пытливо,
Все века изучал, сколь можно, покуда до мрака
Полного я не дошел и мыслью до тех не добрался
Первых мужей, которых, путем утомленная вечным,
Скрыла в тумане времен и в забвенье оставила Слава.
Долгом считаю своим и гордостью преданно помнить,
140 Чтить непременно и свято, как предков своих почитают.
Всех, чьи деянья меня поражали величием и блеском.
Первым делом поэтов, блестящим пером знаменитых,
Принял я в душу свою, в глубину сокровенную сердца.
Выше тысяч других Гомер для меня. На него лишь
Я одного непрестанно с восторгом гляжу и любовью.
Часто кажется мне, что с неба сошел он, и часто
Я поражаюсь, что мог человек в такую забраться
Высь, так звездные тропы познать и дали земные!
Хоть и задолго до новых владык и задолго до римских
150 Жил он времен, но его современником нашим я вижу
Мысленно, чуткой душой оживляя придуманный образ.
Не было дня, чтоб о нем я не думал, не было ночи.
Он растягивал мне короткие трапезы. Он же
Долгий путь сокращать меня научил и к вершинам
Гор неприступных по ровной спокойно вбираться дороге.

Право же, что б я ни делал, я с ним пребывал постоянно,
Бодрствовал я или спал, дневной ли порой или ночью.

Он ведь даже теперь, в годину войны многотрудной,
Мне явился во сне. Но было ли то сновиденьем?

¹⁶⁰ Глаз я в тот день не смыкал. Ведь кончился мир, и хватались
Все за оружие кругом. Запаздывал ты с возвращеньем
В лагерь, и я волновался. По правде сказать, никакого
Не было страха во мне. Но сменялись надеждой сомненья
Лишь до захода солнца. Когда же ночь наступила,
В душу забота вошла: что день обещает грядущий
После стольких тревог? И вот среди ночи я вижу:
Старец подходит ко мне. Лоскутьями тоги прикрито
Тело его, да еще бородой седой и лохматой.

Не было глаз у него. Неопрятное это величие,
¹⁷⁰ Эти глазницы пустые меня испугали донельзя.
Я застыл в ожиданье. Но словно бы ужас мой видя,
Он в мою сторону руку простер и по-гречески молвил:
«Здравствуй же, мой дорогой, единственный друг мой в латинских
Землях! Сбылось, наконец, желанье твое, и Гомера
Видишь таким ты, каким он был когда-то при жизни.
Вот и пришел я сюда, с трудом отомкнувши темницу
Дита, прорвавшись на свет сквозь безмолвные толщи земные».
Я согнулся в поклоне, чтоб к этим ногам прикоснуться,
Но лишь тень увидал и к земле прижался губами.

¹⁸⁰ «Встань, — сказал он, — как равный ко мне подойди: ты достоин
Чести такой — и покуда позволит нам время, насытись
Столь для тебя вожделенной беседой со мною». Пылая,
Встал я и молвил: «О слава блестящая рода людского,
Цвет Арголиды, кто смел такого великого мужа
Так изувечить, лишив чело священное это
Светочей, поводырей природы, кто смел обездолить
Мир злодеяньем своим? Ты мне представлялся иначе:
Зоркостью ты восхищал, остротою Линкеевой взгляда,
Душу влюбленную. Есть ли в пределах Эллады богатой.

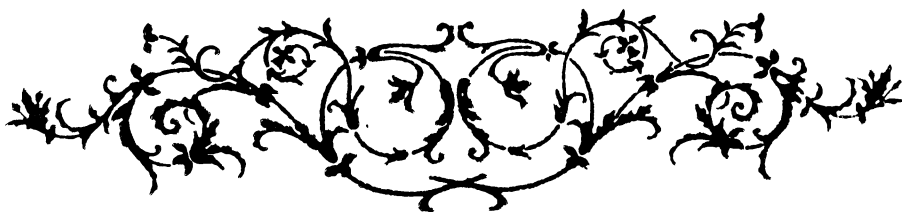
¹⁹⁰ Щедро с обеих сторон морями омытой, такая
Пристань, такие холмы, такие деревни, такие
Скрытые в долах пещеры, такие лесистые кручи,
Скалы такие средь волн, на которые ты бы не пролил
Ясного света? Так, значит, другим ты увидеть позволил
Дальнее, сам же не видишь и близкого? Ум не постигнет
Чуда такого! Киклады могу перечесть, что в эгейских
Водах рассыпаны цепью, изгиб геллеспонтского взморья
Вижу малейший, а ты и меня-то увидеть не можешь,
Столько всего показав мне!» На это старец ответил:

²⁰⁰ «Правду суцую ты говоришь. Но чему тут двинуться?
Разве, по-твоему, бог, отнявший телесные очи,
Дать не мог мне взамен других, что сокрытое видят?

Смертный, роптать отучись и не жалуйся вечно на волю
Бога! Ропот такой — великая глупость людская,—
Что бы ни сделал он, прав он. А вам, ничтожным и слабым,
Знать всего не дано: во мраке темницы живете.
Скольким вредили глаза, блуждать, как слепых, заставляя
Зрячих и вдаль уводя от намерений честных и добрых!
Вот почему хорошо, что снята с меня эта обуза,
21. Вред приносящая многим. Давай же двинемся дальше!
Ты вожатым слепым не гнушайся. Увидишь, возможно,
Много приятного сердцу. Не надо с тревогой и страхом
Думать о будущем. Знай, что кровью пунийцев равнину
Завтрашний день оросит, а Рим победителем выйдет».
Я, ликуя; за вещим тогда последовал старцем...

.....

ПРОИЗВЕДЕНИЯ,
ОТНОСЯЩИЕСЯ К ОБНАРОДОВАНИЮ
ПОЭМЫ «АФРИКА»

І. СТИХИ

ИОАННА БОККАЦИЯ ЦЕРТАЛЬДСКОГО
В ЗАЩИТУ «АФРИКИ» ПЕТРАРКИ,
ДА БУДЕТ ОНА ИЗДАНА В СВЕТ

«Африка», плод благородной души Франсиска Петрарки,
честь Итальянской земли, почто в неведение дремлешь?
Иль не провидишь, не чувствуешь ты, каковы готовят
беды тебе с небес на судьбу восставшие звезды?

- ⁵ Вот Венетийский сенат, пред которым велела Фортуна
быть защите твоей, на площади суд созывает.
Суд воссел посреди; взлетает трескучее пламя
ярое ввысь до небес и грозит осужденным писаньям
казнь со всех сторон, облегли лобное место.
- ¹⁰ С той восстав стороны, ненасытное чудище-Зависть,
змеями с шеи шипя, в огонь велит тебя ввергнуть —
так-де велел суровый творец, когда ему в жизни
свет последний блеснул, а обычая сила могуча,
и почитается он, как закон, по уставам афинян,
- ¹⁵ коим двенадцать квиритских таблиц отнюдь не перечат.
Встав супротив, Благочестье в слезах, окруженное сонмом
скорбных Стенаний, и с ним чередой сладкогласные Музы
молят, рыдая, сенат и возносят умильные просьбы,
да не погибнут великих мужей святые деянья,
- ²⁰ да не пожрет огонь песнопений учености вещей.
В недоуменье сидит сенат и говором многим
надвое судит, кому дать веру, в чью сторону право
клонится, то ли к врагам, а то ли к певучим Каменам?
Ты ль колеблешься? ты ль цепенеешь, не зная, что делать?
- ²⁵ Встань, молю тебя, встань, сама себе будь во спасенье!

В час, когда все навесу, приговор не скрепился печатью
цензорской, и божества дают тебе краткое время,—
к прежней силе вернись, отринь постыдную леность,
смертной напасти конец положи; проржавелую ветхость
30 хрупких цепей руками порви, претящие двери
сбей с косяков, из злых узилищ и темных застенков
быстрым бегом беги: твой страж суровый и строгий,
столько лет дорогих из твоей похитивший жизни,
пыле покинул тебя, о лучшем взыскав уделе.
35 Что же ты медлишь? Смотри, беспечная, сколько народу
делят с тобою и боль и страх; подумай, сколь много
вместе погибнет с тобой, коль ты позабытой погибнешь:
возобновленная честь латинской отеческой Музы,
лавр, на Тарпейской скале из перстов воспринятый римских.
40 и красота, услада для всех, и поэзии прелесть,
и дарованье творца твоего, и труд понесенный,
и полонившая мир многогласная слава героев.
Неподалеку стоит, прорвавшись из горного плена,
45 Соргия, в токе своем катя пещерные глыбы,
с тяжким шумом, покрытая мглой, врываясь на пажить
и, возмущаясь за тебя, за тебе грозящую участь,
топит и губит и в море несет труды земледельцев;
а из прозрачной волны голубое чело воздымает
50 мать Фетида в кругу наяд, рыдающих в бездне
о подступившем к тебе огня угрожающем треске,—
ибо не та ли река под сеньми горной дубравы
новорожденной тебя приняла и вспоила в объятьях,
и сберегала тебя, и звенящий твой след сохранила
55 на травяных берегах, и там же на долгие годы
запечатлела она творца великого поступь,
где когда-то он дал движенье, душу и силу
милому чаду, которое он, породивши, оставил
тонкий звон передать речному певучему бегу.
60 Так шумит река, так все шумят горожане,
так вельможи шумят, градской окружив Капитолий:
в страхе они о суровых твоих испытаниях плачут,
и призывают тебя, и к бегству склоняют, и молят
скрыть себя от огня и ввериться в верные руки
65 тех, кто предан тебе, и жить предолгие годы;
лишь пожелай и вернись, и Муз призови Авсонийских
в первоначальный приют, увидеть римские холмы;
и хоть тебе не дано отстроить былые руины,—
песню их оживи и древних мужей именами.
70 Слышишь? из урны, где прах того, чьи грозные войны
ты воспевала, звучат, мешаясь со слезной мольбою,
речи: не руть священный покой! — и смиренные просьбы:

не предавай огню ту славу, которую снова
 к жизни ты воззвала вековечную песней, и старца
⁷⁵ не обрекай на изгнание, а римский трофей на забвенье.
 Слышишь? Евбейский утес, и сирены, обсевши скалистый
 берег Байев, и склон любезного Вакху Везева —
 все воссылают мольбы, страшась твоей участи горькой!
 Между мраморных скал и резного могильного склепа
⁸⁰ стонут тритоны о том, чтобы вспомнили волю Роберта,
 ибо сулил государь веледушный творенью Петрарки
 быть при нем и гласить векам Робертово имя,
 ради такой судьбы не жалея поэту почета.
⁸⁵ Молви: слышишь ли ты? злополучная ныне в темнице,
 сирой, убогой, нагой, одинокой себя именуя,
 тщетно тебя в утешенье себе Флоренция кличет!
 Голову вскинь и увидишь сама: в томленье, в рыданье
 собственной рвет рукой власы над челом она мрачным,
⁹⁰ в грудь кулаками разит, беспощадные ногти вонзает
 в щеки, лицо бороздя, власяницей покрытая черной,
 прахом себе осыпав главу, взывая к загробным
 Паркам, к недобрым светилам небес, поминая, как ночью
 труп разъят и в три стороны на распутьи разметан.
 Только тебя она ждет, от тебя она ждет избавленья
⁹⁵ во злополучьях своих; так что же с любящей будет,
 если дойдет до нее, что в огне ты сделалась пеплом?
 В ярости бросится смерти искать, воззовет к Евменидам,
 чтобы казнили тебя, разметали тебя меж безлицых,
 ибо, останься ты с нами в живых, ты бы ей даровала
¹⁰⁰ славное имя в веках. Скажи, возможно ли душу
 не умягчить такую мольбой и такими слезами?
 Если же мать не тронет тебя и друзья не умолят,
 то поразмысли сама о себе и грядущих потомках
 в дальних веках: беги, оставь за спиною неверный
¹⁰⁵ крик Евганейских гор и не бойся, молю Геркулесом!
 Будут тебя охранять с Кастальских высот Пнериды
 вещим хором своим; Аполлон, державный владыка,
 право твое защитит своим божественным луком.
 Славный город Париж, давно о тебе вождедея,
¹¹⁰ руки простер к тебе и молит поклонной мольбою:
 не откажи в его стены войти, он бдит о поэтах
 и сберегает с далеких времен творения древних.
 Мало того: тебя по рождению, гражданству и братству
 ждет к себе вышний Рим, и силы его наготове,
¹¹⁵ чтобы тебя защитить от угрозы любого фригийца.
 Третьей тебя зовет кормилица римского права,
 город Болонья, обрести приют и конец испытаньям
 (не обижайся на то, что не самые видные выси

ищут тебя, и что брашь воздвигают могучие перья:
120 так бесполезно бывает просить имущих, по алчных,
словно на голой скале, воссевших в высоком сенате).

Перечислять ли владык и свободных общин пожеланья,
чтобы при них ты жила спокойно и благополучно?

Право, довольно того, что к тебе простирает объятия
125 мать Флоренция, град, которого нет знаменитей
во Итальянской земле, ни сильнее, ни больше, ни выше.

Здесь для тебя и отвага и муж и оружие и средства—
всё! Воротись—и сама подивишься, как сто поселений

вспыхнут весельем навстречу тебе, запоют горожане
130 гимны Юпитеру, Фебу хвалы, украсят цветами
створы и своды, тебя восславляя до высей небесных;
звонким их голосам откликнутся лирные струны

из-под перстов Аонид, поблекшие лавры пробрызнут
свежей зеленой листвою, текучая Соргия плавно
135 вширь растечется по мирным полям; молодые квириды,
радостью вздумав, что вновь воротились старинные годы,
зарукоплещут во храмах, увьют венками театры,
празднуя игры и хоры ведя по былому уставу.

Из Авсонийских болот, из могильного праха восстанет
140 вновь Сципиад, и в отеческий Рим и к святому Сенату
вновь направит свой путь и с упряжкой своей белоснежной
ввысь позабытой тропой триумф поведет через Город!
Если бы ведал Роберт, какую красотою увенчан
грозный его перун,—бестревожно он спал бы во гробе.

145 Впрочем, что говорить? Все отечество наше воспрянет
вслед спасенной тебе, отринет унынье, возложит
тускский венец на чело, облечется в властительный пурпур,
весь устремится народ навстречу тебе и в объятия
будет рад заключить свое порождение.

Что же

150 ты, онемев, цепенеешь? зачем несогласна с народом?
Медлить забудь, ко счастью спеши, святые страницы
верным друзьям открой: не утаивай ведомой тайны,
пусть увидит народ италийский, и юный и старей,
пусть увидят испанец, галл, тугодумный британец,
155 житель суровой германской земли, насельник Дуная,
все, какие ни есть народы под хладной звездою,
кто сей муж, честной в трудах и грозный во бранях,
кто твой герой! Пройдут века, и узнают потомки
про корабельный ужасный поход, паруса над пучиной,
160 в грозный вставшие строй, и правую ярость отмщенья
тем, кто его заслужил: как громило победное войско
берег, как рушились в прах городов и крепостей стены,
как на лептийских полях дружины о знатной добыче

- бились строем на строй, как пылали Сифаковы стаи;
 165 пусть узнают о том, как покрылись ливийские нивы
 красной кровью, как вождь одноглазый, гонимый свирепым
 Марсом, на помощь родной земле поспешал через море,
 как огню и мечу покорялись сидонские стены
 и волоклись под ярмо тирийские пленники в узах.
 170 Ты же, Господь-Отец, принявший престол Громовержца,
 вкупе с сладчайшим Христом, яви новородной поэме
 вышнюю помощь и честь, укрепи ее божеской силой,
 дух вдохни, пути укажи, ведущие к бегству,
 175 вспять обрати, кто погонится вслед поэме, несущей
 Божий знак на челе. Молю, благим милосердьем
 грех отпусти друзьям, нарушившим строгую волю.
 Это не первый пример. Ты помнишь, некогда Цезарь
 волю Марона указом своим отменил во спасенье
 дивной славы и вечной красы его «Энеиды»:
 180 вспомни, что Ты, как и я, одобрил державное слово!

II. СТИХИ К ПЕТРАРКЕ ОТ КОЛУЦИЯ ПИЕРИЯ,
 ПОБУЖДАЮЩИЕ ЕГО
 К ИЗДАНИЮ «АФРИКИ» В СВЕТ

- Оный муж, «честной в трудах и грозный во бранях»,
 коего ты воспел,— зачем, коли ныне сокрыт он
 снова от глаз и мучит нас всех столь долгой надеждой? —
 тот Сципиад, железный герой, божественный отпрыск,
 5 мститель за Требию и за Тицин, отца и отчизну,
 тот, который омыл позор поражения при Каннах,
 тот, кто заставил суровый Рим позабыть Тразимену,
 кто Гесперийские стены низверг, карфагенское племя
 в марсовых многих боях отстранил от Иберова тока
 10 и на Гадесском берегу утвердил могущество римлян
 над океанской волной,— твоей яснозвучною песней
 хочет он выйти в свет и страждет горьким страданьем,
 что заточен и сокрыт, как в ночи, столь долгое время.
 О, не так ликовал он, когда Африканское море
 15 римским он войском дерзнул пересечь, и угрозную Бирсу
 бросил в дрожь, и явился воинственной Ливии так же
 грозен, как был Ганнибал, италийскую землю поправший,—
 больше ликует он днесь, когда наставшее время
 ждать побуждает его, что новая дивная песня
 20 грянет, ему возрождая хвалу! Он уже недоволен
 тем, что о нем прорекли летописцы, и даже медовым
 складом, который ему во славу сплели стихотворцы,—
 лучшей он ищет хвалы и песни, предбудущей вечно!

Ты же, которому в должные дни даровал Капитолий
25 дар почетной ливры, певцам назначенный Фебом,
ты, италийской войне и деяньям в цуническом царстве
в честь Сципиада поведший рассказ, прославлен молвою
радостной всех четырех концов латинского света,—
молви, открой, поэма твоя последним ли блеском
30 блещет, которого ждет? Величавой «Африки» слово
точно ли гладь и лоск получило, как мрамор для ногтя?
Ежели так, — а что так и есть, для нас несомненно, —
то почему нейдет она в свет? Доколе сокрыта
будет она в тесноте меж книг и ученых творений?
35 Видишь ли ты, как ждет ее Италия паша?
Многие знают, что ты историю выбрал предметом,
словпо древний Лукан, единой следуя правде
и воспрещая себе прелгать сказанья священных
книг и славный Парнас привычными баснями тешить.
40 Но уверяют одни, что воспел ты испанские битвы, —
им же другие в ответ, что ты вековечную славу
в песне своей подарил на ливийском сражениям бреге;
что ж, кому оказать мне веру? И вот молчаливо
я развиваю в уме весь свиток истории давней.
45 Сколько причин воевать и сколько начал у военных
было деяний, — не счесть; Аполлон и святые Камены
не миновали сего, но не все измерили тропы.
Подвиги стольких вождей, повергнутых жребием Марса,
в битвах, в которых они за отчизну и сладкую вольность
50 бились, и сколько раз уступали победным ливийцам,
столько же раз обращали опять поражения в победы,
то умножив войска, то вымолив милость всевышних, —
кто не знает, каков высок сей предмет, и какие
есть у поэтов слова сказать о нем? Дар красноречья
55 твой ни с кем не сравним, ты всех превзошел бы поэтов
лирной игрой, но и лирной игре есть мера, и нужно
вовремя песне конец положить, чтоб не стала докучна.
Пусть же будет началом войны Сагунт непреклонный,
противоставший бойцам карфагенским из верности Риму;
60 пусть, вознесшись душой Ганнибал от испанских триумфов,
Альпы прорвет и ведет свое победное войско
за италийскую грань, чтобы римской насытиться кровью;
пусть в Тицинском бою Сципион один с подоспевшей
встанет силой, прикрыв отца и могущество Рима,
65 пусть на Требийских брегах победившая Африка вдвое
счет побежденным ведет; пусть Тусция горькой слезою
читит Фламиниев прах, на диво врагам погребенный,
и апулиец клянет под Каннами скорбное поле,
все по колена в крови от стольких тысяч убитых;

- ⁷⁰ пусть в иберской земле два консула мертвыми лягут,
 римскую кровь пролив в коварной и подлой засаде;
 пусть в ту пору войны грозит отовсюду погибель,
 землю кровава и пеня волну багровою пеной
 римских дружин, — таково от пунийцев страдали латины, —
- ⁷⁵ я полагаю, что быстрым пером ты это минуешь,
 многое упомянув в опохальном взмахе триумфа,
 многое изобразив на щитах, а многое в тканях,
 пышный убравших чертог: для многого место найдется
 в скорбных словах побежденных врагов, а для многого — в гордой
- ⁸⁰ речи пришедших с победой, — на то твоя добрая воля.
 Так же укоротил ты, наверное, римские брани,
 где в авсонийских полях под счастливой звездой по воле
 строгого Марса дрожал Карфаген пред латинским триумфом,
 ибо и стертый во прах, растеряв италийскую силу,
- ⁸⁵ много раз умел отомстить сидонской победе
 Рим, воскресающий вновь и вновь из бывшего крушенья,
 в самой злой беде обретая волю к отпору.
 Так Ганнибала сдержал, четырежды сильного в битвах,
 Фабий-диктатор, сумев умедлить, и этим уменьем
- ⁹⁰ с гор обративши в бег пунийцев в их долинные станы;
 так и после Канн, когда в Сенатском собранье
 Рим назначали оставить навек, — тогда Сципиатов
 меч, подъятый в защиту, и дождь, нахлынувший с неба,
 вырвал войну из глотки врага, и она раскатилась
- ⁹⁵ вдаль по округе земной: там Марцелл сицилийские земли
 взял под пяту, там яростный Марс в бою при Карале
 дал нам Сардинский край, омытый афрскою кровью,
 там македонский царь, связавший себя потаенно
 узами с нашим врагом, простерт и вынужден к сдаче.
- ¹⁰⁰ И в италийских полях слабеют военные страхи —
 сам Ганнибал, латинской земли покоритель, Марцеллом
 молниеносным побит, и Капуя, сладкою негой
 дух ливийский смягчив, когда к Агенорову роду
 переметнулась одна, последовав року при Каннах,
- ¹⁰⁵ ныне, осадой стеснясь, открывается доблести римлян.
 Там, ворвавшись в Тарент, в котором держалась лишь крепость,
 римская рать, ведомая в бой благодетельным Марсом,
 стелет пунический строй и уводит во множество пленных.
 Упоминать ли о том, как Метавр вскипает пунийской
- ¹¹⁰ кровью, и в смертном бою неустанного Клавдия силой
 гибнет Гамилькарид, как тысячи падают в бегстве.
 и утопая в крови, искупают жестокие Канны.
 Здесь, устрашитель врагов, средь грома римских орудий
 молниевержный встает Сципион, поражая иберов,
- ¹¹⁵ выбравших путь пунийцам вослед; и здесь в твоей песне

вождь побежденный встает Гасдрубал, и великая битва,
и Карфаген на испанских брегах, по имени Новый,
стены которого в прах пред римским воином пали.
Здесь твоей песне открыт священный праздник и игры
¹²⁰ и приношения богам, обогранные родственной кровью,
и гесперийский царь, сметенный воинственным вихрем;
здесь предстают образцы целомудрия, чтимы героем,
тысячу раз, и тысячу раз — боевые деянья,
и Гасдрубал предстает, от измены ушедший с уроном,
¹²⁵ и вероломный Сифак, из горящего стана бегущий,
и от сильнейших врагов свой конец нашедшие оба.
Здесь предстанет тебе — так вернется могуче судьбы! —
сам италийской земли покоритель, а ныне оттоле
призванный слезной мольбой сограждан терпеть поражение
¹³⁰ от авсонийских дружин, — о, превратности Марсовой славы!
Тот, кто ужасен был римским войскам, по манию Марса
на Италийских полях их гнетя ливийскою силой,
ныне, когда веретена свои обернули три Парки,
должен войной в родную страну идти на подмогу;
¹³⁵ тот, кто в чужие края ходил победным походом,
ныне, молитвенно призван домой и принят отчизной,
хочет мира просить и воистину просит о мире;
тот, кто не медлил в боях, сраженья венчая победой,
в Лации Лацию быв победитель, — тот в крае пунийском,
¹⁴⁰ сам пуниец, разбит на глазах несчастных сограждан
и убегает едва с четвертою долею войска.

Столько великих дел, и столько иных, о которых
мне пришлось промолчать, но тоже взывающих к песне, —
как догадаться, с чего ты начнешь и какие деянья
¹⁴⁵ вложишь в высокую песнь? Сказать про все без остатка —
это никак не в мочь: длинна вереница событий.
Нам не понять, какой ты измыслил под сенью Парнаса
светоч — свой путь обрести в потемках истории славной.
Но вероятнее мне, что ты следами Марона
¹⁵⁰ дивного хочешь идти, которого строки святые
семенем этой войны фригийские бросили искры,
пламенем сжегшие грудь Элиссы, наследницы Бела,
и сохранившие жар по воле богов и поэта,
чтобы народ на народ воздвигнуть великой войною.
¹⁵⁵ Как, однако, ты двинул их в бой, и над ними — всевышних,
этого мы угадать не могли: кому благодет
нравом крутым Царица богов, кому обогранный
кровью ликующий Марс, Энио, Беллона, Паллада?
Многие думают так, что по скорбном сожженьи Сагунта
¹⁶⁰ ты Ганнибалу дал, бичу латинского рода,
истинный бич, в котором сплелись стигийские змеи.

Многие думают: после того, как по Тускским ущельям
 злобный Гамилькарид вступил в снеговые завалы,
 ты сочинил, что Тибр, враждебным испуганный войском,
¹⁶⁵ в мерзлых пещерах замкнул текущие с запада реки,—
 золотоносный Тицин, изогнутый в беге Атезис,
 и Эридапа-отца, который еще плодоносней
 ныне в море несет все воды из многих притоков,
¹⁷⁰ между которых и тот, что струит прозрачные струи
 через озерную глубь отеческой влаги Бенака,
 водообильный Тимав и Аддуа с быстрой волною.
 Не позабыт и рубеж знаменитый полей италийских,
 скудный родой Рубикон, и уже знаменитый в грядущем
 битвой пунийской Метавр, стремящийся радостно к устью.
¹⁷⁵ Здесь и этрусских рек череда — и Макра, и хищник
 света Умброн, где что шаг, то брод, и опасный для пашен
 вскопанных (так говорят) Анавр студеной волною,
 и даровавшая нашим местам прозвание Невала,
 Эльса и камни дробящий Бисент своими струями;
¹⁸⁰ та, наконец, где стоит Флоренция, знатный твой город,
 с той же горы, что и Тибр, катящая воды к широкому
 устью, где Пиза дает кораблям причальную пристань.
 Есть рассказ, что эта река обещала в несчастье
 брату Тибру помочь, и когда вознесенный гордыней
¹⁸⁵ вождь Ганнибал на слоне, уповая на божью подмогу,
 первым успехом войны тщеславился, тут-то она-то
 глаза лишила его, ненавистника силы и славы
 Рима, и вздутой волной едва не сгубила в разливе.
 Есть и такие меж нас, которые думают, будто
¹⁹⁰ с горных башен и круч, когда Ганнибал появился,
 Риму оружием грозя, то Юпитер собрал на собранье
 гневных богов и грянул из туч неожиданным ливнем,
 так преградив ему путь к трепещущим кровам Субурры.
 О, положи сомненьям конец: позволь нам увидеть
¹⁹⁵ все, что «Африка» нам'откроет божественным словом!
 Право же, ты, совершая стих святой: «Сципиады»
 столько дней и почей, превысил всякую меру:
 если в оные дни над божественной песней Энею
 десять лет Марон придавал ей достойную живость,
²⁰⁰ а «Фиваиду» свою не раз с великим успехом
 Стаций читавши вслух, едва на двенадцатом годе
 выдал в свет и стяжал далеко бегущую славу,—
 то почему же у «Африки» столь тяжелые роды?
²⁰⁵ Или, быть может, тебя страшат и лай и укусы
 вечных ругателей злых, и ты свое светлое имя
 черным тучам предать не хочешь, хоть в прежнее время,
 нашей хвалой ободрен, не боялся открыть перед всеми

плод не меньших трудов — пастушьи напевы буколик?
Пусть наш век нерадив, но принял он общим восторгом
210 эти стихи, предпочтя старинным песням Марона;
точно так же и злые твои — быть может, сверх меры, —
строки стяжали хвалу, и славятся доброю славой
песни, которые ты обращал ко многим, и дорог
каждый лист, к которому ты прикладывал руку,
215 будь то посланье к друзьям иль малая будь эпиграмма.
Хвалит тебя народ, а ученые люди тем паче
знают тебя наизусть, и в веках прозвучит твое имя.
Этот видя почет, ужели ты станешь бояться,
что от дурного словца твоя умалится слава?
220 Пусть язвящий язык на твои творенья восстанет —
лишь захоти: за тобой, за тебя поднимется в битву
дружный защитников полк, глася твою славу по свету.
Ежели сам ты смолчишь — все равно, взгляни и увидишь
доброжелателей сонм, за тебя готовый к сраженью.
225 Пусть даже все смолчат, пусть даже — трудно поверить —
незащищенной пойдет на борьбу твоя «Сципиада»,
и не сумеет сама за себя постоять в словопренье
и за себя заступиться своим божественным словом, —
сам рассуди: если древний Гомер, воспеватель Ахилла,
230 и знаменитый Марон, два светоча, слава поэтов,
не избежали зубов грызучей зависти, — что же
ты, победитель, не хочешь стерпеть случайного лая?
Может быть, думаешь ты, что тебя достойная почесть
после кончины твоей придет к остылому праху,
235 ибо (и в этом ты прав) победит твоя «Африка» зависть
и многославную жизнь продлит во вечные веки?
Так; но если творец не выдаст творения свету,
трудно ему проблистать самому, — покажется людям,
будто усопший был сам недоволен трудом своей жизни.
240 Больше того; говорят — отвратите, о Музы, безумство! —
будто бы ты захотел предать огню «Сципиаду»,
ежели только уму постижно, что впал ты в подобный
грех! припомни о том, припомни, неблагодарный,
что не единой ли ты обязан «Африке» славой?
245 Это она о тебе разнесла хвалебные вести,
это она тебя привела ко святыням поэтов,
капитолийской тебя удостоивши чести от Феба.
Ты ли угасишь теперь начаток всей твоей славы,
ты ли жестокой рукой плоды столь долгого тщанья,
250 горе! ввергнешь в огонь, и тебя не удержит почтенье
к Музам, чьи алтари тебя призывают к пощаде?
Знаю: много трудов сулят тебе грокое имя,
тех, что связаны в стих, и тех, что развязаны в прозу,

и что довольно того, что ими превысил ты древних, —
 255 вечной все же хвалы лишь «Африка» будет залогом.

И да не будет тебе помехою страсть к исправленью:
 ей не будет конца — я знаю сам, как приятно,
 там прибавить, а тут убавить, а здесь переставить,
 так что работе твоей конца никогда не наступит.

260 Ты и сам подтвердишь: что в юности мило, на склоне
 лет не мило совсем: что ни возраст, то новые вкусы —
 то, что претило вчера, прекрасным покажется завтра.
 Стало быть, так или сяк, а нужен конец переделкам.

О долгожданный, прошу: пора! издай «Сципиаду»,
 265 да воссияет вовек и время и родина наша!

Дар роковой, королю поднесенный и славу суливший,
 пусть при жизни тебе позволит увидеть, какая
 сами твои стихи опора возвышенной славе.

*Подписано: Колуций Пиерий из Стиньяно,
 не по заслугам своим канцлер Флорентинский.*

III. ПОСЛАНИЕ ВОЗРАЗИТЕЛЬНОЕ
 К КОЛУЦИЮ ПИЕРИЮ ИЗ СТИНЬЯНО
 КАНЦЛЕРУ ФЛОРЕНТИНСКОМУ,
 О ТОМ, ЧТО НЕ ДОЛЖНО БЫЛО ИЗДАВАТЬ В СВЕТ «АФРИКУ»
 ПРИ ЖИЗНИ ФРАНЦИСКА ПЕТРАРКИ,
 ПОЭТА ЛАВРОВЕНЧАННОГО,
 НАЗВАННОЙ «АФРИКИ» СОЧИНТЕЛЯ.
 ПИСАНО ОТ ЛИЦА
 НАЗВАННОГО ФРАНЦИСКА ПЕТРАРКИ

Голос, ведомый всем, донесся до нашего слуха
 здесь, где самый упор средоточия звездного мира,
 здесь, куда проникнуть умом в занебесные сферы
 оный воитель искал Сципиад в итальянских напастях.
 5 Это отсель немногим из душ сойти к просвещенным
 в звучном свете дано; и это сюда возлетают
 столь же немногие те, кому даровала природа
 добрую долю меж дольних судеб и кому с Геликона
 кудри венчал священный венок, от которого даже
 10 рыбы безмолвные речь обретут и постигнут искусства.
 Здесь-то любезный Пиерий меня, как прежде при жизни,
 так и теперь призывает на суд пред Господом Богом,
 дабы ответ получить: зачем столь долгие годы
 медлит мой Сципиад и замысел битвы при Каннах,

- ¹⁵ коим пора бы и в свет, покуда душа моя в теле.
Я отвечаю: затем, что постыла смертная слава,—
это постиг я, об этом скажу, не скрывая ни слова.
- Ведай, что я пременялся душой, причастившийся чести
истинной жизнью жить, тогда как певцы извращают
- ²⁰ подлинный образ любви к нерушимому вечному Богу,
коего ангельский хор воспевает, а люди трепещут.
Верьте все, кто и больше меня: хотя и зовется
ваша божественной речь, и душе приятна, и долгой
жизнью дарит поэтический дар былые деянья,—
- ²⁵ это — грех, ибо славе такой не бывать без ущерба
для человеческих душ: погибельна дутая слава,
ибо воистину так надмеваётся в сердце гордыня.
Ах, в сколь узкую щель проникает слава и губит!
Если бы этого я не избег соблазна,— вовеки
- ³⁰ мне не видать бы звезд под стопами, ни доброго Солнца
в беге над тем, что внизу, ни Марона, ни прочих поэтов,
коих я воспевал, ты помнишь, на нежной свирели.
Но вознамерившись миру явить Сципиадову скромность
и предпринявшие столько трудов Капитолий и Бирсу,
- ³⁵ я убоился, презрел соблазн, напряг мою волю
и возмолил к тому Творцу, «Которого тело
беспорочное зрим в наготе и в стигматных ранах»,
и обещал в мольбе, воротясь «с Парнасских отрогов,
благочестивую песнь принести» Ему, ежели будут
- ⁴⁰ любви песни Ему, а если придутся нелюбы,—
«слезы мои принести», которыми горько я плакал,
что отлагаю обещанный труд: слезам избыльным
вечно открыта душа. Исчерпавши сердце заботой
о «Сципиаде», рыдал я о времени, траченном праздно.
- ⁴⁵ Так, куда не могли возвести Пимплейские Музы,
пост и слезы меня возвели. Песнопенья, какие
пастырь слагал Давид и какие казались мне грубы
в пору, когда я пылал «Сципиадою», в каждую полночь
петы, стали вещанием мне. И дар их отраден:
- ⁵⁰ ныне обстала меня гармония звездного сонма.
- Если бы я, над Соргией сев, все заботы оставил,
только держа в уме отделку моей «Сципиады»,
тотчас вздохи мои на крыльях взлетели бы к высям
свода небес, услаждая богов торжественной песней
- ⁵⁵ в вышнем покое, и новый напев прозвучал бы над целым
миром, землю росой оживив, над зыблемым морем
ветры уняв,— тогда и Темпейская роща, и Брента,
и Евганейских холмов густой виноград и оливы
вняли бы мне, и до звезд бы взвилась лебединая песня.
- ⁶⁰ Ах, тогда бы и Арн восславился больше, чем Минций,

ибо величьем Энею подстать Сципион, и подавно
 выше, чем Цезарь, дерзавший на все, а мощью сильнее,
 чем Эакид и Улисс и все, кто дивным Гомером
 в давних прославлен веках, и божественней тех, о которых
 65 песнью звенел в многозначных стихах Родонский изгнанник.
 Но не жалею о том, что оставил я ваши красоты
 после того, как узрел за собою сквозь твердь и сквозь тучи
 мир и уже не страшный эфир. Здесь в молниях красных
 с громом мешается стих, и Олимп отзывается страхом.
 70 До сих пор на небесном я вел языке мои речи;
 дальше, Колуций, веду на земном. Послушай — отвечу.
 Много жалоб в твоём писанье, о многом взыскуешь,
 и недостойно бы мне остаться глухим к твоим пеням,
 словно не чувствую я, сколь многие падают стрелы,
 75 медом смягчая укол. Ты сам ведь будешь обижен,
 если я крепкий не выставлю щит. Аонийского тока
 крепок дыханием он и нашим сияет искусством
 во отвращение стрел, — а покуда ты разные ищешь
 способы, как мне начать, и следишь пронизательной мыслью
 80 всей истории ход, и рад придумывать реки,
 в помощь нам и на горе врагу собравшие силы,
 всем перебрав имена. Но полно, оставь исхищренья
 выследить истинный путь. Скользни глазами по воску!
 Видишь, как сына во сне отец укрепляет в решенье
 85 важном, ради него покинувши выси Олимпа
 с той стороны, где тебе открыто созвездие Рака;
 видишь, как вождю, грядущему к дому Сифака,
 Лелий готовит путь — искусством честней, чем в Авелле,
 и половиной стиха; каким смертельным напитком
 90 к мужу любовь Массиниссе, любя, прервала Софонисба,
 в черный Тартар бежав от триумфа, грозившего в Риме;
 как вероломный Сифак пленен и влачится в победный
 Город, когда уже был Карфаген обложен осадой
 римской, и как Магон, отчалив от берега в море,
 95 правит, и гибель свою, задыхаясь, находит в пучине:
 как Ганнибалову клятву в ничто Сципион обращает
 тем, что ввернет скрепить войну трепещущим копыям;
 как царица-жена умиляет Юпитера слезно
 и, невзирая на то, приговор выносится правый;
 100 как Ганнибалов побег на радость римлянам <мудрый
 Лелий выводит на путь;> как сходятся сила на силу
 оба вождя, и как град вероломный просит пощады.
 На опаленных судах ливийские светлые воды
 пересекает спокойный герой, беседа с вещим
 105 другом, и Энний-поэт свои раскрывает виденья,
 не позабыв и о нас помянуть в своем предсказанье.

Вот как важно знать всю цельность целого. Что же странного в том, что отнюдь не спешит, как простак торопливый, тот Сципион, который был страх финикийцам и острым
¹¹⁰ славен умом? Ты знаешь и сам: кто умерен, не ищет скорых утех. Он в уме прикинет свои ожидания и подождет, и деньгами возьмет желанное время, и никогда не придется ему уйти без успеха, ибо природа сама торопливости в людях не терпит,
¹¹⁵ а наипаче в великих делах. И сам полководец знает о том. Не зови запоздалым, что дастся навеки!

Не помышляй и о том, что страх презренного рода был мне помехой в труде. Мой истинный труд — не по следу
прежних поэтов пройти. Ты сам, ученейший, знаешь
¹²⁰ наперечет до древних времен, какие ступали стопы по всем тропам, что рекли и какие поэты: пусть и поверит творец, будто сам он — создатель творенья, с первого чтения в нем заметят покражи из древних. Если на чаши весов положить и как следует взвесить
¹²⁵ несколько первых строк твоего ко мне обращенья, — сам убедишься, что впятеро быть осмотрительней надо. Небезопасно ковать, как в кузнице, новую песню: нужно напярчь свой дар, чтобы вышла она без порока, и по душе молодым, и по сердцу зрелому мужу,
¹³⁰ и чтобы принял ее придирчивый разумом старец. Очень трудно, поверь, сказать чистейшую правду, чтобы тебя не сочли преступником: сам убедишься! Разве не стал всеобщим врагом приятель Парфений, всех и себя обобрав, чтоб сложить из этого что-то,
¹³⁵ а привлеченный к суду, отрицал обвинение в краже и величал себя удачным бойцом, а не вором? Не разделить на куски неделимый атом: мы видим, что в стихотворцах слилось людское и с райским и с адским, и от породы такой спастись — не простое искусство.
¹⁴⁰ Вот я тебе и сказал, почему не спешу я к изданию. Что мне добавить? Боюсь, тебя лишь одно задевает! Смертный учишь человек презирать преходящую славу, «ибо великий труд сохранить великую славу»! Кажется мне, ни один не остался вопрос без ответа;
¹⁴⁵ и наконец, из последних жил, поверьте хоть в это: Африке, взятой в узду, потребен мудрый правитель!

IV. КОЛУЦИЯ САЛЮТАТИ К ФРАНЦИСКОЛУ ИЗ БРОССАНО ПОСЛАНИЕ

Пришла, наконец, любезнейший брат, пришла обещанная твоими письмами прекрасная «Африка», — «трудный путь одолен благочестностью»¹, как выражается сам поэт; пришла, доставленная мне мужем отменной верности, знатным делами и родом, — и от восторга едва я мог удержаться от слез. Но долгим опытом и на многих примерах давно я познал, что нет такой радости, к которой не примешивалась бы печаль. В самом деле: розы расцветают прекраснейшие, а собирать их можно только среди шипов; а мед естеством природы рождает жалоносные пчелы.

Но зачем говорить о том, что и без того ясно? Есть ли что в делах человеческих, в чем с радостью не соседствовало бы горе? Вот так и здесь, любезный мой брат.

Пока я не получил еще «Африку», я рассуждал так: «Что будешь ты теперь делать? Вот в руках твоих будет и слава и доброе имя нашего Франциска: как ты этим распорядишься?» Конечно, первым делом я хотел пересмотреть эту книгу, и если в ней окажется, как ты пишешь, что-нибудь неблагозвучное или недопустимое правилами метра, то осторожнейше это исправить, а потом, как Назон для «Энеиды», сочинить кратчайшее содержание в нескольких стихах для каждой книги²; после этого сделать побольше списков, тщательно их пересмотреть и собственноручно выправить, а затем отослать один в Болонское училище³, другой в Париж, третий в Англию с письмом моим о достоинствах этой книги, четвертый же во Флоренцию поместить в общедоступном месте, — так, чтобы такая поэма и блистательное имя такого поэта облетело весь свет. Но такому моему предположению встал поперек закон, тобою предписанный, и преступать который без твоего соизволения я не смею и не хочу. И подумать только, что ты желаешь, чтобы именно такая книга вышла из рук моих! горе мне!

Я прочитал всю поэму, которую ты прислал мне в одиннадцати тетрадках. Читал я целых три ночи, потому что из-за служебных моих обязанностей⁴, часто затягивавшихся затемно, иначе я никак не мог. Читал я с восхищением — и от изящества стиха, и от величавости слога, и от глубины мыслей, и от стройности и связности всей поэмы. Клянусь, никогда я не читывал ничего глубокомысленней, ничего цветистее, одним словом — ничего приятнее. Но об этом — в другой раз. А сейчас я скажу о том, что привело меня в отчаяние и заставило долго горевать. Первая и вторая книги содержат удивительный сон Сципионов, в котором затрагивается весь цвет римской истории и который требует целой книги толкований, сильных лишь тем, кто особо этим занимался. В третьей книге — призыв Лелия к Сифаку, царю Нумидийскому, чтобы от имени Сципиона заключить с ним дружбу; большая часть книги содержит дивное описание царского дворца, затем следует речь Лелия:

Царь наилучший! ⁵ судьба тебя удостоила другом
столь великим...

А затем царский ответ:

Ласково царь отвечал: ⁶ «С охотою, римский посланец,
все принимаю от вас...

в котором царь изъявляет желание увидеться со Сципионом. Пир и разговор занимают всю третью и четвертую книгу. А далее пропущено ⁷ и возвращение Лелия, и прибытие Сципиона к царю, и приход Гасдрубала, и бегство консула, и пир с царскою беседою, и заключение союза, и снаряжение римского войска для переправы в Африку, и разногласия в Сенате, и вероломство царя, и плавание Сципиона с войском в Африку, и сожжение царского и Гасдрубалова стана, и приказ Лелию и Массиниссе преследовать царя, и пленение его, и сдачу Цирты, и, словом, все что было в промежутке и от чего, как легко понять, зависит все последующее. Все это самым кратким образом, по моему расчету, могло занять не менее двух книг ⁸; но они отсутствуют, и на все это намекает только следующий по порядку отрывочный стих:

Се величавый грядет победитель в дрожащие стены
Цирты...—

где говорится о Массиниссе после победы над царем в Африке.

Откуда явился в поэме этот пропуск — не понимаю. Может быть, их вынул сам наш решительный Франциск, чтобы никто больше не прикладывал к ним руку. Может быть, они выпали по ошибке переписчика ⁹. А может быть — и это, по-моему, всего правдоподобнее, — господин Франциск, как известно, после первого издания ¹⁰ «Африки» свел ее в одну тетрадку и, может быть, сам намеренно оставил что-то в первоначальном тексте для переделки. Может быть, тут он и решил ¹¹ обойти молчанием прибытие Сципиона к Сифаку, которое все считают опрометчивым, чтобы это не омрачало славы вохваляемого мужа.

Потому-то, любезный мой брат, если то, чего не хватает, так и не отыщется, то, увы, я так полагаю — страшно выговорить, — что для поправки лучше нашу «Африку» бросить в огонь ¹², чем выпустить в свет, — если, конечно, мы не возьмемся сильно сокращать имеющиеся книги, против чего я решительно возражаю.

Итак, заклинаю тебя Господом и силами небесными, а равно и любовью твоею к душе нашего друга в подземном царстве, и нашею с тобою дружбою, столь счастливо начатой, и всем, что хорошего в нашем друге с его святою душой, и вечною его славою, о которой и ты печешься, — так как память о нем, поверь мне, будет держаться именно на этой книге ¹³, — то прошу тебя и умоляю пересмотреть означенный пробел с помощью первоначальных текстов, достойных быть вписанными в столь божественную песнь, где бы они ни обнаружилились. А я обещаю прило-

жить все мои силы, чтобы пересмотреть все от начала до конца, и исправить, что потребует исправления, и издать, если угодно, за свой счет, как я и помышлял когда-то, еще не получив книгу. Прошу тебя взять в помощники моего славного друга Ломбарда¹⁴, рачительнейшего блюстителя и глашатая славы нашего Франциска, — этим вы тотчас снимете долю скорби¹⁵ с моей души.

Будь здоров и счастлив — и будешь счастлив, если сделаешь то главное, от чего просияет блеск славы твоего дражайшего родителя¹⁶.

Писано во Флоренции, в пятый день до февральских календ¹⁷.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Е. Г. Рабинович

ОБ «АФРИКЕ» ПЕТРАРКИ

Когда сер Петракко в припадке родительского добросердечия вытащил из огня уже тлевших Вергилия с Цицероном и вручил спасенные книги своему почти взрослому, но от того не менее горько рыдавшему сыну, сопроводив великодушный жест подобающим назиданием, то участь основоположника европейского гуманизма решилась окончательно — а заодно, наверное, определились и начальные судьбы самого гуманизма: ведь создатель всякого, пусть и давно уже вызревавшего где-то в недрах культуры, направления непременно запечатлевает в своем создании некое подобие самого себя, и в этом культура похожа на природу. Пересказывать здесь биографию Петрарки неуместно (а внешнюю ее канву читатель найдет в прилагаемой хронологической таблице), но постольку, поскольку речь пойдет об «Африке», придется все же сообщить кое-что о рыдавшем студенте, еще не звавшемся Петраркой, — хотя бы для того, чтобы решить, возможно ли без всяких оговорок именовать отца гуманизма гуманистом.

Относительно Колуччо Салютати, например, а уж тем более относительно классиков гуманизма вроде Эразма, такой вопрос не возникает — все они были гуманистами, т. е. из наличествовавшего альтернативного культурного репертуара эпохи выбрали для себя гуманизм. Но Петрарка такими возможностями для выбора еще не располагал: он жил и творил, сообразуясь со своими вкусами и воззрениями, а не в расчете — во всяком случае, поначалу — на свое грядущее отцовство. В сущности, так было со всеми основоположниками: они не вписываются без остатка в созданное ими направление уже потому, что никак нельзя превратиться в свое же собственное создание, даже если хочется (и подчас удается) убедить других в полном тождестве родителя и дитяти. Вот типичный тому пример, причем не из жизни студента-правоведа (к слезам которого мы еще вернемся), а из жизни зрелого Петрарки, основоположника гуманизма и, следовательно, библиофила — причем весьма преуспевающего библиофила.

Средневековая книжность концентрировалась почти исключительно в монастырях, где и в «темные века» бывали хорошие библиотеки и способные пользоваться ими читатели — но круг интересов этих читателей обычно бывал ограничен богословскими сочинениями и школьной классикой, а прочее могло столетиями пылиться по углам. Например уже в сравнительно просвещенном XIII в. монастыри располагали практически всеми речами Цицерона, но в каждом было две-три «свои» — и никто не

потрудились полюбопытствовать об остальных и постараться собрать их все в единый корпус, хотя Цицерон был школьный автор. Конечно, порой монастыри сносились между собою по поводу той или иной книги, а в эпоху зрелого Средневековья, когда в городах явились университеты, производившие и перепроизводившие грамотеев и книголюбов, то завязывались сношения и с мирянами. Можно было получить позволение скопировать имевшийся в библиотеке манускрипт или заказать копию, или сговориться об обмене, или даже купить желанную рукопись — именно так и пополнялись библиотеки. Широко ли это практиковалось? Достаточно широко, иначе от догуттенберговского прошлого нам досталось бы еще меньше, чем досталось. Было ли это кодифицировано хоть какими-нибудь писаными или неписаными правилами? Никоем образом! Прежде всего можно было вообще никогда не узнать, что в библиотеке X хранится манускрипт У: каталоги в библиотеках имелись, но не публиковались, так что сведения о составе книжных собраний приходилось добывать лично — не зря все собиратели пользовались любым поводом заглянуть во все доступные им каталоги и давали соответствующие поручения друзьям и знакомым. Но допустим, что собиратель выследил книгу — все равно из-за упомянутого отсутствия правил дальнейшее во власти Фортуны: смотря кто просит и у кого просит, смотря что обещает взамен и т. д. и т. п. Неудивительно, что книгу порой просто крали, — крали, и она попадала к новому хозяину, и все шло по-прежнему.

У Петрарки были отличные возможности для собирательства, и библиотеку он собрал замечательную. Но идея, что книги принадлежат не только их юридическому владельцу, была ему совершенно чужда — даже по средневековым понятиям он был порядочный скопидом. Вот Колуччо Салютати был настоящим библиофилом-гуманистом: успевал, заботясь о Флорентийской государственной библиотеке, собирать и свою, но тоже с памятью об общей пользе — он охотно одалживал свои книги, всячески содействовал публикаторам, да и сам публиковал, да еще сворял при этом манускрипты, выбирая лучшее из рукописных чтений. А Петрарка, тоже превосходный текстолог, собрал и своеручно переписал (продлав большую трудную правку) письма своего любимца Цицерона — и потом всю жизнь держал уникальный корпус при себе, весьма неохотно его показывая и тем паче не публикуя. Что уж тут говорить о столь типичном для гуманистов просветительском энтузиазме! Счастье еще, что письма Цицерона не сгнули, когда так никому и не завещанная библиотека Петрарки расточилась по белу свету.

Но пора вернуться к плачущему над сжигаемыми книгами юному правоведу («Огонь жег словно бы мое собственное тело» — вот как написал он через пятьдесят с лишним лет об этом эпизоде!). Не стоит недооценивать европейскую просвещенность первых десятилетий XIV в.: ко времени формирования вкусов и наклонностей молодого Франческо образованных людей хватало не только в монастырях и университетах, но и в городах, где те же, например, юристы часто не ограничивались школьным латинским минимумом, но читали все книги, какие удавалось добыть. Любителей древней литературы было немало, попадались и зна-

токи. Вполне образованным человеком был и нотариус Петрарко, который тоже, прежде чем взяться за юриспруденцию, получил хорошую общую подготовку в школе и на «факультете искусств», а иначе не был бы допущен к изучению права. Подготовительное (т. е. подготовительное для тех, кто был намерен, как сказали бы сейчас, «специализироваться») обучение предполагало, что прошедший его совершенно свободно владеет латынью, которая в литературном своем варианте отличалась от «золотой» далеко не столь катастрофически, как это изображалось затем поздними гуманистами, а также знаком с традиционными еще для античного образования семью *artes liberales* — «благородными искусствами» (см. «Африка», III, 180 и примеч.). В средневековой школе «гуманитарный цикл» (тривиум) был отделен от «точного» (квадривиума) и имел перед ним заметное преимущество, потому что античное благоговение перед математикой Средневековью не передалось — зато уж тривиум строго спрашивали со всех, результатом чего и явилась некоторая пренебрежительность прилагательного «тривиальный»: незнание тривиальной науки было приметой явного невежества, а знание науки только тривиальной свидетельствовало лишь о минимуме образования, об обязательном «аттестате зрелости», гордиться которым глупо. Тривиум включал грамматику (чтение, разбор и толкование классических текстов, прежде всего Вергилия — самого школьного из всех школьных авторов), риторику (сочинение текстов в подражание образцовым, а главным образом хорошего стиля был Цицерон; обучались, впрочем, и стихосложению — тогда образцом был все тот же Вергилий) и диалектику (искусство спора, отточенное средневековыми схоластами до невероятных тонкостей). Немало, а ведь это всего лишь тривиум. И будущий нотариус Петрарко все это в свое время хорошо выучил: о латыни и речи нет, латынь была его рабочим языком, но он и Вергилия читал и толковал, и тем более «юридического» Цицерона, и послание умел сочинить хорошим слогом, да и со стихами как-то справлялся — хуже или лучше это знали и умели все, кто учился в университете, а кое-что из этого знали и умели даже выпускники соборных школ. Упоминавшаяся школьная классика включала, правда, не слишком много авторов: изучался Цицерон, однако в основном философские трактаты (и далеко не все), изучался Саллюстий (и этим ограничивалось знакомство с историографией), из поэтов кроме Вергилия в программу входил Овидий (по объему это много, но по составу непредставительно), из драматургов — только Теренций, Стаций, Лукан, Тит Ливий (в ту пору известный отрывочнее, чем теперь), даже Гораций — все это было уже для любителей и знатоков. Однако при наличии досуга и охоты всякий, кто получил тривиальное образование, мог стать любителем и знатоком, а если к досугу и охоте добавлялись хотя бы умеренные дарования и немпожко амбиции, то мог и сочинять: стихотворные и нестихотворные эпистолы к друзьям и врагам, элегии, энграммы и прочее — все, чему были образцы.

И действительно, многие сочинили, порой удачно, а чаще плохо, а потом и публиковали, и этой литературной продукции средневековых грамотеев сохранилось предостаточно, а было еще больше — ведь многое

пропало. Но следует снова и снова повторить: словесностью занимались на досуге. Иначе говоря, всякий сочинитель всегда был не только сочинителем, но и состоял при каком-нибудь деле: для себя и для окружающих он был прежде всего не сочинитель, а профессор, аббат, государственный канцлер или еще кто-то — например, нотариус. Если бы сын сера Петракко, продолжив почтенную династию флорентийских правоведов, посвятил свои досуги наукам и сочинительству и если бы он преуспел на этом поприще, такое было бы лишь похвально — даже Роберту Анжуйскому ученые досуги добавили славы и доставили почетное прозвище «Мудрый», а уж для нотариуса престиж учености еще полезнее. Поводом для родительского гнева и бросания книг в огонь было другое.

Обнаружилось, что юный школяр нотариусом быть не желает и вообще испытывает отвращение к университетским занятиям и к открываемым этими занятиями деловым поприщам, а вместо этого с неразумным упорством совершенствует свои и без того превосходные школьные навыки и считает это своим главным и единственным делом — а тривиум не может считаться делом, тривиум принадлежит детству и досугу. У почти взрослого отпрыска почтенных родителей амбиции то ли бездельника, то ли малолетнего зубрилы, с которого только Вергилия и спрашивают! — и вот тут-то «детские книжки» летят в огонь, школяр рыдает, тем подтверждая свою крайнюю умственную незрелость, а добросердечный отец жалеет сына и решает ограничиться назиданием: сами по себе Вергилий и Цицерон превосходны и полезны, просто всему свое время — хрестоматийные авторы изучаются в школе, а вечно быть школяром нельзя.

Слово «хрестоматийные» применено здесь не случайно. Греческим словом «хрестоматия» (буквально «пользоученье») поначалу назывались сборники литературных отрывков или мелких произведений, предназначенные для учебных надобностей — такие «Хрестоматии по...» существуют до сего дня, а придумали их, конечно, древние греки, чья система школьного образования кое в чем жива и ныне. Но учатся не только на отрывках и мелких произведениях, и потому фактически хрестоматийным является (и называется) всякое изучаемое в школе произведение, если его учебное назначение стало устойчивым: так из греческих трагедий до нас дошли именно хрестоматийные, и именно ввиду своей хрестоматийности — их усердно твердили эллинические и затем византийские школяры, а следовательно, они усердно переписывались (как и еще более объемистые поэмы Гомера). Для латинского Запада главным хрестоматийным автором был Вергилий — и благополучно пережил «темные века», не растеряв даже пространных комментариев Сервия. Уцелели и другие авторы, входившие в школьную программу, и ко времени Петрарки средневековая хрестоматия сделалась весьма обширна — немалая часть «золотого фонда» римской литературы в нее входила, хотя и не на равных правах, т. е. по хрестоматийной обязательности Гораций или Саллюстий не могли, конечно, конкурировать с Вергилием и Цицероном. То, что Петрарка любил и отлично знал эту драгоценную для него древнюю словесность, во все не было необычно — знатоков, как сказано, хватало, причем порой более изощренных, потому что основоположник гуманизма при всех сво-

их познаниях до конца жизни предпочитал самых школьных авторов и это свое пристрастие к «тривиальным» Вергилию и Цицерону не уставал подчеркивать. Необычным у Петрарки было то, что хрестоматия виделась ему иначе, чем другим, — для него она была свидетельством утраченного величия Рима, и это утраченное величие вызывало у него острую культурную ностальгию.

Хрестоматийный подход к словесности, хотя бы и подход изощренного знатока, сохраняет специфику если не «пользоуčenja» так «приятночтения» — важно наличие текста (и это может подстрекнуть библиофильскую погоню за манускриптами), но обстоятельства создания текста несущественны, даже когда о них известны те или иные занимательные подробности. Соответственно и сочинительство хотя и является подражанием хрестоматийному образцу, тоже не предполагает учета (и тем более воспроизведения) этих обстоятельств: сочинительство, как и нетворческое усвоение текста, ассоциируется с тривиумом, а тривиум — со школой или с досугом. Нелишне заметить, что то и другое объединялось некогда словом «*ludus*» (перевод греческого «*scholē*», отсюда и «школа»), т. е. в первом значении «игра». Школа и досуг — привлекательные, но все же второстепенные жизненные ценности, а уж тот факт, что почти все сокровища хрестоматии были созданы тысячу и более лет назад, при всей своей общеизвестности тем паче не был актуален, хотя упоминавшаяся утрата Римом былого величия являлась общепризнанной и прискорбной реальностью.

Лет тридцать назад знаменитый историк античности Арнальдо Момильяно, открывая один исторический конгресс, сказал: «С уверенностью сообщаю вам, что в данное время Римская империя более не существует — а вот когда она пала, этого по-прежнему никто не знает». И затем он предложил присутствующим на выбор несколько дат этого «падения» — вполне конкретных, но с разбросом в полтора тысячелетия, и самой поздней датой был 1809 г., когда после победы Наполеона над Австрией с географических карт окончательно исчезли слова «Римская империя». Ясно, что настоящая Империя исчезла раньше, но когда? Когда Рим принял христианство? Или когда держава распалась на две части? Или когда пал Константинополь (так полагал сам Гиббон)? Или... — в общем, у Момильяно были все основания пошутить. А вот для современников Петрарки этой исторической проблемы просто не существовало: они жили в Римской империи, их политические планы, распри и упования были обусловлены существованием Империи и ее конфликтами с католическими иерархами и с городами, да и государственный язык в этой Империи был латинский, и Рим оставался вроде как столицей, а в Риме был Сенат — не прежний, но все-таки Сенат. Упадок был, но падения не было, — не было такого исторического события, с датой или без даты. Главной исторической вехой было принятие христианства, и на уровне общепринятой религиозной концепции время делилось на три периода: до первого Пришествия Христа, после первого Пришествия и в ожидании второго, а в дальнем (или во всяком случае неопределенном) будущем ожидалась предсказанные в Апокалипсисе события, завершаю-

щиеся концом света. Будучи примерным христианином, Петрарка эту концепцию разделял, но мистиком он не был и об апокалиптическом грядущем заботился мало — интересовавшее его будущее было «будущим в пределах настоящего», т. е. без учета эсхатологических упований. Зато в прошлом его занимали не слишком значимые для названной концепции судьбы Рима, а эта проблема никак не сводилась к религиозной периодизации истории, ибо упадок Рима начался после (и не в результате) первого Пришествия, что давало мысли необходимую свободу — возможность не соприкасаться с авторитетными постулатами богословия. Значит ли это, что Петрарка осмыслял судьбы Рима в собственно исторических категориях? Пожалуй, однако лишь отчасти.

Читатель «Африки» уже заметил, что настоящего исторического чувства у Петрарки не было, и это естественно, потому что столь важный для новоевропейского сознания принцип «научного историзма» явился позднее. Петрарка неисторичен не только и не столько потому, что часто пренебрегал хронологией ради сюжета (такое предпочтение поэтического историческому свойственно литературе любого времени), но преимущественно потому, что противопоставил хрестоматийному подходу к римской старине производную от этого же подхода концепцию. Разделив историю Рима на эпоху расцвета (древность) и эпоху упадка, он эту славную древность воспринимал как нечто единое — пусть она длилась долгие века, но Нума и Помпей у него как бы современники, потому что оба принадлежат одной эпохе. Собственно говоря, ведь и мы тоже в глубине души склонны полагать, что все древние римляне жили в одном и том же месте и времени — в древнем Риме. И такая синхронизация при всей своей внеисторичности является формой культурологического метода, необходимо дополняющего исторический: древнеримская культура справедливо может рассматриваться как единый феномен, в котором все историческое (частное) есть способ реализации структурообразующего (общего), как бы текст на языке данной культуры — именно поэтому составленная хрестоматия всегда вольно или невольно иллюстрирует культурную концепцию составителя. И Петрарка воспринимал римскую «пречистую древность» именно культурологически — как единый феномен. Историзм же его подхода выражался в том, что он объявлял этот феномен более не существующим, т. е. давал ему исторические границы. Наличие нижней границы для концепции не было актуально как самоочевидное — все имеет начало, даже и великий Рим некогда не существовал (достопамятным первопричинам его основания посвящена хрестоматийная «Энеида»). А вот осознание верхней, пусть хронологически неопределенной, границы было для Петрарки весьма важно, ибо возродить можно лишь нечто мертвое или омертвелое, не функционирующее более во всей сумме своих свойств. Петрарка увидел и понял, что, несмотря на наличие памятников античной цивилизации, сама античная цивилизация исчезла — эту совершенно справедливую мысль он выражал иными словами и по-всякому, однако вполне однозначно, и это было ново, потому что жители латиноязычной Римской империи жили в Римской империи, учились по Вергилию, зубрили в университетах римское право

и казалось, что всякая дорога по-прежнему ведет в прежний Рим, а завершились (притом давным-давно) лишь века непросвещенного язычества, иных же по-настоящему важных событий от Ромула до Треченто не было.

Петрарка не любил свое время и даже порой отказывался считать его своим, объявляя о своей принадлежности прошлому и будущему, но не настоящему. Любовь к будущему — отдельная тема, и об отношениях Петрарки с «потомками» будет еще сказано, но так или иначе эта любовь лишена личностной конкретности и больше похожа на надежду. Любовь к прошлому совмещалась с горечью разлуки, потому что прошлое осталось в прошлом. Но Петрарка любил его: он любил великое время, рождавшее Регулов, Сципионов и Метеллов, доблесть которых превратила Рим в великую державу и с исчезновением которых Рим едва ли не вовсе перестал быть державой, которых прославляли и наставляли сочинители, чьим трудом и доблестью было сочинительство, прославившее их вместе с теми, кого прославили они. Он хотел знать о «мужах древности» побольше, потому что великое время создают великие люди. Он хотел сочинять, прославляя доблесть и научая доблести. Он хотел быть древним римлянином — истинным римлянином.

А нотариусом он быть не хотел. И не только нотариусом — он не хотел быть даже богословом, т. е. достигнуть вершины доступной ученому карьеры. Ни одна из предлагаемых Петрарке временем социальных ролей его не устраивала, потому что в его времени пригодных для него ролей не имелось. Оставалось искать — точнее, создавать — себе новую роль.

И тут следует отметить несколько значимых для понимания последующего обстоятельств. Во-первых, эта тенденция проявилась у будущего лауреата рано: его вкусы достаточно сформировались уже к моменту краткого конфликта с отцом, из-за чего, в сущности, и получился конфликт. Можно полагать, что вкусы эти сформировались уже в Карпантра, когда грамматик Конвенеvole читал со своим совсем юным учеником Вергилия и Цицерона, т. е. во время прохождения тривиума, — эта «совсем юность» была, в сущности, детством (до двенадцати лет — до 1315 г.), так что мы вправе сказать, что в известном смысле Петрарка на всю жизнь застрял в собственном детстве, усвоив систему ценностей детства (школы), а во взрослом мире понимая и принимая — как почти все дети — преимущественно ценности досуга (а тривиум был достоинством детства и досуга). Во-вторых, это рано проявившееся неприятие ценностей взрослого мира сочеталось с совсем не детской, да и у взрослых редкой (особенно в ту пору) чертой — с категорическим нежеланием кому-либо и чему-либо подражать, хотя бы и древним, к которым он испытывал столь детское в своей первооснове обожание. Впоследствии он недвусмысленно выразил это в одном из писем к Боккаччо: «Я стараюсь идти по тропе, проторенной пращурами нашими, но не желаю раболепно след в след влачиться за ними: я не такого хочу себе вожатого, который на цепи тащил бы меня за собою, но такого, который бы лишь предшествовал мне, указуя путь — никто и никогда не воспретит мне следовать, куда я сам пожелаю!» Что нельзя следовать традиции слово в

слово — об этом писал еще Гораций в «Поэтике» (131—133), а сочинители средневековых поэтик столь авторитетную рекомендацию, конечно, повторяли, однако доминирующим художественным принципом самобытность не была даже для Горация, который не приветствует и чрезмерную вольность (там же, 134—135). Зато Петрарка от любых, пусть лишь потенциально опасных «цепей» оберегался опять-таки с юных лет: например, в начале 1320-х годов не захотел читать «Божественную комедию», объяснив, что боится попасть под влияние выдающегося поэта — зарок этот был, конечно, не навсегда, и «Африка» обнаруживает знакомство с «Комедией», но собственного экземпляра Петрарка (с его-то библиотекой!) не имел и в конце 1350-х годов, если вообще когда-нибудь имел. В-третьих, как известно всем, Петрарка смолоду и всю жизнь писал итальянские стихи — и не между делом, не для светского развлечения, а с не меньшим прилежанием и вдохновением, чем писал по-латыни. Это не слишком хорошо увязывается с откровенной неприязнью к своему веку и с любовью к латинской древности: хотя на «народных языках» уже имелась богатая литература, но с ученой (прежде всего со школьной) точки зрения они не располагали статусом полноправных языков: то, что переводится на русский язык как «народный», происходит не от горделивого «*populus*» (народ), а от «*vegnus*» (туземный холоп), и прилагательное «*vegnaculus*» само по себе звучит почти уничижительно. Но ведь Петрарка был таким заядлым латинистом! Получается неувязка, и по этому поводу уже выдвигалось много интересных гипотез и наверняка будет выдвинуто еще много — однако, оставаясь на твердой почве негипотетической реальности, можно утверждать лишь одно: Петрарка хотел писать итальянские стихи и писал их. Так же, как при всей декларируемой и вряд ли лицемерной любви к своему уединенному Воклюзу (тоже, кстати, впервые увиденному и запавшему в память в детстве, в годы школьной зубрежки), он постоянно гостил у монархов, а то и у тиранов, время от времени без особого успеха пытаясь вмешиваться в политику, — это у него выходило несравнимо хуже итальянских стихов, но не в меньшей степени демонстрировало принадлежность веку, от которого он ничего хорошего не ждал. Все это должно было бы быть квалифицировано как «противоречивость», если бы расходилось с какой-то программой, но никакой особой этической или эстетической программы у Петрарки не было: его страсть к латыни не кристаллизовалась в пренебрежение к итальянскому языку, привязанность к Воклюзу не означала анахоретства, любовь к Лауре не помешала родиться его детям — когда пристрастия и интересы достаточно разнообразны, то среди них непременно будут и противоречивые. Сам Петрарка был так привержен самоанализу, столько искал и столько находил в себе противоречий, столько написал об этом в стихах и в прозе, что будь у него программа, она была бы известна от него же, однако его самоанализ свидетельствует о приверженности к самоанализу (тоже не программной, а проистекающей от свойств характера) — и только. Если согласиться с метким замечанием, что Петрарка был прежде всего «зеркалом самого себя», то отсутствие программы представляется еще более естественным.

Tece' brachior' lanu' cui' ceter' fund'
tu' quid' teci' nec'at' nisi' tu' ad' p'x'is' a'no
qui' eu'enerit' maxima' h'm' loca' p'cem

ный и светский. А если у такого вот «нетерминологического гуманиста» имеется вдобавок и природный талант, то в чем он обнаружится в первую очередь? Без сомнения, в письмах, в которых сразу явятся и образование, и остроумие, и хороший вкус, да и учтивость тоже — ведь у письма есть адресат. И когда Петрарка, так и не став нотариусом, стал просто гуманистом в простом смысле этого слова, то он очень вскоре и очень широко прославился именно своими письмами, а при том, что писем в ту пору, как уже сказано, писалось множество, такой скорый успех очень много значил для совсем еще молодого человека, относившегося к жизни не без легкомыслия. Особенно после смерти отца, когда нерадивый студент окончательно бросил университетские занятия, поселился в папской столице и стал продать небесконечное отцовское наследство, не имея ни определенного общественного положения, ни каких-либо определенных перспектив этим положением обзавестись. Но Петрарка был в жизни желанным гостем — его миновала даже та полоса лишений, которую положено пережить везучему герою романа, уже съевшему последнюю ложку родительской похлебки и еще не успевшему вкусить сладостей удачи. Первый успех пришел рано, первый меценат не замедлил явиться, и до самого конца Фортуна не изменяла своему любимцу, вознося его выше и выше — если ему и случалось страдать, то преимущественно от упоминавшейся неутолимой страсти к самоанализу, которая, впрочем, легла впоследствии в основу гуманистического (в терминологическом смысле) антропоцентристского мирозерцания.

Итак, успех принесли письма, и главную прижизненную славу доставили Петрарке они же, между тем как он не меньше, а скорее больше, хотел прославиться в качестве поэта: стихи его пользовались меньшим успехом, чем письма, хотя авторитет знатока латинской поэзии он тоже приобрел рано, так что сам Роберт Мудрый сделал его судьей своих (очень недурных, особенно для короля) стихов и вступил с ним в переписку. К этому времени Петрарка, еще молодой, но уже знаменитый и (насколько было тогда возможно) независимый, успел купить Воклюз и затеял сочинить эпическую поэму. Желание понятное: слишком многие знаменитые римские поэты были авторами поэм, и престижность этого жанра отчасти обеспечивалась риском — про поэму не скажешь, как про сборник элегий, что «вные недурны», поэма означает славу или провал. Петрарка хотел славы.

В герои поэмы был избран, естественно, персонаж героического времени — старший Сципион, к которому Петрарка, как сам пишет в «Послании к потомкам», с детства испытывал некую неизъяснимую приязнь. Симпатию к старшему Сципиону испытывал и Данте (что отразилось как в «Комедии», так и в письмах), и уточнением «с детства» Петрарка, возможно, лишний раз хотел подчеркнуть независимость своего выбора, хотя неизъяснимая приязнь в особых уточнениях не нуждалась — и ввиду своей неизъяснимости, и потому, что отношение к Сципиону как к «герою по преимуществу» родилось еще в древности и досталось Средневековью по наследству. Тит Ливий, — а Ливия Петрарка любил, знал же настолько хорошо, что собственноручно выправил его необъятный труд, и эта рабо-

та до сих пор не утратила своего филологического значения — итак, Ливий, начиная рассказ о войне римлян с Ганнибалом, называет эту войну наивеличайшей из всех войн (XXI, 1), хотя к его собственному времени выбирать было из чего: триста лет Рим только и делал, что вел великие войны. А из героев этой «наивеличайшей войны» самым значительным и самым привлекательным выведен у Ливия именно Сципион, победитель Ганнибала, притом (в отличие от почти всех позднейших героев, да и иных, ему contemporаных) никак не скомпрометированный участием в гражданских распрях и в братоубийственных смутах, воевавший только с «чужеземными захватчиками» и одолевший главного из них, после чего Рим стал хозяином чуть ли не всей вселенной и дальнейшие победы одерживал без особого труда. К тому же доблесть сочеталась у Сципиона с учтивостью, кротостью, просвещенностью, хорошим вкусом — он был воплощением «humanitas», но был также и на диво благочестив, и, наконец, он был молод, а Петрарка относился к молодости не просто как к житейской или даже социальной ценности, но как к безоговорочно положительной нравственной категории (быть может, потому, что молодость была структурным свойством его характера, а сам он был «зеркалом самого себя») — и это привело впоследствии к почти терминологизации слова «juventus» в Италии, да отчасти и во всей Европе. В общем, Сципион был образцовым героем по всем статьям, причем героем прописным — так же, как прописными классиками были Вергилий и Цицерон, любовь к которым Петрарка тоже пронес из детства через всю жизнь.

Однако приязнь — не непременно повод сочинять о предмете этой приязни эпическую поэму, даже если объективно он годится в герои эпической поэмы (а доблестный и добродетельный молодой полководец в такие герои, конечно, годится). Герой должен подходить не только жанру, но и автору, т. е. предоставлять ему максимальные возможности для поэтической самореализации. Эти возможности поэма о Сципионе Петрарке предоставляла. Некоторые из них названы: Сципион был прописным героем, то есть принадлежал к набору вечных для Петрарки школьных ценностей, Сципион был носителем гуманности и благочестности, которые были для Петрарки главными нравственными ценностями, Сципион был молод — и уже этого могло бы быть довольно, но этим дело не ограничивалось. Ранее упоминалось, что Петрарка порой пытался вмешиваться в политику (наиболее энергичные попытки отмечены в хронологической таблице) и что получалось это у него неважно. Однако в политических мечтаниях он своей малой способностью к практической политике ограничен не был и мечтал об Империи — о возрождении Римской империи миновавшего золотого века, когда Рим державствовал над миром. Естественно, древний Рим. Но Петрарка был флорентинец и всегда об этом помнил (хотя жить во Флоренции не хотел), а вечный Город лежал в руинах, и уповательное его возрождение не предполагало упадка или унижения новых и славных городов вроде той же Флоренции или Венеции, или Пармы, а стало быть, возрождение римского могущества естественным образом понималось поэтом как возрождение могущества Италии, имеющей столицей Рим, — между тем Римская империя его собственного

нелюбимого им века управлялась германскими императорами. В жизни Петрарка держал сторону императоров и даже на старости лет сделался имперским пфальцграфом, но в мечтах он видел иную картину, и варварам-германцам в любых чинах место в ней отводилось, мягко говоря, скромное — как и прочим варварам. Что «настоящая» Римская империя была именно Римской, а не Италийской, что при Сципионе римляне воевали не только с финикийцем Ганнибалом, но и чуть ли не с половиной Италии, из ненависти к Риму стоявшей за Карфаген, и т. д., — все эти прописные истины Петрарка знал отлично. Исторический Рим больше всего воевал с Италией, но поэзия говорит не о существе, а о должном — и в поэме Сципион ведет в бой италийские («авсонийские») полки, с Ганнибалом воюет Италия, хотя и предводительствуемая Римом, вообще римский патриотизм оказывается равен патриотизму италийскому, а по сути итальянскому. Материал для таких патриотических трансформаций давала не сама по себе война с Ганнибалом, а только те ее эпизоды, где главным героем был Сципион: в качестве полководца он, действительно, бился лишь на чужбине, покоря Испанию, меняя царей в Нумидии, громя карфагенян при Заме, — тут легко было отождествить Италию с Римом и списать стоявших за Ганнибала италийцев просто в изменники. Петрарка почти не подверстывал историю к концепции, но умело выбирал из истории то, что этой концепции не вредило, а поэтическое умолчание ложью не является.

Кстати было и то, что рассказ о Сципионовых подвигах имелся подробный (Ливий не пожалел места для описания великой войны), а вот прославляющая их поэма пропала — из «Анналов» Энния сохранились клочки, знакомые Петрарке по комментарию Сервия к «Энеиде», но не составлявшие ничего целого. На таком фоне Петрарка мог явиться по своему же выражению «Эннием новым» («Африка», II, 443; ср. I, 1 и примеч.), т. е. продемонстрировать не только свои преемственные связи с древней поэзией, но и их специфику — свое намерение идти по тропе пращуров вольной поступью равного, а не «влачащегося след в след» подражателя (не зря ведь он называл Вергилия братом). Впоследствии свою речь при получении венка он начал цитатой из «Георгик»:

Ввысь влечет меня к пустынным кручам Парнаским
некий сладостный пыл...— (III, 291–292)

и в продолжении речи эта цитата многократно повторяется. Обычно подобные зачины средневековых речей бывали цитатой из Писания, так как традиция сквозного их использования восходила к святоотеческим толкованиям, но цитата из Вергилия лишь варьировала эту традицию: Вергилий уже в святоотеческие времена почитался «душою отприродно христианскою», а в известном средневековом гимне «Оный день» по пророческому статусу приравнивался к Псалмопевцу, — итак, примерный католик, взявшийся петь о древнем Сципионе, просто в очередной раз проявил здесь свой хороший вкус, выбрав цитату из наиболее уместного в данной ситуации, но притом вполне авторитетного источника (цитата не совсем обычна, однако ведь и случай нерядовой). Существеннее дру-

гое — прочитрованы полтора стиха, а Вергилий выражает свою мысль в трех (291—293):

Ввысь влечет меня к пустынным кручам Парнасским
некий сладостный пыл — мне отроги горные милы,
в коих к источнику Муз никем не протоптаны тропы.

Это правдивые стихи, так как из всех сочинений Вергилия «Георгики», пожалуй, особенно самобытны. Но нельзя забывать, что Петрарка, цитируя полтора стиха, рассчитывал на аудиторию, которой следующие полтора тоже памятли (как-никак Вергилий был школьным автором), а стало быть, с приличной скромностью — чужим полусловом — объявлял и себя поэтом вполне самобытным. В «Африке» он был куда менее скромн, и она полна реминисценциями этих трех Вергилиевых строк, т. е. декларациями, что по трудной дороге к источнику муз поэт идет нехоженным путем и на свой страх. Это возвращает нас к приводившемуся выше отрывку из письма к Боккаччо, в котором намерение «своротить куда пожелаю» выражено с предельной прямоотой, хотя и не в ущерб авторитету «пращуров».

Пращуром из пращуров был Энний, первый «настоящий» римский литератор (сам Горацій зовет его «отцом!»): он был, в частности, зачинателем латинского гексаметра, т. е. чуть ли не всей классической римской поэзии и всей римской эпической поэзии, так что не зря отрывки из «Анналов» сохранились в комментарии Сервия к «Энеиде», — Вергилий во многом опирался на Энния, а иные строки у него и заимствовал. Петрарка, ставя себя рядом с Эннием («новый Энний») и Вергилием («братом»), претендовал тем самым быть сразу основоположником и классиком: основоположником потому, что возрождал прерванное преемство, зачинателем которого был Энний, приведший в Лацию муз, призываемых Петраркой из изгнания назад («Африка», II, 445—447), классиком потому, что располагал традицией, которой у Энния в запасе как бы не было (запасы Энния были велики, но то были греческие запасы). Это преемство — пусть прерванное на века и реставрируемое — Петрарка видел неким эволюционирующим во времени явлением, причем эволюционирующим в сторону большего совершенства. Энний был велик, но «груб»; в результате эволюции явился Вергилий — ученье пошло латинским музам в пользу. Теперь, после перерыва, они вернулись (он, Петрарка, их вернул), а значит, эволюция продолжается (он, Петрарка, ее продолжает) — это путь пращуров, но вперед по нему идут поэты отважные, т. е. ищущие нехоженных троп, как некогда искал их Вергилий и как ныне ищет их он сам (потому-то идти по пути пращуров — не то, что «влачиться» за пращурами). В трактате-диалоге «О сокровенном» собеседник Петрарки Августин говорит, что делать давность критерием истинности — «верх безрассудства», и эта мысль явно важна для Петрарки, коль скоро он вкладывает ее в столь авторитетные уста. Отсюда не следует, будто отмечавшаяся выше внеисторичность культурного сознания поэта как-то компенсировалась этим его эволюционизмом — одно с другим попросту не соприкасается. Идея, что все искусства со временем совершенст-

вуются (если только вдруг по каким-нибудь внешним причинам не придут в упадок), едва ли не менее оригинальна, чем хрестоматийный подход к искусству, и тоже благополучно существует до сего дня — причем если внеисторичность все-таки является формой (пусть не всегда корректной) продуктивного по своей природе культурологического метода, то эволюционизм представляет собой в лучшем случае абсолютно некорректный перенос критериев вполне реальной технологической эволюции в область эстетических парадигм, а в худшем (и почти всегда) — механический перенос закономерностей онтогенеза на филогенез, т. е. наивное и неверное представление о том, что человечество совершенствует свои художественные навыки так, как их совершенствует индивид. При всей своей теоретической бесплодности концепция эта приносит много пользы, обладая большим вдохновляющим действием, хотя и очень избирательным. Если талантливый художник (а таких мало) верит в эволюцию искусства (а верят далеко не все) и в свою способность этой эволюции содействовать (а столь отважны тоже далеко не все), то в интересах эволюции и своих он может рискнуть на новаторство (а таких смельчаков еще меньше) и преуспеть (иногда), — тут-то и являются на свет новые шедевры, которые не лучше и не хуже прежних шедевров, но общую сумму шедевров не только увеличивают, а также и разнообразят, расширяя репертуар художественных стилей и тем обогащая культуру в целом.

Не касаясь необъятной проблемы каноничности средневекового искусства, придется отметить, что намерения Петрарки относительно «Африки» (при всей неоригинальности эволюционизма как такового) сами по себе были довольно оригинальны, потому что латинский эпос уже древними почитался достигшим предела совершенства. Вергилий сделался школьным автором сразу после публикации «Энеиды» (т. е. вскоре после смерти), и все эпические поэты ему подражали. Разумеется, подражания различались — ведь каждый не только пишет, а и читает по-своему, — однако средневековое (школьное или досужее) вергилианство ввиду некоторой окостенелости восприятия прописного (уже более тысячи лет) классика и ввиду несомненной тенденции к канону сплошь и рядом сводило подражание к заимствованию. Ко времени Петрарки проторейная Вергилием тропа превратилась в заезженную колею, и с позиций принципиальной самобытности в привычном движении по ней действительно можно было видеть раболепие. Однако даже самобытный латинский героический эпос мог быть только вергилианским — никакого другого пути пращуров не проторили. Для Петрарки главным признаком заезженности был не самый факт следования вергилианской традиции (традиция как раз и была путем пращуров), а упомянутые заимствования, искоренив которые он намеревался обновить традицию. Незаемность каждого стиха была для него непременным признаком истинной поэтичности и даже просто поэтической добросовестности, так что когда уже в старости он как-то раз нечаянно воспроизвел в одной из малых поэм полстроки все того же «божественного Марона» и ему на это указали, то он разразился по поводу своей оплошности целым покайнно-оправдательным посланием. Всякий, кто читал «Африку» параллельно с комментарием, имел возмож-

ность заметить, как много у Петрарки реминисценций из Вергилия и намеков на сюжеты Вергилия, — но прямых заимствований из Вергилия или иного поэта у него практически нет.

Демонстративность этого приема особенно заметна, если сравнивать поэму с прозаическими текстами, послужившими ей источниками, — с Ливием и Флором, с Цицероновым «Сном Сципиона» и еще некоторыми сочинениями (соответствующие отсылки имеются в примечаниях). Переложить прозу в стихи с сохранением почти полной дословности — сложное и изысканное искусство, с образцом которого русский читатель знаком по «Василию Шибанову» А. К. Толстого, переложившего в этой балладе одно из посланий князя Курбского к Ивану Грозному (рифмованными амфибрахиями). Прием этот редок не только потому, что мало кому под силу, но еще и потому, что эффективность его можно оценить лишь при знании перелагаемой прозы наизусть или почти наизусть, а прозу зазубривают довольно редко, т. е. эффективный прием может остаться невостребованным. Однако же средневековому образованию ориентация на зазубривание была весьма свойственна, так что перелагаемую стихами прозу помнил наизусть или почти наизусть не только сам Петрарка, но и многие его просвещенные современники, и поэт вполне мог рассчитывать на эффективность приема, особенно отчетливо подчеркивающего отсутствие заемных стихов. Тем не менее дословность есть дословность: допустив в поэму переложенную стихами прозу, Петрарка таким образом использовал (и не только в переложениях прозы) слог, для героического эпоса не характерный, — хотя и в смещении со слогом вполне эпическим. Героический эпос пользовался слогом, который риторика квалифицирует как «высокий», — и если даже в таком эпосе воспевается «*humanitas*», то стилистические воспроизводить ее, оставаясь в рамках сложившейся традиции, невозможно. А Петрарка воспел и воспроизвел. Рядом с серьезным и возвышенным вергилианством явилась изящная простота раскованной речи, явилось острословие, а порой и намеренно грубоватое слово или выражение (такие особенно не нравились схоластику). Шокирующей дисгармонии это смещение не создает, хотя иногда представляет высокий слог (при всем том доминирующий) в несколько пародийном свете, так как рядом с более разговорными пассажами он кажется слишком выпяченным, что, в свою очередь, усугубляет непринужденность соседствующей разговорности (типичный пример — речи Лелия перед Сифаком). В других произведениях Петрарки ничего подобного нет, поэтому и тут вряд ли можно предполагать какую-то сознательно нетрадиционную стилистическую стратегию — иначе в пределах поэмы эта стратегия применялась бы последовательнее. Куда вероятнее, что поэт, осмыслявший «золотую латынь» с тех же обобщенно-культурологических позиций, что и древность в целом, использовал возможности этого единственно полноправного языка с предельно доступной полнотой, сообразуясь лишь с собственными представлениями об уместности того или иного выражения. Не будь он принципиально самобытен, ему хватило бы заемного вергилианства, но он был самобытен и употреблял в дело весь имевшийся у него лексический и риторический запас.

Есть в стихотворной фактуре «Африки» и еще одна специфическая особенность — это очень близкая (опять-таки до дословности) соотнесенность с итальянскими стихами Петрарки. Она особенно заметна в V песни, но так или иначе проходит через всю поэму. То, что многие строки и целые пассажи «Африки» можно обнаружить и в других латинских произведениях Петрарки, вполне естественно (самоповторения неизбежны у каждого автора), а вот столь же частая или даже более частая соотнесенность с «Канцоньере» заслуживает внимания, — на «Африку» словно бы нанизано все разновременное итальянское наследие поэта (Коррадини в комментарии к своему изданию демонстрирует это очень наглядно — в комментарии к данному переводу отмечены лишь особенно показательные места самой показательной в этом смысле V песни). Списать такую специфику на упоминавшееся неизбежное самоповторение трудно уже просто по количественному признаку, так как самоповторение в таких дозах хорошим поэтам не свойственно, да притом самоповторения обычно провоцируются не только сходством смыслового контекста, но и ритмико-синтаксической инерцией. А между тем, хотя Петрарка был, конечно, говоря по-нынешнему, «билингвом» и двуязычное его наследие едино по многим параметрам, но о ритмико-синтаксических самоповторениях на двух разных языках не может быть и речи: никакой стиховой общностью гексаметрический латинский эпос и силлабическая итальянская лирика не связаны, а смысловое сходство — условие недостаточное, так как излюбленные мысли могут принимать любую образно-поэтическую форму (и даже не непременно поэтическую, так как Петрарка писал и прозу). Вряд ли случайно, что «Африка» оказалась своеобразным латинским конспектом итальянского поэтического репертуара Петрарки, — но как совместить откровенно-реставраторский замысел «нового Энниа» с наличием в его поэме цитат из его же стихов на неполноправном языке, которые порой и в русском переводе приметно сохраняют свою совсем недревнеримскую стилистическую природу?

Разумеется, когда поэт декларирует свое право «своротить, куда пожелает», то если он сам (как в данном случае) желательного направления не указывает, всякие объяснения останутся гипотетическими, — однако здесь гипотеза, которую можно предложить, подкрепляется прецедентом, доступным интерпретации. Петрарке очень понравилась новелла о Гризельде из «Декамерона» — настолько понравилась, что он перевел ее на латынь. И немедленно обеспечил ей большой успех, чем прочим новеллам «Декамерона», потому что по-итальянски ее могли прочитать только итальянцы, а по-латыни — все грамотные европейцы. Случай далеко не исключительный: например, веком ранее Гвидо де Колонна вот так же ради европейского читателя перевел на латынь французский «Роман о Трое» Бенуа де Сент Мора. Действительно, всем было очевидно, что на вселенскую славу (и даже просто известность) может претендовать лишь латинский текст. Хотя и в качестве итальянского поэта Петрарка был достаточно самобытен (как и во всем), но сама по себе традиция была старой и сложившейся, восходила к провансальской лирике и имела уже не только собственных итальянских основоположников, но и собственных

итальянских классиков, включая Данте. А при всем том эта блистательная традиция как бы не обладала культурной полноправностью, потому что на единственно полноправном для Европы языке ее не существовало ни в каком виде: все ее сложные и изысканные стихотворные формы, все ее сложные и изысканные образы, все ее поэтическое богатство — все было совершенно чуждо школьной традиции просто потому, что сочинялось не по-латыни. Обе традиции сосуществовали вполне мирно, не пересекаясь и как бы не зная друг о друге, даже если вдруг (изредка) «народный» поэт почему-либо переходил на латынь. Так у Данте имеется кое-какая латинская проза, но в ней и нет ничего «народного», это лишь временное переключение из одной традиции в другую, обусловленное задачами, для разрешения которых «народная» традиция нужных средств предоставить не могла. Так Раймунд Луллий, сделавшись монахом и философом, стал писать по-латыни, совершенно забросив провансальский, на котором в молодости сочинял отличные стихи, — сменились задачи, сменился и язык. И напротив, если бы какой-нибудь схоласт вознамерился вдруг воспеть прекрасную даму, то он должен был бы сделать это на народном языке и в рифму, но тут достойных примеров привести не удастся — вагантская традиция хоть и школьная по происхождению, но не опирается на хрестоматию, а хороших латинских (в «золотом» смысле этого слова) поэтов школа не производила веками.

Петрарка писал итальянские стихи и, следовательно, ценил ту традицию, которой они принадлежали, но переосмысленная им школьная традиция (т. е. его реставраторские задачи), да и самая его роль «нового Энида» предполагали, что проторенный им путь так или иначе продолжается «путь пращуров» и что вся его сколь угодно самобытная писательская практика доступна осмыслению в сколь угодно общих, но все же реставраторских категориях, пусть и с учетом, что новое не хуже старого. При всей своей страсти к самокритическому самокопанию (или вследствие этой страсти) Петрарка всегда умел отождествить свое с должным, потому что должное тоже выбирал сам, — примером тут может служить упоминавшееся отождествление не нуждающегося в мотивировках итальянского патриотизма с имперской концепцией. Предпочтение «Гризельды» другим новеллам «Декамерона» тоже не нуждается в мотивировках, но перевод ее на латынь давал ей сразу славу и полноправность. Общая тенденция ясна: итальянское возвышается до латинского и так, сохраняя в предельно возможном объеме свою специфику, приобретает необходимый престиж — престиж полноправности, обеспечивающий функционирование текста на вселенских (общеевропейских) культурных высотах. Причем исходный материал (итальянский патриотизм как таковой, оригинал «Гризельды» и т. д.) оказывается этому престижу причастен, как бы «позолочен латынью» по причине своей переводимости — способности включиться в единственно подлинную традицию. Мирное «незнакомство» народной и школьной традиций такого не предусматривало, но ведь до Петрарки и не было деятелей культуры сопоставимого с ним масштаба, реализовавшихся сразу в обеих традициях и в одном и том же качестве, да и после Петрарки таких, в сущности, не было. Поэтому проб-

лема «латинской позолоты», которая с культурологической точки зрения могла бы представляться чуть ли не универсальной, на самом деле являлась личной проблемой Петрарки, желавшего оставаться «новым Энцием» даже в качестве итальянского поэта, да притом вряд ли это была сознательно формулируемая и сознательно решаемая проблема, — об этом нет сведений, что при склонности Петрарки к самоанализу довольно показательно.

«Африка» — большая поэма, и с ее помощью Петрарка намеревался добыть себе лавры, да к тому же выступать лауреатом он хотел не только в своей латинской, а и в своей итальянской ипостаси, — и выступал, что видно по прижизненному изданию «Канцоьере», автор которых именует сам себя «поэтом лавровенчаным». Творчество свое он, стало быть, осмыслял как нечто единое, и в самом крупном (единственном по настоящему крупном) поэтическом его произведении такое осмысление не могло не отразиться, должно было отразиться. Это значит, что латинская поэма должна была впитать итальянскую лирику, сообщив и ей престиж лавровенчанности. — так и случилось. Вернее всего было бы сказать, что «Африка» насыщена подстрочниками итальянских стихов, но латынь воспринималась нераздельно с древней метрикой: «переводимость» была переводимостью в полноценные латинские стихи, т. е. в гексаметры (престиж героического эпоса, всегда гексаметрического, сообщил этому размеру особую престижность уже в древности). Все это немаловажно для понимания поэтической позиции Петрарки как автора «Африки»: он сочинял латинский героический (а значит вергилианский) эпос, который должен был опознаваться (и в целом опознается) в качестве такового, при этом он использовал классическую традицию во всей возможной полноте — нарушал налагаемые на эпос ограничения, а в ипостаси эпического поэта продолжал оставаться лирическим поэтом. Стилю поэмы такое сочетание тенденций, разумеется, придает заметную своеобразность, по возможности переданную в переводе, но не вызывающую недоумения, — у принципиально самобытного поэта и стиль самобытный. Зато сюжет поэмы и ее композиция породили много недоумений, даже подозрений, не говоря уж о текстологических концепциях, а ведь в эпосе повествование не менее важно, чем стиль.

Вообще говоря, патристический «римско-итальянский» эпос со Сципионом в качестве главного героя, и притом совершенно традиционный, представлял бы собой поэму наподобие той, о какой мечтал Колуччо Салютати (см. «Дополнения», II), — описание подвигов Сципиона, расцветное картинами и прочими эпическими красотами (то, что о своих мечтах Колуччо говорит так скучно, не значит, что уповательная поэма была бы плохой и скучной — могла бы быть и хорошей). Такова была эпическая норма, а насколько ей следовал Петрарка — это читатель поймет и сам, сопоставив мечты Колуччо с реальностью, так ужаснувшей впоследствии того же Колуччо (см. «Дополнения», IV). Впрочем, нельзя сказать, что Петрарка в первых строках поэмы просит музу помочь ему сделать то, чего он вовсе не сделал: «Африка», действительно, начинается с начала главного Сципионова подвига, т. е. с замысла разбить карфаге-

нии на их же земле, а завершается исполнением этого замысла и подобающим триумфом, и между началом и концом о событиях войны с большей или меньшей подробностью говорится — в общем, поэма не только декларирована, а и опознаваема как героическая, эпическая. И даже как вергилианская, потому что нравственный героизм героя явно доминирует над героизмом военным и соотносится с ним как причина со следствием, а именно Вергилий первым из поэтов избрал себе в герои персонажа, чья главная доблесть в благочестии. Но сколько у Петрарки от этой традиции в стиле, столько (или меньше) у него от нее и в композиции. Традиция позволяла и предписывала расцветывать повествование вставками — описаниями картин и древних подвигов, речами, пророчествами и т. д., — но не в ущерб единству действия, а у Петрарки эти вставки сплошь и рядом столь пространны, что утрачивают орнаментальный характер и наносят единству действия, да и просто повествованию весьма заметный ущерб, от которого предостерегал Гораций, как от изнапки чрезмерной поэтической вольности («Поэтика», 134—135). Насколько «гуманистический» слог теснит эпический, настолько и еще беспощаднее речи и пророчества теснят повествование — даже битва при Заме в них буквально тонет. Это отсутствие повествовательной доминанты (для эпической поэмы традиционно обязательной) вызывало недоумение уже у первых читателей «Африки» — особенно бросался в глаза пропуск между IV и V песнями, вызывавший самые разнообразные догадки (см. примеч. IV, 388). В комментарии к этой гипотетической лакуне по возможности доказывалось, что никакой лакуны нет, и предлагается новая интерпретация связи между песнями — они связаны темой страсти и преодоления страсти (там же). Однако этот тип связи — не повествовательный, а лирический, так как лирическое произведение развивает мысль, а не повесть о событиях, даже если те или иные события упоминаются в нем с достаточной описательной наглядностью. Весь текст поэмы свидетельствует о том, что Петрарка, формально оставаясь в рамках героического эпоса, повествованием пренебрегал охотно и едва ли не по любому поводу: поэма нестрит так называемыми лирическими отступлениями, порой авторскими, порой влагаемыми в уста кого-то из героев, но от того не перестающими быть лирическими отступлениями. А если приглядеться к развитию сюжета, то становится видно, что лирический тип связи между песнями и вообще характерен для «Африки» и что связь между IV и V песнями просто демонстрирует это наиболее ярко, так как последовательность повествования очень уж резко нарушена, — но лирический тип связи может быть осуществлен и без такой повествовательной дисгармонии. Особенно если учесть, что в двух первых песнях никакого повествования, в сущности, и нет, чем тоже в свое время был смущен Колуччо («Дополнения», IV).

Итак, две первые песни представляют собой рассказ о сне Сципиона, в котором его подвигам в войне с карфагенянами уделено всего несколько десятков строк, представляющих собой скорее вступление к сну, нежели повествование в собственном смысле слова (I, 115—167), — это после пространных посвящений и рассуждений и перед пространным (пример-

но в тысячу стихов) описанием сна, в первой части которого в обратном порядке и тоже без особенной повествовательной последовательности речь идет о прошлом (от сравнительно недавней гибели старших Корнелиев и в глубь — до Ромула), а во второй — о будущем, но тоже без повествовательной последовательности. Впрочем, никакой последовательности ожидать и не стоит, так как «исторические» и «пророческие» повествовательные фрагменты используются в качестве иллюстраций к рассуждениям о славе, доблести, добродетели, устройстве Вселенной и т. п. — а в последовательности мысли поэту отказать нельзя. Начало III песни связывает ее со II (а точнее — с первыми двумя) самым естественным образом: заснувший в I песни Сципион просыпается и, вдохновленный сновидением, укрепляется в своем намерении разбить карфагенян на их земле, о чем и совещается с Лелием, которого посылает сговориться с Сифаком. Эта связь может быть интерпретирована как повествовательная (вещий сон — событие, решение о высадке — тоже), но может быть интерпретирована и как лирическая (от намерений и сомнений к твердой уверенности под впечатлением сна). Так или иначе, но от начала песни до отъезда Лелия — несколько десятков стихов, а потом опять ничего не совершается уже до конца IV песни, хотя формально в них повествуется об успешных переговорах с Сифаком (он принял дары и пригласил Сципиона к себе). Фактически же III песнь содержит пространное описание дворца, столь же сказочный и довольно краткий рассказ об истории Африки (от Антея до Ганнибала) и пространные рассказы Лелия о героическом прошлом Рима, а в небольшой IV песни Лелий по просьбе Сифака рассказывает о юношеских подвигах Сципиона. Разделение понятно (III песнь — о древних героях, IV — о нынешнем и величайшем), связь тоже понятна (рассказы Лелия иллюстрируют его же рассуждение о римской доблести и благочестности), причем можно отметить изящную симметрию в композиции сна и в композиции речей Лелия: от недавнего прошлого в глубь древности и затем к грядущему (сон) — от настоящего в глубь древности и затем к недавнему прошлому (Лелий). Однако о главном предмете поэмы, т. е. о ратоборстве Сципиона с Ганнибалом, поэт в первых четырех песнях успел рассказать только то, что Сципион задумал переправиться в Африку и что Лелий почти сговорился с Сифаком. А то, что в этих четырех песнях так или иначе пересказана вся история Рима от бегства Энея из Трои до будущего упадка и захвата варварами, — это не повествование в собственном смысле слова, а пусть повествовательные по форме, но все же отступления, нарушающие единство действия не меньше (если не больше), чем отступления философские. Правда, та малость, которая рассказана, рассказана без пропусков, но эта эпическая рамка столь очевидно второстепенна сравнительно с лирической композицией, что чисто лирический переход к песни V уже не удивляет, тем паче что и тут некоторые повествовательные условия как бы соблюдены: все-таки Массинисса взял Цирту после поездки Лелия к Сифаку (пусть через годы!), а значит, скудное повествовательностью повествование хоть и скачком, но немного подвинулось вперед — чтобы надолго застрять в новой лирической теме.

Других пропусков в поэме нет (поэтому данная «лакуна» и разбирается в примечании так подробно), однако даже по оглавлению читатель может убедиться, что до самого конца (и особенно в конце) описанная тенденция сохраняется в полной мере. Так, в начале IX песни лучшим другом и советчиком Сципиона неожиданно становится Энний — не только вопреки исторической истине, но и вопреки предыдущим песням, где лучшим другом героя выведен Лелий, которого хвалит за верность и Сципион-небожитель, беседующий с героем в его вещем сневидении. В IX песни Лелий не упоминается ни разу и вытеснен именно Эннием (другом, утешителем и советчиком), хотя эпическому герою не положено без повода менять друзей. У Сципиона такого повода нет, но он есть у Петрарки, причем весьма основательный: замена Лелия на Энния дает возможность завершить поэму еще одним вещим сном, в котором сам Гомер папророчит своему поклоннику и подражателю будущую «Африку», показав и расхвалив ее будущего автора. Сходное пророчество Сципион уже получил от отца (II, 441—454), но Гомерово гораздо подробнее и едва ли не авторитетнее — а собеседником Гомера традиция изображает Энния, и заменить его (поэта!) Лелием нельзя, так что Лелию приходится исчезнуть. Но в связи со сном Энния пора отметить и еще одну своеобразную особенность «Африки»: ее автор — в числе ее героев.

Петрарка мог пренебрегать действием, но к характерам был внимателен и живописал своих персонажей с необязательной для эпоса (но и не противоречащей жанровым нормам) психологической скрупулезностью. В сущности, ему и Сципион был интересен именно как характер — и этому образцовому характеру в поэме вполне просторно. Менее образцовые персонажи не менее (если не более) психологически достоверны: свой нрав у Лелия, свой у Массиниссы и т. д. — даже у Сифака свой и очень непростой нрав. Лирическая в своей первооснове структура поэмы позволяет автору подробно анализировать внутреннюю жизнь героев, куда более для него занимательную, чем перипетии Пунических войн. Однако в качестве лирика по преимуществу (да и просто по личным своим свойствам) больший интерес Петрарка испытывал к собственной внутренней жизни, что на редкость ярко отразилось во всех его произведениях. Он говорил о себе сам, он заставлял говорить о себе других (например, Августина в упоминавшемся трактате «О сокровенном») — и «Африка» в этом смысле не является исключением. Конечно, в эпической (хотя бы и нетрадиционной) поэме поэт не может писать только о себе, как в сонете или в послании, но эпос и вообще не предполагает самоописания повествователя и тем более включения его в список персонажей, а Петрарка вопреки традиции верен себе и тут, т. е. говорит о себе сам и заставляет говорить других. И не только говорить: если во II песни старший Корнелий лишь хвалит юношу, которому суждено стать «Эннием новым», то в IX песни этот юноша явлен Эннию вживе — пусть в качестве еще не обретшей тела души, однако души с наружностью, именем, повадкой и даже местожительством. Персонажей поэмы условно можно разделить на две категории: одни так или иначе принимают участие в действии, хотя бы это участие было чисто словесным, как у Энния или

старших Корнелиев; другие фигурируют лишь в чужих рассказах — исторических или пророческих — т. е. относительно действия являются как бы вводными. В какой-нибудь другой (да почти в любой) эпической поэме вводные персонажи могут не выделяться в особую категорию и даже не считаться персонажами, коль скоро к сюжету они отношения не имеют, но в «Африке» основной сюжет настолько заслонен разного рода отступлениями, а вводных персонажей соответственно так много, что они определенно создают особую группу характеров. Петрарка в качестве персонажа поэмы принадлежит, конечно, к этой «бездейственной» категории, но отчетливо из нее выделяется как лицо особо значимое: о нем пророчествуют дважды, во второй раз он — единственный герой пророчества и не только предсказан, а и показан, причем показан не в условном обличье неземного жителя, а в реальном земном облике и у себя дома — в Воклюзе, так что из всех персонажей второй категории получается самым реальным и живым. Столь нетрадиционное присутствие автора в его же творении сочетается с такой же нетрадиционностью авторской позиции.

Никакой определенной дозировки присутствия повествователя в повествовании традиция не предлагала: количество обращений к музе, посвящений, рассуждений и т. п. диктовалось скорее вкусом, чем заданной пормой. Обширное (с тремя посвящениями и многими рассуждениями) вступление к «Африке» и долгое с нею прощание (опять же с рассуждениями и обращениями) не являются признаком поэтической скромности, но и не перечат правилам. Правда, несколько неожиданна мотивировка разлуки поэта с героем (IX, 410—420): раз предметом поэмы объявлено ратоборство Сципиона с Ганнибалом, то развязкой этого эпического действия, естественно, будут победа и триумф, — поэма и заканчивается триумфом, никакого продолжения ей не положено. Но Петрарка так равнодушен к единству эпического действия, что соблюдение этого единства считает нужным мотивировать, — и уж, понятно, своим собственным уморасположением: он просто не хочет рассказывать дальше, потому что дальше жизнь Сципиона складывалась плохо, а вовсе не потому, что действие завершилось и рассказывать больше не о чем. Этот лирический штрих еще нагляднее подчеркивает композиционный лиризм поэмы, о котором писалось выше, но не добавляет к нему ничего нового. Куда существеннее и необычнее диссонанс между вступлением и заключением, который меньше бросается в глаза, так как к эпическому действию вроде бы никак не относится. Однако же соотношение есть — и очень необычная для любого повествовательного жанра.

Во введении к поэме Петрарка обращается к своему венценосному покровителю Роберту Анжуйскому, при помощи которого уже стяжал в Риме «долгожданный лавр», и просит его заступиться за будущую (еще не готовую) поэму, обещая в следующей поэме воспеть подвиги мудрого короля, — а пока посвящает ему «Африку». Введение это перемежается рассуждениями о славе, зависти и эпических поэмах древности, так что вполне естественно переходит в рассуждение о причинах Пунических войн, т. е. к избранному предмету. Быв у Роберта в Неапо-

ле, Петрарка действительно обещал посвятить ему «Африку» (в благодарность за хлопоты о лауреатстве) — стало быть, исполнил свое обещание и сочинил упомянутые несколько десятков строк не ранее лета 1341 г. — после состоявшегося в апреле венчания. В 1343 г. Роберт умер. В заключающих IX песнь пространных обращениях к поэме и к читателям поэт горько оплакивает эту смерть и лишившуюся заступника «Африку», которую отчасти по этой причине завещает потомкам. Таким образом, «Африка» вполне правдиво описывает актуальные для биографии Петрарки события, — но ведь события эти разделены годами, т. е. правдивое их описание значит, что, кроме единственно актуального для эпоса времени повествования (пусть прерывистого, пусть не всегда последовательного, но все же не выходящего за пределы нескольких последних лет войны с Ганнибалом, — а все отступления сохраняют статус отступлений и отдельного времени не создают), в поэме имеется еще и время повествователя, начинающего свой труд в одних обстоятельствах и завершающего в совершенно иных, что и является поводом для пространных рассуждений. Нет никаких оснований предполагать, будто это получилось случайно: Петрарка до конца жизни перечитывал и (в той или иной мере) правил поэму, а в 1343 г. работа и вообще была в разгаре, и простая логика вроде бы требовала поменять посвящение живому Роберту на посвящение памяти почившего Роберта. Но это так, если понимать под простой логикой устойчивую повествовательную традицию, не предоставлявшую повествователю «личного времени»: стареть, терять друзей, менять намерения и т. д. имеют право герои, повествователь же всегда и во всем неизменен, хотя обычно тратит на повествование больше годов, чем герои на подвиги. А Петрарка правило это преступил и не только сделал себя персонажем поэмы, но и всей поэме придал заметную автобиографическую окраску: можно сказать, что «Африка» начинается со сна Сципиона и кончается его триумфом, а можно сказать, что она начинается среди наилучших упований и под защитой Роберта, кончается же среди падения всех надежд, кроме надежды на «внуков», и в скорби по умершему заступнику (так цикл «На жизнь мадонны Лауры» не отменяется ее смертью и воспоследовавшим циклом «На смерть мадонны Лауры») — с эпической точки зрения верно первое, с лирической — второе, а поскольку уже не раз и на других примерах демонстрировалось, что текст поэмы организован сразу по обоим принципам, то можно утверждать, что верно и то и другое.

Неудивительно, что один современный философ назвал «Африку» эпосом собственной души Петрарки, — и неудивительно, что поэт относился к этому своему творению особенно ревниво. Такому отношению способствовали и обстоятельства. Хотя в 1341 г. Петрарка получил венок в Риме не за поэму — да за поэму и не мог, ведь готовы были только первые четыре песни — и хотя никто не читал тогда и этих четырех песен, а лишь кое-кому были известны кое-какие отрывки, и лауреатом Петрарка сделался «по совокупности», но общее мнение видело в лавровенчанном поэте прежде всего автора «Африки», а сам

он склонен был это мнение поддерживать, — престиж героического эпоса автоматически делал поэму главным его творением (и это было ясно всем), а ее упоминавшаяся выше «конспективность» относительно всех прочих его произведений превращала ее в своеобразное поэтическое средоточие этих произведений (и это так или иначе было ясно самому поэту). В результате сразу после венчания в Риме «Африка» превратилась в некий миф: никто ее не читал, но все знали, что уже почти написана и вот-вот будет завершена величайшая поэма века или веков, — и автор не возражал.

Однако себялюбивая страсть Петрарки к своему (особенно сходному с родителем!) детищу превратила «Африку» в миф надолго, почти на полвека, — чтобы затем окружить ее новым мифом, ибо инерция мифотворчества, хотя бы и историко-литературного, обычно отличается устойчивостью, как и все, причастное каким-либо мифам. Рождению данного мифа способствовало и то (уже отмечавшееся) обстоятельство, что Петрарка не любил свой век, век же, напротив, питал к нему любовь, граничащую с обожанием. Поэт охотно принимал и обожание, и проистекавшие от него духовные и материальные жизненные удобства, но ни в какой мере не почитал себя обязанным этому лелеявшему его веку — даже в лице читателей, даже если эти читатели доводились ему личными друзьями. Итак, получив венок, он после некоторого перерыва снова взялся за поэму и, как сам пишет в «Послании к потомкам», завершил ее быстрее, чем ожидал. Конечно, вчерне: произведения свои он всегда обрабатывал очень тщательно как для первого издания, так и для последующих (некоторые примеры см. в «Хронологии жизни и творчества»), поэтому первого издания читатели могли ожидать лишь около 1350 г., что не исключало, разумеется, дальнейших исправлений и дополнений. Что Петрарка предполагал издавать поэму, косвенно свидетельствует и он сам: он рассказывает, что однажды (в начале 1340-х годов) тяжело заболел, а поэма была еще не готова — и он чуть не сжег ее, опасаясь, что умрет, неготовое же творение его кто-то станет редактировать («О сокровенном»). Опасение понятное. Известно, что Вергилий на смертном одре попросил поэта Вария сжечь незаконченную «Энеиду», а Варий не только не послушался, но якобы перед публикацией что-то исправлял в труде покойного друга, — ясно, что для Петрарки самая мысль о подобной возможности была непереносима. Отсюда же можно сделать вывод, что раз он умер, а своеручно переписанная им поэма осталась, то он почитал ее вполне готовой. Петрарка и в «Послании к потомкам» пишет об «Африке» как о готовой поэме — и все же до конца его жизни «Африка» оставалась мифом. О ней знали и предполагали многие и многое, но ее самой не знал никто. Как-то раз (сравнительно скоро после венчания) Петрарка показал своему другу Барбато де Сульмона отрывок VI песни — описание западного побережья Италии и рассказ о смерти Магона — и даже разрешил сделать копию, но не для распространения. Однако Барбато пришел в такой восторг от этого достаточно заурядного отрывка, что обещание свое нарушил, вызвав крайнее недовольство поэта и (возможно) окон-

чательно утвердив его в намерении держать поэму под замком, так как ставшие известными строки сделались мишенью для замечаний «завистников». Впрочем, на формировании мифа эпизод этот совершенно не отразился.

Миф, как уже сказано, начал формироваться вокруг первых же известий о новой и небывалой поэме, т. е. не позднее 1341 г., вполне же сформировался, судя по всему, к началу 1350-х годов — ко времени, когда долгожданный шедевр по любым расчетам должен был увидеть свет. Из «Послания к потомкам» мы знаем, что «Африка» была готова гораздо раньше, и естественно полагать, что чуть ли не за десять лет, прошедших от указанного автором срока, она могла и должна была быть подготовлена к первой публикации. Действительно, как раз в это время Петрарка, которого уже со всех сторон атаковали нетерпеливыми вопросами, объявил (в письме к упоминавшемуся Барбато), что «Африка» готова, но требует еще некоторой «шлифовки». Поэт знал цену словам и не стал бы называть шлифовкой серьезную переделку, следовательно, речь шла о мелких доработках — и это опять же можно было понимать как обещание скорой публикации. Но ничего подобного не произошло. Тема шлифовки превратилась в вечную тему и в один из главных мотивов «африканского мифа» во всех его модификациях, включая современную (пожизненный, но так и не заверченный труд поэта над самым важным для него произведением). Тема шлифовки сочеталась с производной от нее и гораздо более впечатляющей темой сожжения поэмы. Было известно, что Петрарка некогда хотел незаконченную поэму сжечь — известно это было, разумеется, от него самого. От него же было известно, что однажды он сжег целую кипу своих небольших произведений (стихов и писем) не потому, что они казались ему плохими, а потому, что казались не стоящими дальнейших трудов, а без доработки не годились. Наконец, порой он грозился на этом же основании сжечь «Африку», которую ему, дескать, надоело шлифовать. А так как поэма представляла собой рукопись, существующую в одном-единственном — и притом для всех недосыгаемом! — экземпляре, то легко вообразить, насколько драгоценнее становился неведомый шедевр его заочным, но оттого не менее пылким поклонникам. К тому же поэт хоть и прятал от всех свое создание, но о заочной его славе заботился — не только не пресекал всеобщее любопытство, но скорее поддерживал — оба вышеописанных мотива восходят к нему, и он не уставал их разрабатывать в письмах, тем самым постоянно напоминая о себе как о владельце утаенного сокровища. Кроме того он (в «Послании к потомкам», но быть может, и ранее) мифологизировал сам замысел «Африки» через мотив Страстной пятницы, использовавшийся им и в другом контексте, в связи со стихами к Лауре. Об этом стоит сказать особо.

Петрарка впервые увидел Лауру 6 апреля 1327 г. в церкви, в Страстной понедельник. Лаура была не просто предметом его безответной любви, она была его важной биографической темой, что подчеркивалось, в частности, обязательным поэтическим освящением каждой годовщины этой первой встречи. Но 6 апреля 1327 г. Петрарка решил считать пят-

ницей — в таком контексте это легко интерпретируется как соотнесение Страстей Христовых и возвышающих душу страданий любви. Однако замысел «Африки» поэт тоже приурочивает к Страстной пятнице (1338 г.), не называя календарной даты, а потому проверить тут ничего нельзя, но если учесть, что в Рим за венком поэт прибыл опять же в Страстную пятницу (и мог сделать это нарочно), то выстраивается довольно недвусмысленная последовательность явно искусственного происхождения. Можно считать, что Петрарка и вправду превратил Лаурин понедельник в пятницу ради соотнесения своих страданий с Христовыми, а дальше руководствовался уже некоей инерцией, потому что две другие пятницы ни с какими страданиями не соотносятся, зато теснейшим образом связаны с поэзией, а страдания любви у Петрарки предпочтительно проявлялись в поэтической форме. Тогда получается ряд: пятница любви, вдохновившая «Канцоньере», — пятница главной поэмы — пятница поэтической славы (любовь и стихи — лучшие стихи — награда за стихи). Однако возможна и другая интерпретация, в рамках которой «Лаурина пятница» является лишь поводом для уподобления себя Христу, но исходно имеет иную семантическую нагрузку. Дело в том, что Страстная пятница — пятница из пятниц (как Пасхальное воскресенье — воскресенье из воскресений), но эта Святая (по-латыни «страстные» дни называются «святыми») пятница Святой седмицы тем самым воспроизводит — и воспроизводит по преимуществу — пятницу Первой седмицы, седмицы Творения мира. Пятница — последний и главный день Творения: в пятницу был создан Адам, после чего Творец «почил... от всех дел Своих» (Бытие, I, 26 — II, 2). Страстная (святая, великая) пятница рассматривалась уже раннехристианским богословием как новая Пятница Творения: место «ветхого Адама» заступал «новый Адам», и «совлечением ветхого Адама» были именно Страсти Христовы, приготавливающие рождение «нового Адама» и новый Завет с Богом («пятница» — греч. *parascene*, букв. «приготовление»). Конечно, эта богословская концепция была куда сложнее и подробнее, но суть ее заключалась в отношении к пятнице — а особенно к «Святому Приготовлению» — как ко дню творчества и кануну возрождения, и эта ее символическая значимость всякому средневековому человеку (во всяком случае грамотному) была в той или иной мере ясна. Отец гуманизма был рожден и воспитан Средневековьем: пусть он не испытывал интереса к тропологическим, анагогическим и прочим толкованиям Писания, а все же он был вскормлен и вспоен именно этой культурой и вне зависимости от личного отношения к ней часто воспроизводил ее в своем поведении, например в вышеописанном отношении к своей библиотеке. И в отношении к пятнице тоже, хотя наложение на собственную жизнь категорий Святой седмицы сразу демонстрировало отнюдь не средневековое отношение к своей биографии и к своему творчеству. Однако, хотя себялюбие Петрарки во многом послужило, как уже говорилось, развитию гуманистического антропоцентризма, само это себялюбие могло бессознательно оформляться в привычных поэту, т. е. средневековых, категориях. Таковы, вероятно, и его «три пятницы»: первая — «великое

приготовление» ко всей его итальянской поэзии, вторая — к «Африке», третья — к желанному статусу лавровенчанного поэта. Нескромно, но от того еще правдоподобнее. В определенном смысле Петрарка действительно может быть назван «человеком Пятницы» — это почти то же, что и «отец Возрождения».

Почему же он все-таки утаил «вторую пятницу» — точнее, предпочел оставить мифом (тщательно обработанным мифом) столь любимое им творение, уже стяжавшее столь великую заочную славу? Объяснить это только страстью к бесконечной шлифовке нельзя — он шлифовал и другие свои вещи, но обычно раньше или позже публиковал их (а потом продолжал шлифовать), да и прежде публикации знакомил друзей с какими-то отрывками. Авторы эпических поэм в процессе своего многолетнего труда порой собирали приятелей и читали им отрывки, которыми были довольны, так что поэма могла приобрести частичную (но отнюдь не мифологическую) известность задолго до публикации. Убеждая Петрарку примерами Вергилия и Стация, друзья просили его показать (почитать) им хоть что-нибудь (ведь хоть что-нибудь, наверняка, уже отшлифовано), но все просьбы оставались тщетными. И самоочевидно, что хотя у поэта была веская причина держать поэму под спудом, причиной этой была вовсе не шлифовка: как бы там ни было, но дважды он давал друзьям отрывки поэмы, причем не только не «отшлифованной», а даже и просто недонисанной. То, что он и в старости перечитывал «Африку» и, как всегда бывает в подобных ситуациях, вносил в нее некоторые исправления, не отменяет того факта, что сам он считал поэму готовой, и давно готовой, — раз он сам пишет о ее готовности в «Послании к потомкам». Мы не имеем права ему не верить, не располагая для этого самыми серьезными основаниями, а мы таковыми не располагаем. Что же до причин сокрытия готовой поэмы, то опять-таки разумнее всего довериться в этом вопросе ее автору, который прямо говорит в своем заключительном прощании с «Африкой», что дорога в свет оказалась закрыта для нее из-за смерти Роберта: потому-то теперь ей придется ждать, затаясь в неизвестности, «иных времен» — ее читателями должны быть не современники, а потомки.

Это (наиболее авторитетное!) объяснение подтверждается первоначальной историей поэмы. Действительно, в 1340 г. Петрарка отослал в Париж Пьеру Берсьюру отрывок из совсем еще не готовой поэмы, причем отослал для использования в книге, т. е. для публикации. В 1341 г. он читал отрывки из «Африки» Роберту — а готовы были (оставляя в стороне вопрос о шлифовке) только четыре песни. Сразу после смерти Роберта он (правда, уже с оговорками) дал Барбато скопировать кусок VI песни, а поэма по-прежнему была еще не готова. Ясно, что, проживи Роберт на несколько лет дольше, дописанная за это время и посвященная ему «Африка» непременно увидела бы свет, — при живом Роберте поэт меньше скрывал неготовую поэму, чем после смерти Роберта готовую! Однако (и это очень важно) при живом Роберте Петрарка мог не особенно опасаться провала: державный меценат защитил бы его от «завистников» и своим влиянием обеспечил бы поэме

успех — быть может, не безусловный, но уж наверняка достаточный, чтобы не скомпрометировать лауреатства. Во всяком случае, Петрарка в это верил. Смерть Роберта оставляла «Африку» на произвол судьбы и «завистников», а к началу 1350-х годов (когда поэма в принципе должна была быть опубликована) это грозило провалом — особенно скандальным на фоне уже сложившегося мифа. Петрарка мог укреплять этот миф, расхваливая свое творение устами Августина и самой Истины («О сокровенном»), но он был умным человеком и очень опытным литератором: реакция читателей на долгожданный шедевр была для него достаточно предсказуема, причем именно реакция «его» читателей — первых гуманистов.

И он был прав: мы знаем, что тому читательскому кругу, от которого десятилетия утаивалась «Африка», она (мягко говоря) не понравилась, и дело обошлось без скандала просто потому, что Петрарки уже не было на свете, и шокирующая поэма оставалась только частью его огромного и восторженно воспринимаемого наследия. Вкусы этого круга людей Петрарке были хорошо известны: среди них распространялся миф о сокрытом шедевре, они с нетерпением ждали этого шедевра, но — при всей его сокрытости — имели о нем заранее сложившиеся и вполне твердые представления, в согласии с которыми «Африка» должна была быть (т. е. в мифологической своей ипостаси как бы уже и была — отсюда последующее разочарование) правильным стихотворным пересказом соответствующих книг Ливия — это вполне ясно выражено в посланиях Боккаччо и Колуччо («Дополнения», I; II). Забавно, что такая поэма существовала к тому времени уже больше тысячи лет, но была найдена несколько позднее — рукопись заслуженно забытых «Пунических войн» Силия Италика (26—101 гг. н. э.) была возвращена читателям лишь в начале XV в., и это было то самое расцвеченное речами и описаниями, но вполне связное повествование, каким должен был быть заправский героический эпос. Силий был поэтом достаточно искусным, но скучноватым, и в древности его поэма успеха не имела, зато гуманистами она была встречена весьма гостеприимно.

Однако отец гуманизма во вторую половину своей жизни (после смерти Роберта) знал и видел, что вслед ему на «путь пращуров» встает все больше даровитых и просвещенных людей, но видел также, до какой точки простираются их устремления и что находится за пределами их зрительного горизонта: «Африка» была именно за поворотом, куда им дороги не было. Без гуманистов с их невероятным подвигом не возникла бы новоевропейская культура, сделанное ими неисчислимо, и даже слово «humanitas» (такое простое для Петрарки!) обогатилось благодаря им новыми и возвышенными значениями. Однако основоположник направления не отождествлял себя с ним, осознавал его конечность и полагал (нескромно, но здравомысленно), что поэма его может быть воспринята не ранее, чем направление это, сделав свое дело, себя исчерпает, — а раз так, то он и завещал ее потомкам, рассказав в послании к ним историю ее создания. Что же до гуманистов, то они и вправду вполне открыли нам путь пращуров, но поэтическое их вдохновение

и даже просто художественный вкус оказались обременены новообретенной ученостью, поэтическое своеволие было им чуждо — другим они были заняты и по-другому реализовались главные их таланты.

Итак, в отношении к своим преемникам Петрарка оказался прав, более того: не предназначенная для них и все же доставшаяся им «Африка» до известной степени осталась мифом, кое в чем продолжавшим прежний (создававшийся при Петрарке и с участием Петрарки) миф, преимущественно же тему «шлифовки». Завещая поэму потомкам, Петрарка остался Петраркой, т. е. средневековым скюзереном своего книгохранилища, включавшего архив: он своеручно переписал поэму, однако то, что сам он явно почитал белой или почти белой рукописью, еле-еле удалось скопировать — с филологической точки зрения этот манускрипт квалифицировался как черновик, причем черновик довольно небрежный, требующий большой текстологической работы. А если так, то с позиций безукоризненной филологической логики было переосмыслено само понятие шлифовки — той мелкой правки, из-за которой белой манускрипт приобрел в руках автора столь безобразно-черновое обличье. В новом мифе Петрарка оставался великим поэтом, «Африка» оставалась его любимым детищем, но утаивание ее объяснялось тем, что «святой учитель» всю жизнь ее писал да так и недописал, оставив нечто вроде черновых набросков. Это снимало противоречие между ожидаемым должным и шокирующим сущим: композиция поэмы превращалась в чуть ли не случайное соположение недоработанных фрагментов (иначе она просто не была понятна), из которых Петрарка так и не успел составить «настоящей» поэмы — ожидавшегося пересказа Ливия. Естественным подтверждением этой концепции было состояние текста, а собственные свидетельства поэта («Послание к потомкам») в расчет не принимались — тогда следовало бы признать, что он, пусть неаккуратно, написал все именно так, как хотел написать, т. е. что он намеренно шел против правил, созданных столь почитаемыми им пращурами.

Отсюда видно, что в принципе расчет Петрарки на поздних потомков был верным расчетом. Самовлюбленный самоанализ основоположника отразился в гуманистическом мирозерцании как антропоцентризм, который вошел в европейский культурный репертуар и постепенно, через разные эпохи и стили, модифицировался, в частности, в так называемый индивидуализм (характерный для романтизма от самых его истоков), преемственные связи которого с гуманистической концепцией человека ввиду их крайней опосредованности уже не осознавались. В литературе это предполагало демонстративную установку на самобытность, значительную свободу в смещении жанров и стилей (границы которых становились все расплывчатее) и своеобразное культивирование «неправильности» — уже при Sterne грамотного читателя не шокировали никакие игры с сюжетом или авторские вторжения в повествование, а за истекшие с той поры двести лет право художника «своротить, куда пожелает» и вовсе кодифицировалось (хотя всегда находило противников). Не касаясь сложного процесса отрицания прежних и поиска новых по-

этических форм, отметим то, что важно для нас: этот процесс естественно совмещается с пересмотром (точнее — периодическими пересмотрами) художественного наследия былых веков, с переоценкой старых ценностей при преимущественном внимании к «недооцененному». По всем статьям выходит, что именно в эту эпоху адресованная грядущему и не принятая современниками «Африка» должна была бы пусть не стяжать желанную ее творцу славу, но, по крайней мере, привлечь благосклонный читательский интерес. Однако ничего подобного не произошло. Нельзя не оценить литературную интуицию Петрарки, основывавшего свои упования на верных представлениях о возможных трансформациях понятия поэтической вольности, но в одном он ошибся — и как раз в том, что казалось ему самым незбылемым. Подвела латынь.

Не то чтобы «внуки» не умели читать по-латыни — еще совсем недавно хуже или лучше это умели почти все образованные люди. К тому же европейцы давно привыкли пользоваться переводами, так что дело было не в латыни как таковой, а в отношении к ней. Кто читал по-латыни, тот читал древнеримских авторов, кто переводил с латыни, тот переводил их же: эпоха национальных литератур фактически признавала полноправность лишь национальных литератур, а написанное на «неродном» языке считалось (и считается иными до сих пор) как бы второсортным, неподлинным. У Вергилия родным языком была латынь, а стало быть, у Вергилия читалось все (в оригинале или в переводе). У Петрарки родным языком был (по новым понятиям) итальянский, а стало быть, читалось написанное им по-итальянски (в оригинале или в переводе), так что и по-итальянски «Африку», переведенную уже в 1570 г., читали ничуть не больше, чем мы читаем французские стихи Пушкина и Тютчева. Правда, при этом в европейской — в том числе в новой русской — поэзии довольно часто встречаются знакомые нам по «Африке» темы и образы: Петрарка сделал поэму конспектом и оправданием своего итальянского творчества, в некотором роде его программой (это заметнее всего в «Триумфах», создававшихся в основном после завершения поэмы), а реальность отразила его замысел с зеркальной точностью — потому что читали «Канцоньере» и так узнавали «Африку», хотя и не догадывались об этом.

Интерес к «Африке» (издания, переводы) оживился в 70-х годах прошлого века: объединение Италии под гарибальдийскими знаменами, расцвет текстологической науки, 500-летие смерти Петрарки — вот три разнородных и случайно совпавших фактора, которые этому способствовали. Однако оживившийся интерес уже не затухал, и забытая на триста лет поэма перестала быть той прячущейся в неизвестности изгнанницей, какой велел ей быть поэт и какой она была в ожидании «приветливого» века. Пусть «приветливый» — пока слишком громкое слово, но век, действительно, по крайней мере, впустил к себе поэму: благодаря изданиям она приобрела вполне конкретную плоть, ее можно прочитать в оригинале или по-итальянски, или по-английски, а вот теперь и по-русски. Пусть читатель «Африки» сам решает, ему ли она завещана или лучше отложить ее для внуков.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ФРАНЧЕСКО ПЕТРАРКИ

1300. «Юбилейный год»: в честь начала нового столетия римский папа Бонифаций VIII (избран в 1294 г.) объявляет прощение грехов всем паломникам, явившимся на поклонение римским святыням. В городах Северной Италии — преимущественно тираническая власть (в Милане — Висконти с 1287, в Вероне — делла Скала, позднее в Падуе — Каррара, в Мантуе — Гонзага), в Венеции, Генуе и Флоренции — республиканский строй, в Неаполе правит (с 1285) Карл II Анжуйский, он же — владетель Прованса, в Сицилии (с 1282) — арагонские короли. Повсюду — борьба партий гвельфов (сторонников папской власти) и гибеллинов (сторонников императорской власти). Во Флоренции у власти «белые» (умеренные) гвельфы; в этом году в течение двух месяцев в правящей коллегии приоров был Данте, а в нотариусах при ней — Пьетро ди Паренцо по прозвищу Петракко дель Инчиза, отец Петрарки. Потом Данте приурочит к этому году свое странствие по загробному миру в «Божественной Комедии».
1302. Во Флоренции власть захватывают «черные» (крайние) гвельфы; Данте и другие «белые» изгнаны. Через несколько месяцев Петракко обвинен в подделке государственных документов и спасается с семьей бегством в Ареццо, его имущество конфисковано.
1303. Конфликт Бонифация VIII с французским королем Филиппом IV Красивым и его сторонниками в Риме — родом Колонна; Шьярра Колонна стальной рукавицей дает пощечину папе. Смерть Бонифация.
1304. 20 июля в Ареццо у изгнанного Петракко и его жены Элетты, урожденной Каниджани, родился сын Франческо, будущий поэт. Впоследствии он, латинизировав отцовское прозвище (ради «благозвучия»), стал называться «Петрарха» или «Петрарка».
1305. Элетта с сыном получают разрешение вернуться на территорию Флоренции в Инчизу, родовое поместье Каниджани. Петракко остается в изгнании и лишь тайно навещает семью.
- 1305—1311. Детство Петрарки в Инчизе.
1305. Папой избран французский ставленник Климент V. Он предпочитает покинуть Рим и со всем двором переселиться во Францию. С 1309 г. он делает своей резиденцией Авиньон в Провансе, во владениях Карла Анжуйского.
1307. Рождение младшего брата Петрарки, Герардо. Около этого года Данте начинает писать «Комедию».

- 1310—1313. Поход императора Генриха VII в Италию, венчание его италийской железной короной в Милане и золотой императорской — в Риме; война его против гвельфской Флоренции. В 1311 г. он стоит в Пизе, к нему стекаются флорентийские изгнанники, в том числе Данте и Петрарко с семьей. Здесь семилетний Петрарка единственный раз видел Данте.
1312. Разочаровавшись в надеждах на Генриха VII, Петрарко переселяется в Авиньон ко двору папы Климента V; вскоре за ним следует его жена с сыновьями. Они поселяются в Карпантра, недалеко от перенаселенного Авиньона. Генрих VII умирает в следующем году.
- 1312—1315. Отрочество Петрарки в Карпантра. Он учится латыни у грамматика (бывшего нотариуса) Конвеневоле да Прато, знакомится с трактатами Цицерона (тогда еще не общеизвестными) и стихами Вергилия; потом он будет называть Цицерона своим отцом, а Вергилия братом. Впервые посещает с родителями Воклюз, живописное место в долине речки Сорджо (Соргия), недалеко от Карпантра.
- 1315—1319. Учение Петрарки в университете Монпелье на юге Франции: подготовка к юридической карьере нотариуса. Он занимается неохотно, предпочитая собирать и читать латинских классиков. Отец его (до позднейшему рассказу сына), обнаружив это, швырнул его книги в огонь, но при виде слез Петрарки вытащил из огня и дал ему Вергилия и «Риторику» Цицерона со словами: «Хорошо, пусть одна из этих книг поможет твоим трудам, а другая — досугу».
1319. Смерть матери. Латинское стихотворение в память ее — первое сохранившееся произведение Петрарки.
- 1320—1325. Учение Петрарки (вместе с братом Герардо) в Болонском университете, главным центре европейского правоведения. Отлучки (иногда долгие) в Имолу, Римини, Авиньон. Здесь, по-видимому, Петрарка пишет свои первые итальянские стихи (несохранившиеся). В 1321 г. в Равенне умер Данте, широко распространяются списки его «Комедии»; Петрарка не покупает их, опасаясь подпасть под влияние его стиля.
1326. Смерть отца. Петрарка с братом возвращаются в Авиньон («западный Вавилон, мерзейший из городов, подобие ада» — так называет его поэт в письме). Папа Иоанн XXII (1316—1334) ведет жестокую борьбу с императором Людовиком Баварским (1314—1347), один выдвигает «антиимператора», другой — «антипапу»; в 1328 г. Людовик коронован в Риме архиепископами, отлученными от «авиньонской церкви». Петрарка с тоской мечтает о возвращении пап в Рим и о мирном соправительстве их с императорами.
- 1326—1330. Светская жизнь в Авиньоне на отцовское наследство. Позже, в «О сокровенном», Петрарка будет обвинять себя в чрезмерной заботе о своей внешности. Любовные стихи на итальянском

- (и провансальском?) языке, до нас не дошедшие. Первые сохранившиеся латинские письма.
1327. 6 апреля, в Страстной понедельник (впоследствии поэт, уподобляя свои страдания Христовым, говорил, что это была Страстная пятница), на утренней службе в авиньонской церкви св. Клары Петрарка впервые видит даму по имени Лаура и влюбляется в нее безответной любовью на всю жизнь. Предполагается, что это была Лаура де Новес, жена рыцаря Гуго де Сад. В ее честь он начинает писать итальянские стихи, собранные потом в «Канцоньере» и доставившие Петрарке больше всего славы у потомков.
- 1330—1337. Петрарка на службе у кардинала Джованни Колонна, ближайшего помощника авиньонских пап. Он вступает в духовное сословие и становится «застольным капелланом» кардинала (практически, по-видимому, его секретарем). Пишет первые латинские стихотворные послания. Продолжает собирать рукописи, готовится критическое издание Тита Ливия (сохранилось в Британском музее). В 1333 г.— поездка (дипломатическая?) в Париж, Льеж, Кельн и обратно через Лион.
1335. Папой избран Бенедикт XII (1335—1342); Петрарка обращается к нему с двумя стихотворными посланиями, призывая вернуться в Рим и восстановить мир в Италии и во вселенной (безуспешно), но папа дает Петрарке (как источник дохода) каноникат в Ламбезе на юге Франции.
1336. 24 апреля Петрарка с братом поднимается на Ветреную гору (Мон Ванту, Монте Вентозо — 1912 м), откуда видно Альпы, Рону, море, Севенны и даже Пиренеи: первый пример ренессансного наслаждения природой (образцом тут было описанное Ливием восхождение царя Филиппа на гору Гем, откуда будто бы видно и Черное и Адриатическое море). На вершине поэт для душевного успокоения читает «Исповедь» Августина.
1337. Поездка в Рим к брату и к отцу кардинала Колонна по семейным и церковным делам. Петрарка рассматривает развалины древнего Рима и огорчается ничтожеством современного Рима и римлян. У Петрарки рождается внебрачный сын Джованни.
- 1337—1341. По возвращении Петрарка поселяется не в Авиньоне, а в тихом Воклюзе (вместе с братом, тоскующим после смерти своей возлюбленной): первый пример ренессансного поиска «литературного уединения». «Пожалуй, только в это время я узнал, что значит настоящая жизнь», — писал он в позднейшем письме.
1338. В Страстную пятницу во время прогулки ему приходит мысль об эпической поэме во славу Сципиона Африканского: он начинает писать «Африку». «Здесь я начал «Африку» с таким порывом и усердием, что теперь, пересматривая первые наброски, сам удивляюсь смелости предприятия и обширности замысла» (из позднейшего письма). Одновременно с «Африкой» он начинает столь же обширное и смелое сочинение в прозе «О преславных мужах» — серию жизнеописаний от Ромула (по первоначальному замыслу —

- от Адама) до Юлия Цезаря, со Сципионом на центральном месте. Первое произведение должно было сравнять его с Вергилием, второе — с Титом Ливием. Эту работу (с большими перерывами) он не прекращает до последних дней жизни.
1339. Продолжение работы над «Африкой», жизнеописаниями, стихами о Лауре и поэмой «Триумф Любви» — первой из серии «Триумфов» (перерабатывалась до конца жизни). Петрарка уже достиг широкой славы лучшего знатока античности и латинского стилиста. Теперь, «на середине странствия земного» (35 лет), он хочет подкрепить ее славой поэта, получив по древнеримскому обычаю лавровый венок (так был венчан в 1315 г. в Падуе Альбертино Мусато, в 1319 г. Данте отказался от такого венчания в Болонье). Он хлопочет об этом перед сыном Карла Анжуйского известным меценатом Робертом Мудрым, королем Неаполя (1309—1343), с которым успел заочно познакомиться.
1340. В Риме за Петрарку хлопочут Колонна, в Париже — декан богословского факультета Роберто деи Барди; Петрарка посылает своему парижскому другу Пьеру Берсиору для его сочинения «Прибежище нравственное» отрывок из «Африки» (исключительный случай!). 1 сентября поэт получает приглашения сразу из Парижа и из Рима, выбирает Рим и сочиняет впрок «Капитолийскую речь».
1341. Для пущей эффектности венчания Петрарка (так и не прошедший в свое время полного университетского курса) хочет прежде выдержать экзамен «обо всем знаемом», какой держится при получении докторской степени — в экзаменаторы он благоразумно избирает Роберта, едет к нему в Неаполь, в феврале—марте блестяще (еще бы!) выдерживает испытание, показывает Роберту отрывки из «Африки», получает платье с королевского плеча и обещает посвятить поэму своему венценосному покровителю (который от нее заранее в восторге). Затем едет в Рим, 8 апреля (на Пасху) венчается на Капитолии лавровым венком и произносит перед Сенатом приготовленную речь. Сделавшись таким образом почетным гражданином Рима, он уезжает в Парму и около года живет при дворе пармских тиранов Корреджи, продолжая работу над поэмой, которую (по его собственному свидетельству в «Послании к потомкам») в основном заканчивает — во всяком случае, вчерне.
1342. Возвращение в Воклюз, завершение «Триумфа Любви», первая редакция «Канцоньере» («Лавровенчанного Поэта Франциска Петрарки Отрывки, писанные на народном наречии») — около ста стихотворений. Смерть папы Бенедикта XII; новый папа Климент VI (1342—1362) дарит Петрарке второй каноникат, в Пизе. Петрарка берет уроки греческого языка у монаха Варлаама Калабрийского, константинопольского посла при папском дворе, но недолго: читать по-гречески он так и не научился.
1343. У Петрарки рождается внебрачная дочь Франческа. Брат его Герардо постригается в монахи в Монрьё, невдалеке от Авиньона. Сам Петрарка переживает духовный кризис, пишет в один день

- семь «Покаянных псалмов», перечитывает «Исповедь» Августина, сочиняет «О сокровенном» («О сокровенном противоборстве забот моих») — свой диалог с Августином, укоряющим его в мирских слабостях: любви к Лауре и любви к славе («ты как узник в узилище, прикованный двумя цепями из золота: он и хочет освободиться, и не в силах расстаться с золотыми оковами»). В Неаполе умирает король Роберт, Петрарка едет туда в составе папской дипломатической миссии (безуспешной); дает там своему неаполитанскому другу Барбато да Сульмона списать отрывок из VI песни «Африки», но недоволен, когда этот отрывок получает широкое хождение. Начинает «Книги о достопамятностях» (первые наброски — еще в 1337 г.; не завершено) — собрание исторических примеров человеческой разумности в областях разного рода. «Я человек двух миров, взирающий и вперед и назад», — сказано во вступлении.
- 1344—1345. Жизнь в Парме при Корреджи, потом в Вероне при делла Скала. Работа над «Достопамятностями». Летом 1345 г. в Вероне Петрарка находит «Письма Цицерона к Аттику», впервые раскрывающие ему (и современникам его) Цицерона как человека: важное событие в становлении гуманизма. Он сочиняет письмо к Цицерону в загробный мир; погом он сочинил еще несколько писем такого рода. Пишет «Триумф Целомудрия» и канцону «Италия моя» о вожделенном мире.
- 1345—1347. Жизнь в Воклюзе с деловыми наездами в «ад людской» — Авиньон. Трактаты «Об уединении» (апология своей воклюзской жизни), «О покое в вере» (после визита к брату в Монрьё). Начинает сочинять стихотворные латинские «Буколики». Вторая редакция «Канцоньере» (около 130 стихотворений). Получает от папы третий каноникат, в Парме.
1347. Боккаччо во Флоренции сочиняет «Книгу о жизни и нравах Франциска Петрарки». В Риме — переворот Кола ди Риенци, плебея, «трибуна-мечтателя» и демагога, провозгласившего в Риме возрождение «свободной республики» и призвавшего к объединению «священной Италии». Папа сперва покровительствует ему (в пику засилью римской знати), потом, после его слишком крутых мер, отвергает его. Петрарка, знакомый с ним с 1343 г., пишет ему восторженные письма и эклоги, а тот зовет его разделить с ним власть; но, доехав до Генуи, Петрарка пугается, пишет ему укоряющее письмо и сворачивает в Парму. Риенци вынужден отречься от власти.
- 1347—1349. Жизнь в Парме с выездами в Верону, Падую, Мантую, Феррару; стихи к феррарской даме, тоже включенные в «Канцоньере». Занятия садоводством. Получает архидиаконство в Парме и четвертый каноникат, в Падуе.
1348. Год «Черной смерти» в Европе — чума, описанная в «Декамероне» Боккаччо (1348—1351). Умирает кардинал Колонна; покровителем Петрарки становится французский кардинал Гюи Булонский.

- 6 апреля, ровно через 21 год после первой встречи, умирает Лаура. «Стихи на жизнь Лауры» сменяются «Стихами на смерть Лауры». Петрарка пишет «Триумф Смерти», а на следующий год начинает «Триумф Славы».
1350. Юбилейный год. Петрарка начинает готовить собрание своих писем по образцу Цицероновых; сочиняет письма в загробный мир к Вергилию и Титу Ливию. Паломничество Петрарки в Рим. По дороге он впервые посещает Флоренцию (по приглашению Боккаччо с друзьями, восторженных его поклонников; здесь — первое знакомство Петрарки с Боккаччо), а на обратном пути — Ареццо, где родился. Разочарованный папой, Риенци и зрелищем Рима, Петрарка переносит свои надежды на нового императора Карла IV Люксембургского (1346—1378), правящего в Праге, и зимой из Падую пишет ему письмо с призывом в Италию.
- 1351—1353. Последние годы в Воклюзе и Авиньоне. Начало новой переработки «О преславных мужах», продолжение «Триумфа Славы». Папа Климент еще раз предлагает ему место секретаря; Петрарка отказывается, демонстрируя, что его стиль слишком высок для папской канцелярии. Пишет второе письмо к императору (тоже без ответа) и цикл «Писем без адреса» с патетическими обличениями папского двора (изданы им только десять лет спустя). Болезнь Климента VI (Петрарка пишет «Обличение против врачей»), смерть его, новый папа — Иннокентий VI (1352—1362). Петрарка прощается с братом в Монрьё, покидает Авиньон и летом 1353 г. навсегда уезжает в Италию.
- 1353—1361. Петрарка поселяется в Милане (с короткими выездами в Падую и Венецию) при дворе миланского тирана архиепископа Джованни Висконти (умер в 1354 г., Петрарка произнес над ним надгробную речь) и его племянников Галеаццо и Бернабо. Общественное мнение шокировано таким его сближением с самыми непопулярными тиранами; Петрарка ответит в позднейшем письме к Боккаччо: «это лишь казалось, что я жил при князьях, на деле же князья жили при мне».
1354. Кардинал Иннокентия VI Альборнос начинает покорение и замирение средней Италии; Риенци сопутствует ему, но убит народом в Риме. 17-летний Джованни, непутевый сын Петрарки, пристроенный каноником в Верону, теряет место; Петрарка отправляет его в Авиньон. Император Карл IV откликается, наконец, на письма Петрарки и идет походом в Италию. В декабре Петрарка встречается с ним в Мантуе; дружеские беседы, Петрарка хвалится трактатом «О покое», Карл говорит: «попадись он мне, я бы его сжег», Петрарка отвечает: «постараюсь, чтобы он вам не попался».
1355. Император венчается итальянской короной в Милане и имперской — в Риме, куда допущен для этого на один только день; потом торопливо покидает Италию, а Петрарка пишет ему вслед укоряющее письмо. Сочиняет «Обличение против вельможи неве-

- жественного и недобродетельного» — одного из авиньонских кардиналов, критиковавшего его.
1356. Петрарка едет послом от Висконти к императору в Базель и, не застав его там, — в Прагу. Получает от императора номинальное звание имперского советника и придворного пфальцграфа (исполнителя императорских распоряжений о даровании дворянства и пр.).
- 1356—1360. Напряженная литературная деятельность: Петрарка диктует «даже за едой, верхом и во время бритья». Закончен цикл «Буколик» (ок. 1357 г.; дорабатывался и позднее). Закончена третья редакция «Канцоньере» (ок. 1358 г.; в 1356 г. Петрарка пишет последний из ежегодных сонетов на день своей встречи с Лаурой) — около 170 стихотворений. Окончательная редакция «Сокровенного». Петрарка продолжает составлять свод «Писем к друзьям», перерабатывает «Триумф Любви», пишет трактат «О средствах против Фортуны, как злой, так и доброй» (закончен ок. 1360 г.) — 254 диалога между Разумом и, с одной стороны, Радостью и Надеждой, с другой — Унынием и Страхом: самое длинное и самое популярное в свое время сочинение Петрарки.
1359. В течение месяца у Петрарки гостит Боккаччо, тщетно уговаривая его опубликовать «Африку», но Петрарка предназначает ее только для потомства. Они беседуют о Данте; Боккаччо уезжает с ощущением, что Петрарка слишком высокомерно смотрит на Данте со своей латинской высоты, а Петрарка в письме вслед всячески разуверяет его и даже пишет, что хотел бы приобрести экземпляр «Божественной Комедии».
1360. Сын возвращается из Авиньона, к возмущению отца так и не сделав там карьеры. Учащающиеся вспышки набожности стареющего Петрарки: он пишет о своей любви к отцам Церкви и о том, что Давид теперь ему дороже Аполлона.
1361. Петрарка едет послом от Висконти в Париж с поздравлением к возвращению короля Иоанна из английского плена; произносит приветственную речь. С грустью сравнивает разоренную Столетней войной Францию с той, какою она была в 1333 г. Летом уезжает из Милана в Падую; тем временем в Милане от чумы умирает его сын Джованни: «Жизнь его была мне вечными тяжкими заботами, смерть — горькою мукою», — записывает Петрарка. Около этого же времени выходит замуж его дочь Франческа за миланского дворянина Франческуоло ди Броссано; с ней и с ним у Петрарки отношения самые лучшие.
- 1361—1369. Петрарка не возвращается в Милан, а живет в Падуе, Павии и (по преимуществу) в Венеции. Здесь он завершает свод «Писем к друзьям» (1365 г., 350 писем в 24 книгах) и четвертую редакцию «Канцоньере» (ок. 1362 г.). — около 215 стихотворений.
1362. Получает приглашения на службу в Авиньон к папе и в Прагу к императору; отклоняет оба. Смерть Иннокентия VI; Петрарка обращается к новому папе Урбану V (1362—1370) с очередным призывом вернуться в Рим. Неаполитанские друзья Петрарки про-

- сят Боккаччо передать ему письмо с просьбой о публикации «Африки», но Боккаччо отвечает, что это безнадежно.
1363. До Петрарки доходят слухи, что флорентийские ценители критикуют его «Буколики» и (единственный известный им через Барбатто) отрывок из «Африки»; он пишет им негодующее письмо на имя Боккаччо. Боккаччо три месяца гостит у Петрарки в Венеции. Рождение внучки Петрарки — Элетты.
1366. Рождение внука Франческо, любимца Петрарки; он умирает в два года, Петрарка пишет ему стихотворную эпитафию. В 1366—1367 гг. завершена пятая редакция «Канцоньере».
1367. Папа Урбан V переезжает из Авиньона в Рим, замиренный Альборносом; Петрарка приветствует этот «исход Израиля из Египта». Столкновение Петрарки с венецианскими аристотеликами-аверроистами; он сочиняет против них трактат «О невежестве» («я против Аристотеля, если Аристотель против здравого смысла»).
1368. Второй поход Карла IV в Италию; Петрарка встречается с ним в Удине и в Падуе. После короткой поездки в Павию он решает остаться в Падуе навсегда (у тирана Франческо да Каррара, которому он адресует письмо об обязанностях справедливого правителя и посвящает «О преславных мужах»). Слава его такова, что проплывая по реке По из Павии в Падую во время войны, он с почетом пропущен через позиции обоих войск. В Падуе у него гостит Боккаччо. Шестая редакция «Канцоньере».
1369. Строит себе загородный дом в «новом Воклюзе» — Арква близ Падуи. Собирается в Рим по приглашению Урбана V, но болезнь останавливает его.
- 1369—1374. Эти последние годы своей жизни Петрарка проводит (с дочерью, зятем и внучкой) в Арква, называя его своей «Аркадией». В 1372 г. пытается выехать в Перуджу для встречи с другом, но немощь не дает: дальние поездки ему уже не под силу. Ощущение усталости: «Прощайте, друзья, прощайте книги» (из письма к Боккаччо). Молитвы и посты, канцона Богородице как завершение последней, седьмой редакции «Канцоньере» (366 стихотворений). Собрание свода «Старческих писем», вышедших посмертно (125 писем в XVII книгах; XVIII книгой должно было стать «Письмо к потомству» с описанием своей жизни — доведено до 1351 г.).
1370. Пишет завещание. Начинает сочинять «Триумф Времени». Урбан V, не найдя в Италии достаточного порядка, возвращается в Авиньон и там умирает; протестующее письмо Петрарки к нему остается недописанным. Новый папа Григорий XI (1370—1378) вернется в Рим только в 1378 г.
1372. Последнее участие в посольстве и посольская речь — для заключения мира между Падуей и Венецией.
1373. В ответ на возражение его письмам к Урбану V, сочиненное одним из авиньонских кардиналов, пишет «Обличение против злословящего Италию». Получает от Боккаччо «Декамерон», но читает из него лишь отрывки. Последняя трогательная новелла о Гризельде так

- ему поправилась, что он переводит ее на латинский язык, перевод имеет шумный успех. «Пусть смерть застанет меня читающим или пишущим», — пишет он Боккаччо.
1374. Сочиняет последний в цикле «Триумфов» — «Триумф Вечности». В ночь с 18 на 19 июля 1374 г. Петрарка умирает в Арква — по позднему преданию, с пером в руке: над жизнеописанием Цезаря для «Преславных мужей». Торжественное погребение в Падуе. Боккаччо пишет послание Петрарке в царство небесное. Слухи о том, что Петрарка распорядился сжечь «Африку»; Боккаччо пишет «Стихи Иоанна Боккация об обнаружении „Африки“ Петрарки» и письмо к зятю Петрарки Франческуоло с просьбой переписать для него «Африку», так как он не уверен, что в Падуе смогут ее хорошо издать.
1375. Флорентийский канцлер Колуччо Салютати, известный гуманист младшего поколения, пишет к Франческуоло побуждающие письма такого же содержания. «Африка» медленно переписывается; в декабре Боккаччо умирает, так и не дождавшись копии.
1376. Салютати торопит Ломбардо делла Сета, падуанского друга Петрарки, прислать копию, обещанную Боккаччо, и вкладывает в письмо свои «Стихи побудительные об издании „Африки“», написанные еще при жизни Петрарки. Некий магистр Анастасий из Падуи отвечает на это «Стихами возразительными», заверяющими, что содержание «Африки» — совсем не такое, как предполагает Салютати, и что в Падуе рукопись в надежных руках. Наконец, с помощью Альберто дельи Альбицци, ездившего из Флоренции в Падуу, Салютати получает копию автографа «Африки».
1377. Салютати пишет Франческуоло (28 января), что от «Африки» он в восторге и смущен только лакуной между книгами IV и V, и отказом доверить ему издание «Африки». Согласие с падуанскими петраркистами так и не достигнуто, и Салютати корректирует и готовит поэму к изданию на собственный риск.
1378. Флорентиец Тедалдо делла Каса при несомненном сотрудничестве Салютати изготавливает вторую, уже подправленную копию «Африки».
- 1390—1396. Падуанец Паоло Верджерио (по-видимому, тоже при содействии Салютати) подготавливает дефинитивное издание «Африки» с предисловием (ручаясь за максимальную близость к авторскому тексту) и с краткими стихотворными изложениями содержания поэмы и каждой книги.
1501. Первое печатное издание «Африки» в составе собрания сочинений Петрарки, изданного в Венеции. В 1503 г. оно переиздается в несколько менее исправном виде.
- 1541—1558. «Африка» переиздается в четырех изданиях собрания сочинений Петрарки, выходящих в Базеле. После этого слава латинских сочинений Петрарки окончательно заслоняется славой итальянских его стихов: более ни одного издания латинского текста «Африки» не появляется до 1872 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

ФРАНЧЕСКО ПЕТРАРКА. АФРИКА

Перевод выполнен по изданию: Francesco Petrarca. *L'Africa* // Edizione critica per cura di N. Festa (Edizione Nazionale delle opere di Francesco Petrarca, I). Firenze, 1926.

Дополнительно использовались издания: *Africa Francisci Petrarchae nunc primum emendata curante Fr. Corradini* (Padova a Francesco Petrarca nel V centenario della sua morte). Padova, 1874; *F. Petrarchae Africa, quam recensuit, praefatione, notis et appendicibus illustravit L. Pingaud*. Parisiis, 1872.

Для контроля использовался английский перевод: *Petrarch's Africa/Translated and annotated by Th. G. Bergin and A. S. Wilson*. N. Haven; London: Yale University Press, 1977.

Названными тремя изданиями исчерпываются публикации латинского текста «Африки» после выхода в свет базельских собраний сочинений Петрарки 1541–1548 гг. Пэнго использовал для своего (довольно избрежного) издания шесть списков поэмы конца XIV–начала XV в., Коррадини добавил к ним еще один – «Марцианский» (из библиотеки св. Марка в Венеции) – манускрипт, в котором имеются схолии некоего Колучия, предположительно Колуччо Салютати (наиболее интересные из них воспроизводятся далее в построчных примечаниях). В сущности, издание Коррадини является первым действительно научным изданием «Африки»: оно не только вполне удовлетворительно в текстологическом отношении, но и снабжено полезными историко-литературными комментариями. Вторым и последним научным изданием стал монументальный труд Феста, в котором комментарий имеется только текстологический, зато использовано семнадцать списков поэмы, не считая фрагментов – видимо, Феста исчерпал весь рукописный фонд, потому что за истекшие десятилетия никаких заметных пополнений в текстологии «Африки» не было.

Автограф Петрарки (утраченный при неизвестных обстоятельствах сравнительно вскоре после его смерти) был второй авторской рукописью поэмы: сначала «Африка» содержалась в двух тетрадах, затем поэт svoеручно переписал ее в одну тетрадь, а прежние две сам же, судя по всему, и уничтожил – в его архиве они найдены не были. Этот единственный экземпляр поэмы Петрарка продолжал перечитывать с пером в руках до конца жизни, в результате чего и эта рукопись приобрела вид черновика – с вычеркнутыми и восстановленными (а то и не восстановленными) словами и строчками, с не всегда понятными (кому-либо, кроме автора) пометками и т. д. Разобраться в таком тексте было трудно, и недаром первая копия поэмы, снятая по настойчивой просьбе Боккаччо, делалась почти год, – Боккаччо умер, так и не дождавшись ее. Получил копию его младший друг Колуччо Салютати, которому пришлось работать над ней, как над древним манускриптом: реконструировать испорченные места, выбирать варианты, отмечать невосполнимые пропуски (лакуны) – причем трудился Колуччо впрок, потому что публиковать поэму наследники Петрарки ему запретили. Другую копию снял для себя друг Петрарки Тедальдо делла Каса, а третью (примерно десятью годами позднее) – падуанский гуманист Пьер-Паоло Верджеро (Петр Вергерий), которому наследники и поручили наконец издать «Африку». Вергерий отнесся к задаче весьма ответственно и притом пользовался, видимо, советами Колуччо, чьи конъектуры частично попали в опубликованный им текст. Состоянием издаваемого текста, а всего вернее – и его качеством, Вергерий был недоволен, так что во введении назвал поэму «юношеской»: такой (пусть очевидной) натяжкой он, видимо, хотел немного оправдать Петрарку в глазах читателей, которых долгожданный шедевр должен был, по его мнению, разочаровать. Из названных трех копий сохранилась лишь копия Тедальдо («Лавренцианская рукопись XXVI»), которая в итоге и является самым ранним списком поэмы.

Феста положил в основу своего издания именно этот список и еще три, к нему восходящие, прочие использованные им рукописи восходят к копии Вергерия, которая лежит и в основе первых печатных изданий. Будучи уверен в незавершенности поэмы, Феста издавал ее с соответствующими текстологическими предпосылками, так что (при всей его авторитетности) подготовленный им текст порой труден для интерпретации — поэтому при переводе часто (но всегда с оговоркой в примечании) использовались конъектуры Коррадини, воспринимавшего поэму не как серию черновых набросков, но как законченное целое; использовался по мере надобности и имеющийся у Коррадини реальный комментарий.

Полностью на русский язык «Африка» переводится впервые. Два небольших отрывка (IX, 78–123, 222–256) были переведены В. В. Вибихиным для комментария к подготовленному им изданию некоторых прозаических произведений Петрарки (Франческо Петрарка. Эстетические фрагменты. М., 1982. С. 313–314, 356). На новые европейские языки поэма переводилась несколько раз. Первым ее переводчиком был некий Фабио Маретти, уроженец Сиены: он перевел «Африку» на итальянский язык октавами (т. е. придал ей характерную форму итальянского эпоса) и издал свой перевод в Венеции в 1570 г. Затем наступил 300-летний перерыв как в изданиях, так и в переводах. После почти одновременных изданий Пэнго и Коррадини явились в свет (и тоже — для «Африки» — одновременно) три перевода: Агостино Палеца перевел поэму на итальянский язык белым стихом (Падуа, 1878), Виктор Девелэ — на французский — прозой (Париж, 1882), Хенрик Вестин — на шведский — гексаметром (Гетеборг, 1889). Все четыре названные книги являются ныне библиографическими редкостями и практически недоступны. Вслед изданию Феста явилось два перевода: Агостино Бароло на итальянский — белым стихом (Турин, 1933) и Берджина и Вильсон на английский — белым стихом, с краткими пояснительными примечаниями. Преимущество этого последнего перевода в том, что он сделан хотя и с издания Феста, но с постоянным учетом издания Коррадини, а также с учетом исследований латинского наследия Петрарки. Представляется интересным отметить, что Берджин и Вильсон считают нужным мотивировать в предисловии не только выбор метра «более привычному англоязычному читателю», но и самое его наличие: «У стихов имеется некий оттенок, который прозаическими средствами не воспроизводится».

Фундаментальное исследование «Африки» существует только одно: *Bernardo A. Petrarch, Scipio and the «Africa»*. Baltimore, 1962.

Кроме Альдо Бернардо об «Африке» пишут также Э. Уилкинс и Гв. Мартеллотти (*Wilkins E. Life of Petrarch*. Chicago, 1961; *Martellotti G. «Africa»* // *Francesco Petrarca: Rime, Trionfi e Poesie Dantine*. Milan, 1951), однако их книги далеко не ограничены этой темой. Эти и другие работы по мере необходимости упоминаются в примечаниях, преимущественно по поводу дискуссии о «великой лакуне» между IV и V песнями. Из книги Уилкинса почерпнуто много полезных фактических сведений, важных для хронологии жизни Петрарки.

Без ободрительной поддержки С. А. Ошерова, переводчика «Энеиды», русское издание «Африки» вряд ли было бы предпринято — поэтому оно по праву должно быть посвящено светлой памяти нашего друга, слишком рано нас покинувшего.

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

¹ *Тоже и мне...* — Так начинается поэма в Марцианском манускрипте, в прочих рукописях вместо «et mihi» стоит «ut mihi», просто усиливающее дальнейшую просьбу. Коррадини предпочитает первый вариант, и это предпочтение представляется основательным (хотя самим Коррадини оно не мотивировано). Действительно, само по себе обращение к музе в зачине вполне традиционно, но никогда не открывается указанием на прецедент, а «тоже» указывает именно на прецедент, однако как раз эта необычность подкреплена содержанием поэмы, в которой Петрарка часто сравнивает себя с Энием. Квинт Эний (239–169 гг. до н. э.) впервые ввел в употребление гексаметр, до того не использовавшийся латинскими поэтами, и так сделался едва ли не отцом латинской эпической поэзии, в которой с тех пор гексаметр приобрел абсолютно доминирующее положение. Эний был современником и участником II Пунической войны, пользовался покровительством могущественного семейства

Сципионов и (по известным Петрарке свидетельствам) прославил в своих стихах Сципиона Африканского как отдельной песнью, так и в «Анналах», сохранившихся лишь во фрагментах, цитируемых другими авторами. Таким образом, воспеть Сципиона значило для Петрарки выступить в качестве нового Энния — и на протяжении поэмы он не раз своими и чужими устами сопоставляет себя с этим своим древним предшественником. Естественно предположить, что такое сближение начинается с первой же строки: к музам некогда обратился Энний и получил помощь — Петрарка «тоже» просит о такой же помощи с той же целью (предположительно стих «Музы, о вы, что великий Олимп попираете в пляске...» был зачином «Анналов»).

²⁻³ ...*которому Африка званье в вечную славу дала...*— Титул «Африканский» носили два Сципиона, иногда для понятности именуемые «старший» и «младший»: Публий Корнелий Сципион Африканский Старший (235–183 гг. до н. э.), победитель Ганнибала, и Публий Корнелий Сципион Эмилиан Африканский Младший (185–129 гг. до н. э.), или просто Сципион Эмилиан, внук первого через усыновление, разрушитель Карфагена. Герой поэмы — старший Сципион. Вот как пишет об этом Петрарка в своем известном «Послании к потомкам»: «Как-то раз, когда я бродил по оным холмам в шестой день Страстной седмицы, зашло мне в душу непреклонное намерение написать героическими стихами какое-нибудь сочинение о Сципионе Африканском Старшем — том, чье имя было мне дивно и дорого от первой младости моей. Сей труд я начал тогда же и с великим рвением, но вскоре прервал, отвлекаемый многообразными заботами, однако успел назвать книгу „Африка“ в согласии с предметом ее». Об «оных холмах» см. примеч. I, 6. Поэт, сообщая день, не сообщает год, но это было не ранее 1337 и не позднее 1339 г.

⁴ *Власть уста уголить Геликонской влагой святою...*— Вероятно, Петрарка имеет в виду вдохновляющую поэтов воду Иппокрены, источника на Геликоне (гора в Греции, посвященная Аполлону и музам).

⁵ ...*милые девять сестер!*— Девять муз или камней. В первом стихе поэт обращается к неназванной по имени музе эпической поэзии Каллиопе (ср. IX, 322), а здесь ко всем девяти дочерям Юпитера и Мнемосины (Памяти).

⁶ ...*я вновь в пристанище сельском...*— Т. е. в Воклюзе. Воклюз (букв. «Занертой дол» — *valles clausa*) — долина неподалеку от Авиньона, где Петрарка в 1337 г. купил себе небольшую усадьбу, в которой (иногда с многолетними перерывами) прожил до 1353 г. и которую считал своим родным домом. Сохранился принадлежащий поэту рисунок пером, изображающий источник Соргии (протекающей в тех местах речушки), где его же рукою написано по-латыни: «Наисладчайшая моя Заальпийская пустынь» (ср. IX, 216 слл.).

¹⁰⁻¹⁶ *Ты же, надежды горний Оплот...*— Эта третья по счету (после обращения сначала к неназванной Каллиопе, затем к девяти камням) просьба о помощи иногда расценивается как свидетельство своеобразной раздвоенности мирозерцания Петрарки, взывающего к Христу о прощении за любовь к языческой древности. Однако если такая раздвоенность и имела место, то данные строки ее не иллюстрируют: поэт действительно намерен прибегнуть к утешению Божьему в случае неудачи, но свою поэму называет «благочестивой песнью» и в неполных восьми стихах обращения дважды упоминает реалии языческой мифологии, а именно Эреб (преисподнюю) и Парнас (гору в Греции, посвященную Аполлону и музам, на которой стоял знаменитый в древности Дельфийский храм Аполлона). Образ распятого Христа соотносится со Страстной пятницей, когда поэт задумал свое сочинение (см. примеч. I, 2–3). Этот день вообще был для него знаменателен: в Страстную пятницу 1327 г. после первой встречи с Лаурой якобы были задуманы канцоньере, в этот же день 14 годами позже он прибыл в Рим.

¹⁴ *С Парнасских отрогов...*— Т. е. по окончании поэтического труда, который не раз метафорически описывается Петраркой как блуждание по отрогам (тропам, бездорожьям, кручам и т. п.) Парнаса или Геликона.

¹⁹ ...*властитель земли Тринакрийской...*— Роберт Анжуйский (1265–1343 гг.), с 1309 г. король Сицилии и Апулии с резиденцией в Неаполе. Сицилию Петрарка здесь и на всем протяжении поэмы называет принятым в классической римской поэзии греческим именем Тринакрия, что значит «Трехугольная». Роберт был любителем словесности, сам писал латинские стихи (они вышли отдельной книгой в изд. Убальдини, Рим, 1642) и покровительствовал поэтам — отсюда его прозвище

«Мудрый». Познакомившись с Петраркой по переписке в 1338 г., он вскоре пригласил его к себе, и поэт гостил в Неаполе, прежде чем отправился в Рим за лавровым венком. К этому времени были написаны первые четыре песни «Африки» — длительное путешествие создало перерыв в работе над поэмой и песнь V была начата не ранее 1341 г.

²¹ ...ты, чьим судом на престоле певцов воссесть я достигнул...— Ко времени отъезда из Воклюза Петрарка, как сам пишет в «Послании к потомкам», в один и тот же день (1 сентября 1340 г.) получил приглашения от Римского сената и от канцлера Парижского университета явиться и принять «поэтические лавры». Отчасти по собственному побуждению, отчасти по совету своего старшего друга кардинала Иоанна Колонна он предпочел Рим, но решил для верности заручиться еще и рекомендациями Роберта, которые и получил. Таким образом, стихи 19–70 представляют собой позднейшую вставку, поскольку к Роберту Петрарка привез уже готовые четыре песни, созданные в Воклюзе до знакомства с королем-меченатом. Из текста явствует, что обращенные к Роберту стихи вставлены в поэму после венчания в Риме (1341 г.), но прежде смерти короля (1343 г.), оплаканной в IX песни поэмы.

²² ...лавр долгожданный стяжал и Поэта знатное званье...— Звание поэта-лауреата автоматически сделало Петрарку почетным гражданином Рима, что было для него практически бесполезно, но идеологически весьма значимо. Следует обратить внимание на первое в поэме (прочие специально отмечаться не будут) употребление самого слова «лавр», которое для творчества Петрарки является ключевым, равно как слова «потомки» и «слава», однако эти последние имеют синонимы («внуки», «честь» и пр.), «лавр» же синонимов не имеет и в дальнейшем перифрастические его описания всегда соседствуют с прямым названием.

^{23–24} *Прими приветно и кротко сей подносимый дар...*— Как пишет Петрарка все в том же «Послании к потомкам», Роберту так понравилась начатая поэма, что он попросил посвятить ее ему, что поэт и исполнил (см. примеч. I, 21), отказавшись, однако, от венчания лавром в Неаполе, которое предлагал ему король.

⁴⁰ ...я же до звезд досягну твоих деяний хвалю...— Роберт просил не только посвятить ему «Африку», но и сочинить поэму о его собственных подвигах, однако от исполнения этой просьбы поэт вежливо уклонился, отделавшись неопределенными обещаниями и отговорками, занимающими остаток посвящения вплоть до ст. 70. Под «деяниями» Роберта подразумевается, видимо, его успешная борьба с императором Генрихом VII, а затем с Людовиком Баварским, хотя отвоевать себе потерянную после «сицилийской вечерни» Сицилию «властителю земли Тринакрийской» так и не удалось.

⁴¹ ...достождолжной и песнь сложу...— Здесь на полях впервые появляется схолия Колуция (при незначительном орфографическом исправлении и с полной подписью «Colutius» — далее сокращенная подпись «Со»).

⁵⁰ ...один вспоминал троянцев погибель...— Имеется в виду Вергилий, описавший в «Энеиде» бегство Энея с товарищами из горящей Трои и их дальнейшие скитания.

⁵¹ ...Фивы пел другой и Ахилла юного прятки...— Имеется в виду римский поэт Стаций (45–96 гг.) и его поэмы: пространная «Фиваида» о походе Семерых против Фив и краткая незаконченная «Ахиллеида» — о том, как юный Ахилл в женском платье прятался на Лемносе, по воле матери уклоняясь от похода на Трою.

⁵² ...третий гласил о римских костях в Эмафийских долинах...— Имеется в виду поэма Лукана (39–65 гг.) «Фарсалия» о войне Цезаря с Помпеем. Эмафия — древнее название Македонии с примыкающей частью Фессалии, где в Фарсальской долине 6 июня 48 г. до н. э. произошло решительное сражение, окончившееся победой Цезаря. Ставя Лукана, воспевавшего времена дедов и прадедов, в один ряд с поэтами, избиравшими для своих поэм мифологические сюжеты, Петрарка делает некоторую натяжку.

⁵⁴ ...Авсонийским Марсом...— Т. е. Италийским. Авсония — поэтическое название Италии, чрезвычайно часто употребляемое Петраркой.

⁶² Парфенопей — древнее название Неаполя.

⁷⁴ *Ливию кто воздеиг на Европу?*— Ливией у греков и римлян назывался весь Африканский континент, Африкой же — только северо-западная его часть (Тунис). Здесь Петрарка представляет войны между Римом и Карфагеном как противоборство

частей света: зачинателем этой традиции был Геродот, представивший греко-персидские войны частным случаем противоборства Европы и Азии.

⁷⁷⁻⁷⁸ *...всех зол отравленный корень — зависть...* — Ср. ст. 35–36. Слово «зависть» — также одно из ключевых у Петрарки, хотя в отличие от «лавра», «славы» и «потомков» (см. примеч. I, 22) всегда имеет сугубо негативный смысл (главное и первое зло).

⁸¹⁻⁹⁶ *Так ревновал Карфаген...* — В этом кратком перечне причин войны Петрарка следует Ливию (XXI, 1) и Флору (II, 6), хотя историк II в. Луций Флор для своего «О деяниях римлян краткого рассказа» пользовался, конечно, уже тогда классическим трудом Ливия. Первая война Рима с Карфагеном (264–241 гг. до н. э.) закончилась не в пользу карфагенин, которым пришлось уступить Риму Сицилию и вдобавок выплатить контрибуцию, а чуть позже римляне нашли случай захватить также Сардинию и Корсику — уже без всяких договоров. Затем была поделена Испания (по реке Иберу), причем пограничный Сагунт, хотя и союзный римлянам, был признан нейтральным. Когда в 218 г. Ганнибал взял Сагунт, то это явилось началом «второй войны». Когда Ганнибал ушел в Италию, то командовать испанской армией остался его брат Гасдрубал Гамилькар (Баркид).

⁹⁷ *Эта страна, желанная всем...* — Следует помнить, что во время написания «Африки» новое многовековое противоборство между «Ливией» (мавры-мусульмане) и «Европой» (христиане), снова опустошившее Испанию, еще не вполне завершилось — Гранада оставалась в руках арабов.

¹⁰⁰ *...тучная жиром овца...* — Перевод по конъектуре Коррадини.

¹⁰⁵⁻¹⁰⁸ *...берег на берег, на душу душа...* — Ср. проклятие Дидоны у Вергилия («Энеида», IV, 625–629):

О, приди же, восстань из праха нашего, мститель,
чтобы огнем и мечом теснить поселенцев дарданских
ныне, впредь и всегда, едва появятся силы.
Берег пусть будет, молю, враждебен берегу, море —
морю и меч — мечу: пусть и внуки мира не знают!

(Здесь и далее цитаты из «Энеиды» приводятся в переводе С. А. Ошерова.) Дарданские поселенцы — Эней и его дружина, потомки легендарного троянского царя Дардана.

¹⁰⁹⁻¹¹⁴ *Трижды в схватках лихих...* — О I и II Пунических войнах см. примеч. I, 81–96, третья продолжалась недолго (149–146 гг.) и фактически свелась к осаде Карфагена, разрушением которого и закончилась. Здесь Петрарка почти дословно следует Флору, который пишет, что в первой из этих войн «был почин войне, во второй сокрушение, в третьей же воистину завершение» (II, 15).

По поводу ст. 111 (к «как ведаешь сам») схолиаст замечает: «Я сказал бы „как помнишь“ по причине новизны сочинения», а по поводу ст. 112: «Остерегись: не „испомерные“, но предовольно великие».

¹¹⁴ *...подвиги славных вождей и второй войны завершенья.* — После этого стиха в издании Феста отмечена лакуна, хотя он достаточно естественно заключает вступление, после которого Петрарка в ст. 115 уже непосредственно обращается к подвигам своего героя.

¹¹⁵ *Звездного юношу зрит...* — По поводу этой строки сам поэт в одном из писем («к домашним», 4, 10) говорит так: «А именуется он звездным юношей отчасти за геройскую свою доблесть, коей толико процвел, ибо доблесть у Вергилия зовется пылкою и у Лукана пламенной, отчасти же из-за мнения о небесном зачатии его, ибо такое мнение было в ту пору у римлян от восторга пред оным мужем». Об эпитете «звездный» см. также примеч. I, 160–163. Юностью (*juventus*) у римлян назывался возраст после 17 лет, когда завершалось отрочество (*pueritia*), мальчик надевал мужскую тогу вместо детской, и до 46 лет (в армии воины старше 46 лет именовались ветеранами от *vetus* — старый). Сципиону в Испании было 25–29 лет, при этом 33 года; царь Массинисса, тоже именуемый юношей, немногим старше (см. песнь V); юношей называет поэт и самого себя в возрасте 33–37 лет (см. песнь IX, «Послание к потомкам» и др.). Однако даже с учетом вышесказанного, поэт не может преодолеть своеобразного терминологического гипноза, и слово «юноша» ассоциируется у него с самой ранней молодостью, цветением нежной красоты, первой

любовью и т. п. (ср. влюбленного Массиниссу в песни V). Тем удивительнее, что далее (II, 46) «стариком» именуется Ганнибал, бывший всего на 12 лет старше Сципиона: старость по римскому счету начиналась не ранее 60 лет, а по мнению авторитетного для Петрарки Цицерона — и того позднее («О старости» I, 2; между «юношами» и «стариками» были *seniores*, т. е. «старшие», но этот термин был малоупотребителен).

^{116—123} *...жестоковыйный край Гесперийский...* (букв. «Западный») — Испания, коренные жители которой по большей части поддерживали карфагенян. После взятия Ганнибалом Сагунта дела римлян в Испании шли с переменным успехом, а после гибели Публия и Гнея Сципионов стали так плохи, что ни один из римских полководцев не решался вести туда войска для борьбы с Гасдрубалом Гисгономидом, карфагенским главнокомандующим в Испании, — тогда-то молодой Сципион и вызвался взять на себя командование. Он высадился в Испании в 210 г. до н. э., почти сразу взял Новый Карфаген, затем разбил Гасдрубала при Бекуле, взял Гадиру и к 206 г. полностью покорил Испанию.

^{139—144} *...да и худая молва...* — Ганнибал вторгся в Италию уже в самом начале войны и (независимо от событий в Испании) опустошал ее более 10 лет.

^{145—153} *Мести сыновий долг велит благочестью немедля начатый труд завершить...* — Покорив Испанию, Сципион в 205 г. до н. э. вернулся в Рим, был избран консулом и сразу же стал хлопотать о перенесении войны на вражескую территорию, что было отчасти подготовлено еще в 207 г. союзом с Сифаком (см. песни III—IV). Дальнейшее, т. е. сон Сципиона, плохо укладывается в эту хронологическую канву, так как Испания уже полностью завоевана, уже задумана высадка в Африке (все это возможно не ранее 206 г.), а с другой стороны, даже переговоры с Сифаком еще не начаты (что возможно не позднее 207 г.) — здесь Петрарка немного меняет порядок событий, вероятно, ради того, чтобы все африканские предприятия героя оказались санкционированы свыше (подобных хронологических непоследовательностей в поэме довольно много).

^{155—158} *...греет нежных объятий теплом Тифония младного старца...* — Имеется в виду Аврора и ее возлюбленный Тифон, по которому и она именуется Тифонией. Тифон был человеком, и в греческом предании Эос (Аврора) выпросила для него у Зевса (Юпитера) бессмертие, но забыла выпросить еще и вечную юность, так что Тифон сделался не вечно юным, как боги, а вечно старым, однако Заря по-прежнему его любит и заботится о нем.

^{157—158} *...рабыни, на пряхках века прядущие нить...* — Парки, богини судьбы (греч. «мойры»), представляемые тремя пряхами. Мотив парок и прядения судьбы встречается в поэме чрезвычайно часто.

^{160—163} *Усталые вежды сладким смежились сном...* — Сон Сципиона, занимающий две трети I песни и всю II песнь, мог быть еще одной причиной, почему поэт назвал своего героя «звездным юношей» (см. ст. 115 и примеч.). Эта часть поэмы вдохновлена любимым писателем Петрарки Цицероном, в диалоге которого «О государстве» один из собеседников, Сципион Африканский Младший, рассказывает, как в ранней юности, будучи в Африке, он встретился с престарелым царем Массиниссой и беседовал с ним о старшем Сципионе, а ночью победитель Ганнибала явился к нему во сне, предсказал ему его судьбу и объяснил устройство мироздания, чем и завершается VI и последняя книга диалога, который сохранился лишь частично. Рассказ Сципиона дошел до нас потому, что неоплатоник V в. н. э. Макробий подробно его откомментировал и тем самым (по тогдашним правилам) полностью воспроизвел в своем богословском трактате «Комментарий к Сну Сципионову», — это сочинение Петрарке было известно (поэтому далее ссылки даны на отдельно нумерованные главы «Комментария», а не на трактат «О государстве»). У Цицерона к спящему приходит старший Сципион вместе с родным отцом юноши Эмилием Павлом, у Петрарки старшему Сципиону является его отец вместе с братом Гнеем — подражание точно даже в мелочах (обоих юношей наставляли сразу два героя-небожителя). Следовательно, Сципион Петрарки — не только юноша, видящий вещий сон, но и будущий небожитель, которому предстоит наставить в благочестии внука, т. е. сразу Сципион спящий и Сципион приснившийся, — и в этом своем втором качестве он тоже «звездный».

^{165—170} *Юноша сколь ни смел...* — Ср. у Цицерона: «Едва узнавши его, я затрепе-

тал от ужаса, но он рек: „Приди в себя и брось бояться, Сципион, а то, что я скажу, запомни накрепко“» (XI, 11). Нелишне отметить, насколько длиннее и цветистее это же самое передано в «Африке» — например, обращение «Сципион» (вместо домашнего: по родству или по имени) предполагает признание в юности той же силы, что в его славном деде, но посредством изысканного намека, расшифровка которого занимает у Петрарки два стиха.

¹⁶⁹ *...единый оплот качаемой смутой отчизне!*...— Имя Сципион (Scipio) буквально значит «посох», что неоднократно обыгрывается в поэме. По поводу этого стиха схолиаст замечает: «Лучше „отчизны“».

¹⁷²⁻¹⁷³ *...Олимпа владыки редкостный дар...*— В традиционной мифологии Олимп представлялся обиталищем богов, оставался вполне конкретной горой на границе Фессалии и Македонии. В неоплатоническом богословии Олимп, оставаясь обиталищем богов, вынесен за пределы зримого космоса, границей которого является сфера неподвижных звезд, и представляет собой некую умопостигаемую область, царство вечного света и т. д. Не вникая в теологические тонкости, Петрарка отождествляет Олимп с раем небесным, в котором пребывает единый Бог, иногда называемый Юпитером, но чаще просто Богом или Господом или (перифрастически) «владыкой Олимпа», но всегда тождественный христианскому Богу в ипостаси Отца, что дополнительно подтверждается пророчеством о Христе в песни VII. Космология Петрарки при всей ее расплывчатости (сравнительно, например, с космологией Данте) остается космологией ортодоксального католика, каковым он и был. Но он был еще и отцом гуманизма, а потому, подчиняясь авторитету Цицерона, поселил в небесах героев римской языческой древности, в святости которых был уверен.

¹⁷⁹ *Видны ль в обители Австра...*— Т. е. на юге (Австр — южный ветер). Ср. у Цицерона: «Видишь ли ты город, который, быв некогда мною покорен римскому народу, вновь затевает прежнюю брань и не может утихомириться?» (XI, 11).

¹⁸¹ *...строенный хитрой женой?*— Т. е. Дидоной, легендарной основательницей Карфагена. Хитрой она названа потому, что, бежав из финикийского Тира в Африку, торговалась с тамошним царем о покупке такого участка земли, какой можно охватить воловьей шкурой, а потом разрешила эту шкуру на ремни и так получила землю, достаточную для строительства города (*Вергилий*. «Энеида», I, 338–367; *Юстин*. «Извлечение из истории Троя Помпея». XVIII, 4–7).

¹⁸⁶ *Баграда* — река в Африке, протекающая через Карфаген.

¹⁸⁷ *Бирса* — карфагенская цитадель, город Дидоны. По-финикийски это слово производное от корня br' (строить, огораживать) и, соответственно, значит просто «город» (огороженное стенами место), но по-гречески βύρσα (byrsa) — «снятая шкура», «кожа» (звуковое сходство этих слов могло быть поводом к легенде о хитрости Дидоны — см. I, 181 и примеч., — особенно если учесть, что коровьим пастухом у греков был хитрый Гермес).

¹⁸⁸ *Что ж, попробуй опять — по плетке признаешь хозяйку!*— Схолиаст: «По моему суждению, строка сия чрезмерно груба».

²⁰⁷ *...никакую речь невозможно мне слышать...* Схолиаст: «Я полагаю, что лучше „дозволь мне не слышать“».

²¹⁰ *Если прилично сравнить высокое с низким...*— Реминисценция из Вергилия («Георгики», IV, 176).

²²⁰ *...ясный день — не грызет его грусть...*— Ср. Апокалиптическое пророчество: «Не будет уже ни смерти, ни грусти, ни вопля, ни боли уже не будет, ибо прежнее миновало» (21, 4).

²²³ *...в недостижимый свет...*— Ср. в I Послании к Тимофею: «Тот, Кто Единый имеет бессмертие и обитает в недостижимом свете» (6, 16).

²²⁴ *Сына крепко обнял...*— Ср. у Цицерона (о встрече Сципиона-младшего с родным отцом): «Как я его увидел, так сразу же ударился в слезы, а он объятиями и поцелуями унимал мой плач» (XIV, 14).

²³⁰⁻²³¹ *Средь Гесперийских полей победоносные стяги...*— Публий и Гней Сципионы успешно воевали в Испании примерно с 218 г. до н. э. — далее речь идет о событиях лета 212 г. до н. э.

²³² *...заскучал я в трудах войны неспешной...*— Тит Ливий пишет об этой начавшейся с побед войне так: «Почти за два года не случилось ничего достопамятного, и война велась более кознями, нежели мечами» (XXV, 32).

²³³ ...ты мне, Фортуна, совет ниспослала со знаменем.— Перед важными предприятими римляне гадали (сами или с помощью жреца), но толкование знаменей было достаточно произвольным. Вероятно, гадали и Сципионы, но сведений об этом не осталось, однако Петрарка никогда не упускает возможности напомнить о прихотливости и злобности Фортуны — к этой теме он будет возвращаться очень часто.

^{237—238} ...мы полки с половиной у каждого силой.— В Испании было две карфагенские армии, их-то и решили разом добить братья. «По их упованиям, силы у них было для сего вдосталь и даже с избытком... Итак, они почли за лучшее разделить войско на две части» (Ливий, XXV, 32).

²⁴⁰ ...Марс свои знамена покинул.— Марс был отцом Ромула, так что римляне могли надеяться на его к ним родственную благорасположенность.

²⁴⁴ Так растлены врагом кельтиберы.— Кельтиберы (известная своей храбростью группа испанских племен) составляли в войске Гнея Сципиона большинство и, действительно, были подкуплены братом Ганнибала Гасдрубалом, который даже не привлекал их на свою сторону, а заплатил за то, чтобы они просто вернулись домой, что они и сделали совершенно неожиданно для римлян (Ливий, XXV, 33).

²⁴⁷ ...нашим вождям урок преподав.— Ср. у Ливия (там же): «Памятуя об этих воистину поучительных примерах, римским полководцам надлежит и в будущем блюсти сугубую осторожность и не полагаться на стороннюю помощь до такой степени, чтобы не иметь в стане главным оплотом своих собственных отборных воинов».

²⁵⁸ ...злобный предатель.— Вероятно, вождь испанского племени свесетанов Индебилис.

^{260—261} ...с трех сторон безвыходно заперт вражьи станами.— С флангов римлян окружала нумидийская конница под предводительством Массиниссы (в ту пору находившегося в союзе с Карфагеном), впереди был Индебилис (Ливий, XXV, 34).

²⁶⁴ Эреб — см. примеч. I, 10—16.

^{266—213} Вот так же насечник хитрый.— Реминисценция из Вергилия («Георгики», IV, 227—238).

²⁷⁸ Эрикс — гора на Сицилии, посвященная Венере (ныне Монте Сан Джулиано).

²⁸² ...уловку врага постигаю.— Уже во время боя на римлян с тыла напали Гасдрубал Гисгонид и Магон, брат Ганнибала (Ливий, XXV, 34).

²⁸⁷ ...но никогда не с большею честью!— Схолиаст: «Я бы изменил „большую“ на „лучшею“».

²⁸⁹ Маворс — архаическая форма имени Марса.

³⁰³ ...если телами путь врагу заградим.— Ср. у Цицерона: «Два Сципиона, которые пожелали пусть хоть телами своими заградить путь карфагенянам» («О старости», XX, 75).

^{312—317} Речью моею зажжены.— Ливий описывает это сражение несколько иначе: Публий Сципион действительно бросился в первые ряды ободряя бойцов, но почти сразу был убит, после чего римляне обратились в бегство, не спасшее их от почти поголовной гибели (XXV, 34).

^{318—319} ...ему в краях Гесперийских счастья не больше.— Гней Сципион был убит в сражении через 29 дней после гибели брата (ср. ст. 326).

³²⁹ ...плоти постылой.— Схолиаст: «Пожалуй, было бы лучше этот стих выбрать».

^{331—340} Только ты прежде ответь.— Ср. у Цицерона: «Тут я... спросил, жив ли он сам и жив ли отец мой Павел и все прочие, коих мы почтаем опочившими, а он отвечал: „Воистину живы те, кто бежал из оков тела своего, словно из узилища, а ваша так называемая жизнь есть сущая смерть“» («Сон Сципиона», XIV, 14).

³⁴¹ ...глянь на брата.— Схолиаст: «Добавь пропущенное „и на меня“, ибо беседу ведет он».

³⁵⁴ ...ради фригийских святынь, коль пращуров помнишь пенаты.— Через Энея римляне возводили свое происхождение к троянцам, т. е. уроженцам Фригии. Пенаты — домашние божества, кумиры которых Эней унес из горящей Трои («Энеида», III, 12). По поводу этой строки схолиаст замечает: «Вергилий в конце X песни говорит о смерти Ланса иначе». Смерть этруска Лавса, убитого Энеем, описана в «Энеиде» (X, 789—832), но неясно, какие строки в этом описании могут хоть как-то соотноситься со ст. 354 «Африки».

³⁶² ...сгинул, увя! Марцелл, в таких-то годах легковерен...— Марк Клавдий Марцелл, «меч римлян», был убит в 208 г. до н. э., проиграв Ганнибалу битву при Венусии (город в Апулия) и попав в устроенную для него засаду,— ему было тогда более 60 лет. Он хотел занять лесистый Петелийский холм и сам отправился туда на разведку вместе с Криспином, взяв с собою только небольшой отряд конницы,— Криспин и Марцелл оба были консулами, что усугубляло легкомыслие их поступка (*Ливий*, XXVII, 26—28). По поводу этой строки схолиаст замечает: «Такое словопотребление принадлежит не собеседнику, но поэту, а потому терпимо; однако же, может быть, здесь нечто выпало из подлинной рукописи сочинителя и еще обнаружится».

³⁶⁵ Следом поодаль Криспин...— Тит Квинкий Криспин, консул 208 г. до н. э., попал в засаду вместе с Марцеллом (см. выше) и умер некоторое время спустя от полученных ран.

^{368—370} Ну а этот на месте пал...— Всюду, кроме данного случая, павшие герои названы по имени. Можно полагать, что ст. 368—370 относятся к Марцеллу и что их место после ст. 362; после ст. 362 Феста отмечает лакуну, но в утраченных стихах речь может идти только о Марцелле, так как Криспин в перечне героев должен быть назван непосредственно после него. Восстановить первоначальный порядок строк не представляется возможным. Ст. 369 переведен по конъектуре Коррадини.

^{371—377} Вот и Фабий...— Квинт Фабий Максим, консул в 233 и 228 гг., цензор 230 г., впоследствии прозванный Кунктатором (Медлителем), уже в 233 г. до н. э. был удостоен триумфа за победу над лигурами, после взятия Ганнибалом Сагунта ездил послом в Карфаген для объявления войны, в 217 г. после битвы у Тразименского озера за отсутствием консулов был избран продиктатором (нарочно для него созданная должность, фактически не отличимая от диктатуры) и стал преследовать Ганнибала, избегая решительного сражения,— отсюда его прозвище «щит римлян». После битвы при Каннах неоднократно избирался консулом и одержал много побед. Умер он в 203 г., не дождавшись окончания войны, но в год «Сципионова сна» был жив, так что присутствие его на небесах можно объяснить двояко: или Петрарка предпочел хронологической точности эффектность перечня, или же он перепутал год смерти Фабия с годом смерти его сына, тоже Квинта, консула 213 г., тоже умершего естественной смертью, но около 207 г., когда «пунийская сила», действительно, еще преобладала. См. примеч. I, 500.

^{378—380} Вот и другой... вот он, Гракх...— Тиберий Семпроний Гракх, консул 215 г. до н. э., воевал во главе войска, набранного из рабов, которым в случае победы была обещана свобода. Погиб в 213 г. в засаде, устроенной Магоном. Знаменитым братьям Гракхам он доводится дедом.

^{381—382} Зависть судьбы чрезмерна была и к Эмилию Павлу...— Луций Эмилий Павел, консул 219 и 216 гг. до н. э. Второе свое консульство он делил с Гаем Теренцием Варроном, который хотел решительного сражения с Ганнибалом и добился своего, несмотря на все возражения Эмилия Павла, причем этот последний при Каннах погиб, Варрон же уцелел, получил благодарность от Сената и впоследствии управлял еще несколько почетных (военных и посольских) должностей.

^{384—400} ...отринул взять у трибуна коня, а на многие просьбы ответил...— Эпизод почти дословно заимствован у Ливия (XXII, 49): «Все, кто мог, старались отыскать своих коней, чтобы бежать. Войсковой трибун Гней Лентул... сказал: „Возьми моего коня, покуда ты еще не вовсе обессилел!“ На это консул отвечал: „Достохвальна доблесть твоя, Гней Корнелий, но в тщетном состраданьи не упусти тех кратких мгновений, кои тебе остались, чтобы ускользнуть от врагов! Отправляйся и оповести всех сенаторов, да укрепят стены Рима, да оградят столицу сторожевыми отрядами, покуда не явился победоносный враг; и Квинту Фабию передай, что Эмилий, как жил, памятуя о наказаниях его, так и умирает. А меня оставь принять смерть среди павших моих бойцов, дабы не превратился я из консула в подсудимого или не выступил обвинителем сотоварища моего“». Войсковой трибун (помощник командира легиона) — должность, с которой обычно начинали свою карьеру молодые люди из хороших семей. Гней Корнелий Лентул спасся и в 201 г. до н. э. был избран консулом.

⁴¹⁸ ...толпами теней.— Только при Каннах римляне потеряли почти 50 тысяч воинов (*Ливий*, XXII, 49).

⁴³⁵ ...великая Кальпа...— Скала на европейском берегу Гибралтара в трех милях от Абилы, скалы на африканском берегу; их общее название — Геркулесовы Столпы.
⁴⁶⁰⁻⁴⁶⁴ Юноша молвит...— Ср. у Цицерона: «Прошу скажи мне, о пресвятой и пре-
 благой родитель, зачем же я медлю на земле, а не поспеваю явиться к вам сюда, ежели тут-то и есть сущая жизнь, как я понял из слов Публия Африканского?» («Сон Сципиона», XV, 15).

⁴⁶⁵ Худо ты рассудил!— Схолиаст: «Скажи по-другому, скажи: „Милый племянник, отнюдь! От бога“ и т. д.».

⁴⁶⁵⁻⁴⁸⁹ От Бога и от природы...— Ср. ответ Эмилия Павла в «Сне Сципиона»: «Это не так, но не иначе как если бог, во владении коего все сие созерцаемое тобою устроение, освободит тебя из телесного твоего узилца, будет дозволено тебе взойти сюда. Воистину, люди рождены по такому закону, чтобы блюсти им вон тот шар, который видишь ты посреди сего устроения и который зовется Землею... Посему и тебе, Публий, и всем благочестным мужам надобно удерживать дух в телесном узилце и нельзя вам бежать от человеческой жизни без дозволения того, кто даровал вам сей дух, дабы не вышло, что уклоняетесь вы от богом вам назначенного людского бремени. Ты же, Сципион, так, как вот этот дед твой и как я, тебя породивший, некий о праведности и благочестности, каковыми хоть и много ты обязан родителями и ближним, но наипаче отечеству. Таковая жизнь есть путь в небеса и к сонму тех, кто уже отжил свое и, освободясь от тела, поселился там, где ты их видишь» (XV, 15; XVI, 16).

⁴⁹⁰⁻⁴⁹⁹ Помни, прошу, еще и о том...— Ср. слова старшего Сципиона (там же, XIII, 13): «Всем, кто оборонил или выручил или возвысил отечество, всем им воистину назначено и отведено место на небесах, ибо предвечному богу, который правит всюю этою вселенною, а равно и тем, что вершится на земле, ничего нет удобнее, чем согласие и общезитие соединенных законом людей, которое зовется государством,— и кто оным правит или оное блюдет, тот, низойдя отсюда, сюда же и возвращается».

⁵⁰⁰ Схолиаст: «Вот сюда хорошо подошли бы стихи о Фабии, помещенные выше». Далее выписаны ст. 371—377, измененные так, что хронологическая неувязка (см. примеч. I. 371—377) устраняется (ст. 375—377 у Колуция: «...слава честная цветет. Не меч и не огонь у латинян/мужа отымут сего, но когда пунийская сила/громом взгрохочет, он старостью лет восхитится к небу»).

⁵⁰⁸ Первый Ромул... от него преславное имя...— Название города Рима (лат. Roma) считалось производным от имени Romulus, хотя гораздо вероятнее обратное.
⁵¹⁰ ...огнь пользает в душе?— Здесь Петрарка почти дословно следует Флору: «Был ли кто пламеннее Ромула? для того был он сотворен, чтобы стяжать царство» (I, 8).

⁵¹¹⁻⁵¹⁴ Следом другой...— Сабинянин Нума Помпилий, призванный римлянами на престол после смерти (или апофеоза) Ромула. Далее Петрарка опять следует Флору: «Был ли кто благочестнее Нумы? дело требовало, чтобы жестокий народ был укрощен страхом божьим» (там же).

⁵¹⁵ ...жены науцением дивной...— Супругой Нумы почитали нимфу Эгерню (Ливий этому не верит), ему же приписывали создание лунного календаря (этому Ливий верит) и основных религиозных правил (Ливий, I, 18—21).

⁵¹⁷⁻⁵¹⁸ ...Природа на свет стариком породила...— Вергилий в «Энеиде» (VI, 809) говорит о «седой бороде» Нумы, что и естественно, так как он был призван на царство зрелым мужем и правил 43 года (Ливий, I, 21), однако стих «Энеиды» мог быть источником Петрарки, так как содержится в пророчестве Анхиза, описывающего Энею седую бороду еще не рожденного Нумы.

⁵¹⁹⁻⁵²⁴ Следом третий...— После смерти Нумы царем был избран воинственный Тулл Гостилий, который «сделался зиждителем всей бранной науки и искусства военать» (Флор, I, 3). Принся жертву Юпитеру, он ошибся в порядке священнодействия и был поражен молнией (Ливий, I, 31).

⁵²²⁻⁵²⁴ Вот и четвертый...— Анк Марций, внук Нумы, миролюбивый царь. По поводу слова «раздвоенный» в ст. 524 схолиаст замечает: «Лучше „рассеченный“ или „разрезанный“». Здесь поэт опять следует Флору: «Он окружил город стенами, перекрыл мостом текущий через столицу Тибр, основал на морском берегу рядом с

устьем реки Остию, ибо уже тогда, наверное, предвидел душою грядущее, когда со всего света будет принимать Город в этой гавани корабли и товары» (I, 4).

⁵²⁵⁻⁵²⁶ *Пятого лик мне едва знаком...*— Пятый римский царь был сыном коринфянина Демарата, бежавшего в этрусский город Тарквинии. Звали его Лукумон, но, отправившись в Рим искать счастья, он переделал свое имя на римский лад и стал зваться Луций Тарквиний. После смерти Анка Марция он стал домогаться царства и был избран. Его деятельность была успешной как в мирную, так и в военную пору.

⁵²¹⁻⁵³⁰ *...я зрю багряницу и тогу...*— Здесь Петрарка опять почти дословно следует Флору: «От него розги с топорами, величавые тоги, престольные кресла, всаднические перстни, вознесенные награды, багряницы полководцев и наряды сановников; от него и то, что триумфатор едет на золотой колеснице, запряженной четвернею, и что тога на нем златотканая, а туника его расшита пальмами, — да и вообще от него все красы и все знаки отличия, которыми умножается достоинство державы» (I, 5). Только Флор считает все это нововведениями Тарквиния Древнего — у других историков называются другие имена, а некоторые из названных реалий не имеют даже и легендарного изобретателя. *Кресла престольные* (sellae curules) — на таких креслах сидели при исполнении должности высшие магистраты, называемые также «курульными» (именно по креслам). *В розгах топор* — фасция, т. е. пучок розог с воткнутым посредине топором, знак высшей исполнительной власти: фасции носили ликторы, число которых определялось саном магистрата (например, консулу полагалось 12 ликторов, диктатору — 24). *Наряд величавый* — трабея, т. е. украшенная пурпурными полосами тога высшего магистрата. *Бранных паренье наград* — имеются в виду фалеры, которыми награждались не отдельные воины, а войсковые подразделения: фалеры представляли собой золоченую бляху, тем или иным способом прикрепленную к древку (отсюда «паренье»).

⁵³¹⁻⁵³² *...которого зришь по счету шестого...*— Схолиаст: «Лучше „от начала шестого“». Шестым римским царем был Сервий Туллий, сын рабыни, воспитанный в доме Тарквиния Древнего, который выдал за него свою дочь и назначил его наследником престола.

⁵³³ *...звучком прозвания раб...*— «Servius» происходит от «servus» (раб). Здесь Петрарка опять следует Флору: «Разве не затем была устроена Сербием перепись, чтобы знало государство о самом себе?» (I, 8). Перепись Сервий устанавливала воинскую повинность в зависимости от имущественного ценза (*Ливий*, I, 42–43).

⁵³⁷⁻⁵⁴⁰ *...младший спросил...*— Сципион спрашивает о Тарквинии Гордом, последнем римском царе, низвергнутом народом во главе с Брутом (см. III, 645–770 и примеч.).

⁵⁴³ *...в Авернские бездны...*— Т. е. в преисподнюю (Авернское озеро в Кампании считалось входом в подземное царство).

⁵⁴⁵⁻⁵⁴⁶ *...царь жестокий...*— Ср. у Флора: «Жестокий гнет одного гордеца оказался, однако же, весьма полезен, ибо следствием его было то, что возмущенный беззакониями народ воспламенился жаждою свободы» (I, 8).

⁵⁵² *За что подобная милость...*— Схолиаст: «Я бы сказал „слава“».

⁵⁵⁴⁻⁵⁷² *В свет они рождены единым отцом...*— Далее следует рассказ о поединке Гораций с Куриациями (*Ливий*, I, 23–25; *Флор*, I, 3). Это произошло во время войны с Альбой, которую вел Тулл Гостилий: в альбанском и римском войсках было по трое братьев близнецов, поединок между которыми и должен был решить исход войны. Двое из Горацийев были убиты, все три альбанца ранены, но третий Гораций, оставаясь невредим, бросился в притворное бегство и так победил, избавив Рим от подчинения Альбе.

По поводу выражения «всобщую гибель» в ст. 560 схолиаст замечает: «Тут, если годится, я бы сказал „сородичей гибель“».

⁵⁷⁸ *...и впереди других Публиколу...*— Публий Валерий Публикола (это прозвище можно перевести «Попечитель народа») участвовал в изгнании царей, считался главным создателем новых (республиканских) законов, избирался консулом много лет подряд и вел успешные войны (*Ливий*, II, 8; *Флор*, I, 9).

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

¹² ...и Фебов без обгони... - Схолиаст: «Или „и скорый рассвет обгони непространною речью“».

¹⁵ ...мне удостой изъяснить начертанья рока.- У Цицерона старший Сципион пророчествует о грядущем сразу и без приглашения, но рассказывает внуку только о его личной судьбе (XI, 11—XII, 12).

²¹ ...мишилась Италия солнца...- Ср. у Цицерона: «А о двойном солнце я слышал от отца моего, что оно явилось в консульство Тудитана и Аквиллия в тот самый год, когда закатилось другое солнце - Публий Африканский» («О природе богов», II, 5, 14 - речь здесь идет о младшем Сципионе, неожиданно умершем в 129 г. в расцвете сил).

²⁵ Тогда укрем безоружны...- Схолиаст: «Низко такому мужу помышлять об отступлении, так что надобно читать „всеоружны“».

³² ...одноглазого гнать негодяя...- Схолиаст: «Мне не кажется, что честно так вот отзываться о Ганнибале». Вероятным источником Петrarки был Ювенал (X, 157): «Как одноглазый вождь народился от шлюхи гетульской» (Гетулия - область современного Алжира, в поэтическом языке «гетульский» = «африканский»).

³³⁻³⁷ Отступать он станет в тревоге...- См. VI, 294-560.

³⁹⁻⁷¹ ...прежде захочет с тобой говорить.- Переговоры Сципиона с Ганнибалом и битва при Заме описаны в песни VII. По поводу словосочетания «вздымают мечи» (ст. 65) схолиаст замечает: «Я бы сказал „копья вздымают“, а по поводу слов «забвенце Бога» (ст. 67): «Я бы сказал „забвенье богов“, что более пристало времени и поэту».

⁷¹⁻⁷² ...Фортуной враждебно сразу будет повергнут...- См. VIII, 295-347 и примеч.

⁷³ ...страны Азийские греков...- Имеются в виду царства, возникшие на обломках недолговечной державы Александра и постепенно завоеванные римлянами (будучи изгнан из Карфагена Ганнибал жил в Вифинии, т. е. на азиатском берегу Геллеспонта).

⁸⁹⁻¹¹⁰ Ты же в ту пору будешь по должности послан в путь...- В 192 г. до н. э. к царю Антиоху послано было из Рима посольство, задержавшееся в Ефесе, где жил тогда Ганнибал. Тит Ливий с осторожной ссылкой на чужие исторические сочинения рассказывает, что в этом посольстве был Сципион и что он встретился с Ганнибалом: «Когда Публий Африканский спросил, кого Ганнибал почитает величайшим из полководцев, тот отвечал, что почитает таковым Александра Македонского, ибо сей царь с малым войском одолел несметные полчища врагов и достигнул в походе своем столь отдаленных земель, в коих и побывать - выше всех упований человеческих. Быв затем спрошен, кому же из полководцев отводит он второе место, он отвечал, что Пирру, от коего идет наука разбивать лагерь и прежде коего никто не умел столь искусно выбрать место для стана и разумнее расположить охранные полки; да притом Пирр до того был способен вызывать у людей признание к себе, что жители Италии предпочитали владычество сего чужеземного царя владычеству римского народа, весьма долго верховодившего сею страню. Когда же Сципион снова спросил, кого же Ганнибал почитает третьим, тот без малейших колебаний назвал себя самого. Тут Сципион со смехом промолвил: „Так что бы ты сказал, если бы и меня победил?“, а Ганнибал в ответ: „Тогда я почитал бы себя превосходнее Александра, превосходнее Пирра и превосходнее всех на свете полководцев!“ Столь хитроумный (воистину пунийский) ответ и столь непривычный способ льстить не оставили Сципиона равнодушным, ибо получилось, что Ганнибал выделяет его из всех вообще полководцев и ставит выше всякого суда» (XXXV, 14). Изображая своего героя непричастным мирской суете, Петrarка противоречит Ливию, объявляя, что похвала Ганнибала будет Сципиону «в забаву» (ст. 108-110), однако далее (песни VII-VIII) при всей своей ненависти к врагу Сципион не устает восхищаться его полководческим талантом.

⁹⁹ ...державство себе упрочивал златом? - По поводу слова «упрочивал» схолиаст замечает: «Не годится и, как я полагаю, вставлено в стих безосновательно, а посему надобно читать „оправдывал“ или „отвосывал“». По мнению Коррадини, ст. 98-99

написаны под влиянием Вергилия, у которого скупец прячет клад под кроватью:

Сей взыскует грады крушить и злосчастных псоватов,
лишь бы на пурпуре спать да из кубков пить самоцветных;
оний хоронит добро, на золоте ложе упрочив...

(«Георгики», II, 505–507)

^{112–113} ...а чертогах Вифинских примет смерть...— После поражения Антиоха (см. примеч. II, 121–123) Ганнибал жил гостем у вифинского царя Прусия; римский посол Фламиний почти уговорил царя выдать Ганнибала, однако тот успел выпить яд, который всегда держал при себе, сказав перед смертью среди прочего: «Пора освободить римлян от их давней заботы!» (Ливий, XXXIX, 51). Это случилось в 183 г. до н. э.

^{118–120} ...Изведав мощь Карфагена...— Здесь Петрарка следует Флору: «После Карфагена никто не стыдился быть побежденным» (II, 7). Ср. IX, 393–397.

¹²¹ Вспрянет в Этолии бунт...— Жители Этолии (страна на западе Греции) сначала были в союзе с римлянами против македонян, но затем «взбунтовались» и стали на сторону Антиоха (см. ниже), однако консул Фульвий Нобилиор легко победил их в единственном решающем сражении в 189 г. до н. э.

^{121–123} ...восстанет Антиох...— Сирийский царь Антиох III постоянно колебался между союзом с Македонией и союзом с Римом, помогал этолианам, принимал у себя Ганнибала и т. д., что привело к конфликту с римлянами. После нескольких неудачных сражений он был окончательно разбит при Магнезии в 190 г. до н. э. Луцием Сципионом (братом Публия, получившим за эту победу титул «Азиатский») и припущен к позорному и убыточному миру. Публий Сципион состоял при брате легатом («советником-адъютантом») и помогал ему советами, будучи, по общему мнению, фактическим военачальником; у Петрарки этот мотив естественно усилен — ср. также у Флора: «с помощью младшего брата» (II, 8).

¹²³ ...восточная Эос...— Т. е. Восток (Азия).

¹²⁴ ...Зефир и Австр...— Т. е. Запад (Испания) и Юг (Карфаген).

^{127–129} Царства плененные взденут ярмо...— Македонский царь Филипп V открыто враждовал с Римом, помогал Карфагену и наконец был разбит Титом Фламинием при Киноскефалах в 197 г. до н. э., а 30 годами позднее Македония официально препратилась в римскую провинцию. Упоминаемые поэтом галлы — обитатели не Галлии, а Галатии, которая примыкала к Пергамскому царству, долго бывшему в союзе с Римом, пока оно в 133 г. по завещанию царя Аттала III не сделалось «владением римского народа», что немедленно вызвало войну, так как на пергамский престол претендовал сводный брат Аттала Аристоник, разбитый в 129 г. до н. э. консулом Манием Аквилем. «Воинственными дедами» этих царей были полководцы Александр Македонского, так называемые диадохи, разделившие между собой его державу.

¹³³ ...за раны пращуров наших...— Т. е. за разрушение Трои и страдания троянцев, которых римляне почитали своими предками (через Энея).

¹³⁴ ...Глабрион и Муммий...— Консул Марк Ацилий Глабрион в 191 г. до н. э. разгромил войско Антиоха III у Фермопил; Луций Муммий в 146 г. разбил объединенные силы греков и в назидание разорил и сжег Коринф — «стыдливым» он назван за свою медлительность и неповоротливость, которые у триумфатора воспринимаются как природная скромность. Перевод по конъектуре Коррадини.

¹³⁵ ...Фламиний лихой...— Коррадини утверждает и доказывает, что в принадлежавшем Петрарке манускрипте Ливия Тит Квинций Фламиний назывался не «Фламинийном», а «Фламинием», поэтому здесь его имя дано в такой форме, хотя патрицианская семья Фламиниев из рода Квинкиев не имела ничего общего с плебейским родом Фламиниев, тоже весьма сановитым и известным. Тит Фламиний юношей отличился во II Пунической войне, в 198 г. до н. э. был в порядке исключения (ему не было и 30 лет) избран консулом, в 197 г. разбил Филиппа Македонского при Киноскефалах и объявил греков свободными (каковыми они и почитали себя до сожжения Коринфа) — затем занимался преимущественно дипломатией и рано удалился от дел. Как военачальник он, конечно, уступал Сципиону, но как «друг греческой свободы» оказался (благодаря грекам) не менее знаменитым.

¹³⁷ *Ратным обильный трудом...*— Здесь и далее пророчество Сципиона-отца становится очень похожим на пророчество Анхиза, который рассказывает своему сыну Энею, приведенному кумской Сивиллой в преисподний Элизий, о далеком будущем Рима:

Вот она, юных мужей череда! Взгляни на могучих!

(«Энеида», VI, 771)

До сих пор у Петрарки (как и у Цицерона) спящий узнавал лишь собственную судьбу, но ст. 125–136 еще касаются актуальных для Сципиона событий и в этом смысле они — переходные от «личного» пророчества к «историческому».

¹³⁸ *...Скавров... и Друзов...*— Ср. у Вергилия: «Вдалеке там Деций, Друзы, с грозной секирой Торкват и Камилл, что орлов возвратит нам» («Энеида», VI, 824 слл.). Скавры (букв. «косопланные») были из рода Эмилиев и из рода Аврелиев. Из Эмилиев Скавров наиболее известны Луций (участник морской войны с Антиохом III, младший современник Сципиона Африканского), Марк (консул 115 г. до н. э., известный законодатель, удостоившийся к тому же триумфа за победу над лигурами), его сын Марк (соратник Помпея и подзащитный Цицерона). Из Аврелиев Скавров известен только Марк, попавший в плен к кимврам и героически погибший около 105 г. до н. э. — Цицерон хвалит его ораторские способности («Брут», 30). Друзы были из рода Ливиев: Марк Друз, коллега Гая Гракха по трибунату 122 г. до н. э., участник земельной реформы, консул 112 г., преуспевший и на военном поприще, и его сын, тоже Марк, трибун 91 г. до н. э., продолжавший земельную реформу и знаменитый своим ораторским искусством. Кроме того, был Клавдий Друз, пасынок Августа, очень успешно воевавший в Германии.

¹⁴⁰ *...многих Метеллов...*— Метеллы были из рода Цецилиев, слава пришла к ним еще в I Пуническую войну благодаря Луцию Метеллу, консулу 251 г. до н. э. (пророчество к нему, естественно, не относится). Квинт Метелл, его сын, современник Сципиона, был в 205 г. диктатором. — трусом Петрарка изображает его брата Луция (IV, 195–238), хотя и путает его с Квинтом. Пророчество явно касается прежде всего Квинта Метелла Македонского, победившего в 148 г. восставших македонян, затем ахеян, затем кельтиберов; а также Квинта Метелла Балеарского, удостоившегося в 121 г. триумфа за победу над балеарскими пиратами; Квинта Метелла Нумидийского и его брата Луция Метелла Далматского, победоносных полководцев конца II — начала I в. до н. э. — список знаменитых Метеллов этим не исчерпывается, не зря они «многие».

^{140–142} *...Неронова дома слава...*— Нероны были из рода Клавдиев, консул Гай Клавдий Нерон в 207 г. до н. э. при Метавре победил Гасдрубала, брата Ганнибала, и велел бросить его голову в стан Ганнибала. Тиберий Клавдий Нерон делил консульство со Сципионом — его попытка разделить с ним также и триумф описана Петраркой в песне VIII. Пророчество может, таким образом, касаться лишь трех Неронов: Тиберия, участника гражданской войны и знакомого Цицерона, императора Клавдия и императора Нерона, который и есть «дурная ветвь», хотя первые двое также не создают впечатления процветания.

¹⁴³ *Вот Катоны...*— Петрарка явно имеет в виду только двух Катонов: Марка Порция Катона Цензора (234–149 гг. до н. э.), которому принадлежит знаменитое «Карфаген должен быть разрушен», и его правнука Марка Порция Катона Утического (или Философа), защищавшего республику от самовластных посягательств Цезаря и покончившего с собой после победы последнего в 46 г. до н. э. (его сын Марк продолжал бороться за республику, был в войске Брута и пал при Филиппах). Дурные отношения со Сципионами, объясняемые в поэме завистью, были у Катона Старшего, который со своей демонстративной староримской строгостью вообще гораздо лучше ладил с народом, что со знатью: он служил под началом Сципиона и затем под началом его брата Луция ходил на Антиоха, но не любил обоих и в 184 г., будучи цензором, отобрал у Луция боевого коня, что было уже вовсе скандально. На старости лет не ладил он и с мягкосердечным эллинофилом Сципионом Эмилианом (см. след. примеч.), хотя якобы ценил его воинский талант.

¹⁴³ *Вот Эмилиев род...*— Имеется в виду только одна семья Эмилиев — Павлы. Они выделились еще в I Пуническую войну. Сын погибшего при Каннах консула Луция Эмилия, тоже Луций, победитель лигуров и македонского царя Персея, имел

четырёх сыновей. Второго из них (род. 185 г. до н. э.) усыновил Публий, сын Сципиона Африканского, — это и есть Сципион Эмилиан, сохранивший любовь к родному отцу до самой его смерти (160 г. до н. э.), что особенно подчеркнуто Цицероном в «Сне Сципиона».

¹⁴² ...*круче, чем некогда ты...* — Схолиаст: «Это может быть дурно понято, так что надобно выкинуть».

¹⁴³ ...*наблюдаю жестокого Суллы...* — Луций Корнелий Сулла Счастливец (138–78 гг. до н. э.) был вождем аристократической партии в Риме и очень жестоко управлялся со сторонниками вождя народной партии Мариа посредством массовых проскрипций. При этом он был хорошим полководцем, победившим в 85 г. Митридата Понтийского.

¹⁵⁰ ...*важных Помпеев...* — Прежде всего это Гней Помпей Великий (108–48 гг. до н. э., о нем см. ниже, ст. 166–218 и примеч.), затем его сыновья Гней (воевавший с Цезарем и убитый после поражения при Мунде в 45 г.) и Секст (захвативший Сицилию, воевавший с Октавианом и Антонием, но в конце концов убитый этим последним в 35 г.). Однако к «важным Помпеям» следует отнести и Квинта Помпея, в 75 г. завоевавшего Вифинию и получившего титул «Вифинский», — он доводился близким другом Цицерону и умер своею смертью в 48 г., будучи вместе со своим родичем Помпеем Великим на пути в Египет.

^{150–152} ...*честного Брута...* — Марк Юний Брут (85–43 гг. до н. э.), друг Цицерона и один из убийц Цезаря, который был по слухам его фактическим отцом. Этим (хронологически нереальным) преданием и объясняется, вероятно, выражение «*в ужасе зрю*», потому что сам Цезарь был Петрарке не слишком симпатичен (см. след. примеч.). Ср.: *Флор*, IV, 6–7.

^{153–154} ...*Цезарев род над всею вселенной станет владыкою.* — Хронологическая непоследовательность, так как ниже повествуется о более ранних событиях.

^{150–163} *Землепашец, отъятый от плуга...* — Речь идет о Гае Марии (156–86 гг. до н. э.), знаменитом полководце, действительно родившемся и выросшем в деревне и не получившем образования. В 109 г. он победил нумидийского царя Югурту, в 107 г., будучи консулом, окончательно его разбил, в 104 г. был снова избран консулом, чтобы защитить Италию от угрожавшего ей с севера нашествия кимвров и тевтонов: тевтоны были разбиты в 102 г. на берегу Роны у Секстийских Ключей (ныне Эде-Прованс), однако вместе с кимврами вторглись в Северную Италию и были окончательно разбиты лишь на Равдийских полях в 101 г. Цицерон говорит о нем: «Марий дважды избавил Италию от осады и угрозы порабощения» («Против Катилины IV», 10, 21). У Петрарки последовательность событий неотчетлива: спасение Лациа предшествует походу в Галлию (ср.: *Флор*, III, 3). Позднее Марий участвовал в гражданской войне против Суллы. Ст. 159 переведен по конъектуре Коррадини.

^{166–172} *К тайному краю земли...* — Здесь начинается рассказ о Помпее Великом, который совершил первые свои подвиги еще под началом Суллы, а после его смерти в 77 г. до н. э. отправился в Испанию, захваченную марианцем Серторием, к 71 г. завоевал ее и наладил местное управление, жестоко расправляясь с остатками марианцев как в Испании, так и в Риме. *Таг* (Тахо), *Ибер* (Эбро) и *Бегис* (Гвадалквивир) — реки в Испании, здесь означают Испанию в целом, как Тибр означает Рим. Особую симпатию Петрарки к Помпею следует пояснить. Во-первых, Помпей считался последним республиканским полководцем, защищавшим, пусть безуспешно, древние свободы от тирании Цезаря, а Петрарка был убежденным республиканцем (хотя многие годы жил при дворах королей и тиранов). Во-вторых, главным источником Петрарки по римской истории был Тит Ливий, восхищавшийся Помпеем до такой степени, что Октавиан Август в шутку прозвал его «помпеянцем», — об этом прозвище Петрарка мог не знать (оно сохранено Тацитом), и написанное Ливием о Помпее сохранилось лишь в пересказе, но следует учесть, что согласующиеся с его собственными взглядами мнения Петрарка (как и любой человек) улавливал и домысливал с особенной легкостью.

¹⁷⁶ *Жизнь коротка...* — Переделка крылатой септениции: «Искусство долговечно, жизнь коротка» (восходящей к Гиппократу, у которого, правда, она имеет другой смысл: «обучение (медицинскому) искусству долго, а жизнь коротка»). Этот пример очень ярко демонстрирует присутствующую в поэме тенденцию к афористичности, естественно объясняемую тем, что главным образцом эпической поэмы была для

Петрарки «Энеида», представлявшая собою для античного и средневекового читателя неисчерпаемую кладезь афоризмов.

¹⁷⁹ *Если бы всем временам...*— Эта строка исправлена Коррадини в соответствии с замечанием схоластика: «Или текст тут испорчен, или следует читать»,— и следует исправленный стих.

¹⁸⁴⁻²⁰⁷ *Дел несчетных его...*— Здесь продолжается рассказ о подвигах Помпея. Ср. у Цицерона: «Подвигами его и доблестью съединились все страны, над которыми ходит солнце» («Против Катилины», IV, 10, 21) — т. е. Африка, Европа и Азия. Помпей праздновал триумф трижды: в честь победы над нумидянами (еще при Сулле), в честь завоевания Испании (71 г. до н. э.) и после восточного похода (61 г.), причем никакой скромности не проявлял (особенно в последний раз), а затем занимался преимущественно делами триумвирата и, наконец, гражданской войной — Петрарка опять меняет последовательность событий. Блистательно победив в 67 г. до н. э. киплийских пиратов, которые много десятилетий хозяйничали в Средиземном море и которых никто не мог одолеть, Помпей пошел войной на понтийского царя Митридата и в этом походе покорил множество царств и племен, хотя опять-таки не в той последовательности, в какой их перечисляет Петрарка (ср.: «Энеида», VI, 795–800).

¹⁸⁴ *...армян двуплеменных...*— Т. е. жителей Великой и Малой Армении, границей между которыми был Евфрат (этот эпитет традиционно применялся античными авторами к армянам).

¹⁸⁵ *...каппадокия...*— жителей Каппадокии, гористой страны в Малой Азии рядом с Малой Арменией. *Ганг многоводный* — т. е. морской путь к Индии через Красное море.

¹⁸⁶⁻¹⁹⁹ *...вот так от берегов Ерифрейских...*— Ср. у Флора: «Вся Азия от Красного моря до Каспийского моря и Океана подчинилась воинству Помпея» (III, 5). *Танаис* — Дон, *Меотиды* — Азовское море, *Рифейские вершины* — Уральские горы (эти заселенные когда-то скифами степи представлялись римлянам далеким севером).

²⁰⁰⁻²⁰¹ *Долгой измучась войной... прочь от жизни постылой.*— Митридат лишил себя жизни в столице Восторского царства Пантикапее (Керчь), некоторые страны были обращены Помпеем в римские провинции, в других он оставил царей, но сделал их зависимыми от Рима.

²⁰² *...врата Каспийские...*— Горный проход к морю близ нынешнего Дербента, за которым лежала завоеванная Помпеем кавказская Албания.

²⁰³ *...благодуханный край сабеев...*— На юге Аравии, откуда вывозились благовония (родина царицы Савской).

²⁰³⁻²⁰⁴ *...заповедный храм...*— Т. е. Иерусалимский храм (Иерусалим был взят Помпеем в 64 г. до н. э.).

²⁰⁵⁻²⁰⁷ *не прельстят бойцов...*— Петрарка следует Цицерону: «После взятия Иерусалима Гней Помпей — победитель! — ничего себе не присвоил из тамошнего храма» («За Флакка», 28, 67). Однако схолиаст замечает: «Не знаю, согласуются ли эти три стиха с исторической истиной, если учесть свидетельство Саллюстия, который утверждает, что у Суллы, под чьим началом воевал Помпей, бойцы были корыстолюбивые и алчные».

²¹¹ *...Крит, суверий приют и кормилец...*— Крит почитался родиной Зевса, там царствовал Минос и т. д., но в историческую эпоху этот окруженный мифами остров был захолустным пристанищем пиратов, оставаясь только религиозным центром для греков и отчасти для римлян.

²¹² *...Евбейский берег...*— Т. е. остров Евбея, полосой протянувшийся вдоль побережья Средней Греции. *...Родос с морем и Фебом...*— Родос был крупным торговым портом, имел прекрасную гавань и был знаменит также исполинской статуей Феба («Колосс Родосский»).

²¹⁸⁻²¹⁹ *Но дерзнет ли кто в Океане путь проложить судам?*— Ср. у Флора о Цезаре: «Завоевав все на суше и на море, он устремился помыслами к Океану... и двинулся с флотом к Британии» (III, 10).

²²⁸⁻²³¹ *Сколь бы он счастлив был, мощь меча умерив законом...*— В оценке Цезаря Петрарка следует Цицерону, который, признавая военную одаренность полководца, не принимал его как государственного деятеля и называл тираном. Цезарь дей-

ствительно весьма вольно обращался с казенными средствами и пополюял Сенат по своему вкусу.

^{238—239} ...о *Фарсальских смертях*...— См. примеч. I, 52; *Тапс* — городок в Африке (близ Туниса), у которого Цезарь добил остатки помпейцев (46 г. до н. э.); *Мунда* — городок в Испании (близ Кордовы), у которого Цезарь разбил войско сыновей Помпея (45 г. до н. э.). *О брани злой Ефирейской*...— Здесь текст испорчен, так как речь явно идет не о сожжении Коринфа (поэтич. «Ефира») в 146 г. до н. э. Допустимо чтение «Филиппейской» (сражение при фракийских Филиппах, где в 42 г. до н. э. была разбита армия Брута и Кассия). *О том, как кровь Капитолий влажнила*...— Можно полагать, что Петрарка имеет в виду убийство Цезаря заговорщиками (44 г. до н. э.), которое произошло в заседании Сената (хотя в действительности Сенат заседал в тот день не на Капитолии, а при Помпеевом театре на Марсовом поле), но, возможно, речь идет о терроре во время гражданской войны, когда проскрипции стали поводом для убийства множества римлян.

²⁴¹ ...родич великий...— Гай Октавий, внук сестры Цезаря (63 г. до н. э.—14 г. н. э.). Не имевший прямых наследников Цезарь усыновил его, и он стал зваться Гай Юлий Цезарь Октавиан, а в 27 г. до н. э. получил титул Август (букв. «святовышний»). Он восстановил порядок в изнуренном гражданскими войнами государстве, которым с 30 г. до н. э. управлял единолично — при нем совершился переход от «республики» к «империи» (оба эти термина приобрели свое современное значение позднее).

²⁴³ ...дерзкий Египет смирит...— Египет был последним оплотом противостоящих Октавиану сил: там правила царица Клеопатра со своим супругом, римским полководцем Марком Антонием (бывшим союзником Цезаря, а затем Октавиана, тоже желавшим единоличной власти, но на восточный лад). Египетское войско было разбито в морском сражении при Акции в 31 г. до н. э., Антоний и Клеопатра лишили себя жизни — и это было концом гражданской войны. Клеопатра была из македонской династии Лагидов (Птолемеев), но признак царской власти связывался в сознании римлян с варварством — ср. у Вергилия:

Войску знак подает царица египетским систром...
(«Энеида», VIII, 696)

^{247—248} *Истр* — Дунай. ...*страну под светом обеих Медведиц*...— Германия. В наследство от прежней разрухи Августу достались войны в Паннонии (на Дунае), в Германии, в Испании (см. ст. 253) и на парфянской границе, однако их выигрывал уже не самолично Август, а его полководцы. Тройной триумф за победы в гражданской войне (в Далматии, при Акции и в Египте, хотя битва при Акции и была победой над Египтом) Октавиан праздновал три дня подряд в 29 г. до н. э.— Петрарка опять путает последовательность событий.

^{255—256} ...в *дому двуликого Януса*... *дверь закроется*...— Когда хоть где-нибудь шла война, двери в храме Януса (бога входа и выхода, изображавшегося двуликим) оставались открыты, а римляне воевали хоть где-нибудь почти всегда. При Октавиане Августе храм Януса несколько раз запирался (впервые — после Актийской победы), и выражение «Августов мир» было расхожим.

²⁵⁸ ...из объятий любезной супруги...— Ливии, с которой Август прожил больше 40 лет и к которой обратился с предсмертными словами: «Живи с памятью о нашем супружестве, Ливия, — и процвай!» (*Светоний*. «Божественный Август», 99).

²⁵⁹ ...отступает счастье от Рима...— После Августа Империей правили Тиберий, Калигула, Клавдий и Нерон, из которых только Клавдий был удостоен посмертного титула «божественный», так как при общепризнанной неспособности к ведению государственных дел отличался, по крайней мере, личной безвредностью. После Нерона некоторое время шла гражданская война между претендентами, завершившаяся победой Веспасиана, первого императора династии Флавиев (69 г. н. э.).

^{266—271} *Вот зрю равно благородных сына с отцом*...— Т. е. Веспасиана и его старшего сына Тита. Веспасиан с 67 г. подавлял восстание в Иудее, но Иерусалима взять не успел, так как был провозглашен императором и отправился в Рим, оставив на своем месте Тита, который в 70 г. взял Иерусалим и отпраздновал общий с отцом триумф. Недолгое правление Тита, умершего лишь двумя годами позже отца (79—81 гг.), доставило ему от римлян прозвище «утешение рода людского» (*Светоний*.

«Божественный Тит», I) — и в истории он навеки остался образцовым в нравственном отношении правителем.

^{271—273} *Ерусалим от них падет...*— Разрушение Иерусалима совершилось после начала христианской проповеди и воспринималось христианами как правое возмездие «жестоковыйным» иудеям.

^{276—278} *... чужаки, испанцев и афров отродье.*— Петрарка имеет в виду так называемых солдатских императоров III в. н. э. и позднейших христианских правителей Римской империи, которых и перечисляет без всякой хронологической последовательности в одном из писем «К домашним»: «Если уже воспретили парки, чтобы Ромулова рода были кесари, восторги нам, Фортуна, хоть Феодосиев из Испании, хоть Северов из Африки, хоть Филиппов из Аравии, хоть Александров из Сирии» (20, 2). Множественное число здесь уничижительное, т. е. понимать следует «хоть каково-нибудь аравийского Филиппа» и т. д. Неясно, почему Петрарка от Тита переходит прямо к Сентимию Северу, пропустив золотой для Империи век династии Антонинов (от Нервы и Траяна до Марка Аврелия), — возможно, это подкрепляет концепцию непрерывного упадка, в котором еще допустим один перерыв (Веспасиан и Тит), по два перерыва уже компрометируют концепцию. Высказываемое порой мнение, что испанским отродьем Петрарка именует родившегося в Испании Траяна, абсурдно — Траян входил в число образцовых императоров наравне с Августом и Титом.

²⁹⁰ *...сириянин томный...*— Александр Север (см. предыдущее примеч.).

^{291—293} *...гала свирепый... болтливый грек... далмат... Бореево племя...*— Галл — Карл Великий («Старческие письма», 20, 1); *далмат* — Максимин Фракиянин (там же); *Бореево племя* — Оттон и его преемники (там же). Хронологическая последовательность не соблюдается: Александр правил в 222—235 гг., Карл Великий в 800—814 гг., Максимин в 235—238 гг., Оттон в 962—973 гг. — но это для Петрарки норма и никакие гипотезы, противоречащие собственному свидетельству поэта, не выравнивают этот перечень до соответствия исторической последовательности правлений. Предположения можно строить только о *болтливом греке*: вероятнее всего, это Юлиан Отступник (361—363), почти не знавший латыни, но бывший превосходным греческим оратором.

^{307—312} *...в усобице лютой вздымет чернь клинки, и когда бы знатный отвагой доблестный муж...*— Не совсем ясно, о каком «доблестном муже» идет речь. Петрарка, чьи письма и малые поэмы часто дублируют или (реже) поясняют многие пассажи «Африки», в данном случае молчит. Комментаторы полагают, что имеется в виду «усобица», затеянная самозваным «трибуном» Кола ди Риенци, причем, по мнению большинства, «доблестный муж» и есть Кола ди Риенци, объявивший Рим республикой и пытавшийся вернуть ему не только прежнюю славу, но и прежнюю власть. Только Коррадини считает, что Петрарка говорит о Стефане Колонна, с которым был дружен и который погиб в результате упомянутого «древнеримского» переворота. Мнение Коррадини никак нельзя признать верным: «доблестный муж» не погибает, а усмиряет мятеж. Первый мятеж Кола ди Риенци подавлял (и тогда погиб Стефан Колонна), через две недели вспыхнул новый и «трибуну» пришлось бежать, через три года он вернулся, но вскоре при активном участии семейства Колонна вспыхнул третий мятеж и «трибун» был убит — выходит «доблестным мужем» может быть или он сам, или какой-то Колонна (но не Стефан), способствовавший его ниспровержению, причем последнее вероятнее, так как первый мятеж был усмирен очень ненадолго. — однако среди родичей Стефана никто особенно не выделялся. С другой стороны, хоть Петрарка и дружил с семьей Колонна, но некоторое время активно переписывался с Кола ди Риенци — их объединял «древнеримский патриотизм», которым так проникнута «Африка». Итак, любая версия может быть подкреплена аргументами, но еще скорее опровергнута. Между тем первое, что должны были бы утверждать интерпретаторы, это что ст. 307—312 являются позднейшей вставкой. Как известно, первые четыре песни были готовы к 1341 г. — получив лавровый венок, Петрарка принялся за пятую. Кола ди Риенци был в ту пору всего лишь подающим надежды молодым нотариусом: переворот он совершил в 1347 г., вернулся в Рим и был убит в 1350. Чтобы упомянуть в поэме о нем (или о Стефане Колонна), Петрарка должен был вставить не менее шести стихов во вполне готовую IV песнь чуть ли не через 10 лет после ее создания, давным-давно разочаровавшись в «трибуне» и раздружившись с Колонна. А если ст. 307—312 написаны

до 1341 г. то они подразумевают какие-то более ранние события — городские распри были для Рима нормой, о чем ясно сказано в ст. 304. События эти, судя по краткости упоминания о них, были достаточно широко известны. Возможным представляется предположение, что Петрарка имеет в виду полководца Стилихона, который в начале V в. н. э. умелым посредничеством спасал остатки «сущих римлян» от истребления. Стилихон был покровителем Клавдия Клавдиана, хорошо известного в средневековой Европе, и тем самым тоже был известен, так как Клавдиан писал ему панегирики, — правда, замирителем ни в одном из них Стилихон не представлен, так что хотя он больше подходит на роль «доблестного мужа», чем Кола ди Ренци, однако и эта версия остается гипотетической. Ясно лишь то, что речь идет об эпохе, когда в Риме рядом с «сущими римлянами» (коренными жителями Рима) обреталось множество опасных для них не-римлян, — и самоочевидно, что таковыми были состоящие на императорской службе германцы, которые в случае резни без сомнения одержали бы верх над мирными обывателями. Хронологическое пространство поиска чрезвычайно обширно: уже до взятия Рима Аларихом императоры держали на службе «варваров» (сам Стилихон был вандалом), армии же средневековых императоров-германцев были сплошь «варварские». Сложность толкования заключается в том, что Петрарка говорит о хорошо известной ему городской расправе, не завершившейся кровопролитием благодаря хорошо известному герою, и не сомневается в общеизвестности события — а для комментатора задача выбрать из многих мятеежей один оказывается практически неразрешимой.

³²⁴ ...*хотя и во прахе...* — Схолиаст: «Пусть в осколки разбитый».

^{330–331} ...*их в спину лучистым стрелалом Люцифер гонит, но тень от двоих единая зрима.* — Ср. описанный Овидием уход Орфея с Евридикой из подземного царства («Метаморфозы», XI, 1–66). Когда Орфей, уже потеряв Евридику, бредет по Родопским горам, то «в спину ветер его холодным тычет стрелалом».

³³³ ...*круглый Кинфии лик...* — Луна отождествлялась с Дианой (Артемидой), рожденной на делосской горе Кинфе. По поводу ст. 332–333 схолиаст замечает: «Эти два стиха, по-моему, оставлять не следует, ибо они не имеют касательства к поэме».

³⁴⁴ *Все, что взросло, умрет и всякая младость увянет...* — Ср. у Саллюстия: «Все рожденное умирает и все возросшее стареет» («Югуртинская война», 2). Схолиаст по поводу слова «увянет» замечает: «Слово сие вовсе не подходит ни к чему молодому, ибо „увядать“ значит то же самое, что „разрушаться“, а потому скажи „и состарится всякая младость“».

³⁴⁹ ...*вы — словно тень, словно прах...* — Ср. в оде Горация к Манлию Торквату:

Но в небесах луна за луной обновляет ущербы —
мы же, нисшедшие в сень,
где благочестный Эней, где Тулл и Анк пресвятые
в прах обратимся и в тень.

(IV, 7, 13–16; рифмы в переводе
воспроизводят рифмы оригинала)

^{353–354} *Взгляни отсюда, как мало держит земли в рубежах держава жалкая наша...* — Ср. у Цицерона: «Земля показалась мне до того малой, что пожалел я о нашей державе, которая виделась словно была точкой на шарике» («Сон Сципиона», XVI, 16).

^{360–408} *Много ль величия в сем?* — Ср. у Цицерона: «Да и какую честь можешь ты стяжать от молвы людской, какую возделенную славу? Ты зришь, сколь редки и тесны на земле обитаемые страны, но и сии обжитые людьми, словно бы пятна, располосованы обширными пространствами пустынь, а посему насельники оных стран (...) разделены настолько, что никаких сношений между собой иметь не могут (...) Притом ты видишь, что эта твои земля окружена и обгята словно бы поясами, из коих два, наиболее отдаленные друг от друга и — каждый со своей стороны — подпирающие небесные полюсы, скованы, как ты и сам примечаешь, льдами, а средний и самый широкий пояс иссушен солнечным жаром. Обитаемы два пояса, но из оных к южному, жители коего при хождении обращены к вам подошвами, вы не имеете никакого касательства, а что до другого, прилежащего северу пояса, где вы и обитаете, то гляди сам, сколь узкою полоскою достигает он вас. Воистину, вся населяемая вами земля (...) есть лишь островок, омываемый морем, которое вы у себя на

земле зовете то Атлантовым, то Великим, то Океаном, однако же ты и сам видишь сколь оно — при таковых-то своих именах! — мало. Так неужто из сих знакомых и обитаемых краев твоя или вообще хоть чья-нибудь слава сумела перепагнуть через этот вот Кавказ или переплыть этот вот Ганг, которые ты созерцаешь? Неужто хоть кто-то в чуждых краях на дальнем востоке или на дальнем западе или на дальнем севере услышит звук имени твоего? (...) Ты и сам отлично видишь, сколь тесны пределы, в коих можно распространиться вашей славе. Да и люди, которые ныне о вас говорят, — долго ли им осталось говорить?» (Там же, XIX, 20—XX, 22)

^{377—379} ...как гласили азияне древле...— Ср.: «Илиада», I, 423; XXIII, 206; «Одиссея», I, 23; IV, 84. Гомеровское предание о непорочных эфиопах, гостеприимцах богов, прочно укоренилось во всей античной литературе (т. е. и в латинской также), хотя часто с отсылкой к авторитету Гомера.

³⁹⁹ Тапробана — Цейлон (Шри Ланка).

⁴⁰⁰ Гибернийские брега — Ирландия. Обозначение четырех стран света конкретными (но, по возможности, дальними) ориентирами было устойчивой традицией в античной, особенно латинской, поэзии.

^{413—437} После кончины жить...— Ср. у Цицерона: «Итак, если ты хочешь устремить взоры горé и созерцать сию обитель и вечное пристанище, то не внимай толкам толпы и не уповай получить от людей награду за подвиги твои; надобно, чтобы сама доблесть собственною своею красотою увлекала тебя к истинной славе. Что о тебе скажут другие, то пусть для них же и будет заботою, (...) однако все их разговоры будут замкнуты в тесноте наблюдаемых тобою стран, и никакая молва не навек, но вместе с людьми ложится в могилу и, забвенная потомками, истлевает» («Сон Сципиона», XXIII, 25). Ст. 420 переведен по конъектуре Коррадини.

^{441—443} Зрю сквозь веков череду, как родится в пределах Этрусских...— Петрарка, мало бывавший во Флоренции и чувствовавший себя дома только в Воклюзе, тем не менее всегда именует себя флорентийцем. Флоренция находится в Тоскане, т. е. в Этрурии (этруски назывались также «тусками», в поэме второму названию отдается почти абсолютное предпочтение). Энниеж новым.— См. примеч. I, 1.

^{445—446} ...привел еще без ладу и складу ненаряженных муз...— На протяжении поэмы Энний неизменно квалифицируется как «грубый» поэт. Этот эпитет почти всегда передается словом «rudis» и предположительно мог первоначально иметь в качестве дополнительного значения указание на родину поэта — калабрийский город Рудии (Rudiae), жители которого обычно назывались «рудины» (Rudini), но «Энний из Рудий» по-латыни звучало как «Ennius rudis» — и это же значило «грубый (неотесанный, необразованный) Энний». Кроме того, слово «rudis» значило «дубинка, «тросточка» — при том что «scirio» значило «посох», а Энний был в дружбе со Сципионами, особенно с Публием Африканским (Старшим). Не исключено, что относимый к Эннию некоторыми позднейшими римскими поэтами эпитет «грубый» (а в этом Петрарка следует за Горацием, Овидием и Стацием) имеет источником современный Эннию — и тогда скорее всего его же собственный — каламбур, что-нибудь вроде: «Ennius rudis Rudis venit ad Scipionem» — «Энний-посошок (рудис) из Рудий (рудис) пришел к Сципиону (посоху)». Неискушенность (грубость) Энния воспринималась как изъян Петраркой, очень мало знакомым с его поэзией, но не гораздо более образованными и пристрастными ценителями золотого и серебряного веков римской литературы — ср. у Овидия («Скорбные элегии», II, 424):

Энний, что груб ремеслом и вдохновеньем велик.

Здесь проявляется старая традиция «двойного счета» при оценке поэта: по вдохновенности (ingelium) и искусственности (ars) — слишком очевидный недостаток того или другого воспринимался как несомненный изъян, однако вдохновенность была даром богов, а искусственность зависела от выучки. Энний был очень ученым поэтом, но ученость его была греческая, так как латиноязычная литература его времени находилась в эмбриональном состоянии — от нее он ничему научиться не мог, т. е. в латинском контексте оказывался «самородком», чья отвлеченная неискушенность вполне компенсируется первопродходческими заслугами. Примечателен отзыв о нем Квинтилиана (I в. н. э.) — одного из самых придирчивых теоретиков изящной словесности: «Надлежит чтить Энния, словно священные ветхостью дубравы, в чьих

древних могучих стволах не столько стройности, сколько святости» (X, 1, 88; характерно, что и тут с Эннием ассоциируется некая «стоеросовость»).

⁴⁵⁷⁻⁴⁶⁵ Пусть сохранить иные писанья...— Ср. у Цицерона: «Пусть бы пожелали грядущие поколения из рук в руки передать потомкам своим предания (...) нашей славы, все равно из-за потоков и пожаров, которые непременно в назначенный срок опустошают землю, не только вечной мы не можем стяжать славы, но даже и долговременной» («Сон Сципиона», XXI, 23). Цицерон излагает здесь пифагорейскую теорию космических периодов, подробно развитую Платоном в «Тимее»,— Петrarка понимает пожар и потоп гораздо конкретнее (половодье, засуха) и добавляет к этим бедствиям главные бедствия своего времени: чуму и постоянные войны.

⁴⁶⁶⁻⁴⁸¹ Мало ли было преславных мужей...— Ср. II, 413-437 и примеч. Petrarка на новый лад пересказывает Цицерона, чтобы тут же предложить своему герою более приятную альтернативу, оправдывая ее в ст. 496-500.

⁴⁸⁷⁻⁴⁸⁸ Словно в солнечный день неотступная тень за идущим следует...— Ср. у Цицерона: «Право же, хоть слава сама по себе не достойна вожделений, но за доблестью она следует неотступно, словно тень». («Тускуланские беседы», I, 45, 109).

⁵⁰⁸⁻⁵⁰⁹ ...сколь подобает тебе Сципиона имя...— Т.е. буквально его значение, «посох». Ср. латинскую поговорку: «Nomen — omen» («Имя — судьба»). Новое прозвище — титул «Африканский».

⁵¹⁰⁻⁵¹⁶ Дам и другой совет...— Ср. похвалу дружбе у Цицерона («Лелий, или О дружбе», V, 18-VI, 22 — редкий случай, когда Цицерон выражается пространнее Petrarки).

⁵¹⁸ Лелий — Гай Лелий, способный дипломат и военный, ближайший друг Сципиона.

⁵²¹ ...явится Лелий второй...— сын и тезка старшего Лелия, ближайший друг Сципиона Эмилиана, за свою приверженность философии прозванный Мудрым и давший имя трактату Цицерона «О дружбе» (см. примеч. II, 510-516).

⁵²⁴ ...Лелия дружбу...— Сам Petrarка называл своего близкого друга Лелло ди Пьетро ди Стефано деи Тосетти Лелием, так что это имя действительно было почти нарицательным.

⁵²⁶⁻⁵²⁷ ...друга-плебса не презирай...— Ко времени II Пунической войны древнее кастовое различие между патрициями и плебеями стерлось, римская вельможная знать состояла из тех и других и употреблялось слово «плебей» в близком к современному смысле — «низкородный». Семейство Лелиев, хотя и приписанное к римскому плебсу, было не римского происхождения — предполагается, что они были греки из Тибуря, греческого города в Лацио, находящегося под «отеческой опекой» могущественного рода Сципионов, и во всяком случае были под этой опекой (патронатом) в качестве римских граждан. «Второсортность» Лелиев объяснялась их клиентской зависимостью (подопечностью), отчасти сходной с вассальной. Старший Лелий удостоился первой гражданской должности только после победоносного возвращения Сципиона в Рим, однако уже в 190 г. до н. э. делил консульство с Луцием Сципионом и так сделался «первопричинником знатности» (princeps nobilitatis) для своего рода.

⁵²⁸⁻⁵³⁰ ...порой возвышались из подлого званья...— Ср. у Горация:

Мужей несчетно число, что родились от низкого рода,
честью прожгли жизнь и почетом возвышены в знатность.

(«Сатиры», I, 6, 10-12)

⁵³¹⁻⁵³⁴ Так он сказал, а сын в ответ...— Ср. у Цицерона: «Когда он все мне высказал, я говорю ему: «Право же, о победитель Африки, ежели для хорошо послуживших отечеству граждан открывается как бы торная дорога в небеса, то я — хоть и шед от отчужденных моих лет по столам отцовым и твоим, славы вашей отнюдь не пороча, — все-таки теперь, зная об обетованной мне великой награде, сделаюсь в усердии моем еще ретивее» («Сон Сципиона», XXIV, 26).

⁵³⁹⁻⁵⁴⁹ Стыдно сказать...— После победы над Антиохом (см. примеч. II, 121-123) Луций и Публий Сципионы были обвинены в том, что царь добился от них мира подкупом. Вина их доказана не была, но репутация пострадала настолько, что Публий Сципион ушел в добровольное изгнание и поселился в своем поместье близ Литерна (городка в Кампании), где и умер около 183 г. до н. э. Эта история подробно

изложена у Ливия (XXXVIII, 52–54 и др.), однако о надгробной надписи Ливий не сообщает — здесь источником Петrarки явилась книга ритора Валерия Максима (I в. н. э.) «О достопамятных деяниях и изречениях», где приводится и сама надпись: «Неблагодарное отечество, пусть даже кости мои тебе не достанутся» (V, 3, 2).⁵⁵¹ ...о *взрастающем брате*...— Т. е. о Луции Азиатском (см. предыдущее примеч.).

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

5–7 *Зачем я отца дорогого поцеловать не успел?* — Ср. описание встречи Энея с призраком Анхиза у Вергилия:

Трижды пытался отца удержать он, сжимая в объятьях,
трижды из сомкнутых рук бесплотная тень ускользала,
словно дыханье, легка, сновиденьям крылатым подобна.

(«Энеида», VI, 700–703).

¹⁵ ...*двоюродный милый?* — Публий Корнелий Сципион Назика, сын погибшего в Испании Гнея, доставивший в Рим кумир Идеической Матери богов (204 г. до н. э.), консул 191 г. до н. э., вместе с Глабрионом разбивший Антиоха у Фермопил (см. примеч. II, 134). Способный военный и честный политик, Сципион Назика тем не менее никогда не «упреждал доблестью» Сципиона Африканского, так что стих иллюстрирует еще одну добродетель героя — скромность.

^{20–21} ...*прости отчизне злодейство*...— Ср. новозаветное «Отче! прости им, ибо не знают, что делают» (Евангелие от Луки, 23, 34).

^{25–32} *Что с тобою вдвоем мы свершили*...— Ср. у Ливия: «Луций Сципион со множеством знатных пленников был послан в Рим возвестить, что Испания отвоевана, но хотя прочие премного радовались и повсюду хвалили совершенное дело, один совершитель оного дела в ненасытности своей к доблести и к сущей славе почитал завоевание Испанских земель мелочью сравнительно с тем, к чему устремлялись упования и величавость духа его, — и уже взирал он на Африку и на великий Карфаген словно на средоточие славы этой войны, от коей будет ему честь и прозвание. Итак, рассудив, что надобно заранее приготовить и стяжать расположение царей и народов, положил он первым из царей привлечь к себе Сифака. Тот был царем массесилов: массесилы, соседствующее с маврами племя, обитают как раз напротив той части Испанского побережья, где стоит Новый Карфаген, а царь их в ту пору был в союзе с карфагенянами, однако же Сципион, предполагая союз этот ничуть не более крепким и ничуть не более святым, чем все вообще союзы у варваров, верность коих всецело зависит от удачи союзника, посылает к Сифаку Гая Лелия с дарамми для переговоров» (XXVIII, 17).

⁵² *Истр* — Дунай.

⁷⁰ ...*имя Сифака?* — Это имя (одинаково передаваемое греческими и латинскими источниками) представляет собой своеобразную загадку. «Сифаками» называют обитатели Мадагаскара почитаемых ими лемуров (название звукоподражательное, так как крик лемура состоит из присвиста со щелчком), однако Мадагаскар был открыт португальцами лишь в 1506 г. и древним известен не был. С другой стороны, мы знаем, что карфагенские мореплаватели заплывали вдоль побережья Африки далеко на юг и что сведения об этих плаваниях лишь частично были унаследованы греками и римлянами. Никак не исключая возможности простого звукового совпадения, допустимо предположить (сознавая всю фантастичность этой гипотезы!), что до Северной Африки доходили — хотя бы в форме преданий — известия о мудрых сифаках и что эти известия отразились в североафриканской антропонимике. Исторический Сифак был царем западных нумидян (массесилов), в 213 г. до н. э. выступил против карфагенян и тут же получил от старших Сципионов предложение о военном союзе, которое принял. Гибель Сципионов и поражение, которое Сифак потерпел от Массиниссы, бывшего тогда в союзе с Карфагеном, совершенно изменили расстановку сил, но могущество Сифака не слишком умалилось поражением — и поэтому молодой Сципион решил снова переманить царя на свою сторону.

⁸¹ ...*вежествен словом*...— Перевод по конъектуре Коррадини.

⁸⁹ *...царский чертог осиян...*— Здесь Петрарка в первый (но не в последний) раз в подражание Вергилию обрывает строку. Оборванные (чаще всего на цезуре) стихи «Энеиды» отличались такой завершенностью, что никому впоследствии не удавалось продолжить их достойными стопами, однако происхождение этих обрывов было случайным — Вергилий умер, не успев довести до конца работу над поэмой, в том числе и над некоторыми отдельными ее стихами. Тем не менее огромное значение «Энеиды» для античной и средневековой словесности придало этой случайной особенности статус художественного приема, так что неполностопные гексаметры Петрарки имеют целью продемонстрировать его следование вергилианской традиции.

⁹⁰ *...блеском наряжен лучей...*— После этой строки Феста отмечает лакуну, хотя для этого нет серьезных оснований. Описание чертогов Сифака отчасти перекликается с описанием карфагенского храма Юноны в «Энеиде» (I, 441–493), где на стенах изображены картины Троянской войны.

⁹⁷ *Атлас, когда еще не был горой...*— Имеется в виду сохраненное Овидием предание о том, что Атлант был царем Мавритании и знатоком звездочетной науки, но отказал в гостеприимстве Персею и тот обратил его в камень (в Атласские горы), заставив его глянуть на голову Горгоны Медузы («Метаморфозы», IV, 627–661), — это предание несколько расходится с более традиционным, изображающим титана Атланта антропоморфным и бессмертным обитателем садов Гесперид, несущим на плечах небесный свод. Версия «Метаморфоз» отражена в «Граде Божьем» бл. Августина, совмещающего ее с традиционной: «Атланта рисуют держателем небес, ибо он первым начал наблюдать бег Солнца, Луны и звезд» (XVIII, 8). В переводе для удобства читателя мифологический герой называется Атлантом, а горный хребет — Атласом (такая дивергенция имен восходит к тому же Августину, называющему двух тезок — ветхозаветного царя и христианского апостола — соответственно несколькими именами «Saul» и склоняемым «Saulus», ср. русское «Саул» и «Савл»).

⁹⁸ *Тускло светит один на радость хладному старцу...*— Сатурн, единственная планета, покровительствуемая представителем старшего поколения владык мира, низвергнутым титаном Сатурном (Кроносом), отцом Юпитера (Зевса).

⁹⁹ *...грозно рдеет другой...*— Марс.

^{99–105} *...а вот этот словно ласкает...*— Юпитер, которого Петрарка часто отождествляет с Единым Богом в ипостаси Отца (и потому здесь приписывает ему кропотливость).

^{105–107} *По соседству... две звезды...*— Венера в утреннем (Люцифер) и в вечернем (Геспер) восхождениях. После ст. 107 или во всяком случае после ст. 110 необходимо предположить лакуну, так как в перечне планет пропущен Меркурий, которого естественнее всего упомянуть до Луны, закономерно завершающей перечень, хотя допустимо сделать это хотя бы под конец. Установить точное место лакуны по тексту не представляется возможным: как в ст. 107, так и в ст. 110 клаузула совпадает с концом предложения. Согласиться с Коррадини, утверждающим, что поочередно восходящие планеты суть Венера и Меркурий, никак нельзя: в восхождении этих планет нет очередности, а Венера притом всегда изображается именно как двойная звезда, причем звезда любви — Геспер.

^{111–135} *...череда многообразных тварей...*— Знаки Зодиака, уже упомянутые в ст. 93, а здесь порой соотносимые с соответствующими мифологическими сюжетами.

^{113–115} *Первым стоит Овен...*— Созвездие Овна свлзывалось с мифом о бегстве в Колхиду детей фиванского царя Афананта Фрикса и Геллы, улетевших из дому на волшебном золотом Овне: Гелла по дороге упала в море, получившее за это название Геллеспонт, а овен был вознесен на небеса, хотя золотое его руно сохранялось в Колхиде и было причиной похода аргонавтов. Солнце вступает в созвездие Овна в конце марта, далее созвездия перечисляются в их астрономической последовательности.

^{116–117} *Рядом свирепый Бык...*— Приняв образ быка, Юпитер (Зевс) похитил дочь финикийского царя Агенора Европу, после чего божественная бычья оболочка вознеслась в небо созвездием Тельца.

^{117–118} *...пресветлые лики... Близначев...*— Т. е. Диоскуров Кастора и Поллукса (Полидевка), сыновей Юпитера и амиклейской царицы Леды. В отличие от Овна, Тельца и пр., Диоскуры были реальными для древних богами, которым приносились жертвы и строились храмы.

¹¹⁹ ...*Рак водяной...* — По преданию, этот рак помогал Лернейской гидре в битье с Геркулесом, на небеса же был вознесен ненавидящей Геркулеса Юноной.

¹²⁰ *Лев* — Немейский Лев, также убитый Геркулесом.

¹²¹ *Дева* — отождествлялась с различными божествами и мифологическими персонажами вплоть до Цереры, но чаще с богиней справедливости Дикэ.

¹²² *Далее плечи Весов...* — Созвездие Весов обычно почиталось вознесенными на небо весами справедливости (Девы-Дикэ).

¹²⁴ *Тут Скорпион...* — Легендарный охотник Орион погиб от укуса скорпиона, убитый и убийца превратились в созвездия.

¹²⁵ ...*Фессалийское диво...* — Кентавр Фол, убитый Геркулесом (или кентавр Хярон, также убитый Геркулесом) и вознесенный на небо созвездием Стрельца. Мифологическое предание поселяет кентавров в горах Фессалии.

¹³⁰ ...*легкое тело Козы...* — Здесь Петрарка перепутал зодиакальное созвездие Козерога с созвездием Козы (Капеллы), находящимся рядом с созвездием Возничего. Коза отождествлялась с вскормившей Юпитера козой Амалфеей.

¹³² *Рядом наг и могуч...* — Созвездие Водолея соотносилось с различными мифологическими персонажами вплоть до Ганимеда, кравчего богов. Ст. 132 по конъектуре Коррадини.

¹³⁴⁻¹³⁵ ...*резвятся Рыбы...* — Память о борьбе Юпитера с Тифеем, когда преследуемые Тифоном Венера и Амур, превратившись в рыб, нырнули в Евфрат и так спаслись.

¹⁴¹⁻¹⁴² ... *молниеносец... влечет Идейского отрока...* — Тронутый красотой Ганимеда, пасшего стада на горе Иде близ Трои, Юпитер обратился в орла (или послал своего вестника орла), вознес мальчика на Олимп и сделал кравчим богов. Орел — созвездие северного неба.

¹⁴³⁻¹⁴⁶ *Обок, старостью скорбной согбен...* — Сатурн здесь представлен в двух своих ипостасях: во-первых, он был древним италийским божеством земледелия; во-вторых, он отождествлялся с греческим Кроносом, пожиравшим своих детей, чтобы не быть (как гласило данное ему предсказание) низвергнутым собственным сыном, — Юпитер потому и был вскормлен козой (см. примеч. III, 130), что супруга Кроноса Рея укрыла его, младшего из сыновей, на Крите.

¹⁴⁷ *Тут же дракон...* — Вероятно, тот дракон, который сторожил золотые яблоки Гесперид и был убит Геркулесом, а затем созвездием вознесен на небеса (Дракон — созвездие северного неба). Поколение титанов, царем которых был Кронос-Сатурн, ассоциировалось в мифологии с драконами, змеями и др. хтоническими существами.

¹⁴⁹⁻¹⁵⁵ *Неподалеку виден Нептун...* — Нептун (Посейдон), брат Юпитера, традиционно изображался трубящим в огромную раковину и с трезубцем в руках: этот трезубец давал ему власть над морями и обитающими в морях тварями (*Овидий*. «Метаморфозы», XII, 380). *Тритоны* — морские божества, представляемые в полурыбьем-получеловечьем образе. Морские *нимфы* чаще именуются nereидами, так как приходятся дочерьми морскому богу Нерею.

¹⁵⁴ ...*тут же и конь...* — Нептун почитался хозяином коней, так что даже тритонам придавалось иногда сходство с лошадьми (кентавротритоны). Предание иногда называет крылатого коня Пегаса (см. след. примеч.) сыном Нептуна и Горгоны Медузы, из чего следует, что Нептун мог представляться в ипостаси коня (как Юпитер в ипостаси быка или орла).

¹⁵⁶⁻¹⁵⁸ ...*Аполлон... висками сед добела.* — Тройной возраст Аполлона (отрока, юноши — о юности см. примеч. I, 115 — и старика) символизирует, по мнению Коррадини, быстротечность времени и соотносится с трактатом Петрарки «О презрении к миру» (III, 362) и с некоторыми стихами из «Триумфа времени»: Можно полагать, что Аполлон, не упоминаемый ни в трактате, ни в «Триумфе», предпочтен столь же юному и безбородому Меркурию (ясно, что традиционно бородатые боги вроде Юпитера или Нептуна — а таких большинство — для аллегорической роли седого отрока непригодны), так как является божественным пророком, т. е. в каком-то смысле хозяином времени.

¹⁵⁸ *Священный скакун...* — Пегас, отверзший ударом копыта источник муз Гипокрену (букв. «Конский ключ»). В ранней традиции Пегас соотносится скорее с Нептуном (см. III, 154-155 и примеч.), но поздняя рефлексия связала его через

муз с поэтическим вдохновением и соответственно с Аполлоном, Пегас – созвездие северного неба.

^{160–164} *Рядом невиданный зверь...* – Коррадини полагает, что этот зверь является аллегорией трех периодов истории Рима, как они описаны у Саллюстия в его несохранившейся «Истории» и пересказаны бл. Августином в «Граде Божьем» (II, 18, 5–12): пса Коррадини считает аллегорией добродетельной древности с ее плодотворностью и охранительным рвением, льва – аллегорией силы и гордости вознесшегося после победы над Карфагеном Рима, волка – аллегорией алчности и жестокости времен «упадка». Такое толкование вполне корректно, однако не объясняет, почему тело чудовища – змеиное. Поэтому, не исключая аллегорического толкования, следует отметить, что описание чудовища соответствует традиционному облику Цербера, стража преисподней, трехглавого и змеехвостого сына Ехидны. Эта двойная интерпретация объясняет и подчиненность чудовища Аполлону: Цербер слушается звуков «кифары святой» (ст. 165), хотя чаровал его пением не Аполлон, а Орфей; и при этом три возраста человека (цветущее отрочество, сильная юность, алчная старость) соотносятся с тремя возрастными Рима, одним из покровителей которого был Аполлон Целитель, чей храм стоял на Палатинском холме.

¹⁶⁵ *Кифара* – кифара или лира (различались только числом струн, у кифары их было до девяти, у лиры изначально лишь четыре) были постоянными атрибутами Аполлона, лучника и песнопевца. Лира – созвездие северного неба.

¹⁶⁶ *...Лифон, в Киррейской простергый пещере.* – Дракон, прорицавший в Дельфах («киррейский» значит «дельфийский» по Дельфийской гавани Кирре) и убитый Аполлоном, который учредил в Дельфах свой самый знаменитый – Дельфийский, или Пифийский (по Пифону) – оракул.

¹⁷⁰ *Лавр* – дерево Аполлона, особо почитавшееся в Дельфах (о лавре см. также V, 478–483 и примеч.).

^{174–177} *...младший брат...* – Меркурий (Гермес), рожденный Юпитером от Майи после Аполлона и уже в младенчестве укравший стадо старшего брата и подаривший ему взамен только что изобретенную лиру. Меркурий – покровитель всех коммуникаций: товарных (бог торговли и воровства), словесных (бог красноречия), родственных (приводит невесту к жениху), космологических (проводит мертвых в преисподнюю). Почитается вестником богов и изображается с обвитым змеями посохом вестника, в дорожной шапке и в крылатых сандалиях.

¹⁷⁶ *Бодрствует рядом петух, простерт зарубленный Аргус...* – Мифологическое предание не связывает Меркурия с петухом, который как бдительный вестник восхода соотносится с солнцем. Однако в средневековой эмблематике петух символизировал бдительное бодрствование духа, т. е. у Петрарки он соотнесен с «благородными художествами» из ст. 180. *Аргус* был стоголазым стражем, которого ревнивая Юнона (Гера) приставила к обращенной в корову Ио, возлюбленной Юпитера, – Меркурий по приказу отца зарубил Аргуса, прежде усыпив его игрою на свирели (отсюда прозвище Гермеса «Аргоубивец»), а Юнона украсила глазами Аргуса хвосты своих павлинов (ср. ст. 203).

^{179–180} *...жена молодая...* Филология, аллегорическая супруга покровителя красноречия. *Благородных художеств* (или искусств) насчитывалось семь: грамматика, риторика, диалектика, арифметика, геометрия, астрономия и музыка.

¹⁸¹ *...сестры Горгоны...* – Медуза, Сфено и Евриала, обитающие на заповедном Западе чудовища. Сфено и Евриала бессмертны, Медуза смертна, но и сильнее всех, так как ее взор обращает всякого взглянувшего на нее в камень.

^{182–183} *...тут же Персей...* – По приказу царя Полидекта, приютившего Даная с рожденным ею от Юпитера Персеем, возмужавший Персей убил Медузу с помощью единокровных сестры и брата: Минерва дала ему зеркало, чтобы можно было не глядеть на Медузу напрямик, а Меркурий дал меч (иногда серп) и одолжил крылатые сандалии.

¹⁸⁴ *Каменный рядом старик...* – Атлант (см. III, 97 и примеч.). *...кровью рожденное диво...* – Пегас, по некоторым преданиям явившийся на свет именно при убийстве Медузы (см. примеч. III, 154). *...муз преблагий источник...* – Гиппокрена (см. примеч. III, 158). Персей – созвездие северного неба.

¹⁸⁸ *...обок с ним волк и сильных сестер проклятая стая...* – Волк был посвящен Марсу, как конь Нептуну и т. д., т. е. когда-то был его ипостасью (Ромула и Рема,

сыновой Марса, вскормила волчица). Свитой Марса были Страх, Ужас и Молю (бранные тяготы), но, вероятно, сицильскими сестрами Петрарка называет не этих безликих богинь, а Фурий (Эринний), богинь мщения, так как в Риме особо почитался Марс Мститель.

¹⁹⁰ ...*прозная обо всех грехах... супруги...* — Супругой божественного кузнеца Вулкана (Гефеста) была Венера (Афродита), постоянным возлюбленным которой изображался Марс (отсюда смежность тем победоносного Марса и обманутого Вулкана), но которая дарит своей любовью также и смертных и через свою связь с Анхизом, отцом Энея, именуется у римлян «Родительницей».

¹⁹⁴ ...*Пана великого зришь...* — Первоначально Пан был богом лесов и пастбищ и изображался рогатым и козлоногим бородачом, играющим на изобретенной им свирели сиринге, склеенной из семи прямых тростниковых дудок. Вселенский образ «великого Пана», символа космоса, создавшего звуками своей сиринги гармонию сфер, развился уже в древней Греции при рационалистическом переосмыслении имени «Pan» фонетически сходного с «pan» («всё»). Зычный голос Пана нагонял ужас на врагов (отсюда «паника»), и афиняне, почитавшие его соучастником своей победы при Марафоне, очень способствовали распространению культа этого бога.

^{199–203} *А по соседству царица богов...* — Юнона (Гера) так же, как и Юпитер (Зевс), была дочерью Сатурна (Кроноса) и Реи. *Ирида пестрая...* — радуга, вестница Юноны. *Павлин* считался птицей Юноны, как орел — птицей Юпитера, сова — птицей Минервы (см. ст. 208) и т. д.

^{204–210} ...*а боевом доспехе Минерва...* — Итальянская Минерва, преимущественно покровительствующая ремеслам, была рано отождествлена с греческой Афиной Палладой, тоже покровительницей ремесел, но особенно — искусства войны, а потому изображаемой в военных доспехах, с копьем и со щитом, к которому прикреплена подаренная ей Персеем голова Горгоны Медузы, чей взгляд обращает в камень. *Птица* (или ипостась) богини сова дала повод к известной пословице: «Сова Минервы вылетает в сумерки» (т. е. умственная активность усиливается к вечеру). Дерево богини — *олива* (как у Юпитера дуб, у Аполлона лавр и т. д.), которую она впервые подарила людям в Аттике, где понимается хозяйкой страны (Кекроп — легендарный афинский царь, в поэтическом языке «Кекропов» означает «аттический» или по столице Аттики — «афинский»). Афина — дочь Зевса и Метиды, богиня разума. По совету своей бабки Геи (Земли) Зевс проглотил Метиду, и так уже зачатая им Афина родилась из его головы и не имеет матери, будучи олицетворенным разумом отца. Она девственна и недоступна стрелам Эрота (лат. Амура), сына Афродиты (Венеры), традиционно изображаемого злым озорником.

^{212–213} ...*неславно это рождение ей...* — Существуют две версии рождения Веверы (Афродиты): по одной она дочь Зевса и морской богини Дионы, по другой (которую явно имеет в виду Петрарка) она родилась после оскопления Кроносом (Сатурном) Урана (Неба) — детородный член оскопленного сыном отца упал в море, и из взятной им пены явилась богиня любви.

^{215–218} ...*Три нагие прекрасны девы...* — Грации (Хариты), богини очарования (букв. «милости», «прелести»), сопровождающие не только Венеру, но также муз и других богов, которые без их помощи не могли бы очаровать людей. Традиционно изображаются втроем, держащимися за руки или обнимающими друг друга, как бы готовясь приступить к пляске.

^{219–223} ...*крылатый сын...* — Амур (см. примеч. III, 204–210). Аполлон в мифологическом предании очень часто бывает представлен несчастливым влюбленным, так что трудно сказать, которую из поразивших его стрел Амура имеет в виду поэт.

^{224–226} *Вот Диана...* — Сестра Аполлона девственная Диана (Артемиды) изображена здесь богиней леса и охоты, хотя это лишь одна из ее ипостасей. Ее окружают нимфы деревьев (*триады*) и гор (*ореады*), козлоногие *сатиры* (чаще представляемые свитой Вакха) и итальяские божества полей *фавны* (дриады, ореады и сатиры заимствованы из греческой мифологии).

^{228–227} ...*пастух... сладко хранит...* — Имеется в виду Эндимион, прекрасный пастух, спящий на горе Латмосе в малоазийской Карию. Упоминание о нем косвенно вводит тему «Диана в ипостаси Луны», так как Эндимиона фольклорная традиция представляет любимцем Селены, которая каждую ночь спускается с небес поцеловать вечноспящего юношу. Петрарка изображает сонливого любовника на поляне без всякой

мифологической аллегоричности, как комического персонажа, хотя комизм ситуации сразу обрывается грустным воспоминанием об Актеоне.

^{228–230} *Древле узрел Актеон...* – Фиванский царевич Актеон, охотясь на лесистом Кифероне, нечаянно подглядел купание Дианы, был за это превращен ею в оленя и растерзан собственными псами.

^{230–231} *...тебе же, Дева, за это...* – Здесь текст испорчен, перевод по конъектуре Коррадини. Скифская Дева, действительно, отождествлялась с Артемидой, но требовала не оленьей, а человеческой крови, поэтому скифы якобы приносили своей Диане в жертву чужеземцев (на этом строится сюжет «Ифигении в Тавриде» Еврипида), а в Спарте перед алтарем Артемиды Скифской секли розгами знатных юношей, окропляя их кровью алтарь, – это было сразу испытанием выносливости будущих воинов и своеобразным субститутом человеческого жертвоприношения. Петрарка несколько смягчает кровожадность богини, оставляя миф об Актеоне в традиционном виде, но в порядке некоторой компенсации модифицируя предание о скифских жертвах. Ср. «Ифигению в Авлиде» Еврипида: в развязке Артемида заменяет уже лежащую под занесенным ножом жреца Ифигению ланью, т. е. – как и в случае с Актеоном – замещает человека оленем, однако с противоположной целью – ради спасения человека.

^{232–241} *Вот наконец Кибела-мать...* – Мать олимпийских богов, супруга Сатурна (Кроноса), Рея очень рано была отождествлена с другой Великой Матерью – с фригийской богиней Кибелой. Таким образом, упоминаемая *Ида* может быть не только горой Идой близ Трои (где было главное капище Кибелы, ее «дом»), но и горой Идой на Крите (там в пещере Рея укрывала новорожденного Зевса от ярости прожорливого Кроноса). Кибела изображалась на запряженной львами колеснице (иногда верхом на льве), в пышном на азиатский лад наряде, со «стенной короной» на голове, старше и грузнее прочих («младших по возрасту») богинь. В ст. 238–240 поэт допускает ошибку: в качестве дочери Урана и Геи (Неба и Земли) Рея доводится земнородным гигантам не матерью, а единоутробной сестрой. Правда, расширяя образ Матери до образа Матери-Земли, Петрарка отчасти следует античной традиции – но (при всей склонности древних к отождествлениям) матерью гигантов Кибела при таком отождествлении не оказывалась, так как оно проводилось лишь в культе и не затрагивало священного предания и содержащихся в нем родословий.

^{242–262} *Следом поодаль...* – Основным источником этого описания преисподней является «Энеида» Вергилия (VI, 268–639), хотя девять разделенных стенами кругов (ст. 247–248) явно навеяны «Адом» Данте.

^{242–243} *...на престоле серном владыка лютый подземной страны...* – Дит (греч. Аид или Плутон), брат Юпитера, получивший при дележе Вселенной преисподнюю, как Нептун получил моря, а Юпитер – землю, небо и верховную власть. Сера ассоциировалась с преисподней уже в древности (предположительно из-за серных испарений вулканов).

^{243–244} *...державствует людом Тартара...* – В поэтическом языке Тартар часто означает преисподнюю, хотя в собственном смысле слова так называется область под преисподней (т. е. как бы внекосмическая), где заключены враги олимпийских богов.

^{244–245} *...немилая ликом супруга... уведенная силой* – Прозерпина (Персефона), дочь Цереры (Деметры), характеристика которой заимствована у Овидия («Метаморфозы», X, 15) и вполне соответствует присутствующему в описании преисподней сближению ее с христианским адом: в античной традиции царство Дита, он сам и его супруга не изображались средоточием одних лишь уродств и ужасов. Прозерпина, обитавшая в девичестве на Сицилии, была похищена и взята в жены Дитом (с соизволения Юпитера), когда собирала цветы на лугу близ сицилийского городка Генны, где был ее дворец (этому эпизоду мифологического предания была посвящена популярная в Средние века поэма Клавдия Клавдиана «Похищение Прозерпины»). Однако самым заметным географическим объектом на Сицилии была не заолустная Генна, а близлежащая Этна, поэтому в средневековых манускриптах «этнейский» постоянно подменяет «геннейский» – и во всех рукописных изводах «Африки» фигурируют «этнейские луга». Данный стих исправлен в переводе ради соответствия

реалиям священной истории, хотя, возможно, и Петрарка путал «геннейский» с «этнейским».

²⁴⁶ *Здесь за земные грехи...* — В античной мифологической традиции преисподняя была прежде всего местом, где пребывают души усопших, иные из которых претерпевают казни за совершенные при жизни преступления, а иные вкушают блаженство в Элизии, — но эти оговорки не обязательны и, например, Евридика не страдает и не блаженствует, она просто мертва. Христианин Петрарка, изобразив небеса сущим (хоть и Цицероновым) раем, превращает преисподнюю в юдоль страданий — в VI и особенно в IX песнях это приведет его к путанице, идеологический повод которой полезно отметить уже сейчас.

^{248–250} *...черный Стикс...* — Главная (у Гомера единственная, так как упоминаемые других рек в X рапсодии «Одиссея» считается позднейшей вставкой) река преисподней. У Вергилия Стикс в своем слиянии с Коцитом образует болотистое Стигийское озеро («Энеида», VI, 323). *Ахеронт* — река в Эпире, исчезающая под землей, что и послужило причиной возникновения мифа, будто стремительное его течение продолжается в преисподней.

^{251–252} *...Рыдальца-Коцита исток... обнял Авернский дол...* — Реальный Коцит является притоком реального Ахеронта, название его буквально переводится «слезный». «Авернский» в поэтическом языке означает «адский», «преисподний» (по Авернскому озеру, которое римляне почитали входом в царство Дита), соответственно: *Авернский дол* — преисподняя.

²⁵⁴ *Флегетон* (или Пирифлегетон) — огненная река, которая у Вергилия окружает Тартар, между тем как остальные реки, чье русло наполнено водой (Стикс, Коцит, Ахеронт, Лета), служат границей подземного царства в целом. *Лета* — река, испив из которой, души усопших забывают земную жизнь; однако представления древних о беспамятности мертвецов были очень неоднозначными, хотя Лета неизменно сохраняла титул реки забвенья, даже если мертвец, как у Вергилия (и тем паче у Петрарки), превосходно помнит своих врагов и друзей.

²⁵⁶ *...лодочник старый...* — Харон, для уплаты которому в рот покойника клали медную монетку (греки — обол, римляне — асс).

²⁶¹ *Фурии* — богини мщения (см. III, 138 и примеч.), постоянным местопребыванием которых считалась преисподняя, откуда они выходили, чтобы карать преступников. *Парки* — в качестве богинь судьбы, естественно, соотносились со смертью.

²⁶² *...трехглавый... Страж...* — Цербер (см. примеч. III, 160–164.).

^{265–266} Между этими стихами Феста предполагает лауну, хотя и не приводя тому достаточных обоснований.

^{283–284} *Сердца финикийя ты испытал...* — Договор Сифака с Карфагеном, заключенный после гибели Публия и Гнея Сципионов и нанесенного Массиниссой поражения (см. примеч. III, 70), был для него вынужденным и особых выгод не сулил (впоследствии карфагеняне ошибку свою исправили, и Сифак сделался их преданным союзником — см. примеч. V, 1).

^{303–310} *...непременная наша цель...* — Обещания Лелия преувеличены, но не лживы: римляне хотели посадить и посадили на нумидийский престол «своего человека», только этим человеком в конце концов оказался не Сифак, а Массинисса, держава которого не простиралась, конечно, до Ерифрейского (Красного) моря.

³¹¹ *Так не презри дары...* — Ливий сообщает, что Лелий привез Сифаку дары от Сципиона (XXVIII, 17), но ограничивается констатацией факта, так как посланные и принятые дары, каковы бы они ни были, означали некоторое предварительное соглашение между сторонами. Петрарка в своем вымышленном описании исходит из того достоверного обстоятельства, что нумидяне славилась конницей, и римлянам от Сифака нужна была прежде всего конница.

³¹² *Вот он шлет тебе скакуну Апулийской породы...* — Апулией называлась область на юго-востоке Италии, где были лучшие (в подвластных Риму землях) табуны. Животные белой масти считались особенно ценными: в жертву Юпитеру приносили белых быков, в колесницу триумфатора запрягали четверку белых лошадей и т. д., так что белизна коня (ст. 315) подчеркивает почтение дарителя к сану Сифака

^{315–316} *...златые... гривны...* — Т. е. конь украшен не одним ожерельем (*monile*)

из золотых бляшек, а несколькими (такие ожерелья тоже были не только дорогими, но и почетными).

³¹⁶ ...у Самнитского отнят тирана.— Самниты были племенем в средней Италии, родственным латинянам по языку и обычаям и долгое время конкурировавшим с ними в борьбе за власть: многие из них во время II Пунической войны примкнули к Ганнибалу, хотя действительной угрозы Риму они уже не представляли. «Тиран» стало ругательным названием всякого царя или вождя сначала у греков, где тирания скомпрометировала себя в качестве наихудшего государственного устройства, а вслед за греками и у римлян, не знавших (как и самниты) тиранической формы правления и воспринявших термин только в его негативном эмоциональном смысле.

³¹⁸ ...изобильной металлами Ильвой...— Ср. у Вергилия об этом же острове:

...Край, где халибский металл в нескудеющих недрах родится.

(«Энеида», X, 17)

Ильва — остров Эльба. Халибы — горное племя в Поите, якобы первым научившееся плавить сталь, которая поэтому и звалась «chalyps».

³²¹ ...плащ багряный...— Это не багряница полководца (paludamentum), а короткий перекинутый через плечо плащ всадника (bullis), отчасти сходный с гусарским ментиком.

³²³ ...стрекало блестит...— Здесь Петрарка, недостаточно знакомый с римским оружием и военным искусством, допускает ошибку, ставя в один ряд стрекало и такую неотъемлемую принадлежность всадника, как шлем или копье, а следовательно, получается, что римские всадники погоняли коней стрекалами, которые и украшались на манер заступивших впоследствии их место плетей. Между тем военное стрекало называлось так же, как и стрекало погонщика только за внешнее сходство (заостренная палка) и представляло собой коллективно используемое оборонительное оружие для защиты от кавалерийской атаки: там, где ожидалось наступление неприятельской конницы, в землю втыкали острием вверх эти «надолбы», опасные для лошадей, которым они могли вспороть брюхо и так сбивать вражеских всадников, — из всего этого Петрарка уловил лишь связь стрекала с конницей. Плетки у римлян были, но коней в бою они могли погонять почти исключительно пшорами, так как на левой руке имели щит, а в правой — копье или меч.

³²⁶ ...на доброе счастье...— Эти обычные на первый взгляд слова являлись ритуальными и произносились при посвящении в рыцаря: посвящающий вручал посвящаемому меч «на доброе счастье» (сходную «ленную присягу» Сципион и надеется получить от Сифака, сделал его вассалом, — так называемым союзником — Рима).

³⁴⁵ ...заслуги его и самое имя любезны... Намек на нигде более не упомянутый союз Сифака со старшими Сципионами (см. примеч. III, 70).

³⁶¹ ...пусть навестит меня здесь...— Сципион вскоре после успеха описанных предварительных переговоров действительно отправился к Сифаку и заключил с ним союз, очень напугавший гостившего тогда у царя и недавно разбитого в Испании Гасдрубала Гисгоида, которому затем удалось вновь склонить Сифака на сторону карфагенин (см. примеч. V, 1); *Дорога в моря* отнюдь не была безопасной, это утверждение просто добавляет приглашению настойчивости: когда Сципион вместе с неразлучным Лелием переправлялся на двух легких судах через пролив, то лишь по счастливой случайности не попался в плен к карфагенинам (*Ливий*, XXVIII, 17—18).

³⁷² ...матерь Мероз...— Остров (или страна) в верхнем течении Нила, где в древности было могущественное торговое государство с теократическим управлением. Античная традиция связывала (порой почти до полного отождествления) эти края с блаженной страной эфиопов, так что вино из Мероз отчасти соотносится с вином, которое пили боги на легендарных пирах у эфиопского царя и которое тем самым родственно напитку богов — нектару.

^{375—376} Так же устраивал пир... Алкиной...— Имеется в виду описанный в «Одиссее» (VIII, 57—103) пир, устроенный гостеприимным царем сказочного племени феаков Алкиноем в честь Одиссея (Улисса), где тот начинает долгий (длиною в шесть рабсодий) рассказ о своих скитаниях. Петрарка не знал греческого языка, но с поэмами Гомера был поверхностно знаком благодаря переводам грека Леонтия Пилата, который плохо знал и язык древнегреческого эпоса, и латынь, но все же сумел

дать первым гуманистам представление (хотя и довольно смутное) об эллипских древностях.

³⁸² *Присномогучий Алкид...*— Геркулес (Геракл), который был не только знаменитейшим из легендарных героев, но и широко почитаемым (также и в Риме) божеством.

³⁸³ *...во плоти к звездам...*— Геркулес был принят в число олимпийских богов после того, как, совершив все свои подвиги и мучимый болью от отравленной туники, живым взошел на погребальный костер на вершине горы Этны. Его апофеоз упоминается прежде послуживших ему причиной подвигов, а сами перечисляемые ниже подвиги расположены в таком порядке, чтобы их венцом оказался поход на Запад (в данном случае искажение традиционной последовательности событий явно служит намерению показать, что кумидяне чтят «своего» Геркулеса, явившегося к ним в качестве уже заслужившего небеса и лишь временно пребывающего на земле бога).

³⁸⁴ *...Лернейскую топь и Немейскую пущу...*— Имеется в виду убийство Лернейской гидры и Немейского льва (Лерна — болото близ легендарного Аргоса, Немея — окруженная лесистыми горами долина тоже в Арголиде).

³⁸⁵ *...Эриманфа лесистого сени...*— Имеется в виду пленение Эриманфского вепря (Эриманф — поросшая лесом гора в Аркадии).

³⁸⁶ *...Гемонийских ущелья гор...*— Имеются в виду Олимп и Осса, фессалийские горы (Гемония — поэтическое название Фессалии), которые Геркулес раздвинул, чтобы дать выход к морю реке Пенее, — так образовалась знаменитая красотой Темпейская долина.

³⁸⁶⁻³⁸⁷ *...двух достославных прах городов...*— Имеется в виду разрушение Трои и Пилоса: так Геркулес наказал троянского царя Лаомедонта, не давшего ему обещанной награды за спасение царевны Гесионы от морского чудовища, а пилосского царя Нелея, отказавшего ему в очищении после убийства Ифита, брата его последней возлюбленной Иолы. К 12 подвигам эти деяния не причисляются (в отличие от названных выше).

³⁸⁷ *...зруду тел гордецов двуприродных...*— Имеется в виду истребление кентавров, с которыми Геркулес поссорился во время охоты на Эриманфского вепря.

³⁸⁸ *...Гериона тройного труп...*— Имеется в виду убийство обитавшего на дальнем Западе трехголового Гериона, путившегося в погоню за угнавшим его быков Геркулесом, который именно после этого подвига (согласно традиционной последовательности предания) воздвигнул упоминаемые в ст. 397—398 Геркулесовы Столпы.

³⁹⁰ *...из отчей земли жестокого вырвав Антей...*— Сын Земли, великан Антей, обитал в Ливии («отчий» для пещи) и был непобедим, пока соприкасался с матерью: Геркулес поднял его и задушил в воздухе. Этот (главный для описанных в поэме ливий) подвиг также не причисляется к 12 подвигам.

³⁹⁵⁻³⁹⁶ *...к Орка порогу рвется...*— Имеется в виду последний и труднейший из 12 подвигов, выведение Цербера (см. III, 262 и примеч.) из преисподней; *Орк* — одно из имен Дита (см. примеч. III, 242—243); *Мегера* — одна из трех фурий (см. III, 188, 261 и примеч.).

⁴⁰⁰⁻⁴⁰³ *...недавно с Востока...*— Перевод по конъектуре Феста, который читает «ab ortu» (с востока) там, где Коррадини читает «ab arcto» (с севера). Различие чтений отражается и в различии гипотез, кого же называет Петрарка «юным сумасбродом»: Феста считает таковым Александра Македонского, а Коррадини — Пифея из Массилии, современного Аристотелю мореплавателя и географа, проплывшего через Гибралтар в Океан и достигшего легендарной «крайней Фулы» (Пифей оставил описание этого путешествия, отрывки которого сохранились в «Естественной истории» Плиния Старшего и у Страбона). Нельзя не отметить, что относительно страны Сифака, расположенной на западной окраине мира, «Востоком» являются все вообще древние государства, а «Севером» — все, кроме Карфагена. «Юный сумасброд» поэмы, судя по всему, за Геркулесовыми Столпами не преуспел (только так можно понять слова «не успел от утесов честь Геркулеса отнять»), а стало быть, это не Пифей. Что до Александра, то он не вторгался в контролируемые Карфагеном территории и дальше подчиненного персам Египта не ходил — завоевав Египет, он двинулся на Восток. Приняв только конъектуру, но не толкование Феста, остается предположить, что Петрарка имел в виду Гангона, знаменитейшего из мореплавателей древности, который ок. 500 г. до н.э. прошел вдоль западного берега Африки, но не достиг глав-

кой своей цели – не основал там карфагенских колоний и не завязал торговых сношений с прибрежными народами, т. е. хоть и проплыл за Столпы, но «чести Геркулеса» у них (ввиду бесполезности своего предприятия) не отнял. Это решение тоже гипотетическое, так как Ганнон плывал за триста лет до песни (не «недавно»), однако в карфагенской хронологии, вне ее связи с римской, Петрарка вряд ли разбирался, а точной датировки плавания Ганнона нет и сейчас – все это добавляет гипотезе вероятности, оставляя ее гипотезой.

^{403–417} *...ветхий владыка здешних полей, Атлант...* – Здесь Петрарка рекомбинирует связанные с Атлантом сюжеты в нечто вроде нового сюжета. Первый сюжет включает Геркулеса: когда он явился в сад Гесперид за золотыми яблоками, то стоявший в этом саду с небесами на плечах Атлант обещал сорвать яблоки, если в это время Геркулес подержит вместо него небесный свод, а уже сорвавши яблоки, не хотел снова вваливать на себя тяжкую ношу, от которой ненадолго (ср. ст. 406) был избавлен. Традиционный финал этого сюжета (Геркулес обманом вваливает небеса на Атланта и уходит с яблоками) Петрарка заменяет другим – Атлант окаменел, взглянув в глаза Медузы, это и прервало его отдых (получается, что небеса так и держит Геркулес), но виновником этого превращения был не Персей (см. примеч. III, 97, 182–183), а сама Медуза, так как Персей убил ее ради отмщения «обиды» Атланта. Можно полагать, что поэт трансформировал предание намеренно, – у ливийн «свой» Геркулес, «свой» Атлант и даже «своя» Медуза (из-за которой ливийские стены сделались бесплодными, – этот мотив присутствует уже у Лукана – «Фарсалия», IX, 696 слл.).

⁴¹⁴ *Паллада* – Минерва. См. примеч. III, 204–210.

⁴¹⁵ *...мстителъ Аркадский...* – Так назван (вслед за Луканом: «Фарсалия», IX, 659 слл.) Персей, хотя эпитет «Аркадский» применен к нему ошибочно, так как все подвластные ему города (Аргос, затем Тиринф, наконец Микены) находились в Арголиде. Нелишне отметить (в связи с примеч. III, 403–417), что Геркулес доводился Персею правнуком.

^{418–424} *После царица...* – Дидона, финикийская царица, жила в Тире со своим супругом Сихеем, которого убил ее же брат Пигмалион (тезка кипрского ваятеля), после чего она вместе со многими тиринянами бежала в Африку, где и основала Карфаген. «Хитрости в честь» назван не сам Карфаген (букв. «Новгород»), а его кремль Бирса, собственно «город» (о Бирсе см. I, 181 и примеч.). Продавший Дидоне землю местный царь Ярба стал помогать ее руки, угрожая в противном случае войной. Чтобы избежать этого брака, но также избавить свой народ от войны, Дидона сама соорудила себе погребальный костер и, взойдя на него, закололась мечом. Карфагеняне почитали ее как богиню. Этот вариант предания о Дидоне сообщает Юстин в своем «Извлечении из истории Трога Помпея», и многим авторам (включая Петрарку) повесть о стыдливой Дидоне импонировала больше, чем повесть о влюбленной Дидоне.

^{424–428} *Ей великою будет обидой...* – Имеется в виду вариант предания, поддержанный авторитетом Вергилия, который в IV песни «Энеиды» описывает любовь Дидоны к Энею и ее самоубийство, когда Эней тайно ее покидает (чтобы продолжить поиски нового отечества для троянских изгнанников). Петрарка защищает Дидону от «сдерякого пиита» также в «Триумфе чистоты» (10–12, 154–159). Ср. стихи из географической поэмы Присциана (знаменитый грамматик VI в. н.э.), который пишет о Карфагене:

Присноживая царит здесь Дидона, вовек пресвятая –
сущей нет чистоте от лживой песни урона.

(«Описание», 185–186)

^{432–438} *...читит Карфаген... братьев Филенов...* – Свой подвиг братья Филены совершили во время войны Карфагена с Киреной (греческим городом в Африке), которую оба города решили покончить миром, установив новую границу там, где либо греческие, либо финикийские послы согласятся лечь живыми в могилу. Послы Карфагена – Филены – согласились и были живьем зарыты в землю, добровольной смертью добыв отечеству мир и новые земли. Карфагеняне чтят Филенов наравне с богами. Предание это сообщает Саллюстий в «Югуртинской войне» (79), относя его к древности, но к древности исторической, хотя и не датированной. Можно полагать, что

Филены (как и Дидона) изначально были персонажами не исторического, а священного предания и лишь впоследствии были историзированы (да и то весьма условно) тяготеющей к историзму римской традицией, так же историзировавшей Ромула, Нуму и пр.

⁴³⁷ *Ныне последний век...*— Ср. у Горация: «Весь последний век гражданскими войнами страшен...» («Эподы», XVI, 1).

⁴³⁸⁻⁴³⁹ *...алчная Сицилла вкупе с Харибдой...*— Речь идет об опасном для мореплавания Сицилийском (Мессинском) проливе: Сициллой назывался утес на Итальянской стороне пролива, где якобы обитало соименное чудовище, пожиравшее моряков; Харибдой назывался водоворот близ сицилийского берега (на расстоянии полета стрелы от Сициллы), засасывающий моряков вместе с кораблями и также ожесточаемый с морским чудовищем («Одиссея», XII, 85–100).

⁴⁴² *...уксусом камни травя...*— Ливий рассказывает, что Ганнибал, оказавшись вместе со своим войском при переходе через Альпы перед неприступной скалою, велел развести около нее огромный костер, а затем (когда холодный камень потрескался от жара) облить уксусом, таким способом сделав поверхность камня рыхлой и получив возможность вырубить в нем тропу, по которой прошли даже слоны (XXI, 37).

⁴⁴⁸ *...принял на плечи...*— Намек на имя Сципиона, в данном случае интересный тем, что герой косвенно сопоставляется с Атлантом: выше Атлант представлен оплотом небес, бремя которых держит на плечах, а здесь неназванный Сципион («посох», т. е. «оплот») принимает на плечи бремя бедствий Рима.

⁴⁶⁶⁻⁴⁷¹ *...веками Италия бьется.*— Войны римлян с тусками начались в полуполюгендарные времена (в первую такую войну совершил свой подвиг Муций Сцевола) и закончились в 283 г. до н.э. поражением уже ослабленных противников при Вадимонском озере. Больших войн с самнитами было три (343–341, 327–304, 298–290 гг. до н.э.), однако окончательно они были подавлены позднее (см. примеч. III, 316). Галлы взяли Рим ок. 390 г. до н.э., а затем еще несколько раз вторгались в Италию — мир с ними был заключен лишь в 332 г. до н.э. От этих отшедших в прошлое событий Лелий переходит к вражде Рима и Карфагена и начинает с I Пунической войны: об экспедиции Регула в Африку (хотя и закончившейся в 255 г. до н.э. неудачей) и о морском сражении при Эгатах (острова к западу от Сицилии), где римляне в 242 г. до н.э. разбили финикийский флот и так положили конец войне.

⁴⁷²⁻⁴⁷⁵ *...Испании бедственной горе...*— Хотя речь идет о победах Сципиона во время II Пунической войны, Лелий Петrarки дипломатично изображает их как очередные военные тяготы (ср. неразличение побед и поражений в ст. 466–471).

⁴⁷⁵⁻⁴⁷⁹ *В старинных хранится сказаньях...*— Лелий говорит о «Великих летописях», называемых также «Записками первосвященников», которые упоминаются у многих римских авторов, начиная от Цицерона и кончая Макробием. До 130 г. до н.э. эти записки делал на белых досках великий понтифик (первосвященник), они сохранялись у него дома и выставлялись для обозрения желающих (позже их стали публиковать). Петrarка *Тарпейским храмом* называет храм Юпитера, стоящий на Капитолийском холме, крутой юго-западный склон которого назывался Тарпейской скалой. В действительности официальным местопребыванием великого понтифика была «Царская палата» (Regia) на Святой дороге, соединившей Палатинский и Капитолийский холмы, но для Петrarки со святостью устойчиво связывается только Капитолий.

⁴⁸⁰⁻⁴⁸⁹ *Многор вычитать там...*— По мнению Коррадини, это рассуждение переключается с одной главой на Саллюстия («Заговор Катилины», 8), но скорее по смыслу, нежели по способу выражения, если не считать завершающей фразы: «Кто был лучше всех, тот всегда предпочитал делать, а не говорить и стяжать от других похвалу собственным деянием, а не рассказывать, что содеяли другие».

⁴⁹²⁻⁴⁹⁴ *От крови Тевкровой древле...*— Тевкр почитался первым царем Трояды, поэтому троянцы, от которых (через Энея) вели свое происхождение римляне, назывались потомками Тевкра, а порой просто тевкрами. Греки осаждали Трою 10 лет. Счет годов по пятилетиям принадлежит собственно римской традиции: раз в пять лет совершалось очистительное жертвоприношение (lustrum) за весь римский народ — так завершалась перепись, т. е. проверка гражданских списков, перераспределение податей и пр., что делало пятилетний интервал вдвойне актуальным.

⁴⁹⁵⁻⁴⁹⁶ ...*тот, кто злодейство сие отмстит...*— Муммий разрушитель Коринфа, получивший за это титул «Ахейский» (см. II, 133-134 и примеч.) почти через 60 лет после встречи Лелия с Сифаком. Точный год его рождения неизвестен.

⁵⁰² ...*отпрыск Анхизов...*— Эней, сын Анхиза и Венеры.

⁵⁰⁴⁻⁵⁰⁵ ...*от супруги нежнолюбимой...*— Эней покинул во время бегства свою первую жену Креусу, чтобы вынести из пожара дряхлого Анхиза и троянские святыни. Староримские нравы, отразившиеся в этом предании, предполагали связь между родителями и детьми более прочной, чем между супругами,— отсюда значительная (впоследствии почти полная) независимость римских женщин, иногда доходившая даже до возможности вступления в брак по любви.

⁵⁰⁹⁻⁵¹⁰ ...*Лавиния пришлому мужу мир принесла и любовь.*— Прибыв в Лаций, Эней женился на дочери царя Латина Лавинии и после смерти тестя наследовал царство, хотя перед женитьбой был вынужден вести войну с племенем рутулов, чей царь Турн также претендовал на руку Лавинии. В «Энеиде» подробно описаны события от сговора и до гибели Турна в схватке с Энеем.

⁵¹⁰⁻⁵¹¹ ...*Благочестного тело героя дивный отхитил поток...*— Предание о гибели Энея сообщает Ливий: по его версии Турн остается жив и продолжает воевать с Энеем, который во время битвы при реке Нумике внезапно исчезает, а затем является сыну своему Асканию и объявляет, что сделался богом (I, 1-2). Постоянный эпитет Энея «благочестный» (*pius Aeneas*) обязан своим постоянством «Энеиде», в которой главным достоинством этого героя объявляется покорство обычаям и набожность (см. примеч. III, 504-505).

⁵¹² ...*люный Юл...*— Этот легендарный предок рода Юлиев иногда отождествлялся с Асканием (сыном Энея то ли от Креусы, то ли от Лавинии — здесь свидетельства расходятся), иногда считается вторым сыном Энея, а иногда сыном Аскания.

⁵¹²⁻⁵¹⁴ ...*Сначала... долгая Альба...*— Женившись на Лавинии, Эней выстроил город, который в ее честь назвал Лавинием, но 30 лет спустя Асканий-Юл заложил новый город, Долгую Альбу (Альбу Лонгу), где воцарился. Ему наследовал его младший брат Сильвий, который и считается основателем династии альбанских царей. В историческое время место, где стояла Альба, сделалось чем-то вроде дачного пригорода Рима — в Альбане (*Albanum*) находились виллы Помпея и других вельмож.

⁵¹⁴⁻⁵¹⁸ ...*пастух... отважный.*— Ромул, основатель Рима (см. также I, 508-510 и примеч.), внук альбанского царя Нумитора. Брат Нумитора Амулий захватил власть и сделал Рею Сильвию, дочь Нумитора, весталкой, тем самым обрекая ее на безбрачие. Однако она родила от Марса близнецов Ромула и Рема — Амулий заточил ее (по некоторым свидетельствам убил), а детей велел бросить в Тибр, но их спасла и вскормила волчица (волк был посвящен Марсу — см. III, 188 и примеч.) и потом воспитали пастухи, так что Ромул и Рем тоже сделались пастухами. Однажды они поссорились с пастухами Нумитора, и так были опознаны дедом, после чего убили Амулия, вернули законному царю престол, а от него получили дозволение построить город там, где были пайдены. Так в 753 г. до н.э. был основан Рим. В борьбе за власть Ромул убил Рема и царствовал до 719 г. до н.э., когда вдруг исчез с Марсова поля при внезапно наступившем затмении солнца. Народ заподозрил, что царя растерзали сенаторы, однако один из них, Прокул Юлий, явился через несколько дней и объявил, что Ромул низошел к нему с небес и изрек, что сделался богом, впрочем римлянам великое будущее (Ливий, I, 4-16). Ромул был обожествлен под именем Квирина, т. е. отчасти отождествлен с Марсом, так как «Квири» (от «*quiritis*» — «копье») было одним из прозвищ Марса. У сабинян Квириус считался отцом их божественного родоначальника Медия Фидия и по нему были названы Квиры, столица сабинян, родина Нумы. Отсюда же название римских граждан «квири-ты». В историческое время Квириус был весьма почитаемым божеством: храм его стоял на посвященном ему Квиринале, одном из семи римских холмов, 17 февраля в его честь совершалось Квиринале, во время которых не только приносились жертвы, но также чистилось и смазывалось оружие бога.

⁵²²⁻⁵²⁴ ...*а особенно с поры, когда сеяла щедро свобода...*— Т. е. после изгнания царей, о котором и спрашивает ниже (ст. 643-644) Сифак, указывая на значительный пробел в повествовании.

⁵²⁷ ...*отважных Камиллов...*— Камиллы принадлежали к патрицианскому роду Фуриев. Из них наиболее известны: Марк Фурий Камилл, в 396 г. до н.э. взявший

Вейи (первое римское завоевание вне пределов Лация), диктатор 390 г. до н.э., разбивший галлов и отстроивший после их нашествия Рим, назначавшийся диктатором еще в нескольких войнах, имевший титул «отец отечества» и всячески прославляемый Ливием (VII, 1); его младший сын Луций был диктатором в 350 г. до н.э. и также дважды победил галлов — в 350 и 349 гг.; его племянник Луций, консул 338 г., покорил восставший Лаций, за что удостоился не только триумфа, но и конной статуи на форуме.

⁵²⁷⁻⁵²⁸ ...*бесстрашных Куриев*... — Из этого знатного плебейского рода по-настоящему прославился лишь Маний Курий Дентат, в 290 г. до н.э. разбивший самнитов и затем сабинян, консул 275 г., победивший при Беневенте эпирского царя Пирра, а в третье консульство (274 г.) — восставшие племена нижней Италии; знаменит своей простотой, неподкупностью и прочими старозаветными добродетелями.

⁵²⁸ ...*Павлов честных*... — Павлы принадлежали к патрицианскому роду Эмилиев. Из них наиболее известны: Луций Эмилий Павел, в 255 г. до н.э. спасавший в Африке остатки войска Регула и затем разбивший карфагенский флот при Гермейском мысе; Луций Эмилий Павел, победитель иллириян (219 г. до н.э.), тремя годами позднее павший в битве при Каннах (см. I, 381—413 и примеч.); его сын Луций, прославившийся победой над македонским царем Персеем и стяжавший титул «Македонский» через много лет после описываемых в поэме событий, но измлада настолько отличавшийся высокими нравственными качествами, что вполне мог быть упомянут Лелием (т. е. Лелием Петрарки) как пример добродетели.

⁵²⁸⁻⁵²⁹ ...*три сотни Фабиев смелых*... — Имеется в виду знаменитый подвиг одного из древнейших патрицианских родов Рима, упоминаемый не только Ливием (II, 48—52), но также Овидием («Фасты», II, 195), Плутархом и многими другими античными писателями. Кесон Фабий Вибулан, консул 484, 481 и 479 гг. до н.э., придававший большое значение соперничеству Рима с Вейями (см. примеч. III, 527), в 477 г. предложил, что будет защищать отечество от этих врагов без помощи ополченцев (из которых только и состояла тогда римская армия), но лишь вместе с сородичами. Получив на это разрешение, он выступил к границе: отряд состоял из 306 взрослых Фабиев (вероятно, в это число включались и зависимые от вельможных «отцов» клиенты, чье положение в условиях Рима делало их младшими членами семьи), и все они, кроме одного, геройски погибли в бою с врагами — день их поражения с тех пор считался несчастным днем.

⁵³⁰ ...*грозных Торкватов, Лепидов семью, суровых Катонов*... — Торкваты принадлежали к роду Манлиев; первым прозвище Торкват («носящий ожерелье»), вместо прежнего семейного прозвания Капитолии, получил Тит Манлий, отличившийся в 360 г. до н.э. в войне с галлами и носивший на шее ожерелье, которое снял с убитого им галла. Этот Торкват прославился также победами над латинами и кампанцами, но еще более тем, что за незначительное, по общему мнению, нарушение дисциплины велел казнить собственного сына. Другим прославившимся к описываемому времени Торкватом был также Тит, консул 235 г. до н.э., победитель сардов и галлов, затем успешно воевавший с карфагенянами. Позднее (в 141 г.) еще один Тит Торкват круто расправился со скомпрометировавшим себя сыном, вынудив его к самоубийству, что явно отразилось на восприятии Петраркой нравов всего этого семейства. *Лепиды*, как и Павлы, были из рода Эмилиев, однако здесь Петрарка допускает путаницу: всем, чем бы то ни было, прославившиеся Лепиды прославились позднее описываемых в поэме событий (самый старший из них всерьез начал свою карьеру лишь в 201 г. до н.э., а впервые отличился лишь в 190 г. в войне с Антиохом). *Катоны* — см. примеч. II, 143. Здесь снова Петрарка путает хронологию: ко времени рассказа Лелия даже старший Катон еще никак себя не проявил.

⁵³¹ ...*скромных Фабрициев дом*... — Фабриции переселились в Рим из Алетрия в 306 г. до н.э. и особенно высокого положения не занимали, хотя отличались храбростью и честностью («легче Солнце своротить с его пути, чем Фабриция с пути добродетели») — говорил воевавший с одним из них царь Пирр).

⁵³¹⁻⁵³² ...*имя стяжала ревосьть*... — Речь идет о Папириях Курсорах (cursor — бегун), ветви старинного рода Папириев. Из них наиболее известны Луций Папирий Курсор, диктатор 325 г. до н.э. и пятикратный консул, победитель самнитов, и его сын Луций Папирий Курсор, консул 293 г. до н.э., окончательно разбивший самнитов и изгнавший из Италии остатки армии Пирра. Старший Курсор, действительно,

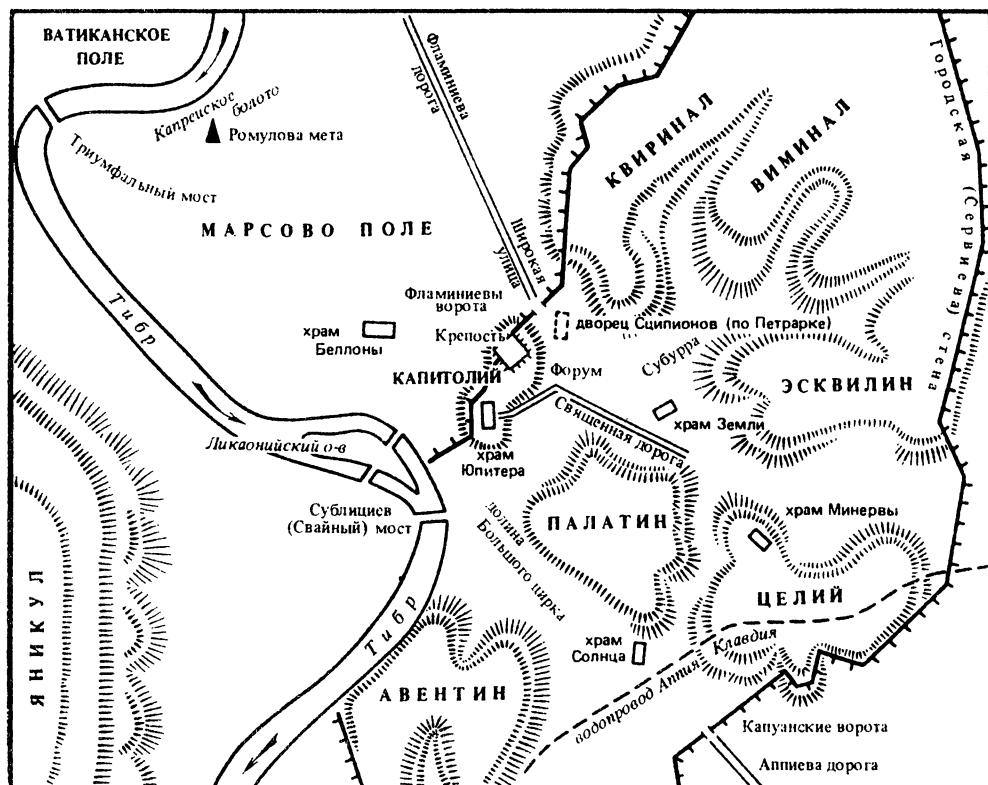
всегда перегонял в беге всех своих сверстников (*Ливий*, IX, 16). *Небесною прозванный птицей...* — Марк Валерий Корв (букв. «ворон»), воевавший под началом Камилла с галлами в 349 г. до н.э., якобы получил свое прозвище после поединка с великаном-галлом; посланный покровительствующим римлянам божеством ворон был крыльями в лицо врагу, и так Валерий победил. Впоследствии он успешно воевал с самнитами, вольсками и этрусками, несколько раз был консулом и диктатором и дожил до ста лет. Корвы не выделились в отдельную отрасль патрицианского рода Валериев, хотя прозвище Корвин («вороний») встречалось впоследствии у некоторых его представителей, живших значительно позднее описываемых в поэме со- бытий.

⁵³³ *...храбрых Марцеллов...* — Это прежде всего Марк Клавдий Марцелл, «меч римлян», погибший незадолго до описываемых событий (см. I, 360–364 и примеч.), но также его сын Марк, храбро сражавшийся под началом отца, консул 196 г. до н.э., победитель галлов, цензор 189 г. В более поздних войнах не раз отличались и другие Марцеллы, так что это имя всегда связывалось с полководческой славой. *...дерзостных Гракхов...* — Эпитет явно подсказан репутацией наиболее знаменитых представителей этой отрасли рода Семпрониев: народных трибунов Тиберия и Гая Гракхов, опять-таки живших гораздо позднее (оба погибли молодыми в 133 и 121 гг. до н.э.). Для рассказа Лелия хронологически реальны два Гракха: Тиберий Семпроний Гракх, консул 238 г. до н.э., захвативший Корсику и Сардинию, и его сын Тиберий, консул 215 г. до н.э., воевавший с Ганнибалом (о нем см. I, 378–380 и примеч.). С семейством Сципионов был впоследствии особенно тесно связан еще один Гракх, также Тиберий, трибун 187 г. до н.э., защищавший Публия Африканского и Луция Азиатского после войны с Антиохом. Он был женат на Корнелии, дочери Публия, и знаменитые трибуны были их сыновьями, но в войне с Ганнибалом он по молодости лет не участвовал.

⁵³⁴ *...Регулов верных...* — Имеется в виду прежде всего Марк Атилиий Регул, герой I Пунической войны. Он предпринял неудачную экспедицию в Африку (во второе свое консульство в 256 г. до н.э.), был взят в плен и пять лет прожил в Карфагене, пока в 250 г. до н.э. после нескольких поражений карфагеняне не решили просить мира и не послали посредником Регула, взяв с него обещание вернуться, если не уговорит римлян заключить мир. Регул явился в Рим, отговорил сограждан от мира с явно слабейшим противником, вернулся и принял мучительную казнь. Его верность слову прославляется у множества римских историков, ораторов и поэтов. Кроме этого Регула, ко времени войны с Ганнибалом получили известность еще несколько: Марк Атилиий Регул, цензор 294 г. до н.э., удачно сражавшийся с самнитами; Гай Регул, консул 257 и 250 гг. до н.э., победитель карфагенян при Тиндариде; Марк Регул (сын первого), консул 227 и 217 гг. до н.э., один из героев войны с Ганнибалом, помешавший сдать Рим после поражения при Каннах.

^{536–538} *...знатнейших и лучших Сципионов...* — Корнелии действительно были одним из знатнейших римских родов, однако род этот рано разделился на несколько отраслей, и знатнейшими были не Сципионы, а Малугиненсы, однако уже к началу IV в. до н.э. они исчезают с исторической арены, ничем особенным себя не прославив. Сципионы получили свое прозвище (часто обыгрываемое в поэме) якобы потому, что какой-то из Корнелиев был постоянным поводырем своего слепого отца и «опорю вместо клоки» (*Макробий*. «Сатурналии», I, 6), и стала активно участвовать в государственных делах лишь с середины III в. до н.э., т. е. уже во время войн с Карфагеном, однако так выделились, что III в. зовется «веком Сципионов». Легенду о небесном происхождении Сципиона Африканского см. IV, 103–110, с происхождением же Корнелиев никакой заметной легенды не связывалось: хроники всех знатных родов начинались с мифа или историзированного мифа, однако по-настоящему ярко это проявилось лишь у Юлиев, так как для Августа миф о «Венере-прародительнице» был формой политической пропаганды (как и сказка о рождении Сципиона — для его сторонников), а Корнелии были слишком многочисленны и никогда не держались заодно.

^{547–595} *Древле разверзлась земля...* — Подвиг Марка Курция описан Ливием (VII, 6) и датируется 362 г. до н.э.; *То ли ветра нежным порывом...* — Так объяснялись сейсмические волны некоторыми античными теоретиками землетрясений (в соответствующей терминологии до сих пор много слов, семантически связанных с «под-

ДРЕВНИЙ РИМ ПО ПЕТРАРКЕ

земным ветром»). Италия находится в сейсмической зоне и в принципе историю жертвоприношения Курция, переданную Петраркой не без риторически прикрас, но в сюжетном согласии с рассказом Ливия, можно было бы считать подлинной, так как трещины сейсмического происхождения бывают временными. Против подлинности рассказа свидетельствует лишь отсутствие у героя родственников: известен живший при Ромуле сабинянин Меттий Курций (*Ливий*, I, 12), но это явно легендарная фигура, а в консульских списках не только до 362 г. до н.э., а (что существеннее) и позже Курциев нет, хотя представляется исторически маловероятным, чтобы героизм родича не обеспечил нескольким Курциям (хотя бы одному!) этой почетной должности. Курции появляются лишь на задворках римской истории и на несколько столетий позднее, т. е. с героем предания не связаны, но и предание (в отличие от прочих преданий о подвигах предков) тем самым не имеет своим источником семейную хронику того или иного знатного рода. Меттий Курций «оного времени», сражаясь с Ромулом, провалился в болото, так как верхом бился с пешими, затем выбрался из болота, и место, где его конь ступил на твердую землю зовется «Курциевым озером» (*Ливий*, I, 13). Место это было реальным, а легенда о происхождении его названия могла раздвоиться: в обоих случаях некто М. Курций вместе с конем проваливается вниз, а куда и почему и зачем — это уже частности легенды. Для Ливия времена Ромула и 362 г. были почти ровно отдаленными, и в его «Истории» вполне могли отразиться обе (или две из нескольких) версии легенды.

⁵⁹⁶⁻⁶²² *Хочешь о Дециях знать?* — Все три Деция были вполне историческими личностями и первоисточником сведений об их подвигах, несомненно, явилась семейная хроника этого знатного плебейского рода, в котором особенно прославилось семейство Дециев Муров. Публий Деций Мур, консул 340 г. до н.э., помог римлянам одолеть объединенные силы латинян, добровольно принеся себя в жертву подземным богам, к чему был побужден сновидением, — здесь рассказ Петрарки согласуется с рассказом Ливия (VIII, 6–9) и со свидетельствами Цицерона («О прорицании», I, 24; «Тускуланские беседы», I, 37). Жертвенные животные украшались венками и повязками, так же был наряжен и Деций (ст. 600: *на габийский лад* — т. е. как в Габиях, городе племени вольсков, чьи обряды были во многом сходны с римскими). Рассказ о посвящении жрецом еще живого Деция в жертву преисподним богам Петрарка опускает. Конь у Деция вороной (ст. 606) потому, что коню тоже назначено было быть жертвой, а предназначенные для подземных богов животные должны были быть черного цвета и кровь их должна была пролиться на землю. Охватившая неприятеля паника достоверна и легко объяснима: латиняне (в их число входили и вольски, окончательно разбитые двумя годами позже) немедленно опознали в Деции жертву, приносимую по их общим с римлянами правилам, и поняли, что лишились обычного военного преимущества, так как римляне приобрели преимущество сакральное. Сын погибшего Деция, также Публий, консул 312 и 308 гг. до н.э., чуть ли не с детства мечтал повторить подвиг отца: это удалось ему в 295 г. в бою с самнитами и их союзниками луканами и этрусками (*Ливий*, X, 7–9), а не с галлами, как значится в ст. 608–609 (это существовало, так как у самнитов тоже были сходные с римлянами ритуалы и описанным способом их можно было напугать, а у галлов ритуалы были иные — они могли не опознать в Деции-сыне своего неминуемого поражения, а следовательно, могли биться по-прежнему и победить). Деций-внук, также Публий, консул 279 г. до н.э., воевал с Пирром и, по сведениям большинства историков, не воспроизводил семейного подвига (что и понятно, так как такой прием действует лишь со «своими») и впоследствии воевал еще не раз — здесь Петрарка опирается на единственное и, возможно, ошибочное свидетельство Цицерона, который пишет в «Тускуланских беседах» (I, 37), что Деций-внук повторил подвиг отца и деда.

⁶³⁰ Ст. 630 оборван намеренно (см. примеч. III, 89): Петрарка будет пользоваться этим приемом до конца поэмы, но лишь изредка, так как не стремится слишком демонстрировать свою зависимость от Вергилия.

⁶³⁷⁻⁶⁴² *Так повелось...* — Это рассуждение почти дословно воспроизводит соответствующее рассуждение Ливия (II, 12).

⁶⁵⁴ *...и утесняла...* — Перевод по конъектуре Коррадини. Пучок розог с топором (фасция) был знаком исполнительной власти, которая принадлежала царям, — законодательная власть оставалась у народа, этих царей выбиравшего.

⁶⁵⁶ *...право забывших свое...* — Т. е. утративших законодательную власть и, следовательно, живущих при незаконном правлении, каким является уже не царская власть, а тирания.

⁶⁵⁶⁻⁶⁶⁰ *От этого гнусного дома...* — Т. е. от семьи Луция Тарквиния Гордого, седьмого и последнего римского царя, который (в отличие от своих доблестных предшественников — см. I, 504–536 и примеч.) из законного царя сделался тираном. Он был потомком Тарквиния Древнего и зятем своего предшественника Сервия Туллия, которого убил, чтобы наследовать царство, хотя это свое преступление отрицал, ссылаясь на чудесное исчезновение Ромула (*Ливий*, I, 48–49). Дела он решал единолично, не совещаясь с Сенатом, оговаривал и убивал своих политических противников, втянул Рим в бесконечную войну с вольсками, но никакого военного позора на римлян не навлекал — «биты» (ст. 659) они бывали при нем не чаще, чем впоследствии, здесь Петрарка допускает гиперболу.

⁶⁶⁸⁻⁶⁷⁶ *Вот так медоносные пчелы...* — Сравнение царя с пчелиной маткой имеет много общего с соответствующим пассажем из «Георгик» Вергилия (IV, 215–218), но у Вергилия эта верноподданность объясняется божественной природой пчел (там же, 219–224), а у Петрарки — рабской подлостью души.

⁶⁸⁴⁻⁶⁹⁰ *Царский сын молодой...* — Секст Тарквиний, сын Тарквиния Гордого, был родичем и приятелем Тарквиния Коллатина, чью супругу Лукрецию он захотел обесчестить и обесчестил, распаленный именно ее общеизвестным целомудрием

(Ливий, I, 57–58). Петrarка не решается передать грубые угрозы, которыми царевич запугал Лукрецию, поэтому (против своих обычных правил) пересказывает Ливия почти конспективно, чтобы затем компенсировать эту краткость пространными речами персонажей.

^{691–707} *А между тем она...*— Здесь Петrarка начинает наверхивать упущенное. У Ливия: «Сокрушенная бедою Лукреция посылает гонца – в Рим к отцу и в Ардею к супругу (преступление совершилось не в Риме, а в Коллации, пмении Коллатина; Ардея была столицей латинского племени рутулов, которую тогда осаждали римляне.— Е. Р.), чтобы призвать их с несколькими верными друзьями: есть-де в них нужда, пусть поспешат, случилось превеликое несчастье» (I, 58). Далее Петrarка пересказывает Ливия столь же близко к тексту и столь же многословно.

^{738–739} *Только Брут среди всех...*— Луций Юний Брут был племянником Тарквиния Гордого: его отец Марк Юний, один из знатнейших патрициев, женился на царской сестре, однако это не спасло ни его, ни его старшего сына, когда Тарквиний расправился с виднейшими гражданами. Младший сын Юния Луций прикинулся для спасения жизни слабоумным, отсюда его прозвище Брут («brutus» — «тупица»). Посылая своих сыновей Тита и Аррунта в знаменитое Дельфийское прорицалище за оракулом, Тарквиний дал им в спутники Брута, на глупость которого всецело полагался. Оракул возвестил, что власть достанется тому из юношей, кто первым поцелует мать. Но любимцем отца был Секст, и, опасаясь его, царевичи решили держать оракул в тайне, а кому из них первым поцеловать мать — это пусть решит жребий. Только Брут верно понял пророчество и сразу, для виду оступившись, поцеловал землю, общую мать всех смертных, хотя еще долго потом в Риме продолжал изображать глупца (Ливий, I, 56).

^{747–748} *Коль держать взаправду умеет...*— Эти два стиха рифмуются глагольными окончаниями также и в оригинале («tenere/movere»), так как Петrarка был не совсем свободен от средневековой традиции, в которой — в отличие от античной — рифмующиеся гексаметры были вполне приняты.

⁷⁶² *...скорбные муж и отец...*— Перевод по конъектуре Коррадини.

^{768–774} *Длинь ли рассказ?* — Низвержение царской власти датируется 510 г. до н.э.: римский консульский список начинается с 509 г. консулами Луцием Брутом и Тарквинием Коллатином. Однако Тарквиний, не желая лишиться царства, затеял войну и приобрели немало сторонников. Только в битве при Регийском озере в 496 г. Тарквиний, поддержанные некоторыми латинскими племенами, были окончательно разгромлены. Секст Тарквиний погиб раньше, убитый старинными недругами, рядом с которыми искал убежища. А так как Тарквиний Коллатин после смерти Лукреции не женился и потомства не оставил, то с его смертью прекратился и род Тарквиниев.

^{775–778} *Пала бессменная власть...*— Определяющими характеристиками демократических магистратур являются коллегиальность и краткосрочность. В результате любая единоличная пожизненная власть воспринималась римлянами как незаконное тиранство — так к числу тиранов оказались негласно отнесены все вообще римские цари (хотя по отдельности каждого из первых шестерых традиция не порицала), и самое слово «царь» сделалось таким же ругательством, как слово «тиран». В столь любимых Петrarкой письмах Цицерона Цезарь, которого Цицерон не терпел за державные амбиции, называется попеременно «тираном» и «царем» (для грека разница была бы огромна — см. примеч. III, 316).

^{779–780} *Первый розги для нас...*— В другом месте (I, 528) Петrarка вслед Флору называет фасции нововведением Тарквиния Древнего. В действительности, эти и некоторые другие инсигнии и даже должности (например, диктатор) существовали и в доримском Лации.

^{780–784} *...храня с великим рвением волю...*— В 509 г. до н.э., в консульство Брута и Коллатина, был открыт заговор римской молодежи, державшей сторону Тарквиниев. Среди заговорщиков были сыновья Брута и племянники Коллатина. Коллатин заступился за племянников и вынужден был уйти в отставку и покинуть Рим, а Брут приговорил родных сыновей к смерти и проследил за исполнением приговора (Ливий, II, 3–5).

^{786–795} *...когда войну царевич затеял...*— Войну затеял Аррунт, с которым Брут ездил в Дельфы, но Петrarка не называет его по имени, возможно, потому, что это

позволяет читателю полагать, будто Брут своеручно отомстил преступному Сексту, хотя тот погиб при почти случайных (относительно преступления) обстоятельствах. О гибели Брута и Аррунта пишет Ливий (II, 6).

¹⁹⁷⁻⁸⁰² *...весь город оплакал гибель героя...*— Римляне почтили Брута статуей на Капитолии. Так как брат Брута погиб ранее, а сыновей он казнил сам, то эта легендарная отрасль рода Юниев с ним прекратилась. Тем не менее через некоторое время народный трибун (т. е. плебей) Юний самозванно принял прозвание «Брут», поддерживающее его репутацию защитника народа, — убийца Цезаря был дальним потомком этого Брута. О трауре по Бруту Древнему пишет Ливий (II, 6-7).

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

²⁸⁻²¹ *...не гони коней белоснежных, Аврора...*— Свою полуироническую-полусерьезную речь Сифак завершает так же, с долей иронии, шуточно обыгрывая миф о Тифоне, престарелом супруге Зари (см. I, 155-156 и примеч.).

³⁴⁻³⁶ *...могем ли выиграть под силу...*— Ср. начало речи младшего Лелия у Цицерона: «Да и я-то кто таков? Мне ли по силам такие вот рассуждения? Говорить о заданном предмете без подготовки умеют — кроме разве ученых умников — одни лишь греки!» («О дружбе», 17). *Кекропский* — аттический (см. III, 209 и примеч.) Благодаря небывалому расцвету словесности в Афинах V-IV вв. до н.э. аттический диалект греческого языка сделался (с очень незначительными изменениями) общегреческим литературным языком, так называемым аттическим всенаречием. Более раннее по времени возникновение, хотя употребительное и позднее, «эпическое всенаречие» возникло на основе ионийского диалекта, и упоминаемая Лелием далее «Илиада» создана именно на этом, общем для всех греков, языке героического эпоса.

³⁷ *...о юноше спел безрассудно...*— Т. е. об Ахилле (первый стих «Илиады» гласит: «Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына...»). Безрассудным Ахилл назван потому, что гнев его был вызван личной обидой на главного ахейского полководца Агамемнона и не нанес тому особого ущерба, зато послужил причиной множества бедствий для греков и для самого Ахилла, который лишился своего друга Патрокла, убитого Гектором.

³⁸ *...грубый Энний...*— См. II, 445 и примеч. Здесь слово «грубый» передает латинское «rusticus» (деревенский, неотесанный), близкое по смыслу к «rudis» и явно им спровоцированное, хотя ни один античный писатель «деревенщиной» Энния не называл (это лишний раз показывает, что и «rudis» понято Петrarкой слишком буквально).

⁴³⁻⁴⁵ *...Зрю, как со временем вольной хвалою...*— Это не прямое пророчество об «Африке» (но ведь и Лелий — не поэт и не небожитель), однако несомненный на нее намек: кроме как с Петrarкой (и тогда, конечно, в пользу Петrarки) Энния в качестве певца подвигов Сципиона сравнивать просто не с кем. Какую зависть имеет в виду поэт, сказать трудно: честолюбивые завистники героя явятся в повествовании позднее, «суровый» завистник Катон (II, 143-144) явится еще позднее и вне пределов повествования, а «грубому» и зависимому от Сципионов Эннию ничья зависть не мешает — остается полагать, что Петrarка уже в который раз не удержался помянуть недобрым словом этот столь ненавистный ему порок.

⁴⁶⁻⁶⁹ *Ни у кого никогда природного столько величья...*— Скульптурный портрет Сципиона Петrarке известен не был и, всего вернее, он не знал даже портрета «Мужчины со шрамом», существующего в нескольких экземплярах и долгое время считавшегося портретом победителя Ганнибала, так как шрам означает храбрость (теперь этот портрет пожилого лысого мужчины идентифицирован как портрет жреца Исиды). В 1972 г. Сципион был (пока безоговорочно) опознан в «Воине в дожаном шлеме» (музей в Эрбахе) — эта скульптура III в. до н.э. представляет собой голову широколицего и явно атлетически сложенного молодого мужчины приятной наружности с коротко подстриженными кудрявыми волосами, выбивающимися из-под плотно прилегающего ко лбу и вискам кожаного шлема, украшенного диадемой. Однако, пусть и не выдав портрета Сципиона, Петrarка не мог не знать портретов и статуй римлян времен республики, да притом их внешний вид описывался в читанных им книгах. Петrarка не мог не знать, что римляне коротко стриглись, практи-

чески никогда не бывали блондинами, редко отличались высоким ростом (особенно аристократы, так что полководец всегда бывал ниже своей же отборной дружины, куда набирались воины поздоровее), а также, что сравнение с царем было в Риме весьма сомнительным комплиментом и касательно преимуществ царской парижности римляне отнюдь не обольщались, а слишком уж «услаждающая взор» внешность молодого человека попросту вредила его репутации (так случилось, например, с Цезарем). Судя по письменным источникам, Сципион был крепким и здоровым молодым человеком с открытым лицом, на котором читались сразу энергия и добродушие, — точно таков Эрбахский портрет. Богоподобным златокудрым и притом нестриженным красавцем саженного роста Сципион никак не мог быть, а Петрарка никак не мог вовсе об этом не знать, но средневековые каноны рыцарской красоты были именно таковы и отклониться от них поэту было гораздо труднее, чем наделить своего героя совершенно фантастическим для родовитого и просвещенного римлянина обликом.

⁷⁶ *...еще не изжил и третий десяток...* — О возрасте Сципиона см. примеч. I, 115. Хотя родовитые римляне не так уж редко совершали свои первые полководческие подвиги в ранней молодости, это всегда привлекало внимание, — так и Ливий отмечает, что Сципион отправился в Испанию, когда ему «едва минуло двадцать четыре года» (XXVI, 18).

⁹⁰⁻⁹⁴ *По всей стране Гесперийской...* — Намек на имеющийся у Ливия рассказ о том, как Сципион после очередной победы брал заложников от испанских племен, и в числе этих заложников оказалась некая красавица, невеста молодого кельтиберского князя Аллуция: расспросив девицу и узнав о предстоящем ей браке, Сципион призвал ее родителей и жениха, обласкал их, а принесенный родителями выкуп, отдав им прежде дочь, вручил Аллуцию как свадебный подарок, после чего тот «радостный от таковых даров и почестей, был отпущен восвояси и повсюду среди соплеменников своих по заслугам прославлял Сципиона, что явился-де юноша, точь-в-точь бог, и что сколь всепобеден он оружием, столь же доброю и добротством» (XXVI, 50).

¹⁰⁵⁻¹¹⁴ *Да повторять ли сказки все?* — «Намеренно или же по случайности, а ставил сей муж кое-кого поверить расхожему среди простонародья мнению, будто он — отрасль божья, и так перенес на себя прежнюю молву об Александре Великом, равно пустую и баснословную, будто был он зачат от соития с исполинским змеем и будто в спалне матери его весьма часто примечали оноо диво, но стоило взойти туда человеку, как оно мигом взвивалось кольцами и скрывалось от глаз» (Ливий, XXVI, 19).

¹¹⁵⁻¹²² *Часто, от всех удалясь...* — Сципион посещал храм Юпитера Капитолийского (см. примеч. III, 475-479), которого в народе и почитали его небесным отцом, как некогда почитали отождествленного с Амоном Зевса отцом Александра Македонского. О посещениях Сципионом храма Ливий упоминает кратко и с некоторым холодком (XXVI, 19), считая, что именно этим способом Сципион поддерживал слух о своем чудесном рождении, — в рассказе Лелия чудесное рождение представлено едва ли не как достоверность (хотя это противоречит I и II песням), а посещения храма оказываются его естественным следствием.

¹²³⁻¹²⁶ *С твердой надеждой...* — Еще ранее (в той же главе) Ливий отмечает: «И то сказать, Сципион вызывал восторг не только действительными своими доблестями, но также и неким измлада изощренным умением их обнаруживать перед толпою, действуя то ли в согласии с ночными своими видениями, то ли словно по божественному наитию, — быть может, и собственный его дух пребывал во власти некоего суеверия, а, быть может, все это было для того, чтобы собственные его приказы и советы исполнялись без промедления, словно ниспосланные гласом судьбы». Далее следует рассказ о посещениях храма, а затем о молве про чудесное рождение. У Петрарки, напротив, Лелий пространно (до ст. 147) развивает тему боговдохновенности. Уместно отметить, что Сципион — один из любимых персонажей Ливия, однако эта симпатия не мешает историку критически подходить не только к преданию о герое (например, о его рождении), но и к характеру самого героя (к способам, которыми он делал карьеру). Петрарке такой подход совершенно чужд не только из-за особенностей избранного им жанра (в эпической поэме нет места критике предания, но сложному характеру находилось место уже у Гомера), а еще

и потому, что его Сципион и его собственная любовь к Сципиону сами по себе были пропагандой нового мироощущения и в таком качестве не имели права быть неоднозначными. В этом отличие Петрарки даже, например, от Стация (I в. н.э.), который с полным доверием упоминает предание о беседах Сципиона с Юпитером, но упоминает между делом, в перечне других легенд:

Так прилежанию к уставам святым и к божьему чину
Нуму в пещерной тиши научала Эгерия кротко,
так Сципионовым снам, что латинский наваял Юпитер,
вера в народе была, да и Сулла не жил без Феба... («Сильвы», III, 291)

О Нуме см. I, 515–516 и примеч.; Сулла, победитель Мария и диктатор с 82 г. до н.э., отличался не только жестокостью, но и суеверностью – он считал себя любимцем небожителей и особенно Аполлона, своего главного повелителя, советчика и помощника, так что всегда носил с собой небольшой кумир этого бога и часто без видимого повода его целовал.

^{150–153} ...уже Карфагена твердыню... – Ср. III, 40–58 (Сципион сообщает Лелию свои намерения).

^{172–179} *Послан на помощь вождя достолавный родитель...* – Речь идет о событиях 218 г. до н.э., когда Ганнибал, перейдя Альпы, принялся опустошать Цизальпийскую Галлию. Посланный туда консул Публий Корнелий сошелся с Ганнибалом в битве при Тицине (ныне Павия), потерпел поражение и едва не погиб сам, однако был спасен сыном. Далее в той же главе Ливий пишет: «Целий приписывает подвиг спасения консула рабу-лигуру, однако же что до меня, то мне было бы приятнее, если бы оказался правдив рассказ о сыновней помощи – в пользу его правдивости свидетельствуют почти все книги, да и сохранившиеся в народе предания» (XXI, 46). Луций Целий Антипатр – римский анналист середины II в. до н.э., написавший историю войны с Ганнибалом. Лигуры – кельтское племя в Северной Италии.

¹⁸² ...славные Канны... – После битвы при Тицине Ганнибал разбил римлян также при Требии (218 г. до н.э.) и при Тразименском озере (217 г.), поэтому небывалое поражение римлян при Каннах (216 г.) многим казалось окончательным.

^{195–241} *Сойдясь под началом Метелла...* – Ливий пишет, что хотя в это время находились многие спасшиеся от Каннского побоища войсковые трибуны, защита города была вверена совсем молодому тогда Сципиону. Когда он со своим коллегой Клавдием Пульхром (также войсковым трибуном, участником Каннской битвы, в 211 г. до н.э. погибшим под Капуей) и с другими совещался о положении дел, Публий Фурий Фил сообщил им, что именно в это время иные знатные юноши во главе с Луцием Цецилием Метеллом (Петрарка в ст. 227 ошибочно называет его Квинтом) «обратили взоры свои к морю и кораблям, чтобы покинуть Италию и бежать к какому-нибудь царю» (XXII, 53; за свою трусость Метелл при очередном цензе был лишен права голоса и переведен в податное сословие эрариев, но еще через год, в 213 г. до н.э., был избран народным трибуном, так что отделился сравнительно легко, хотя «большая карьера» для него, конечно, закрылась навсегда). И далее: «Сципион полагал, что среди столь страшного бедствия надобно не совещаться, но действовать, и посмелее, а потому пусть все, пекущиеся о спасении государства, возьмут мечи и идут вслед за ним... Так с немногими спутниками двинулся он к дому Метелла, нашел у него в полном сборе названных молодых заговорщиков, простер над их головами обнаженный меч и молвил: «С истинною верою клянусь, что ни сам не изменю отечеству и ни единому из граждан сею не позволю, а ежели я умышленно лгу, тогда ты, всеблагодой и всемогущий Юпитер, порazi навхудшей напастью меня вместе с домом моим и семейством моим и всем именем моим! Такой же клятвы я требую от тебя, Луций Цецилий, и от всех, здесь присутствующих, – а кто не поклянется, тот пусть знает, что этот вот меч занесен над ним». Все перепугались не меньше, как если бы узрели пред собою победоносного Ганнибала, а потому поклялись и вручили себя попечению Сципионову» (там же). *Амфитрионов сын* (ст. 212) – Геркулес, земным отцом которого был Амфитрион, супруг Алкмены. *Звероподобный народ* (ст. 213) – кентавры, которых Геркулес перестрелял из своего знаменитого лука (см. III, 387 и примеч.). *По году шестому* (ст. 240–241) – очередная хронологическая путаница, битва при Каннах была всего на два года позднее битвы при Тицине: при Тицине Сципиону было 17 лет, при Каннах 19, а по

году шестому» после спасения отца он уже предложил себя в командующие испанской армией, которую вскоре и возглавил.

²⁴²⁻²⁴³ *...великие светочи Рима.* — Публий и Гней Сципионы, погибшие в 212 г. до н.э., после чего Испания вновь отошла к карфагенянам (см. I, 230-455 и примеч.).

²⁴⁶⁻²⁵¹ *Ни одного не нашлось.* — Ливий пишет, что вопреки ожиданиям консулов и народа пикто из именитых граждан не выдвинул своей кандидатуры на должность проконсула Испании (т. е. фактически полководца), хотя день выборов был уже назначен. В назначенный день граждане явились на сходку на Марсовом поле, но и тут никто не вызвался быть проконсулом, и тогда среди всеобщего замешательства и сетований поднялся молодой Сципион, предложил свою кандидатуру и немедленно был избран. Получив это назначение в 211 г. до н.э. и начав войну в 210 г., Сципион к 207 г. полностью подчинил Испанию Риму (см. также I, 115-134 и примеч.). *За родителя с братом* — ср. у Флора: «Ради отмщения за отца и брата отцова послан был с войском Сципион, который... — сказать, не поверят! — отвоевал всю Испанию от Пиренейских гор до Геркулесовых Столпов и Океана, так что и не поймешь, чего тут было больше, расторопности или удачи» (I, 6). *Под ярмо квирицких уставов.* — Т. е. римских законов (о Квиринах и квирицах см. III, 518 и примеч.). Каковы бы ни были личные качества Сципиона, большая часть Испании превратилась после его похода в римскую провинцию, жители которой становились данниками Рима — попадали именно под ярмо.

²⁵⁵⁻²⁵⁶ *...вплоть до хребта, что зовется по присножибому пламени.* — Т. е. до Пиренеев. Происхождение названия неясно, однако греки исстари знали эти горы как «Ругенава» и возводили их имя к греческому «λῆρ» — «огонь», который является одной из четырех предвечных стихий и потому «приспоживой».

²⁵⁹⁻²⁸⁶ *Малый пример изберу.* — Лелий рассказывает Сифаку о взятии Нового (или Иберийского) Карфагена (ныне Картахена), города на Средиземноморском берегу Испании, основанного в 227 г. до н.э. Гасдрубалом Гисгоиндом и взятого Сципионом в 209 г. до н.э. (затем туда была выведена колония римских граждан, процветавшая благодаря прекрасной гавани и находившимся по соседству богатым серебряным и оловянным рудникам). В описании штурма Петрарка следует Ливию (XXVI, 41-47). О фригийских пенатах см. примеч. I, 354 — здесь имеются в виду не кумиры божеств, а сами божества. Спор за ственную корону между центурноном Квинтом Тиберилием и моряком Секстом Дигитием, едва не приведший к поножовщине между моряками (чью сторону держал сам Лелий) и легионерами (за них стоял известный полководец Марк Семпроний Тудитан), как и разумный приговор Сципиона, тоже передает Ливий (XXVI, 48), но никаких речей у него Сципион не произносит, а только объявляет, что «по достоверным известиям» Тиберилий и Дигитий взойли на стену одновременно. Описывает Ливий и милосердие Сципиона к карфагенским пленникам (XXVI, 49), но в его рассказе это милосердие, не без некоторых усилий, пробуждает престарелая супруга одного из илгергетских вельмож (илгергеты — племя на юге Испании, поочередно поддерживавшее Рим и Карфаген). Мотив «похотливых взоров» у Ливия, естественно, отсутствует — Сципион просто приказывает надежному человеку охранять пленниц и оказывать им всяческое уважение. Сразу после этого (XXVI, 50) у Ливия следует рассказ о прекрасной певичке князя Адлудия (см. примеч. IV, 90-94).

²⁸⁵⁻²⁸⁸ *Дивитссь... о боги.* — Оборванная на середине строки похвала Сципиону может вызвать предположение о лакуне между сохранившимся окончанием IV песни и началом V песни. Сами по себе оборванные строки, как уже отмечалось, демонстрируют только ориентацию Петрарки на «Энеиду», но сохранность текста поэмы далеко не идеальна, наличие лакун несомненно (см., например, примеч. III, 105-107), и порой неполнота стиха не является поэтическим приемом — это оговаривается в комментариях, но заметно и при обычном чтении, просто по смыслу. В данном случае обрыв стиха ни смысла ни синтаксиса не нарушает, но между событиями, описанными в IV песни, и дальнейшим повествованием имеется очень значительный фабульный разрыв, разделяющий поэму как бы на две части: от сна Сципиона до поездки Лелия к Сифаку и от победы над Сифаком до окончания войны — все, происшедшее за несколько лет между этим, опущено. Ничего общего с обычной (от слова до нескольких строк) лакуной такой пропуск не имеет — если здесь есть недостача, то не хватает сотен строк. Предположение, что в середине поэмы пропу-

щено не менее песни («книги») возникло уже у первых читателей «Африки» — в этом отношении показательно письмо Колуция к зятю поэта (см. раздел «Дополнения», IV).

Действительно, Петrarка опускает в своем повествовании очень много важных событий, непосредственно связанных с основной темой, т. е. с противоборством Сципиона и Ганнибала, — естественно возникает вопрос, объясняется ли этот пропуск каким-то сознательным намерением, либо тем, что Петrarка не успел-таки дописать «Африку» и притом писал ее «не подряд», либо тем, что после его смерти середина поэмы была по каким-то неведомым нам обстоятельствам утрачена.

При последовательно-хронологическом повествовании между IV и V песнями должны были бы быть описаны или упомянуты хотя бы следующие события (ниже дается самый краткий из возможных перечней).

После предварительных переговоров Лелия с Сифаком Сципион посещает царя сам, заключает с ним союз против Карфагена (см. III, 337—361), возвращается в Испанию, а весной 205 г. до н.э. победителем является в Рим, выдвигает свою кандидатуру в консулы и начинает готовить экспедицию в Африку. Весной 204 г. до н.э., уже избранный консулом, он высаживается с войском в африканской Утике, но на поддержку Сифака рассчитывать более не может: еще до высадки царь оповестил Сципиона, что женился на дочери Гасдрубала Гисгонида Софонисбе и заключил новый союз с Карфагеном. Не смущаясь возникшими затруднениями (их можно было ожидать, так как Гасдрубал присутствовал при встрече Сципиона с Сифаком и уже тогда пытался воспрепятствовать их союзу), молодой полководец заключает союз с Массиниссой, царем массивов, обитавших между Карфагеном и землями Сифака. Прежде Массинисса был в союзе с Карфагеном, и Софонисба была обещана ему, но, сделавшись жертвой дипломатии Гасдрубала, он сблизился со Сципионом и остался верным союзником римлян до конца своих дней. Через год после высадки Сципион, поддержанный кавалерией Массиниссы, разбил близ Утики соединенные силы карфагенян и Сифака. Сифак пытался отступить, близ Цирты дал — уже только собственными силами — бой преследовавшим его Лелию и Массиниссе, но был наголову разгромлен и взят в плен, после чего Массинисса вступил в Цирту. Со вступления Массиниссы в Цирту и начинается V песнь, т. е. пропуск в хронологически-последовательном описании событий, действительно, огромный.

По этому поводу существует несколько мнений. Феста в целом разделяет мнение Колуция о «великой лакуне», но развивает по этому поводу стройную, хотя и несколько фантастическую гипотезу, которую сам, однако, гипотезой не считает. Он утверждает, что не только середина поэмы утрачена, но перенутаны также и строки в имеющемся тексте, а именно почти 200 строк из недостающей середины попали в начало III песни (ст. 90—262, описание картин во дворце Сифака). Соответственно, после первой оборванной строки (III, 89) он отмечает лакуну, хотя этот обрыв не нарушает ни смысла, ни синтаксиса и явно относится к числу «вергилианских» — притом это первый, но далеко не последний обрыв, а к последующим Феста терпим и отмечает лакуну лишь при достаточно очевидном нарушении целостности текста (по смыслу и по синтаксису). Так как ясно, что упомянутое описание рассказом Ливия никак не предопределено и в принципе могло бы в III песни отсутствовать, Феста утверждает, что это не описание дворца Сифака, а описание дворца Истины, у которой Сципион побывал в гостях и встреча с которой (в числе прочих событий, известных нам по Ливию, т. е. исторических) изображалась в одной из утраченных песен. Предположение это имеет основанием сочинение самого Петrarки — латинский трактат «О сокровенном», написанный в 1343 г., когда, по собственному свидетельству поэта, первые четыре песни были давно готовы. Трактат написан в форме диалогов автора с бл. Августином (читавшим «Африку» и цитирующем строки из VII песни, которая, стало быть, к тому времени существовала хотя бы в набросках), причем беседы эти проходят под покровительством Истины, тоже с удовольствием читавшей «Африку» (это уже штрих к характеру Петrarки!) и говорящей, что в этой поэме воспета она сама и ее дворец на вершине Атласских гор. Ничего подобного Феста в поэме не обнаружил, а перерыв в повествовании имеется — предположение о «великой лакуне» напрашивается само собой, а поиск ее следов приводит увлеченного текстолога и к гипотезе о заблудившемся описании дворца.

Следует сразу отметить, что эта гипотеза (вроде бы частная, но подкрепляющая концепцию в целом) не выдерживает никакой критики. Петрарка — последовательный христианин, даже Юпитер у него отождествлен с Единным Богом, в результате чего и Олимп лишается привычного мифологического реквизита (песнь VII), так что Истина его — это Истина христианская, вечная, и обретаться во дворце, построенном Атлантом и украшенном языческими картинками, никоим образом не может. Такой дворец может принадлежать лишь могущественному царю-язычнику — этот царь в поэме есть, о роскоши его дворца сказано до «путаницы строк», затем действительно описывается очень роскошный и очень языческий дворец, и нет ни малейших оснований думать, будто дворец этот не Сифаков. Что касается воспеания самой Истины, то опять-таки нет оснований полагать, что Истина была воспета Петраркой как некое антропоморфное существо, — то, что она такова в трактате, не значит, что она такова в поэме. Воспеается же она в имеющемся у нас тексте постоянно: уже в I песни Публий Корнелий научает сына вечной Истине, затем это же делает его брат, да и на протяжении всей поэмы герои все время открывают друг другу «сущую правду» — Лелий Сифаку, Гомер Эннию, Энний Сципиону, Сципион Ганнибалу и т. д. Стихотворческий труд во славу Истины предполагает декларированную правдивость текста (и такими декларациями «Африка» изобилует), изображение же самой Истины в качестве действующего лица — прием совершенно факультативный. Будь Сифаков дворец дворцом Истины, можно было бы вместе с Феста полагать, что и хозяйка дворца описана с соотносимой конкретностью, но хозяйка дворца — Сифак, и тема «Сципион в гостях у Истины» лишается всякой опоры. Это не значит, что в поэме никогда не было строк об Истине, обитающей на вершине Атласа, — еще в 1343 г. они были, коль скоро сам Петрарка об этом пишет. Но он не пишет, сколько их было, и это вполне мог быть небольшой (в несколько стихов) пассаж, впоследствии — при доработке поэмы — изъятый. И вот для такого предположения повод есть. С одной стороны, «громоднокаменный Атлас» назван блюстителем справедливости (III, 46–50), мотив этот развит достаточно ярко и, учитывая склонность поэта к пышным описаниям, мог быть продолжен стихами о том, что пронзающая облака вершина увенчана чертогом Истины, — тем паче, что об Атласе говорит Сципион и именно в рассуждении о праведности миропорядка. С другой стороны, эти строки должны были оказаться избыточными (самое позднее) после завершения VII песни, в которой блюстителем справедливости изображен Бог, причем никакая Истина с Ним не соседствует, ибо Он и есть Истина. Видимо, во время создания трактата «О сокровенном» Петрарка еще не описал чертог небесной справедливости, где пред лицом Божьим происходит прение двух столиц, но после такого поворота сюжета громоздить на Атлас еще один — и притом другой! — чертог справедливости было излишне не только поэтически, но и идеологически. Выходит, что поэт сам изъясил упомянутые в трактате строки, когда в очередной раз правил поэму, а правил он ее очень тщательно, о чем известно от него же. А за вычетом фантастического сюжета о дворце Истины мнение Феста сводится к мнению Колуция — оба считают середину поэмы утраченной.

Другие исследователи этого мнения не разделяют, и неудивительно: пропажа сотен строк из середины поэмы должна объясняться какими-то экстраординарными обстоятельствами, а о таковых ничего не известно — остается объяснять перерыв в повествовании причинами не «внешними» (порча текста), а «внутренними» (сознательным авторским замыслом). Сам по себе такой подход представляется верным, потому что основывается на одном из основополагающих филологических принципов — на доверии к текстам, утрата которого приводит к текстологическому произволу. Итак, само по себе намерение интерпретировать имеющуюся в наличии, а не выдуманную «Африку» не вызывает никаких возражений, но конкретные интерпретации не всегда представляются достаточно основательными.

Гвидо Мартеллотти (1951) полагает, что поэма не зря как бы разделяется на две части: по его мнению, она имеет также и «два начала» — первые четыре песни написаны «под знаком Макробия» (т. е. вдохновлены «Сном Сципиона»), следующие пять «под знаком Ливия», а пропуск представляет собой сознательно подчеркнутую поэтом границу между частями. С этим трудно согласиться. «Знак Макробия» не затмевает «знака Ливия» даже в первых двух песнях, где много цитат из «Сна Сципиона», — отсылка к событиям войны там ненамного меньше. В следующих двух

песнях «первой части» мотивы «Сна Сципиона» практически отсутствуют, а из Ливия взято много, так как Лелий, в сущности, пересказывает Ливия. А при этом почти вся V песнь посвящена страданиям любви, треть VI – описанию преисподней, значительная часть VII – преию на небесах, VIII – красотах Рима, а уже в IX песни возвращение и триумф Сципиона просто тонут в пророчествах и рассуждениях. Поэтому интерпретация Мартеллотти оказывается натянутой.

Т. Берджин и А. Вильсон (1977) полагают, что Петрарка просто не хотел изображать своего героя политиком-дипломатом, интригующим в Сенате, меняющим союзников и т. п., – не хотел и не изобразил: «у Музы нет аппетита к политике». Но и с этим трудно согласиться – Петрарка пропустил не только «политику», но и приключения Сципиона при поездке к Сифаку, переправу войска, первую победу в Африке и многое другое, что описывать любил. Что у его Музы не было аппетита к политике, это тоже спорно, ведь сенатские интриги в VIII песни описываются со вкусом – это дает поэту возможность лишний раз осудить ненавистную ему зависть. Вряд ли он усомнился бы написать, что против высадки в Африке возражали завистники «звездного юноши», – а уж рождение дружбы между молодым римским полководцем и молодым нумидийским царем и вовсе не обязательно связывать с дипломатическими интригами. Так что и эта интерпретация представляется натянутой, согласиться можно лишь с ее предпосылкой, т. е. с тем, что Петрарка был поэт своеобразный и мог пренебречь повествовательной последовательностью ради чего-то другого.

Что Петрарка сделал пропуск по своеволию, предположил несколько ранее (1972) и А. Бернардо, но объяснил это иначе: по его мнению, поэт просто не сумел пересказать стихами соответствующие главы Ливия, а потому и пропустил их, не очень заботясь о перерыве в повествовании. Указать на своеволие Петрарки никогда не лишне, в остальном же эта интерпретация вызывает даже не несогласие, а удивление. Почему описать одни переговоры поэт мог, а другие не мог? Почему он мог описать поражение Ганнибала, а поражение Сифака было ему не по силам? Почему вообще нужно сомневаться в способности Петрарки «пересказать стихами» что бы то ни было? Сочинение стихов на заданную тему входило в школьную программу, и «пересказывать» умели поэты, с Петраркой не сопоставимые ни по таланту, ни даже просто по выучке. Но есть и такая интерпретация.

Предпочтительным представляется подход Коррадини, который точнее всех формулирует проблему, хотя со свойственной ему осторожностью от решения ее отказывается. Опираясь на свидетельство Колуция о том, что пропуск имелся уже в очень тщательно исполненной копии с авторской рукописи, а при этом достоверно зная из всех источников о бережном отношении поэта к своему архиву, Коррадини возможность порчи текста исключает. Исключает он и возможность недоработки: в каком бы состоянии поэт ни оставил рукопись, но незадолго до смерти в «Послании к потомкам» он называл поэму давно готовой и как бы он ее, по собственному его выражению, ни «шлифовал», но это касалось мелочей, – поэму без середины Петрарка готовый назвать не мог. Из всего этого Коррадини делает единственно допустимый вывод: сам поэт считал свою поэму в композиционном отношении вполне связанной и никакой повествовательной непоследовательности в ней не видел, а если что-то из событий войны пропустил, то так и было задумано – поверхностное впечатление, будто в поэме чего-то недостает, является ложным.

Возразить тут нечего, но чем четче сформулирована проблема, тем она острее. Если от Колуция и до наших дней все, кроме осторожного Коррадини, так или сяк стараются объяснить перерыв в повествовании, т. е. видят нарушение связности, а Петрарка этого нарушения не видел, значит, мы имеем дело с двумя различными представлениями о связности. Почему повествовательная связность представляется нарушенной, уже говорилось, и такое представление вполне понятно – не зря оно благополучно существует уже 600 лет. Однако у Петрарки явно было иное представление о связности – мы не можем не признать это вслед за Коррадини, но не можем таким признанием удовлетвориться. Конечно, Петрарка адресовал «Африку» читателю, знающему историю II Пунической войны и знающему, следовательно, что происходило между визитом Лелия к Сифаку и захватом Цирты, – однако в других случаях поэт до такой степени читательской осведомленностью не злоупотребляет, хотя по избытию намеков и кратких упоминаний ясно, что он на нее рассчитывал.

При такой авторской ориентации собственно повествовательное назначение текста становится второстепенным (все и без того знают, что произошло и когда), а на первый план выдвигаются другие задачи — даже по оглавлению видно, что «Африка» вовсе не сводится к описанию войны с Ганнибалом. А если так, то представляется целесообразным понять не то, почему поэт отказался от описания стольких событий, но то, что побудило его перейти к описанию несчастной страсти Массиниссы непосредственно после описания победы над Испанией.

В большинстве эпических поэм песни не слишком сильно различаются размером — читатель так привык к этому, что вряд ли замечает. А вот в «Африке» деление на песни очень неравномерное, причем это касается песен, о законченности которых и вопроса не возникает. И причина тому вполне очевидная: каждая песнь обладает определенной внутренней цельностью, от количества строк не зависящей. Например, две первые песни, если вычесть вступление, по объему не больше VII песни, но все-таки Петрарка делит сон Сципиона на две части — в первой он узнает о прошлом, во второй о будущем, а граница (и соответственно связь) этих тем подчеркнута разделением на две песни. Подробнее о композиции см. статью в настоящем издании, а здесь ограничимся рассмотрением связи между IV и V песнями. В песни IV Леллий завершает похвалу Сципиону рассказом о проявленном им при взятии вражеского города целомудрии — а после эффектного обрыва строки песнь V повествует о том, как в сходных обстоятельствах Массинисса повел себя точно наоборот, хотя под конец оказался обуздан все тем же благочестным Сципионом. Контраст между самоотверженным целомудрием и греховной страстью создает границу между песнями (дополнительно подчеркнутую просодией), а тема преодоления страстей создает между песнями прочную связь. Если бы между песнями был долгий интервал, заполненный повествованием о событиях, пусть имеющих прямое отношение к Сципиону и к войне, но не имеющих ни малейшего отношения к страсти и к целомудрию, то не было бы ни контраста, ни прочной связи (ведь у последовательного Ливия этого нет) — и столь важная для Петрарки тема ушла бы из поэмы, растворившись в летописи войны, так как целомудрие Сципиона и страсть Массиниссы делают эту тему эффектной, лишь будучи в тесном соседстве, иначе это две отдельные истории. Создать тесное соседство можно было единственным способом: пропустить все, что было между взятием Нового Карфагена и взятием Цирты, — и Петрарка все это пропустил, так как мораль интересовала его больше, чем история, поэтического же своеволия ему было не занимать и «неправильность» такого огромного пропуска наверняка не была ему страшна, потому что он выполнял лишь те задачи, которые задавал себе сам.

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

В поэме довольно много стихов, так или иначе перекликающихся с итальянскими произведениями Петрарки: в некоторых особо существенных случаях такое сходство отмечается, но в несущественных (а их большинство) — нет, потому что главной задачей этого комментария является не доказательство внутреннего единства творчества поэта, а обнаружение его связи с античной традицией и способов трансформации этой традиции. Однако песнь V представляет собой своеобразное исключение: имея основным предметом описания любовную страсть, она не просто перекликается с итальянскими стихами Петрарки о любви, но фактически является, как уже отмечалось многими исследователями, их квинтэссенцией — едва ли не каждая строчка соответствует строчке того или иного (а часто и не одного) стихотворения к Лауре. Если при обращении к другим темам поэту удастся в той или иной мере оставаться «римлянином», то о любви он пишет как человек своего времени, используя античные образы лишь в качестве уместных метафор и сравнений, каких у него множество и в итальянских стихах. Исчерпывающее сопоставление лирики Петрарки с V песнью «Африки» имеется в комментарии Коррадини. Не повторяя его труда, но полагая необходимым подчеркнуть указанную особенность V песни, мы ограничимся приведением выборочных примеров, пользуясь для сопоставления только сонетами в переводе Вяч. Иванова в кн.: Петрарка. Автобиография, исповедь, сонеты. М., 1915. С. 233–267 (использовать разные переводы для наших

задач нецелесообразно, а интерпретация Вяч. Иванова при всем ее несовершенстве кажется — опять-таки для наших задач — предпочтительной, так как Вяч. Иванов был не только крупным поэтом и переводчиком, но и эрудированным классическим филологом).

¹ *Се величавый градет победитель...* — Массинисса (чаще его имя пишется чуть иначе — Масинисса, но поэт, вероятно, следовал орфографии имевшегося у него экземпляра Ливия) был сыном Галы, царя массилов, обитавших в Восточной Нумидии, т. е. между Карфагеном и западнонумидийскими массесилами, подданными Сифака. Детство и юность он провел в Карфагене, где получил хорошее образование, — имел представление даже о греческой и латинской литературе. Он был принят в доме Гасдрубала Гисгоида и обручен с его дочерью Софонисбой, так что в будущем молодой нумидийский царевич должен был (благодаря такой карфагенской дипломатии) оказаться карфагенинином на нумидийском престоле, главой буферного государства массилов, соседом и врагом союзного в ту пору римлянам Сифака, с которым Массинисса успешно воевал и которого (после гибели старших Сципионов) принудил к договору с Карфагеном. В Испании он воевал под началом Гасдрубала и участвовал в гибельной для старших Сципионов военной операции (см. примеч. I, 260–261), но когда юный Сципион отвоевал Испанию и великодушно отпустил плененного Массиву, племянника Массиниссы, между молодыми полководцами стали завязываться доверительные отношения. Вскоре Сифак изменил союзу с Римом и женился на Софонисбе, а смертельно обиженный Массинисса сделался еще более привержен Сципиону и Риму. Тут умер его отец, но враждебный Массиниссе Сифак сразу напал на него и вынудил бежать, так что раненому царю пришлось даже прятаться в пещере, да и когда он взойшел на отцовский престол, эти нумидийские усобицы продолжались. Вскоре по прибытии Сципиона в Африку Массинисса открыто перешел на сторону римлян и участвовал в их военных экспедициях. В 203 г. до н.э. он вместе с римлянами разгромил войско Сифака и (уже только со своими массилами) вступил в Цирту.

²⁻⁴ *...радостен зреть пенатов отчих...* — Цирта была единственной в Нумидии царской резиденцией, но принадлежала роду Сифака, т. е. массесилам, и впоследствии Массинисса, хотя и сделался с римской помощью царем «единой и неделимой» Нумидии, столицей своей назначил так называемый Царский Гиппон — город, основанный финикийцами из Тира на территории массилов. Однако законным царем единой и неделимой (пусть еще не существующей в таком качестве) Нумидии он выведен уже в этих стихах, а, стало быть, резиденция неважно каких нумидийских царей представлена родиной его предков, куда наконец-то возвращается наследник «дедовских палат».

¹² *...еот и она...* — Софонисба. В описании ее отношений с Массиниссой Петрарка довольно близко следует Ливию (XXX, 12–15), однако, по мнению Г. де Санктиса, сам Ливий заимствовал эту историю «в уже романизованном виде» из какого-то скорее поэтического, чем исторического источника, — вероятно всего, из «Анналов» Энниа, хотя среди сохранившихся фрагментов ни один к данному сюжету не относится. Петрарка пишет об этой несчастной страсти также в «Триумфе любви» (2, 3–87).

²⁰⁻²⁹ *Прелести светоч ес...* — Описание красоты Софонисбы буквально в каждой строчке совпадает с рассеянными в итальянских стихах Петрарки и утомительными для цитирования описаниями красоты Лауры, тоже, разумеется, златокудрой (причем ее златокудрость, в отличие от златокудрости Софонисбы и тем более Сципиона — ср. IV, 50–51, — вполне достоверна, так как уже римские дамы умели при желании быть блондинками, а итальянские достигли в этом искусстве еще большего совершенства и при некоторых поворотах моды делались блондинками практически поголовно).

³⁹⁻⁴⁰ *...Медузе вослед...* — см. III, 181–183, 407–408 и примеч.

⁴¹⁻⁴³ *Блеск недавних слез...* — Ср. сонет CV, 123(5–8):

Затмили слезы двух светил хрусталь
Светлейший солнца. Кротких уст моленье,
Что вал сковать могло б и сдвинуть даль,
Изнемогло, истаяло в томленье.

То же в сонете CVI, 124(5–8):

Невинностью и прелестью смиренной
Пленителен красы унылой вид.
Богини ль то, как смертная, скорбит?
Иль светит в скорби свет богоявленный?

⁴⁸ ...кости слоновой белой.— В нашем восприятии слоновая кость имеет желтоватый оттенок и для сравнения с красивыми зубами не подходит: гораздо привычнее сравнение с жемчугом или сахаром. Отсюда можно сделать лишь вывод об относительности всякого эталона, так как жемчуг при всей своей белизне передливается разными цветами, что вряд ли свойственно красивым зубам, а у сахара из-за мелкокристаллической структуры поверхность никогда не выглядит вполне гладкой, что опять-таки вряд ли свойственно красивым зубам. Любопытно, что само по себе представление о хороших зубах (белых, блестящих, не очень крупных и не очень мелких, образующих плотный и ровный ряд) на всем протяжении европейской культуры характеризуется редкостной стабильностью (в итальянских стихах к Лауре Петрарка сравнивает ее зубы с жемчугом — ср. сонет CVI, 124(12) и др.).

^{60–63} ...*вог так Громовержца молила Венера...*— Намек на эпизод «Энеиды» (I, 223–253), когда к озирающему Ливию Юпитеру «грустная, слезы в глазах блестящих,— подходит Венера» (I, 228) и просит положить конец скитаниям Энея; ...*когда по волнам носило Трою...*— т. е. когда троянские беглецы скитались по морям в поисках новой родины. Просьба за внука намекает на эпизод «Метаморфоз» Овидия (XVI, 765–778), когда богиня, видя Рим в смуте (у Петрарки «начало Рим благочестный») и убийц наготове, пытается заступиться за их будущую жертву, Юлию Цезаря, говоря: «Он мне остался один от крови дарданского Юла!» (XVI, 767). Действительно, Цезарь был последним из рода Юлиев, если считать прямое потомство, так как Октавий был внуком его сестры и сделался наследником лишь через усыновление. Нельзя не отметить, что в обоих случаях Венера просит безуспешно.

^{69–74} *Чует воитель...*— Ср. сонет III, 3:

Был день, в который по Творце вселенной
Скорбя, номеркло Солнце. Луч огня
Из ваших глаз врасплох настиг меня:
О госпожа, я стал их узник пленный!

Гадал ли я, чтоб в оный день священный
Была потребна кренкая броня
От нежных стрел? что скорбь страстного дна
С тех пор в душе пребудет неизменной?

Был рад стрелок! Открыл чрез ясный взгляд
Я к сердцу дверь,— беспечен, безоружен,
Ах, ныне слезы лью из этих врат.

Но честь ли богу — влить мне в жилы яд,
Когда, казалось, панцирь был не нужен?
Вам — под фатой таить железо лат?

Ср. также XXIV, 87(12–14):

Как молнией и громовым ударом,
Был ослеплен и оглушен зараз
Тем светом я — и слов приветным даром.

⁷³ ...*так и он смягчен и пленен...* — Этот стих представляет собой почти прямую цитату из Ливия: «Победитель был пленен любовью к пленнице» (XXX, 12). Ср. также у Горация:

Греция, быв пленена, пленителей грубых пленила...
(«Послания», II, 1, 156)

- имеется в виду проникновение в Рим греческой учености)

⁷⁶⁻¹¹⁶ ...*Боязливо приблизясь, царица...* — Ср. у Ливия: «На самом пороге встретила его жена Сифака Софонисба, дочь карфагенянина Гасдрубала, и так как Массинисса был приметен среди толпы воинов своими доспехами и не менее того всем своим обликом, то она догадалась — и верно догадалась, — что он и есть царь, обняла его колени и промовила: «Всякую, какая ни есть, власть надо мною дали тебе боги и доблесть твоя и счастье, но ежели позволительно пленнице воззвать к господину жизни и смерти ее, ежели позволительно ей принасть к коленам его и к победной его деснице, то я прошу и молю тебя — ради царского величия, коим недавно и я была наделена, ради чести племени нумидийского, бывшей общею у тебя и у Сифака, ради блюдущих сей дворец богов, кои да приветят теби здесь знаменьями получше тех, коими провожали отсюда Сифака, — яви мне милость по мольбе моей! Ты сам, самолично, вынеси пленнице твоей любой приговор, какого душа твоя ни пожелает, но не допусти никого из римлян вершить надо мною горделивый и жестокий суд! Будь я не более, чем жена Сифака, и тогда предпочла бы я довериться нумидянину, африканскому моему земляку, но не чужеземному инородцу, а уж почему страшен римлянин карфагенянке, да еще и дочери Гасдрубала — это тебе очевидно. Умоляю и заклинаю тебя: ежели никак иначе не можешь ты избавить меня от римского судилища, то убей!» Красоты она была замечательной и в самых цветущих летах, поэтому пока она припадала то к коленам его, то к деснице, добиваясь обещания, что не выдаст он ее никакому римлянину, то речь ее становилась уже не просьбою, но скорее прельщением — итак, душа победителя не только преисполнилась состраданием, но, будучи — как все нумидяне — отменно влюбчив, победитель был побежден любовью к пленнице. Протянув ей для рукопожатия правую руку в подтверждение того, что просьба будет исполнена, он удалился во дворец и принялся неотступно размышлять, как исполнить данное обещание, но придумать ничего не сумел и тогда в любовном помрачении решился на легкомысленное и бесстыдное дело: он вдруг велел готовить всё для свадьбы, чтобы заключить брак в этот же день и так отнять у Лелия и у самого Цициона всякую законную возможность распоряжаться как пленницей тою, которая успеет сделаться супругою Массиниссы» (XXX, 12). Бесчестие, которого боится Софонисба (и которое позднее было поводом для самоубийства Клеопатры), — участие в будущем триумфе Цициона: по римским обычаям знатных пленников, закованных в цепи, гнали по улицам перед колесницей победителя на потеху толпе. Софонисба считает, что Массинисса обоснованно перешел от обидевших ее карфагенян к римлянам (см. V, 124–125) и «по чести» мстит Сифаку, она же является его законной добычей — его, но не римлян. Однако ей так же известно, что триумф полагается лишь консулу или проконсулу, т. е. в данном случае Цициону, и что добытые во время войны знатные пленники передаются триумфатору, кто бы из подчиненных ему военачальников ни взял их в плен.

⁸¹ ...*пленнице вдовой...* — По-русски вдовой называется женщина, по смерти мужа живущая безбрачно (Даль), однако это лишь одно из значений латинского «*vidua*» — «женщина, бывшая замужем, но в данное время не имеющая мужа» (по причине ли смерти или развода, это так или иначе оговаривается). Софонисба — «*vidua*», так как лишалась мужа, взятого в плен римлянами, что в известном смысле равносильно разводу. По-русски такое значение слова «*vidua*» соответствий не имеет, а описательный перевод («покинутая», «одинокая») неизбежно придал бы тексту оттенки, в нем отсутствующие: Софонисба просто констатирует факт своего безмужнего положения, скорбит же не о вдовстве, а о плене.

¹⁰⁸⁻¹⁰⁹ ...*чревата душа...* — Ср. сонет LXXV, 88(9–14):

Я трепетал; не мог идущей мимо
 Я благосклонных выслушать речей
 И глаз поднять не смел. Но все палима
 Душа той новой нежностью очей!
 И болью давней сердце не томимо,
 И неги новой в нем поет ручей.

¹⁵⁶ ...*пленный Еврип или Сциллы рев или ярость Харибды...* — Еврип — узкий и опасный для кораблей пролив между островом Евбеей и побережьем средней Греции (Аттикой и Беотией); о Сцилле и Харибде см. примеч. III, 438–439. Сравнение

обуреваемого страстями или угнетаемого обстоятельствами человека с терпящим крушение моряком (ср. также IV, 175–180), иногда с самим Улиссом, для античной литературы традиционно – Петрарка использует его не только в своих латинских, но и в своих итальянских стихах. Ср. сонет LXXXVIII, 102 (9–14):

Призвал ли я иль принял поневоле
Чужую власть? Блуждает разум мой,
Я – утлый челн в стихийном производе,
И кормщика над праздною нет кормой,
Чего хочу, – с самим собой в расколе, –
Не знаю. В зной – дрожу; горю – зимой.

¹⁹⁸ ...любовь дружелюбие осилила пылом. – Т. е. царь свернул с пути добродетели на путь порока. Сама по себе любовь (*amor*) не рассматривается как порок и не вызывает никаких отрицательных коннотаций, если не является препоной благочестию, понимаемому достаточно разнообразно: благочестна привязанность к родителям и отчим святыням, благочестна скрепленная клятвой дружба, благочестны обязанности родича или союзника или опекуна – в римской иерархии ценностей благочестный долг стоит несравнимо выше воспринимаемых в лучшем случае нейтрально страстей, а любовь именно и есть страсть – итак, страсть Массиниссы к Софонисбе порочна постольку, поскольку нарушает его дружбу со Сципионом, пятая мирским священное.

^{205–210} Нищий, бродяга, беглец... – Массинисса несколько преувеличивает свои страдания: жизнь его в качестве сначала карфагенского и затем римского союзника была беспокойной, но почетной (как жизнь всякого полководца), а скитания и борьба за отцовский престол заняли лишь около года, однако кое в чем преувеличения нет – ни до, ни после воцарения жить в полной мере своим умом, ни от кого не завися в своих решениях, Массиниссе не доводилось, что его и уязвляет. Ср. также сонет II, 229(5–6):

Где тень найду, скиталец беспокойный?
Отраду где? Где сердца гордый мир?

²¹² ...дарит назад... – Т. е. возвращает обещанную ранее жену (см. примеч. V, 1).
^{214–215} ...ты ныне всецелый хозяин... – Ср. примеч. V, 76–116 (Массинисса, будучи союзником римлян, все еще рассуждает «по-нумидийски»).

²³¹ ...мы также рождены и долей... – Перевод по конъектуре Коррадини.
²³³ ...тоже и разница лет... – Массинисса у Петрарки одних лет со Сципионом («Триумф любви», 2, 56 – в действительности Сципион был года на три моложе), во время описываемых событий ему чуть за 30, что объясняет, в частности, почему он, живя и бывая в Карфагене в качестве жениха Софонисбы, знакомится с ней только после взятия Цирты. Как ни строго содержали карфагеняне женщин, но некоторое представление о своей нареченной жених обычно имел, Массинисса же мог иметь представление только о девочке, которая потому так долго и числилась его невестой, что ей по возрасту рано было вступать в брак, а когда она подросла, то ее выдали за Сифака, и жила она с ним недолго – вряд ли в момент взятия Цирты ей было многим больше 20, но вряд ли и меньше, так как она всюду изображается вполне способной к политическим интригам. Итак, она моложе Массиниссы лет на 10 (к такому же выводу приходят Т. Берджин и А. Вильсон). Никакого отношения к римским брачным нормам эта разница лет не имеет (знатные римляне вступали в первый брак при самом начале политической карьеры, т. е. рано, и не могли быть намного старше своих юных невест, а когда – как чаще и случалось – первый брак был не последним, то невесту выбирали не по возрасту, а по родству, так как всякий брак был прежде всего формой союза двух семейств), но некоторые, пусть не всегда исполняемые, правила, бытовавшие в Италии, отражает. Так, отец Микеланджело в письмах к сыну среди прочих наставлений наставлял его и касательно выбора невесты: жена должна быть моложе мужа на 10 лет и иметь более светлые, чем у него, волосы, – Микеланджело остался холостяком.

^{235–236} ...что может из бедныя ввысь вознести... – Здесь Петрарка влагает в уста Массиниссы свое собственное (отнюдь не сходное с римским – см. V, 198 и примеч.)

мнение о любви, как о высоком и возвышающем чувстве (это мнение выражено им неоднократно в латинских и итальянских сочинениях). Ср. сонет X, 12 (9–11):

Влюбленных дум полет предначертан
К Верховному, ее внушеньем, Благу.
Чувств изменных — тебе ль ласкать обман?

²⁴² ...ласковый станет вождь.— Коррадини предполагает, что вместо чтения «*mitior ille ducit*» («он, кротчайший из вождей» или «более кроткий» — в переводе это усиление передано словом «ласковый») возможно чтение «*mitior ille duci*» или даже «*mitior Allutium*» («более кроткий, чем к тому вождю», «кроткий к Аллуцию»), так как тут, судя по сравнительной степени прилагательного, имеется ссылка к другому проявлению кротости, а именно к происшествию с невестой испанца Аллуция (см. IV, 90–94 и примеч.). Такая гипотеза обоснованна, но все же не дает оснований для перемены чтения — хотя бы потому, что текст совершенно ясен и без копъектуры (Сципион знаменит своей кротостью, Массинисса надеется на нее — этого до-вольню).

²⁴⁵ ...тусский звук не возносится к небу... — Звук труб и рожков, изобретателями которых считались этруски, или туски, или (у греков) тиррены:

Ревом тирренской трубы огласились неба просторы...

(«Энеида», VII, 526)

На свадьбе Массиниссы трубы не звучат не потому, что нумидяне играют свадьбы по-своему и вряд ли знают об этрусках, а потому, что свадьба играется почти тайно, чтобы никто не успел помешать.

^{249–252} *Геспер... ночь возвестил...* — О вечернем (Геспер) и утреннем (Люцифер) восхождении Венеры см. также III, 106–107 и примеч. *Ненавистное имя* — игра двумя значениями имени Люцифера: традиционно-астрономическим (утренняя Венера, заставляющая влюбленных покинуть ложе) и традиционно-средневековым (подчиненный Сатане дух или, чаще, сам Сатана, враг рода человеческого).

^{265–272} ...будто, высоко воссев... — Комментаторы соглашаются в том, что меньшая гора символизирует Массиниссу, а большая Сципиона, однако расходятся в интерпретации *новозданных* ключей: Коррадини считает, что ключи символизируют речи, которыми предстоит обменяться Сципиону и Массиниссе по поводу участи Софонисбы (V, 386–437, 442–448), а Гв. Мартеллотти возражает, что это скорее слезы Софонисбы. Обе интерпретации представляются неверными. Софонисба снится сама себе в человеческом облике, сидящей на престоле Массиниссы, озирающей свое (т. е. его) царство и затем падающей в преисподнюю, а следовательно, ее слезы, как и прочие ее действия и состояния, могут быть выражены лишь через антропоморфную символику. Никакими речами Сципион и Массинисса не обмениваются — Сципион пространно ставляет и убеждает, Массинисса только соглашается, но если даже этот неравноценный обмен мнениями и мог быть представлен символическими родниками, то из каждой горы бил бы свой родник. Тем не менее упомянутая беседа и слезы в символике сна присутствуют. Меньшая гора — Массинисса. Итак, он сначала возносит Софонисбу на царский престол, затем поддается патиску «грузнейшего» Сципиона, т. е. его пространному убеждению, затем оплакивает участь Софонисбы (ключи-слезы, но слезы меньшей горы, т. е. Массиниссы), затем исполняет приказ Сципиона (отступает), т. е. лишает царицу опоры и тем убивает ее — точно по сюжету.

^{293–307} *Первой молве вослед бежит другая...* — Ср. описание этой же сцены у Ливия: «Едва сделалось известно, что Сифака ведут в лагерь, воины толпою высыпали отовсюду, словно поглазеть на триумф. Впереди в оковах шел царь, следом гурьбою нумидийские вельможи. Тут уж все, кто как умел, принялись ретиво превозносить славу Сифака и славу народа его, тем набивая цену собственной своей победе: это, дескать, и есть тот знаменитый царь, величие когото столь чтити римляне и карфагеняне — сии сильнейшие в целом свете народы! — что римский военачальник Сципион ради уповательной с ним дружбы бросил завоеванную Испанию, покинул войско свое и поспешил в Африку на двух пятисельных чельнах, а уж карфагенский военачальник Гасдрубал, так тот не только к нему приехал, но и дочь свою за него выдал — разом в руках у него были оба полководца, карфагенский и рим-

ский, и оба искали его дружбы! Столь безмерно сделалось его могущество, что уже и Массиниссу он лишил царства и так унизил, что тот в изгнании спасался лишь ложными слухами о смерти своей, сам же таился в укромных берлогах и добывал себе пропитание грабежом, словно дикий зверь! В таких вот выражениях расхваливала царя толпа до тех пор, пока не увели его в шатер Сципиона» (XXX, 13).

³⁰⁸⁻³¹² *Если бы кто узрел...* — Ср. у Вергилия (об Энее):

Словно Афон, огромен герой, словно Эрикс иль даже
словно отец Апеннин, возносящий седую от снега
голову в небо, где вихрь мохнатые падубы треплет.

(«Энеида», XII, 701—704)

Эрикс — на западе Сицилии завершает Апеннинский хребет (пролив новее гор — это знали уже и древние).

³²⁰⁻³²⁴ *Вспоминает вождь Гесперийский...* — Сципион вспоминает о своем (не описанном в поэме — см. примеч. IV, 385—388) посещении Сифака и о заключении с ним союза.

³²⁵⁻³⁷⁰ *Чем ты прельстился...* — В передаче вопроса Сципиона и пространного ответа Сифака Петрарка близко следует Ливию (XXX, 13), однако Ливий передает эту беседу значительно короче и без помощи прямой речи («свадебные-де факелы испепелили его дворец, а сия фурия, сия чумная язва лишила-де его рассудка и утихомирилась лишь тогда, когда самолично и своеручно препоясала его нечестивым мечом...»). Ср. у Овидия (о троянках):

Там молодая жена своеручно бесстрашному мужу
взденет шелом на главу, варварский меч поднесет.

(«Героиды», XIII, 139—140)

Полетом птицы ведомая злой (ст. 348—349) — т. е. при дурных знаменьях. У римлян главным видом гадания были аулиции (гадания по полету птиц), отсюда связанные с судьбой «птичьи» метафоры.

К ненадежному Марсу (ст. 361) — Марс ненасытен к войне, но мечется от одного войска к другому, не помогая никому: этот (первоначально греческий) образ неверного, ненадежного бога («двуличного Арея») был рано и полностью усвоен римской традицией (что не мешало римлянам считать Марса «своим» — ср. I, 240 и примеч.).

³⁷¹⁻³⁷⁴ *Молвил и смолк...* — Ср. у Ливия: «Все это Сифак говорил, обуреваемый не только ненавистью к врагу, но также и ревностью, ибо уже воображал, что соперник завладел предметом его страсти, — однако Сципиона своими словами он встревожил весьма» (XXX, 14).

³⁸²⁻⁴³⁷ *Равно Сципион приветливо встретил...* — Ср. у Ливия: «Приняв обоих с одинаковой приветливостью и всячески расхвалив их перед своим полком при стечении народа, он отвел затем Массиниссу в сторонку и обратился к нему с ниже-следующей речью: „Я думаю, Массинисса, что ты находил во мне некоторые достоинства, когда сначала в Испании явился ко мне для заключения дружеского союза, а после в Африке всецело доверился мне вместе со всеми твоими упованиями. Однако же из достоинств, коих ради ты почел, сколько можно понять, желательным искать дружбы со мною, нет ни единого, коим был бы я вправе гордиться более, чем вправе и гордиться воздержностью и обузданием плотских вожделений, — и я хотел бы, Массинисса, чтобы ты умножил число твоих доблестей еще и поименованной доблестью. Поверь, в наши с тобою лета не столь опасны вражды мечи, сколь теснящие нас отовсюду искушения — кто обуздал и укротил их воздержностью, тот стяжал себе больше славы и больше победы, чем мы с тобою стяжали, победив Сифака! Приятно мне было говорить, да и помнить приятно о подвигах храбрости и стойкости, свершенных тобою в мое отсутствие, а что до прочих твоих поступков, то я предпочел бы, чтобы ты обдумал их сам, а не краснел, ежели заговорю о них я. Под верховным начальством римского народа Сифак побежден и пленен — итак, он сам, его жена, его царство, его земли, его города и жители его страны ныне являются военной добычей римского народа. Царя и его жену — даже и не будь она карфагеняночкой, даже не знай мы, что отец ее вражеской военачальник! — их надлежит отправить в Рим, и от усмотрения Сената и народа римского будет зависеть

приговор той, которая, как толкуют, отторгла от нас союзного царя и подстрекнула его к безумной войне. Победи самого себя! Не омрачай несчетных твоих доблестей единственным нечестивым делом, не умаляй благодарности к стольким твоим заслугам, совершая поступок, отнюдь не оправдываемый побудительной его причиной» (XXX, 14). Так Сципион не просто напоминает Массиниссе уже известные тому «правила игры» (см. примеч. V, 76–116, 214–215), но и объясняет, что сделавшись римским союзником, «играть по-нумидийски» уже невозможно.

^{438–451} *Только сказал и тотчас...* — Ср. у Ливия: «Выслушивая все это, Массинисса не только покраснел, но даже и прослезился, а затем сказал, что ничем-де не нарушит воли военачальника, но просит, насколько возможно, принять во внимание необдуманно взятые им на себя обязательства, то есть данное женщине обещание ничьей власти ее не выдавать, — и с этим он, смущенный, воротился из военачальникова шатра в свой. Там, удалив свидетелей, он провел довольно долгое время, часто вздыхая и всхлипывая, как хорошо было слышно всем вокруг шатра, — и наконец с ужасающим рыданием призвал к себе раба, у коего на сохранении, по принятому среди царей обычаю, на случай неожиданной превратности судьбы держал яд. Он велел рабу смешать яд в кубке, отнести к Софонисбе и передать на словах, что Массинисса был бы рад исполнить первое свое обещание, которое пристало исполнить мужу перед женою, но поскольку поступать по собственному усмотрению не дают ему те, у кого власть, то он исполняет второе обещание — не допустить, чтобы попала она к римлянам в плен. Пусть же она, памятуя о державном своем отце и об отечестве и о двух царях, коим была супругою, сама решает, как быть» (XXX, 15). Начало этого абзаца Петрарка пересказывает довольно точно, но у Ливия от окончания речи Сципиона до поручения Массиниссы рабу — полстраницы, у Петрарки — около 280 ст. при том, что устное поручение не намного пространнее, чем у Ливия (ст. 704–719). Большая часть «излишка» занята характерным для Петрарки и в сонетах подробным самоанализом, по объему и степени подробности для античной литературы немислимым, да к тому же обращенным не к наперснику (кормилице, божеству), а к самому себе — редкие и чисто риторические обращения к подруге не прерывают этой внутренней речи.

^{465–466} *...коль не мнит, что с отъятой... душой!* — Ср. сонет XI, 13 (9–10):

Порой сомненье мучит: эти члены
Как могут жить, с душой разлучены?

^{478–483} *...припомнил, как жарко пылало...* — Речь идет о любви Аполлона к фессалийской (поэтич. «гемонийской») нимфе Дафне, чье имя по-гречески буквально и значит «лавр»: преследуемая богом и не желая ответить на его любовь, она превратилась в дерево (*Овидий*. «Метаморфозы», I, 452–467). Миф о Дафне является «причиноразъяснительным» (этиологическим) мифом, так как лавр был священным деревом Аполлона, часто изображаемого с лавровым венком на голове, — с привлечением мифа о Дафне этот венок оказывается памятью о самой пылкой любви бога. Как уже отмечалось, лавр — одно из ключевых слов в поэме и вообще в поэтическом творчестве Петрарки, намекающее на две главные его страсти — к славе и к Лауре. До сих пор в поэме лавр был только символом славы, он и далее будет означать только славу, так что данные стихи являются своеобразным исключением — но песнь V и вообще теснее всего связана с итальянскими стихами Петрарки. Намек на Лауру, более того, на смерть Лауры здесь очевиден. В описании нисхождения Софонисбы в преисподнюю тоже много общего с сонетами на смерть Лауры (хотя Лаура, конечно, возносится на небеса). Лаура умерла 6 апреля 1348 г., что помогает уточнить хронологию создания поэмы: ясно, что в 1348 г. (а возможно, и позднее) поэт еще работал над V и VI песнями (Софонисба в преисподней — это начало VI песни), не ограничиваясь мелкими доделками («шлифовкой»), но вписывая в текст довольно пространные пассажи, хотя, как мы знаем, в 1343 г. существовала — хотя бы в набросках — уже и VII песнь.

^{487–489} *...воистину, лишь посредине...* — Перифраз известных строк Горация о «золотой середине» («Оды», II, 10, 5–8).

⁵⁰⁵ *...главную в деле любом...* — Перевод по конъектуре Коррадани.

^{515–516} *...тайно услыть за столпы Геркулесовы...* — Ср. у Горация:

Нас кругоземный манит Океан: на блаженные пашни,
скорей на пашни — островные, сытные,
где что ни год дарит зерном без пахоты поле,
где вечно Ваххом тяжки виноградники...

(«Эподы», XVI, 41–44).

Находящиеся за западной окраиной мира, т. е. за Геркулесовыми Столпами, блаженные сады Гесперид фигурируют уже в ранней мифологической традиции — предание помещало там также острова блаженных и т. п. сказочные страны (Сервий к «Энеиде», V, 735; Флор, III, 22; Плиний. «Естественная история», VI, 32, 37, 202 и др.).

⁵²³⁻⁵²⁶ Часто он брался за меч... — Идея о преступности самоубийства не характерна для классического Рима, напротив: древние рассматривали самоубийство как способ спасения чести, и в этом качестве оно только прибавляло славы самоубийце, так что у Массиниссы не было бы повода опасаться за свою славу, не надели его Петрарка христианским сознанием греховности отъятия дарованной Богом жизни.

⁵²⁷⁻⁵²⁹ Так он на ложе всю ночь... — Ср. сонет CXVIII, 187 (5–8):

Настанет ночь. Невнемлющей все горе
Перескажу. С собой самим и с миром
Со злой судьбой моей, с моим кумиром
Часы растрочу в долгом разговоре.

⁵³⁰⁻⁵³¹ То ласкает в слезах... — Ср. сонет XC, 104 (5–8):

Сжимая мир в объятьях, сон объемлю.
Мне бог любви коварный плен кует:
Ни узник я, ни вольный. Жду — убьет,
Но медлит он — и вновь надежде внемлю.

⁵³⁶⁻⁵³⁷ ...когда соплегаешь неспешно... — Овидий в «Науке любви» (III, 240–236) возбраняет женщинам приукрашивать па глазах у возлюбленного; исключение составляет прическа — расплетаемые и сплетаемые волосы делают их владелицу соблазнительней.

⁵³⁸⁻⁵³⁹ ...сладких не слышать мне слов... — Ср. сонет CVIII, 126 (11–12):

...Кто сладкий, как ручей,
Знал смех ее и вздох, и говор сладкий.

⁵⁴³⁻⁵⁵⁴ ...сколько счастлива будет наш жребий... — Отсюда начинается последовательность из четырех трехстиший, описывающих совместное блаженство влюбленных в преисподней: третий стих каждого трехстишия завершается словом «любви», создавая нечто вроде омонимической рифмы (ст. 545, 548, 551, 554), но еще заметнее лексическая однородность этих замыкающих строк, так как в каждой упоминается Сципион, который уже не будет хозяином («не расторгнет», «не разымет», «не сломят», «не отравит») «нашей любви» («нашей» отсутствует лишь в ст. 554). Эта спонтанно возникающая строфика так же спонтанно исчезает, чтобы затем дать место новым (хотя и редким) вторжениям квазирифм — вероятно, для описания любовного томления античные краски показались поэту недостаточно яркими и он подвечивал их более поздними приемами, но никогда не доводя регулярность использования приема до ожидаемости, а стало быть, давая ему лишь орнаментальное значение (ср. VIII эклогу Вергилия).

⁵⁵²⁻⁵⁵³ ...Цереры зяту... — Т. е. Диту, супругу Прозерпины (дочери Цереры).

⁵⁵⁵ В звездную высь влеком... — Т. е. в тот героический рай, который описан в первых двух песнях.

⁵⁵⁹⁻⁵⁶⁰ Хоть бы ему никогда... — Перевод воспроизводит фоннику оригинала (см. примеч. V, 543–554).

⁵⁷⁹⁻⁵⁸¹ ...жить без супруги... — Сципион, действительно, отличался воздержанностью и в походе, конечно, был без жены, однако в описываемое время был женат и (для молодого человека) достаточно давно: его сын Гней был при нем в 190 г. до н. э. во время похода на Антиоха, т. е. родился во всяком случае не позднее 207 г., а значит, в Африку Сципион отправился, будучи отцом семейства уже не первый год.

⁶⁰⁴⁻⁶¹⁰ *Припоминаю сон...* — Ср. сонет СХХХУШ, 157(1-4, 14):

Лань белая на зелени лугов,
В час утренний, порою года новой,
Промеж двух рек, под сению лавровой
Несла, гордясь, убор золотых рогов...

...И скрылась лань.

Ср. также СХСШ, 213(1-4):

Сон горестный! Ужасное виденье!
Безвременно ль родимый свет угас?
Ударил ли разлуки страшный час
С тобой, мое земное провиденье?

(Этот сонет, действительно, написан незадолго до смерти Лауры.)

⁶³⁶⁻⁶³⁷ *Очи, пред коими блеск...* — Ср. сонет XLIII, 270 (9-12):

О, как легко чарует нас обман!
Не верил я, чтоб тех очей светила,
Те солнца два живых, затмил туман,
Но черная Земля все поглотила.

⁶³⁸⁻⁶³⁹ *...очи, кои богов...* — Перевод воспроизводит фонику оригинала. Интересно, что в передаче ст. 638 манускрипты несколько расходятся, но без нарушения рифмы (в одних предпоследнее слово «tractura», в других «tactura» — Коррадини обоснованно предпочитает второй вариант).

⁶⁴¹⁻⁶⁴⁵ *Белого слава чела...* — Ср. у Горация («Оды», IV, 13, 17-21):

Ах, где прелесть твоя, нежных краса ланит,
стройной поступи стать? Скрылось куда, куда
все, что негой дышало,
что меня из меня влекло?

⁶⁵¹⁻⁶⁵³ *...черный чела...* — Ср. III, 255-256 и примеч.

⁶⁵⁷ *...невесту, от Этны скалистой...* — т. е. Прозерпину, похищенную Дитом (см. III, 241-245 и примеч.).

⁶⁵⁸⁻⁶⁵⁹ *...облик Элисы нашей...* — Т. е. Дидоны, которая у Вергилия и в позднейшей латинской традиции носит и это имя (ср.: Овидий. «Наука любви», III, 40 и др.). Массинисса называет Дидону «нашей», так как это африканская героиня.

⁶⁵⁹ *...ты грозную знаешь Горгону...* — Вероятно, имеется в виду смертная Медуза, но ни она, ни ее сестры (см. примеч. III, 181) никогда не описываются красивыми, скорее наоборот, а между тем Массинисса перечисляет (с этим только исключением) легендарных красавиц и даже одну богиню. Остается полагать, что Медуза оказалась в этом ряду из-за своего поражающего взор облика (недаром выше с ее взглядом сравнивается взгляд Софонисбы, см. V, 38-39).

⁶⁶⁰⁻⁶⁶¹ *...и Лаодамию... что вслед супругу прияла... смерть* — Т. е. жена убитого Гектором при осаде Трои Протесилая, после смерти мужа повесившаяся, чтобы вместе с ним отправиться в преисподнюю.

⁶⁶¹ *...ты милую видел Прокриду...* — Афинскую царевну, любимую жену охотника Кефала, который нечаянно застрелил ее на охоте.

⁶⁶² *...Тевкрову пагубу зрел...* — Т. е. Елену, из-за которой погибла Троя, некогда основанная Тевкром.

⁶⁶²⁻⁶⁶³ *...единую Миносу дочь...* — Жена Тесея Федра, которая наложила на себя руки, бьв отвергнута своим пасынком Ипполитом. Другая дочь Миноса, Ариадна, помогла Тесею убить Минотавра и была им увезена с Крита, но покинута на острове Наксосе, ибо ее пожелал взять в жены Вакх. Созвездие Северный Венец — это вознесенный в небеса свадебный венок Ариадны.

⁶⁷⁵⁻⁶⁷⁹ *Цербер злобный!*.. — Здесь Массинисса сравнивает прелесть Софонисбы с чарующим пением Орфея, который явился в преисподнюю, чтобы вызволить свою жену Евридику, и сумел сначала «звуками лиры смирить» Цербера, а затем тронуть сердце самого Дита (об обитателях преисподней см. III, 242-262 и примеч.), так что тот согласился отдать Евридику Орфею. *Ветхая мать* — Церера (Деметра).

⁶⁶⁴ *Сладкая мне красота, души моей лучшая доля...* — Как верно замечает Мартеллотти в этом стихе скомбинированы два полустихия из од Горация: «Сладкая мне краса» (I, 1, 2) и «Души моей половина» (I, 3, 8).

⁶⁶⁶ *...ты к Елисейским полям...* — Елисейские поля (Элизий) в ранней греческой космологии помещались на островах блаженных в Западном море (см. V, 515–516 и примеч.), но затем произошла дивергенция этих античных аналогов рая; уже у Пандара Элизий находится в преисподней и является обителью добрых душ. Это перемещенное под землю царство закончившегося на земле золотого века и имеет в виду Массинисса. Описание Элизия см. у Вергилия («Энеида», VI, 637–638).

^{667–668} *...мне же по смерти твоей...* — Ср. сонет XLIV, 271(12–14):

Жизнь однозвучна. Зрелище уныло.
Лишь в смерти вновь увижу то, чего
Мне лучше б никогда не видеть было.

^{700–725} *...Златую чашу вручает слуге...* — Здесь поэт возвращается к довольно точному пересказу Ливия (см. примеч. (438–451).

^{727–773} *Ношу твою охотно беру...* — Вот как описывает самоубийство Софонисбы Ливий: «Когда слуга явился к Софонисбе, доставив яд и таковые известия, она промолвила: "Я приемлю этот свадебный дар и благодарю за него, если уж супруг для супруги ничего больше сделать был не в силах. Но царю передай, что я предпочла бы умереть, не выходя прежде того под страхом смерти замуж". Слова сии она прозвнесла столь же твердо, сколько бесстрашно и безо всякого воднения приняла кубок и осушила его» (XXX, 15). Вполне (порой до буквальности) сохраняя эту повествовательную канву, Петрарка украшает ее предсмертными проклятиями — явно в подражание Вергилию, чья Дидона перед смертью проклинает покинувшего ее Энея со всеми потомками и предрекает вечную вражду Рима и Карфагена («Энеида», IV, 607–629) — все эти проклятия и пророчества, конечно, сбываются. Точно так же сбылись все проклятия и пророчества Софонисбы. Ее проклятие Сципиону по содержанию (но не по чувству!) примерно совпадает с пророчеством, которое он получил во сне от отца (II, 536–549), — Луций Сципион, униженный не менее, чем брат, в изгнание не ушел и был при очередной переписи жестоко обижен Катонам (см. примеч. II, 143). Из детей Сципиона по-настоящему прославилась только дочь, знаменитая Корнелия, мать Тиберия и Гая Гракхов, сыновья же его выросли людьми незначительными. Известно о двоих: Публий (который усыновил будущего Сципиона Эмилиана Африканского и так невольно сделал победу над Карфагеном семейным делом Сципионов — но ее своим) и Гней — его-то и имеет в виду Софонисба. Этот Гней в ранней молодости вместе с отцом и дядей ходил на Антиоха, был в бою взят в плен и якобы неважно вел себя на допросе (Ливий, XXVII, 34), а впоследствии, находясь в должности претора, проштрафился еще и взяточничеством (Ливий, XLI, 27). Что до Массиниссы, то он всю жизнь оставался верным союзником римлян и, следовательно, врагом Карфагена (Ливий, XI, 17, 34; XLII, 23) — об этих *соседских распрях* и говорит Софонисба. Судьба его потомков полнее всего изложена Саллюстием в «Югуртинской войне» (5, 12, 26): двое его сыновей, Местанабал и Гулусса, умерли молодыми, царство наследовал третий сын — Миципса, воспитывавший вместе с двумя собственными сыновьями, Адгербалом и Гиempсалом, еще и осиротевшего сына Местанабала Югурту, который после смерти дяди убил Гиempсала и воцарился сам, хотя и вынужденный римлянами уступить часть царства Адгербалу, с которым, впрочем, тут же затеял войну, взял кузена в плен и убил его, но тем самым оказался в затяжном конфликте с римлянами — эта позорная для римлян Югуртинская война тянулась почти бесконечно, так как Югурта был искусным взяточником, но все же наконец в 107 г. до н. э. он был побежден Марием и взят в плен (о Марии см. II, 156–165 и примеч.), через полгода справившим триумф, причем перед его колесницей гнали в цепях Югурту с двумя сыновьями и несли военную добычу, значительная часть которой была некогда имуществом Массиниссы.

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

¹ *Столь величавая тень...* — Нисхождение Софонисбы в преисподнюю описано Петrarкой сходно с восхождением Лауры на небеса. Ср. сонет XXX, 302(5–8):

И каждый дух красу ее приметил,
И вопрошал, дивясь: «Ужель то лик
Паломницы земной? Как блеск велик
Ее венца! Как лен одежды светел!»

^{2–3} *...неравно натрое деленный мир...* — Здесь возможна реминисценция из поэмы Клавдиана «Похищение Прозерпины», в начале которой (I, 89–116) Дит гневно пеняет Юпитеру, что при дележе мироздания он обделил его не только сравнительно с собой, но и сравнительно с Нептуном.

⁵ *...Евменид нечесанных стая...* — Евменидами эвфемистически назывались фурии (см. III, 261 и примеч.), изображавшиеся с извивающимися змеями вместо волос.

¹² *Минос* — сын Юпитера, царь Крита, после смерти сделавшийся одним из адских судей. Его особая суровость к Софонисбе навеяна, вероятно, «Адом» Данте (V, 4–6), у которого именно Минос назначает грешникам, кому в каком круге страдать.

^{13–15} *...во второй да замкнется темнице...* — Топографию преисподней Петrarка заимствует у Вергилия, но немного ошибается в счете, так как в «Энеиде» обитель самоубийц упомянута после обители умерших грудными младенцев (т. е. первой) и обители тех, «кто погиб от лживых наветов» (т. е. второй), хотя те и другие все равно ожидают приговора суда («Энеида», VI, 426–431). Таким образом, самоубийцы обретаются в третьей по порядку юдоли:

Дальше — унылый приют для тех, кто своею рукою
предал смерти себя без вины и, мир ненавидя,
сбросил бремя души. О, как они бы хотели
к свету вернуться опять и терпеть труды и лишения!
Но не велит нерушимый закон и держит в плену их
девятиструйный поток и боятся унылые Стикса.

(Там же, 434–439).

Соответственно «третье узилище» Петrarки в «Энеиде» четвертое (хотя порядковых номеров у Вергилия нет, а у Петrarки они появились, видимо, под влиянием Данте). Ошибка в счете может быть мотивирована тем, что младенцы и жертвы доносчиков объединяются невинностью, о страданиях их ничего не сказано, и в поэтической топографии их соседство легко представить как совместность.

^{15–16} *...Радаманфовым словом...* — У Вергилия Радаманф (сын Юпитера, брат Миноса) изображен наигрознейшим из адских судей, пытающим грешников в Тартаре (там же, 566–569), хотя в ранней традиции он вершит суд в Элизии, а чаще всего (как у Петrarки) является просто одним из членов адского трибунала.

¹⁷ *...лютый ликтор...* — Адский палач, аналог римского ликтора, исполняющего преторские (судейские) решения. *...Эак, главнейший среди судей...* — домысел Петrarки. Главным адским судьей у Вергилия (в соответствии с принятой традицией) изображен Минос (там же, 432–433), а Эак не упомянут вовсе, так как его включение в преисподний трибунал было поздним и неповсеместным. Эак — сын Юпитера, царь Эгины (острова неподалеку от Афин), дед Ахилла, уже при жизни бывший любимцем богов и творивший с их помощью чудеса, а также отличавшийся особой праведностью и кротостью (последнее качество отчасти определяет его роль в поэме).

²¹ *В третьем узилище пусть идет...* — Ср. у Вергилия:

«Краткий пройден был путь — перед взором Энея простерлась
ширь бескрайних равнин, что „полями скорби“ зовутся:
всех, кого извела любви жестокая язва,
прячет миртовый лес, укрывают тайные тропы,
ибо и смерть не избавила их от мук и тревоги».

(Там же, 440–444)

³⁶⁻³⁷ *...провожаема роем несметных юных душ...*— Когда невеста отправлялась в дом жениха, то (по римскому обычаю) носилки ее сопровождала толпа отроков и юношей, распевавших свадебные песни. Можно полагать, что провожатые напоминают Софонисбе о двух ее свадьбах.

⁴³⁻⁴⁴ *Здесь не бряцают мечи...*— Герои, пребывающие в обители блаженных, шумят и веселятся так же, как и при жизни («Энеида», VI, 638–655).

⁴⁵⁻⁵⁰ *...здесь лишь плач и печаль...*— Эта тема разработана Петраркой в «Триумфе любви» (3).

⁵²⁻⁷³ *...Ифия зрит...*— Здесь поэт следует Вергилию, у которого Эней видит на «полях скорби» погибших от любви героинь и героев и, наконец, Дидону, у которой просит прощения («Энеида», VI, 445–476). Петрарка так же перечисляет множество мифологических персонажей (ни разу не совпадая с Вергилием), чтобы в конце концов подвести Софонисбу к воспоминанию о Массиниссе.

⁵²⁻⁵³ *...Ифия... что петлею давит горло себе...*— Ифий, юный критянин, влюбленный в прекрасную Анаксарету, не отвечавшую ему взаимностью, с горя повесился на ее дверях.

⁵³ *...изошедшую плачем Библиду...*— Молодая милетянка Библида влюбилась в своего брата Кавна и, будучи им отвергнута, плакала, пока не превратилась в источник.

⁵⁴ *...Мирру поодаль...*— Мирра, дочь Кинира, жреца Афродиты Пафийской (Пафос — город на Крите), влюбилась в своего отца, от которого якобы родила Адониса, после чего Кинир, мучимый совестью, лишил себя жизни, а Мирра превратилась в мирровое дерево.

⁵⁵⁻⁵⁶ *...Орфей, грабитель Аверна...*— Об Орфее см. примеч. V, 675–679; *Аверн* здесь означает преисподнюю, у хозяев которой Орфей добился возвращения ему Евридики. Однако отпустили ее с одним условием: пусть она уходит вслед за мужем, но он пусть не оборачивается, а если обернется, то жена его немедленно вернется к теньям и уже навсегда. Снедаемый беспокойством Орфей не выдержал, оглянулся и так потерял Евридику. В тоске воротился он на землю и жил одиноко в своей Фракии, чуждаясь женщин, — этим он навлек на себя ненависть вакханок и был растерзан ими, когда их охватил очередной приступ вакхического безумия.

⁵⁷ *Сильногомучий бродит Ахилл...*— Появление Ахилла среди погубленных любовью душ несколько странно, так как до того Петрарка описывал героев и героинь, погубленных их же собственной любовью. Однако и Ахилл — жертва любви, только чужой, а именно любви Париса к Елене. После многих лет войны ахейцы и троянцы, не желая дальнейшего кровопролития, решили кончить дело миром, по условиям которого Елена должна была быть возвращена грекам: по одной версии — Менелая, у которого была похищена, и с тем, что Ахилл женится на троянской царевне Поликсене, а по другой версии Елену хотели отдать Ахиллу, главному ахейскому герою, — но так или иначе без участия Ахилла дело не обходилось, а Парис неизбежно терял жену. Поэтому он, воспользовавшись перемирием, подстерг безоружного Ахилла и предательски убил его отравленной стрелой, попав в пятку, единственное уязвимое место на теле героя. Переговоры тут же прекратились и снова началась война, в ходе которой Парис был убит Филоктетом стрелой из Геркулесова лука.

⁵⁹⁻⁶² *...а в стороне Парис...*— В отличие от Ахилла Парис пал жертвой собственной преступной страсти. Обычно он изображается трусом — см. строки о нем в оде Горация (I, 15, 29–32), где он сравнивается с робким оленем. Энона была возлюбленной Париса, когда он еще пас отцовские стада и не знал Елены, однако она продолжала любить его до конца, а когда он погиб, бросилась в его погребальный костер.

⁶² *...царская дочь...*— Елена, земным отцом которой был спартавский царь Тиндарей, виновница Троянской войны.

⁶⁴ *...Тут и Турн...*— отвергнутый жених Лавинии, супруги Энея (см. III, 509–510 и примеч.)

⁶⁵⁻⁶⁶ *Только двоих... вместе идущих...*— Пирама и Фисбу. Эти юные вавилоняне, которым родители не позволяли жениться, встречались по ночам у забора, но как-то назначили друг другу свидание на окраине. Фисба пришла первая, испуга-

лась льва, задравшего овцу, и убежала, потеряв плащ, испачканный в овечьей крови. Явившийся позже Пирам решил, что Фисба погибла, и закололся, а вернувшись через какое-то время Фисба увидела тело Пирама и закололась его мечом.⁷¹⁻⁷³ *В туне...*— Массинисса умер 90-летним старцем в 148 г. до н. э. и за свои подвиги сподобился, по мнению Петрарки, описанного в первых двух песнях небесного пристанища героев. Софонисбе же вскоре предстоит встреча с нелюбимым Сифаком (см. VI, 274—275), который наверняка окажется на «полях скорби», будучи жертвою собственной страсти к вероломной жене, как он ранее (V, 330—370) жаловался Сципиону.

⁸¹⁻⁸⁸ *А Сципион, страшась...*— О беспокойстве Сципиона за Массиниссу — «как бы он с горя чего-нибудь над собою не совершил» — пишет и Ливий, объясняя последующее щедрое одаривание царя именно желанием отвлечь его и развлечь (XXX, 15).

⁹⁰ *Люцифер* — см. V, 249—252 и примеч.

⁹³ *Прокна* — поэтическое название ласточки. Дочери африканского царя Пандиона Прокна и Филомела были превращены (за детоубийство) одна в ласточку и другая в соловья, но которая женщина в которую птицу — здесь предание расходится и, например, Овидий (чуть ли не главный мифологический источник Петрарки) не только не уточняет сюжетную развязку, но даже не называет птиц прямыми названиями («Метаморфозы», VI, 669). Однако соловьи поют по ночам, а Прокна Петрарки — на рассвете, вместе с другими птицами, т. е. в данном контексте она — ласточка (в европейской традиции соловьем чаще представляется Филомела, букв. «Милозвучная»).

⁹⁵ *...с высоты своей...*— В римском лагере около шатра полководца ставился помост (амвон), с которого он обращался к созванным на сходку по тому или иному поводу воинам.

¹⁰⁶ *...песчаные Сирты.*— Две песчаные отмели на побережье Африки (так называемые большой Сирт и меньший Сирт), создающие опасность для судоходства в Средиземном море к востоку от Карфагена. Сципион из Утики отправляется на восток, чтобы пройти в глубь страны.

¹¹¹ *...Марсом коварным...* — См. V, 361 и примеч.

¹¹⁹⁻¹²⁵ *...коль вернется тот...* — Сципион действует почти наверняка: осадив Карфаген, он выманивает из Италии Ганнибала, которого, скорее всего, призовут защитить отечество, а в случае, если Ганнибал не вернется, Карфаген непременно будет взят и неприятельская армия в Италии окажется без тыла.

¹²⁹⁻¹³⁰ *...на высь Капитолия гневно изблизи...* — Угроза взятия Рима Ганнибалом возникла в 216 г. до н. э. после битвы при Каннах (отсюда вошедшее в пословицу «Ганнибал у ворот!»).

¹³²⁻¹³⁵ *...новый Марс карфагенский...* — Гамилькар Барка (это прозвище значит «Перун»), великий карфагенский полководец, которого карфагеняне почитали «вторым Марсом» (Ливий, XXI, 10) и усилиями которого Карфаген вернул часть своих владений, потерянных во время I Пунической войны. Он погиб в 228 г. до н. э., оставив четырех сыновей («лютых львов»): Ганнибала, Гасдрубала, Гисгона и Магона. Гасдрубал погиб при Метавре (в Галлии) в 207 г., Гисгон умер, Магон также умер от раны, но при возвращении в Африку (см. ниже), т. е. уже во время похода Сципиона на Карфаген, так что, говоря о едином наследнике, римский вождь несколько опережает события — Магон еще жив.

¹⁶⁰ *...до старости дожи...* — См. I, 115; II, 44 и примеч. Впрочем, трое из сыновей Гамилькара умерли молодыми, так что старший из них, и притом переживший их, Ганнибал мог восприниматься старше своего действительного возраста.

¹⁶² *...прослыви благородной кончиной...* — Т. е. самоубийством (см. II, 112—113 и примеч.; V, 523—526 и примеч.).

¹⁶³⁻¹⁶⁶ *...только срывает тебя эта рука!*— Ничто из обещаний Сципиона не сбылось: он не убил Ганнибала, он не почитался причиной его смерти (этого добились римские дипломаты, когда Сципион уже давно отошел от дел), о пространных надписях на могиле Ганнибала ничего не известно. Однако в целом Сципион прав — его победа над карфагенским полководцем оказалась для того причиной сначала изгнания, а затем смерти.

¹⁶⁹⁻¹⁷⁶ *...ты, Массинисса честной...*— Вот как описывает награждение Массинис-

сы Ливий (XXX, 16): «Желая отвлечь юношу от будораживших его в ту пору мыслей (о смерти Софонисбы.— *Е. Р.*), Сципион велел звать воинов на сходку и, взойдя на амвон, начал с того, что поименовал Массиниссу царем и расхвалил в самых лестных выражениях, а затем вручил ему в награду золотой венок и золотой кубок, и престольное кресло, и слоновой кости скиптр, и золотоканую тогу, и расшитую пальмами тунику, объяснив к наипущей чести Массиниссы, что нет у римлян ничего, красою превосходящего триумф, а у триумфаторов нет отличий, превосходящих великолепием те, коими римский народ удостоил почтить Массиниссу, который единственный из чужеземцев сподобился такого... Сии почести утешили царя и внушили ему твердую надежду завладеть всею Нумидией, раз Сифак ему более не помеха». Дарованные Массиниссе отличия и привилегии были ратифицированы Сенатом, когда Лелий с первой партией пленных явился в Рим, причем вдобавок к тому, что дал Сципион, Сенат послал Массиниссе коней, всаднические доспехи и т. п., а также отпустил без выкупа всех пленных нумидян (там же, 17— у Петrarки коней и колесницу дарит не Сенат, а Сципион). Значение полученных Массиниссой званий и даров трудно приуменьшить. В качестве «друга и союзника римского народа» Массинисса делается зависим от Рима (как он был зависим и ранее — в исторические времена Нумидия независимой не бывала), но оказывался вправе требовать у римлян защиты от чьих бы то ни было посягательств, т. е. мог не опасаться «карфагенской опасности», а Карфаген (пусть ослабленный войнами) был единственным опасным соседом нумидян, и Массинисса до конца жизни имел главной своею задачей сломить и уничтожить этого своего соседа. В качестве «царя» Массинисса, быв прежде фактически всего лишь племенным вождем, превращался в самовластного правителя всей «единой и неделимой» Нумидии, которая ему еще не принадлежала в описываемое время, но которую римляне признавали его владением (частично наследственным, частично подаренным за победу над Сифаком), а следовательно, в качестве союзников должны были помочь ему (и помогли) сделаться из юридического царя настоящим. Наконец, если для других «друзей и союзников» их союзнические преимущества неизбежно сочетались с умалением царского престижа, то Массинисса вдобавок к званию царя получал еще и все наиболее престижные права римского гражданина: право на триумф и право заседать в Сенате. Если присовокупить сюда упомянутое Ливием престольное (курульное) кресло, полагавшееся в Риме высшим должностным лицам, то получается, что Массинисса делался сразу нумидийским самодержцем и римским сановником, что придавало его зависимости от римлян специфический оттенок — ведь он и сам становился как бы римлянином с пожизненными царскими полномочиями и был членом того самого Сената, от которого зависел. Из перечисленных Петrarкой даров почти все — инсигнии триумфатора, включающие золоченую колесницу, запряженную четверкой белых коней (у Петrarки названа только колесница), золотую диадему и наряд (пурпурная тканая золотом тога и расшитая пальмами туника). Кубок Петrarка явно тоже считает инсигнией триумфатора, чем-то вроде державы, но это неверно: триумфатор держал в одной руке жезл слоновой кости (так и у Ливия), а в другой лавровую ветвь. У Ливия кубок назван в числе даров Сената, между тем как дары «триумфальные» вручает Сципион (XXX, 17).

¹⁷⁵ *...сей венец, что златом тяжел...* — Золотой венок был одною из высших военных наград, не требовавших утверждения Сената и раздававшихся самим полководцем.

¹⁸³ *...среди радости, плеска и шуток...* — Шутки упомянуты не случайно, так как входили в ритуал триумфа: победоносное войско часто даже распевало во время праздничного шествия весьма язвительные (а то и непристойные) песенки о своем полководце. Этим поддерживалась и в известной мере дублировалась специфическая обязанность государственного раба, державшего над триумфатором золотой венок, но и твердившего ему на ухо: «Помни, что ты человек!»

²⁰² *...одолевая любовью любовь...* — Перевод по конъектуре Коррадини. Ср. у Цицерона: «Считается, что старую любовь надобно, словно клин клином, выколачивать новою» («Тускуланские беседы», IV, 35); ср. также у Овидия:

Всякую ломит любовь новой явленье любви.
(«Лекарство от любви», 462)

²²⁶⁻²³⁰ *Что за пагубу злую на нивы...* — Сифак имеет в виду Дидону, представляя ее бегство (III, 418 и примеч.) в новом свете, без всякого героического ореола. *Сидонский* (по финикийскому Сидону) — в поэтическом языке часто подменяет «финикийский», т. е. противоречия с происхождением Дидоны из Тира здесь нет. Вдохновенная Дидоной страсть к войне ассоциируется с ее пророчеством в «Энеиде» (IV, 607—629) — ср. примеч. V, 727—773.

²³²⁻²³⁶ *...разъяла Природа...* — Здесь жалоба Сифака перекликается с описанием страждущей Испании (I, 203—208).

²³⁵ *...за преступную клятву!* — О знаменитой Ганнибаловой клятве Ливий рассказывает, что когда Гамилькар собирался перебраться с войском в Испанию (236 г. до н. э.) и по этому случаю совершал жертвоприношение, то 9-летний Ганнибал стал просить отца, чтобы тот взял его с собою в поход, — «тогда Гамилькар велел ему подойти, возложить руку на алтарь и поклясться, что, едва позволят сие лета, соделается он врагом римскому народу» (XX, I). Этот исторический анекдот передают и многие другие античные авторы, отсюда устойчивое словосочетание «Ганнибалова клятва».

²³⁹ *...богам ненавистный отец...* — Гамилькар (см. примеч. VI, 132—135).

²⁷⁶⁻²⁷⁷ *...от отчего брега воротит...* — Массинисса вместе с войском Сципиона направился на восток от Нумидии к Тунету.

²⁷⁹ *Еер* — юго-восточный ветер (в поэтическом языке часто вообще «вихрь», «буря»).

²⁸⁰ *...из Эоловых недр...* — Эол представлялся обитателем заповедного моря, сохраняющим ветры в ларце и выпускающим их на волю по мере необходимости.

²⁸⁸ Отсюда и до конца VI песни перевод М. Л. Гаспарова.

²⁹⁰ *Тунет* — ныне Тунис. В описании похода поэт с большой точностью следует Ливию (об укреплении Тунета — XXX, 16).

²⁹⁸⁻²⁹⁹ *...вождя... вернуть...* — Т. е. Ганнибала (как и рассчитывал Сципион).

³⁰⁰⁻³⁰⁶ *...Лигурийским долинам...* — Брат Ганнибала Магон в 206 г. до н. э. высадился в Лигурии и взял Геную. Римляне послали против него две армии, так что он с трудом и только при поддержке местного населения (транспаданских галлов) продержался до 203 г., когда был разбит окончательно, — но тут же отозван в Африку.

³⁰⁷⁻³⁷⁶ *Той же порой, продлить желая...* — О посольстве к Сципиону сухо и кратко сообщает Ливий, подробно перечисляя только требования Сципиона, особенно касающиеся «дани», которая для Петrarки в данном эпизоде наименее интересна (ст. 371—372).

³¹⁵ *...от злобы и сил немногих жестоких злодеев...* — Имеются в виду сторонники Ганнибала.

³⁵⁹ *...более там не бывать...* — Перевод по конъектуре Коррадини.

³⁸¹ *Фетида* — морская богиня, мать Ахилла; *Нерей* — морской бог, отец nereид (морских нимф).

³⁸⁸⁻⁴³¹ *Онйй меж тем Ганнибал...* Гнев Ганнибала, отсываемого из Италии, описан и у Ливия (XXX, 20), хотя гораздо короче (см. примеч. VI, 432—448).

³⁸⁹ *...в бруттийских нагорьях...* — Бруттием в древности называлась нынешняя Калабрия.

⁴⁰⁶⁻⁴⁰⁸ *Знай, что уже к берегам ливийским...* — «Как раз в те же дни, что и к Магону, к нему (то есть к Ганнибалу. — Е. Р.) явились из Карфагена гонцы звать его в Африку» (Ливий, XXX, 19). Это все, что Ливий сообщает о гонцах, — никто из них никаких речей у него не произносит.

⁴²⁵⁻⁴²⁶ *Голову брата видя...* — Тело Гасдрубала, брата Ганнибала, шедшего ему на помощь и погубшего в 207 г. до н.э. при Метавре, досталось римлянам, и римский военачальник консул Гай Клавдий Нерон велел подбросить голову убитого на аванпост армии Ганнибала. Увидев голову брата, Ганнибал «сказал, что провидит судьбу Карфагена», и удалился с войском в горы Бруттия (Ливий, XXVII, 51). Ср. также оду Горация «К Риму» (IV, 4, 37—72).

⁴³²⁻⁴³⁸ *Сколько раз налагался запрет...* — Ср. у Ливия: «Теперь уже открыто призывают меня воротиться те, которые давно стараются выжить меня отсюда, отказывая в деньгах и подкреплениях! Да, одолели Ганнибала не римляне, столько раз им битые и обращаемые в бегство, но одолел его завистливым своим противоборством карфагенский сенат! И сему позорному моему возвращению чванливо возвра-

дуются не столько Сципцион, сколько Ганнон, который не нашел для уничтожения рода нашего иных средств, кроме сокрушения Карфагена!» (XXX, 20). Вот и все, что говорит у Ливия Ганнибал.

⁴³⁸ *...Ассонийской земли соборная сила...* — Перевод по общему для всех рукописей чтению. Коррадини исправляет «земли» на «небес», однако никаких оснований для такой конъектуры нет.

⁴⁴¹⁻⁴⁴² *Меньше сил приложил...* — Перевод по конъектуре Коррадини. Ганнон — старинный враг Гамилькара, продолжавший враждовать со всем родом Баркидов, а особенно, разумеется, с Ганнибалом. Войну с Римом он считал губительной и возглавлял в Карфагене «партию мира», сторонниками которой прикинулись ходившие к Сципиону послы (см. VI, 315 и примеч.).

⁴⁴⁸ *...мститель за римскую кровь...* — Сципцион.

⁴⁵⁵ *...посвященные вышней Юноне...* — Главным божеством греческого Кротона была Гера (Юнона Лацинийская), одним из жрецов которой был, по преданию, знаменитый силач Милон Кротонский, ученик Пифагора (VI в. до н. э.).

⁴⁵⁷⁻⁴⁶² *Зевксид* — знаменитый греческий живописец V—IV вв. до н. э., особенно прославленный изображениями женщин, что и побудило жителей Кротона заказать ему роспись храма Геры. Анекдот о пяти красавицах передаст Плиний Старший (XXX, 10, 36).

⁴⁷²⁻⁴⁸³ *Напрасно пытавшись...* — Ср. у Ливия: «Из урожденных италийцев многие воины, отказавшись следовать за ним в Африку, избрали убежищем никогда дотеле не осквернявшийся храм Юноны Лацинийской и были мерзостно умерщвлены у самых алтарей» (XXX, 20).

⁴⁸⁷ *...в слезах покидает поля италийцев.* — Ср. у Ливия (там же): «Говорят, что редко кто-либо уходил в изгнание из собственного своего отечества столь опечаленным, сколь опечален был покидавший Италию Ганнибал».

⁵⁰³⁻⁵⁰⁴ *Мульцибер* — Вулкан, кузница которого иногда помещалась преданием в кратере Этны, где циклопы ковали перуны Юпитера (представляемые в виде трехзубого копыя). *Халибов* — стальная (ср. примеч. III, 318).

⁵⁰⁵⁻⁵⁰⁸ *Щит отцовской руке...* — К щиту Минервы была прикреплена голова Горгоны (ср. III, 182—183, 206—207 и примеч.).

⁵¹¹ *Алкид* — Геркулес (ср. III, 382).

⁵¹³ *Бомилькар* — полководец, явившийся в 217 г. до н. э. на помощь Ганнибалу в Италию. Ливий утверждает, однако, что упоминаемый ниже совет давал Ганнибалу начальнику конницы Магарбал (XXII, 51).

⁵¹⁴⁻⁵²¹ *...Зачем в тот день твоим пренебрег я наказом?* — Ливий также пишет, что, уже покинув Италию, Ганнибал проклинал себя за то, что после победы при Каннах не занял Рим, а годами растрчивал свои силы, в отличие от расторопного Сципиона (XXX, 20).

⁵¹⁵ *Я, испытан...* — Перевод по конъектуре Коррадини.

⁵²¹ *...на пиру, о коем реклось...* — Пообедать в Риме Ганнибал договорился с Магарбалом (см. примеч. VI, 513).

⁵³⁸ *...служ ласкали бы мой...* — Перевод по конъектуре Коррадини.

⁵⁴²⁻⁵⁴³ *...полутный гнев твой, Юпитер...* — В 211 г. до н. э. Ганнибал снова подошел к Риму (хотя и не вызвав такой паники, как после Канн), но дважды, когда он выходил с войском в поле, чтобы сразиться с римлянами, начинался дождь с градом, вынуждавший воротиться в лагерь, после чего непогода разом стихала. Это было истолковано как божий запрет на битву, и Ганнибал, не решаясь спорить с небесным знаменем, удалялся (Ливий, XXVI, 11).

⁵⁴⁵ *Тицин* — о битве при Тицине см. IV, 172—179 и примеч.; *Требия* — река в Цизальпинской Галии, как и Тицин, впадающая в Пад. На ее берегу в 218 г. до н. э., вскоре после битвы при Тицине, Ганнибал снова разбил римскую армию.

⁵⁴⁹⁻⁵⁵⁰ *...тразименские рыбы, кровью ассонской жирны...* — Перевод по конъектуре Коррадини. В 217 г. до н. э. Ганнибал, выиграв сражение при Тразименском озере, повернул к Риму. В ст. 549 во всех рукописях (а следовательно, и у Коррадини) употреблено итальянское слово «lasca» (рыба, плотва), хотя и в латинском грамматическом оформлении. Трудно поверить, что Петрарка не знал, как по-латыни «рыба» (к тому же просодически «piscēs» и «lascae» равноценны), но вполне вероятно, что он не знал латинского названия конкретной породы рыбы, которую имел в

виду, или, что еще вероятнее и не противоречит первому предположению, мог считать, что «Iasca» и есть это название озерной рыбы, «испорченное» лишь в устной речи.

⁵⁵⁵ ...зависть встает в богах...— Мифологическая концепция зависти богов, усвоенная римлянами от греков, предполагала, что вполне счастливы бывают лишь боги, так что, если человек слишком удачлив, они ему завидуют и губят его.

⁵⁵⁷⁻⁵⁶¹ К родным побережьям...— Здесь Петрарка почти дословно цитирует Ливия (см. примеч. VI, 487).

⁵⁶⁹ ...свойства железной стрелы...— Компас стал известен в Европе лишь в конце XIII в., так что для Петрарки еще был занимательной новинкой.

⁵⁷⁸⁻⁶⁸⁰ ...двум разъятым горам...— О Сцилле и Харибде см. III, 438-439 и примеч. ⁵⁸³⁻⁵⁸⁴ ...когда-то пашни циклопов...— Ср. примеч. VI, 503-504. В гомеровской традиции эти одноглазые великаны представлялись обитателями дальнего Запада (таков пастух Подифем в «Одиссее»), впоследствии отождествленного с Сицилией.

⁵⁸⁴ ...а после дворцы воздвиглись тиранов.— Перевод по конъектуре Коррадини: все рукописи дают чтение: «а ныне дворцы воздвиглись тиранов». С академической точки зрения Коррадини прав: ко времени, описанному в поэме, никаких тиранов на Сицилии не было, зато в глубокой древности Сицилия славилась могуществом своих тиранов, воспетых Пиндаром (как Гиерон) или охаянных Платоном (как оба Дионисия), причем Гиерон заложил на склоне Этны город, названный также Этной и некоторое время процветавший. Итак, если считать, что «ныне» означает «в конце III в. до н.э.», то конъектура Коррадини верна. Однако «ныне» может также означать «во время написания поэмы», т. е. в XIV в.— а уже с XIII в. Италия буквально кишела тиранами. В частности, Сицилия, формально подвластная Роберту Анжуйскому, не подчинялась уже его отцу Карлу II: после знаменитой «сицилийской вечерни» (1282) французы были перебиты или бежали, а островом стал править Петр Арагонский и затем (до 1442 г., когда Сицилия воссоединилась с Неаполем) его наследники. Хотя Арагонская династия присвоила себе королевский титул, на который к тому же имела известные права, и тем самым никак не могла равняться с такими «откровенными» тиранами, как миланские Висконти (тоже, впрочем, правившие полтора столетия) или феррарские д'Эсте, но «откровенные» тираны тоже обзаводились подходящим титулом или пукали в дело имеющийся, так что «с авжуйской точки зрения» слово «ныне» вполне подходит разбираемому стиху, а точка зрения Петрарки была именно такова, раз он посвятил поэму Роберту. Принимая конъектуру Коррадини, мы исходим из предположения, что отзыв об Арагонской династии для данного контекста неорганичен, но предположение это остается гипотетическим, так как, во всяком случае, переписчики думали иначе.

⁵⁸⁶⁻⁵⁸⁸ ...залив, в котором... гибли ...суда...— Вероятнее всего, имеется в виду известная Сицилийская экспедиция, предпринятая афинянами в 415 г. до н. э. по инициативе Алкивиада, но без его участия (он был обвинен в кощунстве и бежал), а потому провалившаяся и закончившаяся в 413 г. полным поражением многотысячного афинского десанта, частью погибшего, частью обращенного сицилийцами в рабство. «Аргивяне» уже у Гомера расширительно обозначало греков вообще. Петрарка сохраняет это словоупотребление, но греки для него — в первую очередь жители балканской Греции, к разгромившим афинян сиракузянам (тоже грекам) он этот этноним не применяет и (судя по упоминанию о фуриях) расценивает афинскую авантюру как заслуживающее отпущения посягательство на будущие владения римлян — а то и Анжуйской династии.

⁵⁹⁰⁻⁵⁹² ...вспомнил, каков был Марцелл...— О Марцелле и его гибели см. примеч. I, 362. Здесь имеется в виду взятие им после трехлетней осады Сиракуз и замещение Сицилии (212 г. до н. э.), а затем (211 г.) возвращение в Рим, где ему по всем писанным и неписанным законам полагался триумф, которого он не получил, быв удостоен только «овации» (скромного жертвоприношения после пешего прохода по городу), так как Марк Корнелий Цетег («коварный») засыпал Сенат жалобами на плохое положение дел в Сицилии.

⁵⁹² ...берег Пахина...— Мыс Пахин представляет собой юго-восточную вершину сицилийского треугольника.

⁵⁹⁸ Кинфия — Луна (см. примеч. II, 333).

⁶³²⁻⁶⁴³ О, как бились когда-то и мы...— Речь идет об эпизоде I Пунической вой-

ны, когда возглавляемая Регулом армия приблизилась к Карфагену: воины уже собрались переправиться через Баграду, как вдруг в реке явился огромный змей — римляне не без труда его убили и отослали шкуру в Рим. *Югер* — 2519 кв. м, два югера составляли земельный надел. По рассказу кормщика, змей уберег Карфаген от разрушения, и горожане, действительно, опасались осады, но Регул в течение почти двух лет ограничивался опустошением страны, пока в 255 г. до н.э. Ксантипп (см. ниже) не разбил его и не взял в плен. История о фантастическом змее была впоследствии очень популярна: ее пересказывают Плиний Старший (VIII, 14, 14), Флор (II, 2), Валерий Максим (I, 8) и др. У Петрарки описание змея сходно с описанием поверженного великана Тития в «Похищении Прозерпины» Клавдиана (II, 338—340):

И распрямил, наконец, коростой покрытые члены
Титий, что простирал на девять югеров тело,—
столь он велик!

Ливий об этом происшествии нигде не упоминает.

^{644—665} *Только потом... прислал вождя... Лакедемон...* — О Ксантиппе подробно рассказывает греческий историк Полибий, но Петрарка мог пользоваться только опирающимися на Полибия латинскими источниками, вероятнее всего Валерием Максимом (IX, 6). Спартаец (т. е. уроженец Лакедемона) Ксантипп обучился военному искусству, служа в македонских войсках в Азии, после чего с отрядом наемников явился в Карфаген (карфагенская армия состояла почти исключительно из наемников), где в страхе перед Регулом уже готовились к новому унижительному миру, которого Регул не хотел (см. примеч. VI, 632—643). Ксантипп объяснил, что неудачи карфагенян происходят от их тактической безграмотности, был назначен главнокомандующим, усилил войско боевыми слонами и так совершенно разгромил римлян — все это произошло менее чем за год. Затем Ксантипп оставил Карфаген, то ли опасаясь зависти (так полагает Полибий), то ли просто ввиду выполнения платной работы (для наемника любого ранга это вполне естественно), и отправился на корабле домой в Спарту, но был по дороге убит матросами то ли по наущению карфагенян (что было бы неудивительно, так как Ксантиппу ничего не стоило, отдохнув дома, наняться и к римлянам), то ли просто с целью грабежа (что тоже неудивительно, так как Ксантиппу заплатили наличными), хотя это не отменяет первой — «политической» — причины.

^{668—690} *Несколько лет спустя...* — Местью Ксантиппа старый моряк считает поражение карфагенского флота при Эгатах, упомянутое Леллем в разговоре с Сифаком (см. примеч. III, 466—471), после которого Карфаген вынужден был заключить позорный мир.

⁶⁹⁵ *...берег Лилибея... надгробье... фригийца...* — По поводу словосочетания «надгробье фригийца» схолиаст замечает: «Или „фригиан святыню“» (схолия не подписана и, не располагая манускриптом, нельзя сказать, принадлежит ли она Колуцию). *Лилибей* — западная вершина сицилийского треугольника. «*Фригийцем*» Петрарка называет Анхиза (в поэтическом языке «троянский» часто заменяется на «фригийский», так как Трояда находилась во Фригии), не дожившего до высадки Энея в Италию и похороненного на Сицилии. Ср. у Вергилия (рассказ Энея):

Я через мели проплыл меж подводных скал Лилибея,
принял меня Дрепанский залив, безрадостный берег.
Здесь после стольких трудов, после бурь, по морям меня гнавших,
горе! — Анхиза-отца утратил я — утешенье
в бедах, в заботах моих. Усталого сына покинул
лучший отец, от опасностей всех спасенный напрасно!

(«Энеида», III, 706—711)

Могила здесь не упомянута, и схолиаст, вероятно, опирается на другой отрывок:

Лун исполнился счет и года круг завершился,
с той поры, как почил богоравный родитель и в землю
прах опустили его и печальный алтарь освятили.

(Там же, V, 46—48)

⁶⁹⁹ ...повеяя Евром...— См. примеч. VI, 279.

⁷⁰¹⁻⁷⁰⁸ *Лелий тою порою...*— Когда Лелий доставил Сифака в Рим, карфагенское посольство уже высадилось в Италии (*Ливий*, XXX, 21).

⁷¹²⁻⁷¹⁷ ...*Фульвий, которого сам Сципион...*— Послов доставил в Рим Квинт Фульвий Гиллон, легат Сципиона, однако встретил он их не в Байях (город в Кампании, где до Августа не было удобной гавани), а по соседству, в старом греческом порту Дикеархии, захваченном римлянами незадолго до того и впоследствии переименованном в Путеолы, так что Ливий (там же) называет этот город его латинским именем. *Беллона* — богиня войны, храм ее стоял на Марсовом поле за городской чертой.

⁷¹⁷⁻⁷²⁹ *Впускают вражье посольство...*— Здесь поэт очень близко следует Ливию (XXX, 22): послы всю вину валили на Ганнибала, а мир хотели заключить на тех же условиях, что и мир после I Пунической войны, которого могли не помнить лично, но о котором по должности своей должны были иметь сведения, не отговариваясь возрастом, так что поголовная молодость послов была справедливо воспринята как повод для подобной отговорки, т. е. как очередная «пуническая хитрость».

⁷³¹⁻⁷⁵¹ *А сенатское мнение делится на трое...*— Продолжается пересказ Ливия (XXX, 23). Сенатором, предлагавшим вызвать консула Гая Сервилия Гемина, находившегося ближе к Риму, чем его коллега, был Марк Ливий Друз, примыкавший к оппозиционной Сципиону факции (сенатской группе). Квинт Цецилий Метелл, бывший за три года до описываемых событий (т. е. до 203 г. до н. э.) диктатором, напротив, был из факции Сципиона и чрезвычайно ему верен. Марк Валерий Левин, к тому времени уже дважды бывший консулом, — один из виднейших полководцев II Пунической войны, тоже оппозиционный Сципиону (возможно, из одной факции с М. Ливием). Ст. 734 переведен по конъектуре Коррадини.

⁷⁵⁸⁻⁷⁸⁴ *Первый... из Калариса... от Лилибея... второй...*— Каларис (или Каралис) был главным портом Сардинии; на Лилибейском мысу (см. примеч. VI, 695) находился город того же имени. Сицилийскую эскадру из 200 грузовых судов и 30 кораблей конвоя вел Гней Октавий, которому удалось спасти именно более легкие и маневренные боевые корабли, уведя их под защиту Аполлонова мыса (на западе Карфагенского залива близ Утики). Грузовые суда по большей части оказались прибиты к острову Эгимуру в 30 милях от Карфагена: после недолгих колебаний туда отправился с флотом в 50 кораблей Гасдрубал Гисгонид и отбуксировал римские суда в Карфагенскую гавань — а между тем еще не вернулись послы из Рима (*Ливий*, XXX, 24).

⁷⁸⁵⁻⁸⁰⁹ *Этот гнусный уведав обман...*— Здесь Петрарка опять пересказывает Ливия (XXX, 25), подчеркивающего, что карфагеняне нарушили перемирие еще до того, как их послы вернулись из Рима без договора. По Ливию, засаду (ст. 798—799) устроил на свой страх и риск все тот же Гасдрубал, но Петрарка против обыкновения не пользуется случаем лишней раз подчеркнуть вероломство конкретного врага, будучи увлечен картиной всеобщего вероломства карфагенян. В ст. 802 поэт употребляет слово «*suscursuga*», принадлежащее не классической, а вульгарной (и избегаемой им) латыни, однако Коррадини указывает, что именно от этого слова поэт не отказывается и в других своих произведениях. Неуклюжесть «низкого» слова, по возможности, передана в переводе. Характерно, что это отступление от классической нормы сразу как бы привлекает следующее — нечто вроде омонимической рифмы в ст. 802—803.

⁸¹⁷⁻⁸³² *Между таких финикийских коварств...*— Пространный пересказ одного абзаца из Ливия (там же). У Ливия Сципион говорит о двух преступлениях карфагенян: о нарушении перемирия и об оскорблении послов (т. е. о несоблюдении сразу военного и международного права). Эффектная «тройная обίδα» предполагает не юридическое, а повествовательное — по числу событий — описание «финикийских коварств»: захват судов, оскорбление послов в самом Карфагене и последующее покушение на их жизнь. Соответственно и речь Сципиона, у Ливия вмещающаяся в одно придаточное предложение, у Петрарки пухнет и, лишившись юридического содержания, лишается и юридического итога (соблюдение Сципионом закона о неприкосновенности послов), наполняясь моральными рассуждениями. После ст. 832 Феста отмечает лакуну, хотя связь текста никак и ничем не нарушена.

⁸³⁴ ...*пламенный вождь...*— Сципион.

⁸³⁶ ...*тот и этот уже полководцы...*— Ганнибал и Магон.

⁸³⁹⁻⁹¹⁸ *Впрямь уже и Магон...*— Об отбытии из Италии Магона и о его смерти близ Сардинии Ливий сообщает в одном абзаце (XXX, 19).

⁸⁴⁰ *...раны свои...*— Магон был тяжело ранен в бедро во время экспедиции в глубь Цизальпинской Галлии (*Ливий*, XXX, 18) и едва успел прибыть в приморскую Лигурию, когда явились гонцы с приказом возвращаться, что соответствовало намерениям Магона, опасавшегося погони (там же, 19).

⁸⁴¹ *...хоть и недобрые птицы вились...*— Ср. V, 348–349 и примеч.

⁸⁴² *...правит на юг.*— Побережье Лигурии и Тосканы было впоследствии описано Петrarкой в отдельном сочинении («Хождение», 1358 г.).

⁸⁴⁵ *Дельфин* (ныне Портофино) — мыс, примерно в 20 милях к югу от Генуи, с гаванью, хорошо защищенной от южного ветра (Австра).

⁸⁴⁸ *Бухта Сестра* (чаще Сегеста, ныне Сестри Леванте) — на северной (во времена Петrarки — ср. ст. 854–856) границе италийского виноделия.

⁸⁵⁰ *...на Вахову Красную Гору...*— Ныне Монте Россо, городок, чуть южнее Сестры (собственное его название «Красная Гора» или «Красногорье», а «Ваховым» он назван Петrarкой в честь тамошнего винограда — см. примеч. VI, 848).

⁸⁵¹ *...Корнельев храм...*— Корнелии или Корнилия (ныне Корнильяно) — городок по дороге на юг от Генуи, на полпути к Порто Венере (см. примеч. VI, 857).

⁸⁵³ *...фалернских высот вертоградом...*— На возвышенном фалернском поле в Кампании рос виноград, из которого изготовлялось знаменитое фалернское вино, прославленное римскими поэтами (только Гораций упоминает его более 10 раз). *Мероз* — См. III, 372–373 и примеч.

⁸⁵⁷ *...Венерину милую пристань* (ныне Порто Венере) — на островке близ лигурийского побережья (в древности эта гавань, как и вышеназванные Портофино и Сестри Леванте, никакого значения не имела).

⁸⁵⁸ *Эрикс* (ныне Лериги) — там же именовалась знаменитая гора на Сицилии (см. примеч. V, 308–312), вряд ли названная по лигурийской. Вернее предположить, что там, как и на Сицилии (где был даже храм Венеры Эрицинской), Венера ассоциировалась со своим сыном от Нептуна Эриksom, хотя по первоначальному (греческому) преданию он жил близ сицилийского Лилибея: на Портовенере, несомненно, стоял храм Венеры, покровительницы острова, и отсюда могло произойти (или быть исправлено), если звуковое сходство имелось) имя соседней горы.

⁸⁶⁰⁻⁸⁶¹ *...сама обитает Минерва...*— Афина (Минерва) подарила афинянам оливу (см. III, 209 и примеч.), которая сделалась в Аттике основной сельскохозяйственной культурой, так что лучшим оливковым маслом (елеем) искони считалось аттическое: это и дает поэту повод сделать изысканный комплимент лигурийским маслоделам.

⁸⁶² *Воронья Глава* (ныне Капо Корво) — гористый мыс на самом юге лигурийского побережья.

⁸⁶⁹ *...устье Макры* (ныне Магра) — пограничная между Лигурией и собственно Италией (Тосканой) река, впадающая в Лигурийский залив. *Луна* — город на лигурийском берегу Макры, считавшийся пограничным и важным в стратегическом отношении для защиты от лигуров (отсюда похвала «непреклонности»). Из всех перечисленных и расхваленных поэтом лигурийских городов, гор и пр. только Генуя (которую он не похвалил) и Луна обладали реальным значением, причем значение Генуи со временем увеличивалось (в древности это был довольно захолустный порт), а значение Луны у малаялось, и во времена Петrarки эта крепость уже не существовала. Само по себе описание лигурийского побережья мотивировано в ст. 854–856, однако гиперболичность описания может быть дополнительно мотивирована тем, что Петrarка дописывал «Африку» преимущественно в Парме, которой в ту пору принадлежала Лигурия, но без Генуи.

⁸⁷⁰ *...пыльная Пиза...*— Этот древний и богатый этрусский город близ устья Арна (ныне Арно), сделавшийся затем римской колонией, но навсегда сохранивший неизменным свое имя, во времена Петrarки конкурировал с расположенной выше по течению Арно Флоренцией.

⁸⁷² *...Горгон невеликий* (ныне Горгова) — островок в Тирренском море близ тосканского побережья, в древности никакого значения не имел.

⁸⁷³ *...знатную Ильву...*— См. III, 318 и примеч.; *Капрарийские скалы* — островок Капрария (ныне Капрая) находится у сев. оконечности Корсики.

⁸⁷⁴ *Ижиллий* (ныне Изола дель Джильо) — островец близ Геркулесовой Пристани (ныне Порто д'Эрколе), поставлявший в Тоскане мрамор и мисо.

⁸⁷⁶⁻⁸⁷⁷ *...горы, имя которым дают два добрых металла...* — Свинцовый Пик (ныне Пьомбино) и Серебряная гора (ныне Монте Аргентарио), тесно соседствующие друг с другом горы близ Геркулесовой Пристани.

⁸⁷⁸ *...гора Геркулеса...* — Геркулесова Пристань на месте завоеванного римлянами этрусского города Кюза.

⁸⁷⁹ *Теламонев утес* (ныне Теламоне) — рядом с Геркулесовой Пристанью (ст. 878—879 испорчены во всех рукописях).

⁸⁸⁰ *...малый Умброн...* — Ныне Омбронне, быстрая горная речушка, стекающая с Апеннинских гор в Тирренское море.

⁸⁸⁴ *...Рим золотой...* — По поводу этого эпитета Петрарка замечает в письме, что «особенно достохвальные города... зовутся золотыми», приводя в пример «золотой Капитолий» Вергилия («Энеида», VIII, 347—348) и известный стих Авсония, открывающий описание великих городов: «Рим золотой, обитель богов, меж градами первый».

ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ

⁵⁻⁸ *...о походе на Лаций слушаю...* — Топоним «Лаций» в данном контексте следует понимать в более широком смысле как «латинские (т. е. римские) владения», каковыми здесь представлены земли Цизальпинской Галлии, где воевал Магон (ср. VII, 41—42).

⁸ *...а уж Ганнону прежде всех...* — О Ганноне см. VI, 441—442 и примеч.

¹¹⁻¹³ *...к надеждам бывлым на державство...* — Ганнибал был популярен в народе и, конечно, в армии, а противостоял ему (как и Гамилькару) определенные круги сенатской олигархии: при подобной расстановке сил в древности часто республика преобразовывалась в фактическую монархию (такой переворот совершился позднее и в Риме). Однако серьезных свидетельств о том, что Ганнибал не просто хотел лишить влияния «партию Ганнона», но собирался изменить форму правления, нет, а если бы он хотел вовсе бросить Карфаген и завоевать Италию для себя, то не вернулся бы в Африку в опасное для отечества время. С другой стороны, если бы Ганнибал (при удачном для Карфагена течении войны) сумел бы еще и подавить сенатскую оппозицию, то его авторитет сделался бы абсолютным, и он мог бы дарить престолы, как дарили их римляне, и Магон мог воцариться в Италии, как Массинисса воцарился в Нумидии.

²⁰⁻³⁰ *...в пути своем к Африканскому близаясь берегу...* — Ср. у Ливия (XXX, 25): «Когда Ганнибал был уже вблизи матерого берега, кому-то из моряков велено было влезть на мачту и глянуть, куда приставать. Моряк объявил, что корабль их бежит напрямик к разоренной могиле, и Ганнибал, сознавая себе дурным знаменем, приказал кормщику править мимо того места и так причалил к Лептису, где войско и высадилось». *Лептис* — финикийский город к юг-востоку от Карфагена, плативший Карфагену огромные подати и при этом процветавший.

²⁴ *...трудно сие описать!* — Перевод по конъектуре Коррадини.

⁵³ *...ежели долго зуд...* — Перевод по конъектуре Коррадини.

⁵⁵⁻⁵⁶ *...но если болящий...* — Коррадине допускает возможность, что эти два стиха испорчены.

⁶⁵⁻⁸⁰ *...всегда и при всех он часто и громко пророчил...* — Ср. у Ливия: «А между тем со дня на день разом возрастали надежда и страх, и умы одолевало сомнение, надобно ли радоваться, что Ганнибал покинул наконец Италию на шестнадцатом году своего пребывания в ней, давши римскому народу свободно распоряжаться сею страной, или же пуще надобно бояться, что в Африку воинство свое он доставил целым и невредимым, — место переменялось, а опасность величия. Вот ведь недаром недавно опочивший провидец великого сего ратоборства Фабий Максим часто предсказывал, что в своей земле Ганнибал окажется более грозным противником, чем в чужой, а Сципию придется воевать не с Сифаком, царем диких варваров, коему служит вербовщиком пронира Статорий, и не с Сифаковым тестем Гасдрубалом, из трусов трусом, и не с необученным ополчением, с этим стадом наспех поверстанных

и кое-как вооруженных пахарей, но с Ганнибалом... который состарился среди побед, памятью о великих подвигах которого полны Испания и Галлия и вся Италия от Альп до Прованса...» (XXX, 28). Очень близко следуя Ливию, поэт добавляет к пророчеству Фабия иронический отзыв о Сципионе и объявляет это пророчество предсмертным, противореча себе (ср. ст. 66) и Ливию, однако в обоих случаях почти не нарушая исторической истины. Фабий действительно скептически относился к «звездному юноше» и считал бысдаку в Африке авантюрой, а отзыв его о том и другом хотя и не был предсмертным пророчеством в собственном смысле слова (пророчеством на смертном одре), но ввиду своей значимости был равен предсмертному пророчеству и «завету отца» не только для поэта, но почти наверняка и для современников войны, что не может быть отражено у Ливия, так как пророчество слишком быстро оказалось ложным и, следовательно, утратило свой провидческий престиж, сведясь к неверному (хотя и обоснованному) мнению престарелого полководца.

⁸⁴⁻⁸⁹ ...*хоть уже по селам и весям...* — Ливий пишет, что в честь освобождения Италии Сенат постановил пять дней совершать молебны у всех алтарей и заклать в жертву богам 120 быков (XXX, 24); Петрарка превращает дни в храмы («пороги богов»), что можно объяснить недостаточным пониманием текста Ливия, и заменяет быков неизбежным лавром.

⁹⁰⁻¹²⁹ *А между тем Ганнибал...* — Здесь Петрарка очень близко следует Ливию (XXX, 29), хотя и украшает рассказ о милосердии Сципиона к карфагенским лазутчикам усиливающими впечатление подробностями. Ст. 100 переведен по конъектуре Коррадини (упоминаемые в нем *трибуны* — войсковые трибуны, ср. примеч. I, 385). *Зама* — местечко к юго-западу от Карфагена, чуть восточнее Наргары (см. VII, 143—147 и примеч.).

¹³⁰⁻¹³⁹ *А поелику судьбы...* — Ливий также приводит несколько возможных причин, побудивших Ганнибала к этим довольно неожиданным переговорам (XXX, 29), хотя личное обаяние Сципиона в число этих причин, разумеется, не входит.

¹³⁹⁻¹⁵⁵ *Вот уже послан гонец...* — Здесь Петрарка почти слово в слово пересказывает конец цитированной главы Ливия, добавляя от себя только упоминание о гибели Марцелла и Криспина (см. I, 360—368 и примеч.). *Наргара* — городок примерно в ста милях к юго-западу от Карфагена.

¹⁶¹⁻¹⁶⁴ *Итак, лицу к лицу на кургане...* — Ср. у Ливия: «И вот встретились — каждый имея при себе лишь по толмачу — величайшие полководцы не только своего времени, но и всех веков...» (XXX, 30).

¹⁶⁷ ...*вместе с Меркурием...* — Меркурий (Гермес) как посредник по преимуществу был также и покровителем толмачей (отсюда вошедшее в современный обиход греческое слово «герменевтика»). Здесь уместно заметить, что Ганнибал — при всем размахе своей политической деятельности и при том, что почти всю жизнь провел вне Карфагена, — не знал греческого языка, который уже более века был языком международного общения во всем древнем Средиземноморье (характерно, что Масинисса знал не только греческий язык, но был сведущ и в литературе — см. примеч. V, 1). Учить греческий Ганнибал начал только под старость, давно уже живя в грекоязычном окружении. Этот факт биографии Ганнибала поражает: карфагеняне пользовались услугами греческих наемников (а греки никогда и пидге иначе чем по-гречески не говорили), юг Италии был почти поголовно грекоязычным, свободно владела греческим все образованные римляне (в том числе, разумеется, Сципион), Карфаген был в союзе с Македонией и т. д. — и все легко сносились друг с другом, между тем как Ганнибал оказывался в положении глухонемого. Эта загадка имеет два гипотетических решения. Во-первых, многообразие талантов порою как бы уравновешивается у великих людей полной неспособностью к какому-либо довольно простому делу — Ганнибал мог быть до тупости неспособен к языкам, а времени преодолеть эту тупость у него (в деятельный период жизни) не было. Во-вторых, Ганнибал при всех своих дарованиях мог быть идеологически гораздо более старомоден, чем кажется с первого взгляда, — и если его политическое сознание находилось не на державном, а на общинном (полюсном) уровне, то потребность в знании языков у него не возникла, и каждое проистекающее от этого неудобство он мог расценивать как случайное — а не как очередное! — сопряжение с новой (державной) реальностью, к которой не умел приспособиться. Сципион, мысливший другими категориями, вероятно, понимал эту особенность врага — благодаря такому по-

ниманию он и сумел без боя «заочно» освободить Италию, выманив оттуда «коварного» финикинина своим маневрированием по Африке, так как из великого завоевателя Ганнибал разом превратился в патриота-ополченца. *Тифей* (или Тифон) — сын Геи (Земли), стоглавый и змееподобный, боровшийся с Зевсом (Юпитером) за власть над миром и побежденный сонмом олимпийских богов. Петрарка смешивает этот миф с мифом о гигантомахии, так как гиганты тоже были змееподобными детьми Геи, тоже восставали на олимпийских богов и тоже были ими повержены, но Тифей среди них не было (эти разные вариации мифа о космогонической борьбе поколений богов — ср. миф о борьбе богов с титанами).

¹⁷¹⁻¹⁷² *потянет стрелу... Феб... тряснет ужасной згидой Паллада...* — Оружием Феба (Аполлона) был лук, Паллада (Минерва) сражалась копьем, но здесь поэт предпочитает упомянуть ее эгиду, т. е. щит с головой Медузы (см. III, 182—183, 205—208 и примеч.).

¹⁷⁸⁻¹⁸⁰ *Вот недвижны стоят...* — Ср. у Ливия: «Глядя друг на друга и дивясь друг другу, они некоторое время безмолвствовали» (XXX, 30). Внутреннюю речь героев Ливий, разумеется, не воспроизводит.

¹⁸¹⁻¹⁸² *...полководца Перуновержного...* — Здесь обыгрывается прозвище Гамилькара: «Барка». Сыновья Гамилькара назывались обычно Баркидами, а не Гамилькаридами и Ганнибал, таким образом, был «Ганнибал Перунович», что вполне согласовывалось с его деятельностью (см. примеч. VI, 132—135).

¹⁹³⁻¹⁹⁴ *...Городу в милость бог...* — См. примеч. VI, 542—543.

²⁰¹ *...в полях, орошенных отчею кровью...* — Т. е. в Испании.

²⁰⁵⁻²⁰⁷ *...в одиночку решенье... поворотил...* — См. IV, 180—241 и примеч.

²⁰⁷⁻²⁰⁸ *У него никто и на нивы глянуть не смел...* — Можно полагать, что текст в этих двух строках испорчен, так как никакая небрежность поэта или переписчиков не могла бы исказить действительную историю до такой степени: «у него», т. е. в Италии, Ганнибал не только «глядел на нивы», но взял множество городов и дважды подступал к Риму, а «у нас», т. е. в Африке, Сципион в ожидании решительного сражения разорил страну, однако никаких «твердынь» не ломал, так как единственной настоящей твердыней был Карфаген, к которому римляне подошли только после победы при Заме.

²⁰⁹⁻²¹¹ *Он исхитрился царя...* — Имеется в виду Сифак.

²¹⁶⁻²⁶⁶ *...превавши первым молчанье...* — Ср. у Ливия: «Ганнибал заговорил первым. „Уж если суждено, — сказал он, — чтобы я, сам же и затеявший войну с римлянами и столько раз бывавший совсем близко к победе, самозачно явился бы просить мира, то мне остается лишь порадоваться, что мира надобно просить именно у тебя. Да и тебе, помимо прочего, не в последнюю зачтется славу, что уступил тебе Ганнибал, одолевший по милости божьей столько римских полководцев...“» (XXX, 30). По этому отрывку видно, как близко поэт следует Ливию (который — по обыкновенную античных историков — все речи сочинял сам) и как отличается многословная выпренность поэмы от более экономного в расходовании риторических средств исторического повествования.

²³³⁻²³⁶ *...воистину, в сечах... был побежден...* — Намек преимущественно на битву при Тицине, когда Публий Корнелий был военачальником, а также и на прочие битвы, проигранные римлянами Ганнибалу, который из вежливости заметно преувеличивает стратегические возможности «необорного вонтеля».

³⁰¹⁻³⁰⁴ *Сколь был доблестен Кир!* — Речь идет о Кире Древнем, одном из любимых героев античного (как, впрочем, и ветхозаветного — см. «Книгу пророка Давида») предания, персидском царе (559—530 г. до н. э.), основателе Персидской державы, по огромности и этническому разнообразию сходной с Римской империей. По сообщению Геродота, он погиб, воюя со скифами-массагетами, которыми предводительствовала царица Томирис, — это предание и имеет в виду Петрарка. Примером низвергнутого величия Кир является и у Данте («Чистилище», XII, 55).

³⁰⁴⁻³¹⁶ *Сколько бранной было удачи Пирру!* — Пирр, царь Эпира (страна на северо-западе Балканского полуострова рядом с Македонией) прошел военную выучку в македонских войсках, в 296 г. до н. э. отвоёвал себе захваченный узурпатором Эпир, затем успешно воёвал с македонянами и даже был венчан ими на царство, хотя этого престола не удержал; затем в 281 г. принял приглашение тарентинцев (Тарент — город на юге Италии, населенный греками), просивших защиты против римлян,

и почти сразу одержал над римлянами знаменитую «Пиррову победу» при Геракле, затем пошел на Рим и в 279 г. победил римлян в Апулии, но для дальнейшего похода у него уже не оставалось ресурсов, так что летом 278 г. он отправился на Сицилию, чтобы помочь сиракузским грекам, которых теснили союзные в ту пору Рим и Карфаген; воевал успешно и уже задумывал поход на Карфаген, но для высадки в Африке опять не хватило ресурсов, да и флот его был разбит карфагенянами в морском сражении, поэтому он вернулся в Италию, однако был наголову разбит в 275 г. при Беневенте консулом Марком Курием Дентатом и принужден (в 274 г.) воротиться в Эпир. Здесь он опять затеял войну с Македонией, победил и, не удовлетворенный победой, решил присоединить к своей державе Пелопоннес — в 272 г. осадил Спарту, но спартанцы не сдались, он повернул назад и на обратном пути решил взять занятый македонянами и спартанцами Аргос; он сумел войти в город, однако защитники города дрались за каждую улицу и каждый дом — старая мать одного из аргосцев увидела, как Пирр замахнулся мечом на ее сына, и бросила в царя черепицей, совершенно его оглушив, после чего прирезал кто-то из македонян. Воея с римлянами, Пирр испытывал и не скрывал большую к ним симпатию, так как ему нравилась римская смелость и неподкупность, — равно и римляне имели случаи оценить благородство своего противника, хотя его планы (создание греко-италийского царства с ним самим во главе) не внушали им ни малейшей симпатии. Ст. 310—311 почти буквально совпадают с отзывом о Пирре у Юстина: «Он изверженка мог бы по всему свету прославить тесное и захолустное свое отечество» (XXV, 5). Начало ст. 314 в рукописях читается «знаменитому на Севере» или «знаменитому на Востоке» — Коррадини выбирает Север, однако предлагает в качестве возможной конъектуры «знаменитому в боях». В данном переводе принята именно эта конъектура. Относительно Карфагена все страны, где царствовал и воевал Пирр, являются более или менее дальним северо-востоком, а относительно Македонии Эпир — запад, так что упоминание любой страны света оказывается или слишком явно ошибочным, или слишком явно избыточным.

^{310—321} ...*вот тебе Регул*... — У Ливия Ганнибал использует только пример «поближе»: «Некогда в этой же самой земле Марк Атилий соделался бы редкостным примером удачливости и доблести, если бы. Будучи победителем, даровал нашим отцам просимый ими мир, однако он не назначил меры своему счастью, не укротил удачу, горячившуюся, словно невзнузданная кобылица, — и пал столь же низко, сколь высоко пред тем вознесся» (XX, 30). Ганнибал имеет в виду африканскую экзотическую Регула и пленение его Ксантиппом (см. примеч. VI, 644—665).

Следует, однако, отметить, что Петрарка, умножая число примеров ради риторического эффекта, соблюдает одно существенное условие: играющий Фортуной герой должен (как и Регул) иметь военный конфликт с финикийцами, даже если этот конфликт в его карьере (в отличие от карьеры Регула) не основной. Пирр вступил в непосредственный конфликт с карфагенянами на Сицилии, за господство над которой карфагеняне веками боролись сначала с греками и затем с римлянами, но и Кир Древний, не трогавший Карфагена и даже косвенно способствовавший его усилению (за счет ослабления некоторых других государств), завоевал и включил в свою державу ближневосточную Финикию вместе с Тиром — метрополией Карфагена.

^{320—330} ...*ей, что сама слепа*... — В латинском оригинале доцезурная часть этих стихов заканчивается невоспроизводимым в переводе глаголом-связкой «est»: переписчик Марцианского манускрипта делает из двух стихов один («ей, что сама слепа, — да притом не она ли возносит...»), чтобы избежать нежелательного созвучия.

^{345—346} *Как прежде войны продолженья*... — Рифма в переводе воспроизводит рифму в оригинале. Не исключено, что количество рифм заботами переписчиков и вообще уменьшено.

³⁵⁵ ...*трехголовый удел Эолийский*... — Сицилия, поэтически отождествленная с далеким западным островом, где царствует над ветрами Эол (ср. VI, 280 и примеч.).

³⁶¹ ...*в Боревых землях*... — На дальнем Севере (Борей — северный ветер).

³⁶³ ...*на вас, господ*... — Ср. у Вергилия:

...Со мною лелея

римлян, мира владык, облеченное тогою племя.

(«Энеида», I, 281—282)

³⁸⁶⁻⁴⁴⁹ *Знал я, что если сюда ты явишься...* — Ливий «приблизительно» (по его собственным словам) передает речь Сципиона в ответ Ганнибалу, но никакого копья Сципион у него в землю не вонзает, а просто возвращается к своим (XXX, 31 — ср. ст. 449). В данном случае Петрарка, по-прежнему близко следуя Ливию, отличается от него не только многословной выпренностию и почти театральной эффектностью финала, но и характерологическим неправдоподобием, которое является непоследовательностью и в рамках «Африки»: Сципион чрезвычайно грубо разговаривает с Ганнибалом, нарушая элементарный (даже перед ультиматумом) дипломатический этикет и попросту ругаясь, что «звездному юноше» никак не подходит, особенно если учесть его очень высокое мнение о противнике. Дело в том, что Петрарке как почитателю Цицерона ближе стиль судебного красноречия с его обязательной бранью в адрес обвиняемого или обвинителя, а по этим меркам Сципион вполне вежлив.

³⁸⁴ *...сколько щитов и мостов...* — Упоминание о мостах в перечне связанных с морскими сражениями реалий может удивить, но речь, действительно, идет о военной технике, а именно об абордажных мостах, по которым вбегали на вражеский корабль тяжелооруженные воины.

³⁸⁶ *...об Эгатах недолгая память?* — См. III, 470—471 и примеч.

³⁹⁰ *...прежде сикулаж пелочь...* — Сикулы были древними обитателями Сицилии, от которых остров и получил свое имя. В поэтическом языке сикулами называются вообще все обитатели Сицилии независимо от происхождения. Здесь сикулами названы мамертинцы — наемники италийского происхождения, захватившие в 282 г. до н. э. Мессану и основавшие там независимое государство. Между мамертинцами немедленно начались распри и раскол: одна партия призвала на помощь карфагенян, другая римлян (объявив о своем с ними родстве) — великие державы не замедлили прийти на помощь каждая своим мамертинцам, и так началась I Пуническая война.

³⁹¹⁻³⁹⁴ *...ныне к иберам звала...* — т. е. к населявшим Сагунт грекам, которые были иберами, поскольку жили в Иберии. Справедливость требует отметить, что и карфагеняне тоже «приходили на помощь» (например, к мамертинцам), что всеобщим помощником был царь Пирр и что вообще «приход на помощь» был мотивировкой большинства войн классической древности, так как существовал жесткий военный этикет, не допускавший откровенной агрессии (помимо «прихода на помощь» можно упомянуть — для Балканских войн — «освобождение греческих городов»).

³⁹⁸ *...Бог не устал от праведной мести.* — Отмщение довольно редко бывало мотивировкой начала агрессии, зато часто служило мотивировкой поведенья победителей.

⁴⁴⁸ *...тогу вздеть не сумев...* — Ношение тоги было исключительным правом римских граждан («тогоносного народа»), но тога была (при всем своем роскошном неудобстве или благодаря ему) еще и символом мира, причем мира правозаконного. Карфагеняне «не сумели вздеть тогу» потому, что оказались не готовы к серьезным переговорам о правозаконных условиях мира.

⁴⁷⁵⁻⁴⁷⁹ *...настал последний срок...* — Ср. у Ливия: «Воротясь в станы, оба вождя велят воинам готовить оружие и бодриться для последней битвы, потому что, дескать, если будет им удача, то станут они победители не на день, а навсегда... Наградою за победу обещана им не Африка и не Италия, но вселенная» (XXX, 32).

⁴⁸³ *...отступа нет и удобной дороги...* — Перевод по конъектуре Коррадини.

⁴⁸⁷⁻⁴⁹⁹ *...станы в сумятице шумной...* — В описании приготовлений к битве есть сходство с описанием таких же приготовлений у Вергилия («Энеида», VII, 623—640: жители Италии готовятся идти войной на Энея). После ст. 499 Феста без всяких объяснений помечает лакуну, что совершенно ошверняется вышеприведенным сравнением. Вергилий заканчивает свое описание стихом:

Или кольчугу из трех золотых сплетенную нитей —

а затем обращается к музам с просьбой о помощи (641—646), причем первый стих обращения:

Настежь, богини, теперь отворите врата Геликона...

Петрарка воспроизводит эту последовательность, завершая описание приготовлений к битве упоминанием конкретной части доспеха («поножи»), после чего просит

муз о помощи — причем эта просьба, как и у Вергилия, занимает шесть стихов (500—505), начинается с обращения и мотивируется трудностью стоящей перед поэтом задачи. Здесь нет места лакуне.

⁵⁰⁰ *Пиериды* — музы, именуемые так по Пиерии во Фракии, где они обитали по одной из версий предания.

⁵⁰³ *...от всей доброты Геликонской...* — По другой версии предания музы обитали на Геликоне.

⁵⁰⁴ *...по крутым бездорожьям Кастальским...* — т. е. Парнасским, так как вдохновляющий поэтов Кастальский ключ находится на посвященном Аполлону Парнасе. По этому обращению к музам видно, как окончательно стирается в европейской литературе конкретность мифологической топографии, постепенно стирившаяся уже в литературе античной. Мифологическая традиция содержала несколько версий о местопребывании муз, и античные авторы выбирали из них любую, однако если предпочиталась, например, «фракийская версия», то «кастальская» с нею не смешивалась, в «геликонской» фигурировал не Кастальский ключ, а Гиппокрена и т. д. У Петрарки Кастальский ключ бьет на Геликоне, который высится в Пиерии, — иначе понять данный отрывок трудно, но причиной тому не незнание (или не только незнание) мифологической топографии, а сближение отдаленных реалий, столь же характерное для культурной перспективы, сколь и для оптической (так во вступлении к поэме синхронными в своей легендарности оказываются взятие Трои и Фарсальская битва — см. I, 51—53 и примеч.). Однако и нынешний читатель не всегда без напоминания уясняет себе, что для одного «древнего грека» подвиги другого «древнего грека» могли быть глубокой древностью, а местожительство третьего «древнего грека» — таинственной страной у края земли, — античность в нашем обыденном сознании хронологически и географически довольно компактна. Для Петрарки была компактна, во всяком случае, греческая мифология, доказательством чему — вышеприведенный пример.

^{506—517} *...и по эфирной стезе вошла...* — В аллегорических образах двух царич представлены Рим и Карфаген, основанный раньше Рима (почти одновременно с разрушением Трои, коль скоро у его основательницы Дидоны гостил Эней, хотя Троянская война обычно датируется XIII в. до н. э., а основание Карфагена — IX в.). По-латыни названия обеих столиц, как и само слово *urbs* (город, столица) грамматически оформлены в женском роде, и среди языческих культов древнего Рима был культ богини Ромы (лат. Roma — Рим), обычно отправляемый вместе с культом императора. У Петрарки антропоморфизированные столицы представлены не «настоящими» богинями (боги живут в небесах или в преисподней, т. е. вне человеческой вселенной, а эти приходят с земли и возвращаются на землю), но скорее умозрительными владычицами и матерями двух народов. Что «мать карфагенян» старше и смуглее — это понятно, «надменность» же ее представляет собой естественное следствие устоявшегося и разделяемого Петраркой мнения о лукавстве пунийцев, которые не блюдут клятв, а стало быть, презирают богов. Ст. 513 переведен по конъектуре Коррадини.

^{520—521} *...вступают в чертоги горние...* — Сходным образом у Вергилия Венера является к Юпитеру, чтобы хлопотать за Энея («Энеида», I, 227—253); Петрарка удваивает этот мотив.

^{524—525} *...Мне, издревле Юноной благотворимой...* — Ср. у Вергилия о Карфагене:

Больше всех стран, говорят, его любила Юнона,
даже и Самос забыв; здесь ее колесница стояла,
здесь и доспехи ее. И давно мечтала богиня,
если позволит судьба, средь народов то царство возвысить.

(«Энеида», I, 15—18)

Остров Самос в Эгейском море был одним из главных греческих центров культа Геры (Юноны), и тамошний ее храм был одним из богатейших в Средиземноморье.

^{535—536} *...Фавония нежные вздохи...* — Это утверждение на первый взгляд парадоксально, так как Фавонием по-латыни назывался тот самый западный ветер, который по-гречески назывался *Зефиром* и обычно сохранял в латинских текстах это свое греческое имя. Балканской Греции Зефир нес бурю и дождь, так что представление о ласковом Зефире — итальянское. Однако, хотя Италии и Африке западный

ветер нес одинаково хорошую погоду, но нес он ее от разных мест: Италии с Тирренского моря, Африке — с Океана. Это и дает поэту возможность противопоставить два синонимических названия западного ветра по признаку «своего» (для каждого ветра) Запада — никакому античному образцу он в данном случае не подражает.

⁵⁴³⁻⁵⁴⁴ ...грозную славу мужа, коего, Марс! не стыдно назвать тебе братом... — Речь идет о Гамилькаре, «втором Марсе» (см. VI, 132-134 и примеч.).

⁵⁵⁰⁻⁵⁵¹ ...несравненный... отпрыск — Ганнибал (см. VII, 563).

⁵⁵⁴⁻⁵⁵⁶ ...от жара, который похитил древле у звезд Прометей... — В соответствии с мифологической традицией, Прометей украл у богов находившийся в их исключительном владении огонь, и так облагодетельствовал человечество, хотя и ценою собственных страданий. У Петrarки образ небесного огня лишается прежней конкретности и превращается в «искру божью».

⁵⁶⁵ ...Рифейские зимние льды... — Здесь Рифейские горы являются поэтическим обозначением всего дальнего Севера, покрытого вечными льдами.

⁵⁶⁵⁻⁵⁶⁶ ...растопит... Борей... — Гипербола: не просто вечные льды будут растоплены, но растопит их переменявший самое свое качество холодный северный ветер.

⁵⁶⁸⁻⁵⁶⁹ ...горькая зависть с милостью вкупе слепой... — О зависти богов см. примеч. VI, 555. Эта концепция сочеталась с восприятием всякой удачи как милости божества (в отличие от концепции Форгуны, в которой удача и неудача как бы нейтрализовались вечным переменчивым вращением счастья). В мифах очень часто избраннику одного божества вредит другое божество или все боги разом — этого и опасается «мать карфагенян».

⁵⁷⁷ ...на нас юнец ополчился... — Сципион.

⁵⁸³ ...некогда в сече одисей... — Сципион вместе с отцом участвовал в нескольких неудачных для римлян сражениях, но здесь явно имеется в виду главное — битва при Каннах.

⁵⁸⁴⁻⁵⁸⁵ ...хоть не дарила еще... — Битва при Каннах произошла через три года после начала войны, а с 216 г. до н. э. и до возвращения в Африку Ганнибал успел очень значительно разорить Италию и истощить силы римлян.

⁵⁹⁵ ...о Создатель богов и людей! — Ср. у Вергилия:

...Создатель бессмертных и смертных... («Энеида», I, 254 и др.)

⁵⁹⁷⁻⁵⁹⁸ ...под скорым напором Австров... — Автрами во множественном числе, буквально «южными ветрами», здесь именуются явившиеся с юга карфагенские воины. Ср. сходные метафоры в сходном контексте у Горация в оде «К Риму» («Оды», IV, 4, 44-46).

⁶⁰⁰ ...Не опровергну того... — Перевод по конъектуре Коррадини.

⁶⁰⁸ ...заодно с твердыней Тарпейской... — Т. е. заодно со своим собственным храмом (ср. III, 475-479; IV, 115-122 и примеч.).

⁶²⁰⁻⁶²¹ ...лишь бы не был роком жестоко... — Ср. у Вергилия:

Отрок несчастный, — увь! — если рок суровый ты сломишь,
будешь Марцеллом и ты! («Энеида», VI, 882-883)

У Вергилия эти строки из пророчества Анхиза посвящены пасынку Августа Марку Марцеллу, умершему в ранней юности, — иначе он сравнивался бы со своим знаменитым предком и тезкой, «мечом римлян», т. е. реализовался бы в качестве «настоящего» Марцелла. «Мать римлян» просит у Юпитера для Сципиона именно этой возможности вполне реализовать свою судьбу.

⁶⁴⁰⁻⁶⁴⁵ А если с Юноною дружбой... — Большинству комментаторов это рассуждение представляется несколько бессвязным, так как неясно, почему наличие в Риме храма Юпитера Капитолийского делает бесполезным покровительство Юноны (как никак супруги Юпитера, пусть и не всегда с ним согласной). Однако следует учесть, что в космологии Петrarки Юнона — не более чем языческая богиня, а Юпитер — Господь, Бог-Вседержитель, пусть воспринимаемый и чтимый не всегда «по должному чину». Таким образом, на уровне конкуренции богов-покровителей конкуренция Рима и Карфагена не похожа на конкуренцию, например, троянцев и ахейцев, которым покровительствуют разные боги, — здесь это конкуренция истинного Бога с ложным божеством, и результаты ее предопределены.

⁶⁵⁰⁻⁶⁵³ ...*державная власть над сушей и морем...* — У Вергилия Юпитер в ответ на просьбы тревожащейся за сына Венеры утешает ее обещанием будущего величия Энеева рода и еще не построенного Рима («Энеида», I, 256–296). В сущности, «матерь римлян» ссылается на «Энеиду», которая будет написана почти через 300 лет и сделается едва ли не главной «гадательной книгой» европейского Средневековья, чтившего Вергилия кудесником и пророком.

⁶⁵⁸ ...*благочиние новое...* — Христианство.

⁶⁶¹⁻⁶⁶² *Тут усмехнулся без слов Правитель...* — Ср. у Вергилия:

Ей улыбнулся в ответ создатель...

(«Энеида», I, 254)

Небезразличным представляется, кому адресованы эти улыбки: у Вергилия отец улыбается дочери, у Петрарки Господа веселят его же собственные мысли.

⁶⁹⁹⁻⁷⁰⁰ *Вам же первая ныне забота — внуки...* — Юпитер у Петрарки выражается несколько бессвязно: тема внуков, от которой он здесь отвлекается, вновь возникнет в ст. 716–719, где говорится о дальних следствиях грядущей битвы.

⁷¹⁰⁻⁷¹⁵ *Умысел есть у Меня...* — Пророчество о Христе. Сходное пророчество отождествленного с Единым Богом Юпитера имеется у Данте («Чистилище», VI, 118–119).

⁷¹⁵⁻⁷¹⁶ *Хотя дары таковы...* — Перевод по конъектуре Коррадини. Имеется в виду, что христианство будет равно доступно всем народам.

⁷¹⁶⁻⁷¹⁹ ...*счастливее станет та из вас...* — Пророчество о папстве.

⁷²⁰⁻⁷²³ *Да не позыслил никто...* — Год Сатурна (время его обращения вокруг Солнца) равен «примерно тридцати годам» (Цицерон. «О природе богов», II, 20), точнее, двадцати девяти; христианская проповедь начата в Риме апостолом Павлом по средневековым расчетам в 42 г. н. э. (реальная дата с такой точностью не известна), т. е. через 244 года после битвы при Заме.

⁷³²⁻⁷³⁵ ...*воек не бывало ни на каких полях...* — Ср. у Ливия: «Никогда еще не бывало войны между более сильными государствами и народами, никогда еще не бывало противников превосходнее и могущественнее, и никак не могли они воспользоваться тем или иным неведомым врагу ухищрением, ибо успели довольно познакомиться еще в Первую Пуническую войну» (XXI, 1 — вступление к рассказу о войне римлян с Ганнибалом, «самой достопамятной из войн всех времен»).

⁷⁴⁰⁻⁷⁵⁴ *Вот выводит полки Сципион...* — Примерно так же описывает римское построение Ливий (XXX, 32–33), хотя подробнее сообщает о построении пехоты и, разумеется, ничего не говорит об одежде и внешнем виде полководцев.

⁷⁵⁴⁻⁷⁵⁷ *Так блистанья восходящего Феба...* — Коррадини отмечает, что с Фебом-Сципионом здесь сравниваются Люцифер-Массинисса и Меркурий-Лелий (Меркурий в поэтических текстах часто называется Киллением по аркадской горе Киллене, где он был рожден). Такая интерпретация представляется верной прежде всего из-за Меркурия, который в качестве светила может быть сопоставлен с Люцифером лишь с очень значительной (и чем-то мотивированной) натяжкой — если уж поэт по понятным причинам не хотел упоминать Юпитер, то куда лучше подошел бы Марс, если же сравнение не случайно, то натяжка вполне мотивирована. Действительно, если учитывать не светимость планеты, а ее небесного хозяина, то Лелий, естественно, ассоциируется с красноречивым вестником богов Меркурием, а Массинисса с Венерой — в память о страсти к Софонисбе.

⁷⁵⁸⁻⁸³³ *Сам подстрекает он удаль бойцов...* — Ср. у Ливия: «Сципион напоминал им об Испании и о недавних битвах в Африке и о том, что враги сами сознают свое бессилие, ибо просить о мире заставил их страх, а не нарушить перемирия не сумели они по природному своему вероломству. А так как беседа его с Ганнибалом состоялась без свидетелей и потому представляла любые возможности для вымысла, он истолковывал сказанное, как ему было угодно: говорил, будто финикианам перед битвой боги ниспослали и на сей раз такие же знаменья, как некогда отцам их перед сражением при Эгатах, а еще что близок-де конец бранным трудам и что Карфаген ими уже все равно как взят, и что скоро воротятся они домой — к родителям и к детям, и к женам, и к отчим пенатам. Все это он высказывал с такой величавостью, со столь очевидной уверенностью, что можно было решить, будто он уже стяжал победу» (XXX, 32). Хотя Ливий откровенно симпатизирует Сципиону, но

о его самоуверенности и «боговдохновенности» (ср. примеч. IV, 115–126) отзывается не без иронии, для Петрарки же, напротив, эти черты характера героя особенно привлекательны (см. ст. 775–790 и др.).

⁷⁹⁵ *...опрометчивый консул...* — Гай Теренций Варрон, вступивший в сражение с Ганнибалом вопреки советам своего коллеги Эмилия Павла, погибшего в этой битве (см. I, 381–398 и примеч.).

^{796–798} *...не тот, кто был отвергаем от битвы...* — Дурные знамена были явлены отцу Сципиона, проигравшему битву при Тицине (*Ливий*, XXI, 46), однако вероятнее, что Сципион имеет в виду не своего отца, а консула Гая Фламиния, погибшего в проигранной им битве при Тразименском озере, чему предшествовали настолько дурные знамена, что Ливий посвящает им две главы (XXI, 62–63).

⁷⁹⁸ *...не Семпроний сегодня со мною...* — Тиберий Семпроний Гракх, проигравший битву при Требии, якобы вопреки советам коллеги по консульству Публия Корнелия (отца Сципиона).

^{799–800} *Нам в очи бьющее солнце или же пыльный смерч...* — Пыльный смерч мешал римлянам биться при Тицине и при Каннах (*Ливий*, XXI, 46; XXII, 40). Солнце Петрарка упоминает заодно, чтобы перечислить все возможные естественные помехи, хотя (в отличие от прочих) эта помеха предсказуема и не может быть отнесена на счет «незвезды».

^{801–802} *...и не укроет засаду его... туман!* — Это произошло в битве при Тразименском озере (*Ливий*, XXII, 4–8).

^{802–803} *И не рать, уже побежденную хладом...* — Это произошло в битве при Требии: дело было зимой, и римляне бросились в бой прямо с марша, а Ганнибал заранее раздал своим воинам елей, которым они умастились, греясь у костров, да притом успев позавтракать, так что дожидались голодных и продрогших римлян, будучи сами сытыми и бодрыми (*Ливий*, XXI, 54–55).

⁸¹⁵ *...ратоборства с царями...* — Собственно говоря, Сципион победил только одного царя, Сифака, но «царями» назывались порой и вожди туземных испанских племен.

^{821–823} *Добрые знамена...* — У Ливия Сципион говорит не о добрых знаменах для римлян, а о дурных для карфагенян (см. примеч. VII, 758–833), сам же Ливий вообще ни о каких знаменах не упоминает.

⁸³⁷ *...слово пастух Полифем...* — Одноглазый жестокий циклоп, встреченный Улиссом во время странствий (см. примеч. VI, 583–584).

^{840–854} *Строит он рати свои...* — В описании построения карфагенской армии Петрарка очень близко следует рассказу Ливия, также упоминающего о малом боевом энтузиазме вывезенных из Южной Италии (из Бруттия) воинов (XXX, 33), но упоминającego еще и о македонских войсках, присланных царем Филиппом, которые Петрарка (вероятно, по небрежности, так как впоследствии он о них говорит) не помещает на подобающее им место в ст. 848. Ст. 843 переведен по конъектуре Коррадини.

⁸⁵⁵ *...противустать царю ненавистному...* — Т. е. Массиниссе, которого прежние подданные Сифака, естественно, считают узурпатором, тогда как для него (и для Петрарки) они мятежники.

⁸⁵⁷ *...множество разных племен...* — Ср. у Ливия: «Речи к воинам были не одинаковы, как и подобает, если войско состоит из столь великого множества людей, у коих различны наречья и нравы и законы...» (XXX, 33). Отдельно о важности языкового различия Ливий говорит ниже, в описании начала битвы (там же, 34): «...Мелочь, а в бою оказалось важно — клич римлян звучал согласно и оттого громче и грознее, клич же карфагенян звучал вразнобой, как оно всегда и бывает при различно звучащих языках...»

⁸⁶⁰ *Все, что должно вождю...* — В числе этих обязанностей Ливий называет личное знакомство со значительной частью воинов (XXX, 32), которое поэт приписывает Сципиону (ст. 764–770).

⁸⁶⁴ *Коль счастье мое мне ведомо...* — Петрарка строит речь Ганнибала симметрично речи Сципиона, между тем как Ливий пересказывает ее не только с такой же краткостью (см. примеч. VIII, 758–833), но даже и не подряд, хотя вскользь отмечает, что Ганнибал «говорил о подвигах, кои они совершали в Италии за шестнадцать лет, и об истреблении множества римских вождей и множества воинств» (XXX, 32).

- ⁸⁷¹ ...отец достолавный... — Погибший в Испании Публий Корнелий.
- ⁸⁸⁰ ...нашим стенам грозить! — Перевод по конъектуре Коррадини.
- ⁸⁸²⁻⁸⁸³ ...с перстов... срывали столько перстней... — Отсюда и до конца VII песни перевод М. Л. Гаспарова. Снятые с убитых римлян золотые перстни карфагеняне «меражи меряли» после Канн (Ливий, XXIII, 12).
- ⁸⁸⁶ ...статную римского выю вождя... — Перевод по конъектуре Коррадини.
- ⁸⁸⁹ ...переметчивый царь... — Массинисса.
- ⁸⁹⁰⁻⁸⁹² Заклинаю силой всевышних... — Ср. у Ливия: «Мавров и нумидян запугивали владычеством Массиниссы, которое-де будет жестоким и своевольным» (XXX, 33).
- ⁸⁹³⁻⁹⁰³ Вы, о галлы... — Ср. у Ливия: «В галлах разжигали вечную и врожденную ненависть их к римлянам; лигурам, явившимся с диких гор, внушали надежду заполучить после победы тучные италийские нивы...» (там же).
- ⁹⁰³⁻⁹¹⁵ А вы, чьи полки мне любезнее прочих... — Ср. у Ливия: «А карфагенянам — о стенах родного города и о домашних святынях, и о могилах предков, и о детях, и о родителях, и о дрожащих от страха женах, и о гибели и рабстве или же, напротив, о державстве надо всею вселенною» (там же). По рассказу Ливия, Ганнибал держал речь перед карфагенянами, а перед инородцами — их воеводы, часто пользовавшиеся, впрочем, услугами переводчиков, так как многие племена стояли вперемежку. Петрарка, сочинив по «конспекту» Ливия речь Сципиону, этим же способом сочиняет речь и Ганнибалу.
- ⁹¹⁶⁻⁹⁴⁹ Вождь еще не смолк... — Здесь поэт следует Ливию, рассказывающему о бегстве слонов и о причиненном ими карфагенянам убытке более подробно. Римские трубы, действительно, загудели и перепугали слонов в то время, когда Ганнибал и его воеводы еще держали речи перед войсками, что усугубило панику. Некоторый урон от слонов римляне все же понесли (Ливий, XXX, 33), но Петрарка ради эффекта об этом умалчивает.
- ⁹⁵⁸⁻⁹⁶⁵ ...вступают враги в рукопашную схватку... — Здесь и далее Петрарка значительно упрощает рассказ Ливия, достигая при этом желательного поэтического эффекта. В частности, карфагенская пехота была гораздо слабее римской, так что для римлян куда опаснее оказалась возникшая на поле битвы после бегства слонов сумятица (Ливий, XXX, 34 — см. примеч. VII, 1007-1029).
- ⁹⁷² ...жестокая дань побежденных... — Т. е. огромные территориальные и денежные (контрибуции) потери, понесенные карфагенянами («этими») после окончания I Пунической войны.
- ⁹⁷³ ...в недостойно взятой Сагунте... — Около этих слов (между строк) в Марцианском манускрипте написано: «Или „взятой Сагунте“», так как схолиаст считает, что «Сагунт» женского рода. Подписи Колуция нет и, судя по содержанию приписки, она сделана каким-то другим лицом.
- ⁹⁹⁷⁻⁹⁹⁸ ...глубокою кровью льется река... — Баграда, а точнее одна из вливающихся затем в Баграду речушек.
- ¹⁰⁰³⁻¹⁰⁰⁵ ...новорожденный остров близ Ферасии... — Это случилось значительно позже, во время войны римлян с македонянами (Ливий, XXXIX, 56; Юстин, XXX, 4; Плиний Старший, II, 87, 89; Сенека. «Естественные вопросы», VI, 21 и др.): Хотя греки и римляне жили в сейсмической зоне, однако сильные землетрясения вроде упомянутого обычно считались божественными знаменьями и толковались соответственно. Ферасия — ныне Санторин. Появление и исчезновение островов (как результат сейсмической активности) было своеобразным фоном платоновской Атлантиды, придававшим рассказу о ней поэтическое, т. е. вероятностное, правдоподобие.
- ¹⁰⁰⁷⁻¹⁰²⁹ ...почуяв испуг неравного боя... — Этот эпизод битвы описан Ливием (XXX, 34), но для понимания его следует сказать несколько слов о военном искусстве той поры. Если крылья (конница) и легковооруженные бойцы (лучники, пращники) должны были проявлять значительную подвижность (окружать и гнать врагов, отовсюду их обстреливать), то середина, состоявшая из тяжелой пехоты и представлявшая собой численную и качественную основу армии, должна была прежде всего держать строй, — не пускать неприятеля в наступление. В случае поражения этот строй пехоты естественным образом ломался и тогда оказывался в котле, так как на плечи ему садилась вражеская пехота, а с боков окружала конница, препятствовавшая свободному отступлению. В битве при Заме, несмотря на слабость кар-

фагенской пехоты, римский пеший строй нарушился оттого, что начал наступление, которое нельзя было начинать прежде, чем противник будет окружен конницей; значит, это наступление было несвоевременным и грозило теми же последствиями, как если бы строй сломался под напором противника, — так и сяк середина оказывалась ослабленной. Сципион вовремя заметил опасность и сумел выровнять строй — фактически заставил свою пехоту отступить на прежние позиции — и так вернулся к вышеописанной схеме, после чего двинул пехоту вперед тесными рядами, постепенно занимая поле боя.

¹⁰³³ *В этот день Фортуна сама...* — Перевод по конъектуре Коррадини.

^{1042—1043} *Если могла безоружная Греция...* — Ср. примеч. V, 69–74. Имеется в виду экспансия эллинизма после утраты Грецией независимости, в результате чего захватываемые сначала македонянами, а позднее и римлянами страны в культурном (и часто языковом) отношении становились греческими, да и сами победители эллинизировались полностью (как македоняне) или частично (как римляне).

^{1072—1079} *...да не смеют лживые греки...* — Имеются в виду прежде всего подвиги Александра Македонского, покорившего Азию вплоть до западных областей Индии («гангские племена» — индусы, но до Ганга Александр не дошел), хотя македонские его фаланги воевали не с парфянами, захватившими «персидские равнины» веком позже, а с достаточно сильной по тем временам (и, во всяком случае, весьма многочисленной) персидской армией. Троянская война (тоже своего рода покорение Азии) была одним из излюбленных предметов всей античной поэзии. Складчатые одежды и надушенные волосы были хрестоматийным признаком изнеженных восточных правителей; эпитет «ассирийский» не означает их этнической принадлежности, а означает, что одежда их была крашеной (это искусство пришло из Сирии, которую греки, а затем римляне называли также Ассирией), поэтому трудно сказать, которую из побед греков или македонян над азиатами имеет в виду поэт, если он вообще имеет в виду какую-то конкретную победу.

^{1080—1081} *...не всадник, окутанный в пурпур... не стрелец...* — У персов и впоследствии у парфин особенно отличались кавалерия и лучники (а парфяне к тому же умели стрелять с коня), между тем как у греков и римлян эти роды войск при всем их значении оставались вспомогательными, а главным была тяжелая пехота. Равным образом и современники Петрарки были воспитаны в уважении к тяжелым родам войск — битва при Креси, когда английские лучники нанесли первый удар по этому предрассудку, произошла лишь в 1346 г.

^{1090—1091} *...у этих больше сил, у тех быстроты...* — Об этом различии между римлянами («этими») и карфагенянами («теми») пишет Ливий: «Карфагеняне были не столь сильны, но более расторопны и поворотливы» (XXX, 34).

^{1105—1106} *...первый... клин...* — Со времен великого фиванского полководца Эпаминонда (IV в. до н. э.) пехота всюду в древнем Средиземноморье наступала скопленным строем (клином), как бы сминая вражеский строй (тоже косой) в его дальней от вершины части и (при удачном течении битвы) вламываясь в самую гущу рядов противника. Большое войско строилось несколькими клиньями, последовательно, один за другим, шедшими в наступление.

^{1115—1120} *Тут-то ударить спешат...* — Об этом маневре Лелия и Массиниссы, ударивших в тыл неприятельской пехоте после того, как они рассеяли карфагенскую (Лелий) и нумидийскую (Массинисса) конницу, пишет Ливий (XXX, 35).

^{1121—1126} *Вождь, узрев свой сложенный строй...* — Страх, слезы и «тоже дрожащий» конь Ганнибала вымышлены поэтом в некотором противоречии с его же трактовкой характера карфагенского полководца. Ср. у Ливия: «Во время возникшей сутолоки Ганнибал успел ускользнуть и с несколькими всадниками бежал в Адрумет, но прежде, чем покинуть поле битвы, он испробовал все средства...» (XXX, 35). Адрумет — городок к юго-востоку от Карфагена, в нем была ставка Ганнибала (Ливий. XXX, 29). Ст. 1125 переведен по конъектуре Коррадини.

^{1126—1130} *...столичным сенатом призванный...* — Здесь вымышленный поэт испуганный и прячущийся Ганнибал представлен уже в прямом противоречии с сообщением Ливия: «Будучи призван... в Карфаген, он возвратился — через тридцать шесть лет после того, как отрокотом оттуда уехал — и прямо перед сенатом объявил, что проиграл не просто битву, а войну и что надеяться на спасение возможно лишь в случае заключения мира» (там же).

ПЕСНЬ ВОСЬМАЯ

¹⁻³ *Быстрое за Океан...* — Эти строки оригинальны (насколько может быть оригинально описание очередного заката), так как во всех предыдущих описаниях Феб вечером гнал своих коней в Океан, который тем самым представлялся (в соответствии с античной мифологической традицией) обтекающим плоскую Землю. Представление об антиподах предполагает, что Земля шарообразна, а стало быть, Солнце не знает отдыха и гонит своих коней вкруговую (шарообразность Земли и даже длина экватора были известны древним, но поэты предпочитали мифологическую астрономию научной). Землю Петрарка, как и древние, считал центром мироздания; гелиоцентрическая концепция явилась двумя веками позднее.

⁸⁻³⁸ *Но как закатный уклон...* — О захвате Сципионом вражеского лагеря и об «огромности добычи» кратко упоминает Ливий (XXX, 36); все подробности вымышлены Петраркой.

¹⁵ *...множество в стане добыч...* — Вторая половина этого стиха ни в одном из манускриптов не сохранилась, хотя намеренного обрыва здесь нет, что видно по синтаксической недостаточности предложения, в котором отсутствует подлежащее («враги», «карфагеняне» или как-то иначе названные воины Ганнибала). Надежное восполнение лакуны вряд ли возможно.

¹⁸ *Алчбой карфагенскую...* — Перевод по конъектуре Коррадини.

²¹ *...в Сардских душных пещерах...* — Т. е. на Сардинии, обитатели которой назывались сардами.

³¹ *...пусть угрожает сошник...* — В некоторых (сравнительно нечастых) случаях победители не удовлетворялись простекающими от захвата вражеского города выгодами, а решали полностью и навсегда город этот уничтожить. Уцелевшие жители продавались в рабство, сам же город буквально стирался с лица земли — его жгли, а затем перепахивали руины плугом, после чего эта перепаханная территория объявлялась заповедной, т. е. там нельзя было строить, пасти скот, сеять хлеб и т. п. (проклятие и благословение одинаково священны). Когда Карфаген был взят Сципионом Эмилианом, то по решению Сената он подвергся именно такому окончательному уничтожению.

³⁹⁻⁴³ *Поздний свет засветил...* — Ср. у Вергилия о пчелах:

Труд одинаков у всех и отдых у всех одинаков:
взяться за дело спешат поутру, не мешкая в улье,
но лишь велит от работ полевых домой воротиться
Геспер, взыскают сот и негою пестуют тело.

(«Георгики», IV, 184—187)

⁴⁵⁻⁴⁶ *После, как первый голодный порыв...* — Ср. у Вергилия:

Только лишь голод гостей утолен был лакомой пищей,
начал владыка Евандр...

(«Энеида», VIII, 184—185)

⁶⁷ *Аргус* — См. III, 178 и примеч.

⁸¹⁻⁹² *Вы видели, други...* — Полководческое искусство Ганнибала при Заме хвалит и Ливий, особо отмечая удачное построение, о котором рассказывает суше, чем Петрарка, но столь же подробно (XXX, 33, 35).

⁸⁶ *Когорту латинян...* — В войске Ганнибала были уроженцы Лация, враждебные римлянам, но обученные биться по римским правилам и римским строем. Когорта — пехотное подразделение примерно из 400 бойцов.

⁸⁸⁻⁸⁹ *...индийских чудищ... с гетулийскими...* — Т. е. индийских и африканских (поэтич. «гетулийских») — по Гетулии, дикой стране на западе Африки) слонов, которых у Ганнибала было 80: «ни в одной битве столько не бывало» (Ливий, XXX, 33). Слоны в карфагенском войске появились благодаря Ксантиппу (см. примеч. VI, 644—690) в подражание македонянам, у которых слоны были индийские. Впоследствии соответствующей дрессировке подвергались и африканские слоны (труднее поддающиеся приручению), но учитывая долгий срок их жизни, можно полагать, что у Ганнибала оставалось сколько-то Ксантипповых слонов, хотя источник Петрарки в данном случае неясен.

⁹⁵⁻⁹⁸ ...С этим умыслом я...— Здесь Петрарка строго следует рассказу Ливия (XXX, 33).

¹⁰²⁻¹⁰⁷ *Случалось мне слышать...*— Сципион начинает пересказывать свою будущую беседу с Ганнибалом (см. примеч. II, 89—110).

¹⁰⁹ *Ни Дарий, ни Пор...*— Имеются в виду Дарий III, последний персидский царь династии Ахеменидов, погибший в 330 г. до н. э. в войне с Александром, и полулегендарный индийский царь Пор, тоже побежденный Александром, но сделавшийся его другом.

¹¹¹⁻¹¹³ ...не великая слава...— Ср. VII, 1072—1085. Такое мнение Петрарки скорее всего объясняется не только тем, что он недооценивал победы греков на Востоке, но и тем, что лучший способ расхвалить войско или военачальника всегда заключался и заключается в преувеличении силы поверженного противника.

¹¹⁵ *Здесь царя я не смею хулить...*— Хотя выше речь шла об Александре, но о его правах Сципион отзывается ниже (ст. 135—141), так что приходится думать, что имеется в виду Пирр, отличавшийся благородным поведением; однако Пирр воевал и с римлянами, а сравнение нравов идет вслед сравнению деяний и выводу, что с варварами биться легко. Такая бессвязность отчасти извиняется тем, что Сципион говорит в основном о Ганнибале, предпочитая его обоим упомянутым царям.

¹¹⁷⁻¹³⁴ ...блага прославить...— Сходным образом и за те же качества хвалит Ганнибала Ливий (XXI, 4). Ст. 129 переведен по конъектуре Коррадини.

¹³⁵⁻¹⁴¹ *А похвалить ли вождя...*— Историческая и фольклорная традиции видят в Александре сложный и незаурядный характер, но с точки зрения римских прописных добродетелей (а Петрарка судит с этой точки зрения) подобный характер не выдерживает никакой критики. Александр, действительно, довольно часто напивался пьян и однажды в пьяной ссоре убил своего друга Клита (после чего пытался лишить себя жизни); в начале своего знаменитого похода, действительно, искупался в холодной горной речушке, чем едва не положил конец походу и себе самому; а в процессе завоевания Персидской державы чрезмерно увлекся восточной роскошью и раболепием восточных вельмож. Не только Ганнибал, как справедливо замечает ниже устами Сципиона Петрарка, ничего подобного себе не позволял, но и никакие великие или хотя бы видные полководцы тоже ничего подобного себе не позволяли и просто не могли позволить — остается лишь согласиться с тем очевидным до тривиальности фактом, что Александр был личностью, уникальной во всех отношениях, и своеобразным чемпионом легендарности сделался именно поэтому. Сведения об Александре Петрарка черпал преимущественно из книги Квинта Курция (I в. н. э.) «О подвигах Александра Великого», причем данные стиха очень близко передают соответствующие отрывки этого сочинения (ст. 135—136 ср.: *Курций*, V, 7; X, 5; ст. 137—138 ср. VIII, 1; ст. 139 ср. III, 5; ст. 140—141 ср. VI, 6; X, 5).

¹⁵⁴ ...покорив князей, города и народы.— После этой строки Феста помечает лакуну. Стих вроде «А Сципион Массиниссе в ответ с улыбкой молвил» здесь и вправду ожидается, так что предположение о лакуне основательно. Речи поэмы всегда помечены выражениями типа «Ганнибал молвил», «царь ответил» или хотя бы «он говорит» (это последнее в переводе иногда опускается, так как соответствующую функцию исполняют кавычки). Речь Массиниссы от речи Сципиона ничем не отделена и «так сказал Сципион» (ст. 210) не указывает, где же он начинает говорить. Рассуждения о судьбе Александра отчасти навеяны соответствующими рассуждениями Ливия (IX, 17—19).

¹⁵⁸⁻¹⁵⁹ ...под той же властью...— Филипп Македонский, подчинив города Балканской Греции, оставил им видимость свободы, объявив себя только «предводителем эллинов». Формально это значило, что города сохраняют суверенитет во внутренней политике, но в политике внешней выступают как союзники и в случае войны имеют Филиппа полководцем. Реально города не имели почти никакого суверенитета, так как их главное занятие (распри друг с другом) отменялось «союзом», а побочное занятие (внутренние распри) подавлялось недоброжелательными «союзниками». Александр, наследовав Филиппу, устроил показательную расправу над мятежными Фивами и ушел на Восток, намереваясь быть царем вселенной и не слишком интересуясь делами «тыла», так что при нем греки чувствовали себя вольнее, чем при Филиппе, пребывая в надежде, что после ухода этого «предводителя» новых уже не будет.

¹⁶⁰ ...мирный араб и ленивый бактриец! — Оба кочевых народа характеризуются

неверно, так как отнюдь не были мирными и ленивыми. «Усилил» Александру стоило только завоевание Бактрии (Средняя Азия), многочисленное и воинственное население которой, знакомое лишь с начатками государственности, как бы ускользало от покорения обычными способами (взять столицу, пленить царя и т. п.), и победить бактрийских князей приходилось поодиночке.

¹⁶¹⁻¹⁶⁵ *Но ни на Север пойди...*— Александр воевал с самой могущественной из держав древности — с Персией, которую победил и которая по могуществу была несравнима со всеми перечисленными народами, вместе взятыми. Ст. 161 переведен по конъектуре Коррадини.

¹⁶⁸⁻¹⁶⁹ *...четырем латинским сраженьям...*— Имеются в виду победы Ганнибала при Тицине, Требии, Тразименском озере и Каннах. Вопрос к Массиниссе — риторический, так как сражения эти собеседник помнит, поэтому далее Сципион обращается к новой теме.

¹⁷⁰⁻¹⁷⁸ *Был и другой Александр...*— Шурин Филиппа Македонского в 332 г. до н. э. отправился в Италию, куда его пригласили граждане греческого Тарента, чтобы он защитил их от туземных племен, что он и исполнил, заключив к тому же договор с Римом, но в 326 г. в очередном сражении был разбит и погиб при переправе через реку. Убившая его «авсонийская пика» была луканской (луканы — племя в Южной Италии, впоследствии покоренное Римом, но поначалу ему враждебное). Об Александре Эпирском пишут Ливий (VIII, 17, 24; IX, 17, 19) и Юстин (XII, 2), в передаче предсмертных слов Александра Петрарка следует Ливию (IX, 19). Никакого договора о дележе мира у этого Александра с его знаменитым племянником, конечно, не было.

¹⁸⁸ *...подсекла его ранняя смерть...*— Александр Македонский умер в Вавилоне в 323 г. до н. э. за полтора месяца до своего 33-летия. Гипотеза о его отравлении имеет мало доказательств, однако и не опровергнута окончательно.

¹⁹³⁻¹⁹⁷ *Когда бы Фортуна жизнь у него отняла...*— Действительно, четыре свои великие победы (см. примеч. VIII, 168-169) Ганнибал одержал в возрасте 30 с небольшим лет.

²⁰²⁻²⁰³ *...когда бы свою он исполнил угрозу...*— Уходя на Восток, Александр, насколько можно судить по всем свидетельствам, вообще не собирался возвращаться из Азии и хотел столицей своей сделать Вавилон.

²¹⁵⁻²¹⁹ *Если сам Ганнибал...*— См. VIII, 102-107 и примеч. Здесь «некий воин» продолжает начатый самим Сципионом пересказ его будущей беседы с Ганнибалом.

²²⁰ *Мудрый Лелий в ответ...*— Перевод по рукописному чтению. Коррадини предлагает конъектуру «Трону́тый Лелий» (*tactus*) вместо «doctus»), но его мотивировка не представляется основательной, а перечень планет свидетельствует в пользу мудрости (учености).

²²² *...Боот ледянистый...*— Созвездие Волопаса (греч. «Боот»), ассоциирующееся в античной поэзии с дальним Севером из-за своей близости к обеим Медведицам.

²²⁴⁻²²⁵ *...оно на других не похоже...*— Невоспроизводимая по-русски игра слов «sol—solus», т. е. «Солнце — единственное». Что название Солнца происходит от «solus» пишет Цицерон («О природе богов», II, 27), отчасти следуя греческой философской (платонической) традиции, искавшей приметы единственности Солнца уже в самом его имени.

²²⁵⁻²²⁹ *И что бы ответил этот хитрец...*— Лелий завершает пересказ будущей беседы Сципиона с Ганнибалом, начатый самим Сципионом и «неким воином» (см. примеч. VIII, 102-107, 215-219).

²²⁹⁻²³¹ *Но взять четвертое место...*— По этим строкам видно, насколько вредит остроумной фразе всякое ее растолковывание.

²³⁸⁻²⁴³ *Так, когда пчелы...*— Это уже второе на небольшом протяжении сравнение римлян с пчелами (ср. ст. 39-43) объясняется тем, что римляне свершили «благочестный подвиг», а пчелы всяким читателем IV кн. «Георгики» Вергилия воспринимаются как «благочестный народ». Таким образом, хотя прямого цитирования тут нет, но само по себе сравнение является отсылкой к авторитету Вергилия.

²⁴⁴⁻²⁴⁷ *Только забрезжил день...*— Ср. у Ливия: «Сразу после битвы Сципион отправил Лелия в Рим вестником победы» (XXX, 36). Ст. 246 переведен по конъектуре Коррадини.

²⁶²⁻²⁶⁵ *Долго он не хочет идти...*— Здесь Петрарка продолжает тему бегства и трусости Ганнибала (см. VII, 1121-1130 и примеч.)

^{265–268} *Так жена...*— Здесь возможен не прямой намек на историю Лукреции (см. III, 684–732).

^{274–288} *...окреп благородным духом... сказав...*— Речь Ганнибала представляет собой риторическое развитие все того же сообщения Ливия о том, как полководец признался сенату, что проиграл войну (XXX, 35 — ср. примеч. VIII, 262–265), соединенное со столь же риторическим развитием сообщения Ливия о том, что в народном собрании Ганнибал также советовал заключить мир, как это ни невыгодно, хотя народ мира не желал (XXX, 37), вдохновленный прежними успехами того же Ганнибала. Никогда, в сущности, не живший в Карфагене, он говорить с народом не умел, порядков республиканских не знал и, привыкнув единолично распоряжаться армией, дошел до того, что стащил с амвона возражавшего ему оратора, чем вызвал еще большее неудовольствие народа, однако вынужденный извиниться, ухитрился сделать это в такой деликатной форме, что собрание согласилось его выслушать, — это довольно пространное извинение у Ливия содержится (там же), но Петрарка ограничивается сочинением для Ганнибала покаянной речи, а эффектный конфликт полководца с народом опускает: то ли потому, что «народом» (т. е. суверенным народом) для него являются только римляне, то ли потому, что хрупкость всякого авторитета в условиях даже ограниченной демократии ему непонятна и доверие к «испытанному вождю» кажется натуральнее, то ли по обоим причинам.

^{289–303} *После этого...*— Ср. у Ливия: «А иные летописцы передают, что Ганнибал прямо с поля битвы бежал к морю и на заранее приготовленном корабле поспешил отправиться к Антиоху» (XXX, 37). Тайное бегство Ганнибала после того, как римляне потребовали его выдачи, Ливий описывает вместе с другими событиями 196 г. до н. э. (XXXIII, 48). Петрарка в хронологии следует «иным летописцам», а в описании бегства Ливию («а сбежал он, разумеется, к царю Антиоху и теперь успокоится не раньше, чем воспламенит войною всю вселенную»).

^{303–308} *...готовый к битвам... Антиох...*— Об Антиохе см. II, 121–123 и примеч. Прозвище «Великий» он получил за начатую в 212 г. до н. э. войну с парфянами и бактрийцами, которых победил в нескольких сражениях, но покорить так и не сумел. В описываемое время он был в союзе с римлянами, в ближневосточные же свои авантюры пустился примерно пятью годами позже, тогда же оказав гостеприимство Ганнибалу. Заставив Ганнибала сбежать сразу после битвы при Заме, Петрарка тем самым смещает на несколько лет назад и современные этому бегству события. Утверждение «не было только вождя» — комплимент Ганнибалу. Он был, конечно, полезен Антиоху, но ко времени его приезда Антиох уже около 20 лет занимался почти исключительно войнами и довольно часто преуспевал, так что сам был «вождем», хотя полководческие его способности несравнимы с гением Ганнибала.

³¹⁰ *Дрепан* (ныне Трапани) — построенный кафагенянами город с гаванью на северо-западе Сицилии. *Берег Панорма...*— Панорм (ныне Палермо) был древний финикийский город тоже на северо-западе Сицилии. Вид обоих городов напоминает Ганнибалу о поражении, так как Сицилия давно стала римской.

^{312–314} *...Вулканову россыпь — Липары...*— Ср. у Вергилия:

В море Сиканском лежит близ Липары Эоловой остров,
скалы крутые на нем день и ночь окутаны дымом,
почву под ними изъел огонь циклоповых горнов...

(«Энеида», VIII, 416–418)

Липарские острова называемые также Эолийскими, находятся у северного берега Сицилии; главный остров этого архипелага (упоминаемый Вергилием) — Липара (ныне Липари), он и дал имя остальным. Липарские острова — вулканического происхождения, извержения там были очень частыми, отсюда их соотношение с Вулканом (Гефестом) а у Вергилия и с подчиненными Вулкану кузнецами-циклопами. Карфагенянам эти острова никогда не принадлежали, но с 251 г. до н. э. были во власти римлян, о могуществе которых лишней раз напоминают Ганнибалу.

^{315–321} *Есть пролив...*— Ср. у Вергилия:

После отплытья тебя примчит к берегам Сицилийским
ветер — туда, где расступятся вширь теснины Пелора;
влево к Земле поверни и по морю влево плыви ты
кружным путем, берегись и волн и берега справа!

Слышал я: материк там обрушился в страшном крушенье
(могут всё изменить бесконечно долгие сроки),
две страны разделил, что прежде были едины.

(Там же, III, 410–416)

Пелорский мыс (ныне Капо ди Фаро или Капо ди Мессина) находится на северном берегу Сицилии, почти перегораживая Мессинский пролив.

^{321–331} ...*направила судно кормчий Пелор*...— Здесь Петрарка следует Валерию Максиму (IX, 8). Страбон рассказывает сходную историю (I, 1, 17), только у него убитый кормщик Пелор ведет персидские корабли и, будучи греком, оказывается заподозренным персами в измене. Исторически с названием мыса эти легенды не связаны и в античной литературе отразились мало.

³³¹ *Кефалена* — большой остров в Ионическом море, более правильное название которого «Кефалления», что Петрарка знал из Ливия (XXXVIII, 18), т. е. искажил слово, по всей вероятности, создательно (просодически «Кефалена» удобнее).

³³² *Закинф* (ныне Занте) — тоже остров в Ионическом море, недалеко от берегов Пелопоннеса. На самом деле он втрое меньше Кефаллени, зато в отличие от нее весьма плодороден.

^{333–334} ...*когда бы дорогу дали Истм и Коринф*...— Пелопоннес соединялся со средней Грецией узким перешейком, Истмом («Истм» по-гречески и значит «перешеек»), на котором стоял Коринф, порт двух морей — Ионического и Эгейского. Это его (чрезвычайно выгодное) положение «двуморского» города постоянно обыгрывалось латинскими поэтами, искавшими для него эффектных определений (так эпитет «двуморской» принадлежит Горацию — «Оды», I, 7, 2).

^{338–440} ...*видят Мефону они*...— Тут Петрарка путает две Мефоны: Ганнибал видит Мефону Мессенскую, находящуюся в Пелопоннесе, а вспоминает Мефону Фракийскую и Филиппа Македонского (отца Александра Великого, а не современного Ганнибалу царя), который тоже был одноглазым и потерял глаз именно в битве при Мефоне Фракийской, хотя его кривизна гораздо менее знаменита, чем кривизна Ганнибала. У Филиппа было такое количество боевых ранений, и при этом он погиб настолько крепким и здоровым физически, что даже наиболее приметное его увечье как-то не вызывало особого интереса историков. У Ганнибала приметных боевых увечий не было, и глаз он потерял не в бою, а при переходе через Цизальпийские болота (Ливий, XXII, 2) в результате какого-то воспаления, лечить которое в условиях быстрого марша не было возможности. Допустимо полагать, что Ганнибал сделался так известен этим своим внешним признаком именно потому, что другие кривые военачальники (а таких хватало) бывали ранены в присутствии множества своих и чужих воинов, между тем как Ганнибал успел не раз победить римлян, ранен не был — и вдруг явился сначала перед своими, а потом и перед врагами кривым. Даже Ливий по естественной инерции приписывает это увечье отчасти доблести (бессонным размышлениям о плане войны), но все-таки исчезновение одного глаза у здорового и никем не раненного молодого человека, пусть бы и склонного к стратегической теории, было неожиданным и хорошо запомнилось.

³⁴³ ...*уголок, обильный... пальмой*...— На юге Крита, где были древние финикийские колонии, климат благоприятствовал разведению финиковых пальм, плоды которых экспортировались даже в Афины.

³⁴⁴ ...*гносийские... поля, обращенные к Евру*...— Т. е. кносские (Кнос — древний город на Крите, столица Миноса; по-латыни «к» перед «и» легко озвончилось в «г»). В данном случае «гносийский» употреблено в смысле «критский», так как Евр дует с юго-востока, а Кнос находится на северном берегу Крита. В принципе Ганнибал должен был плыть именно мимо кносского (северного) берега: чтобы попасть в Ефес, не нужно было огибать Крит с юга, дорога лежала севернее. Видимо, поэт плохо представлял себе путь из Карфагена в Ефес.

³⁴⁶ *Ефес* — это был крупнейший город Малой Азии, доставшийся вместе с Сирией Македонской династии Селевкидов, к которой принадлежал и Антиох, но основанный гораздо раньше и (по одной из гипотез) все теми же финикийцами.

³⁵⁴ ...*чтоб не ложной была его клятва*...— О клятве Ганнибала см. VI, 254–255 и примеч.

³⁵⁸ ...*ливийский брат был в помощь азийскому брату*...— Т. е. как Сципион Афри-

канский помог своему брату Луцию Сципиону Азиатскому в войне с Антиохом (см. II, 121–123 и примеч.). Перевод по конъектуре Коррадини.

^{359–458} *Чувствую щедрую милость богов...*— В описании похода Сципиона на Карфаген, победы над Верминой и прихода в Тунет 30 послов Петрарка очень близко следует Ливию (XXX, 36).

³⁶⁴ *...Октавию, другу-вождю..*— Это тот самый Октавий, чей грузовой флот был в нарушение перемирия захвачен Гасдрубалом (см. VI, 758–784 и примеч.).

³⁶⁷ *...из Италии присланный Лентул...*— Это тот Публий Лентул, чьи суда во время перемирия благополучно прибыли к Сципиону (см. примеч. VI, 784–785). После этого Лентул вернулся в Рим и привел еще один флот.

^{378–380} *...окутана вся в масличную зелень...*— Символика оливы была знакома едва ли не всему древнему Средиземноморью: оливковые ветви держали в руках просители, и даже Нюю голубь принес масличный листок, знаменующий прекращение потопа (Бытие, 8, 11).

^{381–382} *...к берегу Тинета плыть...*— Перевод по конъектуре Коррадини. В Тинете был лагерь Сципиона (см. VI, 289–291).

³⁹⁰ *...и укрепленной стеной...*— Перевод по конъектуре Коррадини. О длине и толщине карфагенских стен пишут многие античные авторы, так как этот город, действительно, был на редкость хорошо укреплен.

⁴⁰⁶ *...Меркурий с холма и Феб от нагорья...*— Два возвышенных мыса, ограничивавших Карфагенскую бухту, звались по Аполлону (более возвышенный) и Меркурию (менее возвышенный).

⁴¹⁸ *...за отцовскую скорбную участь...*— Перевод по конъектуре Коррадини, воспринявшего существующую в части манускриптов лауну (которой в других манускриптах соответствуют явно случайные и неподходящие слова) эпитетом «скорбную».

⁴²² *...много пеших бойцов и конных бойцов...*— Ливий пишет, что Вермина был особенно силен конницей, так что римлянам после победы досталось полторы тысячи (живых!) лошадей.

⁴²⁸ *...и отвести удар.*— Перевод по конъектуре Коррадини.

⁴³⁶ *...и одиноко бежал...*— По Ливию, Вермина бежал не один, а со спутниками, хотя немногими. Он потерял, если верить Ливию, 17 000 бойцов (убитых и взятых в плен), однако не стоит переоценивать эти потери. Войско Вермины состояло лишь из части бывших подданных Сифака, верных законному наследнику, так как Вермина оставался влиятельным нумидийским князем.

⁴³⁹ *...в Альбе тюрьму или в Тибуре гробы?*— Пленный Сифак содержался сначала в Альбе (бывшей Лонге), а затем в Тибуре (городок, бывший, как и Альба, древнее Рима и так же постепенно превратившийся в «дачную зону»), где и умер, не дожив до триумфа Сципиона (Ливий, XXX, 45), хотя Петрарка не отказывает себе в удовольствии изобразить среди влекомых в триумфе пленников опечаленного царя (IX, 348–353). В относящихся к бегству Вермины стихах текст несколько бесстыден (или испорчен), но по общему смыслу ясен: Петрарка полагает, что «несчастному» Вермине лучше было умереть, чем превратиться в одинокого и безвестного бродягу.— смерть предпочтительнее такого бесчестия. Никакая историческая реальность за этим утверждением не стоит. Вермина, пережив проигранное им сражение, не только не канул в безвестность, а был через некоторое время признан римлянами царем и заключил с ними союз (Ливий, XXXI, 19). Фактически Нумидией владел Массинисса, но римляне из-за прежних его карфагенских связей были не слишком в нем уверены (и напрасно), поэтому ценили возможность в случае чего припугнуть его еще одним «законным нумидийским царем».

^{481–481} *Был озабочен Сенат...*— Ливий пишет, что слух о возобновлении военных действий в Африке сопровождался многими неблагоприятными знаменьями в самом Риме и в близлежащих областях Италии (кроме перечисленных Петраркой событий, он называет еще несколько причиненных молниями разрушений) и что эти знаменья были «искуплены по отеческому обычаю» принесением в жертву быков, причем за каменный дождь на Палатине быки приносились в жертву 9 дней подряд (XXX, 38). Подробности Петрарка сочиняет сам. Действительно, в случае угрозы государству дозволялось обратиться к пророческим Сивиллиным книгам, якобы купленным Тарквинием Древним у той самой кумской Сивиллы, которая некогда помогла Энею спуститься в присподную для встречи с покойным Анхизом,— книги эти хранились

в храме Юпитера Капитолийского под надзором особой жреческой коллегии. По Ливию, римлянам для отвращения дурных знамений хватало привычных («отеческих») способов, но обращение к Сивиллиным книгам, конечно, эффективнее и обнаруживает больший испуг. Богов, которым приносились жертвы, Ливий тоже не называет, а перечень Петrarки показывает его недостаточное знакомство с римской религией, так как никаких оснований приносить жертвы фуриям или речным нимфам у римлян не было, а *Нерей* — отец не речных, а морских нимф (перейд). Так же, если не неверно, то неуклюже упоминание между Юпитером и его супругой Юноной («Царицей небес») неназванных «вышних». *Латонины звезды* — Аполлон и Диана, дети Латоны (греч. Лето), считавшиеся хранителями Рима (в особенности со времен Августа — ср. «Вековую песнь» Горация). Марс, будучи отцом Ромула, почитался также и отцом всех вообще римлян. Его сестра (иногда супруга) — богиня войны Беллона. *Ледины чада* — Кастор и Поллукс (греч. Полидевк), так называемые «Диоскуры» («Зевсовы юноши»), сыновья-близнецы Юпитера и амиклейской царицы Леды. Они охраняли мореплавателей, так что жертвы им и Нерею могли быть полезны римскому флоту. *Хаос* — не предвечный хаос, а царь преисподней Дит, иногда называемый этим эвфемистическим именем; ср. у Клавдиана:

...И какое Хаос отважный
взял приданое, став Прозерпины похищенной мужем...
(«Похищение Прозерпины», I, 27–28)

Жертвы Диту и Земле приносились на погибель врагам — ср. жертвоприношение Дециев (III, 596–617 и примеч.).

⁴⁸² ...обряд смягчил угрозы... — Зримо это проявилось в прекращении наводнения (Ливий, XXX, 38).

^{483–491} ...новый консул спешит... — На самом деле поспешность объяснялась тем, что встревоженный (см. выше) Сенат решил помочь Сципиону войском и назначил военачальником консула Тиберия Клавдия Нерона, который, напротив, медлил отправляться, так как сенаторы объявили, что назначать условия мира будет Сципион, пользуясь своим правом победителя (Ливий, там же). Промедление Клавдия психологически объяснимо: решение Сената подчиняло его Сципиону и делало его консульское звание как бы второсортным, о чем он, разумеется, не мог «неустанно трогать» Сенат. В Африку Клавдий рвался в начале своего консульского года, до битвы при Заме, когда исход войны еще не был ясен (Ливий, XXX, 27).

^{493–546} ...природа сама пустить не желает... — Неудачное плавание Клавдия описано у Ливия. До окончания срока своего консульства Клавдий не успел даже отремонтировать корабли, а так как (в дополнительную ему обиду) полномочия его продлены не были, то флот он привел назад в Рим, будучи уже частным лицом (Ливий, XXX, 39). Кроме этой своей неудачи, он так ничем и не прославился.

⁵⁰¹ ...из темных пещер Эоловых вырвались братья... — Т. е. ветры. В описании бури Петrarка несколько подражает Вергилию («Энеида», I, 80–124).

⁵⁰⁶ ...и нет снастей... — Перевод по конъектуре Коррадани.

⁵⁰⁷ ...Аквилон... — Клавдий плывет на юг, так что дующий с севера Аквилон (Борей) мог бы быть для него попутным ветром, если бы дул в меру.

^{508–510} ...паруса измокли от Австра... — Южный ветер не просто замедляет здесь движение плывущих на юг судов, а кидает их на берег. Даже Ливий называет эту бурю «ужасающей».

^{527–531} ...Евр рванулся... — Юго-восточный ветер отбросил флот к северо-западу, погнав корабли от тосканского побережья (Популония — древний этрусский город близ нынешнего Livorno) к Ильве (Эльбе) и далее, т. е. в направлении, противоположном намеченному.

^{532–538} ...гонит несчастных... — Ливий пишет, что буря у берегов Сардинии была еще злее прежней, но о человеческих жертвах не сообщает, хотя говорят не только о побитых, а также и о потопивших судах, чему обычно сопутствует гибель какого-то числа моряков. Исходя из этого, Петrarка дает гиперболическое описание «стынувших трупов» и общего смятения.

⁵⁴⁶ ...сардинский Карал (чаще «Каралис», ныне Кальяри). — Портовый город на южном берегу Сардинии.

^{547–550} ...и до Рима дошли счастливые вести... — «Среди усугубленного неудачей

беспокойства вдруг явились гонцы от Сципиона с вестью о победе, а вместе с ними и карфагенские послы просить мира, да притом один из гонцов, легат Ветурий Филон, сообщил о полном поражении Вермины. Все храмы были открыты и всюду три дня совершались благодарственные богослужения» (Ливий, XXX, 40). О карфагенском посольстве в Риме поэт подробно рассказывает ниже (ст. 682 слл.)

⁵⁵⁸⁻⁵⁶⁷ *Другой Корнелий, прозванием Лентул...*— К сожалению, это тот самый Гней Корнелий Лентул, который так самоотверженно пытался спасти Эмилия Павла при Каннах (см. I, 383-410 и примеч.). Избранный консулом на 201 г. до н. э., он потребовал себе у Сената назначения в Африку, но сенаторы согласились на это лишь со многими оговорками и только на случай, если мир не будет заключен (Ливий, XXX, 40), хотя было совершенно ясно, что мир заключен будет. Ливий объясняет желание Лентула так же, как и Петrarка, — завистью. Эта отрасль рода Корнелиев всегда оставалась как-то в тени, можно сказать, что Лентулам вообще не везло (брат Гней, Луций, в 206-200 гг. успешно воевал в Испании и просил триумфа, но не получил на это дозволения, так как не был консулом, — в 199 г. его избрали консулом, а с триумфом он уже опоздал). Единственная удача Гнея оказалась в том, что бесславное его консульство не привлекло, в сущности, внимания потомков и не скомпрометировало его подвига при Каннах, т. е., войдя в историю с помощью Эмилия Павла, он не был выброшен из нее Сципионом.

⁵⁷³⁻⁶⁰⁰ *Вы назовете мне мощных вождей...*— В этом рассуждении Петrarка следует Ливию (IX, 18), который в свою очередь следует Демосфену, рассуждающему в речи «О венке», сколько неудобств и опасностей грозит всякому, кто исполняет ту или иную должность в демократическом государстве, и насколько легче и проще воевать, будучи никому не подотчетным царем, чем, дескать, отчасти и объясняются уснехи Филиппа Македонского в его войнах с греками.

⁶⁰⁴⁻⁶⁰⁹ *Сам... сожалел он...*— Ср. у Ливия: «Сципион, как передают, не раз говорил впоследствии, что завершить войну взятием Карфагена помешали тщеславные посягательства сперва Тиберия Клавдия, а затем Гнея Корнелия» (XXX, 44). Ст. 607 переведен по конъектуре Коррадини.

⁶¹⁰⁻⁶¹¹ *...оставили боги внуку...*— Т. е. Сципиону Эмилиану (см. II, 145-158 и примеч.).

⁶¹³⁻⁶³⁵ *Когда Сципион-победитель...*— У Ливия ситуация описана проще: всем хотелось бы разрушить Карфаген, но все понимают, что это не получится, и единогласно решают заключить мир (XXX, 36). Петrarка превращает желаемое в сущее, совет у него единогласно отвергает мир, а затем, «тронутый» обстоятельствами, о которых было известно и ранее, смягчает «суровый суд» Сципиона, чье мнение тем самым какое-то время остается чуть ли не самым радикальным, хотя в действительности Сципион не был суровее своего штаба, а прибытия возможного преемника опасался больше остальных — он и так уже давно пользовался продленными консульскими полномочиями и не был твердо уверен, продлит ли их Сенат еще на год. Некоторая бессвязность данного отрывка объясняется, видимо, желанием Петrarки изобразить своего героя непреклонным мстителем и при этом мироотворцем, соглашающимся на «преждевременный» (см. ст. 635-639) мир.

⁶⁷⁰⁻⁶⁷⁴ *Вновь завиделся свет послам...*— Речь Сципиона к карфагенскому посольству воспроизводит Ливий (XXX, 37), сводя ее к сухому перечислению условий мира, хотя поначалу и говорит, что послам пришлось выслушать «суровые попреки своему вероломству и назидания, что пора уже им поверить — после стольких-то поражений! — в богов, кои воистину существуют и блюдут клятвы». Условия мира Петrarка передает точно.

⁶¹⁹ *Мы же...*— Перевод по конъектуре Коррадини.

⁶⁵⁴ *Требуем... Ганнибала...*— Ливий, ссылаясь на «иных летописцев» (см. примеч. VIII, 289-303), добавляет со ссылкой на них же, что когда Сципион потребовал выдать Ганнибала, то получил отказ, «ибо Ганнибала-де в Африке уже нет». Сам Ливий, перечисляя условия мира, о Ганнибале не упоминает, зато в рассказе о позднейших событиях Сципион у него заступается за Ганнибала, активно участвующего в управлении Карфагеном и потому обвиняемого Массиниссой во всевозможных грехах против римлян, — Сципион считал такое вмешательство в карфагенские дела невозможным, но Ганнибалу все равно пришлось бежать (XXXIII, 45-49).

⁶⁷⁵⁻⁶⁷⁷ *...в народе вставала смута...*— См. примеч. VIII, 274-288.

⁶⁸³⁻⁶⁸⁵ ...*Гасдрубал, прозвание Гедус...*— Ср. у Ливия: «Приметнее всех прочих послов был Гасдрубал, которого земляки его прозвали Гедус,— он всегда стоял за мир и против Барки со всеми его приверженцами» (XXX, 42). Обычно прозвище «Гедус» или «Гед» не переводится, однако не исключено, что у Ливия «*Naedus*» — не транслитерация, а перевод финикийского прозвища, потому что по-латыни *haedus* — козленок (ср. прозвище кроткого Фабия Максима «ягненок», вытесненное затем более известным прозвищем «медлитель»). Впрочем, если «Гед» — не перевод, то все финикийские слова, которые можно было передать латинским «*Naedus*», Гасдрубалу «подходят», так как возводятся к корням, означающим либо «приятность», либо «мудрость», либо «честность». Прозвище могло быть и греческим от корня ἡδός (лат. *haedo*) тоже со значением «кротости», «стыдливости».

⁶⁸⁷ *Трое было при нем италийцев...*— Возглавляемое Гасдрубалом посольство сопровождали (по поручению Сципиона) Луций Сципион, легат Ветурий Филон и Марций Ролла (*Ливий*, XXX, 38), оба по знатности не уступавшие Сципионам, хотя из менее влиятельных родов.

⁶⁸⁶⁻⁶⁹² ...*консул Лентул... желал... войны...*— Лентул, действительно, не хотел мира, желая оттягать у Сципиона долю славы, но Сенат собрался в храме Беллоны не по этому. В принципе у сенаторов не было постоянного места для заседаний, так что сходились они обычно в том или ином удобном для собрания храме. Храм Беллоны стоял за городской стеной: для собрания он был пригоден, как и любой другой, но давал сенаторам возможность в случае чего прогнать послов, так и не пустив их в город (неудобные посты считались врагами), а если соглашение будет достигнуто, то и посольство будет допущено в Рим (удобные послы считались гостями). Поэтому сенаторы, узнав о приближении посольства, выбрали для заседания этикетно приемлемое по указанным причинам помещение. Вместе с карфагенянами прибыли союзные им македоняне хлопотать о своих пленных, но их дальше храма Беллоны не пустили и просьбу их удовлетворять не стали (*Ливий*, XXX, 42). Про карфагенских послов успели доложить Сципионовы гонцы, так что результат переговоров был ясен, однако по правилам представить послов сенаторам должен был консул, а Лентул делать этого не хотел и так представление несколько отсрочилось, поскольку опротестовать решение консула пришлось перед народным собранием (там же, 40), как и дальнейшие его тщеславные капризы (там же, 43).

⁶⁹³⁻⁶⁹⁷ ...*посланцы в собрание Сената...*— Ср. у Ливия: «Приглашены были карфагенские послы. Увидев, что лета их почтенные и осанка величавая — а были в том посольстве первейшие вельможи Карфагена,— каждый своим умом понял, что теперь то разговор и вправду пойдет о мире» (там же, 42).

⁷⁰⁰⁻⁸²⁷ ...*начал речь Гасдрубал...*— Вкратце содержание этой речи передано Ливием (там же), причем главная ее идея в том, что во всем виноват Ганнибал и его приверженцы. Замечание Ливия, что Гасдрубал говорил о многом и разное, отражается в поэме: речь Гасдрубала пространна и витиевата.

⁷⁰⁵ ... *юноша некий...*— Ганнибал.

⁷⁰⁸ *Нет, язык мой страха не знал...*— Перевод по конъектуре Коррадини.

⁷¹⁵ ...*чистейший Ганнон...*— Ганнон был главой сенатской фракции, к которой принадлежал Гасдрубал Гед и которая стояла за немедленное заключение мира с римлянами даже после победы при Каннах (*Ливий*, XXIII, 13), — вскоре после этой победы Ганнон умер, так что уже возвращающийся в Африку Ганнибал собирается мстить человеку, умершему не менее чем за 10 лет до битвы при Заме. В посольство Петрарка Ганнона не включает, но пренебрежение его к хронологии достаточно, чтобы описать встречу мудрого старца со Сципионом в Карфагене (VIII, 1066–1068).

⁷¹⁹⁻⁷²⁰ ...*клятею над алгарем...*— См. VI, 254–255 и примеч.

⁷²⁰⁻⁷²² ...*немалая распря...*— Гипербола, предполагающая будто Ганнибал чуть ли не от рождения встречал отпор со стороны Гасдрубала.

⁷²⁹ *Вышел я против него...*— Действительно, партия Ганнона возражала против Испанского похода (*Ливий*, XXI, 3, 9), причем Ганнон тогда был жив и возглавлял оппозицию.

⁷⁴⁵⁻⁷⁴⁶ ...*только мы вдвоем...*— См. примеч. VIII, 715.

⁷⁴⁷⁻⁷⁴⁸ *В эти самые дни... Ганнон воспорочил...*— См. примеч. VIII, 715. О пророчестве Ганнона по поводу гибельности для карфагеня победы при Каннах пишет Валерий Максим (VII, 2).

⁷⁶⁶⁻⁷⁷² *Горцы — ваши отцы...* — Предки римлян не были горцами в собственном смысле слова: Коррадини, проанализировав употребление Петrarкой субстантивированного прилагательного «alpinus», убедительно доказывает в своем примечании, что это слово означает «разбойник» (такое развитие значения вполне понятно, так как «зимними квартирами» италийских разбойников были горы). Действительно, Ромул и Рем были не только пастухами, но и буйными забияками, угонявшими чужой скот (Ливий, I, 4), к тому же Ромул убил Рема, объявил Рим убежищем и так привлек в него множество бродяг, которые затем обманом похитили сабининок, — так Гасдрубал в шуточной форме показывает Сенату знакомство с римской «священной историей». Далее он уже в серьезной форме демонстрирует эти же познания, объявляя Марса, отца Ромула, отцом римлян.

⁷⁹³⁻⁷⁹⁶ *...на кресте смертоносном...* — Распятие было позорной казнью, которой подвергались грабители, взбунтовавшиеся рабы и т. п. (ср. «стыдную лютую смерть» в пророчестве Юпитера о Христе — VII, 714—715). Столь же (если не более) позорной казнью было утопление в мешке, которому подвергались отцеубийцы.

⁸⁰⁷⁻⁸⁰⁸ *Нет выше победы на свете, чем над своею душой...* — Ср. V, 418.

⁸¹⁰⁻⁸¹⁶ *Иным с непривычки...* — Здесь Петрарка почти дословно следует Ливию, которому тема милосердия победителей была особенно близка, так как победивший всех своих соперников Август проводил именно «политику милосердия».

⁸²⁸⁻⁸³⁰ *Вслед иные послы...* — Ливий конструктивно передает содержание этих «более жалобных», по его же определению, речей (XXX, 42), но Петрарка ограничивается описанием «жалобности», так как все, что можно высказать, уже высказал Гасдрубал.

⁸³⁵⁻⁸⁴³ *Стало от слышимых слов...* — Ср. у Ливия: «Когда сделалось очевидно, что Сенат склоняется к милосердному решению, один из отцов, обозленный финикийским вероломством, якобы громко спросил, а каких же богов призвует теперь свидетелями клятвы своей карфагеняне — дескать, тех, которых они призывали раньше, они уже обманули. «Тех же самых и призовем, ибо вполне явили они вражду свою к клятвопреступникам!» — ответил на это Гасдрубал» (XXX, 42).

⁸⁴⁵ *...и подтверждают отца за отцом...* — Перевод по конъектуре Коррадини. Сенатское постановление о мире еще не означало заключения мира: из-за Лентула даже и самое постановление должно было утверждаться (и было утверждено) народным собранием по представлению народных трибунов, после чего таким же порядком было постановлено, что заключить мир поручается Сципиону, к которому были отправлены для этого чиновники и жрецы. Голосование в Сенате было открытым и устным, т. е. поочередным.

⁸⁴⁹⁻⁸⁵² *...прошу об одном...* — У Ливия карфагеняне сразу же просят еще и дозволения выкупить часть пленных, а Сенат, отказавшись от выкупа, шлет Сципиону приказ освободить 200 названных послами лиц (XXX, 43): в поэме просьба гостей и великодушные римлян оформлены более эффектным обстоятельством, описанными отдельно, и оказываются трогательным финалом пребывания в Риме послов (ст. 955—988).

⁸⁵⁶⁻⁸⁵⁷ *На просьбу дано дозволение...* — Хотя юридически Рим еще воюет с Карфагеном, но фактически после сенатского постановления мир заключен, поэтому карфагеняне приобретают статус гостей, которым будут пользоваться «после войны» и который «во время войны» оговаривается еще одним сенатским постановлением (не зря именно римляне изобрели термины «de iure» и «de facto»). Прогулки послов по Риму Ливий, разумеется, не описывает.

⁸⁶⁰ *...Лаомедонтов сын...* — Имеется в виду Ганимед (см. III, 140—141 и примеч.), отцом которого был царь Трос, а братом Ил (отсюда Троя и Илион). Лаомедонт был сыном Ила, т. е. племянником Ганимеда, но допущенная поэтом путаница объяснима, так как сыном Лаомедонта был пресловутый любимец Авроры Тифон, тоже стяжавший бессмертие, хотя далеко не столь приятное, как у его двоюродного деда (см. I, 155—156 и примеч.).

⁸⁶² *Аппиевы врата...* — От этих ворот, обычно называвшихся Капуанскими, начиналась знаменитая Аппиева дорога из Рима в Капую, древнейшая из римских дорог, проложенная Аппием Клавдием Слепцом в 312 г. до н. э.

⁸⁶³⁻⁸⁶⁵ *Пред ними Паллантевы стены...* — Паллантей был древний город в Аркадии, откуда якобы явился в Лаций сын Меркурия Эвандр и построил себе город

на холме (Вергилий. «Энеида», VIII, 51–54; Ливий, I, 5), впоследствии получившем имя Палатинского (от «Паллантей»): пределами этого города был ограничен древнейший «квадратный» Рим. Если идти по Аппиевой дороге, то первым из римских холмов вошедший в Капуанские ворота увидит Палатин, хотя не совсем ясно, зачем послы у Петrarки делают такой крюк с Марсова поля, — но все экскурсии всегда начинаются «где положено». Впрочем, вероятно, поэт плохо представлял себе и местоположение храма Беллоны, так как Марсво поле, где он находился, было при Империи почти сплошь застроено, и угадать среди бесконечных напластований старых и новых руин и дворцов планровку определенной и уже ушедшей эпохи было почти невозможно.

^{860–870} ...и аркадянки вещей дивные чудеса... — Имеется в виду Кармента, мать Евандра, почитавшаяся пророчицей (Ливий, I, 7). По преданию, она же научила латинян грамоте, приспособив к их языку греческий алфавит (Гигин. «Сказки», 227), что примерно соответствует исторической истине, хотя роль Карменты сыграли этруски. «Начертание писем», «книги» и «латинскому роду польза» подразумевают, вероятно, именно алфавит. Однако святилище Карменты было далеко от Палатинского холма и находилось близ Капитолия, у ворот, названных по ее имени Карментальскими, — поэт ошибочно (хотя в соответствии со «здравым смыслом») помещает мать поближе к сыну. Ср. у Вергилия:

Молвив, прошел он вперед и алтарь показал и ворота,
что и по сей еще день Карментальскими в Риме зовутся,
ибо доньше у всех здесь в почете имя Карменты,
нимфы-провидицы, встарь предрекавшей великую славу
роду Энея в веках и удел Паллантей высокий. («Энеида», VIII, 387–391)

Она же предрекла Геркулесу, что он станет богом (Ливий, I, 7).

^{871–874} Справа Целийский холм... Авентинский... — Палатин и эти два холма представляют собой фон одного из побочных подвигов Геркулеса, рассказ о котором и слушают «любопытные путники». Эту историю кратко рассказывает Ливий (I, 7) и подробнее Вергилий («Энеида», VIII, 191–261). Когда Геркулес возвращался из своего похода на Запад, он проходил через Лаций, где в пещере на крутом Авентинском холме жил великан Как(ус), сын Вулкана, огнедышащий и жестокий. Ему понравились быки, которых Геркулес отнял у Герциона, и он решил украсть чужую добычу, причем воспользовался той же хитростью, которой воспользовался младенец Меркурий, когда крал быков Аполлона. Дождавшись пока усталый Геркулес задремлет, Какус утащил быков за хвосты в свою пещеру, чтобы не уличить себя следами. Как и в случае с Меркурием, хитрость открылась, но последствия ее были совсем иные, чем в трогательной размолвке двух богов-братьев, лишь теснее их сблизившей. Геркулес, как ему это было свойственно, впал в ярость. Он отвалил огромный камень, которым вор загородил вход в свою пещеру, и принялся осыпать врага стрелами — Какус дыхнул пламенем, создав дымовую завесу, и так сделал стрельбу бесполезной. Тогда Геркулес ринулся в пещеру, настиг Какуса и придушил его на радость Евандру с товарищами, которые тут же соорудили герою алтарь. Купанье быков в сюжет не входит — это такой же поэтический образ, как «искупать коня в таком-то море», т. е. попросту «дойти до этого моря». Хозяевами Италии в древние времена были этруски, потому Петrarка и называет реки этрусскими.

⁸⁷⁶ ...Свайный мост... — Анк Марций построил этот мост, чтобы окончательно присоединить к Риму холм Яникул (Ливий, I, 33; см. также I, 524 и примеч.).

^{876–877} ...столб, сохранивший память о Коклесе... — О подвиге Гораций Коклеса подробно рассказывает Ливий. Публий Гораций Коклес был из того же рода, что и трое братьев, спасших римлян от подчинения Альбе (см. I, 549–576), но жил несколькими поколениями позднее — во времена изгнания царей. Всего через два года после установления республики Ларс Порсена, царь этрусского Клузия, сочувствовавший Тарквиниям, двинул войско на Рим, занял Яникул и хотел переправиться через Свайный мост: нужно было задержать врага на том берегу, чтобы римляне успели разрушить мост и так помешать вторжению, но было заведомо ясно, что римский арьергард обречен на почти верную гибель, — поэтому стали вызывать охотников. Первым вызвался Гораций, заявивший, что ему в помощь

довольно двоих: итак, справа от него стал Спурий Ларций, а слева Герминий Аквилл. Сначала они удерживали врага втроем, прижавшись спинами к току самому памятному опорному столбу моста, затем в последний момент Гораций отослал соратников назад, а сам, когда мост окончательно рухнул, бросился в быстрый Тибр и вплавь при оружии добрался до своих — из почтения к такой его доблести Порсена запретил своим лучникам стрелять в героя. Благодарные сограждане воздвигли Горацию прижизненную статую, а защищавший его спину столб сделался достопримечательностью (II, 10 — впрочем, о подвиге Коклеса так или иначе упоминают чуть ли не все римские писатели).

⁸⁷⁷ ... *конная дева*... — Клелия, о подвиге которой также рассказывает Ливий. Заключив мир с Порсеной, римляне дали ему заложников, в том числе девиц. Клелия, будучи среди них чуть ли не самой знатной (она происходила от Гая Клелия, последнего царя Альбы), была недовольна своей участью и сбежала домой, вплавь переправившись через Тибр, однако сенаторы вернули ее Порсене в соблюдение заключенного договора. Порсена и без того был смеломлен римской доблестью (кроме Горация, ему пришлось иметь дело еще и с пресловутым Муцием Сцеволой — см. примеч. VIII, 941—944), так что, хотя силы у него хватало, поспешил заключить мир, и от живого залога римской доблести (храбрая девица) благоразумно решил поскорее избавиться: он отправил Клелию обратно в Рим, предложив ей забрать с собой каких захочет заложниц, что она и сделала (II, 13). Конная статуя была особо почетной (Гораций Коклес получил статуя степенью ниже — изображение в полный рост).

⁸⁷⁹ *Капище Солнца*... — Петрарка имеет в виду так называемый семипоясной храм Солнца, построенный только при Септимии Севере, т. е. на четыре столетия позже описываемых в поэме событий, однако хронология нарушена сознательно, о чем сам поэт сообщает в одном из писем к друзьям (эта проблема подробно рассмотрена в комментарии Коррадини). *Храмов золотые чертоги*... — Роскошные храмы, воздвигнутые Августом на Палатинском холме; однако нарушение хронологии тут опять намеренное и оговорено поэтом (см. выше).

⁸⁸⁰ ...*Храм Земли*... — Этот храм тоже был выстроен позднее и находился на пути к Капитолийскому холму.

^{882—883} ...*нашли человеечью голову*... — Это произошло при закладке храма Юпитера Капитолийского: лицо у найденной землекопами головы было не тронуту тлением, и все вместе было сочтено «явным знамением, что быть месту сему оплотом державства и главою вселенной, — таково было мнение всех гадателей» (Ливий, I, 55).

^{883—885} ...*карфагенское диво*... — Юстин рассказывает, что, когда рыли землю для закладки Карфагена, в земле нашлась голова быка — знамение будущего благоденствия, но и порабощения (XVIII, 5). Действительно, главным тяглом древности был бык, однако в данном случае легенда соотносится скорее с легендой о хитрости Дидоны (I, 180—181), а пророческий смысл был ей придан позже, когда «знаменье» уже доказало свою истинность. К тому же, если верить Юстину (а других источников тут нет), финикийцы сразу же верно истолковали знамение, не отставая в этом смысле от римлян, и немного «передвинули» город, хотя не совсем ясно, как им это удалось, коль скоро куплен был совершенно определенный участок (пожалуй, у Петрарки были основания пренебречь развязкой этой легенды).

^{888—892} ... *порог, к которому шли*... — Триумфатор на колеснице, запряженной белою четвернею, слагал на этом пороге свой священный наряд и свою добычу. Поэт перечисляет в основном добычу, но упоминает о четверпе, так как из храма триумфатор уходил пешком, разом превращаясь в частное лицо. Ст. 892 переведен по конъектуре Коррадини.

^{893—895} ...*обломки судов, финикийские стяги*... — Эти предметы оказались в сокровищнице не случайно: Плиний Старший пишет, что у карфагенян боевые снасти очень часто бывали разукрашены золотом (III, 4, 13).

^{896—897} ...*смотрят на птиц*... — Это те самые гуси, которые спасли Рим (Ливий, V, 47), точнее, их одушевленные кумиры, содержавшиеся на Капитолии с уставными почестями.

^{902—903} ...*стеклет вода*... — К описываемому времени в Риме было два водопровода: Аппиев (построен в 312 г. до н. э.) и Старый Анио (272 г. до н. э.). Хотя древние города водой снабжались в основном хорошо, но сооружений, сходных с

римскими водопроводами по архитектурному размаху и инженерной изощренности, не было нигде.

⁹⁰³⁻⁹⁰⁵ *В Субурской долине...* — Здесь Петрарка опирается на Светония, который пишет, что Юлий Цезарь жил в скромном домике в Субурре (букв. «Предместье» — Субурра поначалу и была предместьем Рима), а потом, получив жреческую должность, перебрался в положенный по должности казенный дом («Божественный Юлий», 46). Все это вовсе не значит, что предки Цезаря жили в упомянутом домике (именно его скромность и указывает, что это вовсе не было наследственное имение), но поэт пользуется случаем упомянуть Цезаря, да притом и не представляет размаха римской фактической и психологической урбанизации (и легкой смены квартир).

⁹⁰⁶⁻⁹⁰⁷ *Эсквилин, Виминал, Квиринал* — римские холмы, не столь знаменитые и богатые историческими достопримечательностями, как Палатин и Капитолий.

⁹⁰⁸⁻⁹¹⁰ *...двух нагих исполинов...* — Эти статуи пережили не только победителей Карфагена, но и Петрарке: они стоят на Монте Кавелло, причём на подножии одной написано по-латыни «творение Фидия», а на другой — «творение Праксителя», — однако даже если бы это было так, т. е. если бы статуи были хотя бы копиями работ великих греческих скульпторов V (Фидий) и IV (Пракситель) вв. до н. э., то во всяком случае точно известно, что в Рим они были привезены при Тиберии, через 200 с лишним лет после прогулки послов по Риму, ещё не завоевавшему Грецию и не слишком богатому её художественными сокровищами. Ст. 909 переведен по конъектуре Коррадини.

⁹¹²⁻⁹¹³ *...дворец Сципианов...* — Петрарка полагал, что даже видел руины этого дворца и что они находились на Корнелиевой улице, где-то между Капитолийским холмом и выходом на Марсово поле. На самом деле дом Сципионов находился не к северу, а к юго-западу от Капитолия, был снесен ещё во II в. до н. э., и на его месте была выстроена базилика. Выражение «знакомые знаки» приводит на ум герб, которого карфагеняне привыкли бояться в бою и который вдруг видит над воротами, — при Петрарке это было бы именно так, но у римлян гербов не было и богатый дом Сципиона отнюдь не был похож на родовой замок. Если вообразить описываемую сцену вживе, то узнать, что дом принадлежит Сципиону, послы могли только от своих провожатых.

⁹¹⁴⁻⁹¹⁷ *...к Фламинийским воротам...* — Эти ворота, действительно выходящие на Марсово поле, были построены лишь при императоре Адриане, т. е. через 300 с лишним лет после прогулки послов, и поэт, судя по его же (приведенным Коррадини) письмам, это знал. Рим Петрарки все более и более приобретает черты вечного в высшем смысле — вневременного — города, в котором зримо соседствуют былое, сущее и грядущее. Иногда Петрарка искажает хронологию намеренно, чаще ненамеренно, но причина в обоих случаях одна: хронология для него малоактуальна и, следовательно, может быть изменена (или просто забыта), будучи вытеснена более значимыми ценностями, — прежде всего доблестью, тоже вечной и вневременной, и средоточием этой доблести — вечным Городом.

⁹¹⁶⁻⁹²⁵ *...поле Марсово...* — На Марсовом поле находились так называемые Триумфальные ворота, которые не были проемом в стене и фактически представляли собой триумфальную арку знакомого нам типа: «воротами» они были потому, что после прохождения под этой аркой триумфатор считался вошедшим в город. На самом поле находились храмы Марса, Беллоны и некоторых других богов (древний храм Минервы стоял на Целийском холме, но впоследствии, уже при Империи, был построен еще один, слева от проходящей через Триумфальные ворота Широкой дороги, — см. примеч. VIII, 914-917). Само поле было предназначено прежде всего для обучения новобранцев, что не мешало все новой и новой его застройке храмами, цирками, портиками, театрами и т. д. Свои военные успехи римляне объясняли, в частности, «вольным» государственным устройством, которое, в свою очередь, явилось результатом изгнания царей и гражданской войны — соответственно именно на Марсовом поле послы слышат о подвиге Лукреции, об изгнании Тарквиниев, о Бруте и его сыновьях, о ликторских фасциях, т. е. о том, что уже успел рассказать Сифаку Лелий (см. III, 645-802 и примеч.). Ст. 918 и 920 переведены по конъектурам Коррадини.

⁹²⁶ *...на правом возвышенном берегу...* — Естественной границей Рима считался

Тибр, за которым лежали земли, некогда контролировавшиеся этрусками, хотя населенные латинами. Послы перешли Тибр, видимо, по Триумфальному мосту, так как для дальнейшего им следует оказаться недалеко от Ватиканского поля.

⁹²⁸⁻⁹³³ ...*оний великий валун...* — Об исчезновении Ромула и его явлении Прокулу см. примеч. III, 514-518. Ливий сообщает в связи с этим, что народ подозревал сенаторов в убийстве и что подозрения эти весьма основательны, так как сенаторы могли воспользоваться солнечным затмением и убить царя в темноте, а уж потом, боясь народных подозрений, найти «свидетеля апофеоза» (I, 16). Место, где исчез Ромул, Ливий называет Козьим болотом (там же) — это близ Ватиканского поля, у излучины Тибра по дороге к Яникулу. В память о Ромуле там стоял черный тесаный камень пирамидальной формы, несколько похожий на цирковую мету и потому прозванный «Ромуловой метой». Бытовало также мнение, что это и есть могила Ромула, т. е. что под «метой» погребено его тело — ср. «кости Квирина» у Горация («Эподы», XVI, 13).

⁹³⁴⁻⁹⁴⁵ ...*видят и холм...* — Яникул, холм за Тибром (т. е. не из «семи»), соединявшийся с городом благодаря пресловутому Свайному мосту Анка Марция. Ян (или Янус), один из древнейших собственно римских богов, был не только богом входа и выхода, но почитался также древнейшим (прежде золотого века) царем, обитавшим именно на Яникуле (Овидий. «Фасты», I, 241-149), так как в ту пору боги жили еще вместе с людьми: Сатурн, изгнанный Юпитером с неба, явился к Яну и тоже поселился на берегу Тибра (там же, 235-240) — золотой век в латинской литературе часто зовется «веком Сатурна» (см. III, 143-146 и примеч.)

⁹³⁷⁻⁹⁴⁰ ...*авсонийских царей имена...* — тех, которые правили после Сатурна, но прежде появления в Италии Энея. *Итал* — древний царь, правивший на юге Италии, получившей свое имя якобы от него (сведения об этом персонаже скудны, так как единственным его мифологическим назначением было дать имя стране). *Лик* — сын Сатурна, живший в роще у подножия Авентинского холма, первый царь Лация и первый авгур (птицегадатель), впоследствии почитавшийся богом полей (сыном его был Фавн). В историческую эпоху на склоне Авентинского холма имелось убежище, хотя опекающим его божеством считалась Диана, богиня лесов: в этом (и любом подобном ему) убежище мог укрыться преследуемый законом или местью беглец и внутри убежища оставался неприкосновенным (хотя с правом убежища связано несколько исторических анекдотов, указывающих на относительность этого права).

⁹⁴¹⁻⁹⁴⁴ ...*преданья память хранят...* — Имеются в виду войны с Тарквиниями и с их союзником Порсеной в начале республики, когда главной базой этой враждебной Риму коалиции был этрусский Клузий. О Порсене см. примеч. VIII, 876-877. Гай Муций Корд, после того как Порсена оказался отрезанным от Рима Тибром (после разрушения Свайного моста — см. примеч. VIII, 876-877), однако оставался опасным противником, с соизволения Сената проник в неприятельский лагерь, чтобы убить Порсену, но по ошибке убил его пса и был схвачен. Тогда на глазах у разгневанного царя он «наказал» свою ошибившуюся правую руку — положил ее на стоявшую рядом жаровню и сжег, рассказывая при этом Порсене, что в Риме еще 300 юношей поклялись его убить. Потрясенный царь поспешил заключить с римлянами мир, а доблестного Муция отпустил восвояси, после чего тот приобрел себе новое прозвище — Сцевола, т. е. «левша» (Ливий, II, 9-12).

⁹⁴⁵⁻⁹⁴⁸ *Ликаонийский мост...* — Посреди Тибра, напротив Капитолийского холма, лежал островок, некогда именовавшийся Ликаонийским (происхождение этого греческого названия не известно и до сих пор рождает гипотезы), но чаще просто Тибровым (Тиберина). По сохранившемуся Ливием преданию, островок образовался, когда римляне после изгнания Тарквиниев разрушили их дворец и выкинули все обломки и вообще все царское имущество в Тибр (II, 5). Опиравшийся на островок двухпролетный мост Петрарка называет Ликаонийским ошибочно — это был мост Фабриция и Цестия, фактически два моста (от правого берега до острова — мост Цестия, от острова до левого берега — мост Фабриция), причем оба были выстроены при Империи. Ст. 947 переведен по конъектуре Коррадини.

⁹⁵⁰⁻⁹⁵¹ ...*про Фабиев дом...* — О подвиге Фабиев см. III, 528-529 и примеч. *Кремера* — правый приток Тибра, самый опасный участок тогдашних римских рубежей, который и защищали Фабии.

⁹⁵⁵⁻⁹⁸⁸ ...предстает им голыше тех... — Об освобожденных без выкупа карфагенских пленниках см. примеч. VIII, 849–852. Петрарка ради дополнительного поэтического эффекта создает единство места: где пленников просят, там же их всех и отдают (а не посылают Сципиону дополнительных распоряжений, как у Ливия). Коррадини предполагает, что «темница» (ст. 979), где томятся пленники, уже доставленные в Рим, — это Туллиева тюрьма, не раз упоминаемая Ливием, а также Саллюстием, Варроном и даже Горацием, но представляется маловероятным, что Петрарка имел в виду какое-то конкретное узилыще. Следует отметить словосочетание «рабы к гостям» (ст. 980). О том, что послы — гости, см. примеч. VIII, 856–857, но они гости de facto, между тем как пленники суть военная добыча, которая бывает одушевленной и неодушевленной, причем первая делится на скотов и рабов, так что de jure пленники — рабы, которым присутствие «гостей» подают надежду на обретение сходного статуса, что с иными из них и происходит. В ст. 985 некоторые переписчики заменили «двести» на «триста», что противоречит Ливию, но демонстрирует высокое мнение средневековых книжников о римском милосердии.

¹⁰⁰¹⁻¹⁰⁰⁶ ...разрешив Свои узы... — Это не только отсылка к одному из важнейших догматов христианства, но и намек на текст пасхальной литургии (в русском варианте: «Христос воскрес из мертвых, смертию смерть поправ и сущим во гробе живот даровав»).

¹⁰⁰⁵⁻¹⁰¹¹ По возвращенье приемлет его Сципион... — Ср. у Ливия: «Карфагеняне воротились в Африку, прибыли к Сципиону и заключили мир, условия коего перечислены выше» (XXX, 43). Сципион в данном случае выполнял поручение Сената (см. примеч. VIII, 483–491), в архивы которого и должны после ратификации (для которой послам пришлось снова съездить в Рим — Ливий, XXX, 44) поступить соответствующие документы. Об условиях мира см. ст. 640–674 и примеч. О принесении в жертву свиньи Ливий не упоминает (он и вообще не упоминает о жертвах, но просто ввиду избыточности такой информации — при заключении мира жертвы приносились всегда), и не совсем ясно, почему Петрарка выбирает для мирной жертвы именно это животное, — свинья относилась к «мелкому скоту», а по серьезным поводам в жертву обычно приносился крупный скот, чаще всего быки. Берджин и Вильсон предполагают, что поэт выбрал в жертву свинью под влиянием Вергилия: Дидона посылает прибывшим в Африку изнуренным троянцам двадцать быков, сто овец и сто «огромных свиней со щетиной жесткой» («Энеида», I, 633–635), однако весь этот скот, как и вино, посланы ею, чтобы накормить и напоить изгнанных, а какие «почетные жертвы» приносит она вместе с Энеем (там же, 632), у Вергилия не сказано. Можно предложить другую интерпретацию, основанную на двух простых положениях. Во-первых, дело происходит в лагере Сципиона, который в полевых условиях без труда может снешно добыть овцу или свинью, но вряд ли быка. Во-вторых, приносится не жертва всеожжения, а обычная жертва, малая часть которой будет уделена богам, но все остальное предназначается для совместного пира, и готовить жаркое будет римский повар — а то, что у римлян самым парадным блюдом была зажаренная целиком свинья, этого Петрарка не знает не мог, так как римская литература переполнена иррешственной темой. Сочиняя отсутствующие у Ливия подробности, поэт мог сознательно или бессознательно избрать в «мирную жертву» самое вкусное из допустимых обстоятельствами животных.

¹⁰¹²⁻¹⁰²⁷ ...Сципион... награждением занят... — О том, что Сципион подарил Массиниссе Цирту «и другие города и земли Сифакова царства, доставшиеся во власть римскому народу», сообщает также Ливий (XXX, 44), но «и другие» у него не означает «все», так как кое-что римляне на всякий случай оставили Вермине (см. примеч. VIII, 439). О наказаниях Ливий пишет: «С перебежчиками обошлись суровее, чем с беглыми рабами: тех перебежчиков, кои были латинского племени, обезглавили, а кои были племени римского, тех распяли на крестах» (XXX, 43). Известное презрение, которое питали римляне к «рабской душе», бывало причиной нередкой снисходительности к рабам, от которых никто и не требовал доблести, благочестности и прочих гражданских добродетелей, а беглых рабов в Ганнибаловом войске хватало, так как, перейдя на сторону врага (точнее, врага своих хозяев), они обретали свободу. Римляне подвергаются более позорной и более мучительной казни, чем латиняне, именно потому, что римское гражданство было гораздо почет-

нее латинского и как бы повышало цену предательства. Под римлянами здесь понимаются не жители Рима, а те, кто пользовался правами римского гражданства, — это право римляне порой давали не отдельным лицам, а целым городам, желая уместить их соответствующими привилегиями, хотя по разным причинам такое гражданство все равно было второсортным. При появлении в Италии Ганнибала эти «римские граждане», часто всей душой ненавидевшие Рим, по тем или иным мотивам переходили под карфагенские знамена, под которыми уже бились их менее привилегированные земляки. Однако до Африки добрались только немногие из этих «перебежчиков». Ст. 1025 переведен по конъектуре Коррадини.

¹⁰³¹ *...гласит любезное слово...* — Эту речь Петrarка сочинил, у Ливия Сципиона после заключения мира никаких речей не произносит, но читатель уже привык, что герой поэмы многословнее своего исторического двойника. Куда любопытнее, что речь с оценкой заключенного мира у Ливия содержится, по это — речь Ганнибала (XXX, 44), предсказывающего согражданам весьма жалкую участь. Воспользоваться этой очень эффектной речью Петrarка не мог, так как «его» Ганнибал уже сбежал к Антиоху.

¹⁰⁴⁷ *...мир возлюбите...* — Перевод по конъектуре Коррадини.

¹⁰⁵⁸ *...отсекли зараженную плоть.* — Ср. в Евангелии от Матфея: «Если же рука твоя или нога твоя соблазняет тебя, отсеки их и брось от себя: лучше тебе войти в жизнь без руки или без ноги, нежели с двумя руками и с двумя ногами быть ввержену в огонь вечный» (18, 8).

¹⁰⁸¹ *...зоть и алет человек оно...* — Перевод по конъектуре Коррадини.

^{1069–1070} *...приказанье все предать огню корабли...* — Сожжение военного флота карфагенян было одним из условий мира. Ливий, ссылаясь на «иных летописцев», сообщает, что сожжено было до 500 судов, и добавляет: «Финикияне были в таком горе, словно пылал сам Карфаген» (XXX, 43).

¹⁰⁷² *Тефия* — это морская богиня, в поэтических текстах выступает как олицетворение моря (отсюда возможность словосочетаний типа «Эгейская Тефия»).

^{1073–1075} *...Солнцева сын...* — Фазтон, сын Гелиоса, пожелавший прокатиться на отцовской колеснице, не совладавший с упряжкой, сделавшийся виновником мирового пожара и погибший (остановить всеسوжигающую колесницу удалось лишь Перуну).

¹⁰⁷⁷ *...сгорели в прежней войне...* — Вероятно, Петrarка имеет в виду многократную упоминавшуюся гибель карфагенского флота при Эгатах, результатом которой была победа Рима в I Пунической войне. Как ни тяжелы были для карфагенян тогдашние условия мира, выдачи римлянам всего оставшегося флота они не включали.

¹⁰⁷⁹ *...афинский флот, спартацами схвачен...* — Имеется в виду пресловутая Сиракузская экспедиция (см. примеч. VI, 586–588). Сиракузяне сами уничтожили афинский десант и афинский флот, но для Афин это было очередное поражение в Пелопоннесской войне, когда Афины и Спарта соперничали за первенство в Элладе.

^{1081–1084} *Оцепенелой толпой...* — Петrarка намеренно развивает замечание Ливия (см. примеч. VIII, 1069–1070), так что и у читателя складывается впечатление, будто Карфаген взаправду горит, хотя сожжет его другой Сципион и гораздо позднее. Однако окончательное уничтожение Карфагена было относительно легким и обеспечивалось победой Сципиона над Ганнибалом — поэтому Петrarка и показывает сожжение флота как бы на фоне последнего (хотя еще только предстоящего) пожара.

ПЕСНЬ ДЕВЯТАЯ

¹⁴ *...ты, средь стольких грудов...* — Участие Энния в африканском походе вымыслено Петrarкой. Энний, который до 184 г. до н. э. не имел даже римского гражданства, проходил военную службу на Сардинии, где и привлёк внимание Катона (будущего цензора и врага Сципионов), когда тот по пути из Африки в Рим посетил этот захолустный гарнизон. Катон взял способного центуриона с собой, и так тот в 204 г. до н. э. оказался в столице, сблизился со многими вельможами-эллинофилами, а затем (по окончании африканского похода) и со Сципионами, особенно с

Публием. Эний был почти одних лет с героем, хотя пережил его (умер в 169 г. до н. э. на 70-м году).

¹⁹⁻²² *...если сонмом святыя камены...*— О Геликоне и Кастальском ключе см. примеч. VII, 500–504 (представляется примечательным, что упоминавшаяся компактность мифологической топографии влияет уже и на комментаторов «Африки» — Берджин и Вильсон пишут, что Кастальский ключ бьет на Геликоне). Обращает на себя внимание, что Сципион в перечне даров, которыми наделяют поэта Аполлон и камены, называет *калам* — слово это в поэме употребляется во второй, но не в последний раз и требует пояснений. Собственное значение этого слова — «тростинка», так как жители древнего Средиземноморья первоначально пользовались только тростниковыми перьями, в переносном же значении «калам» — любой инструмент писания (отсюда дожившее до наших дней выражение «*lapsus calami*» — «описка»). В первый раз поэт говорит о своем «шатком каламе» во вступительном обращении к Роберту Анжуйскому (I, 69), на чью поддержку надеется. Это упоминание калама вызывает в сознании привычный образ: стол, стул, чернильница и пишущий нечто на белом листе писатель — вариации этой умозрительной картинки будут незначительны. Действительно, древние писатели, которым хочет подражать Петрарка, писали (тем или иным каламом) или диктовали секретарю (писцу, а порой и стенографу, но так или сяк «человеку с каламом»), причем среди них своеобразные «чемпионы черновиков», сравнимые с самим Петраркой: одним из таких чемпионов был, как известно, Вергилий, переделывавший каждый стих «Энеиды» по многу раз и в результате оставивший иные стихи незавершенными. И тем не менее в перечне даров что-то не так, этот вручаемый каменами калам режет слух всякого хоть немного сведущего в античной литературе читателя и режет не случайно, потому что каламу в этом перечне места нет. Античная мифология поэзии, по происхождению своему греческая — а именно к этой мифологии обращается Сципион, — включала множество по-разному комбинируемых мотивов: поэт был избранником Аполлона и/или муз (иногда одной музы), поэт пил воду Кастальского ключа или Гипокрены, поэт был связан с местами почитания Аполлона и муз (с Парнасом и Геликоном), на устах у поэта был мед и т. д., однако «инструментом» поэта — а это для нас сейчас важнее всего! — была лира, но калам никогда. В античной традиции процесс писания и соответственно письменные принадлежания мифом почти не осмыслились, что и понятно: миф возник в эпоху, когда слова были неотделимы от напева, т. е. лира была — при всех своих мифологических коннотациях — необходимой принадлежностью поэта, ибо поэзия была устной и не ассоциировалась с грамотностью и атрибутами грамотности. Как ни кратко (сравнительно с дальнейшим) было время этой сугубо устной традиции, но представление о необходимых поэту духовных и физических «дарах» сформировалось именно тогда и впоследствии уже не менялось. Не санкционированный мифологией калам не был к тому же исключительной принадлежностью поэта — хотя каламом писали поэты, но таким же каламом писал кто угодно и что угодно: грамотность в античную эпоху была практически всеобщей, столь же всеобщим было наличие письменных принадлежностей, и никакие музы никому их не дарили. Так называемые «темные века» раннего Средневековья сократили число грамотеев до минимума, а число поэтов (пусть неважных поэтов) при этом осталось весьма значительным — почти всякий человек, вчитавшийся чужих стихов, мог написать свои. Для средневекового сознания поэт — один из сравнительно немногочисленных грамотеев-клириков, имеющий отличительным признаком своей причастности к ученому сословию письменный прибор. И хотя Петрарка жил в сравнительно просвещенную эпоху, инерция этого представления была такова, что разбуженные основоположником гуманизма древние камены сохранили за письменным прибором его средневековый престиж.

²²⁻³³ *...наградой... лицо твое.*— Изображенне поэтом наружности Сципиона см. IV, 46–69 и примеч. Возможно, Петрарке был еще неизвестен (или справедливо казался неподлинным) первый предположительный портрет Сципиона. Судя по данному стиху, поэт надеется увидеть портрет своего героя — такие надежды касательно разных деятелей древности в ту пору и позднее питали многие, и надежды эти чаще, чем кажется вероятным, оправдывались, так как итальянские ваятели были достаточно искусны, и современники редко опознавали подделку: поэт наверняка ожидал, что вот-вот где-нибудь объявится и портрет «звездного юноши».

³⁶⁻³⁹ *Давно твоя слава...*— Ср. у Горация:

Кому неправой мздою была бы смерть,
того к спасенью Доблесть взнесет горе
тропою заповедной в небо,
персть отряхнувши земную с крыльев. («Оды», III, 2, 21–24)

⁵² *...камень могильный узрев Эакиды-пращура...*— Перевод по конъектуре Коррадини, во всех манускриптах вместо «aviti» («пращура») переписчики дают «amisii» («друг»), что нелепо, так как Эакид (Ахилл, внук Эака) никак не мог быть другом Александра Македонского. Коррадини опирается на Курция, у которого Александр хвастается, что происходит от Ахилла (IV, 6). Действительно, цари Эпира (а мать Александра Олимпиада была эпирской царевной) объявляли себя потомками сына Ахилла и Деидамии Неоптолема, называемого также Пирром, который якобы после многих странствий осел в Эпире (поэтому у эпирских, а порой и у родившихся с ними македонских царей были употребительны — но только как «царские» — имена Пирр и Неоптолем, впрочем никогда не принадлежавшие одному лицу, т. е. полностью мифологическое наименование не воспроизводилось).

⁵³⁻⁵⁴ *Юноша, сколь ты счастлив...*— Эту сентенцию Александра, посетившего в Троеде курган, почитавшийся могилой Ахилла, приводит Цицерон («За Архия», X, 24), которому Петрарка следует почти дословно, возвращаясь к этой теме в 154 сонете.

⁶³⁻⁶⁴ *...подарит Каллиопа...*— Муза эпической поэзии. Хотя здесь Энний перечисляет лишь некоторые из вполне традиционных даров муз (ср. примеч. IX, 19–22), однако и ему суждено вскоре упомянуть калам, причем в самом невероятном из возможных контекстов.

⁶⁵⁻⁶⁶ *...песнопевца... Меонийского...*— Т. е. Гомера. Меония — поэтическое название Лидии, порой распространяемое почти на всю Малую Азию, уроженцем которой обычно считали Гомера.

⁶⁶⁻⁶⁷ *...Еврипида высокословного...*— Еврипид ввиду своей близости к философам и софистам почитался самым мудрым из греческих трагиков, а так как отличался довольно сентенциозным стилем, то был и самым цитируемым; чаще цитировали только Гомера.

⁶⁹⁻⁷³ *...Сделай, как попросил я тебя...*— Сначала Коррадини, а позже Мартеллотти указывают, что в своем вопросе Сципион формулирует две темы, которым была посвящена речь Петрарки при венчании его на Капитолии 6 апреля 1341 г.: соотношение поэзии и правды и значение лаврового венка. Первая часть этой речи (о поэзии и правде) существует в русском переводе В. В. Библихина (в кн.: Франческо Петрарка: Эстетические фрагменты. М., 1982). Энний отвечает Сципиону кратким пересказом Капитолийской речи в ст. 90–123.

⁸¹ *...слабкому ладу внимать Пиерийскому...*— См. примеч. VII, 500–504.

⁹⁰⁻¹⁰⁷ *Песнопевцев удел...*— Здесь Петрарка «в кратких словах» излагает первую часть своей Капитолийской речи, созданной под значительным влиянием сочинения Лактанция (ритора и апологета III–IV вв.) «О божественных установлениях» (I, 2, 24–25). Ст. 95 и 107 переведены по конъектурам Коррадини.

¹⁰⁸⁻¹²³ *Ныне осталось сказать о лавре...*— Используя лавр как метафору неуязвимой славы, поэт отчасти опирается на «Этимологию» Исидора Севильского (VI–VII вв.), который пишет среди прочего, что лавр никогда не бывает поражен молнией (XVII, 7, 2; ср. ст. 116–119). Это же бессмертие зелени оказывается здесь и объяснением приязни к лавру Аполлона (ст. 114–116), хотя оно противоречит традиционному объяснению, т. е. мифу о Дафне (см. V, 477–486 и примеч.). Аполлон здесь представлен в его наиболее поэтической ипостаси Мусажета (хороводителя муз). «Киррейский» в поэтическом языке значит «Дельфийский» (по Кирре, Дельфийской гавани), а в Дельфах на Парнасе находился знаменитый из древних храмов Аполлона, особенно прославленный своим оракулом — это был главный земной дом бога. Поэт соотносит бессмертную зелень лавра с бессмертной славой во многих своих стихотворениях, как латинских, так и итальянских, а также в письмах.

¹³⁰⁻¹³¹ *...день коротая краткий...*— Петрарке была известна пословица, предположительно восходящая к одному из древнеримских мимов: «С речистым спутником и путь короче» (ср. ст. 290–296).

¹⁴² ...а особенно певцов, цветистым отличных каламом...— См. ст. 19–22. Читатель волен представить себе фантастическую картину: Гомера, своеручно пишущего «цветистым каламом» свои поэмы! Иначе не получается, так как ниже среди певцов Энийя выделяет именно Гомера.

^{144–148} Многих же тысяч певцов мне Гомер единый превыше...— Об особом пристрастии Энийя к Гомеру см. ниже, в данных же стихах выражается расхожее в древней Элладе мнение, что вся «главная» мудрость собрана в гомеровских поэмах, а все прочее знать не обязательно (на этом основании афинский полководец Никия, известный своим благочестием и проваливший пресловутую Сицилийскую экспедицию, заставил своего сына Никерата выучить наизусть «Илиаду» и «Одиссею»). Родина Энийя (Рудии) была в малоцивилизованной Калабарии, хорошего образования в этом захолустье было не получить, а так как Энийя имел хорошее образование, то основательной представляется гипотеза, что учился он в Таренте — ближайшем центре греческой образованности. Там, вероятно, общеобязательное благоговение перед «божественным Гомером» превратилось у него в то личное чувство, которое само по себе сделалось едва ли не легендарным.

¹⁵⁹ ...он мне явился во сне.— Ср. у Цицерона: «Да и вообще ведь нередко от раздумий наших и разговоров является потом во сне такое же видение, как описанный у Энийя Гомер, о котором он, конечно же, постоянно размышлял наяву и даже имел привычку с ним беседовать» («Сон Сципиона», X, 10). Об этих видениях Энийя пишут также Лукреций («О природе вещей», I, 117–126; разумеется, призрака Гомера у Лукреция говорит Энийю именно о природе вещей), Гораций («Послания», II, 1, 50–52; упоминаются лишь видения как таковые) и другие авторы, так что видения Энийя пользовались достаточной известностью и в Средние века.

^{160–162} Бдительно бодрствовала я...— Видение посетило Энийя накануне битвы при Заме, пока он дожидался еще не вернувшегося после переговоров с Ганнибалом Сципиона.

^{178–179} Пал я ниц...— Ср. у Вергилия:

Трижды пытался отца удержать он, сжимая в объятьях,
трижды из сомкнутых рук бесплотная тень ускользала,
словно дыханье, легка, сновиденьям крылатым подобна.

(«Энеида», VI, 700–702)

^{183–187} О ты, Аргосского племени слава...— Ср. у Вергилия:

Светоч Дардании! ты, о надежда вернейшая тевкров!

...Что омрачает
светлый лик твой, скажи! почему эти раны я вижу?

(Там же, II, 284, 285–286)

Никаких определенных сведений о личности Гомера у древних не было, все это заменялось домыслами и преданиями, часто противоречивыми (например, за честь зваться родиной Гомера спорили семь городов, но в разных источниках в эту семерку входят и разные города, так что в общем конкурентов не менее одиннадцати). Предание о слепоте Гомера основывается, во-первых, на том, что певец Демодок, изображенный в «Одиссее» эпическим сказителем вроде самого Гомера, слеп (VIII, 44 и далее); во-вторых, на народной этимологии имени «Ὅμηρος» от εὐ μῆ ὄρω» (не видящий), хотя имя Номегус относится к числу значащих (ὄμηρος — заложник); в-третьих, на том общеизвестном факте, что среди рапсодов (исполнителей эпических песен) было много слепцов (слепец с хорошей памятью и голосом мог в качестве рапсода жить гораздо лучше, чем в качестве обычного нищего), — однако Гомер был не исполнителем-рапсодом, он был аэдом, т. е. сам сочинял свои песни, так что между ним и «высококвалифицированными» бродягами, какими в той или иной мере были рапсоды, различие огромное. Наконец, в-четвертых, поводом для предания о слепоте Гомера была его мудрость, способность видеть тайное, не совместимая со способностью видеть очевидное (греческое предание знает и других слепых прозорливцев, самый знаменитый из них — Тиресий). Образ слепого Гомера по всем этим и другим причинам получался целостнее, чем образ Гомера зрячего, но таким бесспорным слепцом, как мифологический Тиресий, Гомер все же не был, что и дает Петrarке повод для описания эффектной сцены. Удивление Энийя, мотивированное высказанными им причинами, эффектность эту усугубляет — особенно если вспомнить, что это Гомер Петrarки — писатель в буквальном смысле слова.

¹⁸⁸ ...Линкея... зорче... — Линкей, участник похода Аргонавтов и других героических предприятий, был знаменит своей зоркостью: он видел даже сквозь землю и камни. «Зорче Линкея» — такая же напрашивающаяся гипербола, как «сильнее Геркулеса» и т. п.

^{189—199} *Ужель в изобильной найдется Греции...* — Ср. у Цицерона: «Говорят, что Гомер был слепец, но на творенья его мы глядим, будто не словесность это, а живопись: есть ли в Греции хоть берег, хоть край, хоть какой-нибудь уголок и есть ли в битвенной науке хоть какой боевой прием, хоть войсковой порядок, есть ли хоть взмах весел, хоть человечья осанка, хоть звериная повадка, коих он не изобразил бы так, что — пусть сам их и не видавши — нам помог увидеть точно въяве?» («Тускуланские беседы», V, 39, 114).. Ст. 193 переведен по конъектуре Коррадини.

^{207—210} *О сколь многим во вред...* — Эта тема развивается Цицероном в «Тускуланских беседах» (там же), но в пример приводится Демокрит, в соответствии со многими преданиями ослепивший себя, чтобы отличать истинное от ложного, не падая в заблуждение от нестроты бытия (см. также: *Ава Геллий*. «Аттические ночи», X, 17, 1—4). Вопрос о причинах слепоты Гомера Петрарка обходит, так как у Цицерона Гомер представлен слепым чуть ли не от рождения (никогда ничего не видавшим), что делает излишней тему «обузы», а кроме того, во все время своей беседы с Энием Гомер ведет себя как вполне зрячий, хотя и наделенный пророческим даром, т. е. видит сразу тайное и явное.

²¹⁵ *В радости я поспешил за провидцем...* — После этой строки в большинстве манускриптов сразу следует ст. 216, и лакуны нет, что специально отмечено в издании Коррадини словами «недостача отсутствует». Берджин и Вильсон полагают, что лакуна все же имеется, однако дальше этого утверждения не идут. Судя по нескольким недоуменным замечаниям переписчиков и другим косвенным источникам, о лакуне здесь возможно говорить не с большим основанием, чем о лакуне между IV и V песнями — в обоих случаях в повествовании имеется перерыв, в обоих случаях перерыв сделан поэтом сознательно, в обоих случаях обнаружение мотивировки этого перерыва показывает не только, что «недостачи нет», но и выявляет некоторые значимые особенности текста. В первом случае это были особенности композиции: сюжет, при поверхностном взгляде почти совпадавший с фабулой, вдруг такое совпадение утрачивал, причем оказывалось, что глубинная композиция поэмы никогда и не соответствовала исторической фабуле, а опиралась на совершенно иную структуру. Во втором случае пропуск меньше, и уже известно, что поэт на такие пропуски способен, зато если в первом случае, опровергая или принимая концепцию лакуны, всякий знал, какие события обойдены рассказом, то во втором случае рассказом обойдена самая малость — но совершенно неизвестно, какая. Эта малость сводится к вопросу: куда повел Гомер Эний? — а этот вопрос синонимичен вопросу, где находится нерожденная душа Петрарки, т. е. где она пребывала до рождения по его собственному мнению. В целом ситуация похожа на сон Сципиона (Гомер — «отец», Эний — «сын», Петрарка — «зримое пророчество»), однако имеются заметные различия. Публий Корнелий является к спящему с небес, он не бесплотен (утешает и обнимает плачущего сына), он уводит его туда, где обретается сам — на небеса, а затем — после всего сказанного и явленного — сам провожает его обратно на землю, где Сципион и просыпается. Гомер является к Энию из-под земли (ст. 176—177), он бесплотен (ст. 178—179), он уводит Эния в некую неназванную область, и тот, проснувшись чуть ли не посреди пророчества, оказывается в римском лагере (ст. 286—289). Из текста поэмы нам известно, что усопшие римские герои возносятся на небеса, где пребывали и до рождения (I и II песни), но место для героев — правда, не римских (например, для Ахилла) — есть и в преисподней (начало VI песни), да иначе и нельзя: космология Цицерона может совмещаться с космологией Вергилия, но не может ей противоречить, так как Вергилиева традиция гораздо сильнее всех других. Если так, то совершенно очевидно, что Гомер пребывает после смерти в том же преисподнем Элизии, что Анхиз — этого подземного рая поэт нам в VI песни не показывал, но его существование подтвердил, описав заимствованные у того же Вергилия «поля скорби». Более того, Анхиз у Вергилия показывает Энею нерожденные души и рассуждает о них, а стало быть, совмещенная с Цицероновой вергилианская космология допускает пребывание нерожденных душ и в преисподней. Сципион в «Сне Сципиона», Анхиз в «Энеиде», Публий Корнелий

в «Африке» — все пророчествуют «у себя» и всё, что показывают, показывают «у себя». Из этого вытекает, что коль скоро Гомер явился из Элизия, то он должен низойти с Эниием в Элизий и там показать ему нерожденного Петrarку — больше негде. Правда, Публий Циципон тоже пророчествовал о молодом тосканском поэте (II, 441—454), однако сыну его не показывал. По всему выходит, что нерожденная душа Петrarки обретается в Элизии, — но Элизий хуже небес! В Элизий нисходит за пророчеством лишь Эниий, который хуже Циципона (Циципон лучше всех!), а побывать на небесах дозволяется лишь Циципону. И Элизий все-таки ад — античный, блаженный, но ад, обитатели которого бесплотны, между тем как обитатели небес существуют во плоти, как и положено воскресшим. Вроде бы совершенно ясно где побывал Эниий, но говорить об этом напрямик поэту не хочется — христианину XIV в. при всем его уважении к Вергилию не хочется так уж откровенно изображать свою нерожденную душу где-то под землей, особенно зная, что даже древним (Цицирону) были известны места получше. А открывать Эниию доступ на небеса, переселив туда усопшего Гомера, не согласно с авторитетом Цицирона и не по чину Эниию. И так, Петrarка делает для себя все, что может: он оповещает о своем грядущем рождении устами Публия Корнелия, он хвалит себя устами Гомера и он умалчивает о местонахождении своей нерожденной души — именно умалчивает, так как догадаться не так уж трудно, однако говорить напрямик недостаточно лестно. И вот Эниий «спешит за провидцем», чтобы вдруг издали заметить укромную поляну (это само по себе признак нахождения на земле или под землей, небеса всеземлеподобны) и юного поэта — и не фиксировать читательского внимания на некоторой вынужденной второсортности этой укромной поляны. Никакой недостачи, действительно, нет.

²¹⁶ ...на укромной поляне... — Здесь поэт играет названием «Воклюз» (букв. «укромный дол», «сокрытая поляна», по-латыни — *valles clausa*), в данном стихе «*clausa sub valle*). Ср. у Вергилия:

Старец Анхиз между тем озирает с усердием ревнивым души, которым еще предстоит из долины зеленой, где до поры пребывают они, подняться на землю...

(«Энеида», VI, 679—681)

^{218—219} ...под лавров нежною сенью... — Намек на венчание Петrarки.

²²⁴ Тускская... Флоренция... — Петrarка родился не во Флоренции, а в Ареццо (тоже в Тоскане, так что в тускском городе), где некоторое время жил его изгнанный из Флоренции отец, но поэт, происходя из старой флорентийской семьи, всегда считал себя флорентийцем. Флоренция в его время была крупнейшим городом Тосканы и одним из крупнейших в Италии, значение ее было таково, что именно тосканский диалект сделался основой литературного итальянского языка, часто называемого «тосканским», сама Флоренция носила почетный титул «итальянских Афин», и уже папа Бонифаций VIII ок. 1300 г. называл ее «средоточием вселенной». Зато древняя история Флоренции очень скромна. При этрусках на горе, господствующей над долиной Арно, стоял городок Фэсулы (ныне Фьезоле), ок. 200 г. до н. э. на берегу Арно возникли — вокруг необходимой Фэсулам пристани — «выселки», Нижние Фэсулы, ядро будущего города. Этот фэсульский речной посад за богатство был прозван римлянами Флорентина («цветущая» — позднее «т» перед «и» стало произноситься как «ц»), и около 60 г. до н. э. по инициативе Цезаря там было создано поселение римских граждан для защиты переправы через Арно. При всем своем богатстве город долго оставался захолустным и лишь в конце III в. н. э. стал столицей сдвоенной провинции Этрурии-Умбрии, но в Средние века опять надолго захирел. Новое его процветание началось после 962 г., когда Италия вошла в состав Священной Римской империи германского народа. Хотя Петrarка здесь и ранее (II, 441—443) охотно говорит о своем тосканском происхождении, но числит себя потомком не старожиллов этрусков, а римлян, так как Флоренция — «от римских корней», от тех самых Цезаревых поселенцев.

²³⁹ ...буйной толпы иномысленный натиск... — Намек (сохраняющий возвышенную деликатность пророческого стиля) на нападение разбойников, которому поэт подвергся по дороге из Рима, уже после венчания, т. е. «на пути возвратном».

²⁴³ ...Дельфийские кущи... — Т. е. заросли лавров. В Греции Петrarка не бывал

и руководствовался мнением, что если лавр – любимое дерево Аполлона, то весь Парнас или все окрестности Дельфийского храма должны быть покрыты лавровыми рощами. В действительности, никаких лавровых лесов на поросшем соснами Парнасе не было и нет, хотя священный лавр Аполлона в святилище, конечно, имелся.
^{250–251} ...в чреде двухсот пятилетий не видел сходного... – Обычай венчать лучшего из поэтов на Капитолийском холме был введен императором «проклятой памяти» Домицианом в 86 г. н. э., пережил учредителя и кое-как соблюдался до 238 г., после чего венчаний не было 1003 года, ровно двести пятилетий (при таком счете неполное пятилетие не считается).

²⁵³ ...на алтарь возлагает священную зелень. – После венчания Петрарка отправился в собор св. Петра и принес свой венок в дар апостолу.

^{254–256} Пусть за него одного... Флорентийское племя все тебе станет милей... – В долгой политической борьбе, рознившей земляков поэта, не все было достойно идеализируемого им Рима, зато самого себя он считает вполне достойной компенсацией за все усобицы и распри.

^{257–263} Пращуров подвиги... – Имеется в виду начатая Петраркой в 1338 г. книга «О преславных мужах» (сборник биографий, куда входила и биография Сципиона).

²⁶⁵ ...Узришь пестроцветные свитки... – Имеется в виду начатая в 1344 г. книга «О достопамятностях» (упоминание о ней дает дополнительные сведения для установления времени окончания поэмы – не раньше 1344 г.).

²⁷⁶ ...родник быстротекущий... – В Воклюзе, где Энний видит Петрарку, находился источник Соргии, над которым была построена часовенка: единственный сохранившийся рисунок поэта (сделанный пером на почти профессиональном уровне) изображает эту часовенку на горе – а на первом плане цаплю с рыбой в клюве (см. с. 219 наст. изд.).

^{282–283} ...но лишь от суетной службы... – Эти строки можно понять так, что поэт завершит «Африку» в Воклюзе; хотя это не соответствует действительности (см. хронологию жизни Петрарки), но соответствует образу «наисладчайшей Заальпийской пустыни», какой она предстает во всем латинском творчестве поэта.

²⁹³ ...так же и путник порой... – Перед этой строкой Коррадини предполагает лакуну по меньшей мере в один стих, так как сравнение несколько неуклюже (в переводе это сглажено, однако латинский оригинал можно понять так, что с усталым путником сравнивается Феб). Хотя мнение Коррадини обосновано, Феста здесь лакуны не видит, но и он не неправ, так как некоторой своей неуклюжестью сравнение может быть обязано самому поэту.

^{299–300} ...на братнином месте... Кипфия... – Т. е. Луна на месте Солнца, которое в ипостаси Аполлона доводится братом Диане-Луне. См. также примеч. II, 333.

^{311–316} ...се Лилибейский утес... – Флот обгибает Сицилию с юго-запада (Лилибей) и вдоль северной грани (мимо Дрепана). О действительном маршруте см. примеч. IX, 317–320.

^{317–320} ...радость Италии... – Ливий пишет, что Сципион сначала переправился в Лилибей и оттуда отправил почти все войско в Рим морем (до Остии), а сам, доплыв до Италии, двинулся сухим путем среди общего ликования по поводу победы и мира, так что «не только горожане сбегались ему навстречу и славили его, но даже сельские жители валом валили по всем дорогам» (XXX, 45). Петрарка дает возможность всем соратникам Сципиона разделить с ним удовольствие сухопутного путешествия.

³²¹ ...и пора приспела триумфа. – Триумф разрешался Сенатом по ходатайству вождя при наличии нескольких предварительных условий: 1) военная власть должна быть получена полководцем в обычном порядке (поэтому тот же Сципион, быв в Испании чрезвычайным проконсулом, не мог затем претендовать на триумф); 2) война должна быть закончена; 3) границы Римской державы должны быть расширены; 4) в одной битве должно быть убито не менее 5000 врагов (при Заме было убито до 20 000 карфагенян и их союзников). До триумфа полководцу не дозволялось вступать в город, так что для выслушивания его доклада Сенат собирался за городской стеной, обычно в храме Беллоны, после чего, если все условия были соблюдены, назывался день триумфа.

³²² Каллиопа – см. примеч. IX, 63–64.

^{330–338} Валом к воротам валит народ... – В назначенный Сенатом день, которого обычно не менее ждали и горожане, полководец торжественно въезжал в Рим через

Триумфальные ворота, сопровождаемый своим войском и толпами народа. Ливий пишет, что триумф Сципиуса отличался особенным блеском (XXX, 45). Город для такого случая бывал, конечно, приваряжен, но Петрарка несколько преувеличивает роскошь этого убранства: Рим той поры был гораздо беднее и скромнее, чем при императорах, да притом, изнуренный долгой войной, не успел еще получить огромной контрибуции.

³³⁸⁻³⁴¹ *Вот он близится...*— Триумфатор сидел или стоял на золоченой колеснице, запряженной четверкой белых коней, облаченный в наряд Юпитера Капитолийского, т. е. в лавровом венке, в расшитой пальмами пурпурной тунике и в пурпурной же златотканной тсте; золотую диадему над его головой держал стоявший на запятках колесницы раб, шептавший победителю на ухо, что он всего лишь смертный человек и гордиться не должен. Так как Петрарка не исключает для читателя возможности думать, что Сципиус — сын этого самого Юпитера Капитолийского, то он пользуется случаем подчеркнуть, что отцовский наряд сыну вполне впору (ст. 340—341). Вместе с триумфатором на колеснице иногда сидели его дети (но о семействе целомудренного героя поэт, конечно, умалчивает), а прочие родичи и клиенты шли рядом. Перед колесницей везли добычу и вели в оковах знатных пленников (см. 341 сл.), но этих последних уводили в темницу, едва процессия достигала Форума, и там обычно убивали. Вместе с процессией шли музыканты, и тут же вели животных, которые должны были быть принесены в жертву Юпитеру Капитолийскому. Вслед колеснице шло победоносное войско: воины, помимо наград, были увенчаны лаврами.

³⁴³⁻³⁴⁷ *...всех впереди князья Македонские...*— Филипп III, воцарившийся в Македонии в 221 г. до н. э., уже в 215 г. заключил с Ганнибалом союз, которого не соблюдал, потом в 205 г. заключил мир с Римом, но не соблюдал и мира, так что сразу по окончании II Пунической войны римляне пошли войной на Македонию (200 г. до н. э.) и в 197 г. при Киноскефалах наголову разбили Филиппа; послы его просили мира одновременно с Гасдрубалом Гедом, но получили ответ, что «царь ищет войны и найдет ее» (Ливий, XXX, 42). Ганнибалу Филипп, действительно, послал в Африку 4000 воинов под началом Сопатра, что тут же вызвало протест Рима, так как было не согласно с договором 205 г. (там же, 26). Этот македонский отряд сражался при Заме (там же, 33), однако пленение Сопатра — домысел Петрарки, Ливий об этом не упоминает.

³⁴⁷⁻³⁵⁴ *...а вот и новое диво для взора...*— О судьбе Сифака см. примеч. VIII, 439. О преждевременной (прежде триумфа) смерти Сифака Ливий пишет, что по этой причине «не то чтобы умалилась слава триумфа, но граждане оказались обделены зрелищем» (XXX, 45). Петрарка не хочет обделять граждан и пользуется передаваемым Ливием (там же) свидетельством Полибия, что Сифак дожил до триумфа и шел среди пленников.

³⁵⁷⁻³⁵⁸ *...вождь вероломный, что Ганнибалу брат.*— Уже ко времени битвы при Заме Ганнибал был единственным живым сыном Гамилькара, что не раз отмечено у Петрарки, а Ливий не упоминает вообще ни о каких взятых в плен родичах Ганнибала, значит исключена и возможность путаницы. Феста предполагает, что текст в этом месте испорчен (это поддерживается также искажением просодии), однако основные манускрипты дают такое чтение, поэтому в переводе оно воспроизведено. Интересную интерпретацию предлагает Коррадини. Известно, что перед колесницей триумфатора не только гнали пленников, но также несли изображения покоренных земель и городов, а порой и побежденных вождей. Правда, об этом последнем обычае сообщают Силий Италик, при Петрарке еще не известный, и Плутарх, с которым Петрарка был знаком весьма поверхностно, однако Коррадини считает, что поэт мог все это знать, а потому предлагает конъектуру: «...первым их вождь, Ганнибал вероломный, сходственно изображен». При всей красоте этой конъектуры мы не можем ее принять: не только слишком мала вероятность, что Петрарка опирался на Плутарха, но важно и то, что он вообще не пишет ни о каких изображениях (например, земель или городов, хотя об этом мог читать у Плиния Старшего и у Овидия), и то, что сбжавший к Антиоху Ганнибал остается реальным врагом и его «изобразительно» пленение отнюдь не украсило бы триумфа, а скорее напомнило бы об опасности.

³⁵⁹⁻³⁶² Ни единого нет италийца... — См. VIII, 1024—1027 и примеч.
³⁷⁵⁻³⁷⁸ Идет Теренций Куллеон первым... — Сенатор Квинт Теренций Куллеон довольно долго томился в карфагенском плену и был освобожден вместе еще с четырьмя тысячами пленных только после заключения мира (Ливий, XXX, 43). За триумфальной колесницей Сципиона он шел во фригийском колпаке, какой надевали вышедшие на свободу рабы (там же, 45). Хотя отщепенники порой приобретали даже права римского гражданства, но от своего бывшего владельца и соответственно освободителя они полностью эмансипированы не были, являясь как бы младшими членами его семьи (клиентами), а освободитель до смерти оставался их заступником (патроном). Отношения эти были взаимовыгодны, однако изображающий клиента сенатор не в чьем заступничестве не нуждался и соблюдал лишь внешнюю (и как бы уважительную для себя) форму почитания патрона — ожидал его пробуждения, чтобы поздравить с добрым утром, сопровождал его носилки и т. п. Вот такие демонстративные знаки почтения, видимо, и оказывал время от времени Сципиону Теренций, а что оказывал он их всю жизнь, это Петрарка списывает с Ливия (XXX, 45), чье воображение тоже было увлечено образом сенатора во фригийском колпаке. Однако Теренций был настоящим сенатором хорошего рода, и, следовательно, главным делом его жизни были не такие вот (совершенно, притом, факультативные) демонстрации, а сенатские склоны. Поэтому в 187 г. до н. э., будучи претором (судей) и ведя следствие о издომстве Луция Сципиона — то самое следствие, из-за которого Публий Сципион удалился в изгнание! — он держался с подследственным сурово и враждебно (Ливий, XXXVIII, 55), хотя в качестве «отпущенника» был обязан уважением ко всей семье своего «патрона» (о естественном чувстве благодарности к победителю Ганнибала и говорить излишне). Теренций же не только отказался от своего демонстративного «клиентства», но даже попросту — как сенатор сенатору — не помог своему освободителю, едва тот оказался в трудном положении. Правда, существует рассказ, будто на похоронах Сципиона Теренций опять надел колпак и т. п. (Ливий, там же), — это маловероятно, так как согласуется только с не слишком достоверной версией, будто Сципион был похоронен в Риме, но прекрасно продолжает «триумфальную тему». Честный Ливий, впечатленный враждебностью Теренция-следователя, почти склонен считать рассказ о Теренции «отпущеннике» вымыслом или преувеличением (там же). Однако римскую внутреннюю политику того (и не только того) времени как раз лучше всего и характеризует эта не очень приятная метаморфоза, на которую Теренцию потребовалось все-таки больше 10 лет, а многим требовалось куда меньше.

³⁶⁵ Альба — В данном случае имеется в виду (судя по дальнейшему упоминанию Соракта) не столько сам городок, сколько Альбанская гора, на которой он стоял. Снежный Соракт — гора примерно в 25 милях от Рима, высота ее 691 м, так что снежной она названа под влиянием строк из знаменитой оды Горация «К Талиарху», где описывается зима:

Гляди, Соракт в сугробах снежных стоит
 весь белый...

(«Оды», I, 9, 1—2)

Тибур — см. VIII, 439 и примеч. Здесь реминисценция из Овидия, у которого упомянут «ахейцами строенный Тибур» («Любовные элегии», III, 6, 45).

³⁸⁶ ...в Пренестинских холмах башенной тяжестью твердыни. — Пренесте, древний латинский город примерно в 20 милях к юго-востоку от Рима, построенный на обрывистой высоте и сильно укрепленный. Подобно Альбе и Тибуру, он оказался потом дачным поселком, где римляне укрывались от летней жары.

³⁸⁷⁻³⁹² Так в небывалом триумфе Герой... — Под конец триумфальная процессия направлялась к храму Юпитера Капитолийского, где ее ожидал Сенат. Триумфатор возносил благодарственную молитву Юпитеру, закалывал жертву, слагал с себя почетный наряд и оставлял богу (т. е. государственной казне) часть добычи, а другую часть добычи раздавал войску, которое тут же распускалось, так как война оканчивалась не только фактически, но и ритуально. Сципион внес в казначейство 123 тыс. фунтов серебра, а воин раздал по 400 медных ассов (Ливий, XXX, 45; это было до инфляции медных денег в 194 г. до н. э., так что воины получили щедрую награду). У Ливия Сципион тоже ничего не берет себе, но это специально не оговаривается —

хотя способов разбогатеть на высокой должности было много, однако высшие государственные чиновники (а консул Сципион был именно таким чиновником) ничего за труды не получали, да порой еще сами тратились на разные общественные нужды. При Петрарке, напротив, полководец получал большую долю добычи, — таким образом, в поэме еще раз подчеркнута бескорыстие Сципиона (как мы знаем, самая сомнительная его добродетель). Касательно титула «Африканский» Петрарка выражается так же неопределенно, как Ливий, с той лишь разницей, что Ливий отказывается даже с точностью сказать, был ли этот титул прижизненным или явился позже — «но так или иначе, а Сципион был первый военачальник, получивший в почетное прозвание имя побежденного им племени» (XXX, 45; Сципион победил несколько племен, объединяемых этнонимом «афры» — по месту обитания).

³⁹³⁻³⁹⁷ *Да, без сомненья, он...* — Ср. II, 118–120 и примеч.

⁴⁰⁰⁻⁴⁰² *...Энний же справа...* — Если принять версию Петрарки, что Энний участвовал в походе на Карфаген и в битве при Заме, то остаток праздничного дня (посвящавшийся преимущественно пирам, участники которых, по греческому обычаю, могли иметь на головах венки даже без всяких привходящих причин) он носил на голове такие же лавры, как и все победоносные воины, начиная с военачальника (см. примеч. IX, 338–341). Никаких сведений о венчании Энния лаврами за поэтические его заслуги нет — здесь Петрарка отчасти опирается на учрежденный Домицианом обычай (см. примеч. IX, 250–251), который воспринимает вне времени, как и почти все, что относится к вечному Городу, а отчасти пользуется случаем обратиться, наконец, к собственной жизни, собственным чувствам и собственному венчанию.

⁴⁰³ *...Эннию вслед...* — Имеется в виду «Домицианово венчание», хотя из известных поэтов его никто не удостоился, пока оно не было гальванизировано для Петрарки («нового» — и лучшего! — Энния).

⁴⁰⁴ *...пятнадцать столетий...* — От триумфа Сципиона и вымышленного венчания Энния до рождения Петрарки прошло почти ровно полторы тысячи лет.

⁴⁰⁷⁻⁴⁰⁸ *...лишь бы сравняться...* — В некотором смысле это поэтическое кредо Петрарки: он не хочет подражать древним, он хочет как бы отождествиться с ними, т. е. в качестве литератора не просто пользоваться теми или иными (хотя бы и всеми) приемами античной словесности, но воспроизвести генерирующий эту словесность механизм — сделаться римским писателем.

⁴⁰⁹ *...пусть пророка ахейского речь не останется втуне!* — Пророчество, сочиненное уже после предсказанного в нем события (в данном случае после написания «Африки» и венчания в Риме) называлось «vaticinium ex eventu» (пророчество на основании совершившегося) и широко использовалось античными авторами, особенно Вергилием в «пророческой» VI песни «Энеиды».

⁴¹⁰⁻⁴²⁰ *Ныне никак не дерзну...* — Завершая повествование триумфом Сципиона, поэт отказывается от рассказа о его дальнейшей жизни (см. II, 536–549 и примеч.; Ливий, XXXVIII, 50–57).

⁴²¹⁻⁴²⁶ *...с немолою днес завершенная мукой, «Африка»...* — Об умершем в 1343 г. покровителе Петрарки см. I, 19–44, 56–70. Смерть Роберта поэт оплакал и в других своих латинских стихах.

⁴²⁸ *Парфенопея* — см. примеч. I, 62.

⁴³³⁻⁴³⁴ *Душою, к звездам вернувшись...* — Петрарка находит место Роберту в том «Цицероновом раю», который описан в песнях I и II.

⁴³⁴ *...взор от земной отвергает юдоли...* — Перевод по конъектуре Коррадини; ср. I, 327–330. Здесь и далее (436–440) поэт некоторым образом уподобляет себя Сципиону, а Роберта — Публию Корнелию, сохранившему и в небесах любовь к сыну.

⁴⁴⁷⁻⁴⁴⁹ *Хоть бы и мне...* — Эти три стиха во всех рукописях испорчены: перевод по реконструкции Коррадини.

⁴⁶²⁻⁴⁶⁵ *Имя мое воскресить...* — Ср. предисловие к книге «О преславных мужах» (см. примеч. IX, 257–263), которую Петрарка писал почти одновременно с «Африкой» и которая начинается со столь частого у него обращения к будущему читателю: «Ежели этот мой труд удовлетворит твои ожидания, то не надобно мне иной награды, как только чтобы ты любил меня — даже вовсе тебе незнакомаго, даже сгниувшего в могиле, даже истлевшего в прах!» Ср. ниже ст. 475–477.

¹⁻⁶ Эти отдельные пронумерованные шесть стихов Коррадини дает в своем издании под заглавием: «Стихи, изъятые из IX песни». Перевод сделан с учетом его конъектуры. В первых изданиях поэмы, т. е. с 1501 до 1584 г., эти стихи помещались между 215 и 216 ст., т. е. именно там, где «недостачи нет». Читатель легко может удостовериться, что трудно найти для этих шести гексаметров худшее место, — вероятно, издателей прельщала возможность заполнения «лакуны» (см. примеч. IX, 215). По смыслу эти шесть строк хорошо помещаются в заключительное обращение к поэме, между ст. 468 и 469, тогда они становятся продолжением «приказа» (ст. 466—468), после которого выражаются вынужденные надежды на век грядущий. Но при всей своей уместности, эти строки в качестве продолжения «приказа» несколько избыточны и нарушают изящный переход от «дальнего порога» к «великодушному приюту». В поэме есть неуклюжие и даже очень неуклюжие пассажи, но заключительный вовсе не неуклюж — допустимо ли делать его таковым, добавляя шесть строк, пусть по смыслу уместных, но утяжеляющих и портящих изящный период? Поэтому наиболее вероятной представляется несколько бессвязно выраженная гипотеза Коррадини, что эти шесть строк никогда не входили в IX песнь, а были приписаны стареющим поэтом после последнего стиха «Африки» в качестве своеобразной завершающей эпиграммы, сохраняющей размер (гексаметр, а не обычный для эпиграммы элегический дистих), стиль и тему последних строк поэмы, к которой добавляется очередное (и уже привычное) проклятие в адрес зависти. Некоторые подтверждения этой гипотезе Коррадини находит и в письмах Петрарки. Все это дает основания вслед Коррадини оставить «изъятые стихи» изъятыми (называет он их так потому, что изъясил их из «лакуны», неудачно восполненной предшественниками).

ДОПОЛНЕНИЯ

Раздел «Дополнения» открывается переводом избранных мест «Африки», сделанным в 1960-х гг. С. К. Аптом и публикуемым здесь как образец иного стилистического подхода к передаче латинского Петрарки на русском языке.

Основную часть «Дополнений» составляют четыре документа (текст — по изданию Пэнго, где они опубликованы в приложениях), относящиеся к истории первого знакомства современников с «Африкой» — последовательность этих событий отражена в «Хронологической таблице». После смерти Петрарки за право первой публикации никем еще не читанной «Африки» сразу стали бороться два кружка гуманистов — падуанский, окружавший поэта в последние годы его жизни, и флорентийский, возглавляемый Дж. Боккаччо (Иоанном Боккацием) и его младшим другом Колуччо Салютати (1331—1406), который был с 1370 г. и до смерти канцлером Флорентийской республики, поэтические же свои произведения подписывал псевдонимом «Пиерий» (по пиерийским музам). Библиофил-просветитель, один из родоначальников европейской текстологии и автор множества философских трактатов, Колуччо (Колуций) был также поэтом — однако в этом своем качестве он отличался как отсутствием собственного дара (в этом читатель убедится, ознакомившись с его стихами), так и неспособностью оценить чужой (в этом читатель убедится, ознакомившись с его письмом к Франческуоло). Перу Колуция принадлежит поэма о войне Пирра с римлянами, но текст ее до сих пор не обнаружен — впрочем, вкусы его касательно эпоса нам известны (расцвеченный речами и описаниями последовательный пересказ исторических источников), этого он (по его же свидетельству) ожидал и от «Африки», а стало быть, нечто в этом духе сочинил и сам. Его мечты об «образцовой поэме» наверняка были бы утолены «Пунической войной» Силия Италика (I в. н. э.), однако поэма Силия была найдена в 1415 г. — Колуций до этой находки не дожид.

Тревога флорентийского кружка о судьбе «Африки» усугубилась тем, что они успели узнать от самого Петрарки, а тот не только постоянно твердил, будто поэма требует все новой и новой шлифовки, но даже изъявил намерение сжечь ее как недостаточно совершенную. Действительно, Петрарка порой сжигал свои рукописи: в 1350 г. он писал своему другу Лодовику Ван Кемпену («Сократу»), что как-то сжег до тысячи своих разрозненных стихотворений и писем, ибо они, не быв сами

по себе плохи, требовали слишком большой доработки, — это сожжение он называл словами Овидия («Скорбные элегии», IV, 10, 61–62) «правкой Вулкана»:

Много в ту пору писал, я все, что казалось с изъязном,
в правку Вулкану сам без сожалений давал.

Впрочем, никаких сведений об уничтожении чего-то крупного и не «разрозненного» нет — поэт был склонен чистить свой архив, но вовсе не уничтожать. Однако верный Боккаччо вполне верил этим угрозам, как верил и в реальность происков неких «завистников», жаждущих уничтожить шедевры «Учителя». Вскоре после смерти Петрарки, когда было уже известно, что падуанцы не сожгли поэму, а, напротив, создали экспертную коллегию для достойного ее издания, Боккаччо ничуть не успокоился и писал зятю и наследнику поэта Франческуоло де Броссано так:

«Хотелось бы мне услышать: как поступлено с драгоценнейшим книжным собранием знаменитого нашего мужа? А то у нас иные говорят об этом разное, а иные верят. Более же всего тревожусь я о том, что предпринято относительно собственных его сочинений, особенно же «Африки», которую я почитал истинно божественным творением: цела ли она, и останется ли цела, или же предана огню, как не раз грозился он еще при жизни по крайней суровости к своим писаниям, как ты и сам помнишь. Слышал я, что кто-то назначил проверщиков и его книги и чужим, и какие показали себя достойными, те при этом останутся. Удивляюсь и невежеству назначавшего и еще того более — дерзкой недобросовестности принявших поручение! Да какой человек посмеет злосчастным пером отвергать хоть слово, которое принял прославленный наш Учитель? Ни единый, хоть воскресни сам Цицерон, сам Флакк, сам Марон! Ох, боюсь я, не доверено ли мне правоведам, которые знают лишь законы, да я то больше те, которыми бесстыжий язык их зарабатывает на хлеб насущный, а мнят себя великими знатоками во всем (Падуанский университет особенно славился своим юридическим факультетом. — *Е. Р.*). Да призрит Господь и да поможет стихам и другим священным творениям наставника нашего! Если, однако же, названные знатоки преуспеют в своем деле, то напиши об этом, будь любезен, и не забудь присовокупить, можно ли желающим получить с этой поэмы списки, — а равно и обо всем остальном, особенно о книге «Триумфов», которая — есть такой слух — сожжена по общему приговору тех самых ученых. Пока не получу от тебя ответа, не перестану о них тревожиться, и не без оснований» (пер. М. Я. Гаспарова).

Ясно, что эта атмосфера непрерывного беспокойства о судьбе скрытых шедевров и особенно «Африки» как-то разряжалась еще при жизни Петрарки, — и действительно, флорентийцы писали поэту, умоляя не предавать поэму огню. Одно такое стихотворное послание сочинил Боккаччо, другое — Колуччо (I и II), но пока они сочиняли и шлифовали свои стихи, Петрарка умер, и послания были адресованы уже его падуанским душеприказчикам. В подлинности послания Боккаччо Феста не уверен (ему кажется, будто автор послания что-то знал о поэме, а Боккаччо ничего о ней не знал); подлинность послания Колуччо ни у кого сомнений не вызывает. «Вообразительное послание» (III) от лица покойного Петрарки сочинено неким магистром Анастасием из кружка падуанских гуманистов; больше об авторе ничего не известно. Его стихи сохранились на редкость плохо, так что данный перевод поневоле во многом является реконструкцией. Падуанцы упорно желали сохранить за собой честь первых издателей «Африки»; и хотя Франческуоло не мог отказать Боккаччо в его просьбе прислать ему копию с рукописи друга, все же он потребовал, чтобы эта копия оставалась в руках Боккаччо и не публиковалась. Переписчики работали медленно, и Боккаччо умер, так и не прочитав «Африки». Тогда Колуччо Салютати все же добился, чтобы обещанную Боккаччо копию переслали ему. Получив ее, он был разочарован — настолько не соответствовало сочинение Петрарки тем предположениям, которые строил он в своем «Послании». Это разочарование он выразил в письме к Франческуоло де Броссано (документ IV) — последней части нашего «Дополнения». За этим последовала уже текстологическая работа, о которой рассказано выше, в предисловии к комментарию.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ОБНАРОДОВАНИЮ ПОЭМЫ «АФРИКА»

I. СТИХИ ИОАННА БОККАЦИЯ ЦЕРТАЛЬДСКОГО В ЗАЩИТУ «АФРИКИ»

⁵ *Вот Венецианский сенат...*— Падуя, где доживал жизнь и был похоронен Петрарка, фактически была владением Венецианской (по-латыни — Венецианской) республики, а поколением позже стала таковым и юридически.

¹³ *...обычая сила могуча...*— Под обычаем разумеются «неписанные законы», которые соблюдались в древности так же, как «писанные» (здесь — просто «законы»), не противореча друг другу, потому что применялись в разных ситуациях. Выказанная устно «последняя воля» соблюдалась как неписанный закон (в отличие от писаного и заверенного завещания, имевшего юридическую силу).

¹⁵ *...двенадцать квирических таблиц...*— Знаменитые римские Законы XII таблиц, составленные в середине V в. до н. э. и бывшие для римлян (квиритов) основой всего позднейшего права. Законы эти, действительно, были писаны на 12 скрижалях, стоявших на форуме до III в. н. э., но ныне известны лишь обрывочно: сами скрижали не уцелели, копировались же они для разных надобностей фрагментарно.

²⁶⁻²⁷ *...печатью цензорской...*— Т. е. последней «правоблестительной» инстанцией.

³² *...страж суровый и строгий...*— Петрарка.

³⁹ *...лавр, на Тарпейской скале...*— Лавровый венок Петрарки.

⁴⁵ *...Соргия...*— Персонифицированная река, иконический образ Воклюза, где была начата «Африка», за которую эта ее родина теперь готова заступиться всеми средствами.

⁵⁰ *...матерь Фетида в кругу наяд...*— Морская богиня Фетида является в водах Венецианской лагуны. Наяды (речные нимфы) здесь представлены ее свитой, видимо, из-за упомянутой выше Соргии (если Боккаччо просто не путает их с nereидами).

⁶¹⁻⁶⁷ *...градской окружив Капитолий...*— Действие переносится в Рим, где поэме обещают надежное укрытие: этот приют назван «первоначальным» явно за то, что там за почти никем не читанную и еще не законченную в ту пору «Африку» Петрарка получил свой венок (хотя формально присужденный «по совокупности» трудов).

⁷⁰⁻⁷⁵ *...из урны... звучат... речи...*— За поэму заступает сам Сципион, названный старцем не по годам своей жизни, а по годам, прошедшим от рождения (более полутора тысяч).

⁷⁶ *...Евбейский утес...*— Обычно так называется мыс Кафарей на Евбее, но здесь явно имеется в виду весь остров (никак не связанный ни с действием поэмы, ни с биографией Петрарки).

⁷⁷ *...берег Байев...*— Т. е. берег Неаполитанского залива, на западной стороне которого стоял знаменитый своими целебными источниками древний город Байи. Скалистым этот берег не был, но сирены обычно изображаются обитающими на скалах, куда заманивают своим пением моряков (традиция помещает эти скалы на Сицилии или на юге Италии), — хотя Байи славились скорее курортными, чем мореходными опасностями. *Склон... Везева...*— Т. е. Везувия (старая форма «Везев» демонстрирует ученость стихотворца), плодородные склоны которого были покрыты виноградниками. Треугольник «Евбея — Байи — Везувий» никак сюжетно или идеологически не связан, так что этот орнаментальный перечень топонимов в данном контексте значит просто «всюду».

⁷⁹ *...резного могильного склепа...*— Имеется в виду склеп в Неаполе, где был похоронен Роберт Анжуйский.

⁸⁰⁻⁸³ *...волю Роберта...*— См.: «Африка», I, 19-45 и примеч. Это совпадение не свидетельствует о знакомстве Боккаччо с поэмой, но он был знаком с самим Робертом и с Петраркой, а их отношения вообще ни для кого секретом не были.

⁹²⁻⁹³ *...ломиная, как ночью труп разъят и в три стороны... разметан.*— Так представлялось древними самое страшное из колдовских жертвоприношений: на перекрестке трех дорог, ночью, жертва — человек, и его плотью накормлена каждая из до-

рог. Вряд ли эту жертву принесла (хочет принести) и без того горемычная Флоренция, вряд ли речь идет о ее или поэмы «концептуальном» трупе, так что (если не считать устрашающего эффекта) смысл этого образа неясен.

⁹⁷⁻¹⁰¹ *В ярости бросится...*— Эта угроза понятнее: если поэма не исполнит свой дочерний долг, то Флоренция потребует от богинь мщения ее окончательной гибели «меж безлицых», в адской обители забвения. Однако эффектное само по себе нагнетание новых и новых ужасов делает весь касающийся Флоренции пассаж несколько невятным в частности, хотя в целом ясно, что Флоренция ради «Африки» готова причитать, убивать, проклинать, умирать и даже «умягчать душу».

¹⁰⁵ *...кряж Евганиевских гор...*— Предгорья Альп над Венецианской низменностью.

¹¹¹⁻¹¹² *...он бдит о поэтах...*— Имеется в виду Парижский университет, один из старейших в Европе (основан в XII в.) и знаменитый своим богословским факультетом. В «Послании к потомкам» Петрарка пишет, что приглашение получить лавровый венок от римского Сената прибыло в один день с таким же предложением от Парижского университета, которое по привлекательности не могло, конечно, сравниться с римским — для Петрарки, но не для Боккаччо, куда менее равнодушного к религиозным вопросам. Характерно, что он называет Париж Парижем, а не Лютецией: хотя это древнее имя лучше согласуется с реставраторскими тенденциями гуманистов, зато отнимает у города славу столицы богословия.

¹¹⁵ *...любого фригийца...*— т. е. варвара (благодаря Геродоту троянцы, обитатели Фригии, оказались как бы варварами по преимуществу: Троянская война расценивалась как первое большое столкновение Европы с варварской Азией).

¹¹⁶⁻¹¹⁷ *...кормилица римского права... Болонья...*— Болонский университет (основан в 1088 г.) был знаменит своим юридическим факультетом не менее, чем Парижский богословским.

¹¹⁸ *...не самые видные выси...*— Т. е., судя по дальнейшему, не короли: недаром самой «видною высью» был для Петрарки Роберт, замены которому уже не нашлось.

¹¹⁹ *...брань воздвигают...*— Речь идет о каких-то влиятельных «завистниках», позволяющих себе критиковать Петрарку.

¹²⁸ *...сто поселений...*— Флорентийская республика имела довольно сложное административно-территориальное деление, так что гипербола «сто поселений» вполне подходит ее многочисленным округам (называвшимся по-разному). См. также примеч. 134—135.

¹³³ *Аониды* — музы; Аония — старинное название греческой области Беотии, где находился посвященный им Геликон.

¹³⁴⁻¹³⁵ *...текущая Соргия... молодые квириты...*— Возможности возвращения постепенно расширяются: Соргия течет в Воклюзе близ Авиньона, молодые квириты — несомненные римляне, далее речь идет о могиле Сципиона и т. д. Отсюда можно предположить, что «сто поселений» (стр. 128) — это все города Италии и даже Франции (Париж, Авиньон).

¹³⁹⁻¹⁴⁰ *Из Авсонийских болот... Сципиад...*— Поместье Сципиона, в котором он был похоронен, находилось близ Литерна в Кампании при устье реки Кланиса, образующей в своем нижнем течении так называемое Литерское болото.

¹⁴² *...ввысь позабытой тропой...*— На Капитолийский холм от расположенных на равнине Триумфальных ворот.

¹⁴³⁻¹⁴⁴ *Если бы ведал Роберт...*— Смысл этих стихов неясен: Петрарка обещал «увенчать красою» подвиги («перун») Роберта, но так и не сочинил обещанной квалевой поэмы. Видимо, для Боккаччо речь идет о той же «Африке».

¹⁴⁷ *...тускский венец...*— Судя по контексту, лавровый венок называется тускским то ли потому, что лавры «Африки», благодаря Петрарке, как бы принадлежат Тоскане (Флоренции), то ли потому, что происхождение наряда триумфатора было древнее Рима и, следовательно, считалось этрусским, то ли по обоим причинам.

¹⁵⁶ *...под холодной звездой...*— т. е. под Полярной звездой. Написанная по латыни «Африка» должна была стяжать общеевропейское признание (в отличие от итальянской «Божественной комедии» при всем ее содержательном универсализме), так как единым языком европейской учености была латынь.

¹⁵⁷⁻¹⁵⁸ *...кто сей муж...*— Цитата из «Африки» (I, 1-2). Начало поэмы было наименее засекречено поэтом, так как читалось при дворе Роберта и содержало посвя-

щение ему; поэтому можно было наизусть цитировать первые строки и все же не знать поэмы (ср. II, 1).

¹⁵⁹⁻¹⁶² *...корабельный ужасный поход...* — Такой поход в «Африке» не описывается. Боккаччо воображает такое описание, опираясь на историю войны, по Ливию, (хотя морского сражения при этом не было и переправу войска Петрарка не описывает, а «грозный строй» предполагает не экспедицию, но битву) и последующее разорение карфагенских и союзных земель, тоже только упомянутое в поэме.

¹⁶⁴ *...как пылали Сифаковы станы...* — Битва с Сифаком у Петрарки тоже не описана (она приходится как раз на «лакуну» между IV и V песнями).

¹⁶⁸ *...огню и мечу покорялись сидонские стены...* — Имеются в виду стены Карфагена («сидонские» здесь в значении «финикийские»), так как стихотворец говорит о решительном сражении после возвращения Ганнибала и этим кончает «пересказ» поэмы. Поскольку Сципион не брал Карфаген приступом, то «огонь и меч» здесь метафора военной мощи римлян, хотя «огонь» можно расценивать и как намек на сожжение карфагенского флота.

¹⁷⁰ *...Господь-Отец, приявший престол Громовержца...* — Так как о несогласии с Петраркой Боккаччо не помышлял (даже если фактически был с ним несогласен), то этот стих также свидетельствует о незнакомстве с поэмой: в «Африке» Юпитер последовательно отождествляется с Богом-Отцом, а вовсе не изображается его «предшественником».

¹⁷¹ *...новородной поэме...* — Т. е. новоопубликованной (вне зависимости от времени написания).

¹⁷⁶ *...грех отпусти друзьям...* — Имеется в виду будущий грех, т. е. опубликование поэмы против воли автора.

¹⁷⁷⁻¹⁸⁰ *Это не первый пример.* — Светоний в «Жизни Вергилия» (полное имя — Публий Вергилий Марон) пишет, что тот велел своему другу, поэту Варию, сжечь «Энеиду», если с ним, Вергилием, что-нибудь случится, а будучи при смерти, опять же велел не публиковать ничего, чего он не опубликовал сам (прежде всего «Энеиду»). Однако по приказанию Августа Варий «Энеиду» опубликовал и даже якобы внес какие-то редакторские изменения. Вергилий почитался христианским Средневековым наравне с библейскими пророками — отсюда «одобренное Господом» решение Августа.

II. СТИХИ К ПЕТРАРКЕ ОТ КОЛУЦИЯ ПИЕРИЯ

⁶ *...Гесперийские стены низверг...* — Имеется в виду взятие Нового Карфагена.

⁹ *...от Иберова тока...* — Здесь река Ибер (Эбро) метонимически обозначает отвоюванную Сципионом Испанию.

¹⁰ *...на Гадесском берегу...* — Гадес (финикийская Гадира) был самым западным городом Испании, за Геркулесовыми Столпами, как бы за пределом Земли, на острове Ериффи, отделенном от суши узким проливом. Во время войны этот город, карфагенский при Ганнибале, перешел на сторону римлян и в 206 г. до н. э. был покинут карфагенянами.

²⁵ *...дар почетной лавры...* — Т. е. лавровый венок.

²⁸ *...всех четырех концов латинского света...* — Всего христианского (католического) мира.

³¹ *...мрамор для ногтя?* — Лака для ногтей древность и средневековье не знали, поэтому блеск ногтям придавался полировкой.

³⁷⁻³⁹ *...словно древний Лукан...* — Поэма Марка Аннея Лукана (39–65 гг. н. э.) «Фарсалия», пользовавшаяся большой известностью в Средние века, была исторической в собственном смысле слова, изображая гражданскую войну Цезаря с Помпеем: это было до известной степени новаторством, другие эпические поэмы предпочитали события не времени дедов, а «оного времени» (ср.: «Африка» I, 50–52 и примеч.).

⁴⁰⁻⁴⁴ *Но уверяют одни...* — Тут стихотворец прямо признается, что знает об «Африке» по недостоверным слухам и может только воображать ее содержание.

⁵⁸⁻⁵⁹ *...Сагунт непреклонный противоставший...* — Взятие Ганнибалом в 219 г. до н. э. союзного Риму Сагунта было началом II Пунической войны.

⁶⁰⁻⁶⁶ *...Ганнибал... Альпы прорвет...* — Далее события войны перечисляются строю по Ливию: переход Ганнибала через Альпы (28 г. до н. э.), его победы при Тицине

и Требии (в том же году), причем потери римлян при Требии вдвое превышают потери карфагенян. Несколько преувеличена роль совсем юного Сципиона при Тицине — отца он спас (если спас) в одиночку, и никакими «подоспевшими силами» не руководил.

⁶⁶⁻⁶⁷ *...Тусция горькой слезою чтит Фламиниев праз...* — Консул Гай Фламиний пал в битве при Тразименском озере (217 г. до н. э.), находящемся в Тоскане (Тусции), и был должным образом похоронен соратниками, несмотря на бедствия поражения.

⁶⁸ *...апулиец клянет...* — Канни находятся в Апулии, так что местные жители были свидетелями разгрома римлян в 216 г. до н. э., хотя вряд ли так уж сочувствовали их скорби: эти южноиталийские племена традиционно тяготели к Карфагену, а не к Риму, и многие из них даже сражались в войске Ганнибала.

⁷⁰⁻⁷¹ *...в иберской земле два консула мертвыми лягут... в засаде...* — Имеется в виду гибель двух старших Сципионов в 212 г. до н. э., попавших (хотя и порознь) в засаду. Консулом из них был только Публий (отец Сципиона Африканского), и не в год гибели, а на шесть лет раньше, но род Сципионов был таким высокопоставленным, а римские должности так мало значили для флорентийского канцлера, что он вполне мог употребить слово «консул» в смысле «полководец» (всякий консул был полководцем, хотя не всякий полководец консулом).

⁷⁶ *...в опазальном взмахе триумфа...* — Изысканное определение распространенного способа говорить о бедах, когда они уже миновали и затмились успехами.

⁷⁷⁻⁸⁰ *...многое изобрази...* — Эпические поэмы (в том числе и «Африка») изобиловали речами и описаниями, причем и то и другое часто было формой повествования. У Петрарки речи очень часто выполняют эту повествовательную функцию, что же до «картин», то с ними он справляется хуже (хотя описание дворца Сяфака весьма восхицало впоследствии того же Колуция — см. «Дополнения», IV). Многие поэты умели, однако, вслед Гомеру с его знаменитым щитом Ахилла использовать для повествования не только «чистое» (картины), но и «прикладное» (ткани) искусство — образцом тут был Клавдиан, у которого в «Похищении Прозерпины» почти на всех пеплосах, плащах и покрывах изображены целые сказания.

⁸¹⁻⁸³ *Так же укоротил... римские брани...* — Здесь желание прочитать обо всех событиях войны свмещается с сознанием невозможности подробно описать их все в одной поэме: поэтому Колуций надеется, что о каждой битве будет сказано хоть кратко, зато красиво.

⁸⁸⁻⁹⁰ *Так Ганнибала сдержал... Фабий...* — Фабий Максим в 217 г. до н. э. следовал по пятам за Ганнибалом, не допуская его до сражения, хотя Ганнибал все-таки перехитрил его именно среди гор, так что тут то ли стихотворец ошибся, то ли текст испорчен. Тем не менее впоследствии Фабий сумел ободрить римлян после Канн и постепенно отбил у Ганнибала большую часть Италии. *Четырежды сильного в битвах* — т. е. победителя при Тицине, Требии, Тразименском озере и Каннах.

⁹¹⁻⁹⁵ *...в сенатском собрание...* — Неточность: после поражения при Каннах бежать из Рима задумали не сенаторы, а группа знатной молодежи под предводительством Метелла — их и остановил Сципион. Дождь помешал карфагенянам войти в Рим и, сочтя грозовые тучи небесным знамением, они отказались от своей затеи, навсегда упустив победу, которая была у них в руках (после 216 г. до н. э. Ганнибал не выиграл ни одного по-настоящему серьезного сражения).

⁹⁵⁻⁹⁶ *...Марцелл сицилийские земли взял под пяту...* — Консул Марк Клавдий Марцелл отвоевал Сицилию в 212 г. до н. э., после трехлетней осады взяв Сиракузы.

⁹⁶⁻⁹⁷ *...в бою при Карале дал... Сардинский край...* — Римляне завоевали Сардинию в 238 г. до н. э., с 230 г. она стала преторской провинцией со столицей в Карале, и позднее военных действий против карфагенян в этом районе не велось. Возможно, стихотворец имеет в виду знаменитую победу при Эгатских островах (241 г. до н. э.), в результате которой и оказался возможен захват Сардинии. Эгатские острова находятся ближе к Сицилии, чем к Сардинии, но ориентировать их «по Каралу» географически допустимо.

⁹⁸⁻⁹⁹ *...там македонский царь... простерт...* — Филипп, обещавший помощь Ганнибалу, но почти ее не оказывавший. Формально война с ним велась с 215 г. до н. э. («Первая Македонская война»), однако заключалась не столько в битвах, сколько в интригах, и в 205 г. кончилась миром, которого Филипп тоже не соблюдал. «Про-

стерт» он был во Второй Македонской войне (200–197 гг.) после разгрома при Киноскефалах, так что тут Колуций неточен.

^{101–105} *...Ганнибал... Марцеллом молниеносным побит...*— После победы при Каннах Ганнибал сделал своей временной квартирой Капуя (этот город, когда-то державший сторону самнитов, и на сей раз охотно присоединился к врагам римлян, названным здесь «родом Агенора» по финикийскому царю Агенору, отцу Европы и Кадма). Считалось, что привольная жизнь в Капуе оказалась вредна для боевого духа карфагенян. В нескольких последующих кампаниях Марцелл не нанес Ганнибалу ни одного решительного поражения, но своими успешными действиями так истощил его силы, что Ганнибал, лишенный к тому же поддержки из Карфагена, почти утратил инициативу и вскоре был вынужден перейти к обороне, а Капуя в 211 г. до н. э. была отбита римлянами.

^{106–108} *Там, воровавшись в Тарент...*— Взятый Ганнибалом в 212 г. до н. э. Тарент был в 209 г. отвоеван римлянами; однако и в течение этих трех лет тарентская цитадель удерживалась римским гарнизоном. Жители Тарента держали сторону Ганнибала, за что жестоко поплатились после взятия города (в рабство было продано до 30 тысяч пленных).

^{109–112} *...Метавр вскипает пунийской кровью...*— река между Апеннинскими и Адриатической, на берегу которой в 207 г. до н. э. консул Клавдий Нерон разбил карфагенское войско, предводительствуемое братом Ганнибала Гасдрубалом («Гамилькаридом»), который в этом сражении был убит.

¹¹⁶ *...вождь побежденный...*— Гасдрубал Гисгонид, потерявший Испанию (см. также примеч. 124–126).

¹¹⁷ *...Карфаген на испанских брегах...*— Сципион взял Новый Карфаген в 209 г. до н. э., в один год со взятием Тарента и за два года до битвы при Метавре, однако стихотворец нарушает хронологическую последовательность ради географической: сперва война в Италии, затем война в Испании.

¹⁹⁹ *...священный праздник...*— Так как взятие Нового Карфагена фактически означало победу над Испанией, то Сципион отпраздновал его очень пышно.

¹²⁰ *...облаженные родственной кровью...*— Возможно, имеется в виду, что жертвы в честь победы приносились на новокарфагенских алтарях, залитых кровью защитников города (здесь текст явно испорчен).

¹²¹ *...гесперийский царь...*— Трудно понять, о ком идет речь: царей в Испании не было. Возможно, следует читать «нумидийский царь»— тогда это Сифак или Массинисса.

¹²² *...образцы целомудрия...*— Т. е. деликатное обращение с новокарфагенскими пленницами и возвращение родителям непорочной и прекрасной невесты испанского князя Аллуция.

^{124–126} *...Гасдрубал... Сифак...*— Гасдрубал, потеряв Испанию, стал готовиться к защите от Сципиона в Африке, но был лишен должности и едва избежал казни, а в конце концов был все же принужден к самоубийству, причем его «сильнейшими врагами» оказались не римляне, а сограждане. Отчасти сходной была судьба Сифака, который после разрыва с римлянами оказался не только их врагом, но также и врагом своего соплеменника Массиниссы, который помог римлянам его разбить и получил почти все его царство.

¹²⁸ *...италийской земли покоритель...*— Ганнибал, в 203 г. до н. э. отозванный в Африку.

^{140–141} *...луниец, разбит... и убегает...*— После битвы при Заме до трех четвертей карфагенских воинов были убиты или взяты в плен. Следуя Ливию, стихотворец заканчивает историю войны поражением Ганнибала (202 г. до н. э.), но о бегстве его к Антиоху не говорит: «убегает» Ганнибал в Карфаген.

^{149–154} *...следами Марона...*— Имеется в виду описанный Вергилием прототипический конфликт Рима и Карфагена: неудачная любовь Дидоны (Элиссы), дочери Бела, к троянцу (фригийцу, отсюда «фригийские искры») Энею. Дидона перед смертью пророчесствует о будущей вражде двух городов («Энеида», IV, 622–629), это сбывшееся пророчество и должен воспеть следующий за Вергилием Петрарка. То, что всякий латинский эпос в той или иной мере подражает «Энеиде», для стихотворца самоочевидно; но он мечтает еще и о сюжетном преемстве.

¹⁵⁵ *...и над ними — всевышних...*— Конфликт между людьми по устойчивой гоме-

ровской традиции так или иначе соответствует конфликту между богами (в «Илиаде» боги даже воюют каждый за «своих»).

¹⁵⁸ *Энио* — обычно так зовется богиня войны Беллона, но иногда также Рея, мать богов. Изначально это имя было культовым прозвищем малоазиатской Кибелы в ее кровожадной ипостаси; вероятно, ее и имеет в виду Колуций.

¹⁵⁹ *Многие думают так...* — Вряд ли перечисляемые далее поэтические образы отражают реальные слухи: скорее, они созданы самим Колуцием в соответствии с его представлениями об эпических красотах, сформировавшимися не без влияния Клавдиана с его почти барочной поэтикой.

^{165—174} *...текущие с запада реки...* — Перечисляются реки Транспадаванской Галлии: чтобы перекрыть их течение, Тибр, текущий с Апеннин к югу, должен повернуть свои воды вспять («отец-Тибр» всегда был для раннего Рима надежным рубежом, «заступником»; образ «реки-стены», вздыбленной бегущими вспять водами, еще традиционнее). *Тицн* стекает с Альп западнее (золотоносность его преувеличена), *Атезис* — восточнее и в своем пути поворачивает близ Вероны на восток («изогнутый в беге»). *Эридан* — поэтическое название Пада. *Бенак* — самое большое озеро в бассейне Пада близ Вероны, из которого вытекает река Минций (поэтому оно «отецское»; кроме того, в этих краях родились Вергилий и Катулл). *Тимав*, короткий и полноводный, впадает в Адриатику к северу от Пада. *Аддуа* вытекает из альпийского озера Комо и сливается с Падом близ Кремоны. *Рубикон* — одна из мелких речек, текущих в Адриатику с Северных Апеннин; считалась границей Италии и провинции Галлии. Когда в 49 г. до н. э. проконсул Галлии Цезарь перешел Рубикон, это означало его вторжение в Италию и начало гражданской войны. *Мегавр* — см. примеч. 109—112.

^{175—182} *...этрусских рек череда...* — Здесь стихотворец переходит к перечню рек родной ему Тосканы, текущих с Апеннин в Тирренское море. Самая северная из них, *Макра*, считалась (как и Рубикон) границей между Италией и Цизальпинской Галлией. Самая южная, *Умброн*, названа «хищником света» по этимологии (видимо, ошибочной) от латинского «umbra» — «тень». Между ними в море впадает река Арн, «где стоит Флоренция» и при устье которой — гавань Пиза, а истоки которой в Апеннинах находятся рядом с истоками Тибра («брата»). Остальные реки ничем не замечательны.

^{183—188} *Есть рассказ...* — Патриотическая легенда, вполне правдоподобная хронологически, так как Ганнибал лишился глаза именно при переходе в среднюю Италию (по болотам, где предположительно и сделался жертвой какой-то инфекции). Вскоре после того он выиграл битву при Каннах, так что Арн помог «брату» плохо: односторонность Ганнибала не повредила ни его военному таланту, ни даже здоровью. Вполне возможно, что этот неуклюжий миф сочинен самим Колуцием: время создания очевидно (процветающая Флоренция и нарождающийся гуманизм с его «римской идеей», т. е. как раз период мечтаний о публикации «Африки»), характер автора тоже очевиден (ретивый гуманист и плохой поэт), да и трудно вообразить, чтобы сюжеты такого качества еще и заимствовались, — обычно их оставляют на совести создателя.

^{189—193} *Есть и такие меж нас...* — Это мнение возникло сразу после того, как Ганнибал не занял Рима, хотя был «у ворот», и сохранено Ливием. Вполне вероятно, что Ганнибал и вправду испугался недоброго знамения — долгой грозы. *Субурра* — сначала предместье, а потом район Рима между Целийским и Эсквилинским холмами.

¹⁹⁶ *...святой «Сципиады»...* — Сам Петrarка обычно называл свою поэму «Африкой», но другими она порой называлась по имени героя — «Сципиада» (ср. частое у Петrarки «Сципиад» в значении «отпрыск семьи Сципионов»).

^{204—215} *Или, быть может...* — Так как первое объяснение (стр. 197—203) явно неудовлетворительно, автор предлагает другое, более подходящее к шекотливому праву Петrarки. Все приведенные здесь и далее доводы логичны, а потому лишний раз заставляют думать, что Петrarка выделял «Африку» из прочих своих произведений, считая ее предназначенной не для своего века.

^{229—232} *...если древний Гомер...* — Завистником и ненавистником Гомера традиционно считался грамматик и ритор III в. до н. э. Зоил, работавший в знаменитой Александрийской библиотеке и за язвительность и склонность к мелочным придиркам получивший прозвище «риторический пес». Имя его стало потом нарицательным, «Зоилом» Вергилия был прежде всего его современник Нумиторий по прозви-

щу «бич Вергилия», попрекавший Вергилия заимствованием строк и оборотов из Гомера; Петрарке он был знаком по «Сатурналиям» Макробия (IV, 3, 16). Так как себя поэт уподоблял Вергилию (которого иногда даже называл «братом»), то критиков своих — Нумиторию и его еще менее знаменитым последователям; впрочем, «зубы» и «лай» (стр. 231—232) скорее указывают прямо на «пса» Зоила.

^{244—247} ...не единой ли ты обязан «Африке»... — Некоторая натяжка: Петрарка начал поэму, будучи уже весьма известным литератором, а громкой своей прижизненной славой был обязан все-таки скорее опубликованным произведениям, чем утрачиваемой «Африке». Однако как раз венком он был, по общему (и им же поддерживаемому) мнению, обязан отчасти «Африке» — точнее, первым четырем ее песням, которые (или отрывки из которых) он читал Роберту в Неаполе.

²⁵³ ...развязаны в прозу... — Гексаметр Петрарка называет «Гомеровою уздою», о ритмической прозе, характерной для средневековой латыни, говорил, что это «Исократова упряжь» (так как зачинателем ее считался афинский оратор IV в. до н. э. Исократ). Стихотворец имеет в виду новую для Петрарки и его современников «Цицеронову» прозу, по-видимому, воспроизводящую едва ли не разговорный слог и от того кажущуюся «развязанной» и легкой (это касается прежде всего писем Цицерона, которым Петрарка старательно подражал), — хотя именно такая проза, как показывает вся история литературы, труднее всего дается сочинителю.

²⁵⁵ ...лишь «Африка»... — Ср. примеч. 244—247. Существенно и то, что престиж эпической поэмы был (как и в древности) выше престижа иных жанров, так что поэт, написавший ее, ею и был преимущественно знаменит (как Вергилий — «Энеидой»).

²⁶⁵ ...родина наша! — Флоренция.

III. ПОСЛАНИЕ ВОЗРАЗИТЕЛЬНОЕ К КОЛУЦИЮ ПИЕРИЮ

^{1—9} *Голос, ведомый всем...* — Здесь чувствуется влияние сразу двух важных тем «Африки»: темы «Цицеронова рая» и темы величия поэта. У Петрарки (как и у Цицерона) поэтов на небесах нет.

^{11—14} ...Писрий меня, как прежде, призывает... — Колуций явно не раз побуждал Петрарку к изданию «Африки».

¹⁴ ...замысел битвы при Каннах... — Эта битва в «Африке» не описывается, но текст так испорчен, что вместо «Канн» в этом полустииши могла быть названа другая битва (например, при Заме), почему-либо замененная переписчиком на самую знаменитую из битв.

^{19—32} ...певцы извращают... — Логическое противоречие: после пренебрежительно-го отзыва о певцах утверждается, что не только Вергилий, статусом равный пророкам, но также и другие (не сопоставимые с ним) поэты находятся в небесном раю.

^{36—37} ...которого тело... — См.: «Африка», I, 12—13.

^{38—41} ...с Парнасских отрогов... — См.: Там же, 14—16.

⁴⁴ ...о «Сципиаде»... — См. II, 196 и примеч.

⁴⁵ ...Пимплейские Музы... — Этот ученый эпитет относительно редко применяют к Музам даже античные поэты: он происходит от названия легендарного города Пимплея то ли во Фракии то ли в Беотии близ Геликона — на родине муз, обычно отождествляемой с одной из этих стран.

⁴⁷ ...казались мне грубы... — «Грубость» Писания сравнительно с прекрасной, но как бы лживой античной словесностью была болезненной проблемой уже для св. Иеронима, о чем он часто и горько рассуждает в письмах. Известно, что среди гуманистов сходными проблемами мучился Боккаччо, который собрался даже как-то постричься в монахи — отговорил его именно Петрарка, умевший достаточно безболезненно совмещать самую искреннюю набожность со столь же искренней страстью к языческой древности (психотерапевтические способы такого совмещения были указаны еще отцами Церкви, например, Василием Великим). Судя по «Африке» и не только по «Африке», идея Рима была ценна для Петрарки именно своей цельностью — от Ромула до Треченто.

⁵⁷ *Темплейская роща* — лесистая долина в Фессалии между Олимпом и Оссой, посвященная Аполлону. *Бренга* — река в Северной Италии, впадающая в Венецианский залив; у римлян она называлась Медоак (иногда Медоак Большой), однако слава к ней пришла лишь вместе со славой Венеции, поэтому автор, возможно, даже и не

знает ее латинского названия или почитает таковым итальянское, так как звучание его вполне удовлетворяет латинской фонетике.

⁵⁸ *...Евганейских холмов... виноград...* — См. I, 105 и примеч.

⁵⁹ *...лебединая песня.* — По-русски это словосочетание означает предсмертную песню, так как лебеди, по народному поверью, поют лишь перед смертью, однако в данном случае (хотя и подразумевается как бы последний труд поэта) гораздо актуальнее то, что лебедь — птица Аполлона, и певец отождествлен с лебедем в знаменитой оде Горация (II, 20); поэтому здесь «лебединую песню» следует понимать скорее как «божественный напев».

⁶⁰ *Минций* — приток Пада, вытекающий из Бенакского озера (см. II, 170 и примеч.). На берегу Минция стояла Мантуя, родной город Вергилия, воспевшего Энея, как флорентиец Петрарка — Сципиона: так сравнение рек предваряет сравнение героев.

⁶³ *Эакид* — Ахилл, внук Эака. Хотя таким же Эакидом был Аякс Великий (его отец Теламон, как и отец Ахилла Пелей, был сыном Эака), но Ахилл — главный герой «Илиады» (как *Улисс* — «Одиссеи»), так что речь идет именно о нем. Ахилл вообще гораздо чаще Аякса именуется Эакидом, а к тому, что герои это — двоюродные братья, внимание читателей и слушателей обычно не привлекается (вероятно, потому, что слишком многие эпические герои в родстве друг с другом).

⁶⁵ *...Родопский изгнанник.* — Орфей, обитавший во Фракии в Родопских горах. Изгнанником он назван за свою неудачную попытку спасти Евридику от смерти, после чего родина сделалась для него страной изгнания.

⁷⁰ *...на небесном... языке...* — Т. е. насыщенном усложненной поэтической лексикой (при том, что происхождение поэзии — небесное).

⁷⁶⁻⁷⁷ *Донийского тока крепко дышанием...* — Типичный пример «небесного языка»: имеется в виду вдохновляющий поэтов источник Гиппоклены на Геликоне (см. примеч. I, 133).

⁸⁰⁻⁸² *...рад придумывать реки...* — См. II, 165—182: действительно, Колуций перечисляет 16 рек, иные из которых совершенно неизвестны.

⁸³ *Скользны глазами по воску!* — Т. е. «почитай, что написано на самом деле». Римляне часто писали на воощеных табличках — и не только краткие послания, но даже метрические свидетельства (папирус и пергамент были дороги). Обычай этот держался на протяжении всего Средневековья — и хотя «Африка» была написана, конечно, не на воске, но подобные выражения демонстрировали не только гуманистическую просвещенность, а также и «вживание в образ древнего римлянина» и потому были распространены.

⁸⁴⁻⁸⁶ *Видишь, как сына во сне...* — Имеются в виду первые две песни «Африки» (сон Сципиона).

⁸⁷⁻⁸⁹ *...видишь, как вождю...* — Имеются в виду III и IV песни, когда Лелий стоваривается с Сифаком о визите Сципиона: IV песнь кончается именно «половиной стиха». Авелла (или Абелла) — город сравнительно недалеко от Рудий, родины Энния (города, населенного древним племенем осков). Видимо, автор имеет в виду, что рассказ Лелия правдивее повествования Энния, — это не попрек Эннию, а комплимент искусству Петрарки.

⁸⁹⁻⁹¹ *...каким смертельным напитком...* — Развязка V песни «Африки».

⁹²⁻⁹⁴ *...как вероломный Сифак...* — Пленный Сифак изображен в песни V, но здесь явно имеется в виду его отправка в Рим и поход Сципиона в карфагенские земли (начало VI песни).

⁹⁴⁻⁹⁵ *...и как Магон... гибель... находит...* — Об этом повествуется в конце VI песни.

⁹⁶⁻¹⁰² *...как Ганнибалову клятву в ничто...* — Здесь несколько бессвязно пересказывается VII песнь (переговоры полководцев, решение о битве, ночь перед битвой на небесах, битва и победа римлян).

¹⁰² *...как град вероломный...* — Рассказ о карфагенских посольствах занимает середину VIII песни. Обсуждение подвигов Ганнибала и Сципиона в сравнении с Александром Великим и Пирром (начало) и заключение мира (конец) в пересказе опущено.

¹⁰³⁻¹⁰⁸ *На опаленных судах...* — Здесь кратко пересказывается IX песнь. Суда названы «опаленными» потому, что в конце VIII песни Сципион (по условиям мира)

жжет карфагенский флот: копоть от пожара изображена осевшей на римских судах.

¹³³ ...приятель Парфений... — Лицо неизвестное.

¹⁴³ ...ибо великий труд... — См.: «Африка», VII, 292.

¹⁴⁶ ...Африке, взятой в узду... — Каламбур: Африкой называются сразу завоеванная (взятая в узду) страна и стихотворная (в «гомеровой узде» — см. примеч. II, 253) повесть об этом завоевании, т. е. поэма, которая должна быть вверена ученому редактору-правителю (возможно, на эту должность притязал сам Апастасий).

IV. КОЛУЦИЯ САЛЮТАТИ К ФРАНЦИСКОЛУ ИЗ БРОССАНО ПОСЛАНИЕ

¹ ...«Трудный путь одолен благочестностью...» — Источник цитаты не установлен.

² ...как Назон для «Энеиды» сочинить кратчайшее содержание для каждой книги... — Краткие стихотворные или прозаические «предуведомления», помогающие читателю ориентироваться в сюжете, были обычны уже в древности и для «Энеиды» сохранились во многих вариантах, хотя Овидий в числе «предуведомителей» Колуций называет ошибочно (скорее всего, повторяя чью-то ошибку). «Предуведомления» к «Африке» были в конце копцов сделаны, но не Колуцием, а Вергерием — в нашем издании они помещены. О правке Колуция см. преамбулу комментария к «Африке».

³ ...отослать один в Болонское училище... — Не только потому, что Болонский университет был старым и почтенным, но и потому, что сам Колуций учился именно там (характерно, что об alma mater канцлер вспомнил, а послать список в Рим даже и не думал — его «римский патриотизм» в отличие от «римского патриотизма» Петрарки был лишен всякой конкретности).

⁴ ...служебных моих обязанностей... — Колуций уже был канцлером, всячески способствуя превращению Флоренции в «столицу гуманизма».

⁵ Царь наилучший! — См.: «Африка», III, 271–272.

⁶ Ласково царь отвечал... — См.: Там же, 333–334.

⁷ А далее пропущено... — Таким образом, Колуций первым среди последующих текстологов вменяет Петрарке в обязанность последовательный и без пропусков пересказ Ливия, мотивируя это требование связностью повествования, так как от пропущенного «зависит все последующее» (см. ниже).

⁸ ...не менее двух книг... — Колуций не оговаривает, каких, хотя «книги» (песни) поэмы очень разнятся объемом. Видимо, имеются в виду песни, предшествующие «пропущенному» (их средний объем — около 600 ст.). Впрочем, подсчет может строиться и на другом принципе, а именно сюжетном (как и у Петрарки): одна книга должна быть о событиях в Италии, другая о событиях в Африке после высадки Сципиона — тогда объем их неактуален.

⁹ ...по ошибке переписчика. — Ошибок и пропусков у переписчиков всегда хватало, но потерять две песни, да еще при живом заказчике, представляется чем-то невероятным. Поэтому и сам Колуций ищет более правдоподобных объяснений.

¹⁰ ...после первого издания... — Это не публикация, а первая рукописная редакция, за которой последовала другая (в одной тетрадке). Самой поэмы друзья не читали, но тетрадку видели.

¹¹ Может быть, тут он и решил... — Здесь Колуций впервые допускает возможность, что сюжет «Африки» не был пересказом Ливия, хотя причину этого видит не в художественном замысле поэта, а в его исторических воззрениях.

¹² ...бросить в огонь... — Эта столь страшившая всех возможность сожжения поэмы здесь просто подчеркивает трудность задачи, которую Колуций намерен решать текстологическими методами.

¹³ ...память... будет держаться... на этой книге... — Начатое комплиментами поэме послание завершается ими же: посредством этого приема письмо оказывается как бы выражением благоговейного восхищения трудом усопшего, а менее приятные подробности сообщаются в середине, как бы между делом: традиционный прием цидероновской риторики.

¹⁵ ...долю скорби... — Это скорбь не о «лакуне» между IV и V песнями, а о смерти поэта.

¹⁶ ...твоего дражайшего родителя... — Уважительное именование тестя.

¹⁷ ...пятый день до февральских календ. — 28 января 1377 г.

СОДЕРЖАНИЕ

АФРИКА

	Текст	Прим.
Предуведомление к поэме ¹	5	
Предуведомление к песни первой	6	
ПЕСНЬ ПЕРВАЯ		
Вступление, в коем поэт просит помощи у Муз и у Господа нашего (1–18), а затем вверяет себя покровительству Роберта Анжуйского (19–70), а затем рассуждает о началах вражды между Римом и Карфагеном и о горькой судьбе Испании (71–114), а затем повествует о том, как после изгнания финикийня из помянутой страны Сципион замышляет поход во вражескую землю и, среди трудов своих погрузившись в дремоту (115–160), видит сон: нисходит к нему убиенный его родитель и вводит научения ради в небесное свое обиталище (160–190), и там рассказывает о собственной своей гибели от мечей финикийских и о таковой же гибели брата своего (190–330), и о такой же гибели distinguished мужей, чьи души обретаются среди звезд и юным Сципионом зримы (331–421); а после является юноше помянутый дядя его по отцу и наставляет его в благочестности (422–500), и показывает ему вознесшихся к небесам римских царей (501–536) и древних героев (537–594)	6	251
Предуведомление к песни второй	21	
ПЕСНЬ ВТОРАЯ		
Продолжение сна Сципиона: вопрошает юноша родителя своего о грядущем (1–30), и тот предрекает ему победу, а Ганнибалу поражение и погибель (31–113), а после пророчествует о будущем величии державы Римской и о славных мужах, коим суждено явиться на свет (114–258), но притом сулит Риму упадок и разрушение (259–326), ибо все земное бренно и желание чести суетно, чаять же должно лишь бессмертия души (327–440), а после предрекает, что родится в краю тусков певец подвигов Сципионовых (441–454), однако же наставляет сына о бренной сей славе не помышлять, но уповать на единую доблесть (454–509) и во всем доверяться друзьям, а наипаче – Лелию (510–530), а когда спрашивает сын о собственной участи своей, то предрекает ему родитель многие от отечества обиды, хотя и предостерегает, что не пристало злоститься на отечество сверх меры (531–549) – тут и конец сну Сципионову	21	261
Предуведомление к песни третьей	35	
ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ		
Пробудясь от сна, Сципион печалится, что мало беседовал с отцом (1–21), а затем спешно зовет к себе Лелия и изъясняет ему намерение свое		

¹ Все «Предуведомления» и песнь VIII переведены М. Л. Гаспаровым, песни VI и VII – совместно Е. Г. Рабинович и М. Л. Гаспаровым, песни I–V, IX – Е. Г. Рабинович.

Текст Прим.

биться с врагом на вражьей земле, и для того велит ему отправиться к царю Сифаку, дабы заключить с ним союз (21–82); и так Лелий прибывает к Сифаку и созерцает предивное убранство дворца его (83–266), а после передает царю просьбу Сципиона о союзе и вручает присланные от Сципиона дары (267–332), Сифак же речь его слушает приветливо и дары приемлет, однако желает видеть самого Сципиона (333–361), а ради Лелия устраивает пир (362–377), по окончании коего юный певец поет о родине своей от оных времен до сих, а после царь приглашает также и Лелия поведать о началах римского народа и о деяниях римлян (378–458), на что Лелий рассказывает царю о бегстве Энея из Трои и о потомках его от Юла до Ромула, и о знатнейших римских семействах (458–546), и о подвиге Квинта Курция (547–595), и о сходных подвигах трех Дециев (596–622) и Регула (623–642), и о спеси Тарквиния Гордого и семейства его (643–683), и о гибели целомудренной Лукреции (684–735), каковая гибель явилась причиною изгнания царей и установления народовластия, жиджителем коего был доблестный Брут (736–802)	35	271
Предуведомление к песни четвертой	54	
ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ		
Сифаку древних сих преданий не довольно, ибо желает он знать поболее о геройствах Сципионовых (1–31), и Лелий восхваляет доблесть и лепоту, и вежество друга своего и вождя (32–104), и передает молву о дивном его рождении, коему порукой великое его благочестие (105–122), а после изъясняет, сколь любезен сей полководец воинству своему и сколь грозен Карфагену (123–165), и повествует о том, как в отроческих летах спас он от вражьих мечей отца своего (166–179) и как после битвы при Каннах, когда среди общего уныния и ужаса задумали иные юноши из отечества своего бежать, одолел он их трусость храбростью своею и так оборонил Рим (179–241), и как после гибели родителя своего и дяди отправился он отмщения ради в Испанию и сокрушил Новый Карфаген (242–329), а после мудро рассудил спор между воинами своими (330–374) и явил милость побежденным, измлада умея подчинять страсти свои целомудрику (375–388)	54	289
Предуведомление к песни пятой	64	
ПЕСНЬ ПЯТАЯ		
После поражения Сифака Массинисса, враг его, победителем вступает в столицу его Цирту, где предстает очам его Сифакова супруга Софонисба (1–19), и столь она прекрасна, что воспламеняется юноша великою к ней любовью (20–76), а она слезно молит не отдавать ее римлянам на бесчестие, но лучше умертвить (76–106), царь же ее утешает и просит быть ему женою (107–123), и она соглашается, ежели обещает он ей спасение от римлян (123–153), он же в душевном смятении надеется на кротость державного друга своего, так что обещание сие дает (154–244) и женится на чужой жене (245–272); но молва о преступном их супружестве достигает Сципиона, да притом и плененный Сифак обнаруживает обиду свою и винит супругу свою в войне, и так окончательно убеждает римлянина, что нечестива свадьба Массиниссы (273–379); и когда является тот в римский стан, требует Сципион выдать ему вероломную царицу (380–437), и всю ночь обуревают смута душу Массиниссы (438–692), но наконец во исполнение клятвы посылает он возлюбленной жене своей чашу с ядом, которую она, прежде проклявши Сципиона и заодно Массиниссу со всем родом его, бесстрашно испивает (693–773)	64	296

	Текст	Прим.
Предупреждение к песни шестой	82	
ПЕСНЬ ШЕСТАЯ		
Тень Софонисбы нисходит в преисподнюю и предстает пред адскими судьями, кои отсылают ее в сужденное ей узилище (1-34), где зрит она тени тех, кому причиною смерти стала любовь (35-73), а на земле меж тем все оплакивают кончину ее (74-88); а после сего Сципион объявляет войску решение свое идти на Карфаген (89-146) и утешает Массинису дарами и почестями (147-174), а Лелия отсылает в Рим доставить пленников, в числе коих Сифак (174-219), навек прощающийся с отечеством и проклинающий Ганнибала (220-287); меж тем к выступившему в поход Сципиону является карфагенское посольство просить мира (288-343), условия коего тот назначает, а покамест заключает с врагами перемирие (343-372),— им же лишь того и надобно, ибо зовут они Ганнибала воротиться и защитить отечество, а он без охоты повинуется (343-372), напоследок устроивши нечестивую резню в Кротоне (452-483), и по пути на родину вспоминает бывшие битвы и горюет, что не взял Рима (597-624) и слушает рассказ старого моряка о вероломном убийении Ксантиппа и как воздалось карфагенянам за смерть его (524-700); а между тем карфагенское посольство является просить мира в римский Сенат, но отослано без чести (701-751), и в это же время карфагенская чернь грабит римские суда и оскорбляет римских послов, кощунственно нарушая перемирие (752-816), по Сципион не унижается до мести (717-838); и об эту же пору молодой Магон, также призванный в Карфаген, отплывает из Генуи (839-884); но близ Сардинии достигнут смертью (885-918)	82	307
Предупреждение к песни седьмой	104	
ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ		
Ганнибал, не зная о смерти брата, чает встречи с ним и замышляет новые подвиги (1-19), но к африканскому берегу пристает при недобрых знамениях (20-30), меж тем как и римляне смущены пророчеством Фабия об африканском походе, хотя и ободрены мыслью о доблести Сципионовой (31-89); Ганнибал же посылает к римскому стану согладатея, кои взяты в плен, но встречены Сципионом с превеликим гостеприимством, ибо водят их Сципионовы люди повсюду и все им показывают, а после отпускают — и таковая милость устрашает Ганнибала, который просит переговоров, и Сципион говорить с ним согласен (90-155), так что встречаются вожди на кургане в виду обоих воинств, и Ганнибал склоняет Сципиона заключить мир, довольствуясь имеющимся (156-367), но Сципион требует повинной мзды, а потому вожди расходятся, и быть битве (367-449), к коей и начинаются приготовления в обоих станах (450-499); ночью же накануне великого сражения являются пред престолом Всевышнего обе столицы и просят за чад своих, одна за Ганнибала и другая за Сципиона (500-658), а Всевышний обещает им вскорости родиться во плоти и воздвигнуть земной престол свой у завтрашних победителей (659-726), после чего наконец занимается заря, и Сципион строит полки и бодрит воинов речью (775-830), а Ганнибал тоже строит полки (831-863), и речь его к воинам не менее ободрительна, чем Сципионова (864-915), но еще до окончания слов его разгорается великая битва при Заме (916-1088), в коей Ганнибал терпит поражение (1089-1120), бежит и укрывается в Карфагене (1121-1130)	104	317
Предупреждение к песни восьмой	130	
ПЕСНЬ ВОСЬМАЯ		
Победителям достается богатая добыча (1-33), и они возвращаются в		

Текст Прим.

свой стан, где Сципион беседует с друзьями о завершившейся битве, и Лелий с Массиниссою его восхваляют (33–78), сам же он пуще хвалит Ганнибала, и превозносит его выше Александра и Пирра (79–144), однако в споре общим мнением побежден и признан из полководцев величайшим (144–243); и Лелий отправляется в Рим возвестить победу (244–247), а между тем в Карфагене царит страх, и призывают сограждане Ганнибала из убежища его для совета, а он велит им заключать мир любой ценою (248–288), сам же тайно покидает город и по морю бежит к Антиоху (289–358); а тут уже и Сципион подступает к Карфагену (359–415), близ коего Вермина, сын Сифаков, внезапно нападает на римлян, но ими побит (416–446), карфагеняне же избирают тридцать старцев молить Сципиона о пощаде (447–458); а между тем в Риме исход войны еще неведом (459–481), и консул Клавдий отправляется в Африку, чая разделить славу победы Сципионовой, но флот его разметан бурей (482–546); а уже весть о победе достигает Рима (547–555), однако Лентул, преемник Клавдия, равно желает себе чести от чужих трудов, и по сему поводу рассуждает Поэт, сколь пагубна для человека зависть (556–611); к Сципиону же является упомянутое посольство и просит пощадить город, а вождь соглашается лишь при условии, что не будет у карфагенян ни войска, ни флота (612–674), а те поневоле соглашаются и шлют в Рим новое посольство к великому неудовольствию Лентула (675–692), каковое посольство возглавляет премудрый Гасдрубал Гедус, который пред Сенатом обличает Ганнибала и вызывает к милосердию, да будет мир (693–834), — и так между Римом и Карфагеном заключается мир (835–845), после чего римляне показывают гостям свой Город и святыни его (846–955), а когда встречают финикияне пленных сограждан, то отпускают римляне без выкупа двести пленников по выбору Гасдрубалу, так что тот благодарный и радостный покидает Италию (955–1004), а Сципион по заключении мира покидает Африку, предостерегая карфагенян от новых войн (1005–1068), и напоследок жжет их флот (1068–1084) 130 328

Предупреждение к песни девятой 155

ПЕСНЬ ДЕВЯТАЯ

Сципион с войском плывет домой и просит Энния развлечь его рассказом (1–22), а тот восхваляет победоносного вождя и сокрушается несообразностью скудного своего дара и достославных деяний Сципионовых (23–64), а затем все же изъясняет, сколь согласна поэзия с правдою и каково сокровенное значение лавра (65–123), а затем по просьбе Сципионовой рассказывает, сколь дорог сердцу его Гомер (124–158) и какое было ему сновидение перед битвой при Заме: явился к нему Гомер в обличье слепого старца и беседовал с ним о зрении ложном и сущем, и предрек римлянам победу (159–214), а после показал ему юношу, еще не родившегося на свет, коему суждено воспеть по достоинству подвиги Сципионовы, имя же юноше Франциск, а поэма его зовется «Африка» (215–289); и доволен Сципион рассказом, согласным с пророчеством родителя его (290–307); а после приплывают они в Италию и шествуют по стране среди общего ликования (308–321), и наконец справляет Сципион свой триумф и делит лавры с Эннием (322–402), а о дальнейшей судьбе героя своего Поэт говорить не хочет, ибо она печальна (403–420), и потому прощается с поэмой своей, оплакав смерть доброго Роберта и отвратившись душою от жестокого и косного века своего, дабы завещать славу свою и «Африку» свою потомкам (421–477) 155 343

ДОПОЛНЕНИЯ

«АФРИКА». Пер. С. К. Анта 168
Песнь пятая 168

	Текст	Прим.
Песнь шестая (ст. 839—918)	184	
Песнь девятая (ст. 1—210)	186	
ПРОИЗВЕДЕНИЯ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ОБНАРОДОВАНИЮ ПОЭМЫ		
«АФРИКА». Пер. М. Л. Гаспарова	192	355
I. Стихи Иоанна Боккация Церталидского в защиту «Африки» Петрарки, да будет она издана в свет	192	355
II. Стихи к Петрарке от Колуция Пиерия, побуждающие его к изданию «Африки» в свет	196	357
III. Послание возразительное к Колуцию Пиерию из Стиньяно, канцлеру Флорентинскому, о том, что не должно было издавать в свет «Африку» при жизни Франциска Петрарки	202	361
IV. Колуция Салютати к Францисколу из Броссано послание	205	363

ПРИЛОЖЕНИЯ

<i>Е. Г. Рабинович. ОБ «АФРИКЕ» ПЕТРАРКИ . . . . .</i>	211
ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ФРАНЧЕСКО ПЕТРАРКИ. Составил М. Л. Гаспаров	241
ПРИМЕЧАНИЯ	250
Франческо Петрарка. Африка. Составила Е. Г. Рабинович	250
Дополнения	353
Произведения, относящиеся к обнародованию поэмы «Африка». Составила Е. Г. Рабинович	355

Франческо Петрарка

АФРИКА

Утверждено к печати Редколлекцией серии «Литературные памятники»

Редактор *Е. Л. Никифорова*. Художник *В. Г. Виноградов*
Художественный редактор *Н. Н. Михайлова*
Технический редактор *И. Н. Жмуркина*
Корректоры *Н. П. Гаврикова, Л. И. Левашова, Ф. Г. Сурова*

ИБ № 47459

Сдано в набор 14.12.90. Подписано к печати 20.03.91. Формат 70×100^{1/16}
Бумага офсетная № 1. Гарнитура обыкновенная. Печать офсетная
Усл. печ. л. 29,9 Усл. кр. отт. 31,2. Уч.-изд. л. 28. Тираж 10 000 экз. Тип. зак. 887

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

II
ФРАНЧЕСКО ПЕТРАРКА • АФРИКА
II

ФРАНЧЕСКО
ПЕТРАРКА
—✂—
АФРИКА

